

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

*Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1957*

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

АРХИПЕЛАГ В ОГНЕ

РОБУР-ЗАВОЕВАТЕЛЬ

СЕВЕР ПРОТИВ ЮГА

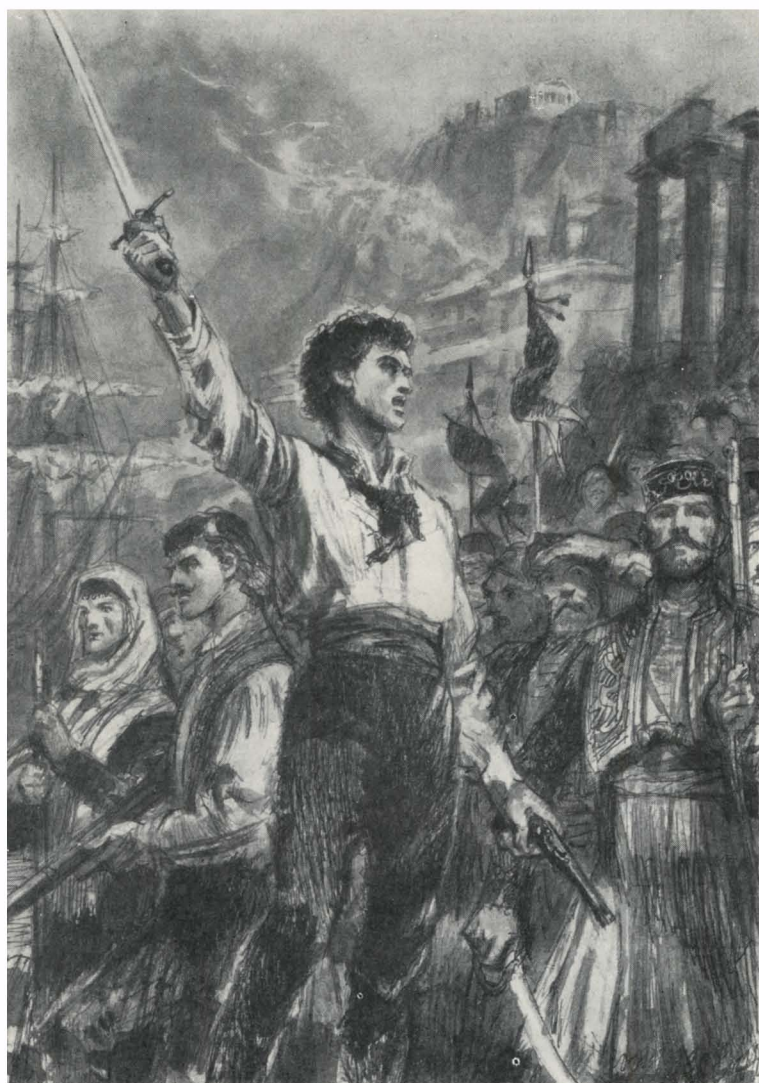

Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1957

Издание осуществляется под редакцией
Б. Н. Агапова, проф. Ю. И. Данилина,
акад. Д. И. Щербакова

Переводы с французского

Иллюстрации художника
П. И. Луганского

АРХИПЕЛАГ В ОГНЕ

*Перевод С. М. Викторовой и С. Е. Шлапоберской
под редакцией Я. З. Лесюка*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Корабль в открытом море

Восемнадцатого октября 1827 года, около пяти часов вечера, небольшое левантское судно, держась круто к ветру, стремилось до наступления темноты достигнуть гавани Итилон, лежащей у входа в Коронский залив.

Гавань эта — Гомер называл ее Этил — расположена в одном из трех глубоких вырезов, образованных Ионическим и Эгейским морями, благодаря которым Южная Греция напоминает своими очертаниями лист платана. На этом подобии зубчатого листа и раскинулся древний Пелопоннес — современная Морея. Первый из этих вырезов — Коронский залив — заключен между Мессинией и Мани; второй залив — Марафонский — широким полукругом врежется в побережье суровой Лаконии; третий — Навплийский — отделяет Лаконию от Арголиды.

К самому западному из них — Коронскому заливу — и относится гавань Итилон. Она притаилась в глубокой выемке среди скал отрогов Тайгета, этого хребта Манийского края, которые окаймляют восточный берег неправильной по форме бухты. Надежные стоянки, удобный фарватер, прикрывающие Итилон возвышенности делают эту гавань одним из лучших убежищ на побережье, где вечно бушуют средиземноморские ветры.

С итилонских пристаней нельзя было разглядеть приближающееся судно, которое шло в крутой бейдевинд против довольно свежего норд-норд-веста. Корабль еще отделяло от берега расстояние в шесть-семь миль. Хотя погода стояла очень ясная, даже верхушки самых высоких парусов и те едва вырисовывались на освещенном горизонте.

Но если снизу никто не мог бы различить корабль, то он был хорошо виден сверху, с гребней скал, господствующих над селением. Итилон возвышается амфитеатром на крутых обрывах — неприступном подножии акрополя древней Келафы. Над селением виднеется несколько старых башен — руины, не столь древние, как те любопытные развалины храма Сераписа, чьи ионические колонны и капители еще и поныне украшают итилонскую церковь. Недалеко от этих башен стоят две-три полузабытые часовенки, где церковные службы совершают простые монахи.

Здесь уместно объяснить, как надо понимать слова «церковные службы», а также, что представляют собою мессинские монахи, именуемые «калугерами». Кстати, один из них только что вышел из часовни и может быть описан с натуры.

В те времена религия в Греции еще оставалась своеобразной смесью языческих легенд и христианских догматов. Нередко верующие почитали античные божества как святых новой религии. Даже теперь, как отмечает г-н Анри Белль, они «отождествляют полубогов с апостолами, духов долин с ангелами рая и не делают различия между сиренами, фуриями и богородицей». Отсюда и берут начало некоторые странные обряды и нелепые обычаи, а духовенство зачастую только мешает верующим разобраться в хаосе полужазыческих, полухристианских воззрений.

В первой четверти XIX века, — действие нашего повествования начинается лет пятьдесят назад, — священники эллинского полуострова были особенно невежественны, а монахи, ленивые, недалекие и угодливые, не могли, разумеется, благотворно влиять на суеверное население, с которым держались на равной ноге.

И пусть бы эти калугеры были только невежестве-

ными! Но в некоторых областях Греции, особенно в глухих местностях Мани, монахи эти — выходцы из низов — невероятные попрошайки, по натуре и по необходимости, мастера выклянчивать драхмы у сердобольных путешественников, тунеядцы, у которых только и дела было, что подсовывать богомольцам для лобызания какой-нибудь захудалый образок да поддерживать в нишах огонь лампад, зажженных перед иконами, доведенные до отчаяния скудостью доходов, получаемых от десятины, исповедей, похорон и крестин, не гнушались исполнять обязанности дозорных — и каких! — состоящих на жалованье у жителей побережья.

Вот почему итилонские моряки, лениво лежавшие, по своему обыкновению, на берегу, подобно лаццарони, которые минуту работают — час отдыхают, разом вскочили, увидев, что их приятель-калугер, возбужденно размахивая руками, быстро спускается к селению.

Это был человек лет пятидесяти — пятидесяти пяти, очень толстый, вернее тучный, как все бездельники; его лукавая физиономия отнюдь не внушала доверия.

— Эй, отче, что там стряслось? — крикнул один из моряков, подбегая к монаху.

Итилонец сильно гнусавил (как видно, он на собственный лад поклонялся Венере не менее усердно, чем певец любви Овидий Назон); он изъяснялся на маниотском наречии — такой мешанине из греческого, турецкого, итальянского и албанского языков, какая могла возникнуть разве только при Вавилонском столпотворении.

— Уж не захватили ли солдаты Ибрагима вершин Тайгета? — спросил другой моряк, сопровождая свои слова беспечным жестом, свидетельствовавшим о весьма умеренном патриотизме.

— Только бы не французы, в них мало проку! — отозвался первый итилонец.

— Они друг друга стоят, — вмешался третий.

Эта реплика показывала, что освободительная борьба, даже в самый ее тяжелый период, не слишком занимала умы обитателей крайнего Пелопоннеса, столь не похожих на жителей северной Мани, доблестно сражавшихся за независимость родины.

Но калугер не мог ответить. Он запыхался, спускаясь по кручам. Его душила астма. Он тщетно пытался заговорить. Правда, один из его предков, марафонский воин, за минуту до смерти нашел в себе силу возвестить победу Мильтиада. Впрочем, здесь речь шла не о Мильтиаде и не о греко-персидской войне. Вряд ли этих свирепых обитателей крайней оконечности Мани можно было вообще считать сынами Эллады.

— Да ну же, отче, не тяни, выкладывай! — вскричал старик по имени Годзо, особенно нетерпеливый, словно он чутьем угадывал, какую весть принес монах.

Толстяк, наконец, отдышался. Указав рукой на горизонт, он прохрипел:

— Корабль в виду!

При этих словах бездельники вскочили на ноги, захлопали в ладоши и устремились к скале, господствовавшей над гаванью. С нее был далеко виден морской простор.

Человек посторонний объяснил бы их шумный восторг естественным интересом, какой вызывает у прибрежных жителей — фанатиков всего, что связано с морем, — любой корабль, показавшийся на горизонте. Но в данном случае дело было не в этом, вернее, оживление местных обитателей объяснялось интересом особого рода.

Даже в те дни, когда пишется наша история (не говоря уже о том времени, когда она происходила), Мани занимает исключительное положение среди прочих провинций Греции, вновь превратившейся по воле европейских держав, подписавших в 1829 году Адрианопольский договор, в независимое королевство. Маниоты, или те, кто под этим именем заселяет острожные полосы земли, образованные заливами, по-прежнему остаются полуварварами и больше дорожат личной свободой, чем независимостью родины. Вот почему во все времена попытки покорить приморскую косу Нижней Мореи ни к чему не приводили. Не удалось это ни турецким янычарам, ни греческим жандармам. Сварливые, мстительные, передающие, подобно корсиканцам, из поколения в поколение родовую

вражду, пока ее не потушит кровь, прирожденные грабители, которые, однако, свято чтут законы гостеприимства, готовые убить, если без убийства нельзя украсть, эти суровые горцы тем не менее считают себя прямыми потомками спартанцев; крепко засев в отрогах Тайгета, где сотнями насчитываются «пиргосы» — маленькие, почти совершенно неприступные крепости, — они весьма охотно играют двусмысленную роль владельцев средневековых замков у дорог, чьи феодальные права отстаивались с помощью кинжала и пищаля.

Итак, если маниоты и поныне еще почти дикари, то легко понять, что они представляли собой полвека назад. До того как установление регулярного пароходного сообщения решительным образом не пресекло морской разбой, в первой трети XIX столетия, маниоты были самыми дерзкими пиратами — грозой торговых кораблей на всех побережьях Леванта.

В силу своего положения на краю Пелопоннеса, у входа в два моря, поблизости от острова Чериготто, столь излюбленного корсарами, гавань Итилон была как нельзя более удобна для морских разбойников, хозяйничавших в водах Архипелага и по соседству с ним — на побережье Средиземного моря. Особенно дорожили они стрелкой мыса Матапан, завершавшей самую обжитую часть Мани, именовавшуюся тогда Каковоннийским краем. Оседлав этот мыс, они либо нападали на корабли прямо с моря, либо заманивали их к берегу ложными сигналами. Затем они их грабили и жгли. А судовую команду, независимо от того, кто входил в нее — турки, мальтийцы, египтяне и даже греки, — пираты безжалостно убивали или продавали в рабство на африканское побережье. Если же наступало вынужденное бездействие, если каботажные суда редко показывались близ Коронского и Марафонского заливов или в открытом море у острова Чериги и мыса Галло, то все итилонцы, от мала до велика, молили бога бурь пригнать вместе с приливом какое-нибудь судно значительной вместимости и с богатым грузом. И калугеры для пользы дела никогда не отказывали верующим в подобных молебнах.

Вот уже несколько недель итилонцам не представлялось случая поживиться. За все это время ни одно судно не пристало к берегу Мани. Немудрено, что новость, сообщенная монахом между двумя приступами одышки, вызвала бурный взрыв радости.

Тотчас же раздались глухие удары симандры — деревянного колокола с железным языком (им пользовались в тех провинциях Греции, где захватчики-турки запрещали бить в набат). Но этого заунывного гула было достаточно, чтобы на берег сбегались мужчины, женщины — все, кого жажда добычи толкала на грабеж и убийство; даже дети и свирепые псы и те устремились сюда.

Тем временем моряки на высокой скале громко и ожесточенно спорили. Они старались угадать, что за судно приближается к берегу.

Подгоняемый легким норд-норд-вестом, все более свежавшим с наступлением ночи, корабль быстро шел левым галсом. Можно было ожидать, что он повернет к мысу Матапан. Судя по всему, он плыл с Крита. Корпус корабля, бороздившего воды и оставлявшего за собой вспененный след, уже начинал обрисовываться, но все паруса его еще сливались в неясное пятно. Поэтому было трудно определить, к какому типу судов он принадлежит, и ежеминутно возникали самые противоречивые предположения.

— Это шебека, — уверял один из моряков. — Вот мелькнули прямые паруса фок-мачты.

— Ну нет! — возражал другой. — Это пинка. Посмотри-ка на приподнятую корму и изогнутый форштевень!

— Шебека, пинка! Как будто можно распознать их на таком расстоянии! — возражал третий.

— Под прямыми парусами может идти и полакра! — заметил какой-то моряк, приставивший к глазам два полусомкнутых кулака наподобие зрительной трубы.

— Дай бог! — отозвался старый Годзо. — И полакра, и шебека, и пинка — это ведь все трехмачтовые суда, а всякому понятно, что три мачты лучше двух,

если речь идет о том, чтобы заполучить добрый груз кандийских вин или смирнских тканей.

Это мудрое замечание заставило всех еще зорче вглядываться вдаль. А корабль все приближался и мало-помалу увеличивался в размерах; но он слишком круто держался ветра, и его нельзя было разглядеть с траверса; поэтому никто не мог сказать, сколько на нем мачт — две или три — и, следовательно, какие надежды сулит его вместимость.

— Где черт вмешался, там добра не жди! — проворчал Годзо, уснащая свою речь ругательствами, заимствованными у разных народов. — Это всего-навсего фелюга...

— Хуже того, сперонара! — воскликнул калугер, обманутый в своих ожиданиях не меньше, чем его паства.

Нечего и говорить, что оба эти замечания толпа встретила возгласами досады. Но к какому бы типу судов ни относился приближавшийся корабль, его водоизмещение явно не превышало ста — ста двадцати тонн. Однако прежде всего важна ценность груза, а не его вес. Нередко простые фелюги и даже сперонары служат для перевозки дорогих вин, ароматических масел, драгоценных тканей. В этом случае нападение оправдывает себя — хлопот немного, а прибыль большая! Значит, рано еще было унывать. К тому же главари шайки, весьма искушенные в морском деле, находили, что ход судна отличался большим изяществом, а это было хорошим признаком.

Тем временем на западе солнце уже пряталось за горизонт; но в Ионическом море октябрьские сумерки длятся целый час — срок вполне достаточный, чтобы рассмотреть корабль до наступления полной темноты. Впрочем, готовясь войти в залив, он обогнул мыс Матапан, сделал поворот на два румба и предстал глазам наблюдателей в самом выгодном положении.

И сразу же у старого Годзо вырвалось: саколева!

— Саколева! — подхватили все хором и разразились градом проклятий.

Однако спорить никто не стал, ибо ошибки быть не могло. Судно, маневрировавшее у входа в Коронский

залив, действительно было саколевой. Но жители Итилона напрасно сетовали на неудачу: на таких судах ценный груз — вовсе не редкость.

Саколевой на Ближнем Востоке называют корабль среднего тоннажа, палуба которого поднята к корме, что несколько увеличивает ее седловатость. Вооружение такого судна состоит из трех мачт-однодеревков с косыми и прямыми парусами. Стоящая в центре грот-мачта сильно наклонена вперед. Она несет один латинский парус. Фок, фор-марсель с летучим бом-брамселем, два кливера на носу и два остроконечных паруса на корме, укрепленные на двух мачтах разной высоты, составляют парусность саколевы, придающую ей какое-то своеобразие. Яркая окраска корпуса, гордый выгиб форштевня, многообразие рангоута и причудливое сечение парусов — все это делает саколеву одним из любопытнейших образцов тех грациозных кораблей, которые сотнями лавируют в узких проливах Архипелага. Что может быть изящнее этого легкого судна, которое под напором волн, обдающих его пеной, взлетает вверх, падает вниз и, непринужденно прыгая с гребня на гребень, кажется огромной птицей, чьи крылья едва касаются морской глади, пламенеющей в прощальных лучах заходящего солнца.

Несмотря на то, что ветер свежел, а небо покрывалось зловещими тучами (на Ближнем Востоке их называют «смерчами»), саколева попрежнему шла под всеми парусами. Не был убран даже летучий брамсель, что всякий менее отважный моряк не преминул бы сделать. Очевидно, капитан спешил пристать к берегу и вовсе не намеревался провести ночь в открытом море, где уже поднималось волнение и мог разыграться шторм.

Но если итилонцы и убедились, что саколева направляется в залив, то они еще не были уверены, войдет ли она в их гавань.

— Эх! — сокрушался один из них. — Можно подумать, что ей нужна не бухта, а попутный ветер!

— Хоть бы черт взял ее на буксир! — пробормотал другой. — Уж не думает ли она снова повернуть в море?

— Не идет ли она в Корони?

— Или в Каламу?

Оба эти предположения могли оказаться верными. В Корони, порт на манийском побережье и главный пункт по вывозу оливкового масла из Южной Греции, нередко заходили левантские купеческие суда. А город Калама, расположенный в глубине залива, славился базарами, куда свозили различные товары — ткани и гончарные изделия — со всех концов Западной Европы. Возможно, саколева направлялась в один из этих портов, и тогда конец всем надеждам итилонцев, этих искателей легкой наживы!

Между тем саколева, провожаемая алчными взглядами, быстро летела вперед. Вот она поровнялась с Итилоном. Наступила решающая минута. Если судно попрежнему будет двигаться в глубь залива, Годзо и его сообщники должны проститься со всякой надеждой овладеть им. Действительно, даже самые ходкие шлюпки не могли бы догнать корабль, который, легко неся на себе громадные паруса, развивал огромную скорость.

— Она поворачивает! — закричал вдруг старый моряк, и его рука с крючковатыми пальцами протянулась по направлению к судну, точно абордажный багор.

Годзо не ошибался. Саколева, послушная рулю, неслась прямо к Итилону. В это время на судне спустили летучий брамсель и второй кливер, а затем взяли на гитовы и марсель. Теперь корабль, частично облегченный от парусов, в большей мере зависел от рулевого.

Начинало темнеть. Времени уже оставалось ровно столько, чтобы до ночи войти в фарватер итилонской гавани. Здесь кое-где попадаются подводные рифы, которые угрожают гибелью кораблям. Однако маленькое судно не подняло на грот-мачте лоцманский флаг. Очевидно, смелый капитан до тонкости знал эти весьма опасные места, если не нуждался в проводнике. А скорее всего он, с полным основанием, не доверял чересчур опытным итилонцам, которые не постеснялись бы посадить судно на какой-нибудь риф, уже погубивший немало кораблей.

Кстати, в те времена ни один маяк не освещал этой части манийского побережья. Лишь простой портовый фонарь указывал кораблям путь в узком фарватере.

Между тем саколева приближалась. Еще немного, и она окажется в полумиле от Итилона. Судно уверенно подходило к берегу. Чувствовалось, что его ведет умелая рука.

Итилонские душегубы были недовольны. Им хотелось, чтобы вожденный корабль напоролся на какую-нибудь скалу. Подводные камни, точно соучастники, были всегда к их услугам. Они начинали дело, а пиратам оставалось лишь довершить его. Сперва кораблекрушение, затем грабеж — так они обычно и действовали. Это избавляло разбойников от вооруженной борьбы, от прямого нападения, где они могли бы понести урон. Не раз случалось, что отважные моряки оказывали им жестокое сопротивление.

Но вот злоумышленники во главе с Годзо покинули наблюдательный пост и, не теряя ни минуты, снова спустились к морю. Они собирались прибегнуть к уловке, знакомой всем морским грабителям Востока и Запада.

Посадить саколеву на мель, указав ей ложное направление в узких проходах залива, в темноте, еще не совсем полной, но уже затруднявшей движение судна, не составляло никакого труда.

— К фонарю! — коротко скомандовал Годзо, которому вся шайка привыкла беспрекословно повиноваться.

Приказание старого моряка было понято. Через минуту сигнальный огонь — обыкновенный фонарь, горевший на вершине шеста, водруженного на невысокой дамбе, — внезапно погас.

Тут же на его месте зажегся другой; но если первый, неподвижный светоч неизменно указывал мореплавателям верный путь, то второй, то и дело менявший свое место, преследовал противоположную цель: заставить корабль сбиться с пути и наткнуться на какую-нибудь подводную скалу.

Это был точно такой же фонарь, только пираты привязали его к рогам козы, которую медленно водили по

нижнему склону берега. Огонь, перемещаясь вместе с животным, должен был служить судну ложным маяком.

Местные жители, конечно, не раз проделывали такую штуку. И эти преступные проделки почти всегда приводили к желанной цели.

Саколева все же вошла в фарватер. Она уже спустила грот и теперь несла только кливер и латинские паруса на корме. Большого ей и не требовалось, чтобы подойти к берегу и бросить якорь.

К величайшему удивлению итилонцев, наблюдавших за маленьким судном, оно с непостижимой уверенностью двигалось по извилистому проливу. Казалось, саколеве и дела нет до переносного фонаря, привязанного к рогам козы. Даже при дневном свете нельзя было бы маневрировать точнее. Видно, капитан ее не раз преодолевал преграды на подходе к Итилону и знал их так хорошо, что они не пугали его даже глубокой ночью.

С берега уже можно было разглядеть этого отважного моряка, стоявшего на носу корабля. Теперь его силуэт явственно выступал из мрака. Капитана с головы до ног покрывал «аба» — шерстяной, в широких складках плащ с капюшоном. Право, ничто в этом человеке не напоминало скромного хозяина каботажного судна, который, ведя свой корабль среди скал, перебирает с молитвой крупные четки; без них не обходится ни один моряк, плававший в водах Архипелага. Этот же, даже не повышая голоса, невозмутимо подавал команду рулевому. Внезапно блуждающий огонек на берегу погас. Однако это не помешало саколеве неуклонно продолжать свой путь. Но вот судно сделало резкий поворот, и на мгновение возникла опасность, что в непроглядном мраке оно наскочит на скалу, выступавшую из воды в кабельтове от входа в гавань. Едва заметное движение руля — и корабль, изменив направление, обогнул риф, едва не задев его.

Столь же ловко рулевой миновал и другой подводный камень, который загораживал фарватер, оставляя в нем только узкий проход; здесь, вблизи желанной стоянки, разбился не один корабль, независимо от

того, находился его лоцман в сговоре с итилонцами или нет.

Итак, пираты больше не могли рассчитывать, что крушение отдаст им в руки беззащитную саколеву. Еще несколько минут, и она бросит якорь в гавани. Чтобы завладеть судном, нужно было непременно взять его на abordаж.

Посоветовавшись друг с другом, мошенники решили приступить к делу. Сгустившаяся тьма как нельзя лучше благоприятствовала их планам.

— К лодкам! — скомандовал старый Годзо, чьи приказы никогда не встречали возражений, особенно когда он призывал к грабежу.

Человек тридцать здоровенных головорезов, вооруженных пистолетами, кинжалами и топорами, прыгнули в лодки, стоявшие на привязи у причала, и поплыли к судну; пираты располагали бесспорным численным превосходством над экипажем корабля.

В тот же миг на саколеве послышалась отрывистая команда. Корабль, миновав проход, очутился на середине гавани. Отдали фал, бросили якорь, и, вздрогнув от толчка, вызванного его падением, судно застыло в неподвижности.

Лодки находились теперь лишь в нескольких саженьях от саколевы. Даже самый беспечный экипаж, зная дурную славу итилонцев, схватился бы за оружие и на всякий случай приготовился к отпору.

Однако на судне все оставалось попрежнему. Едва оно стало на якорь, как капитан перешел с носа на корму, а матросы, не удостоивая вниманием приближающиеся лодки, преспокойно занялись уборкой парусов, торопясь очистить палубу.

Однако, насколько можно было заметить, они не плотно стягивали паруса, так что стоило лишь налечь на фалы, и судно сразу же могло вновь поставить паруса.

Первая лодка пристала к саколеве слева. Затем и остальные со всех сторон навалились на нее. А так как фальшборт судна был невысок, то нападающие без труда перешагнули его и с грозным ревом рассыпались по палубе.

Самые исступленные устремились на корму. Один из них схватил фонарь и направил его на капитана.

Тот резким движением сбросил с головы капюшон, и его ярко освещенное лицо выступило из мрака.

— Эх, вы, итилонцы! — укоризненно произнес он. — Уже не узнаете своего земляка Николая Старкоса?

И он спокойно скрестил руки на груди. Не прошло и минуты, как лодки поспешно отвалили от судна и направились к берегу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Лицом к лицу

Минут через десять от саколевы отделилась легкая гребная лодка, «гичка», и вскоре у подножья мола из нее высадился никем не сопровождаемый безоружный моряк, только что обративший в бегство итилонцев.

Это был капитан «Каристы» — так называлось парусное судно, незадолго до того бросившее якорь в гавани.

Николай Старкос был среднего роста, с могучей грудью, мускулистыми руками и ногами. Он носил на голове плотную морскую шапку, оставлявшую открытым высокий упрямый лоб; его черные волосы кольцами рассыпались по плечам. Зоркие глаза глядели сурово. Не в пример клефтам, он не закручивал свои длинные торчащие усы, густые и пышные на концах. Капитану Старкосу можно было дать лет тридцать пять с небольшим. Но обветренная кожа, жесткое выражение лица, глубокая складка на лбу — мрачная борозда, свидетельствовавшая о дурных наклонностях, — сильно его старили.

Он не носил ни куртки, ни жилета, ни фустанеллы — традиционного костюма паликара. Его кафтан с капюшоном коричневого цвета, расшитый темным шнуком, широкие зеленоватые шаровары, заправленные в высокие сапоги, скорее напоминали одежду моряка с берберийского побережья.

А между тем Николай Старкос был чистейшим греком и уроженцем Итилона. Здесь он провел свои детские годы. Среди этих утесов подростком, а затем юношей изучал жизнь моря. У этого побережья плавал, отдаваясь на волю течений и ветров. Вокруг не было ни одной бухты, где бы он не измерил глубину вод и крутизну берегов, ни одного рифа, каменистого участка дна или подводной скалы, чье местоположение не было ему известно. Не нашлось бы ни одного поворота в извилистом фарватере, сквозь который он, без компаса и не прибегая к помощи лоцмана, не провел бы любой корабль. И нет ничего удивительного, что ложные сигналы его земляков не помешали ему уверенно направлять ход саколевы. Впрочем, он отлично знал, что итилонцы — народ ненадежный: ему доводилось видеть их в деле. В сущности это были прирожденные хищники, но он не осуждал их: его-то они не трогали!

Но если Старкос знал итилонцев, то и итилонцы знали Старкоса. После того как его отец, подобно тысячам других патриотов, стал жертвой жестокости турок, мать Николая, обуреваемая жаждой мести, только и ждала случая, чтобы ринуться в первое же восстание против оттоманского ига. Он сам, едва ему исполнилось восемнадцать лет, покинул Мани, и первые странствия по морю, преимущественно в водах Архипелага, стали для него школой не только мореходного искусства, но и пиратского промысла. На каких кораблях служил он в ту пору своей жизни, кто из знаменитых флибустьеров и корсаров были его вожаками, под каким флагом он впервые сражался, чью кровь проливал — врагов Греции или своих соотечественников, — на все эти вопросы никто, кроме самого Старкоса, не ответил бы. Его не раз встречали в различных портах Коронского залива. Пожалуй, некоторые земляки Старкоса могли бы кое-что рассказать о его разбойничьих подвигах, совершенных не без их участия, о захваченных и пущенных на дно торговых кораблях, о богатой добыче, попавшей к ним в руки. Однако некая тайна окружала имя Николай Старкоса. И тем не менее у него была столь громкая известность, что вся Мани склонялась перед ним.

Вот чем объясняется прием, оказанный этому человеку жителями Итилона, вот почему, увидев его, они так испугались, что у них пропала всякая охота грабить саколеву, как только выяснилось, кто ею командует.

Едва капитан «Каристы» причалил к берегу, чуть позади мола, как туда во множестве сбежались мужчины и женщины и почтительно выстроились на его пути. Когда он сошел на пристань, в толпе не раздавалось ни единого возгласа. Казалось, Старкос обладал магической властью: с его появлением все вокруг затихало. Итилонцы ждали его слов, но он, по обыкновению, молчал, и никто не смел заговорить с ним первым.

Николай Старкос приказал матросам возвратиться на саколеву, а сам направился в конец пристани, туда, где она делала поворот. Пройдя шагов двадцать, он остановился. За ним, словно ожидая приказаний, следовал старый моряк, и капитан, узнав его, сказал:

— Годзо, мне нужно пополнить команду десятью крепкими молодцами.

— Ты их получишь, Николай Старкос, — ответил Годзо.

Понадобись капитану «Каристы» сто человек, он нашел бы их по своему выбору в этом морском поселке. И все они, не спросив, куда он их ведет, для какого дела предназначает, за чей счет придется им плавать, в чьих интересах сражаться, — последовали бы за своим земляком, готовые разделить с ним его жребий, ибо хорошо знали, что так или иначе, а в накладе они не останутся.

— Через час люди должны быть на борту «Каристы»!

— Они там будут, — заверил Годзо.

Знаком показав, что он не нуждается в провожатом, Николай Старкос продолжал свой путь вверх по пристани, закруглявшейся в конце мола, и вскоре углубился в одну из узких портовых улиц.

Старик Годзо, послушный воле капитана, возвратился к своим и сразу же занялся отбором матросов для саколевы.

Между тем Николай Старкос медленно поднимался по склонам отвесного берега, на которых раскинулось местечко Итилон. Сюда, наверх, доносился лишь лай

свирых псов, широкомордых, как доги, и с чудовищной пастью; псов этих, с которыми не было сладу, путники остерегались не меньше шакалов и волков. Две-три чайки, коротко взмахивая широкими крыльями, быстро кружили в воздухе, собираясь опуститься в гнезда на прибрежных скалах.

Скоро последние итилонские дома остались позади. Николай Старкос вышел на крутую тропу, которая вьется вокруг келафского акрополя. Миновав развалины крепости, возведенной Вилль-Ардуэном еще в ту далекую эпоху, когда крестоносцы завладели различными пунктами Пелопоннеса, он обогнул развалины древних башен, которые еще покрывают берег. Здесь он остановился и оглянулся.

Близился час, когда лунный серп, опустившись по небосклону за мыс Галло, готовится погаснуть в водах Ионического моря. Несколько редких звезд мерцали сквозь узкие разрывы облаков, гонимых свежим ночным ветром. Когда он затихал, вокруг акрополя воцарялась мертвая тишина. Два-три маленьких, едва заметных паруса бороздили гладь залива, пересекая его по направлению к Корони или поднимаясь к Каламе. Если бы не колеблющийся свет маятовых фонарей, они, пожалуй, слились бы с темнотой. Внизу, на взморье, то тут, то там мелькало семь или восемь огоньков; отражаясь в воде, они трепетали и двоились. Были то фонари рыбацких лодок или свет в окнах прибрежных домов? Кто знает.

Николай Старкос обводил привычным к темноте взглядом безбрежный простор. Моряк обладает необыкновенно острым зрением: он видит то, что недоступно другим. Но в ту минуту окружающее словно не существовало для капитана «Каристы»: перед ним несомненно возникали иные картины. Да, он весь ушел в себя. Он безотчетно упивался воздухом родного края — дыханием отчизны. Скрестив руки, он, задумавшись, долго стоял неподвижно, и голова его, с которой упал капюшон, казалась высеченной из камня.

Так прошло с четверть часа. Николай Старкос, не отрываясь, смотрел на запад, туда, где вдали, на горизонте, небо сливалось с морем. Затем он сделал не-

сколько шагов в сторону и начал наискось подниматься по крутому утесу. Не случайно свернул он с тропы. Тайная мысль вела его; но он, казалось, не смел взглянуть на то, ради чего поднялся на итилонские скалы.

Между прочим, трудно найти более пустынную местность, чем побережье мыса Матапан до последней бухты залива. Здесь нет ни апельсиновых, ни лимонных рощ, здесь не растут ни шиповник, ни олеандр, ни арголидский жасмин, здесь не встретишь ни толокнянки, ни смоковницы, ни тутовых деревьев — словом, той пышной растительности, которая придает такую прелесть некоторым областям Греции. Нигде не увидишь ни златоцвета, ни платана, ни гранатового дерева на фоне темной стены кипарисов и кедров. Повсюду скалы вулканической формации, готовые при первом же подземном толчке низвергнуться в воды залива. Повсюду неприступна и скупа эта своеобразная манийская земля, впроголодь кормящая своих сынов. Только несколько высоких голых сосен, причудливо искривленных и обескровленных — из них выкачали всю смолу, — показывают глубокие раны на своих стволах. Здесь и там, словно колючий чертополох, торчат тощие кактусы, удивительно похожие на маленьких полуоблезлых ежей. Чахлые кустарники и почти лишенная травы почва, в которой больше песка, чем перегноя, не в силах прокормить даже коз, столь умеренных и нетребовательных в еде.

Пройдя еще десяток-другой шагов, Николай Старкос снова остановился. Затем повернулся лицом на северо-восток, туда, где на фоне более светлой части небосвода вырисовывался профиль далекого гребня Тайгета. Две-три звезды, восходящие в этот час, еще висели над горизонтом, точно громадные светляки.

Николай Старкос замер на месте. Он не сводил глаз с низенького деревянного домика, прилепившегося шагах в пятидесяти к выступу скалы. Крутые тропинки вели к высоко вознесенной над селением скромной усадьбе, сиротливо стоявшей среди почти лишенных листвы деревьев на участке, обнесенном живой изгородью из терновника. Все говорило о том, что жилище это давным-давно заброшено. Изгородь пришла

в упадок, местами она густо разрослась, местами поредела и не могла больше служить надежной оградой. Бездомные псы и шакалы, иногда появлявшиеся здесь, не раз опустошали этот одичавший уголок манийской земли. Сорные травы да низкий кустарник — вот все, чем одаряла природа эту пустошь с тех пор, как к ней не прикасалась рука человека.

Но почему такая заброшенность? Потому что хозяина усадьбы уже много лет нет в живых. Потому что вдова его, Андроника Старкос, покинула родной край и встала в ряды доблестных женщин — славных борцов за независимость. Потому что сын его ушел из отчего дома и ни разу туда не возвращался.

А между тем под этим кровом Николай Старкос родился. Здесь он провел раннее детство. После долгих лет плавания его отец, честный моряк, нашел себе тут пристанище, но он держался в стороне от обитателей Итилона, чьи пиратские нравы претили ему. К тому же, отличаясь от итилонцев умом и достатком, он сумел создать для себя, жены и сына какую-то особую жизнь. Так проводил он дни, всеми забытый, в глубоком и мирном уединении до того часа, когда в порыве негодования осмелился восстать против притеснения и поплатился жизнью за свою смелость. От прислужников Порты трудно было укрыться даже на самом краю полуострова!

После смерти отца Николай остался без надзора — мать была не в силах обуздать сына. Он бежал из дома и пустился скитаться по морям, поставив на службу разбойникам и разбою свои удивительные способности прирожденного моряка.

Итак, прошло десять лет с тех пор, как сын покинул родной дом, и шесть лет, как дом этот покинула мать. Однако в Итилоне поговаривали, что Андронику несколько раз видели в окрестностях селения. По крайней мере, если верить слухам, она с большими перерывами и ненадолго появлялась здесь, но ни с кем из итилонцев не общалась.

А Николай Старкос, которого превратности странствий изредка приводили в Мани, до сего дня не выказывал намерения вновь увидеть свое скромное жи-

лище на крутой скале. Он никогда не спрашивал, уцелел ли покинутый дом. Он никогда не пытался, хотя бы стороною, узнать, посещает ли мать опустевшее гнездо. Но, возможно, сквозь грозные события, залившие кровью Грецию, до него доходило имя Андроники — единственное имя, которое могло бы пробудить в нем совесть, если бы она у него была.

Однако на этот раз Николай Старкос зашел в итилонский порт не только для того, чтобы пополнить свою команду десятью матросами. Желание, даже больше, чем желание, — властное побуждение, в котором он, возможно, не отдавал себе полностью отчета, толкало его на это. Он чувствовал неодолимую потребность вновь увидеть, несомненно в последний раз, родное пепелище, вновь ступить на ту землю, где он учился ходить, вдохнуть воздух дома, в стенах которого раздался его первый вздох и прозвучал его первый младенческий лепет. Да! Вот что заставило его подняться по крутым тропинкам на знакомую скалу, вот почему он в столь поздний час стоял у ветхого плетня маленькой усадьбы.

Здесь обычная невозмутимость, казалось, изменила ему. Найдется ли такое черствое сердце, что не дрогнет под наплывом воспоминаний о детстве. Нет на свете человека, который мог бы остаться равнодушным, глядя на дом, где он родился, где его убаюкивала мать. Душа не может настолько огрубеть, чтобы ни одна струна ее не откликнулась на голос прошлого.

Все это испытал на себе Николай Старкос, остановившийся перед заброшенной усадьбой — такой мрачной и безмолвной, будто совершенно вымершей и снаружи и внутри.

— Войти?.. Да!.. Войти!

Эти слова, первые после долгого молчания, Николай Старкос произнес шепотом, словно боясь, что его услышат, что перед ним возникнет какой-нибудь призрак былого.

Войти, казалось, так легко и просто! Ограда была наполовину разрушена, колья валялись на земле. Незачем было даже отпирать калитку и отодвигать засов.

Николай Старкос вошел и остановился перед самым домом, кровля которого, полуистлевшая от дождей,

едва держалась на одних только обломанных проржавевших скобах.

В то же мгновение из густой листвы мастикового дерева, росшего у самой двери, со зловещим криком вылетела сова.

Тут Старкос снова заколебался. Он твердо решил осмотреть все, до последней каморки. Однако то, что происходило в нем, — раскаяние, шевелившееся в его душе, — вызывало у него глухую злобу. Он был взволнован и в то же время раздражен. Ему казалось, что родной кров отталкивает его, посылает ему самые страшные проклятия!

Поэтому, прежде чем войти в жилище, он решил обогнуть его снаружи. Ночь стояла темная. Незримо бродил он вокруг в таком мраке, когда и самого себя не разглядишь. Но ведь днем он, вероятно, и не пришел бы сюда! В потемках легче отмахнуться от воспоминаний.

И вот, подобно злоумышленнику, который ищет, как ему лучше пробраться в дом, чтобы ограбить его, крадется Николай Старкос вдоль потрескавшихся стен, огибает углы с отбитыми краями, густо одетые мохом, ощупывает расшатанные камни, словно желая убедиться, сохранились ли еще признаки жизни в трупe этого жилища, старается уловить хотя бы слабое биение его сердца! Дворик за домом оставался полностью погруженным в сумрак. Молодой месяц был уже на исходе, и его косые лучи сюда не доходили.

Медленно обошел Николай усадьбу. Темное строение было полно какой-то тревожной тишины, казалось, в нем притаились духи или призраки. Он снова очутился у фасада, обращенного на запад, и подошел к двери, собираясь сильным толчком раскрыть ее, если она держалась только на щеколде, или взломать, если она была на замке.

Внезапно кровь бросилась ему в голову. Его, как говорится, «бросило в жар»: он увидел огонь. Теперь он не решался войти под родной кров, где так хотел побывать еще раз. Ему мерещилось, что отец и мать покажутся сейчас на пороге и, указав ему на дверь,

проклянут его, предателя семьи, изменника родины, забывшего сыновний и гражданский долг!

В эту минуту дверь медленно отворилась. На пороге появилась женщина. На ней был обычный костюм мانيотки — юбка из черной бумажной материи с узкой красной каймой, темная, перетянутая в поясе безрукавка, а на голове — коричневый колпачок, обвитый, наподобие чалмы, шелковым платком цвета греческого флага.

Смуглое ее лицо, обветренное, как у приморских рыбаков, поражало внутренней силой, ее большие черные глаза горели живым, чуть мрачным огнем. Глядя на эту высокую, стройную женщину никто бы не поверил, что ей больше шестидесяти лет.

То была Андроника Старкос. Мать и сын после долгих лет разлуки и полного отчуждения оказались лицом к лицу.

Николай Старкос не ожидал встретить мать... Ее появление потрясло его.

Андроника повелительным жестом преградила путь сыну, и несколько скупых слов, произнесенных ею, прозвучали с грозной силой, присущей ей одной:

— Никогда Николай Старкос не переступит порог отчего дома!.. Никогда!

И сын, согнувшись под тяжестью этого запрета, шаг за шагом отступал. Та, что некогда носила его в своем чреве, теперь гнала его, как гонят предателя. Нет, он все-таки подойдет к ней... Еще более решительный жест, немое проклятие остановило его.

Николай Старкос отпрянул. Затем выбежал за ограду и, не оборачиваясь, большими шагами спустился по тропинке с утеса, словно чья-то невидимая рука толкала его в спину.

Андроника неподвижно стояла на пороге и смотрела ему вслед, пока он не исчез во мраке ночи.

Через несколько минут Николай Старкос уже оправился от пережитого волнения и овладел собой; дойдя до гавани, он кликнул гичку и поплыл к саколеве. Десять матросов, завербованных Годзо, уже ожидали его там.

Молча поднялся Старкос на палубу «Каристы» и подал знак сниматься с якоря.

Приказ был выполнен молниеносно. Оставалось только побыстрее поднять паруса на готовом к отплытию судне. Береговой ветер облегчал саколеве выход из гавани.

Не прошло и пяти минут, как «Кариста» уверенно и в полной тишине уже преодолевала извилистый фарватер; команда судна и жители Итилона не обменялись ни единым прощальным приветом.

Саколева не прошла еще и мили в открытом море, когда яркое пламя озарило гребень скалы.

Это горело объятые сверху донизу огнем жилище Андроники Старкос. Рука матери подожгла его. Она хотела бесследно уничтожить дом, где родился ее сын.

Уже три мили легли между манийской землей и «Каристой», а капитан ее все еще не мог оторвать глаз от зарева: следил за ним до тех пор, пока не погасла во мгле последняя вспышка пожара.

Андроника сказала:

— Никогда Николаю Старкосу не переступить порога отчего дома!.. Никогда!..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Греки против турок

В доисторическую эпоху, когда под воздействием внутренних нептунических или плутонических сил земной шар покрылся плотной корой, могучий катаклизм вытолкнул на водную поверхность кусок земли, именуемый ныне Грецией, и тот же катаклизм поглотил часть суши Архипелага, возвышенности которого превратились в острова. Греция и в самом деле расположена на линии вулканов, идущей от Кипра до Тосканы¹.

¹ Начиная с того времени, когда развертывается действие этой повести, остров Санторини несколько раз становился жертвой подземных сил. В 1661 г. Востец и Фивы, а затем и Сен-Мор были разрушены землетрясением. (Прим. автора.)

Очевидно, от неустойчивой почвы своей родины унаследовали эллины ту врожденную физическую и моральную возбудимость, которая делает их способными на беспредельный героизм. Это так же верно, как то, что только благодаря своим природным качествам — неукротимой отваге, глубокому патриотизму и свободолюбию — им удалось сплотить в независимое государство отдельные провинции, находившиеся столько веков под властью турок.

В незапамятные времена Греция была населена азиатскими племенами — пеласгами; в период почти мифологический, в эпоху Аргонавтов, Гераклидов и Троянской войны, с XVI по XIV век до нашей эры, она, с появлением эллинов, стала эллинской, причем одному из племен — граи — предстояло впоследствии дать ей свое имя; затем, вслед за полубогатырем Ликургом, Мильтиадом, Фемистоклом, Аристидом, Леонидом, Эсхилом, Софоклом, Аристофаном, Геродотом, Фукидидом, Пифагором, Сократом, Платоном, Аристотелем, Гиппократом, Фидием, Периклом, Алкивиадом, Пелопидом, Эпаминондом, Демосфеном мало-помалу превращали страну в чисто греческое государство; позднее Филипп и Александр сделали это государство македонским, и в конце концов за сто сорок шесть лет до начала христианской эры Греция стала римской провинцией под именем Ахеи и оставалась ею на протяжении четырех столетий.

С той поры в нее поочередно вторгались вестготы, вандалы, остготы, болгары, славяне, арабы, норманны, сицилийцы, в начале тринадцатого века ее завоевали крестоносцы, а в пятнадцатом столетии раздробленная на множество феодальных владений страна, выдержавшая столько испытаний в античное время и в средние века, в конце концов попала в руки турок, и на нее всей тяжестью легло мусульманское иго.

Можно сказать, что почти на два века политическая жизнь Греции совершенно прекратилась. Деспотизм правивших ею оттоманских властителей не имел границ. По своему положению греки не могли быть приравнены ни к присоединенным, ни к завоеванным, ни даже к побежденным народам: они стали рабами, которых держал под палкой паша с имамом-

священнослужителем — по правую руку и джелахом-палачом — по левую.

Но жизнь не совсем еще покинула эту умиравшую страну. Острая боль пробудила ее к бытию. Сначала черногорцы в Эпире, в 1766 году, и маниоты в 1769 году, а затем албанские сулиоты восстали и провозгласили свою независимость; но в 1804 году эта попытка мятежа была окончательно подавлена Али Тепеленским, пашой Янины.

Тогда пришел час европейским державам вмешаться в ход событий, если только они не хотели стать свидетелями полного уничтожения Греции. Предоставленная самой себе, она могла лишь умирать, безуспешно борясь за свою независимость.

В 1821 году Али Тепеленский в свою очередь восстал против султана Махмуда и призвал на помощь греков, пообещав им взамен свободу. Они поднялись как один. Со всех концов Европы на помощь грекам стали стекаться филэллины. Итальянцы, поляки, немцы и главным образом французы примкнули к борцам против поработителей. Ги де Сент-Элен, Гайар, Шовасэн, капитаны Балест и Журдэн, полковник Фавье, командир эскадрона Реньо де Сен-Жан-д'Анжели, генерал Мэзон, а также три англичанина — лорд Кокрэн, лорд Байрон и полковник Гастингс — оставили по себе неизгладимую память в стране, в которую они пришли сражаться и умирать.

На подвиги этих людей, на их беззаветную преданность делу освобождения угнетенных Греция ответила выдвижением своих национальных героев, представителей старинных родов: трех гидриотов — Томбазиса, Цамадоса, Миаулиса, затем Колокотрониса, Марко Боцариса, Маврокордато, Мавромихалиса, Константина Канариса, Негриса, Константина и Димитрия Ипсиланти, Одиссея и многих других. С самого начала мятеж перерос в войну не на жизнь, а на смерть; ее девиз — око за око, зуб за зуб — привел к страшным жестокостям с обеих сторон.

В 1821 году восстали сулиоты и маниоты. В Патрасе епископ Германос с крестом в руках первым бросил клич. Морья, Молдавия, Архипелаг стали под знамя

независимости. Эллинам, искушенным в морских победах, удалось овладеть Триполицей. На первые успехи греков турки ответили избиением их соотечественников, находившихся в то время в Константинополе.

В 1822 году Али Тепеленский, осажденный в янинской крепости, был предательски убит во время переговоров, предложенных ему турецким генералом Хуршидом. Вслед за этим Маврокордато и филэллины потерпели поражение в битве при Арте, но зато вынудили армию Омер-Вриона снять, с немалым для него уроном, первую осаду Миссолонги.

В 1823 году иностранные державы усиливают свое вмешательство в греческие дела. Они предлагают султану посредничество. Тот отклоняет его и подкрепляет свой отказ высадкой десяти тысяч азиатских солдат на Эвбее. Затем он назначает главнокомандующим турецкой армией своего вассала — египетского пашу Мухаммеда-Али. В одном из сражений этого года пал патриот Марко Боцарис, о ком можно сказать: он жил, как Аристид, и умер, как Леонид.

В 1824 году, принесшем много неудач борцам за независимость, в Миссолонги 24 января прибыл великий английский поэт Байрон, а в день пасхи он умер возле Лепанто, так и не дождавшись осуществления своих надежд. Ипсариоты были истреблены турками, а город Кандия, на Крите, отворил ворота солдатам Мухаммеда-Али. Одни только морские победы могли несколько утешить греков в тяжелых бедствиях.

В 1825 году Ибрагим-паша, сын Мухаммеда-Али, высаживается с одиннадцатитысячной армией у Модона, в Морее. Он овладевает Наварином и наносит в Триполице поражение Колокотронису. И тогда греческое правительство поручило командование корпусом регулярных войск двум французам — Фавье и Реньо де Сен-Жан-д'Анжели; но пока они приводили свои войска в боевую готовность, Ибрагим опустошал Мессинию и Мани. И если он прекратил свои набеги, то лишь потому, что захотел принять участие во второй осаде Миссолонги, присоединившись к генералу Киутаги, которому никак не удавалось овладеть этим

городом, хотя султан и сказал ему: «Миссолонги или твоя голова!»

Пятого января 1826 года Ибрагим, предав огню Пиргос, подошел к Миссолонги. За три дня — с 25 по 28 января — он обрушил на город восемь тысяч снарядов и ядер, трижды пытался взять его приступом и не смог войти в него, хотя город защищали всего две с половиной тысячи истомленных голодом борцов. Однако перевес был на стороне турок, особенно после того, как им удалось отбросить эскадру Миаулиса, которая везла помощь осажденным. И только 23 апреля, после упорной осады, стоившей жизни тысяче девятистам грекам, Ибрагим овладел Миссолонги и отдал город на растерзание своим солдатам, убивавшим без разбора мужчин, женщин и детей — всех, кто остался в живых из девяти-тысячного населения. В том же году турки под предводительством Киутаги, опустошив Фокиду и Беотию, подошли к Фивам, 10 июля вторглись в Аттику, обложили Афины и, водворившись там, осадили Акрополь, гарнизон которого насчитывал полторы тысячи человек. На помощь этой крепости — ключу к Греции — новое правительство послало одного из героев Миссолонги — Карайсакиса и полковника Фавье с его корпусом регулярных войск. Они дали туркам сражение при Хайдари и проиграли его, после чего Киутаги вернулся к осаде Акрополя. Тем временем Карайсакис, прорвавшись через Парнасские ущелья, 5 декабря разбил турок при Арахове и воздвиг на поле брани холм из трехсот отрубленных вражеских голов. Почти вся Северная Греция вновь стала свободной.

По несчастью, эта борьба открыла доступ в Архипелаг самым страшным корсарам, когда либо опустошавшим его моря. И среди них называли наиболее кровавого и, быть может, наиболее дерзкого пирата Сакратифа, одно имя которого наводило ужас на все побережье Леванта.

Между тем месяцев за семь до начала нашего повествования турки вынуждены были укрываться в некоторых укрепленных местах Северной Греции. В феврале 1827 года греки отвоевали свою независимость на всей территории от залива Амбракии до границ Аттики.

Турецкий флаг развевался теперь только в Миссолонги, Вониче, Лепанто. 31 марта под влиянием лорда Кокрэна Северная Греция и Пелопоннес прекратили междоусобицу, и представители народа, избранные в единое национальное собрание в Трезене, решили сосредоточить верховную власть в одних руках: президентом страны был избран Каподистрия, русский дипломат, грек родом с острова Корфу.

Однако Афины все еще находились во власти турок. 5 июня Акрополь сдался. Северная Греция была вынуждена вновь подчиниться Турции. Правда, 6 июля Франция, Англия, Россия и Австрия подписали договор, который, признавая суверенитет Порты, провозглашал существование греческой нации. Кроме того, в секретной статье державы, подписавшие договор, обязались объединиться против султана, если он откажется от мирного разрешения греческого вопроса.

Таковы главные вехи этой кровопролитной войны; читатель должен их запомнить, ибо они имеют самое прямое отношение к тому, что будет изложено дальше.

Теперь от исторических событий перейдем к связанному с ними действующим лицам, тем, которые уже появлялись, и тем, которые еще только появятся на страницах нашей драматической истории.

Прежде всего остановимся на Андронике, вдове патриота Старкоса.

Война за независимость Греции породила не только героев, но и героинь, чьи славные имена вплетены в яркие дела тех дней.

Вот перед нами Боболина — уроженка маленького острова, расположенного при входе в Навплийский залив. В 1812 году ее муж был схвачен, увезен в Константинополь и там по приказу султана посажен на кол. Раздался первый призыв к борьбе против турецкого ига. В 1821 году Боболина на свои средства снаряжает три корабля, и, как рассказывает, со слов одного старого клефта, г-н Анри Белль, она, подняв на них знамя с лозунгом спартанских женщин — «Со щитом или на щите», — отправляется к берегам Малой Азии и там с неустрашимостью, достойной Цамадоса или

Канариса, захватывает и предает огню турецкие суда; затем, великодушно подарив свои корабли новому правительству, она участвует в осаде Триполицы, подвергает Навплию блокаде, длящейся четырнадцать месяцев, и в конце концов вынуждает крепость сдаться. И этой женщине, вся жизнь которой напоминает легенду, суждено было пасть от руки брата, пронзившего ее кинжалом в пылу обычной семейной ссоры!

Величественный образ другой дочери Греции достоин стоять рядом с доблестной гидриоткой. Одинаковые причины порождают одинаковые следствия. По приказу султана в Константинополе был удушен отец Модены Мавроейнис, женщины, у которой красота соединялась со знатным происхождением. Модена сразу же бросается в огонь восстания, призывает жителей Миконоса к мятежу, снаряжает суда и сама плавает на них, подготавливает и руководит партизанскими вылазками, останавливает армию Селим-паши в узких ущельях Пелиона и доблестно сражается до конца войны, не давая туркам покоя в теснинах Фтиотидских гор.

Нужно еще назвать Кайдос, взорвавшую стены Вилии и с неустрашимой отвагой сражавшуюся в монастыре св. Венеранды; Москос, ее мать, боровшуюся рядом с мужем, погребая турок под обломками скал; Деспо, которая, не желая попасть в руки мусульман, взорвала себя вместе с дочерьми, невестками и внуками. А сулиотские женщины, а защитницы нового правительства, обосновавшегося в Саламине, взявшие на себя командование флотилией, а Констанция Захариас, которая, подав сигнал к восстанию в равнинах Лаконии, бросилась во главе пятисот крестьян на Леондари! Все они, как и многие другие гречанки — участницы этой войны, кровью своей доказали, на что способны благородные дочери Эллады!

Подобно им поступила и вдова Старкос. Отрекшись от своей фамилии, опозоренной сыном, Андроника, движимая неодолимой жаждой мести и любовью к свободе, целиком посвятила себя борьбе за независимость. Она не могла на собственный счет снаряжать корабли и вооружать отряды, как это делали Боболина, вдова

мученика-патриота, Модена или Констанция Захариас, — она могла лишь жертвовать собою, участвуя в великой драме этого восстания!

В 1821 году Андроника присоединилась к тем макионцам, которых Колокотронис, приговоренный турками к смерти и укрывшийся на Ионических островах, призвал под свое знамя, высадившись 18 января в Скардамуле. Она участвовала в первом крупном сражении в Фессалии, где Колокотронис напал на жителей Фонари и Каритены, присоединившихся к туркам на берегах Руфий. 17 мая, при Вальтезио, она была в рядах воинов, разгромивших армию Мустафы-бея. Особенно отличилась она во время осады Триполицы, где спартанцы называли турок «подлыми персами», а те их — «трусливыми зайцами Лаконии»! Но на сей раз зайцы одержали верх. 5 октября столица Пелопоннеса капитулировала, ибо турецкий флот не мог разжать кольцо осады. Вопреки соглашению, Триполица была на три дня предана огню и мечу, что стоило жизни в стенах и за стенами города десяти тысячам турок обо-его пола и всех возрастов.

Четвертого марта следующего года Андроника, находившаяся под командой адмирала Миаулиса на одном из его кораблей, видела, как после пятичасового боя турецкие суда обратились в бегство, ища убежище в порту Занте. Но в одном из лоцманов вражеских судов она узнала своего сына; он вел оттоманскую эскадру через Патрасский залив!.. В тот день, подавленная позором, она искала смерти в самых опасных схватках... Смерть пощадила ее.

А между тем Николаю Старкосу предстояло пойти еще дальше по преступной стезе. Несколько недель спустя он присоединился к Кара-Али, подвергнутому артиллерийскому обстрелу город Хиос на острове того же названия. Он был причастен к той зверской резне, во время которой погибло двадцать три тысячи христиан, не считая сорока семи тысяч, проданных на невольничьих рынках Смирны. Именно он командовал одним из судов, отвозивших несчастных на берберийское побережье; он, грек, сын Андроники, продавал в рабство своих собратьев!

Впоследствии, когда эллинам пришлось сражаться против соединенных армий турок и египтян, Андроника не переставала следовать примеру героинь, уже известных читателю.

Наступили тяжелые времена, особенно для Мореи. Ибрагим только что бросил на нее своих кровожадных арабов, еще более свирепых, чем турки. Когда Колокотронис, получивший звание главнокомандующего пелопоннесских войск, собрал вокруг себя всего четыре тысячи воинов, Андроника была в их числе. Ибрагим, высадив на мессинийский берег одиннадцатитысячный десант, занялся прежде всего снятием осады с Корони и Патраса, а затем уже овладел Наварином, чья крепость должна была служить туркам опорной базой, а гавань — дать верное убежище их флоту. Затем Ибрагим сжег Аргос и отнял у греков Триполицу, что позволило ему до самой зимы совершать опустошительные набеги на соседние провинции. Больше всего от жестокого нашествия пострадала Мессиния. Вот почему Андронике, чтобы не попасть в руки арабов, часто приходилось скрываться в глубине Мани. Однако она и не думала о покое. Можно ли жить спокойно, когда родная земля в яре? Андронике встречаются в походах 1825 и 1826 годов, она сражается в Верийских ущельях, участвует в битве, после которой Ибрагим отступил на Полиаравос, откуда жителям Северной Мани удалось отбросить его еще дальше. Затем, присоединившись к регулярному войску полковника Фавье, Андроника в июле 1826 года участвовала в бою при Хайдари. Там ее, тяжело раненную, вырвал из рук беспощадных солдат Киутаги, самоотверженный молодой француз, воевавший под знаменем филэллинов.

Несколько месяцев Андроника была на волоске от смерти. Крепкая натура спасла ее; но 1826 год уже давно кончился, а она все еще не могла вернуться к борьбе.

Вот при каких обстоятельствах она в августе 1827 года возвратилась в Мани. Ей захотелось снова увидеть свой очаг в Итилоне. Странная случайность привела туда в тот самый день и ее сына... Мы уже знаем, чем кончилась встреча Андроники с Николаем Старко-

сом, какое страшное проклятие бросила она ему с порога своего дома.

И теперь, когда ничто больше не удерживало ее на родине, Андроника решила продолжать борьбу до тех пор, пока Греция снова не обретет независимость.

Так обстояло дело, когда осенью 1827 года вдова Старкос еще раз пустилась по дорогам Мани, чтобы присоединиться к жителям Пелопоннеса, которые шаг за шагом отвоевывали свою землю у солдат Ибрагима.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Унылый дом богача

Пока «Кариста» шла на север, к месту назначения, известному лишь ее капитану, одно частное событие, случившееся в Корфу, привлекло всеобщее внимание к главным героям этой повести.

Следует напомнить, что по договору 1815 года группа Ионических островов, находившаяся до 1814 года под протекторатом Франции, перешла во власть Англии¹.

Речь идет об островах Чериго, Занте, Итаке, Кефаллинии, Левкасе, Паксосу и Корфу, причем самый северный и самый важный из них — Корфу, который в древности называли Коркирой. Остров, которым владел царь Алкиной, радушный хозяин Язона и Медеи, приютивший после Троянской войны хитроумного Одиссея, по праву играл значительную роль в античной истории. Выдержавший борьбу с франками, болгарами, сарацинами, неаполитанцами, разграбленный в XVI веке Барбароссой, находившийся в XVIII веке под покровительством графа фон Шулленбурга, а в конце Первой империи под защитой генерала Донзело, остров Корфу в итоге сделался резиденцией верховного английского комиссара.

¹ Ионические острова, восстановившие свою независимость и разделенные на три округа, были в 1864 г. присоединены к Эллинскому королевству. (*Прим. автора.*)

В то время верховным комиссаром и губернатором Ионических островов был сэр Фредерик Адам. Так как борьба греков против турок сопровождалась всевозможными неожиданностями, он постоянно имел в своем распоряжении несколько фрегатов, предназначенных для полицейской службы в морях Архипелага. Только линейные корабли и могли поддерживать порядок в водах, открытых для греческого и турецкого флота и для обладателей каперных свидетельств, не говоря уже о пиратах, которые считали своим долгом и правом грабить все суда без разбора.

В то время на Корфу встречалось немало иностранцев; их приводили на остров, особенно за последние три-четыре года, перипетии освободительной войны. Одни из них отправлялись отсюда на театр военных действий. Другие прибывали сюда, чтобы отдохнуть от ратных трудов.

Восстановить свои силы приехал в Корфу и некий молодой француз. Увлеченный высокой целью, он в продолжение пяти лет храбро и самоотверженно участвовал в главных событиях борьбы, охватившей весь греческий полуостров.

Анри д'Альбаре, один из самых молодых лейтенантов французского королевского флота, находился тогда в бессрочном отпуске. Когда Греция восстала, он, покинув родину, стал под знамена филэллинов. Среднего роста, крепкий, он, казалось, был создан для тягот морской службы; обходительность этого хорошо воспитанного тридцатилетнего офицера, его обаятельная внешность, умный открытый взгляд и в довершение всего прекрасные связи в обществе при первом же знакомстве располагали к нему; и чем ближе его узнавали, тем больше он нравился.

Анри д'Альбаре принадлежал к богатой парижской семье. Матери своей он почти не помнил, отца же потерял, едва достигнув совершеннолетия, года через два после окончания морского училища. Унаследовав довольно крупное состояние, Анри и не подумал отказаться от своей профессии. Напротив. Он не изменил своему призванию — прекраснейшему в мире — и был уже лейтенантом морского флота, когда Северная Гре-

ция и Пелопоннес поднялись под греческим знаменем против турецкого полумесяца.

Анри д'Альбаре не колебался. Подобно большинству юных храбрецов, неудержимо ринувшихся в освободительную борьбу, он присоединился к волонтерам, которые направлялись во главе с офицерами к границам Восточной Европы, и был в числе первых филэллинов, проливших свою кровь за независимость Греции. В 1822 году он участвовал в знаменитой битве при Арте и находился среди побежденных героев Маврокордато, а при первой осаде Миссолонги — среди победителей. Был он на поле брани и в следующем году, когда пал Марко Боцарис. В 1824 году он несколько раз отличился в морских сражениях, которыми греки расквитались с турками за победы Мухаммеда-Али. В 1825 году, после взятия Триполицы, Анри д'Альбаре командовал отрядом регулярных войск, предводительствуемых полковником Фавье. В июле 1826 года в кровавом бою при Хайдари, где филэллины понесли невозвратимые потери, он спас жизнь Андронике Старкос: ее чуть было не растоптала конница Киутаги.

Анри д'Альбаре оставался верен своему начальнику и вскоре снова присоединился к нему в Метенах.

В то время афинский Акрополь защищал комендант Гурас, стоявший во главе полуторатысячного гарнизона. В крепости нашли прибежище пятьсот женщин и детей, которым не удалось бежать до того, как турки овладели городом. Гурас имел годовой запас провианта, четырнадцать пушек, три гаубицы, но терпел недостаток в боевых припасах.

Фавье решил снабдить ими Акрополь. Он обратился к своим солдатам с призывом помочь ему в смелом замысле. На этот призыв откликнулось пятьсот тридцать добровольцев; среди них — сорок филэллинов во главе с. Анри д'Альбаре. Под командой Фавье отважные воины, каждый с мешком пороха за плечами, вошли в Метенах на корабль.

Тринадцатого декабря отряд высаживается почти у самого подножья Акрополя. Светлая, лунная ночь выдает его. Турки встречают храбрецов ружейной пальбой. Фавье командует: «Вперед!», ни один человек не

бросает мешка с порохом, и, рискуя каждую минуту взлететь на воздух, отряд переправляется через ров и входит в открытые для него ворота крепости. Осажденные победоносно отгоняют турок. Но Фавье ранен, его помощник убит, Анри д'Альбаре также получает ранение. Афиняне не отпускают от себя смелых своих спасителей, и отряд во главе с командирами остается в крепости.

Молодой офицер, страдая от раны, по счастью, не опасной, был вынужден делить все лишения и невзгоды с осажденными, получавшими в день только несколько горстей ячменя. Прошло полгода, прежде чем капитуляция Акрополя вернула ему свободу. Лишь 5 июня 1827 года Фавье, его волонтеры и осажденные смогли, по соглашению с Киутаги, покинуть афинскую крепость и сесть на корабли, которые перевезли их в Саламин.

Чувствуя себя еще очень слабым, Анри д'Альбаре не захотел оставаться в этом городе и уехал в Корфу. Там он прожил два месяца, отдохнул, оправился от ранения и уже готов был возвратиться на передовые позиции, когда неожиданное обстоятельство перевернуло всю его жизнь, которая до тех пор была только жизнью солдата.

В Корфу, в самом конце Страда Реале, стоял старый, невзрачный дом, не то греческой, не то итальянской архитектуры. В нем жил человек, которого мало кто видел, но о ком много говорили. Это был банкир Элизундо. Никто не мог бы сказать, сколько ему было лет — шестьдесят или семьдесят. Уже лет двадцать он жил в своем мрачном жилище, из которого почти не выходил. Но если сам он нигде не бывал, к нему в контору приходили многочисленные посетители — люди разных национальностей и сословий, — его постоянные клиенты. Очевидно, банкир, пользовавшийся безупречной репутацией, совершал весьма крупные сделки. Между прочим, ходили слухи, что Элизундо очень богат. Ни один банкирский дом не только на Ионических островах, но даже среди его долматских собратьев в Заре и Рагузе не мог соперничать с ним в кредитоспособности. Ученные Элизундо векселя ценились на

вес золота. Разумеется, старик не доверял кому попало. Он казался весьма осмотрительным в делах и требовал: рекомендаций — безупречных, гарантий — полных, но уж если касса его открывалась, она казалась неисчерпаемой. Нужно еще сказать, что все свои дела, за редким исключением, Элизундо вел сам и только переписку бумаг, да и то самых маловажных, поручал одному из своих домочадцев, о котором речь пойдет впереди. Старик служил самому себе и кассиром и счетоводом. Каждый вексель он самолично подписывал, каждое письмо собственноручно составлял. Поэтому его контора не знала посторонних служащих. И не удивительно, что операции Элизундо оставались для всех тайной.

Откуда родом был этот банкир? Одни говорили — из Иллирии, другие — из Далмации, но точно никто ничего не мог сказать. Сам Элизундо ни словом не касался ни своего прошлого, ни настоящего; он как-то сторонился городского общества. Когда группа Ионических островов перешла под протекторат Англии, образ жизни старого банкира остался таким же, как в пору французского господства. Несомненно, слухи о его богатстве, исчисляемом сотнями миллионов, были сильно преувеличены, но все же он должен был обладать и, конечно, обладал большими деньгами, хотя и вел весьма скромный образ жизни.

Элизундо овдовел еще лет двадцать назад — до своего приезда в Корфу, куда он прибыл с двухлетней малюткой девочкой. Теперь Хаджине, так звали его дочь, уже исполнилось двадцать два года, и она была полной хозяйкой в доме.

Даже здесь, на Востоке, где женщины так хороши, Хаджина Элизундо выделялась редкой красотой; ее не портило даже строгое и несколько грустное выражение лица. И могло ли не отразиться на девушке сиротливое детство, жизнь без доброй наставницы-матери, без подруги, поверенной первых девичьих дум? Хаджина была среднего роста и отличалась необыкновенным изяществом. Гречанка по матери, она принадлежала к тому типу молодых женщин Лаконии, внешность которых считается образцом на всем Пелопоннесе.

Между отцом и дочерью не существовало, да и не могло существовать, настоящей близости. Банкир, молчаливый, замкнутый, жил нелюдимо, от всего отворачиваясь, ни на что не глядя, точно человек, которому режет глаза яркий свет. Малообщительный и в личных и в деловых отношениях, он держался чопорно и сухо даже со своими постоянными клиентами. Как было Хаджине, запертой в четырех стенах, где она никак не могла подобрать ключ к отцовскому сердцу, радоваться жизни?

По счастью, возле нее был славный, преданный, любящий друг, готовый пожертвовать собою ради юной госпожи, друг, который грустил, когда она грустила, и радовался каждой ее улыбке. Он жил одной Хаджиной. По этому описанию читатель еще решит, что речь идет о добром, верном псе, об одном из тех, кого Мишле назвал «почти человеком», а Ламартин — «смирненным другом». Нет, то был всего только человек, но пес не мог бы быть самоотверженнее! Хаджина родилась на его глазах, он никогда с ней не расставался, нянчил ее, когда она была ребенком, и служил ей, когда она выросла.

Это был грек по имени Ксарис — молочный брат матери Хаджины, за которой он последовал в дом ее мужа на Корфу. Ксарис почти четверть века провел в доме Элизундо, он считался больше, нежели простым слугою, и даже переписывал для банкира некоторые бумаги.

Рослый, широкоплечий, наделенный богатырской силой, Ксарис олицетворял собою классический тип лаконийца. Красивое лицо, чудесные глаза, открытый взгляд, длинный нос с горбинкой, рот, оттененный великолепными черными усами... На голове у него красовалась темная шерстяная шапочка, вокруг бедер — изящная национальная фустанелла.

Когда Хаджине Элизундо случалось выйти из дому за покупками или в католическую церковь св. Спиридиона, а то и просто подышать свежим морским воздухом, не доходившим до дома на Страда Реале, Ксарис неизменно сопровождал ее. Молодые корфиоты не раз видели, как она гуляла с ним по эспланаде или по

улицам предместья Кастрадес, которое тянется вдоль бухты того же названия. Многие из них пытались проникнуть в дом ее отца. Кого не прельщала красота девушки, а быть может, и миллионы банкира Элизундо? Но Хаджина неизменно пресекала подобные попытки, а отец никогда не старался повлиять на ее решение. Ксарис же ради счастья своей юной хозяйки на земле не колеблясь поступил бы своим блаженством на небе, блаженством, на которое безграничная преданность давала ему право!

Таков был этот унылый и мрачный дом, одиноко стоявший на окраине столицы древней Коркиры; таков был тесный семейный круг его обитателей, куда по воле случая вступил Анри д'Альбаре.

На первых порах между банкиром и французским офицером существовали чисто деловые отношения. Покидая Париж, молодой человек запасся крупными чеками на контору Элизундо. Получать по ним деньги он приезжал в Корфу. Во время филэллинских походов он черпал здесь все нужные средства. Несколько раз приходилось ему бывать на острове, и в один из своих приездов он познакомился с Хаджиной Элизундо. Красота девушки поразила его. Ее образ преследовал офицера даже на полях сражений в Морее и Аттике.

После капитуляции Акрополя Анри д'Альбаре считал, что ему лучше всего вернуться в Корфу. Рана еще давала о себе знать. Непомерно тяжелые месяцы осады надломили его силы. Поселившись на острове, он ежедневно по нескольку часов проводил в доме банкира, где пользовался таким гостеприимством, какого до сих пор не мог добиться ни один посторонний человек.

Так прошло около трех месяцев. Визиты французского офицера к Элизундо, поначалу строго деловые, с каждым днем становились все более дружескими. Хаджина произвела сильное впечатление на Анри д'Альбаре. Она не могла не почувствовать, что он влюблен, видя, с каким восхищением он смотрит на нее, внимает ей! И она не задумываясь взяла на себя заботу о его подорванном здоровье. Ее попечение пошло ему на пользу.

А тут еще и Ксарис, не таясь, выказывал расположение Анри д'Альбаре, чей открытый добродушный нрав все больше и больше нравился ему.

— Ты правильно поступаешь, Хаджина, — не раз говорил он. — Греция — наша родина, и мы должны всегда помнить, что перенес этот офицер, сражаясь за нее!

— Он любит меня! — сказала она однажды Ксарису.

Признание молодой девушки прозвучало очень просто, как все, что она делала и говорила.

— Ну, что ж! Прими его любовь! — отозвался Ксарис. — Твой отец стареет, Хаджина! Я тоже не вечен!.. Где ты найдешь более надежного защитника, чем Анри д'Альбаре?

Хаджина промолчала. Ей хотелось ответить, что и она разделяет чувства Анри. Но вполне понятная сдержанность не позволяла ей признаться в этом даже Ксарису.

А между тем Хаджина и Анри действительно любили друг друга. И в обществе их взаимная привязанность уже не была секретом. Еще ничего не было объявлено, а об их свадьбе в городе говорили, как о решенном деле.

Надо заметить, что банкир благосклонно относился к намерениям молодого человека. Как говорил Ксарис, старик чувствовал, что быстро дряхлеет. Как ни очерствел он душой, его не могла не тревожить мысль о том, что будет с Хаджиной, когда она, унаследовав огромное состояние, останется одна на свете. К слову сказать, денежная сторона дела нисколько не занимала Анри д'Альбаре. Он ни на минуту не задумывался над тем, богата дочь банкира или нет. Его чувство к ней родилось из влечения сердца, а не из низменных расчетов. Он страдал, видя, как безрадостно протекает ее жизнь в отцовском доме. Анри был пленен ее душевной красотой не меньше, чем прекрасной внешностью. Он любил девушку за благородство мыслей, за широту взглядов, за сильный характер и самоотверженную душу, способную на любые жертвы, если того требуют обстоятельства.

В этом нетрудно было убедиться: стоило лишь послушать, с каким жаром говорила Хаджина об угнетенной Греции и о нечеловеческих усилиях ее сынов, стремившихся вернуть свободу родине, Анри во всем был согласен с молодой девушкой.

Сколько часов проводили они в горячих беседах на родном языке Хаджины, которым Анри уже владел в совершенстве! Какую глубокую радость переживали они, когда победы на море вознаграждали греков за поражения в Морее и Аттике! Анри д'Альбаре приходилось, ничего не упуская, описывать столь памятные ему битвы, в которых он сам принимал участие, он должен был без конца повторять имена греков и иностранцев, отличившихся в кровавых схватках, имена всех женщин, чью участь Хаджина, будь на то ее воля, охотно разделила бы; вновь и вновь рассказывал он о Боболине, Модене, Захариас, Кайдос и о доблестной Андронике, спасенной им в Хайдарской резне.

Как-то раз Анри д'Альбаре упомянул имя этой женщины в присутствии Элизундо, и непроизвольное движение, вырвавшееся при этом у банкира, удивило его дочь.

— Что с вами, отец? — спросила она.

— Ничего, — ответил банкир.

Затем, прикинувшись равнодушным, он обратился к офицеру.

— Вы знавали эту Андронику? — спросил он.

— Да, сударь.

— И вам известно, что с ней случилось?

— Нет, — отвечал Анри д'Альбаре. — По-моему, после битвы при Хайдари она вернулась на родину в Мани. Но я надеюсь, что рано или поздно снова встречу ее где-нибудь на поле боя...

— Там, где место всем нам! — подхватила Хаджина.

Почему Элизундо расспрашивал об Андронике? Никто не задал такого вопроса. Да он бы наверное уклонился от ответа. Хаджина не задумывалась над этим, она не знала, какие знакомства были у старого банкира. Да и что могло связывать ее отца с Андроникой, которой она так восхищалась?

Элизундо, надо сказать, ни разу не обмолвился ни словом о том, что касалось освободительной войны. С кем он был — с угнетателями или угнетенными, — этого никто не знал; впрочем, вряд ли такой человек мог поддерживать кого-либо или что-либо. Достоверно было известно одно, банкир получал столько же писем из Турции, сколько из Греции.

Следует напомнить, что, хотя молодой офицер преданно служил делу эллинов, Элизундо радушно принимал его у себя.

Между тем Анри д'Альбаре не мог дольше оставаться на Корфу. Оправившись от раны, он решил довести до конца то, в чем полагал свой долг. Он часто делился своими планами с молодой девушкой.

— Вы правы, Анри, долг прежде всего! — соглашалась Хаджина. — Хотя мне будет очень тяжело без вас, я понимаю, что вы должны вернуться к своим товарищам по оружию! Да! Пока Греция не станет свободной, надо сражаться за нее!

— Хаджина, я на днях уезжаю! — сказал однажды Анри. — Успокойте же меня, скажите на прощанье, что я дорог вам так же, как вы мне...

— Анри, — прервала его Хаджина, — мне незачем таить от вас свои чувства. Я уже не дитя и достаточно серьезно смотрю на будущее. Я верю вам, — добавила она, протягивая ему руку, — верьте же и вы мне! Вернувшись, вы найдете мое сердце неизменным!

Анри д'Альбаре сжал руку Хаджины, протянутую ему, как залог любви.

— Благодарю вас от всей души! — ответил он. — Да! Мы... уже принадлежим друг другу. И хотя теперь разлука станет еще горше, зато я знаю — вы любите меня!.. Но перед отъездом я хочу переговорить с вашим отцом, Хаджина!.. Я хочу убедиться, что он благословит нашу любовь и не будет ей противиться...

— Я согласна, Анри, — ответила девушка. — Заручитесь его словом, как вы заручились моим!

Анри д'Альбаре не мог дольше медлить ни одного дня, ибо он уже заранее решил вновь присоединиться к отряду полковника Фавье.

Дела борцов за независимость шли все хуже и хуже. Лондонский договор пока не принес им никакой ощутимой пользы, и невольно думалось, что перед лицом султана европейские державы не решатся пойти дальше благих и совершенно платонических пожеланий.

К тому же турки, опьяненные своими победами, казались, не были расположены к уступкам. Несмотря на то, что в Эгейском море в то время находились две эскадры — одна английская, под началом адмирала Кодрингтона, другая французская, под командой адмирала де Риньи, а греческое правительство пребывало на острове Эгине, где в полной безопасности без конца совещалось, турки выказывали упорство, в котором было что-то поистине угрожающее.

Впрочем, все объяснилось 7 сентября, когда целая армада из девятиста двух турецких, египетских и тунисских кораблей вошла на обширный Наваринский рейд. Флот этот вез огромные запасы — все необходимое для экспедиции, которую Ибрагим готовил против гидриотов.

Итак, Анри д'Альбаре решил присоединиться к корпусу волонтеров именно в Гидре. Этот остров, расположенный возле самой оконечности Арголиды, — один из самых богатых в Архипелаге. Немало пожертвовав и кровью и деньгами ради общего дела эллинов, выдвинув таких отважных, наводивших ужас на турок моряков-воинов, как Томбазис, Миаулис, Цамадос, обитатели Гидры очутились в конце концов под угрозой страшного возмездия.

Вот почему Анри д'Альбаре не мог дольше задерживаться в Корфу, если хотел попасть на Гидру раньше солдат Ибрагима. И он окончательно назначил свой отъезд на 21 октября.

За несколько дней перед тем молодой офицер, как было решено, явился к Элизундо и попросил у него руки дочери. Он не скрыл от старика, что уже объяснился с Хаджиной и ему осталось заручиться лишь его согласием. Хаджина будет счастлива, если отец одобрит ее выбор, прибавил Анри, свадьбу отпразднуют по его возвращении. Впрочем, надо надеяться, разлука будет недолгой.

Банкир знал имущественное положение Анри д'Альбаре, состояние его дел, добропорядочность семьи. Никаких объяснений здесь не требовалось. Старик со своей стороны пользовался безупречной репутацией, и никогда дурная молва не касалась его дома. Поскольку офицер не заговорил о приданом, банкир также не упомянул об этом. Что же касается самого предложения, то Элизундо ответил согласием. Он рад этому браку, который безусловно составит счастье его дочери.

Все это было сказано довольно холодно, но так или иначе было сказано. Элизундо обещал Анри д'Альбаре руку Хаджины и принял благодарность дочери с обычной для него сдержанностью.

Казалось, все складывалось так, как только молодые люди могли мечтать и, надо добавить, как мог желать Ксарис. Узнав обо всем, добряк расплакался, как ребенок, и охотно прижал бы офицера к своей груди!

Между тем Анри д'Альбаре недолго оставалось пробыть с невестой. Он решил отправиться в путь на левантском бриге, уходившем из Корфу на Гидру 21 октября.

О том, как Анри и Хаджина проводили последние дни в доме на Страда Реале, легко догадаться без слов. Офицер и девушка не расставались ни на один час. Подолгу разговаривали они в низкой гостиной в первом этаже мрачного жилища. Возвышенная любовь придавала этим невеселым беседам волнующую прелесть, вносила в них светлые нотки. Обрученные утешали себя тем, что если настоящее пока еще ускользает от них, то будущее — в их руках. О настоящем же они старались думать спокойно. Бодро, с полным присутствием духа, взвешивали они все хорошее и дурное, что могло случиться с ними. И попрежнему горячо говорили они о благородной цели, вновь призывавшей Анри д'Альбаре.

Наступил вечер 20 октября, жених и невеста в последний раз повторяли друг другу то, что было столько раз уже говорено, но волновались они, пожалуй, как никогда. Ведь это был канун отъезда Анри.

Внезапно в гостиную вошел Ксарис. Он не мог произнести ни слова. Он задыхался. Видимо, он бежал, и как бежал! В несколько минут крепкие ноги пронесли его от крепости до Страда Реале, на другой конец города.

— Что случилось?.. Что с тобою, Ксарис?.. Чем ты так взволнован?.. — бросилась к нему Хаджина.

— Я только что... узнал! Новость!.. важную... чрезвычайную новость!

— Говорите!.. Говорите!.. Ксарис! — воскликнул в свою очередь д'Альбаре, не зная, радоваться ему или тревожиться.

— Не могу!.. Не могу! — отвечал Ксарис, буквально задыхаясь от волнения.

— Какое-нибудь военное известие? — спросила Хаджина, беря его за руку.

— Да!.. Да!..

— Говори же!.. Говори же скорее, милый Ксарис! — прорычала она. — Что случилось?

— Турки... сегодня разбиты... при Наварине!

Вот каким образом Анри и Хаджина узнали о морском сражении 20 октября.

Шумное вторжение Ксариса привело в гостиную старика банкира. Узнав новость, он не выказал ни удовлетворения, ни досады, только невольно сжал губы и нахмурил лоб. А молодые люди тем временем от души предавались бурной радости.

Весть о Наваринской битве только что дошла до Корфу. Но не успела она распространиться по городу, как уже по воздушному телеграфу из Албании были сообщены подробности о морском сражении.

Английская, французская и присоединившаяся к ним русская эскадры в составе двадцати семи кораблей — всего тысяча двести семьдесят шесть орудий, — заперев вход на Наваринский рейд, атаковали оттоманский флот. Турки, несмотря на численное превосходство (у них было шестьдесят судов различных размеров, вооруженных тысячью девятыстами девяносто четырьмя орудиями), были разбиты. Многие их корабли пошли ко дну, другие взлетели на воздух вместе с экипажем. Теперь в походе на Гидру Ибрагим не мог рассчитывать на помощь султана с моря.

То было событие большой важности. Наваринский бой сделался отправным пунктом нового периода в истории Греции. Три союзных державы заранее обязались не извлекать для себя никакой территориальной выгоды из разгрома Порты, и следовало ожидать, что их совместные действия в конце концов вызволят эллинов из-под турецкого ига и через некоторое время будет утверждена независимость Греческого королевства.

Такого мнения придерживались в доме банкира Элизундо. Хаджина, Анри и Ксарис ликовали. Вместе с ними радовались все корфиоты. Гром наваринских пушек возвестил свободу сынам Греции.

Победа союзных держав — лучше сказать, поражение турецкого флота — совершенно изменила планы Анри д'Альбаре. Теперь Ибрагиму пришлось отказаться от задуманного им похода на Гидру. Отныне об этом не могло быть и речи.

Стало быть, Анри д'Альбаре мог по-иному располагать собой. Отпала необходимость присоединяться к волонтерам, спешившим на помощь гидриотам. Поэтому он решил остаться в Корфу и ждать здесь естественного развития событий.

Как бы то ни было, а судьба Греции больше не могла оставаться неопределенной: Европа не даст ее раздавить! Вскоре на всем эллинском полуострове знамя независимости вытеснит полумесяц! Ибрагим удерживал теперь только центр и приморские города Пелопоннеса, рано или поздно ему придется очистить и последние опорные пункты.

В какой части полуострова требовались теперь услуги Анри д'Альбаре? Полковник Фавье собирался, повидимому, покинуть Митилини, чтобы начать наступление на турок, засевших на острове Хиосе, но приготовления к походу еще не были закончены, и для них требовалось время. Следовательно, торопиться с отъездом не приходилось.

Так полагал Анри д'Альбаре. Хаджина, разумеется, полностью соглашалась с ним. Они решили не откладывать свадьбу. Впрочем, и Элизундо не возражал против этого. Бракосочетание назначили через десять дней, то есть на самый конец октября.

Трудно передать, что переживали влюбленные накануне бракосочетания. Теперь не было и речи об отъезде на войну, где Анри мог лишиться жизни! Кончились разговоры о мучительной разлуке, когда Хаджине пришлось бы считать дни и часы! Но самым счастливым в доме, если кто-нибудь может быть счастливее жениха и невесты, был Ксарис. Он так радовался, будто готовился к собственной женитьбе! Словом, все были довольны, даже банкир, чье лицо, вопреки обычной холодности, выражало явное удовольствие. Будущее его дочери находилось в надежных руках.

Венчание решили устроить как можно скромнее и сочли излишним приглашать на него весь город. Счастье Хаджины и Анри не нуждалось в многочисленных свидетелях. Но все же торжество требовало кое-каких приготовлений, которыми и занялись без излишней помпы.

Наступило 23 октября. До свадебной церемонии оставалась всего неделя. Казалось, пора было уже проститься со всеми страхами и сомнениями. А между тем произошло событие, которое сильно встревожило бы Хаджину и Анри, если бы они узнали о нем.

В тот день Элизундо среди утренней почты обнаружил письмо, нанесшее ему внезапный удар. Банкир скомкал его, разорвал и даже сжег, что говорило о крайнем смятении такого, никогда не терявшего самообладания человека, как он.

При этом старик чуть слышно прошептал:

— Почему это письмо не пришло неделей позже! Будь проклят тот, кто написал его!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мессинийский берег

Выйдя из гавани Итилона, «Кариста» всю ночь шла на юго-запад, пересекая Коронский залив. Николай Старкос спустился в свою каюту и оставался там до утра.

Дул благоприятный ветер — один из тех свежих юго-восточных бризов, которые преобладают в этих морях главным образом в конце лета и в начале весны — когда средиземноморские испарения проливаются дождем.

На заре «Кариста» обогнула оконечность Мессинии — мыс Галло, и вскоре последние вершины Тайгета, чередующиеся с крутыми перевалами, потонули в предассветном тумане.

Когда стрелка мыса осталась позади, Николай Старкос вновь показался на палубе. Прежде всего он бросил взгляд на восток.

Манийская земля уже скрылась из виду. Теперь на ее месте, чуть позади мыса, высился могучий кряж горы Агиос — Димитриос.

Капитан протянул руку в сторону Мани. Была ли то угроза? Или он прощался навек с родным краем? Кто знает! Однако взор Николая Старкоса в ту минуту не предвещал ничего доброго!

Саколева стремительно неслась под прямыми и латинскими парусами и правым галсом шла теперь на северо-запад. Ветер дул с берега, так что море благоприятствовало плаванию, и судно быстро набирало скорость.

«Кариста» оставила слева острова Энус, Кабреру, Сапиенцу и Венетикс, пролетела через узкий пролив между Сапиенцей и материком и вышла к Модону.

Теперь перед «Каристой» развевывался берег Мессинии с чудесной панорамой гор явно вулканического происхождения. Позднее, после образования королевства, Мессиния вошла в состав тринадцати номов, или провинций, из которых состоит современная Греция, включая сюда и Ионические острова. Но в описываемую эпоху Мессиния в зависимости от военного счастья переходила то в руки Ибрагима, то в руки греков и была одним из многочисленных театров военных действий, подобно тому как некогда она являлась ареной трех войн, которые вела против Спарты, когда прославились имена Аристомена и Эпаминонда.

Молча, проверив по компасу курс судна и убедившись, что ничто не предвещает перемены погоды, Николай Старкос уселся на корме саколевы.

Тем временем на носу корабля, вполголоса переговариваясь между собой, собрался весь экипаж «Каристы», состоявший вместе с десятью завербованными накануне итилонцами примерно из двадцати человек, которыми под началом Старкоса командовал простой боцман. Помощник капитана на этот раз остался на берегу.

Шли толки о том, куда направляется маленькое судно и с какой целью следует оно вдоль берегов Греции. Само собой разумеется, расспрашивали новички, а отвечали ветераны.

— Не больно речист ваш капитан Старкос!

— Да, он слов на ветер не бросает; но уж коли заговорит, держись, поспевай только поворачиваться.

— А куда направляется «Кариста»?

— Этого никто никогда не знает!

— Что ж! Мы нанялись без уговора и готовы плыть хоть к черту на рога!

— Что верно, то верно! Куда капитан, туда и мы!

— Но где уж «Каристе» с двумя маленькими каронадами на носу нападать на торговые суда Архипелага!

— Да она и не нападает! Для морской охоты у капитана Старкоса есть другие суда, и на них — все что нужно: и вооружение и оснастка. «Кариста», как бы это сказать, прогулочная яхта. Поэтому и вид ее не внушает подозрений: так легче провести французские, английские, греческие и турецкие крейсеры!

— А как же добыча?..

— Добычу получает тот, кто ее берет. И вас не обойдут в конце кампании! Не бойтесь, работы всем хватит, а где опасность, там и нажива!

— Выходит, пока мы в водах Архипелага, дела не будет?

— Не будет... Так же как и в водах Адриатики, если капитану взбредет на ум вести нас в ту сторону! Итак, до нового приказа мы — честные моряки, на палубе

честной саколевы, самым честным образом плывем по Ионическому морю! Но все это изменится!

— И чем скорее, тем лучше!

Итак, новые матросы «Каристы» были под стать старым — их ничто не останавливало. Раскаяние, сожаление, даже простые предрассудки не обременяли этих приморских жителей Нижней Мани. По правде говоря, они были достойны того, кто ими командовал, а тот знал, что может рассчитывать на них.

Но если итилонцы хорошо знали капитана Старкоса, то они вовсе не знали его помощника, преданного ему душой и телом, одновременно и моряка и дельца. Его звали Скопело, он был родом с Чериготто — пользовавшегося дурной славой маленького островка, расположенного на южной границе Архипелага между Чериго и Критом. Один из новичков, обратившись к боцману «Каристы», спросил:

— А где же помощник капитана?

— Его нет на борту, — ответил боцман.

— Мы его так и не увидим?

— Увидите.

— А когда?

— Когда будет нужно!

— Где же он?

— Там, где ему надлежит быть!

Пришлось удовольствоваться этим уклончивым ответом. Впрочем, в ту же минуту свисток боцмана призвал всю команду наверх — выбирать шкоты. Любопытному матросу пришлось сразу же прекратить расспросы.

Дело в том, что нужно было держаться еще круче к ветру, чтобы следовать на расстоянии мили вдоль мессинийского берега. Около полудня «Кариста» прошла в виду Модона. Однако она направлялась не сюда. Судно не остановилось у городка, построенного на развалинах древней Мефаны, на краю мыса, чья скалистая оконечность тянется почти до самого острова Сапиенцы. Вскоре маяк, стоявший у входа в гавань, скрылся за прибрежными утесами.

Тем временем саколева дала сигнал. Черный вымпел с красным полумесяцем взвился на ноке грот-реи.

Но с земли не ответили. И «Кариста» продолжала свой путь на север.

К вечеру судно вошло на Наваринский рейд — своего рода большое морское озеро, окаймленное высокими горами. На миг за гигантской скалой промелькнул город, над ним неясной громадой высилась крепость. Здесь кончалась естественная насыпь, сдерживавшая яростные порывы северо-западных ветров: Адриатика сыпала их, как из мешка, на Ионическое море.

Последние лучи заходящего солнца еще освещали горные вершины на востоке; но обширный рейд уже погружался во тьму.

На сей раз экипаж «Каристы» мог бы подумать, что она собирается войти в Наварин. Действительно, саколева направилась прямо в пролив Мегало-Фуру, к югу от узкого острова Сфактерии, протянувшегося почти на четыре тысячи метров в длину. Там уже высились два надгробия, воздвигнутые на могилах двух благороднейших жертв войны: французского капитана Малле, павшего в 1825 году, и — в глубине грота — графа де Санта-Роза, итальянского филэллина, бывшего пьемонтского министра, отдавшего свою жизнь в том же году и за то же дело.

Когда саколева уже находилась кабельтовых в десяти от города, она с кливером, вынесенным на ветер, легла в дрейф. Теперь на ее грот-рее был поднят огонек — на этот раз сигнал был не черный, а красный. Но с берега опять не последовало ответа.

«Каристе» незачем было оставаться на рейде, где в то время стояло множество турецких кораблей. Ловко лавируя, она обошла расположенный почти посредине бухты маленький беловатый островок Кулонески. Затем по команде боцмана шкоты были слегка потравлены, руль положен право, и судно повернуло к берегам Сфактерии.

На этом островке Кулонески в начале войны, в 1821 году, греки обрекли на голодную смерть несколько сот турок, хотя те сдались в плен после заверения, что их перевезут на родину.

Позднее, в 1825 году, во время осады острова Сфак-

терии, который оборонял сам Маврокордато, войска Ибрагима в отместку вырезали восемьсот греков.

Теперь саколева направлялась к проходу Сикиа, шириной в двести мегров, зажатому между северным берегом острова Кулонески и мысом Корифазион. Только тот, кто хорошо знал его фарватер, почти недоступный для глубокосидящих кораблей, мог рискнуть войти в него. Но Николай Старкос смело, с ловкостью опытного лоцмана, обошел скалистые кручи побережья острова и обогнул мыс Корифазион. Затем, увидев стоявшую на якоре в открытом море многочисленную иностранную эскадру — около тридцати французских, английских и русских судов, — он осторожно миновал ее и под покровом ночи снова прошел вдоль мессинийского берега, проскользнув между материком и островом Продана; на рассвете «Кариста», увлекаемая свежим юго-восточным ветром, проследовала вдоль извилистого побережья спокойного Аркадского залива.

Солнце уже поднималось из-за вершины Итома, откуда взгляду открывается территория древней Мессинии, а также безбрежная гладь Коронского залива и другого залива, названного Аркадским — по имени города Аркадии, расположенного на его берегу. От лучистого света занимавшегося дня на море лежались длинные блики, вспыхивавшие всякий раз, когда утренний ветерок гнал по воде легкую рябь.

С зарей Николай Старкос уже маневрировал, стремясь по возможности пройти в виду города, расположенного в одном из углублений берега, который, закружляясь, образовывал обширный открытый рейд.

Часов в десять утра на корме саколевы появился боцман и замер перед капитаном, ожидая приказаний.

На востоке тем временем разматывался огромный клубок Аркадских гор. Селенья на пологих холмах толпились в садах, прячась в густой тени оливковых и миндальных рощ; ручьи журчали между купами миртов и кустами олеандров, пробивая себе путь к реке; знаменитые коринфские виноградники, цепляясь за каждый бугорок, ползли во все стороны, и бесчисленные их лозы покрывали склоны, не оставляя ни единого пустого клочка земли; а ниже, у самого моря, сверкали красные

городские дома — яркие пятна на фоне темнозеленой завесы кипарисов: такой представала великолепная панорама одного из самых живописных уголков Пелопоннеса.

Но по мере приближения к Аркадии — древней Кипариссии, которая во времена Эпаминонда была главным портом Мессинии, а после крестовых походов — феодальным владением француза Вилль-Ардуэна, невыразимо печальное зрелище открывалось взору каждого, кто свято чтит воспоминания прошлого, и будило в его сердце горькие сожаления.

Два года назад Ибрагим разрушил город, умертвил детей, женщин и стариков! В развалинах лежал старинный замок, возведенный на месте античного Акрополя; в развалинах — опустошенная фанатиками-мусульманами церковь св. Георгия; в развалинах — жилые дома и общественные сооружения!

— Сразу видно, что тут побывали наши друзья-египтяне! — пробормотал Николай Старкос, чье сердце даже не сжалось при виде этих разрушений.

— А теперь здесь турки хозяева! — откликнулся боцман.

— Да... надолго... надо надеяться, навсегда! — прибавил капитан.

— Причалим здесь или пойдем дальше?

Николай Старкос внимательно посмотрел в сторону гавани, от которой судно находилось всего в нескольких кабельтовых. Затем он перевел взгляд на самый город, раскинувшийся милей дальше, у подножья горы Психро. Подходя к Аркадии, капитан, видимо, еще не решил, что предпринять: пристать к молу или вновь пуститься в открытое море.

Боцман попрежнему ждал ответа.

— Подать сигнал! — скомандовал, наконец, Николай Старкос.

Красный вымпел с серебряным полумесяцем взвился на ноке грот-реи и развернулся в воздухе.

Через несколько минут на мачте, стоявшей на молу, заколыхался такой же вымпел.

— Право руль! — скомандовал капитан.

Короткое движение руля, и саколева повернула по ветру. Как только доступ в гавань оказался открытым, судно свободно вошло в нее. Убрали паруса — сперва с фок-мачты, затем был убран грот, — и «Кариста» под кливером и лиселем двинулась вперед. На небольшой скорости она дошла до середины гавани. Там судно бросило якорь, и матросы занялись работой, связанной с приходом в порт.

Тут же для капитана спустили шлюпку; отвалив под ударами двух пар весел от саколевы, она вскоре пристала к небольшой лестнице, высеченной в толще каменной набережной. Там в ожидании стоял какой-то человек, который вместо приветствия произнес:

— Скопело весь в распоряжении Николая Старкоса!

Капитан ответил дружеским жестом. Он первым поднялся по лестнице и направился к расположенным неподалеку домам — преддверию города. Миновав развалины — следы последней осады — и пройдя по улицам, запруженным турецкими и арабскими солдатами, он остановился возле уцелевшего кабака под вывеской «Минерва» и вошел туда в сопровождении своего спутника.

Спустя минуту капитан Старкос и Скопело уже сидели в отдельной комнате за столиком, на котором стояли два стакана и бутылка «ракии» — крепчайшего спирта, полученного из златоцветника. Собеседники скрутили, зажгли и закурили ароматные сигареты из золотистого миссолонгского табака; затем между ними завязался разговор, причем один из них охотно выказывал себя покорным слугой другого.

Отталкивающая физиономия — низкая и коварная, но при этом смышленная — была у этого Скопело. Ему, вероятно, было лет пятьдесят, но выглядел он старше. Представьте себе лицо ростовщика, хитрые быстрые глаза, коротко стриженные волосы, нос крючком, кривые пальцы и такие огромные ступни, о которых в Албании говорят: «Большой палец уже в Македонии, когда пятка еще только в Беотии». В довершение всего у этого невысокого тщедушного человека была большая плешивая голова и круглое лицо с седоватой бородкой;

усов он не носил. Скопело — арабский еврей по внешности и христианин по рождению — был одет очень просто: на нем были куртка и штаны левантского матреса и широкий дорожный плащ.

Скопело был как раз таким дельцом, какого могли желать для себя пираты Архипелага: никто лучше его не сбывал награбленное, никто дешевле не скупал невольников на турецких рынках и не перепродавал их прибыльнее на берберийском побережье.

Нетрудно догадаться, о чем беседовали между собой Николай Старкос и Скопело, что обсуждали они, как оценивали события бушевавшей в то время войны, какие выгоды предполагали извлечь из нее.

— Что происходит сейчас в Греции? — спросил капитан.

— После вашего отъезда почти ничего не изменилось, — отвечал Скопело. — Видно, за тот месяц без малого, что «Кариста» проплавала у берегов Триполитании, вы не получали никаких известий?

— Действительно никаких.

— Так вот, я сообщаю вам, капитан, что турецкие суда совсем уже готовы перевезти войска Ибрагима на Гидру.

— Это я знаю, — ответил Старкос. — Видел их вчера вечером на Наваринском рейде.

— Вы нигде не останавливались после того, как вышли из Триполи? — спросил Скопело.

— Останавливался... однажды! Всего на несколько часов в Итилоне... чтобы пополнить команду «Каристы». Но после того как я потерял из виду берега Мани, мне нигде до самой Аркадии не отвечали на сигналы.

— Видимо, нечего было сообщать, — заметил Скопело.

— Скажи-ка, — продолжал Николай Старкос, — что делают сейчас Миаулис и Канарис?

— Их действия, капитан, свелись к внезапным нападениям, способным принести только частичный успех, но не полную победу! И пока они охотятся за турецкими кораблями, пираты чувствуют себя привольно в водах Архипелага.

— А что, попрежнему говорят о...

— О Сакратифе? — перебил Скопело, слегка понизив голос. — Да!.. повсюду... и везде, Николай Старкос, и только от него зависит, чтобы заговорили еще больше!

— И заговoryт!

Николай Старкос залпом осушил стакан, который Скопело тут же снова наполнил, и встал. Он несколько раз прошелся взад и вперед по комнате; затем приблизился к окну и, скрестив руки, долго прислушивался к доносившемуся издали грубому пению турецких солдат.

Наконец, возвратившись к столу, он снова сел против Скопело и, резко переменив разговор, спросил:

— Я понял по твоему сигналу, что у тебя здесь припасены невольники?

— Да, Николай Старкос, и столько, что ими можно нагрузить корабль водоизмещением в четыреста тонн! Здесь все, что осталось после резни в павшем Кремиди! Клянусь дьяволом! Турки на этот раз перестарались! Будь их воля, они не оставили бы в живых ни одного пленника!

— Тут и мужчины и женщины?

— Да, и дети... словом, всех понемногу!

— Где они?

— В Аркадской крепости.

— Дорого ты за них заплатил?

— Н-да! Паша оказался не особенно сговорчивым, — ответил Скопело. — Он считает, что война за независимость идет к концу... по несчастью! А прекратится война — прекратятся и сражения! Как говорят в Берберии: нет войны — нет набегов, нет набегов — нет живого и всякого иного товара. Но если невольников мало, цена на них поднимается! Одно покрывает другое, капитан! Я знаю из верного источника, что сейчас на африканских рынках сильная нужда в рабах, и мы выгодно продадим наших!

— Ладно! — отвечал Николай Старкос. — А у тебя все готово? Ты можешь сейчас же отправиться со мной на «Каристу»?

— Да, все закончено, и меня здесь ничто не задерживает.

— Хорошо, Скопело! Через неделю, самое большее через десять дней, корабль, посланный из Скарпанто, заберет наш товар. Его беспрепятственно выпустят?

— Беспрепятственно. Я твердо договорился, — заверил Скопело. — Как только уплатим денежки. Стало быть, нужно заранее снестись с банкиром Элизундо, чтоб он учел наши векселя. Его подпись много значит: паша примет их как звонкую монету.

— Я сейчас же напишу Элизундо, что вскоре приеду в Корфу и покончу там с этим делом...

— И с этим... и с другим, не менее важным, не так ли, Старкос? — добавил Скопело.

— Быть может!.. — ответил капитан.

— По правде говоря, того требует справедливость! Элизундо богат... несметно богат, по слухам!.. А кто обогатил его, как не мы своей торговлей?.. Да, с риском повиснуть на мачте по свистку боцмана!.. Эх, в нынешние времена очень выгодно быть банкиром пиратов Архипелага! Итак, повторяю, Николай Старкос, того требует справедливость!

— Чего требует справедливость? — спросил Старкос, пристально глядя в глаза своему помощнику.

— Э, словно вы сами не знаете? — отвечал Скопело. — Признайтесь, капитан, положи руку на сердце, ведь вы добиваетесь только того, чтобы в сотый раз услышать то же.

— Возможно!

— Так вот, дочь банкира Элизундо...

— Что справедливо, то будет сделано!.. — перебил его Старкос, вставая из-за стола.

Затем он вышел из кабачка и в сопровождении Скопело направился к пристани, где его уже ждала шлюпка.

— Садись, — сказал он Скопело. — По приезде в Корфу мы договоримся с Элизундо о векселях. А когда это дело уладится, ты вернешься в Аркадию и выкупишь груз.

— Слушаю! — отозвался Скопело.

Через час «Кариста» уже выходила из залива. И еще до захода солнца Николай Старкос уловил далекие раскаты грома. Они доносились с юга.

Это грохотали пушки союзных эскадр на Наваринском рейде.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В погоню за пиратами Архипелага

Неуклонно держа путь на норд-норд-вест, саколева плыла мимо сменяющих друг друга живописных Ионических островов.

К счастью для «Каристы», вид добропорядочного левантского судна, то ли прогулочной яхты, то ли торгового корабля, ничем не выдавал ее истинного характера. В противном случае со стороны капитана было бы рискованно подставлять себя под орудия британских укреплений или отдаваться на волю фрегатов Соединенного королевства.

Только каких-нибудь пятнадцать морских лье отделяет Аркадию от острова Занте — «цветка Леванта», как поэтично называют его итальянцы. Вдали, за заливом, по которому неслась «Кариста», виднелись зеленеющие вершины горы Скопос; по ее уступам взбегают густые рощи оливковых и апельсиновых деревьев, пришедшие на смену дремучим лесам, некогда воспетым Гомером и Вергилием.

С берега, с юго-востока, дул ровный попутный ветер, и саколева под лиселями быстро разрезала воды тихого в тот час, как озеро, моря вокруг Занте.

К вечеру «Кариста» прошла в виду столицы острова, носящей одно с ним название. Это — красивый, итальянский городок, расцветший на земле Закинфа, сына троянца Дардана. С палубы судна были видны лишь огни города, протянувшегося на добрую половину лье по берегу круглой бухты. Огни эти, горевшие на разной высоте — от портовой набережной до кровли венецианского замка, воздвигнутого на уровне трехсот футов над уровнем моря, образовывали точно огромное

созвездие, причем самые яркие его светила отмечали дворцы эпохи Ренессанса, расположенные на главной улице, и собор св. Дионисия Закинфского.

Жители Занте претерпели глубокие изменения от соприкосновения с венецианцами, французами, англичанами и русскими; они, не в пример туркам, обосновавшимся на Пелопоннесе, не вели с Николаем Старкосом работорговли. Вот почему ему незачем было посылать сигналы портовым дозорным, незачем было и останавливаться на острове — родине двух знаменитых поэтов: итальянца Уго Фосколо, начавшего писать в конце XVIII века, и Саломоса — славы современной Греции.

«Кариста» пересекла узкий морской рукав, отделяющий Занте от Ахеи и Элиды. Несомненно, кое-кому на саколеве совсем не по душе пришлись песни, доносившиеся ветерком, как и баркароллы, распеваемые на Лидо! Но приходилось мириться с этим. На следующий день корабль, выйдя из плена итальянских напевов, уже плыл мимо Патрасского залива, глубоко вдающегося в материк; его продолжением служит Лепантский залив, который тянется до самого Коринфского перешейка.

Николай Старкос, стоя на носу «Каристы», окидывал взглядом побережье Акарнании, которая расположена к северу от залива. Здесь таился источник великих и бессмертных воспоминаний, они могли бы тронуть сердце истинного сына Греции, но не сердце отступника, уже давно продавшего свою мать-отчизну.

— Миссолонги! — произнес Скопело, указав на северо-восток. — Скверный народ! Предпочитают взлететь на воздух, лишь бы не сдаться неприятелю!

Два года назад ему здесь на редкость не посчастливилось с куплей-продажей невольников. После десятимесячной борьбы защитники Миссолонги, разбитые усталостью, истомленные голодом, не желая капитулировать перед Ибрагимом, взорвали город и крепость. Мужчины, женщины, дети — все погибли, не уцелели и победители.

А еще годом раньше в эти места, где незадолго перед тем был похоронен Марко Боцарис, приехал один из

героев войны за независимость — умирающий, павший духом, разочарованный поэт Байрон, чьи останки ныне покоятся в Вестминстере. Одно лишь сердце его осталось в любимой им Греции, освобожденной только после кончины поэта!

Николай Старкос резким движением отозвался на слова Скопело. Между тем саколева, миновав Патрасский залив, направилась к Кефаллинии.

При попутном ветре достаточно нескольких часов, чтобы пройти путь от острова Занте до Кефаллинии. Впрочем, «Кариста» не вошла в ее столицу Аргостолион — отмененный порт, правда, только для кораблей среднего тоннажа, для больших же он несколько мелковат; «Кариста», смело пройдя сквозь тесный фарватер, обогнула остров с востока и часов в шесть вечера уже приближалась к острому выступу Биаки — древней Итаки.

Этот остров, имеющий восемь лье в длину и полтора — в ширину, на редкость каменист и просто великолепен в своей первобытной дикости; он очень богат маслом и вином и насчитывает около десяти тысяч жителей. Не сыграв никакой роли в истории, остров Итака тем не менее оставил по себе громкую славу в античности. Он был родиной Одиссея и Пенелопы, воспоминания о которых еще живут на вершинах Аноги, в глубокой пещере горы св. Стефана, среди обломков горы Этос, на полях Эвмеи, у подошвы скалы Воронов, где согласно поэтической легенде бьет источник Аретузы.

С наступлением ночи земля сына Лаэрта, отступив лье на пятнадцать, мало-помалу исчезла во мраке за последним мысом Кефаллинии. Ночью «Кариста», несколько удалившись в открытое море, чтобы избежать опасной теснины между северной оконечностью Итаки и южным выступом острова Сен-Мор, прошла милях в двух от восточного побережья этого острова.

При свете луны можно было смутно различить нечто вроде крутого обрыва, нависшего над морем на высоте ста восьмидесяти футов: это белела скала Левкида, воспетая Сафо и Артемизой. Но с восходом солнца остров, также получивший в древности имя Левкида, уже бес-

следно исчез на юге, и саколева на всех парусах помчалась к Корфу, держась вблизи албанского берега.

В тот день судну оставалось сделать еще около двадцати лье, ибо Николай Старкос хотел до сумерек войти в гавань столицы острова.

Чтобы быстрее покрыть это расстояние, экипаж «Каристы» смело поставил все паруса, так что планшир саколевы почти скользил по воде. Ветер заметно посвежел. Рулевому приходилось смотреть в оба, чтобы не позволить судну опрокинуться под этой чрезмерной парусностью. По счастью, мачты были очень крепкие, оснастка почти новая и весьма добротная. Ни один риф не был взят, ни один лисель не был убран.

Саколева летела так, словно принимала участие в международных гонках.

На такой скорости она пронеслась мимо островка Паксос. На севере уже вырисовывались первые возвышенности Корфу. Справа, на горизонте, со стороны албанского берега выступал зубчатый силуэт Акрокерониенских гор. В этой весьма оживленной части Ионического моря судну несколько раз попадались навстречу военные корабли, шедшие под английским или под турецким флагом. «Кариста» не избегала ни тех, ни других. При первом же сигнале «лечь в дрейф» она не колеблясь подчинилась бы требованию, ведь на борту ее не было ни груза, ни бумаг, которые могли бы ее выдать.

В четыре часа пополудни саколева стала держаться немного круче к ветру, собираясь войти в пролив, отделяющий остров Корфу от материка. Выбрали шкоты, и рулевой повернул на один румб, чтобы обогнуть южную оконечность острова — мыс Бианко.

К северу фарватер пролива не очень привлекателен. Но в южной части он радует глаз и составляет с албанским берегом, в те времена почти невозделанным и полудиким. Несколькоми милями дальше пролив расширяется, образуя бухточку, которая подковой вдается в побережье острова. Саколева понеслась чуть быстрее и пересекла бухту. Благодаря своим очень извилистым очертаниям остров Корфу имеет шестьдесят пять лье в периметре, тогда

как в длину он насчитывает от силы двадцать лье, а в ширину — не более шести.

Около пяти часов «Кариста» прошла вблизи островка Улисса через проток, связывающий озеро Каликиопуло — древнюю иллаическую гавань — с морем. Затем она проплыла вдоль прелестного «каньона» — узкой долины, по которой среди зарослей алоэ и агав уже катили в экипажах и проносились верхом горожане, обычно собиравшиеся здесь, одним лье южнее города, чтобы подышать свежим морским воздухом и полюбоваться чудесной панорамой, которую по ту сторону пролива замыкают Албанские горы. «Кариста» проскользнула мимо бухты Кардакио и венчающих ее берега развалин, мимо летнего дворца верховного лорда-комиссара, оставив слева бухту Кастрадес с одноименным предместьем, полукругом огибающим ее, Страда Марина — скорее широкую аллею, чем улицу, затем тюрьму, древнюю крепость Сальвадор и первые дома столицы острова. Она миновала мыс Сидеро, на котором высится крепость — своеобразный военный городок, настолько обширный, что в нем помещается комендатура, офицерские квартиры, госпиталь и бывшая греческая церковь, превращенная англичанами в протестантскую. Наконец, двигаясь прямо на запад, капитан Старкос обогнул оконечность Сан-Николо и, проплыв вдоль северной части города, бросил якорь в полукабельтове от мола.

Спустили шлюпку, Николай Старкос и Скопело сели в нее, причем капитан не забыл сунуть за пояс нож с коротким и широким лезвием — оружие, распространенное в различных областях Мессинии. Высадившись, они направились в карантинное бюро, где предъявили судовые бумаги, оказавшиеся в полном порядке. Теперь каждый из них был волен идти куда ему вздумается, и они расстались, условившись встретиться в одиннадцать часов ночи, чтобы вместе возвратиться на саколеву.

Скопело, как всегда занятый делами «Каристы», углубился в торговую часть города, напоминавшую своими кривыми улочками с итальянскими названиями,

сводчатыми лавчонками и толчеей неаполитанский квартал.

Николай Старкос решил в тот вечер, как говорится, «навести уши». С этой целью он отправился на эспланаду — самое аристократическое место в столице Корфу.

Эспланада — парадная площадь, обсаженная по бокам великолепными деревьями, — расположена между городом и крепостью, от которой ее отделяет широкий ров. Хотя день не был праздничным, по эспланаде двумя нескончаемыми встречными потоками двигались местные жители и иностранцы. В ворота св. Георгия и св. Михаила, выходящие по обе стороны белокаменного фасада дворца, воздвигнутого на северной стороне площади генералом Мэтландом, то и дело входили и выходили курьеры. Таким образом осуществлялась непрерывная связь между губернаторским дворцом и крепостью; ее подъемный мост против статуи фельдмаршала Шуленбурга все время оставался опущенным.

Николай Старкос смешался с толпой, которой владело необычайное волнение. Старкос был не из тех, кто расспрашивает, он предпочитал слушать. Его поразило, как часто повторялось здесь одно и то же имя с прибавлением самых нелестных эпитетов — имя Сакра-тифа.

В первую минуту любопытство Старкоса, казалось, было слегка задето; но затем, чуть пожав плечами, он стал спускаться по эспанаде к террасе, выступавшей над морем.

Небольшая группа зевак собралась около круглой часовенки, недавно возведенной в память сэра Томаса Мэтланда. Здесь же в честь одного из его преемников — сэра Говарда Дугласа — несколько лет спустя соорудили обелиск в пару к статуе тогдашнего верховного лорда-комиссара Фредерика Адама, красовавшейся перед губернаторским дворцом. Вероятно, если бы английский протекторат продолжался еще некоторое время и Ионические острова не вошли бы в состав Эллинского королевства, все улицы Корфу были бы заставлены изваяниями губернаторов этих островов.

Тем не менее мало кому из корфиотов приходило в голову порицать изобилие бронзовых и мраморных памятников, и, может статься, ныне, когда прежний порядок канул в прошлое, об увлечении монументами вспоминают так же тепло, как и о прочих начинаниях администрации Соединенного королевства.

Но если мнения по этому поводу, как и по многим другим, расходились, ибо в число семидесяти тысяч жителей древней Коркиры (из которых двадцать тысяч населяло ее столицу), входили и католики, и православные, и многочисленные евреи, жившие в ту эпоху обособленно, в своего рода гетто, если различные интересы, свойственные представителям разных рас и верований, проявлялись в борьбе трудно совместимых идей, — то в тот вечер все разногласия, казалось, отступили на задний план перед одной общей мыслью, растворились в едином проклятии, адресованном человеку, чье имя склонялось на все лады:

«Сакратиф! Сакратиф! Смерть пирату Сакратифу!»

И на каком бы языке ни произносилось это гнусное имя — английском, французском или греческом, — оно предавалось анафеме с одинаковым чувством отвращения.

Николай Старкос попрежнему слушал и молчал. С высоты террасы он мог удобно разглядывать почти весь пролив, простиравшийся неподвижно, точно лагуна, от острова Корфу до самой гряды замыкавших его Албанских гор, вершины которых уже позолотили лучи заходящего солнца.

Затем, повернувшись в сторону порта, капитан обратил внимание на царившее в нем оживление. Множество лодок направлялось к стоявшим у пристани военным кораблям. Ответные сигналы то и дело вспыхивали на мачтах кораблей и на флагштоке крепости, батареи и казематы которой скрывались за стеной гигантских алоэ.

По всему было видно, — а опытного моряка не обманешь, — что один, а может быть, даже несколько кораблей готовились покинуть Корфу, и надо признаться, корфиоты выказывали при этом необычайную заинтересованность.

Но вот солнце уже исчезло за горными вершинами острова, и вслед за недолгими в этих широтах сумерками вскоре должна была наступить ночь.

Николай Старкос рассудил, что пришло время уходить. Он снова возвратился на эспланаду, оставив на террасе толпу любопытных. Затем неторопливым шагом направился к домам с аркадами, тянувшимися вдоль западной стороны площади.

Здесь не было недостатка ни в ярко освещенных кофейнях, ни в столиках, расставленных рядами прямо на тротуаре и уже занятых многочисленными «потребителями». И надо заметить, что все они больше разговаривали, чем «потребляли», если столь современное слово может быть применено к корфиотам, жившим полвека назад.

Николай Старкос уселся за один из таких столиков с твердым намерением не пропустить ни одного слова из разговоров, которые велись по соседству.

— Право, опасно стало торговать, — сетовал какой-то судовладелец со Страда Марина. — Скоро никто не решится отправлять корабли с ценным грузом мимо побережья Леванта!

— Скоро, — подхватил его собеседник, из той породы дородных англичан, которые всегда кажутся сидящими на тюке с шерстью, подобно спикеру их палаты общин, — скоро не найдется ни одного матроса, который согласился бы служить на кораблях, плавающих в водах Архипелага.

— Ох, этот Сакратиф!.. Этот Сакратиф! — твердили повсюду с неподдельным негодованием.

— Замечательное имечко! — радовался про себя хозяин кофейни. — От него дерет в горле и все время хочется пить.

— В каком часу отплывает «Сифанта»? — спросил негоциант.

— В восемь часов, — отвечал один из корфиотов. — Но, — прибавил он с изрядной долей сомнения, — мало отплыть, надо еще достичь цели!

— Э! Достигнут! — воскликнул другой корфиот. — И никто не посмеет утверждать, будто какой-то пират препятствовал действиям британского флота...

— И греческого, и французского, и итальянского! — бесстрастно перечислил сидевший поблизости английский офицер, словно хотел, чтобы все государства получили свою долю неприятностей в этом деле.

— Однако, — продолжал негоциант, вставая из-за стола, — время идет, и если мы хотим проводить в путь «Сифанту», то нам, пожалуй, пора отправляться на эспланаду!

— Нет, — возразил его собеседник, — не к чему торопиться. Ведь об отплытии судна возвестят пушечным выстрелом!

И они снова присоединились к хору голосов, призывавших проклятья на голову Сакратифа.

Решив, что теперь самое время вступить в разговор, Николай Старкос обратился к своим соседям по столу; при этом ничто в его речи не обличало уроженца Южной Греции.

— Позвольте мне, господа, спросить вас, что это за «Сифанта», о которой только и говорят сегодня?

— Это корвет, сударь, — отвечали ему. — Его приобрела, снарядила и вооружила на собственный счет компания английских, французских и греческих негоциантов; экипаж «Сифанты» набран из людей тех же национальностей, а командует ею храбрый капитан Страдена! Быть может, корвету удастся то, что до сих пор не удавалось ни английским, ни французским военным кораблям!

— Ах, вот что, — произнес Николай Старкос, — отплывает корвет!.. А куда, позвольте осведомиться?

— Туда, где он сможет обнаружить, схватить и вздернуть всем известного Сакратифа!

— В таком случае я попрошу вас сказать мне, кто такой этот всем известный Сакратиф.

— Вы спрашиваете, кто такой Сакратиф? — в растерянности воскликнул корфиот, к которому присоединился англичанин, выразивший свое изумление одним только возгласом: «О!»

Нельзя было не поразиться тому, что в Корфу отыскался человек, ничего не слыхавший о Сакратифе, когда вокруг все только и говорили о нем.

Капитан «Каристы» сразу же заметил, какое впечатление произвела его неосведомленность. Поэтому он поспешил добавить:

— Я приезжий, господа. Только что прибыл из Зары, так сказать, из самого сердца Адриатики, и понятия не имею о том, что происходит сейчас на Ионических островах...

— Скажите лучше, что творится на всем Архипелаге, — воскликнул корфиот, — ибо Сакратиф поистине превратил Архипелаг в зону своего разбоя!

— А! — произнес Николай Старкос. — Стало быть, речь идет о пирате?..

— О пирате, о корсаре, о морском разбойнике! — отозвался толстый англичанин. — Да! Сакратиф заслужил все эти имена и другие, еще более ужасные! Никакими словами не передать его злодеяний!

Выпалив все это, англичанин с минуту отдувался и, переведя дыхание, продолжал:

— Меня удивляет, сударь, что еще существует европеец, не слыхавший о Сакратифе!

— Не стану отрицать, милостивый государь, — ответил Николай Старкос, — имя это мне знакомо, но я не знал, что именно оно так взбудоражило сегодня весь город. Разве пират намерен высадиться в Корфу?

— Посмел бы только! — вскричал негоциант. — Он никогда не отважится ступить на землю нашего острова.

— В самом деле? — усомнился капитан «Каристы».

— Разумеется, сударь, а если бы он решился на это, то виселицы, слышите, виселицы, вырастали бы сами собой на его пути и петля захлестнула бы его на каком-нибудь перекрестке.

— Ну коли так, то почему же такие волнения? — переспросил Николай Старкос. — Я здесь около часа — и никак не могу взять в толк, чем вызвана общая тревога...

— Я вам это мигом объясню, — ответил англичанин. — С месяц тому назад Сакратиф захватил два коммерческих судна: «Three Brothers» и «Carnatic»;

больше того, он продал на рынках Триполитании матросов обоих экипажей, уцелевших после боя.

— О! — вскричал Николай Старкос. — Вот черное дело, и Сакратифу, должно быть, придется когда-нибудь раскаться в нем!

— Тогда, — продолжал корфиот, — несколько негоциантов соединились и общими силами снарядили великолепный военный корвет, весьма быстроходный, с отборным экипажем под командой отважного моряка капитана Страдены, который начнет охоту на Сакратифа, и теперь уж можно надеяться, что пират не избежит заслуженной кары и перестанет, наконец, мешать торговле в Архипелаге.

— Ну, изловить его не так-то просто, — пробормотал Николай Старкос.

— Весь город в волнении, — снова заговорил английский купец, — все жители собрались на эспланаде, чтобы восторженными криками проводить «Сифанту», когда она поплывет вниз по Корфскому проливу.

Николай Старкос, видимо, выведал все, что хотел. Он поблагодарил своих собеседников; затем, выйдя из-за стола, снова смешался с толпой, наводнившей эспланаду.

Англичанин и корфиоты ничего не преувеличивали. Они сказали сущую правду! Вот уже несколько лет, как разбойничьи действия Сакратифа становились все более дерзкими. Множество торговых судов, плававших под различными флагами, попало в руки этого пирата, наглого и кровожадного. Откуда он взялся? Кто был родом? Принадлежал ли он к корсарам — выходцам с берберийских берегов? Трудно было сказать! Его никто не знал. Его никто никогда не видел. Те, кто попадали под огонь его пушек, не возвращались; их или убивали, или продавали в рабство. Как было опознать его корабль? Сакратиф каждый раз плавал на другом. Он совершал свои нападения всегда под черным флагом, то на быстром левантском бриге, то на одном из тех легких корветов, которых нет равных в скорости. Если при встрече с грозным противни-

ком — военным кораблем — сила была не на его стороне, он искал спасение в бегстве и внезапно исчезал. В каком скрытом убежище, в каком никому неведомом уголке Архипелага, следовало искать его? Он знал самые потайные проходы на этом в ту пору еще мало изученном побережье, гидрография которого оставляла желать многого.

Сакратиф сочетал в себе черты отличного моряка и безжалостного бандита. Он возглавлял преданную ему команду, готовую на все, ибо она после боя неизменно получала свою «чертову долю» — несколько часов резни и грабежа. Поэтому сообщники следовали за ним куда бы он их ни вел. Они выполняли любые его приказания. Они готовы были умереть за него. Никакие угрозы, никакие пытки не заставили бы корсаров выдать своего вожака, имевшего над ними поистине чудесную власть. Редкое судно могло устоять перед натиском этих головорезов, устремлявшихся на абордаж; особенно беззащитны были слабовооруженные торговые корабли.

Надо сказать, что, если бы Сакратифа, вопреки его ловкости, все же настиг какой-нибудь военный корабль, пират скорее взорвал бы свое судно, чем сдался. Рассказывали даже, что однажды, когда ему в разгар боя не хватило ядер, он будто бы зарядил орудия головами, отрубленными у трупов, валявшихся тут же на палубе.

Вот каков был человек, чье ненавистное имя возбуждало столько страстей в городе Корфу, грозный пират, в погоню за которым устремлялась «Сифанта».

Вскоре грянул выстрел. Яркая вспышка — и над земляным валом крепости поднялись клубы дыма. То был сигнал к отплытию. «Сифанта» снялась с якоря и вошла в пролив Корфу, направляясь в южную часть Ионического моря.

Вся толпа подалась на край эспланады, к террасе, украшенной статуей сэра Мэтланда.

Старкос, властно побуждаемый чувством, возможно, более сильным, чем простое любопытство, вскоре очутился в первом ряду зрителей.

Корвет с зажженными отличительными огнями медленно выплывал в лучах луны. Он шел круто к ветру, держа курс на южную оконечность острова — мыс Бианко. Из крепости послышался второй выстрел, за ним третий, «Сифанта» ответила столькими же залпами, осветившими ее орудийные порты. Грому пушек вторило тысячеголосое «ура», последние раскаты которого донеслись до корвета в ту минуту, когда он уже огибал бухту Кардакио.

Затем все снова погрузилось в тишину. Толпа малопомалу редела, расходясь по улицам предместья Кострадес; теперь здесь попадались лишь редкие прохожие, которых дела или развлечения удерживали на эспланаде.

Целый час еще Николай Старкос задумчиво стоял на обширной и почти безлюдной площади. Но ни в голове у него, ни на душе не было покоя. В глазах его горел огонь, и он не мог скрыть его под опущенными веками. Взгляд его невольно уносился за корветом, который только что скрылся за еле различимой громадой острова.

Когда на церкви св. Спиридиона пробило одиннадцать, Николай Старкос вспомнил, что условился в этот час встретиться около карантинного бюро со Скопело. Он поднялся по улице, которая вела к Новой крепости, и вскоре вышел на набережную.

Скопело уже ждал его.

Подойдя к нему, капитан сказал:

— Корвет «Сифанта» только что отплыл!

— А! — проронил Скопело.

— Да... в погоню за Сакратифом!

— Он либо другой, — не все ли равно!.. — коротко ответил Скопело и указал затем на гичку, качавшуюся внизу, возле лестницы, на последних волнах прибоя.

Несколько минут спустя лодка подошла к «Каристе», и Николай Старкос поднялся на палубу со словами:

— До завтра, у Элизундо!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Неожиданность

На следующее утро, около десяти часов, Николай Старкос высадился у мола и направился к дому банкира. Уже не в первый раз являлся он в контору, где его всегда принимали как клиента, чьими делами не пренебрегают.

Элизундо хорошо знал Старкоса. Пожалуй, он мог бы многое порассказать о его жизни. Банкиру было известно даже то, что он — сын героини, патриотки, спасенной Анри д'Альбаре. Но в городе никому больше не было, да и не могло быть известно, что представлял собою в действительности капитан «Каристы».

Старкоса, очевидно, ждали. Его сразу приняли, едва он вошел. Ведь письмо, полученное Элизундо из Аркадии двое суток назад, было от него. Клиента немедленно ввели в кабинет банкира, который тут же предусмотрительно запер дверь на ключ. Теперь Элизундо и Старкос очутились с глазу на глаз. Никто не мог им помешать. Никто не мог подслушать, о чем они говорили.

— Добрый день, Элизундо, — сказал капитан «Каристы», непринужденно опускаясь в кресло с видом человека, чувствующего себя, как дома. — Скоро полгода, как мы с вами не виделись; правда, вы частенько получали от меня вести! Поэтому, проезжая так близко от Корфу, я не утерпел, чтобы не заехать сюда: мне очень хотелось позжать вам руку!

— Не для того, чтобы повидаться со мной и расточать мне любезности приехали вы сюда, Николай Старкос! — возразил банкир глухим голосом. — Чего вы от меня хотите?

— Эх, — воскликнул капитан, — узнаю моего старого друга Элизундо! Поменьше чувств, побольше дела! Видно, вы давным-давно запрятали свое сердце в самый потаенный ящик своей кассы, а ключ от ящика потеряли.

— Скажите, что вас сюда привело и зачем вы мне писали? — спросил Элизундо.

— В самом деле, вы правы, Элизундо! Шутки в сторону! Будем серьезны! Нам с вами надо потолковать сегодня о вещах важных и не терпящих отлагательства!

— В вашем письме говорится о двух делах, — продолжал банкир, — одно из них принадлежит к разряду обычных наших сделок, другое касается вас лично.

— Совершенно верно, Элизундо!

— Ну, что ж, говорите, Николай Старкос! Мне не терпится узнать, о чем идет речь.

Банкир выражался весьма определенно. Как видно, он хотел заставить своего посетителя объясниться на чистоту, не прибегая к уверткам. Но его глухой голос как-то не вязался с прямо поставленными вопросами. Перевес сил в этом поединке был явно не на стороне банкира.

Поэтому капитан «Каристы» не мог скрыть полунасмешливую улыбку, но Элизундо, не поднимавший глаз, не заметил ее.

— Какое же дело мы обсудим в первую очередь? — спросил Старкос.

— То, которое касается вас лично, — быстро ответил банкир.

— А я предпочитаю начать с другого, — резко возразил капитан.

— Извольте! Говорите.

— Так вот, мы хотим выкупить в Аркадии транспорт невольников. Двести тридцать семь человек — мужчин, женщин и детей, — которых сперва отвезут на остров Скарпанто, откуда я берусь переправить их на берберийское побережье... Нам ведь с вами не впервые заключать подобные сделки, и вы, Элизундо, знаете, что турки уступают свой товар либо за наличные деньги, либо под векселя, гарантированные подписью надежного человека. За этим я и приехал к вам и рассчитываю, что, когда Скопело прибудет с заготовленными векселями, вы не откажете нам в своей подписи. Это вас не затруднит, не правда ли?

Банкир молчал, но его молчание могло означать лишь согласие. Такие операции совершались уже не раз, и это обязывало Элизундо.

— Должен прибавить, — небрежно продолжал Старкос, — что сделка весьма выгодная. События в Греции принимают дурной оборот для Порты. Наваринская битва и вмешательство европейских держав губительно скажутся на положении Оттоманской империи. Если туркам придется прекратить войну, то не будет больше пленных, следовательно — ни работорговли, ни барышей. Вот почему эти последние партии, которые нам уступают еще на достаточно выгодных условиях, мы продадим в Африке по высокой цене. Мы не прогадаем, а стало быть, не прогадаете и вы. Итак, могу я надеяться на вашу подпись?

— Я учту ваши векселя, — отвечал банкир, — так что моя подпись вам не понадобится.

— Как вам будет угодно, Элизундо, — согласился капитан, — но мы бы удовольствовались и вашим поручительством. Когда-то вы, не задумываясь, нам его давали.

— Мало ли что было когда-то, сегодня я смотрю на это иначе! — отрезал Элизундо.

— Ах, вот как! — воскликнул капитан. — Впрочем, воля ваша! Я слышал, вы собираетесь уйти от дел? Это правда?

— Да, собираюсь! — отвечал банкир более твердо. — И что касается вас, Николай Старкос, то это последняя операция, которую мы совершаем совместно с вами... если уж вы настаиваете, чтобы я ее совершил!

— Да, Элизундо, решительно настаиваю! — сухо ответил капитан.

Затем он встал и прошелся несколько раз по кабинету, то и дело окидывая банкира далеко не ласковым взглядом. Наконец, остановившись перед ним, Старкос насмешливо проговорил:

— Значит, почтеннейший Элизундо, вы очень богаты, коли намерены уйти на покой.

Банкир промолчал.

— Что же вы сделаете с нажитыми миллионами, — спросил капитан, — ведь не унесете же вы их с собою на тот свет? Такой багаж чересчур громоздок для последнего путешествия! Кому же они достанутся после вашей смерти?

Элизундо продолжал хранить упорное молчание.

— Они достанутся вашей дочери, — продолжал Николай Старкос, — красавице Хаджине Элизундо! Она унаследует отцовское богатство! Вполне справедливо! Но что она с ним сделает? Одна на свете, как она управится со столькими миллионами?

Банкир выпрямился и, сделав над собою усилие, как человек, готовящийся к тяжелому признанию, с трудом произнес:

— Моя дочь не останется одинокой!

— Вы выдадите ее замуж? — спросил капитан. — А за кого, позвольте спросить? Кто захочет жениться на Хаджине Элизундо, когда откроется, как нажил ее отец львиную долю своего состояния? И прибавлю: кому она сама, узнав правду, осмелится отдать свою руку?

— А как она узнает? — возразил банкир. — Хаджина по сегодняшний день пребывает в неведении, кто же ей откроет глаза?

— Я, если уж на то пошло.

— Вы?

— Да, я! — вызывающе ответил капитан «Каристы». — Слушайте, Элизундо, и отнеситесь внимательно к моим словам, ибо я больше не вернусь к тому, что собираюсь вам сказать. Вы нажили громадное состояние главным образом благодаря мне, благодаря нашим совместным сделкам, причем рисковал-то головой я. Промышляя награбленным добром, торгуя рабами, пока Греция добивалась независимости, вы набивали себе карманы: ведь сумма ваших барышей исчисляется миллионами! Ну, что ж, если эти миллионы перейдут ко мне, будет только справедливо! Вы знаете, что Старкос чужд предрассудков! И он не спросит, откуда у вас такое богатство! С окончанием войны я и сам брошу дела! Но меня не прельщает одинокое существование, и я требую, понимаете, требую, чтобы Хаджина Элизундо стала женою Николая Старкоса!

Банкир откинулся на спинку кресла. Он чувствовал себя в руках пирата, своего давнего сообщника. Он знал, что капитан «Каристы» не остановится ни перед чем, чтобы добиться своего. Старик не сомне-

вался, что для достижения цели Николай Старкос способен открыть тайну банкирского дома.

Как ни боялся Элизундо рассердить своим отказом Старкоса, у него не было другой возможности отвергнуть притязания пирата, и, поколебавшись, он сказал:

— Моя дочь не может стать вашей женой, Старкос, она выходит замуж за другого!

— За другого! — воскликнул Николай Старкос. — Я и в самом деле приехал во-время! Ах вот как! Значит, ваша дочь, банкир Элизундо, выходит замуж?..

— Да, через пять дней!

— И кто жених?.. — спросил капитан дрожащим от бешенства голосом.

— Французский офицер.

— Французский офицер! Без сомнения, один из этих филэллинов, спасителей Греции?

— Да!

— Его имя?..

— Капитан Анри д'Альбаре.

— Так вот, почтеннейший Элизундо, — сказал Николай Старкос, подходя вплотную к банкиру и глядя на него в упор, — я еще раз повторяю: когда капитан Анри д'Альбаре узнает, кто вы такой, он и сам не захочет жениться на вашей дочери, а когда Хаджина узнает об источнике отцовского богатства, она не посмеет и думать о капитане Анри д'Альбаре! Итак, если вы сегодня же не откажетесь от мысли об этом браке, завтра он расстроится сам собой, ибо завтра жениху и невесте станет известно все!.. Да!.. Да!.. Клянусь дьяволом, они все узнают.

Банкир привстал с места. Он пристально посмотрел на капитана «Каристы» и с отчаянной решимостью произнес:

— В таком случае... я покончу с собой, Николай Старкос, чтобы дочери моей не приходилось стыдиться отца!

— Ну нет, — возразил капитан, — вы всегда остаетесь ее позором. Ваша смерть не изгладит из памяти людей, что вы были банкиром пиратов Архипелага.

Элизундо, не будучи в силах что-либо возразить, в изнеможении упал в кресло.

— Вот почему Хаджина Элизундо не может стать женой Анри д'Альбаре и ей волей-неволей придется выйти замуж за Николая Старкоса! — добавил капитан «Каристы».

Еще полчаса продолжалась беседа, во время которой один умолял, а другой грозил. Пират настойчиво домогался своего вовсе не из любви к девушке! Он хотел обладать ее миллионами, и ничто не могло заставить его отказаться от них.

Хаджина ничего не знала о письме, извещавшем о приезде капитана «Каристы», но все последние дни отец казался ей еще печальнее и сумрачнее, чем обычно, словно его снедала какая-то тайная тревога. Поэтому, когда Старкос появился в доме банкира, ее охватило сильное беспокойство. Правда, она несколько раз за время войны видела его в конторе, и его лицо было ей знакомо. Николай Старкос всегда внушал ей безотчетное отвращение. Когда он порой смотрел на нее, она по его глазам видела, что нравится ему, но говорил он с ней лишь о пустяках, подобно любому завсегдатаю банковского дома. Однако девушка не могла не заметить, что после каждого посещения капитана «Каристы» ее отец на некоторое время впадал в крайне угнетенное состояние, смешанное со страхом. Отсюда — ее неприязнь к Старкосу, до сих пор ничем еще не обоснованная.

Хаджина ни разу не говорила о нем с Анри д'Альбаре. Отношения Старкоса с банковским домом могли быть лишь деловыми. А дела Элизундо, о природе которых она, впрочем, ничего не знала, никогда не служили темой разговоров влюбленных. Таким образом для молодого офицера, спасшего в битве при Хайдари доблестную Андрионику, оставались тайной и кровные узы, связывавшие ее с капитаном «Каристы», и сообщничество его с банкиром.

Ксарис, как и Хаджина, не раз видел Николая Старкоса в конторе на Страда Реале. И он тоже находил в нем что-то отталкивающее. Только у Ксариса, человека сильного и решительного, неприязнь выражалась по-иному. Если Хаджина под любым предлогом избегала встреч с капитаном, то Ксарис ничего не имел

против того, чтобы столкнуться с ним и «переломать ему ребра», как он говаривал.

«Конечно, у меня нет пока для этого повода, — думал Ксарис, — но, может быть, он еще представится».

Вполне понятно, что новый визит капитана «Каристы» к Элизундо не обрадовал его домочадцев. Напротив. Они облегченно вздохнули, когда окончилась таинственная беседа и Николай Старкос вышел из конторы и направился к гавани.

Целый час после его ухода Элизундо провел запершись в кабинете. Оттуда не доносилось ни единого звука. Но старик раз навсегда запретил входить к нему без зова. Хаджина и Ксарис были очень встревожены затянувшимся визитом.

Внезапно послышался звук колокольчика, прозвучавший так слабо, словно рука звонившего дрожала.

Послушный зову Ксарис открыл дверь — она уже была отперта — и вошел в кабинет банкира.

Элизундо сидел в кресле понурившись, как человек, выдержавший мучительную внутреннюю борьбу. Он поднял голову, посмотрел на Ксариса, словно с трудом узнавая его, и, проведя рукой по лбу, сдавленным голосом спросил:

— Где Хаджина?

Ксарис кивнул головой и вышел. Через минуту девушка уже стояла перед отцом. Тот без долгих предисловий, не поднимая глаз, сказал ей изменившимся от волнения голосом:

— Хаджина... тебе придется... придется отказаться от брака с капитаном Анри д'Альбаре.

— Отец, что вы говорите?.. — воскликнула девушка, которую неожиданный удар поразил прямо в сердце.

— Так надо, Хаджина! — настаивал Элизундо.

— Отец, скажите мне, почему вы берете назад свое слово? — спросила девушка. — Вы знаете, я привыкла во всем вам повиноваться, я и теперь не стану прекословить... Но неужели вы не скажете мне, почему я должна отказаться от брака с Анри?

— Потому что так нужно, Хаджина... ты должна выйти за другого! — невятно прошептал Элизундо.

Но дочь расслышала его слова.

— За другого! — произнесла она, сраженная вторым ударом, не менее жестоким, чем первый. — Но кто он?..

— Капитан Старкос!

— За него!.. За этого человека! — невольно сорвалось с уст Хаджины, и она ухватила за край стола, чтобы не упасть.

Затем, в последней вспышке протеста против жестокого решения, она сказала:

— Отец, в этом приказании, которое вы, быть может, отдаете против собственной воли, есть для меня что-то непостижимое! В нем заключена загадка, которую вы не решаетесь мне открыть!

— Не спрашивай меня ни о чем, — вскричал Элизундо, — слышишь: ни о чем!

— Ни о чем?.. Хорошо, отец!.. Повинуясь вам, я откажусь от Анри д'Альбаре, если даже это будет стоить мне жизни, но не стану женой Николая Старкоса!.. Вы не должны понуждать меня к этому!

— Так надо, Хаджина! — твердил Элизундо.

— Но ведь речь идет о моем счастье! — вырывалось у девушки.

— И о моей чести!

— Может ли честь Элизундо зависеть от кого-либо другого, кроме него самого? — спросила Хаджина.

— Да, может... и этот другой — Николай Старкос!

Банкир поднялся с кресла, взгляд его дико блуждал, лицо судорожно подергивалось, словно ему грозил удар.

Увидев отца в таком отчаянии, Хаджина овладела собой и, собрав все силы, воскликнула:

— Хорошо, отец!.. Я исполню вашу волю!..

С этими словами она вышла из комнаты.

Ее жизнь была навеки разбита, но она поняла, что какая-то ужасная тайна скрывается в отношениях ее отца и капитана «Каристы». Она поняла, что банкир находится в руках этого негодяя!.. Она покорила,

пожертвовала собой!.. Такой жертвы потребовала честь семьи!

Почти без чувств упала девушка на руки Ксарису. Он отнес Хаджину в ее комнату. Там она рассказала ему обо всем, что произошло и на что ей пришлось согласиться!.. И его ненависть к Николаю Старкосу удвоилась!

Через час Анри д'Альбаре, по обыкновению, явился в дом банкира. Одна из служанок на его просьбу доложить о нем ответила, что Хаджины нет дома. Он попросил провести его к банкиру... Банкир не мог его принять. Он захотел повидать Ксариса... Ксарис куда-то вышел.

Анри д'Альбаре вернулся к себе в гостиницу крайне встревоженный. Никогда еще ничего подобного не случилось с ним в доме Элизундо. Он решил еще раз пойти туда и с мучительным беспокойством ждал наступления вечера.

В шесть часов ему принесли письмо. Взглянув на конверт, он узнал почерк самого Элизундо. В письме было всего несколько строк:

«Господина Анри д'Альбаре просят считать его помолвку с дочерью банкира Элизундо недействительной. По причинам, не имеющим к нему отношения, брак этот не может состояться, и господин Анри д'Альбаре, надо надеяться, сообразоволил прекратить свои визиты в дом банкира.

Элизундо».

В первую минуту молодой человек ничего не понял. Он перечитал письмо... Оно его сразило. Что произошло у Элизундо? Почему такая неожиданная перемена? Он был у них накануне, в доме шли приготовления к свадьбе! Банкир держал себя с ним, как обычно! Невеста же не выказывала никаких признаков охлаждения.

«Но ведь письмо подписано банкиром, а не Хаджиной! — повторял он себе. — Его прислал Элизундо!.. Нет! Она не знала и не знает о решении отца!.. Он без ее ведома взял назад свое слово!.. Почему?.. Я не

подал никакого повода... О, я выясню, что за препятствие встало между мной и Хаджиной!»

И так как дом банкира был отныне закрыт для него, Анри написал Элизундо, что считает себя вправе узнать о причине отказа, объявленного ему чуть ли не накануне свадьбы.

Письмо осталось без ответа. Он послал второе, третье... Упорное молчание продолжалось.

Тогда Анри написал Хаджине. Он умолял ее во имя их любви подать весть о себе, даже если она не хочет его больше видеть!.. Никакого ответа.

Возможно, что письмо это не дошло по назначению. Так по крайней мере думал Анри д'Альбаре. Хорошо изучив характер Хаджины, он не мог допустить, что она бы ему не ответила.

Офицер, отчаявшись, искал случая увидеться с Ксарисом. Он проводил дни и ночи на Страда Реале. Часами бродил он вокруг дома банкира. Все было напрасно. Повинуясь приказу хозяина, а может быть, уступая просьбам самой Хаджины, Ксарис на показывался на улице.

Так в бесплодных попытках прошли два дня — 24 и 25 октября. Анри, охваченному невыразимой тоской, казалось, что он достиг предела человеческих страданий!

Он ошибался.

Двадцать шестого октября по городу распространился слух, заставивший его терзаться еще сильнее.

Мало того, что расстроилась его свадьба, о чем знал уже весь город, — оказывается, Хаджина Элизундо все же выходит замуж!

Анри был уничтожен. Хаджина станет женой другого!

— Я открою, кто он! — воскликнул Анри. — И кто бы он ни был, ему не уйти от меня... Я доберусь до него!.. Я с ним поговорю!.. И ему придется мне ответить!

Офицер не замедлил узнать, кто его соперник. Анри подстерег его у входа в дом Хаджины; он дождался, пока тот выйдет оттуда; он следовал за ним до

самого порта, где у мола того ждала лодка; он видел, как она пристала к саколеве, стоявшей на якоре в полукабельтове от берега.

То был Николай Старкос, капитан «Каристы».

Все это происходило 27 октября. Собрав самые точные сведения, Анри д'Альбаре узнал, что свадьба Хаджины и Николая Старкоса состоится в ближайшее время, ибо готовятся к ней весьма поспешно. Венчание должно было состояться в церкви св. Спиридона 30 октября, то есть в день, первоначально назначенный для свадьбы самого Анри. Только женихом уже будет не он! К венцу пойдет этот капитан, который бог весть откуда прибыл и неизвестно куда направится!

Вне себя от ярости, Анри д'Альбаре решил во что бы то ни стало встретиться с соперником, пусть даже у алтаря, и вызвать его на дуэль. Их рассудит смерть, и если ему суждено пасть от руки Старкоса, — что ж! — зато с этим невыносимым положением будет покончено.

Напрасно повторял он себе, что брак этот состоится по воле Элизундо! Напрасно внушал он себе, что отец вправе располагать судьбой Хаджины.

«Да, но ее насильно выдают замуж!.. — возражал он самому себе. — Она венчается против воли!.. Она приносит себя в жертву!»

Весь день 28 октября Анри д'Альбаре искал встречи с Николаем Старкосом. Он караулил его у пристани, у входа в контору. Все было тщетно. Еще два дня, и ненавистный брак совершится! И офицер, не теряя ни минуты, делал все возможное, чтобы проникнуть к Хаджине или очутиться лицом к лицу с Николаем Старкосом.

Но 29 числа, около шести часов вечера, произошло совершенно непредвиденное событие, ускорившее развязку.

После полудня в городе прошел слух, что банкира сразил апоплексический удар.

И в самом деле, два часа спустя Элизундо скончался.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ставка в двадцать миллионов

Никто не мог предугадать, каковы будут последствия смерти банкира. Вполне естественно, что, узнав о ней, Анри д'Альбаре воспрянул духом. Во всяком случае, свадьба Хаджины откладывалась. Понимая, что смерть отца должна была причинить девушке глубокое горе, офицер тотчас же отправился в дом на Страда Реале, но не смог увидеть ни Хаджину, ни Ксариса. Ему ничего не оставалось, как терпеливо ждать.

«Если, соглашаясь выйти замуж за Старкоса, — думал он, — Хаджина подчинялась воле отца, то теперь, когда его не стало, свадьба эта не состоится!»

Рассуждение это не было лишено логики. А отсюда следовал вывод: если шансы Анри д'Альбаре повысились, то шансы Николая Старкоса понизились.

И нет ничего удивительного, что на другой же день Скопело вызвал капитана «Каристы» на откровенный разговор по поводу этого важного события.

Весть о смерти Элизундо, поднявшей в городе бурю толков, принес Старкосу его помощник, явившийся на саколеву, как всегда, в девять часов утра.

Можно было ожидать, что при первых же его словах Николай Старкос разразится гневом. Ничуть не бывало. Капитан умел сдерживать себя и не любил спорить с очевидностью.

— А, так Элизундо умер? — переспросил он.

— Да... умер!

— Скорее покончил самоубийством, — прибавил Старкос вполголоса, будто говоря с самим собою.

— Нет, — отвечал Скопело, уловив слова капитана. — Нет! Врачи констатировали смерть от удара...

— Скорострельная кончина?..

— Почти. Он сразу же потерял сознание и до последней минуты не произнес ни слова.

— Хорошо, что все так получилось, Скопело!

— Еще бы, капитан, а главное, ведь дело с Аркадией уже улажено?..

— Вполне, — отвечал Старкос. — Векселя он учел, и теперь транспорт пленных в наших руках.

— Да, черт побери, во-время мы все устроили! — вскричал Скопело. — Значит, капитан, одно дело улажено, а другое?

— Другое?.. — спокойно переспросил капитан. — Что ж, и оно закончится как надо. Я не предвижу никаких осложнений! Хаджина Элизундо выполнит волю умершего отца, так же как она выполнила бы ее при его жизни, и по тем же самым причинам!

— Значит, капитан, вы не собираетесь идти на попятный?

— На попятный! — воскликнул Старкос тоном, выражавшим непреклонную решимость сокрушить любые препятствия. — Скажи, Скопело, неужели ты думаешь, что найдется на свете человек, который согласится отдернуть руку в тот миг, когда в нее готовы свалиться двадцать миллионов!

— Двадцать миллионов! — улыбаясь и кивая головой, повторил Скопело. — Да! Я именно так и оценивал состояние нашего старого приятеля Элизундо!

— Солидный капитал и в надежных ценностях, — продолжал Николай Старкос, — хоть сейчас же пускай в оборот...

— С той минуты, как он перейдет к вам, капитан, — перебил его Скопело, — пока же им владеет красotka Хаджина...

— А она достанется мне! Будь уверен, Скопело! Одно мое слово — и имя покойного банкира будет опозорено, а его дочери честь отца и теперь дороже денег! Но я ничего не открою, мне не придется ничего разглашать! Я диктовал свою волю Элизундо и буду отныне диктовать ее Хаджине. Она с радостью принесет в приданое Николаю Старкосу свои двадцать миллионов, а если ты в этом сомневаешься, Скопело, значит ты плохо знаешь капитана «Каристы»!

Николай Старкос говорил так уверенно, что его не слишком легковверный помощник склонился к тому, что непредвиденное событие не расстроит, а только отсрочит намеченную свадьбу.

Насколько длительной окажется оттяжка, — вот что занимало Скопело, да и самого Старкоса, хотя он никому бы в этом не признался. На следующий день он не преминул отправиться на похороны богача банкира, которые оказались не особенно пышными и совсем немногочисленными. Там он встретился с Анри д'Альбаре; оба несколько раз обменялись взглядами, и только.

В течение пяти дней, последовавших за смертью банкира, капитан «Каристы» делал тщетные попытки проникнуть в дом Элизундо. Двери конторы были закрыты для всех. Казалось, с кончиной хозяина вымер и весь дом.

Впрочем, Анри д'Альбаре повезло не более, чем его сопернику. Ему не удалось добиться ответа от Хаджины ни лично, ни в письменной форме. Не раз спрашивал он себя, не уехала ли девушка из Корфу со своим верным защитником Ксарисом, который также нигде не показывался.

Между тем капитан «Каристы» вовсе не собирался отказываться от своих планов и всюду охотно повторял, что осуществление их лишь временно откладывается. Благодаря его заверениям и хитростям Скопело, благодаря слухам, намеренно распространявшимся ими, ни у кого не возникло сомнений, что брак Хаджины и Николая Старкоса состоится. Нужно только переждать время траура, а возможно, привести в порядок денежные дела банковского дома.

Все знали, что Элизундо владел несметным богатством. В толках всего квартала и пересудах города оно, разумеется, раз в пять приумножалось. Да, утверждали, будто банкир оставил не менее ста миллионов. Как богата юная Хаджина и какой счастливец ее нареченный, Николай Старкос! Об этом только и говорили в Корфу, в обоих его предместьях и даже в самых далеких селеньях острова! Страда Реале притягивала к себе всех городских зевак. За неимением лучшего они довольствовались тем, что глазели на знаменитый дом, куда влилось столько денег и где все они скопились: ведь их так мало расходовали!

Состояние и правда было огромным. Оно доходило до двадцати миллионов и заключалось, как сказал Николай Старкос своему помощнику, не в земельной собственности, а в легко реализуемых ценностях.

Все это Ксарис, а вслед за ним и Хаджина узнали в первые же дни после смерти Элизундо. Но девушке пришлось узнать и то, каким способом ее отец нажил свое состояние. Имея некоторый навык в банковских операциях, Ксарис, разбираясь в бумагах и счетных книгах покойного, понял, на чем зиждилось процветание фирмы Элизундо. Несомненно, старик намеревался впоследствии уничтожить эти документы, но смерть застала его врасплох. Доказательства были налицо. Они сами за себя говорили!

Теперь Хаджина и Ксарис слишком хорошо понимали, каким путем достались банкиру его миллионы! За ними стоял позор работоторговли и тысячи загубленных жизней! Так вот почему Николай Старкос держал в руках Элизундо! Старик был его сообщником! Капитан «Каристы» мог обесчестить его одним словом! А сам бы бесследно исчез! И ценою своего молчания он покупал у отца дочь!

— Негодай!.. Негодай!.. — кричал Ксарис.

— Молчи! — останавливала его Хаджина.

И он умолкал, чувствуя, что слова его могли относиться не только к Николаю Старкосу!

Так или иначе, но обстоятельства вынуждали Хаджину немедленно принять решение. В общих интересах ей следовало ускорить развязку.

И вот на шестой день после смерти Элизундо, часов в семь вечера, Николай Старкос встретил Ксариса, ожидавшего его на пристани, у лестницы. Он предложил капитану немедленно последовать за ним в дом банкира.

Нельзя сказать, чтобы приглашение прозвучало любезно. Тон Ксариса не отличался ни приветливостью, ни дружелюбием. Но Старкос был не из тех, кого мог смутить такой пустяк, и он двинулся за Ксарисом.

Соседи, видевшие, как Старкос вошел в дом банкира, где до сих пор упорно никого не принимали, окончательно решили, что успех на его стороне.

Николая Старкоса провели в кабинет Элизундо, где он застал Хаджину. Она сидела за столом, заваленным множеством бумаг и счетных книг. Капитан сразу понял, что девушка уже разобралась в делах покойного отца, и не ошибся. Но знала ли она о связях банкира с пиратами Архипелага, вот о чем он спрашивал себя.

При входе Старкоса Хаджина встала, что избавляло ее от необходимости предложить ему сесть, и сделала Ксарису знак удалиться. Она была в трауре. Хотя мучительная бессонница оставила след на ее строгом лице, но в усталых глазах девушки читались воля и решимость. Чувствовалось, что она сумеет сохранить полное самообладание в разговоре, столь важном для судеб всех, кого он касался.

— Я весь к вашим услугам, Хаджина Элизундо, — начал капитан. — Зачем вы призвали меня?

— По двум причинам, Николай Старкос, — ответила девушка. — Во-первых, я хочу объявить вам, что отказываюсь от брака, навязанного мне, как вам известно, моим отцом.

— А я, — холодно возразил Николай Старкос, — скажу только одно: очевидно, Хаджина Элизундо не подумала о последствиях своего отказа.

— Подумала, — ответила девушка, — и вы, Старкос, поймете, насколько непоколебимо мое решение, если я скажу, что мне известно, какие отношения связывали контору Элизундо с вами и вам подобными!

При этих словах девушки капитан «Каристы» померк. Разумеется, он ждал, что Хаджина в вежливой форме возьмет назад свое слово, но рассчитывал сломить сопротивление, открыв ей правду об отце, сообщнике корсаров. А оказывается, Хаджина все знает. Она вырвала из его рук самое верное оружие. Однако он продолжал борьбу.

— Итак, — сказал он чуть насмешливо, — вам известна тайна банкирского дома Элизундо, и, зная ее, вы все же решаетесь разговаривать со мной в таком тоне?

— Да, решаюсь, это мой долг, и я никогда не стану разговаривать с вами иначе.

— Должен ли я в таком случае считать, что Анри д'Альбаре...

— Не впутывайте сюда имя Анри д'Альбаре! — запальчиво перебила его Хаджина.

Затем, овладев собой и желая пресечь всякий разговор на эту тему, она добавила:

— Вы отлично знаете, что капитан д'Альбаре никогда не согласится на брак с дочерью банкира Элизундо.

— Какая разборчивость!

— Нет, порядочность!

— Что вы хотите этим сказать?

— Что порядочный человек не свяжет свою судьбу с дочерью банкира пиратов! Нет, он откажется от богатства, нажитого бесчестным способом!

— Мне кажется, мы отклонились от того, что нам надлежит решить! — заметил Николай Старкос.

— Все уже решено!

— Позвольте вам заметить, что Хаджина Элизундо собиралась выйти за капитана Старкоса, а не за капитана д'Альбаре! Смерть отца не должна была изменить ее намерений, как она не изменила и моих.

— Я подчинилась отцу, — ответила Хаджина, — не зная, во имя чего жертвую собой! Теперь я поняла, что, покоряясь, спасала его честь!

— А если так... — начал было Старкос.

— Я знаю, — не дала ему договорить Хаджина, — все началось с вас, вы вовлекли отца в эти гнусные дела, с вашей помощью грязные миллионы проникли в его банкирский дом, дотоле ничем не запятнанный! Я знаю, что вы угрожали ему публичным позором, если он не выдаст за вас свою дочь! Неужели, Николай Старкос, вы и вправду могли думать, что я согласилась стать вашей женой не из одной только покорности отцу?

— Допустим, Хаджина Элизундо, что мне нечего добавить к тому, что вам уже известно! Но если при жизни отца вы оберегали его честное имя, то оно, наверно, дорого вам и после его смерти; а если вы решитесь нарушить данное мне слово, то...

— То вы все раскроете! — воскликнула девушка с таким презрением и отвращением, что подобие краски выступило на лбу негодяя.

— Да... все! — подтвердил он.

— Вы этого не сделаете, Николай Старкос!

— Это еще почему?

— Тем самым вы выдадите и самого себя!

— Себя! Неужели вы думаете, что сделки совершались от моего имени? Не воображаете ли вы, Хаджина Элизундо, что Николай Старкос разбойничает на Архипелаге и продает в рабство военнопленных? Нет! Я нисколько не уроню себя, обличив вашего отца, а я его непременно обличу, если вы меня к этому принудите!

Девушка посмотрела пирату прямо в лицо. Как ни страшен был его взгляд, она не опустила перед ним своих гордых и честных глаз.

— Николай Старкос, — снова заговорила она, — я могла бы вас обезоружить одним словом, ибо не любовь, не симпатия толкают вас на брак со мной! Вы хотите завладеть богатством моего отца. Да, я могла бы сказать: вам нужны лишь мои миллионы! Вот они!.. Возьмите их! И убирайтесь отсюда, чтобы я вас никогда больше не видела!.. Но я так не скажу, Николай Старкос!.. Унаследованное мною богатство вам не достанется!.. Я оставлю его у себя!.. И распоряжусь им по своему усмотрению!.. Вам его никогда не видать!.. А теперь вон из этой комнаты! Вон из моего дома!.. Вон!..

Высоко подняв голову, протянув руку вперед, Хаджина, казалось, проклинала капитана, как несколько недель назад на пороге отчего дома его прокляла Андроника. Но если в тот день Старкос отступил перед грозным жестом матери, то на сей раз он решительно шагнул к девушке.

— Хаджина Элизундо, — тихо произнес он, — мне нужны эти миллионы!.. Они мне нужны, и я получу их... любой ценой.

— Нет!.. Скорее я их уничтожу, скорее выброшу их в море! — отвечала Хаджина.

— А я говорю, что получу их!.. Я этого хочу!

Николай Старкос схватил девушку за руку. Он не помнил себя от бешенства. У него потемнело в глазах. Он был готов убить ее!

В один миг Хаджина поняла, что ей грозит. Умереть! Ах, не все ли равно теперь! Смерть нисколько ее не пугала! Но сильный характер повелевал ей иначе распорядиться своей судьбою... Хаджина приговорила себя к жизни.

— Ксарис! — крикнула она.

Дверь распахнулась. На пороге появился Ксарис.

— Выгони этого человека!

Старкос не успел опомниться, как очутился в железных объятьях. Он задыхался. Он силился что-то сказать, крикнуть... Но это было так же невозможно, как вырваться из тисков. И вот помятого, полузадушенного, не имевшего даже сил завывать от обиды, его вышвырнули за дверь.

Ксарис напутствовал его так:

— Я убил бы тебя, будь на то ее воля! Я это сделаю, как только она прикажет.

И он запер дверь.

Улица в тот час уже опустела. Никто не видел, как Николая Старкоса выставили из дома банкира Элизундо. Зато все видели, как он туда вошел, и этого было вполне достаточно. Когда до Анри д'Альбаре дошла весть, что его соперника принимали там, куда он сам не имел доступа, офицер подумал, как и все остальные, что капитан «Каристы» на правах жениха виделся с глазу на глаз с Хаджиной.

Какой это был для него удар! Старкоса принимали в доме, строго-настроено закрытом для него! В первую минуту он чуть не проклял Хаджину, да и кто на его месте поступил бы иначе? Но ему удалось взять себя в руки, и хотя все, повидимому, говорило против девушки, любовь одержала верх над гневом.

— Нет! нет!.. — восклицал он. — Невозможно!.. Она... и этот человек! Быть не может!.. Немыслимо!

Между тем, хорошенько поразмыслив, Старкос, вопреки своим угрозам, решил молчать. Он рассудил,

что пока не стоит открывать тайну покойного банкира. Тем самым он будет держать в руках Хаджину: ведь он всегда успеет очернить память Элизундо, если того потребуют обстоятельства.

Так было решено им и Скопело. Старкос без утайки рассказал своему помощнику, чем закончился визит к Хаджине. Скопело согласился с капитаном и заметил, что раз уж дела приняли дурной оборот, то самое правильное выждать, ничего не разглашая. Больше всего сообщников смущало, что девушка и не подумала купить деньгами их молчание. Чем это объяснить? Непостижимо!

В течение нескольких дней, до 12 ноября, Николай Старкос ни на час не покидал саколеву. Он изыскивал, он изобретал средства, способные привести его к цели. При этом он главным образом рассчитывал на удачу, ни разу не изменявшую ему на его мерзком пути... Но теперь он напрасно на нее надеялся.

Анри д'Альбаре тоже уединился. Он больше не возобновлял попыток увидеться со своей бывшей невестой, считая, что это ни к чему не приведет. И все же надежда не покидала его.

Двенадцатого ноября вечером офицеру принесли письмо. Сердце подсказало ему, что оно от Хаджины. Открыв его, он первым делом посмотрел на подпись: предчувствие не обмануло его.

Несколько строк, написанных рукой девушки, гласили:

«Анри!

Смерть отца возвратила мне свободу, и все же вы должны отказаться от меня! Дочь банкира Элизундо не достойна вас! Я никогда не выйду замуж за негодяя Николая Старкоса, но не могу стать и вашей женой — женой честного человека! Простите и прощайте!

Хаджина Элизундо.

Прочитав письмо, Анри д'Альбаре, не раздумывая, бросился на Страда Реале...

Дом был заперт, брошен и пуст, словно Хаджина и ее верный Ксарис покинули его навсегда.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Архипелаг в огне

Остров Скио, или, как его с некоторых пор называют, Хиос, находится в Эгейском море, к западу от Смирнского залива, у побережья Малой Азии. Вместе с Лесбосом на севере и Самосом на юге он входит в группу Спорадских островов, расположенных в восточной части Архипелага. Его периметр не превышает сорока лье. На Хиосе возвышается гора Пиллиней (ныне гора Элиас), достигающая высоты в две тысячи пятьсот футов над уровнем моря.

Важнейшие города на острове — Волиссос, Питис, Дельфиниум, Левкония, Кавкаса, но самый крупный из них его столица, Хиос. Здесь 30 октября 1827 года высадился полковник Фавье во главе небольшого экспедиционного корпуса, который насчитывал семьсот солдат регулярных войск и двести всадников, а также полторы тысячи солдат на жалованье у жителей; корпусу были приданы десять гаубиц и десять пушек.

Вмешательство европейских держав после битвы при Наварине еще не привело к окончательному решению греческого вопроса. По существу Англия, Франция и Россия стремились ограничить новое королевство территорией, на которую распространилось восстание. Однако греческое правительство не могло с этим согласиться. Оно требовало помимо всей континентальной Греции острова Крит и Хиос, необходимые для обеспечения независимости страны. Поэтому, в то время как Миаулис сражался на Крите, а Дюка — на материке, Фавье в указанный нами день высадился в Мавролимене, на Хиосе.

Нетрудно понять, почему греки так стремились отобрать у турок этот замечательный остров, жемчужину Спорад. Его чудесный климат — дар лазурного неба, с которым бессильны соперничать небеса всей Малой Азии, — не знает ни жгучего зноя, ни резких холодов. Легкий бриз несет Хиосу прохладу, делая его самым благодатным из всех островов Архипелага. В гимне, который приписывают Гомеру, — а Хиос считает его

одним из своих сынов, — поэт называет остров «весьма тучным». Западная часть его славится тончайшими винами, способными поспорить с лучшими напитками древности, и медом, не уступающим меду Гимета. На востоке вызревают апельсины и лимоны, которые высоко ценятся во всей Западной Европе. На юге растут различные виды мастиковых деревьев, приносящих стране ее величайшее богатство — драгоценную камедь, мастику, столь широко применяемую в искусстве и даже в медицине. Наконец в этом благословенном богами крае произрастают финиковые пальмы, фиговые, миндальные, гранатовые и оливковые деревья — прекрасные сорта плодовых, встречающихся в южных областях Европы.

Итак, правительство стремилось включить этот остров в состав нового королевства. Вот почему отважный Фавье, невзирая на все неприятности, причиняемые ему даже теми, за кого он проливал свою кровь, взял на себя задачу его отвоевать.

Между тем в последние месяцы того года турки по-прежнему творили разбой и зверства на всем эллинском полуострове, и происходило это незадолго до прибытия Каподистрии в Навплион. Приезд этого политического деятеля должен был положить конец постоянным распрям между греками и сосредоточить власть в одних руках. Через полгода России предстояло объявить войну султану, содействуя этим образованию нового королевства, но пока что Ибрагим еще удерживал в своих руках среднюю часть и приморские города Пелопоннеса. Восемь месяцев спустя, 6 июля 1828 года, ему пришлось вывести свои войска из разоренной страны, и к сентябрю того же года на греческой земле уже не оставалось ни единого египтянина; но пока их дикие орды еще опустошали Морею.

Поскольку турки и их союзники занимали некоторые прибрежные города Пелопоннеса и Крита, не удивительно, что соседние моря кишели пиратами. И если они часто нападали на торговые суда, которые курсировали между островами, то происходило это отнюдь не потому, что их перестали преследовать командиры греческих флотилий Миаулис, Канарис и Цамадос;

просто пираты были многочисленны и неутомимы, и плавать у этих берегов стало весьма опасно. Весь Архипелаг — от Крита до Митилини и от Родоса до Негрепонте — был охвачен огнем.

Шайки пиратов, составленные из отбросов всех наций, рыскали и вокруг острова Хиос, оказывая помощь паше, запертому в крепости, осаду которой, в самых неблагоприятных условиях, собирался начать полковник Фавье.

Читатель помнит, что негоцианты Ионических островов, напуганные создавшимся положением, общим для всех побережий Леванта, соединились и снарядили корвет, предназначенный для преследования пиратов. Вот почему пять недель назад «Сифанта» и вышла из Корфу в плавание по морям Архипелага. Два-три выигранных сражения, захват нескольких подозрительных кораблей прибавили ее экипажу решимости упорно добиваться своей цели. Корвет неоднократно появлялся у берегов Псары, Скироса, Кеоса, Лимноса, Пароса, Санторини, и его командир Страдена выполнял свою миссию столь же отважно, сколь и успешно. Однако ему не удавалось пока встретиться с неуловимым Сакратифом, чье появление всегда сопровождалось самыми кровавыми расправами. О нем постоянно говорили, но никто его не видел.

Итак, не более двух недель назад, 13 ноября, «Сифанта» была замечена неподалеку от Хиоса. В тот день в порт был доставлен один из захваченных ею пиратских кораблей, и Фавье совершил скорый суд над его разбойничьим экипажем.

Но с того времени о корвете не было больше никаких известий. Никто не мог сказать, у каких берегов преследует он теперь пиратов. Имелись даже основания для тревоги. В самом деле, до сих пор в этих тесных морях, сплошь усеянных островами и, следовательно, якорными стоянками, редко случалось, чтобы какой-нибудь корабль надолго исчезал из виду.

При таких обстоятельствах 27 ноября, спустя неделю после своего отъезда с Корфу, Анри д'Альбаре прибыл в Хиос. Он собирался примкнуть к своему

прежнему командиру, чтобы продолжать сражаться против турок.

Исчезновение Хаджины Элизундо как громом поразило молодого офицера. Девушка отвергла Старкоса, как ничтожного и недостойного ее человека; но она оказалась и от своего избранника, считая себя недостойной его! Какая тайна скрывалась за всем этим? В чем искать разгадку? Неужели в жизни Хаджины, до сих пор такой ясной и чистой? Нет, конечно! Может быть, в жизни ее отца? Но что общего было у банкира Элизундо и капитана Старкоса?

Кто мог бы ответить на эти вопросы? Дом банкира опустел. Видимо, Ксарис покинул его вместе с девушкой. Никто не был в состоянии помочь Анри д'Альбаре проникнуть в тайны семьи Элизундо: ему приходилось рассчитывать только на себя.

Тогда у него возникла мысль произвести розыски в городе Корфу, а затем и по всему острову. Быть может, Хаджина нашла себе убежище в каком-нибудь укромном уголке? В самом деле, на Корфу рассыпано множество селений, где легко обрести надежный приют. Беницца, Санта Декка, Левкимми и два десятка других предоставляют надежное пристанище тому, кто хочет скрыться от людей и заставить забыть о себе. Анри д'Альбаре метался по всем дорогам, пытаясь даже в крошечных деревушках отыскать следы молодой девушки. Он ничего не обнаружил.

Впрочем, некоторые данные позволили ему предположить, что Хаджина Элизундо покинула Корфу. В небольшом порту Алипа, на северо-западной оконечности острова, ему сообщили, что в море недавно вышла легкая сперонара, принявшая на борт двух пассажиров, на чьи средства она втайне была нанята.

Но пока что это были весьма неопределенные сведения. Впрочем, совпадение некоторых фактов и дат вскоре дало молодому человеку повод для новых опасений.

Вернувшись в город Корфу, он узнал, что саколева в свою очередь покинула порт. И самое неприятное заключалось в том, что она вышла в море в тот самый день, когда исчезла Хаджина Элизундо. Следовало ли

усматривать связь между этими двумя событиями? Не была ли молодая девушка завлечена вместе с Ксарисом в какую-нибудь ловушку и увезена силой? Не находилась ли она теперь во власти капитана «Каристы»?

Эта мысль терзала Анри д'Альбаре. Но что предпринять? Где искать Старкоса? Кто он, этот авантюрист? Неизвестно откуда явившаяся и неизвестно куда отплывшая, «Кариста» могла быть по праву причислена к разряду подозрительных кораблей! Однако, едва самообладание вернулось к нему, молодой офицер решительно отбросил эту мысль. Коль скоро Хаджина Элизундо объявила себя недостойной его, Анри, коль скоро она не хотела больше с ним видаться, самым естественным было предположить, что она скрылась добровольно, под защитой Ксариса.

Но если дело обстоит так, он сумеет ее отыскать! Возможно, патристические чувства побудили Хаджину принять участие в борьбе, где решались судьбы ее родины. Быть может, ей захотелось пожертвовать на дело войны за независимость огромное состояние, которым она была вправе распоряжаться? Почему ей было не последовать примеру Боболины, Модены, Андроники и многих других героинь, вызывавших у нее безграничное восхищение?

Окончательно убедившись в том, что Хаджина Элизундо не находится более на Корфу, Анри д'Альбаре решил вновь занять место в корпусе филэллинов. Полковник Фавье со своими солдатами находился на Хиосе. Анри решил к нему присоединиться. Покинув Ионические острова, он пересек Северную Грецию, миновал Патрасский и Лепантский заливы, в Эгинском заливе взобрался на корабль и, с трудом ускользнув от многочисленных пиратов, бороздивших море вокруг Киклад, в скором времени прибыл на Хиос.

Фавье оказал молодому офицеру сердечный прием, свидетельствующий о том, как высоко он его ценит. Отважный воин видел в нем не только преданного товарища по оружию, но и надежного друга, которому он мог поведать о своих огорчениях, а их было немало. Плохая дисциплина среди наемников, составлявших значительную часть экспедиционного корпуса, низкое

жалованье, которое им выплачивали с перебоями, трудности, создаваемые самими жителями Хиоса, — все это осложняло и замедляло его боевые операции.

Тем не менее осада Хиосской крепости была начата. Анри д'Альбаре прибыл вполне своевременно, чтобы принять в ней участие. Союзные державы дважды предписывали полковнику Фавье прекратить подготовку к осаде, но, пользуясь открытой поддержкой греческого правительства, он игнорировал эти указания и невозможно продолжал свое дело.

Вскоре осада перешла в некое подобие блокады, однако настолько плохо организованной, что осажденные имели возможность все время получать продовольствие и боевые припасы. Как бы то ни было, Фавье, возможно, сумел бы овладеть крепостью, если бы его войско, день ото дня слабевшее от голода, не разбредлось по острову и не занялось мародерством. Именно в ту пору оттоманскому флоту в составе пяти кораблей удалось прорваться в порт Хиос и доставить туркам подкрепление в количестве двух тысяч пятисот человек. Правда, через некоторое время для оказания помощи полковнику Фавье прибыл Миаулис со своей эскадрой, но было уже слишком поздно, и Фавье пришлось отступить.

Греческого адмирала сопровождало несколько кораблей, на которых прибыли добровольцы для пополнения экспедиционного корпуса на Хиосе.

В их числе была женщина.

Андроника, сражавшаяся до последнего часа против солдат Ибрагима на Пелопоннесе, находилась в рядах повстанцев с первых дней войны и хотела участвовать в ней до конца. Вот почему она и прибыла на Хиос, исполненная решимости погибнуть, если потребуется, на этом острове, который греки стремились присоединить к своему новому королевству. Ей казалось, что так она искупит то зло, которое ее недостойный сын причинил этому краю во время ужасной резни 1822 года.

...Это случилось в те дни, когда султан вынес острову Хиос свой страшный приговор: огонь, меч, рабство. Привести его в исполнение было поручено

капудан-паше Кара-Али. Он сделал свое дело. Его кровавые орды заполнили остров. Все мужчины старше двенадцати лет и все женщины старше сорока были безжалостно истреблены. Оставшиеся в живых были обращены в рабство, и их должны были отправить на рынки Смирны и Берберии. Так, руками тридцати тысяч турок весь остров был предан огню и залит кровью. Двадцать три тысячи жителей Хиоса были убиты. Сорок семь тысяч стали невольниками.

Вот тогда-то в дело вмешался Николай Старкос. Он и его сообщники, натешившись убийствами и грабежами, стали главными посредниками в этом постыдном промысле, который должен был насытить алчность турок населением целого острова. Корабли этого предателя служили для перевозки многих тысяч несчастных к берегам Малой Азии и Африки. Именно в ходе этих отвратительных операций Николай Старкос и вошел в сношения с банкиром Элизундо. Отсюда происходили те огромные барыши, львиная доля которых попадала в руки отца Хаджины.

Андроника слишком хорошо знала, какое участие принимал Николай Старкос в Хиосской резне, какую роль он играл в этой ужасной трагедии. Вот почему она испытала властную потребность приехать сюда, где сы ее осыпали жестокими проклятиями, если бы знали, что она является матерью этого негодяя. Ей казалось, что, сражаясь на этом острове, проливая свою кровь за дело жителей Хиоса, она как бы искупает преступления своего сына.

Прибыв на Хиос, Андроника должна была в один прекрасный день неминуемо встретиться с Анри д'Альбаре. И в самом деле, через некоторое время после своего приезда, 15 января, она внезапно столкнулась с молодым офицером, спасшим её жизнь в битве при Хайдаре.

Женщина кинулась к нему и, раскрыв объятия, воскликнула:

— Анри д'Альбаре!

— Андроника! Вы?! — вскричал молодой офицер. — И вы здесь?

— Да! — ответила она. — Разве мое место не там, где еще длится борьба против угнетателей?

— Андроника, — продолжал Анри д'Альбаре, — вы можете гордиться своей страной! Вы можете гордиться сынами и дочерьми Греции, защищавшими ее вместе с вами! Еще немного, и на греческой земле не останется ни одного турецкого солдата!

— Я уповаю на это, Анри д'Альбаре, и молю бога, чтобы он дал мне дожить до тех пор.

И Андроника рассказала о своей жизни с того дня, как они расстались после битвы при Хайдари, о своем путешествии в родные края — в Мани, который ей захотелось увидеть в последний раз, затем — о своем возвращении в армию, сражавшуюся в Пелопоннесе, и, наконец, о своем прибытии на Хиос.

Со своей стороны, Анри д'Альбаре сообщил ей, при каких обстоятельствах он вернулся в Корфу, поведал о своих отношениях с банкиром Элизундо, о своей расстроившейся свадьбе, об исчезновении Хаджины, которую он все еще надеялся отыскать.

— Анри д'Альбаре, — сказала Андроника, — если вы и не знаете еще, какая тайна окутывает жизнь этой молодой девушки, верьте, Хаджина достойна вас! Да! Вы свидитесь с ней и будете счастливы, как оба того заслуживаете.

— Скажите мне, Андроника, — спросил Анри д'Альбаре, — не был ли вам знаком банкир Элизундо?

— Нет, — отвечала Андроника. — Откуда я могла знать его и почему вы задаете мне этот вопрос?

— Потому что мне неоднократно случалось называть в его присутствии ваше имя, — ответил молодой офицер, — и оно всегда странным образом привлекало его внимание. Однажды он спросил у меня, не знаю ли я, что случилось с вами после нашей разлуки.

— Я не знакома с ним, Анри д'Альбаре, мне никогда не приходилось слышать даже имени банкира Элизундо!

— Во всем этом кроется какая-то тайна, которую я не могу постичь и которую мне, вероятно, уже никогда не разгадать, ибо Элизундо ~~еще~~ в живых!

Анри д'Альбаре умолк. На него нахлынули воспоминания о Корфу. Он вновь стал размышлять о том, сколько выстрадал и сколько еще предстоит ему выстрадать в разлуке с Хаджиной!

Затем он обратился к Андронике.

— Что вы собираетесь делать, когда окончится война? — спросил он.

— Тогда бог сжалится надо мной и приберет меня с этого света, где я терзаюсь угрызениями совести за то, что еще живу, — отвечала она.

— Угрызения совести? У вас, Андроника?

— Да!

Матери Николая Старкоса хотелось сказать, что сама ее жизнь была преступлением, ибо она произвела на свет такого сына!

Но, отогнав эту мысль, она продолжала:

— Что касается вас, Анри д'Альбаре, то вы молоды, и да пошлет вам бог долгую жизнь! Постарайтесь же найти ту, кого потеряли, ту, что вас любит!

— Да, Андроника, я буду искать ее повсюду, как и того ненавистного соперника, который явился, чтобы стать между нами!

— Кто этот человек? — спросила Андроника.

— Капитан какого-то подозрительного судна, — ответил Анри д'Альбаре, — отплывшего из Корфу сразу же после исчезновения Хаджины.

— Как его зовут?

— Николай Старкос!

— Он!..

Еще одно слово, и у Андроники вырвалась бы ее тайна: она призналась бы, что Николай Старкос — ее сын.

Это имя, так неожиданно произнесенное Анри д'Альбаре, навредило на нее ужас. Как ни сильна была Андроника, она страшно побледнела. Итак, зло, причиненное молодому офицеру, тому, кто спас ее, рискуя собственной жизнью, — это зло исходило от Николая Старкоса!

Однако от Анри д'Альбаре не укрылось впечатление, произведенное именем Старкоса на Андронику. Понятно, что ему захотелось узнать причину ее волнения.

— Что случилось?.. Что с вами?.. — вскричал он — Отчего вы смешались при имени капитана «Каристы»? Говорите!.. Говорите же! Знаете ли вы того, кто носит это имя?

— Нет... Анри д'Альбаре, нет! — отвечала Андроника срывающимся голосом.

— О, я вижу!.. Вы знаете его!.. Андроника, умоляю вас, скажите мне, кто этот человек... чем он занимается... где находится в настоящее время... где я могу с ним встретиться?

— Не знаю!

— Нет, знаете!.. Он вам знаком, Андроника, и вы отказываетесь признаться в этом... и кому... мне! Может быть, одним-единственным словом вы могли бы навести меня на его след... возможно, на след Хаджины... и вы отказываетесь говорить!

— Анри д'Альбаре, — с твердостью ответила Андроника, — я ничего не знаю!.. Мне неизвестно, где находится этот капитан!.. Я не знаю Николая Старкоса!

Сказав это, она ушла, оставив молодого офицера в глубоком волнении. Но с этого дня все его попытки встретиться с Андроникой оказывались тщетными. Без сомнения, она покинула Хиос и возвратилась на материк. Анри д'Альбаре пришлось оставить всякую надежду ее разыскать.

Между тем кампания, предпринятая полковником Фавье, подходила к концу, не дав никаких результатов.

Дело в том, что в экспедиционном корпусе вскоре началось дезертирство. Невзирая на уговоры офицеров, солдаты дезертировали и, садясь на корабли, отплывали с острова. Артиллеристы, в которых Фавье был совершенно уверен, бросали свои орудия. Перед лицом такого упадка дисциплины, охватившего даже лучших людей, опускались руки!

Пришлось снять осаду и вернуться в Сиру, откуда была начата эта злосчастная экспедиция. Здесь в награду за его героическую борьбу Фавье ожидали упреки и самая черная неблагодарность.

Что касается Анри д'Альбаре, то он принял решение покинуть остров Хиос вместе со своим командиром.

Но в каком месте Архипелага продолжит он свои розыски? Он пока не знал этого, как вдруг непредвиденное событие положило конец его колебаниям.

Накануне отплытия в Грецию почта доставила ему письмо.

Это письмо, со штампом Коринфа, адресованное капитану Анри д'Альбаре, содержало лишь следующее сообщение:

«В командовании корвета «Сифанта», приписанного к порту Корфу, имеется вакантное место. Не угодно ли будет капитану Анри д'Альбаре занять его и продолжить кампанию против Сакратифа и пиратов Архипелага?

В начале марта «Сифанта» подойдет к мысу Анаполимера, в северной части острова, и шлюпка корвета будет постоянно находиться в бухте Ора, у основания мыса.

Пусть капитан Анри д'Альбаре поступит так, как ему подсказывает чувство долга».

Подписи не было. Почерк был незнакомый. Ничто не могло подсказать молодому офицеру, от кого это письмо.

Во всяком случае, в нем содержалось известие о корвете, о котором долгое время ничего не было слышно. Анри д'Альбаре представлялся случай вернуться к профессии моряка. Он получал возможность преследовать Сакратифа и, если удастся, избавить от него Архипелаг; вместе с тем появлялась надежда — и это не осталось без влияния на его решение — встретить в этих морях Николая Старкоса и его саколеву.

Анри д'Альбаре немедленно решил принять предложение, сделанное ему в загадочном письме. Он распростился с полковником Фавье, отплывающим в Сиру, затем, наняв легкое судно, направился к северной оконечности острова.

Плавание не могло длиться долго, особенно в условиях юго-западного ветра, дувшего с суши. Судно миновало порт Колокинту между островом Аноссаи и мысом Пампака. Пройдя этот мыс, оно направилось к мысу Ора и двинулось вдоль берега, с намерением войти в бухту того же названия.

Первого марта, после полудня, Анри д'Альбаре высадился в этой бухте.

У подножья скалы его ожидала стоявшая на якоре шлюпка. В открытом море в дрейфе лежал корвет.

— Я капитан Анри д'Альбаре, — сказал молодой офицер рулевому, командовавшему шлюпкой.

— Угодно ли капитану д'Альбаре отправиться на корвет? — осведомился тот.

— Без промедления.

Шлюпка отчалила. Движимая тремя парами весел, она быстро покрыла расстояние в одну милю, отделявшее ее от корвета.

Едва Анри д'Альбаре показался на борту «Сифанты», послышался продолжительный свисток, затем один за другим прогремели три пушечных выстрела. В момент, когда молодой офицер ступил на палубу, весь экипаж, выстроенный как на параде, отдал ему честь, а на гафеле бизань-мачты взвился корфиотский флаг.

Помощник командира «Сифанты» выступил вперед и зычным голосом, отчетливо прозвучавшим в тишине, проговорил:

— Офицеры и матросы «Сифанты» счастливы приветствовать на корвете своего командира, Анри д'Альбаре!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Кампания в Архипелаге

«Сифанта» — корвет второго ранга — насчитывала в своей батарее двадцать две двадцатичетырехфунтовых пушки, а на палубе, хотя в то время это было необычным для кораблей ее типа, шесть двенадцатифунтовых каронад. Гордо выдававшийся вперед форштевень и изящная корма, высокая надводная часть корпуса, позволяли ей соперничать с лучшими кораблями своего времени. Без труда развивая самую большую скорость, «Сифанта», имевшая плавную бортовую качку, как и все хорошие парусники, отлично шла в крутой бейдевинд и при свежем ветре могла идти под

всеми незарифленными парусами, вплоть до бомбрамселей. Если командир корвета был отважным моряком, он мог пользоваться ее парусностью без всякого риска. «Сифанта» обладала не меньшей остойчивостью, чем фрегат. Она скорее лишилась бы своего рангоута, чем опрокинулась бы под парусами. Это позволяло, даже в штормовую погоду, достигать наивысшей скорости, что давало ей серьезные шансы на успех в той опасной погоне за пиратами Архипелага, для которой ее предназначали владельцы.

Хотя корвет и не считался военным кораблем, ибо он принадлежал не государству, а частным лицам, он находился под военным командованием. Его офицеры и матросы сделали бы честь лучшему корвету Франции или Соединенного королевства. Здесь была та же четкость маневра, та же дисциплина, тот же порядок, как в море, так и на стоянках. На судне не замечалось никакой распушенности, характерной для наспех вооруженных кораблей, экипажи которых, отличаясь удалством, не всегда отвечают требованиям, предъявляемым на кораблях военного флота.

В состав команды корвета входило двести пятьдесят человек; из них добрую половину составляли французы — бретонцы и провансальцы; что касается остальных, то это были преимущественно англичане, греки и корфиоты. Все они были люди искушенные в морском деле и надежные в бою — одним словом, моряки до мозга костей, на которых вполне можно положиться: им было не привыкать к испытаниям. Квартирмейстеры, боцманматы и боцманы хорошо несли службу и были умелыми посредниками между офицерами и матросами. В командование корвета входили старший офицер, четыре лейтенанта и восемь мичманов, опять-таки корфиоты, англичане и французы. Старший офицер, бывший моряк, капитан Тодрос, до тонкостей изучил моря Архипелага, которые корвету предстояло обследовать вплоть до самых отдаленных мест. Трудно было найти остров, не известный ему в подробностях — со всеми бухтами, заливами и вырезами берега. Трудно было отыскать островок, не обнаруженный им во время его прежних походов. Вряд ли существовали

фарватеры, глубина которых не была бы запечатлена в его памяти с той же точностью, что и на картах.

Этот пятидесятилетний офицер, грек с острова Гидры, служивший ранее под началом Канариса и Томазиса, должен был стать неоценимым помощником для командира «Сифанты».

Первую часть своей экспедиции по морям Архипелага корвет совершил под командой капитана Страдены. Как уже говорилось, сперва плавание проходило довольно удачно. Потопленные корабли и захваченные в плен пираты — таково было успешное начало. Но дело не обошлось без весьма ощутимых потерь для команды и офицерского состава. И если в течение долгого времени о «Сифанте» не было никаких известий, то это объяснялось тем, что 27 февраля в виду острова Лимнос корвету пришлось выдержать бой против целой флотилии пиратов.

В этом бою «Сифанта» потеряла не только сорок человек убитыми и ранеными, но также и своего командира Страдену, смертельно раненного ядром на юте.

Тогда командование корветом принял капитан Тодрос; добившись победы в этом бою, он повел «Сифанту» в порт Эгины для неотложного ремонта корпуса и рангоута.

Здесь через несколько дней после прибытия «Сифанты», к общему удивлению, выяснилось, что корвет был за очень высокую цену приобретен неким банкиром из Рагузы, чей поверенный явился в Эгину для оформления судовых документов. Все это совершилось так гладко, что не возникло никаких споров; с соблюдением всех формальностей было установлено, что корвет не принадлежит больше своим прежним хозяевам, судовладельцам-корфиотам, чья прибыль от его продажи оказалась весьма значительной.

Но хотя «Сифанта» и сменила владельца, назначение ее осталось прежним. Очистить воды Архипелага от кишевших в них бандитов, вернуть на родину по мере возможности тех невольников, которых ей удастся освободить, не складывать оружия до тех пор, пока не будет уничтожен самый ужасный из морских разбой-

ников — пират Сакратиф, — такова попрежнему была миссия, возложенная на «Сифанту». По окончании ремонтных работ помощник командира получил приказание направиться к северному побережью Хиоса; там должен был находиться новый капитан, которому предстояло стать на корвете «первым после бога».

В это время Анри д'Альбаре и получил то лаконичное послание, в котором ему сообщали, что в командовании корвета «Сифанта» есть вакантное место.

Читателю уже известно, что он принял предложение, не подозревая того, что это еще не занятое место было местом командира. Однако, едва он ступил на палубу, офицеры и матросы отдали себя в его распоряжение, а пушечный салют возвестил поднятие корфиотского флага.

Все сведения о корвете Анри д'Альбаре получил от капитана Тодроса. Акт, в силу которого он вводился в командование корветом, был в полном порядке. Таким образом назначение молодого офицера не могло никем оспариваться, впрочем, оно и не оспаривалось. Многие офицеры корвета уже знали своего командира. Им было известно, что, имея звание капитан-лейтенанта, он был одним из самых молодых и в то же время самых выдающихся офицеров этого ранга во французском флоте. Его участие в войне за независимость принесло ему заслуженную известность. Поэтому с первого же осмотра, произведенного им на борту «Сифанты», имя его было на устах у всего экипажа.

— Офицеры и матросы, — просто сказал Анри д'Альбаре, — я знаю, какая миссия доверена «Сифанте». Мы выполним ее до конца, если будет угодно богу! Вечная слава вашему прежнему командиру, с честью павшему на своем посту! Положитесь на меня, как я полагаюсь на вас! Вольно!

На следующий день, 2 марта, корвет, шедший под всеми парусами, потерял из виду берега Хиоса, затем вершину горы Элиас, которая высится над островом, и взял курс на север Архипелага.

Для моряка довольно одного беглого взгляда и нескольких часов плавания, чтобы оценить достоинства

своего корабля. Дул свежий северо-западный ветер, и не было необходимости уменьшать паруса. Благодаря этому Анри д'Альбаре мог в первый же день познакомиться с великолепными мореходными качествами корвета.

— Он может уступить свои брамсели любому кораблю, и он может нести их при ветре, когда нужно брать два рифа на нижних парусах, — сказал ему капитан Тодрос.

На языке бравого моряка это означало две вещи: прежде всего, что никакой другой парусник не мог соперничать с «Сифантой» в скорости, затем, что его прочный рангоут и остойчивость позволяли ему нести паруса при такой погоде, которая заставила бы всякий другой корабль убрать их из боязни опрескнуться.

Идя в бейдевинд левого галса, «Сифанта» стремилась на север, оставляя на востоке остров Митилини, или Лесбос, один из самых крупных в Архипелаге.

На другой день корвет прошел в виду этого острова, где уже в самом начале войны за независимость, в 1821 году, греки достигли большого превосходства над турецким флотом.

— Я был там, — сказал капитан Тодрос командиру д'Альбаре. — Дело было в мае. Семьдесят наших бригав преследовали пять турецких кораблей, четыре фрегата и четыре корвета, которые укрылись в порту Митилини. Один из них, семидесятичетырехпушечный корабль, отправился в Константинополь за помощью, но мы ему задали жару, и он взлетел на воздух, а с ним и девятьсот пятьдесят матросов. Да! Я там был, я-то и поджег рубашки из серы и дегтя, в которые мы одели корпус этого корабля! Хорошие, теплые рубашки, капитан! Рекомендую вам их на случай... словом, для господ пиратов!

Стоило только послушать капитана Тодроса, когда он рассказывал о своих похождениях с добродушным юмором матросам на баке! Но помощник командира «Сифанты» говорил сущую правду: он и в самом деле сделал то, о чем рассказывал, и сделал великолепно.

Вступив в командование корветом, Анри д'Альбаре не без причины взял курс на север. За несколько дней до его отъезда с Хиоса около Лимноса и Самофракии были замечены подозрительные корабли. Несколько левантинских каботажных судов было захвачено и разграблено у самого побережья Европейской Турции. Возможно, пираты, упорно преследуемые «Сифантой», решили на время укрыться в северных водах Архипелага. Это было бы лишь проявлением благоразумия с их стороны.

У берегов Митилини ничего обнаружить не удалось. Там оказалось лишь несколько торговых судов, которые обменялись сигналами с корветом, чье появление не могло не придать бодрости их командам.

В течение двух недель, выдерживая борьбу с суровой непогодой, обычно наступающей здесь в дни равноденствия, «Сифанта» добросовестно выполняла свою задачу. Когда сильный шквал, налетавший несколько раз кряду, заставил Анри д'Альбаре уменьшить паруса, он получил возможность судить как о качестве корвета, так и об умелости его экипажа. Но и он в свою очередь смог проявить себя, оправдав репутацию офицеров французского флота, слывших весьма искусными в маневрировании. Его блестящее понимание тактики морского боя выявилось позднее. Что же касается личной отваги капитана, то в ней никто не сомневался.

В этих сложных условиях молодой офицер показал себя весьма незаурядным командиром. Он обладал твердым характером, большой душевной силой, неизменным хладнокровием и умел не только предвидеть события, но и принимать правильное решение. Короче говоря, то был настоящий моряк, и этим все сказано.

Во второй половине марта корвет обследовал берега острова Лимнос. Этот остров, самый крупный в этой части Эгейского моря, имеет пятнадцать лье в длину и пять-шесть в ширину. Как и соседний с ним остров Имброс, он совершенно не пострадал от войны за независимость, но пираты не раз доходили до самого его рейда и захватывали торговые корабли. Чтобы пополнить свои запасы, корвет бросил якорь в порту

Лимноса, где в ту пору скопилось множество судов. Тогда на Лимносе сооружалось немало кораблей, и если новые суда не достраивались из страха перед пиратами, то законченные корабли по той же причине не покидали порт. Это и приводило к его загромождению.

Сведения, полученные здесь командиром д'Альбаре, могли лишь укрепить его в намерении продолжать путь на север Архипелага. Ему и его офицерам не раз приходилось слышать имя Сакратифа.

— Эх! — воскликнул капитан Тодрос. — Не терпится мне столкнуться лицом к лицу с этим мерзавцем, который кажется почти легендарным! По крайней мере я убедился бы, что он существует.

— А разве вы сомневаетесь в этом? — живо спросил Анри д'Альбаре.

— По совести говоря, командир, — отвечал Тодрос, — если хотите знать мое мнение, я почти не верю в существование Сакратифа. Кто может похвастать, что когда-нибудь видел его? Возможно, что это просто боевая кличка, которую по очереди принимают главари пиратов! Видите ли, я полагаю, что многие носители этого имени уже висели на реях фок-мачты. Впрочем, это неважно! Самое главное было вздернуть этих негодяев, и это было сделано!

— Пожалуй, это так, капитан Тодрос, — заметил Анри д'Альбаре. — Это могло бы объяснить ту вездесущность, которую приписывают этому Сакратифу!

— Вы правы, командир, — добавил один из французских офицеров. — Если Сакратифа, как говорят, в одно и то же время видели в разных местах, значит этим именем пользуются сразу несколько пиратских главарей.

— И делают это для того, чтобы вернее сбить со следа порядочных людей, которые за ними охотятся! — подхватил капитан Тодрос. — Но я повторяю еще раз: есть только один способ добиться, чтобы это имя исчезло, — схватить и повесить тех, кто его носит... и даже тех, кто его не носит! Тогда уж настоящему Сакратифу, ежели он существует, не удастся ускользнуть от веревки, которая давным-давно по нем плачет!

Капитан Тодрос был прав, но главная трудность заключалась в том, чтобы обнаружить этих неуловимых злодеев.

— Капитан Тодрос, — спросил затем Анри д'Альбаре, — не встречалась ли вам в первые месяцы плавания «Сифанты» или во время ваших прежних кампаний саколева водоизмещением в сотню тонн под названием «Кариста»?

— Ни разу, — ответил тот.

— А вам, господа? — добавил командир, обращаясь к офицерам.

Но ни один из них ничего не слышал о саколеве, хотя почти все плавали по морям Архипелага с самого начала войны за независимость.

— Не приходилось ли вам слышать имени Старкоса, капитана «Каристы», — настойчиво продолжал свои расспросы Анри д'Альбаре.

Это имя было совершенно неизвестно офицерам корвета. Впрочем, в том не было ничего удивительного, ибо речь шла всего лишь о владельце обыкновенного торгового судна, каких в портах Леванта встречаются сотни.

Однако Тодрос смутно припоминал, что он как будто слышал имя Старкоса во время одной из стоянок в порту Аркадия, в Мессинии. Это имя принадлежало капитану одного из тех промышлявших контрабандой судов, которые переправляли на берберийский берег невольников, проданных турецкими властями.

— Впрочем, это, должно быть, другой Старкос, — добавил он. — Тот, говорите вы, владелец саколевы, а саколева не пригодна для такой торговли.

— В самом деле, — согласился Анри д'Альбаре и прекратил разговор.

Но он не мог не думать о Старкосе, так как его мысли неизменно возвращались к непостижимой тайне исчезновения двух женщин — Хаджины Элизундо и Андроники. Теперь два этих имени были нераздельны в его воспоминаниях.

Двадцать пятого марта «Сифанта» находилась возле острова Самофракии, в шестидесяти лье к северу от Хиоса. Если учесть, сколько времени было ею

затрачено на пройденный путь, то станет ясным, что в этих местах она должна была обшарить каждый уголок. И действительно, там, где из-за мелководья не мог пройти корвет, разведку производили его шлюпки. Но пока что все поиски оставались безрезультатными.

Остров Самофракия подвергся во время войны жестокому опустошению, и турки все еще держали его под своим гнетом. Можно было предположить, что за отсутствием удобной гавани корсары находили надежно убежище в многочисленных бухтах. Над островом высится гора Саос, достигающая пяти-шести тысяч футов; с такой высоты дозорным нетрудно заметить любой корабль и дать о нем знать, если он покажется им подозрительным. Предупрежденные таким образом заранее, пираты имели полную возможность скрыться, прежде чем им будет отрезан путь. Вероятно, дело обстояло именно так, ибо в этих почти пустынных водах «Сифанте» так и не встретился ни один корабль.

Тогда Анри д'Альбаре взял курс на северо-запад с тем, чтобы миновать остров Тасос, расположенный приблизительно в двадцати лье от Самофракии. Корвету пришлось лавировать, борясь с сильным встречным ветром; но вскоре он оказался вблизи берега, где море было спокойнее, и условия плавания стали более благоприятными.

Как непохоже сложилась судьба у различных островов Архипелага! В то время как Хиосу и Самофракии пришлось так много выстрадать от турок, Тасос, подобно Лимносу или Имбросу, не знал военных столкновений. Все население Тасоса составляют греки; нравы там патриархальные; мужчины и женщины до сих пор еще сохраняют в убранстве, одежде и прическах все изящество античного искусства. Турецкие власти, которым этот остров был подчинен с начала пятнадцатого века, могли бы беспрепятственно разграбить его, не встретив ни малейшего сопротивления. Однако в силу какой-то необъяснимой привилегии и несмотря на то, что богатство жителей острова само по себе могло возбудить вождение этих весьма беззастенчивых варваров, Тасос до сих пор оставался нетронутым.

И все же, не прибудь туда «Сифанта», острову, ве-

роятно, пришлось бы узнать все ужасы грабительского нападения.

Дело в том, что 2 апреля порту, который расположен на севере Тасоса и в наши дни носит имя Пиргос, угрожала высадка пиратов. К острову подошли пять или шесть пиратских кораблей по типу — мистики и жермы, в сопровождении бригантины, вооруженной дюжиной пушек. Высадка бандитов на острове несомненно привела бы к катастрофе, ибо население его не было искушено в сражениях и не располагало достаточными силами для сопротивления.

Но едва на рейде появился корвет, как на готемачте бригантины взвился флаг, и все пиратские корабли построились в боевую линию, что было необычайной дерзостью с их стороны.

— Уж не собираются ли они атаковать нас? — воскликнул капитан Тодрос, стоявший рядом с командиром на юте.

— Атаковать... или защищаться? — заметил Анри д'Альбаре, порядком удивленный таким поведением пиратов.

— Черт побери! Я ожидал, что эти негодяи будут удирать под всеми парусами!

— Напротив, капитан Тодрос, пусть сопротивляются! Пусть даже атакуют! Если бы они обратились в бегство, некоторым из них несомненно удалось бы от нас уйти! Прикажите объявить боевую тревогу!

Приказ командира был немедленно выполнен. Пушки были заряжены, ядра сложены возле оружейной прислуги; палубные каронады приведены в боевую готовность, матросы получили оружие — мушкеты, пистолеты, сабли и абордажные топоры. Марсовые приготовились к маневру, как на случай боя на месте, так и на случай погони за беглецами. Все это делалось с такой же быстротой и четкостью, как на военном корабле.

Тем временем корвет приближался к флотилии, в равной степени готовый и к нападению и к отпору. Командир намеревался открыть огонь по бригантине и угостить ее залпом, способным вывести судно из строя, а затем, подойдя вплотную, бросить людей на абордаж.

Но было вполне вероятно, что пираты, делая вид, что готовятся к бою, на самом деле помышляют лишь о бегстве. Им не удалось осуществить его раньше, потому что прибытие корвета застигло их врасплох, а теперь он преграждал им выход в открытое море. Единственно, что им оставалось, — это хитростью попытаться проскочить в проход.

Первой открыла огонь бригантина. Ее орудия были наведены таким образом, чтобы поразить рангоут корвета и лишить его по крайней мере одной из мачт. Если бы это удалось, бригантине было бы потом куда легче проскользнуть от своего противника.

Снаряды просвистели над палубой «Сифанты» на высоте семи или восьми футов, кое-где срезали фалы, повредили брасы, разнесли в щепы деревянный настил между грот- и фок-мачтами и легко ранили трех-четыре матросов. В общем, они не причинили серьезного вреда.

Анри д'Альбаре ответил не сразу. Он приказал стрелять по бригантине прямой наводкой, но залп с правого борта был дан лишь тогда, когда рассеялся дым от первых выстрелов.

По счастью для бригантины, ее капитан сумел сманеврировать, воспользовавшись ветром, и всего несколько ядер угодили в корпус, над ватерлинией. Хотя на бригантине и оказалось несколько убитых, она все же не была выведена из строя.

Но ядра корвета, не поразившие бригантину, не пропали даром. Почти все они врезались в левый борт мистики, открывшейся благодаря маневру бригантины, и она тотчас же стала наполняться водой.

— Попали! Не в бригантину, так в ее спутницу, эту старую калошу! — закричали матросы на баке «Сифанты».

— Ставлю свою порцию вина, что через пять минут мистика пойдет ко дну!

— Через три!

— Идет! Пусть твое вино так же льется в мою глотку, как вода в пробоины корпуса этого пиратского корабля!

— Точет!.. Тонет!

— Смотрите! Она уже наполовину погрузилась... Вода вот-вот ее покроет!

— И всех этих детей дьявола, что бросаются в море и спасаются вплавь!

— Ну что ж! Коли они предпочитают веревку воде, не станем им мешать!

В самом деле, мистика понемногу погружалась. Поэтому, пока вода еще не достигла фальшборта, команда ее кинулась в море, чтобы добраться до какого-нибудь другого судна флотилии.

Однако пиратским кораблям было не до того, чтобы подбирать уцелевших людей с мистики. Теперь у них было только одно намерение — спастись бегством. Вот почему все эти несчастные утонули, так и не дождавшись, пока им бросят хоть веревку, чтобы поднять их на борт.

Тем временем с «Сифанты» был дан второй залп, приведший в негодность одну из жерм, которая неосторожно подставила ему борт. Этого оказалось довольно, чтобы ее уничтожить. Вскоре жерма исчезла за сплошной стеной огня, зажженного на ее палубе полдюжиной раскаленных снарядов.

Увидев, какая судьба постигла жерму, на двух остальных мелких судах поняли, что им не укрыться от пушек корвета. Было также очевидно, что, обратившись в бегство, они не смогут ускользнуть от быстроходного корабля.

Поэтому капитан бригантины принял единственно правильное решение для спасения своих людей. Он дал сигнал собраться всем вместе. Через несколько минут пираты уже оказались на борту бригантины, спешно покинув мистику и жерму, которые тут же взорвались.

Команда бригантины, получившая благодаря этому подкрепление человек в сто, оказалась в более благоприятных условиях для принятия абордажного боя, если бы ей не удалось уйти.

Но хотя ее экипаж и равнялся теперь по численности экипажу корвета, лучшим выходом для нее все же было бегство. Поэтому капитан бригантины без колебаний решил воспользоваться быстроходностью судна,

чтобы укрыться у турецкого берега. Там она могла бы искусно спрятаться между прибрежными скалами, и корвету навряд ли удалось бы ее там обнаружить и настичь.

Ветер заметно крепчал. Однако на бригантине поставили все паруса, вплоть до трюмселя, и, рискуя сломать свой рангоут, она начала удаляться от «Сифанты».

— Что ж! — воскликнул капитан Тодрос. — Я буду весьма удивлен, если у нее окажутся такие же длинные ноги, как у нашего корвета!

И он обернулся к командиру, ожидая приказаний.

Однако в эту минуту внимание Анри д'Альбаре было обращено совсем в другую сторону. Он больше не смотрел на бригантину. Направив подзорную трубу в сторону Тасоса, он следил за легким судном, которое поднимало паруса, готовясь покинуть порт.

Это была саколева. Влекомая свежим норд-вестом, позволившим ей поставить все паруса, она устремилась к южному выходу из гавани, через который ей было легко пройти благодаря небольшому водоизмещению.

Хорошенько разглядев судно, Анри д'Альбаре резко опустил подзорную трубу.

— «Кариста»! — воскликнул он.

— Как, та самая саколева, о которой вы нам говорили? — спросил капитан Тодрос.

— Да, она; я догоню и захвачу ее...

Анри д'Альбаре не договорил. Долг не позволил ему выбирать между бригантиной с многочисленными пиратами и «Каристой», хотя ею вне всякого сомнения командовал Николай Старкос. Отказавшись от преследования бригантины и следуя на самой большой скорости, он наверняка мог отрезать путь саколеве, мог догнать и захватить ее. Но это значило пожертвовать общим благом ради собственных интересов. Он не имел на это права. Долг повелевал ему, не теряя ни секунды, броситься вслед за бригантиной, сделать все, чтобы захватить и уничтожить ее; так он и поступил. Он бросил последний взгляд на «Каристу», которая с невероятной быстротой удалялась по свободному проходу, и дал приказ пуститься в погоню за пиратским судном, двигавшимся в противоположном направлении.

Вскоре «Сифанта» под всеми парусами быстро по-неслась вслед бригантине. В то же время ее носовые пушки были наведены на пиратское судно, и, так как оба корабля были отделены друг от друга расстоянием не более, чем в полмили, корвет заговорил.

Речь его, как видно, пришлось бригантине не по вкусу. Поэтому, взяв два румба на ветер, она попыталась уйти от противника.

Но из этого ничего не вышло.

Рулевой «Сифанты» немного повернул штурвал, и корвет в свою очередь пошел более круто.

Погоня продолжалась еще около часа. Корвет заметно приблизился к пиратам, и не оставалось сомнений, что он настигнет их еще до наступления ночи. Но поединку между двумя кораблями суждено было окончиться иначе.

Один из ядер «Сифанты» срезал фок-мачту бригантины. Судно тотчас же легло в дрейф, и корвету оставалось только двигаться в прежнем направлении, чтобы через четверть часа оказаться на траверсе бригантины.

И тогда послышался ужасный грохот. Приблизившись на расстояние в полкабельтова, «Сифанта» открыла огонь из всех орудий правого борта. Казалось, эта лавина раскаленного металла подбросила бригантину вверх, но залп повредил лишь ее надводную часть, и она не затонула.

Тем не менее капитан судна, команда которого сильно поредела после этого залпа, понял, что не сможет долее сопротивляться, и спустил флаг.

В одно мгновение шлюпки корвета подплыли к бригантине и забрали с нее немногих уцелевших. Подожженный корабль горел до тех пор, пока огонь не достиг его ватерлинии. После этого он погрузился в пучину.

«Сифанта» сделала доброе и полезное дело. Кто командовал пиратской флотилией, как его звали, где он родился, кем были его предки, — этого так и не удалось узнать, ибо атаман наотрез отказался отвечать на заданные ему вопросы. Товарищи его тоже молчали; вполне возможно, что они и в самом деле ничего не знали о прежней жизни своего вожака, как это нередко бывало среди пиратов. Однако в том, что они были пи-

ратами, сомневаться не приходилось, и над ними был совершен скорый суд.

Между тем внезапное появление и исчезновение саколевы повергло Анри д'Альбаре в глубокую задумчивость. Ведь обстоятельства, при которых она покинула Тасос, невольно наводили на размышления. Хотела ли она воспользоваться сражением, которое корвет навязал флотилии, чтобы вернее скрыться? Боялась ли оказаться лицом к лицу с «Сифантой», которую, быть может, узнала? Честное торговое судно преспокойно осталось бы в порту, ибо пираты не желали ничего иного, как уйти оттуда! Вместо этого «Кариста» поспешила сняться с якоря и выйти в море, рискуя попасть им в руки! Ничего не могло быть подозрительнее такого поведения, и напрашивался вопрос, не заодно ли она с ними? По правде говоря, командир д'Альбаре ничуть не удивился бы, узнав, что Николай Старкос принадлежит к числу корсаров. К несчастью, теперь только случай мог помочь корвету напасть на след саколевы. Наступила ночь, и «Сифанта», скользящая к югу, не имела никаких шансов на встречу с «Каристой». Так что, несмотря на все сожаления, какие испытывал Анри д'Альбаре, упустивший случай захватить Николая Старкоса, ему приходилось с этим мириться; но зато он выполнил свой долг. Итогом этой битвы у Тасоса было пять уничтоженных пиратских кораблей, в то время как экипаж корвета почти не понес потерь. После этого сражения в южных морях Архипелага должно было на некоторое время воцариться спокойствие.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Сигналы без ответа

Спустя восемь дней после битвы при Тасосе «Сифанта», обыскав все бухты турецкого побережья от Кавалы до Орфано, пересекла Контессинский залив; затем, пройдя от мыса Депранон до мыса Палиури, она миновала заливы Монте-Санто и Кассандра и, наконец,

15 апреля стала терять из виду вершины горы Атос, чья наивысшая точка достигает почти двух тысяч метров над уровнем моря.

В этих местах корвет не встретил ни одного подозрительного корабля. Несколько раз показывались турецкие эскадры; однако «Сифанта», плывшая под корфиотским флагом, не считала нужным отвечать на сигналы этих кораблей, которые ее командир охотнее встретил бы пушечным залпом, чем вежливым приветствием. Иначе отнесся он к греческим каботажным судам, передавшим ему некоторые весьма ценные сведения.

В этих обстоятельствах 26 апреля командир д'Альбаре узнал об одном событии большой важности. Союзные державы приняли решение перехватывать все подкрепления, посылаемые войскам Ибрагима морским путем. Более того, Россия официально объявила войну султану. Таким образом, положение Греции постепенно улучшалось, и при всех трудностях, которые ей еще предстояло пережить, она уверенно шла к достижению своей независимости.

Тридцатого апреля корвет углубился в Салоникский залив, дойдя до самых отдаленных его берегов — крайнего пункта своего маршрута на северо-западе Архипелага. Ему представился случай поохотиться еще за несколькими пиратскими судами — шебеками, шнявами и полакрами, которым удалось уйти от преследования, лишь выбросившись на берег. Хотя их команды и не были истреблены до последнего человека, сами суда по крайней мере были выведены из строя.

Затем «Сифанта» вновь взяла курс на юго-восток, чтобы тщательно обследовать южный берег Салоникского залива. Но, как видно, пираты уже подняли тревогу, ибо корвету не встретился ни один разбойничий корабль, над которым надо было бы совершить правосудие.

Тогда-то на судне и произошел странный, необъяснимый случай.

Войдя 10 мая около семи часов вечера в кают-компанию, занимавшую всю корму «Сифанты», Анри д'Альбаре увидел на столе какое-то письмо. Он взял его и, поднеся к лампе, качавшейся под потолком, прочел надпись на конверте.

Она гласила:

«Капитану Анри д'Альбаре, командиру корвета «Сифанта», в открытом море».

Почерк показался молодому офицеру знакомым. Он напомнил ему письмо, полученное на Хиосе и извещавшее о том, что в командовании корвета есть вакантное место.

Вот что содержалось в этом письме, прибывшем на сей раз столь необычно, без помощи почты.

«Если командир д'Альбаре пожелает разработать план своей кампании в Архипелаге так, чтобы в первую неделю сентября прибыть к берегам Скарпанто, он поступит к общему благу, а также на пользу вверенного ему дела».

Ни числа, ни подписи, как и в письме, полученном им на Хиосе. Сличив оба письма, Анри д'Альбаре убедился, что они написаны одной и той же рукой.

Как это объяснить? Первое письмо ему доставила почта. Что же касается второго, то его мог положить на стол лишь человек, находящийся на корабле. Очевидно, он держал у себя письмо с самого начала плавания или же получил его во время одной из последних стоянок «Сифанты». Более того, письма не было и в помине час назад, когда командир вышел из кают-компания, направляясь на палубу, чтобы отдать распоряжения на ночь. Итак, письмо вне всякого сомнения положили на стол менее часа назад.

Анри д'Альбаре позвонил.

Вошел вахтенный.

— Кто-нибудь входил сюда, пока я был на палубе? — спросил командир.

— Нет, господин капитан, — ответил матрос.

— Нет?.. А не мог ли кто-либо войти сюда так, что ты этого не видел?

— Нет, господин капитан, ведь я ни на секунду не отлучался от двери.

— Хорошо!

Приложив руку к берету, матрос удалился.

«И в самом деле кажется невероятным, — сказал себе Анри д'Альбаре, — что кто-нибудь мог войти в эту

дверь незамеченным. Но разве нельзя было в сумерках пробраться на наружную галерею и влезть в одно из окон кают-компаний?»

Анри д'Альбаре проверил состояние иллюминаторов, открывавшихся на палубу. Однако здесь, как и в его каюте, они запирались изнутри, и было невозможно проникнуть извне в одно из этих отверстий.

Все это, в общем, не могло вызвать у Анри д'Альбаре ни малейшего беспокойства; он ощутил лишь удивление и то чувство неудовлетворенного любопытства, какое испытываешь перед лицом необъяснимого факта. Ясно было лишь одно: так или иначе, анонимное письмо прибыло по назначению и его адресатом был не кто иной, как он сам — командир «Сифанты».

Поразмыслив, Анри д'Альбаре решил никому не говорить об этом происшествии, даже своему старшему офицеру. Что бы это ему дало? Его таинственный корреспондент, кем бы он ни был, наверняка не обнаружил бы себя.

Но принимал ли капитан совет, заключенный в письме? «Несомненно! — сказал он себе. — Тот, кто писал мне в первый раз, не обманул меня, утверждая, что в командовании «Сифанты» есть вакантное место. Зачем бы он стал обманывать меня во втором письме, приглашая прибыть к острову Скарпанто в первую неделю сентября? Да! Я изменю план кампании и в назначенный срок прибуду, куда мне указано!»

Анри д'Альбаре тщательно сложил письмо, содержащее новые указания; затем, достав свои карты, принялся пересматривать план похода, с тем чтобы наилучшим образом использовать четыре месяца, оставшиеся до конца августа.

Остров Скарпанто расположен на юго-востоке, на противоположной оконечности Архипелага, то есть примерно на расстоянии ста лье по прямой от тогдашнего местонахождения корвета. Итак, в распоряжении Анри д'Альбаре было достаточно времени, чтобы обследовать все берега Морей, где так легко удавалось скрываться пиратам, а также всю группу Киклад, рассеянных от входа в Эгинский залив до острова Крита.

Следует сказать, что необходимость прибыть в указанный срок к острову Скарпанто лишь незначительно меняла маршрут, разработанный командиром д'Альбаре. Он мог осуществить все то, что ранее наметил, несколько не сокращая своей программы. Поэтому 20 мая, обследовав небольшие острова Пелерисс, Пепери, Саракинон и Сканцура, к северу от Негрепонт, «Сифанта» отправилась на разведку к берегам Скироса.

Скирос — самый значительный из девяти островов, составляющих группу, которую древние с полным правом могли бы превратить в обитель девяти муз. В его хорошо защищенной, обширной гавани Св. Георгия, с отличными якорными стоянками, экипаж корвета мог без труда запастись свежей провизией — бараниной, пшеницей, ячменем, а также закупить прекрасное вино, составляющее одно из главных богатств края. Этому острову, тесно связанному с полулегендарными событиями Троянской войны, прославленному именами Ликомеда, Ахилла и Одиссея, предстояло вскоре войти в состав нового греческого королевства, в Эвбейскую епархию.

Берега Скироса изрезаны множеством заливов и бухт, где легко могли найти себе убежище пираты; поэтому Анри д'Альбаре распорядился обследовать их самым тщательным образом. Пока корвет лежал в дрейфе в нескольких кабельтовых от острова, его шлюпки осмотрели все побережье, вплоть до последнего закоулка.

Разведка не принесла никаких результатов. Все эти укромные уголки были пусты. Единственные сведения, которые командиру д'Альбаре удалось получить у властей острова, заключались в следующем: месяц назад судно, плывшее под пиратским флагом, атаковало, разграбило и уничтожило у этих берегов несколько торговых кораблей. Этот разбойничий акт приписывали пресловутому Сакратифу. Однако никто не мог сказать, на чем основано это утверждение, ибо полная неопределенность царила во всем, что касалось этого корсара, вплоть до самого факта его существования.

После пятидневной стоянки корвет покинул воды Скироса. К концу мая он подошел к берегам большого

острова Эвбеи, называемого также Негрепонтe, и внимательно осмотрел все подходы к нему на протяжении более чем сорока лье.

Известно, что остров этот восстал одним из первых, в самом начале войны — в 1821 году; но турки, засевшие в цитадели Негрепонтe и одновременно укрепившиеся в крепости Каристос, оказывали упорное сопротивление. Затем, получив подкрепление за счет войск паши Юсуфа, они распространились по острову и принялись чинить обычные для них зверства, до тех пор пока один из греческих вождей, Диамантис, не остановил их в сентябре 1823 года. Внезапно атаковав турецких солдат, он уничтожил большую их часть, а оставшиеся в живых были вынуждены переправиться через пролив и укрыться в Фессалии.

Но в конечном счете преимущество осталось на стороне турок, обладавших численным превосходством. После тщетной попытки разгромить их, предпринятой в 1826 году полковником Фавье и командиром эскадрона Реньо де Сен-Жан-д'Анжели, турки окончательно сделались хозяевами острова.

Когда «Сифанта» проходила в виду берегов Негрепонтe, он все еще находился в их власти. С палубы корабля Анри д'Альбаре мог вновь увидеть эту арену кровавой борьбы, в которой он сам принимал участие. Теперь сражения там прекратились, и после признания нового королевства остров Эвбея с населением в шестьдесят тысяч человек должен был составить одну из провинций Греции.

Как ни опасно было патрулировать эти воды, почти под носом у турецких береговых батарей, корвет продолжал свое плавание и уничтожил еще около двадцати пиратских кораблей, шнырявших вокруг Эвбеи.

Эта экспедиция заняла почти весь июнь. Затем «Сифанта» направилась на юго-восток. В последние дни этого месяца она уже находилась возле Андроса, первого из Кикладских островов, расположенного возле оконечности Эвбеи; жители этого острова-патриота восстали против турецкого владычества одновременно с жителями Псары.

Здесь командир д'Альбаре счел необходимым изменить курс корвета и повернул прямо на юго-запад, чтобы приблизиться к берегам Пелопоннеса. 2 июля ему открылся остров Зей, некогда Кеос, или Кос, над которым высится величавая вершина горы Эли.

Несколько дней корвет стоял на якоре в порту Зеи, одним из лучших у этих берегов. Анри д'Альбаре и его офицеры встретили тут немало отважных зеотов, которые были их товарищами по оружию в первые годы войны. Вот почему корвету был оказан самый радушный прием. Но так как ни одному пирату не пришлось бы в голову прятаться в бухтах этого острова, то «Сифанта» вскоре возобновила свое плавание и 5 июля обогнула мыс Колонн на юго-восточной оконечности Аттики.

В конце недели, при входе в Эгинский залив, глубоко врезающийся в землю Греции вплоть до Коринфского перешейка, продвижение корвета замедлилось из-за отсутствия ветра. Вахту приходилось нести особенно тщательно. Наступил полный штиль, и «Сифанта» стояла, не двигаясь, с поникшими парусами. Если бы в этих пустынных водах к корвету подплыла сотня-другая шлюпок, ему пришлось бы худо. Поэтому экипаж «Сифанты» постоянно был готов к отпору, и это было совершенно правильно.

И в самом деле, к корвету несколько раз приближались лодки, чьи воинственные намерения не оставляли сомнений, однако они не рискнули бросить вызов пушкам и мушкетам корабля на более близком расстоянии.

Десятого июля вновь задул северный ветер, что было весьма кстати, и «Сифанта», пройдя в виду небольшого города Дамалы, быстро обогнула мыс Скили, у выхода из Навплийского залива.

Одиннадцатого она появилась возле острова Гидры, а еще через день — возле Специи. Нет нужды напоминать, какое участие в борьбе за независимость приняло население двух этих островов. В начале войны жители Гидры, Специи и Псары имели более трехсот торговых кораблей. Превратив их в военные суда, они не без успеха бросили их против турецкого флота. Эти острова были колыбелью Кондуриотиса, Томбазиса, Миаулиса,

Орландоса и других людей знатного происхождения, заплативших долг родине сначала своим состоянием, а затем и собственной кровью. Отсюда отплыли те страшные брандеры, которые вскоре сделались грозой турок. Поэтому, несмотря на внутренние неурядицы, острова эти никогда не были под пятой угнетателей.

В ту пору, когда их посетил Анри д'Альбаре, они немного выходили из борьбы, уже затихавшей и с одной и с другой стороны. Близился час, когда им суждено было войти в новое королевство, образовав две епархии в провинциях Коринфии и Арголиды.

Двадцатого июля корвет бросил якорь в порту Гермополиса, на острове Сира — родине верного Эвмея, столь поэтично воспетого Гомером. В это время остров еще служил убежищем для всех тех, кого турки изгнали с континента. Сира, католический епископ которой неизменно находился под защитой Франции, предоставила в распоряжение Анри д'Альбаре свои ресурсы. Ни в одном из портов своей родины молодой командир не встретил бы более сердечного приема.

Лишь одно обстоятельство омрачило радость, которую он испытал в связи с этой теплой встречей: то, что он не прибыл сюда тремя днями раньше.

Из беседы с французским консулом выяснилось, что шестьдесят часов назад саколева «Кариста», плывшая под греческим флагом, покинула порт. Это позволяло заключить, что, ускользнув из гавани острова Тасос во время битвы корвета с пиратами, она двинулась к южным берегам Архипелага.

— Но, может быть, известно, куда она отплыла? — живо спросил Анри д'Альбаре.

— Судя по тому, что я слышал, саколева, видимо, держит путь к юго-восточным островам, если только она не направилась в один из портов Крита.

— Вам не пришлось видеться с ее капитаном? — осведомился офицер.

— Нет, командир.

— А не слыхали вы, как его зовут? Николай Старкос?

— Не знаю.

— Есть ли какие-либо основания подозревать, что

саколева принадлежит к флотилии пиратов, которым кишит эта часть Архипелага?

— Нет; но если бы это было так, — ответил консул, — то нет ничего удивительного, что она поплыла к Криту, где многие порты все еще открыты для этих негодяев!

Новость эта не могла не взволновать командира «Сифанты», как и все то, что прямо или косвенно относилось к исчезновению Хаджины Элизундо. Какое это было невезение — прибыть сюда спустя такое короткое время после отплытия саколевы! Однако, коль скоро она взяла курс на юг, быть может, корвету, который должен следовать в том же направлении, удастся настичь ее? Поэтому Анри д'Альбаре, страстно желавший оказаться лицом к лицу с Николаем Старкосом, в тот же вечер, 21 июля, покинул Сиру; «Сифанта» снялась с якоря при слабом ветре, который, судя по показаниям барометра, должен был вскоре усилиться.

Надо сознаться, что в течение двух недель капитан д'Альбаре искал саколеву не менее усердно, чем пиратов. Решительно, в его представлении «Кариста» заслуживала такого же отношения к себе, как и корсары, и по тем же причинам. Если бы ему улыбнулась удача, он бы уж знал, как поступить!

Тем не менее, несмотря на все поиски, корвету не удалось напасть на след саколевы. На Наксосу, где «Сифанта» заходила во все порты, «Кариста» не оставалась. Среди островков и рифов, окружающих этот остров, корвету повезло ничуть не больше. К тому же здесь совершенно не встречались пиратские суда, хотя обычно они охотно посещали эти места. Ведь между богатыми Кикладскими островами ведется большая торговля, и возможность поживиться должна была, казалось, особенно привлекать этих морских разбойников.

Такая же неудача ожидала корвет возле острова Пароса: его отделяет от Наксоса обыкновенный пролив, шириною в семь миль. Порты Паркия, Навса, Св. Марии, Агула, Дико не удостоились визита Николая Старкоса. Несомненно, консул на Сире был прав: саколева направилась в один из пунктов на побережье Крита.

Девятого августа «Сифанта» бросила якорь в гавани Милоса. Этот остров, процветавший вплоть до середины XVIII века, оскудел в результате вулканических извержений; теперь его флору и фауну отравляют вредоносные испарения, и население Милоса продолжает сокращаться.

И здесь все поиски оказались тщетными. «Кариста» не появлялась; больше того, не удалось обнаружить даже ни одного из пиратских кораблей, обычно бороздивших море вокруг Киклад. Невольно возникало подозрение, что, во-время заметив появление «Сифанты», они успели скрыться. Корвет нанес немалый урон пиратам на севере Архипелага, и немудрено, что на юге они старались избежать с ним встречи. Так или иначе, никогда еще у этих берегов не царило такое спокойствие. Казалось, что отныне торговые корабли могут плавать здесь в полной безопасности. Некоторые из крупных каботажных судов — шебеки, шнявы, полакры, тартаны, фелюги и каравеллы, — повстречавшиеся корвету, были опрошены, но из ответов их владельцев и капитанов командир д'Альбаре не извлек для себя ничего, что помогло бы ему уяснить положение дел.

Между тем наступило 14 августа. Оставалось лишь две недели для того, чтобы к первым числам сентября попасть к острову Скарпанто. Покинув Кикладские острова, «Сифанта» должна была пройти семьдесят — восемьдесят лье к югу. Как известно, Эгейское море замыкает на юге удлинённая земля Крита, и вот уже над линией горизонта показались самые высокие горы этого острова, покрытые вечными снегами.

Командир д'Альбаре принял решение следовать в этом направлении. Оказавшись в виду Крита, он должен будет лишь повернуть к востоку, чтобы достичь Скарпанто.

Покинув Милос, «Сифанта» продвинулась далее на юго-восток, до острова Санторини, и обыскала все закоулки его мрачных, скалистых берегов. Плавание в этих водах чревато опасностями, ибо каждую минуту, под напором вулканического огня, здесь может появиться новый риф. Затем, приняв за ориентир древнюю гору Иду, современную Псиланти, которая возвышается

над Критом более чем на семь тысяч футов, корвет устремился к своей цели, подгоняемый свежим вест-норд-вестом, позволившим поставить все паруса.

На следующий день, 15 августа, на ясном горизонте выступили живописно изрезанные берега Крита — от мыса Спада до мыса Ставрос. Резкий изгиб побережья скрывал еще от корвета тот вырез, в глубине которого расположена Кания, столица этого самого большого из островов Архипелага.

— Намерены ли вы, мой командир, — спросил капитан Тодрос, — бросить якорь в одном из здешних портов?

— Крит попрежнему находится в руках турок, — ответил Анри д'Альбаре, — и я полагаю, что нам тут делать нечего. Если верить известиям, которые я получил в Сире, солдаты Мустафы, овладев Ретимноном, стали хозяевами всего острова, несмотря на мужество сфакиотов.

— Отважные горцы эти сфакиоты, — отозвался капитан Тодрос, — и своей храбростью они по праву стяжали себе славу с самого начала войны...

— Да, храбростью... и жадностью, Тодрос, — ответил Анри д'Альбаре. — Всего лишь два месяца назад судьба Крита была всецело в их руках. Мустафа и его войско едва не погибли, застигнутые ими врасплох; но по его приказу турецкие солдаты стали бросать драгоценности, украшения, дорогое оружие — все, что было у них самого ценного, и когда сфакиоты бросились подбирать эти предметы, туркам удалось ускользнуть из ущелья, в котором они должны были найти себе смерть!

— Это весьма прискорбно, но в конце концов, мой командир, жители Крита не настоящие греки!

Не следует удивляться, слыша такую речь из уст старшего офицера «Сифанты», эллина по рождению. Жители Крита, при всем их патриотизме, не были греками не только в глазах капитана Тодроса; им не пришлось сделаться ими даже при окончательном создании нового королевства. Так же, как и Самос, Крит оставался под турецким владычеством по крайней мере до 1832 года, когда султану пришлось уступить свои права на этот остров Мухаммеду-Али.

Итак, при тогдашнем положении вещей Анри д'Альбаре незачем было заходить в различные порты Крита. Кания сделалась главным арсеналом египтян, и именно отсюда паша бросил на Грецию своих озверевших солдат. Что касается Кании, то по наущению оттоманских властей ее население могло, чего доброго, оказать плохой прием корфиотскому флагу, развевавшемуся на гафеле «Сифанты». Словом, нигде — ни в Иерапетра, ни в Суде, ни в Кисамосе — Анри д'Альбаре не получил бы сведений, которые помогли бы ему увенчать свою экспедицию захватом какого-нибудь крупного пиратского судна.

— Нет, — сказал он капитану Тодросу, — по-моему, бесполезно обследовать северный берег, но мы могли бы обойти остров с северо-запада, обогнуть мыс Спада и в течение дня или двух крейсировать возле Грабузы.

Такое решение было, очевидно, наилучшим. В водах Грабузы, пользующихся дурной славой, «Сифанте», возможно, представился бы случай дать несколько залпов по пиратам, которых она не встречала уже больше месяца.

Кроме того, поскольку саколева, по всей вероятности, направилась к Криту, не было исключено, что она сделала остановку в Грабузе. Это еще более укрепило Анри д'Альбаре в намерении осмотреть подходы к этой гавани.

В те времена Грабуза была настоящим пиратским гнездом. Месяцев семь назад для расправы с этим притоном разбойников сюда прибыла целая англо-французская эскадра и отряд регулярных греческих войск под командованием Маврокордато. И что удивительнее всего — власти Крита отказались передать командуящему английской эскадрой дюжину преступников, выдачи которых он требовал. Чтобы добиться своего, он вынужден был открыть огонь по крепости, сжечь несколько кораблей и высадить на остров своих матросов.

Итак, естественно было предположить, что после ухода союзной эскадры пираты будут охотно укрываться в Грабузе, где они обрели неожиданных союзников. Поэтому Анри д'Альбаре решил следовать в

Скарпанто вдоль южного берега Крита, чтобы пройти мимо Грабузы. Он отдал соответствующие приказания, а капитан Тодрос поспешил привести их в исполнение.

Погода стояла великолепная. Впрочем, в этих благодатных краях зима начинается в декабре, а заканчивается в январе. Благословенный остров Крит, родина царя Миноса и первого инженера древности Дедала! Сюда Гиппократ посылал своих богатых пациентов из Греции, по которой он путешествовал, обучая искусству врачевания!

Держась круто к ветру, «Сифанта» лавировала, чтобы обогнуть мыс Спада, который выступает на оконечности языка суши, вытянутого между заливом Кании и заливом Кисаму. Вечером мыс был пройден; ночью, прозрачной ночью Востока, корвет обогнул крайний выступ острова. Достаточно было ему лечь на другой галс, чтобы снова взять курс на юг и утром, под малыми парусами, корвет лавировал перед входом в Грабузу.

Шесть дней командир д'Альбаре не прекращал осмотра западного побережья острова, заключенного между Грабузой и Кисаму. Порт покидало множество торговых кораблей — фелюг и шебек. Некоторых из них «Сифанта» «опросила», не имея оснований сомневаться в их ответах. Однако на все вопросы, касающиеся пиратов, которые, возможно, нашли себе убежище в Грабузе, они отвечали крайне сдержанно. Чувствовалось, что они боятся сказать слишком много. Анри д'Альбаре не удалось даже установить, находится ли в данное время в порту саколева «Кариста».

Тогда корвет расширил зону своих наблюдений. Он проследовал вдоль берега, тянувшегося между Грабузой и мысом Крисс. Затем, 22 числа, при сильном ветре, который крепчал днем и стихал ночью, он обогнул этот мыс и стал следовать как можно ближе к побережью Ливийского моря, более ровному, менее изрезанному, не столь усеянному мысами и выступами, чем побережье Критского моря. На северном горизонте тянулась горная цепь Аспровуна, с возвышающейся на востоке поэтической вершиной Иды, чьи вечные снега упорно сопротивляются горячему солнцу Архипелага.

Не заходя ни в один из мелких портов этого побережья, корвет не раз останавливался в полумиле от Румелиса, Анополиса и Сфакии, но вахтенные не обнаружили в этих водах ни одного пиратского судна.

Двадцать седьмого августа, исследовав большой залив Месарас, «Сифанта» обогнула мыс Матала — самую южную точку Крита, ширина которого в этом месте не превышает десяти — одиннадцати лье. Трудно было надеяться, что это обследование принесет какие-нибудь результаты, полезные для экспедиции. В самом деле, лишь немногие корабли пересекают Ливийское море на этой широте. Обычно они следуют либо севернее, через Архипелаг, либо южнее, приближаясь к берегам Египта. Вот почему корвету попадались почти одни рыбацкие лодки, стоявшие на якоре у скал, и время от времени длинные баркасы, груженные морскими улитками, этим довольно редким видом моллюсков, которых Крит огромными партиями поставляет на другие острова Архипелага.

Не повстречав никого в этой части побережья, оканчивающейся мысом Матала, где среди многочисленных островков может укрыться множество мелких судов, «Сифанта» имела мало шансов на успех во время плаванья вдоль другой части южного побережья Крита. Анри д'Альбаре решил поэтому направиться прямо к Скарпанто, рискуя оказаться там раньше срока, указанного в таинственном письме. Однако вечером 29 августа его намерения внезапно переменялись.

Было шесть часов. Собравшись на юте, командир, старший офицер и несколько других офицеров обзрели мыс Матала. В этот момент послышался голос марсового, несшего вахту на салинге.

— Корабль впереди, с левого борта!

Все подозрительные трубы были тотчас же направлены на указанную точку, находившуюся в нескольких милях от корвета.

— В самом деле, — сказал Анри д'Альбаре, — вот корабль, идущий вдоль самого берега.

— Видимо, он хорошо знает эту землю, раз держится к ней так близко, — добавил капитан Тодрос.

— Поднял ли он флаг?

— Нет, мой командир, — ответил один из офицеров.

— Спросите у вахтенных, нельзя ли узнать национальную принадлежность этого корабля?

Приказание было выполнено. Ответ, полученный через несколько секунд, гласил, что ни на гафеле судна, ни на его мачтах не видно никакого флага.

Однако было еще настолько светло, чтоб можно было определить если не национальную принадлежность, то по крайней мере водоизмещение и тип корабля.

Это был бриг, грот-мачта которого сильно отклонялась назад. Очень вытянутый, весьма изящной формы, оснащенный необыкновенно высокими мачтами и широкими парусами, он, насколько можно было судить на таком расстоянии, обладал водоизмещением в семьсот — восемьсот тонн и, по всей видимости, отличался исключительной быстроходностью. Но был ли он вооружен? Имелись ли на его палубе орудия? Был ли его фальшборт снабжен орудийными портами, в то время закрытыми съёмными щитами? Этого нельзя было разглядеть с корвета даже в лучшие подзорные трубы.

Ведь бриг отделяло от «Сифанты» расстояние по меньшей мере в четыре мили. К тому же, едва солнце скрылось за вершинами Аспровуны, наступили сумерки, и подножья прибрежных скал окутала густая тьма.

— Странное судно! — заметил капитан Тодрос.

— Можно подумать, что оно стремится проскользнуть между островом Платана и берегом! — добавил один из офицеров.

— Да! Точно корабль, боящийся, как бы его не заметили, и желающий скрыться! — ответил помощник.

Анри д'Альбаре не ответил, но он, как видно, разделял мнение своих офицеров. Маневр брига в ту минуту показался и ему подозрительным.

— Капитан Тодрос, — проговорил он наконец, — нам важно не потерять след этого корабля в течение ночи. Мы будем действовать таким образом, чтобы до

наступления дня идти за ним. Но он не должен нас видеть, поэтому прикажите погасить все огни на корвете.

Старший офицер отдал нужные распоряжения. Наблюдение за бригом продолжалось до тех пор, пока его можно было различить на фоне нависавших над ним скал. Когда наступила ночь, он совершенно скрылся из виду, не обнаруживая себя ни единым огоньком.

На следующий день, с первыми лучами зари, Анри д'Альбаре был уже на носу «Сифанты», ожидая, пока на поверхности моря рассеется туман.

К семи часам пелена растаяла, и все подозрительные трубы были направлены на восток.

Бриг попрежнему шел вдоль берега; он находился теперь против мыса Аликапорита, примерно в шести милях от «Сифанты». За ночь он еще больше ушел вперед, хотя совершенно не прибавил парусов к тем, что были у него накануне — фоку, фор и грот-марсельям и фор-брамселю, тогда как грот и косой грот были взяты на гитовы.

— Это совсем не похоже на поведение корабля, стремящегося скрыться, — заметил помощник.

— Неважно! — ответил командир. — Попытаемся разглядеть его поближе! Капитан Тодрос, прикажите следовать за бригом.

Немедленно по свистку боцмана были поставлены верхние паруса, и скорость корвета заметно увеличилась.

Но бриг, без сомнения, стремился сохранить прежнюю дистанцию, ибо он в свою очередь поставил косой грот и большой брамсель — и только. Но хотя бриг и не хотел подпустить к себе «Сифанту», он, как видно, и не стремился от нее уйти. Он попрежнему держался возле берега, прижимаясь к нему как можно ближе.

К десяти часам утра, то ли потому, что корвету больше благоприятствовал ветер, то ли из-за того, что неизвестный корабль решил позволить ему немного приблизиться к себе, расстояние между судами сократилось на четыре мили.

Теперь бриг можно было рассмотреть наилучшим

образом. Он был вооружен двадцатью каронадами и, повидимому, имел межпалубное пространство, хотя и глубоко сидел в воде.

— Поднять флаг! — приказал Анри д'Альбаре.

Раздался пушечный выстрел, на гафеле взвился флаг. Это означало, что корвет хочет узнать национальную принадлежность замеченного корабля. Но на этот сигнал не последовало никакого ответа. Бриг не изменил ни курса, ни скорости и лишь ненадолго отклонился на один румб, чтобы обогнуть бухту Кератон.

— Молодчик-то не больно вежлив! — закричали матросы.

— Но, видеть, себе на уме! — ответил старый марсовой. — Со своей наклоненной грот-мачтой он выглядит так, словно шапка у него набекрень и ему неохота снимать ее для поклона!

Второй выстрел, сделанный корветом, также не достиг цели. Бриг не остановился, он спокойно продолжал свой путь, обратив на требования корвета не больше внимания, чем если бы это был мираж.

Между двумя кораблями началось настоящее состязание в скорости. На «Сифанте» были подняты все паруса — лиселя, трюмселя, бомбрамселя, — все, вплоть до блинда. Но бриг в свою очередь прибавил паруса и неизменно удерживал дистанцию.

— Должно быть, в его нутре черти сидят! — воскликнул старый марсовой.

Говоря по правде, на борту корвета начинали приходить в ярость не только матросы, но и офицеры, а больше всех — нетерпеливый капитан Тодрос. Боже правый! Он охотно отдал бы свою долю добычи, лишь бы захватить этот бриг, какой бы он ни был национальности!

На носу «Сифанты» стояло дальнобойное орудие, которое могло послать снаряд весом в тридцать фунтов на расстояние почти в две мили.

Командир д'Альбаре, сохранявший, по крайней мере внешне, хладнокровие, дал команду стрелять.

Раздался выстрел, но снаряд, отскочив рикошетом от воды, упал саженьях в двадцати от брига.

Вместо ответа последний ограничился тем, что поставил лиселя, и вскоре расстояние, отделявшее его от корвета, вновь увеличилось.

Неужели его нельзя было догнать, ни увеличивая паруса, ни подвергая обстрелу? Это было унижительно для такого быстроходного судна, как «Сифанта»!

Между тем наступила ночь. Корвет находился теперь недалеко от мыса Перистера. Ветер усилился настолько ощутимо, что пришлось убрать лиселя и оставить на ночь более подходящие паруса.

Командир «Сифанты» полагал, что с наступлением утра он больше не увидит брига — не увидит даже верхушек его мачт, которые скроются либо на востоке, за линией горизонта, либо за выступом берега.

Он ошибся.

С восходом солнца бриг все еще был в виду, идя прежним ходом и сохраняя то же расстояние. Можно было подумать, что он соразмерял свою скорость со скоростью корвета.

— Если так пойдет дальше, покажется, что мы у него на буксире! — поговаривали на баке.

Что правда, то правда!

В это время, войдя в пролив Куфониси, между островом того же названия и Критом, бриг обогнул мыс Какиалити, чтобы достигнуть восточной части Крита.

Не собирался ли он укрыться в каком-либо порту или исчезнуть в одном из узких проливов побережья?

Ничего этого не произошло.

Около семи часов утра бриг решительно повернул на северо-восток и направился в открытое море.

— Неужели он идет в Скарпанто? — не без удивления спросил себя Анри д'Альбаре.

И при все усиливавшемся ветре, рискуя сломать часть своего рангоута, он продолжал эту бесконечную погоню, прекратить которую ему не позволяли ни его миссия, ни честь его корабля.

Здесь, в этой части Архипелага, широко открытой во всех направлениях, на бескрайнем морском просторе, не заслоненном больше возвышенностями

Крита, «Сифанте» вначале удалось добиться некоторого превосходства над бригом. К часу пополудни расстояние между обоими кораблями сократилось по меньшей мере на три мили. С корвета полетело еще несколько ядер, но они не могли достичь цели и не вызвали никаких изменений в ходе брига.

На горизонте уже показались возвышенности Скарпанто, выглядывавшие из-за небольшого острова Касос, который лежит возле оконечности Скарпанто, подобно тому как Сицилия лежит возле оконечности Италии.

Командир д'Альбаре, его офицеры и команда могли теперь надеяться свести в конце концов знакомство с этим таинственным кораблем, который был до того невежлив, что не отвечал ни на сигналы, ни на ядра.

Но к пяти часам вечера, когда ветер утих, бриг снова вырвался вперед.

— Ах, негодяй!.. За него сам дьявол!.. Он уйдет от нас! — вскричал капитан Тодрос.

И тогда было пущено в ход все, что только может предпринять опытный моряк, стремящийся увеличить скорость своего корабля, — смочили паруса, чтобы полотно их лучше натянулось, подвесили гамаки, чье колебание могло благоприятно повлиять на ход корвета, — все это принесло некоторый успех. Действительно, к семи часам, вскоре после захода солнца, оба судна разделяло не более двух миль.

Но в этих широтах ночь наступает быстро. Сумерки здесь длятся недолго. Чтобы догнать бриг до наступления ночи, требовалось еще увеличить скорость корвета.

В это время бриг проходил между островками Касо-Пуло и островом Касос. Вскоре он скрылся в глубине узкого пролива, отделяющего этот остров от Скарпанто.

Полчаса спустя «Сифанта» прибыла на то же место, прижимаясь к берегу, чтобы держаться под ветром. Было еще достаточно светло, чтобы можно было различить даже корабль небольших размеров на несколько миль в окружности.

Бриг исчез.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Аукцион в Скарпанто

Если Крит, как повествуют мифы, был некогда колыбелью богов, то древний Карпатос, ныне Скарпанто, служил ею для титанов, их самых отважных противников. Хотя современные пираты нападают лишь на простых смертных, они не становятся менее достойными потомками этих мифологических злодеев, дерзнувших штурмовать Олимп. В те времена, к которым относится наш рассказ, всевозможные корсары, казалось, устроили свою штаб-квартиру на этом острове, где родились четверо сыновей Яфета, внуки Титана и Земли.

И действительно, остров Скарпанто наилучшим образом приспособлен для тех маневров, которых требует пиратское ремесло. Он расположен почти изолированно, в юго-восточной части Архипелага, более чем в сорока милях от острова Родос; горные вершины Скарпанто видны издалека. Его береговая линия протяжением в двадцать лье изрезана, искромсана, изъедена множеством зазубрин, охраняемых бесконечным количеством рифов. Для древних мореплавателей остров был еще более страшен, чем для современных, и по этой причине омывающие его воды были названы его именем. Считалось, да и теперь еще считается, опасным лускаться в плаванье по Карпатийскому морю, не изучив его досконально и во всех особенностях.

И все же на этом острове, составляющем последнее звено в длинной цепи Спорад, нет недостатка в хороших якорных стоянках. Начиная от мысов Сидрос и Перниса до мысов Бонандреса и Андремоса, на его северном берегу можно встретить не одну гавань. Четыре его порта — Агата, Порто ди Тристано, Порто Грато, Порто Мало Нато — в прежние времена особенно часто посещали каботажные суда Леванта, пока эти гавани не затмил Родос, лишивший их всякого торгового значения. Теперь же редко найдется корабль, стремящийся бросить якорь в этих местах.

Скарпанто — остров греческий, или по крайней мере населенный греками, но принадлежит он Оттоманской империи. После окончательного образования Греческого королевства ему пришлось остаться под властью Турции, и управлял им кади, живший в укрепленном замке, расположенном над городком Аркасса.

В те времена на острове можно было встретить множество турок, и население его, не принимавшее участия в войне за независимость, надо сказать, относилось к ним вполне дружелюбно. Сделавшись центром самых преступных коммерческих операций, Скарпанто с одинаковой готовностью принимал как турецкие корабли, так и пиратские суда, доставлявшие сюда партии невольников. Здесь, на прибыльном рынке, где продавался живой товар, толпились маклеры Малой Азии и берберийского побережья. Здесь происходили торги, здесь устанавливались цены на рабов, менявшиеся в зависимости от спроса и предложения. И, надо сознаться, кади был немало заинтересован в этих операциях, совершавшихся в его присутствии, ибо маклеры почитали своим долгом отдавать ему известную долю барыша.

Что касается перевозки этих несчастных на базары Смирны или Африки, то она совершалась на кораблях, принимавших обычно свой груз в порту Аркассы, на западном побережье острова. Если же они не вмещали всех невольников, то на противоположный берег посылали гонца, и пираты охотно предоставляли свои корабли для этой позорной торговли.

В то время у восточного побережья острова, в глубине незаметных бухт, укрывалось до двадцати больших и малых судов, чьи экипажи насчитывали в общей сложности тысячу двести — тысячу триста человек. Эта флотилия дожидалась лишь прибытия своего вожака, чтобы ринуться в новую преступную авантюру.

Вечером 2 сентября «Сифанта» бросила якорь в порту Аркассы, в расстоянии одного кабельтова от мола, на глубине в десять сажений. Высаживаясь на остров, Анри д'Альбаре не сомневался в том, что перипетии его экспедиции привели его в самый центр торговли невольниками.

— Долго ли мы пробудем в Аркассе, командир? — спросил капитан Тодрос, когда «Сифанта» бросила якорь.

— Не знаю, — ответил Анри д'Альбаре. — Некоторые обстоятельства могут заставить нас вскоре покинуть этот порт, но другие могут нас здесь задержать!

— Сойдут ли матросы на берег?

— Да, но только группами. Необходимо, чтобы половина команды постоянно находилась на «Сифанте».

— Разумеется, командир, — ответил капитан Тодрос. — Мы находимся скорее на турецкой, чем на греческой земле, и благоразумнее быть на чеку!

Читатель помнит, что Анри д'Альбаре ничего не рассказал своему помощнику и офицерам ни о мотивах, по которым он прибыл в Скарпanto, ни о том, что в анонимном письме, неизвестно как попавшем на корабль, ему назначалось свидание на этом острове в первых числах сентября. Впрочем, он рассчитывал получить здесь какое-нибудь новое известие, которое подсказало бы ему, чего ожидал таинственный корреспондент от пребывания корвета в водах Карпатийского моря.

Молодой офицер не переставал думать о загадочном исчезновении брига, внезапно скрывшегося по выходе из пролива Касос, когда все на «Сифанте» были уверены, что уже настигают судно.

Однако Анри д'Альбаре не считал себя побежденным. Приблизившись к берегу, насколько позволяла осадка корвета, он приказал внимательно обследовать все излучины побережья. Однако судно, подобное бригу, без труда могло укрыться среди бесчисленных рифов, защищавших подступы к острову, или в высоких проходах между скалистыми утесами. Капитану, знающему здешние места, ничего не стоило сбить со следа тех, кто гнался за ним, юркнув за этот барьер из подводных камней, к которому «Сифанта» не смела подойти из боязни разбиться. Если бриг укрылся в одной из этих потайных бухт, отыскать его будет так же трудно, как обнаружить другие пиратские суда, нашедшие себе убежище в укрытых стоянках острова.

Поиски, предпринятые корветом, длились два дня, но не принесли никакого успеха. Можно было

подумать, что, пройдя Касос, бриг погрузился в пучину вод, — настолько бесследно он исчез. Как ни горько было командиру д'Альбаре, ему пришлось оставить всякую надежду отыскать этот корабль. Тогда-то он и решил бросить якорь в Аркассе. Теперь ему оставалось лишь одно: ждать.

На другой день, между тремя и пятью часами вечера, в городок Аркассу должно было собраться почти все население острова, не говоря уже об иностранцах, европейцах и азиатах, не заставлявших себя ждать в подобных случаях. Дело в том, что в тот день был назначен большой базар для продажи несчастных людей всех возрастов и положений, недавно взятых в плен турками.

В те времена в Аркассе имелся «батистан» — специальный рынок, предназначенный для торговли этого рода, невольничий рынок, подобный тем, какие встречаются в некоторых городах берберийского побережья. На сей раз батистан вмещал около сотни невольников — мужчин, женщин, детей, захваченных во время последних турецких набегов на Пелопоннес. Они беспорядочно толпились на открытом дворе, под лучами палящего солнца, и их изодранная одежда, скорбные позы, лица, исполненные отчаяния, говорили о том, сколько им пришлось выстрадать. Эти обездоленные, утолявшие голод скудной и скверной пищей, а жажду — грязной водой, держались семьями, но лишь до тех пор, пока прихоть покупателя безжалостно не отрывала жен от мужей, детей — от родителей. Они способны были вызвать самое глубокое сострадание у всех, кроме своих стражей — жестоких «баши», не допустивших жалости. Но что значили эти муки в сравнении с тем, что ожидало их на многочисленных каторгах Алжира, Туниса и Триполи, где смерть так быстро опустошала ряды невольников, что приходилось постоянно их пополнять. И все же надежда на освобождение не покидала пленников. Если, приобретая их, покупатели совершали выгодную сделку, то не менее выгодно было возвращать, за весьма крупный выкуп, свободу, в особенности тем, чья высокая цена определялась известным общественным положением на

родине. Немало людей было таким образом вырвано из **цепей** рабства, либо официальным путем, когда пленников выкупало государство еще до их отправки на чужбину, либо когда владельцы договаривались непосредственно с семьями невольников, либо, наконец, когда монахи ордена Милосердия, разбогатевшие от сборов, производившихся во всей Европе, приезжали за ними в крупнейшие города Берберии. Случалось, что и частные лица, воодушевленные идеей милосердия, жертвовали на эти благородные цели долю своего состояния. С недавнего времени на выкуп пленников из неизвестного источника начали поступать крупные суммы; однако они предназначались исключительно для освобождения рабов, уроженцев Греции, которых превратности войны отдали за последние шесть лет в руки маклеров Африки и Малой Азии.

На базаре Аркассы происходили публичные торги. В них могли принимать участие все — и местные жители и чужеземцы; но поскольку в тот день маклеры скупали рабов лишь для невольничьих рынков Берберии, то продавалась всего одна партия пленников. И в зависимости от того, кому из маклеров она досталась бы, узникам предстояло отправиться в Алжир, Триполи или Тунис.

Все же существовали две группы пленников. Одни — их было большинство — прибыли из Пелопоннеса. Другие были недавно захвачены на борту греческого корабля, везшего их из Туниса в Скарпанто, откуда им предстояло возвратиться на родину.

Судьбу всех этих несчастных, которых ожидало столько горестей, решала последняя надбавка в цене, а повышать цену можно было лишь до тех пор, пока не пробьет пять часов. Пушечный выстрел в крепости Аркассы, возвещавший о закрытии порта, одновременно прекращал торги.

Итак, в тот день, 3 сентября, вокруг батистана толпились маклеры. Здесь было множество агентов, прибывших из Смирны и других ближних городов Малой Азии, и все они, как уже говорилось, представляли интересы берберийских государств.

Вся эта суматоха объяснялась как нельзя проще. Дело в том, что последние события предвещали скорое окончание войны за независимость. Ибрагим был потеснен на Пелопоннесе, и в Морее только что высадился маршал Мэзон с экспедиционным корпусом в две тысячи французов. Таким образом вывоз невольников должен был в ближайшем будущем namного сократиться, а их продажная цена, к великому удовольствию кади, возрастала.

Все утро маклеры наведывались на батистан и уже составили себе представление о количестве и качестве невольников и о том, что они несомненно пойдут по очень высокой цене.

— Клянусь Магометом! — твердил агент из Смирны, разглагольствуя в кружке своих собратьев. — Пора выгодных сделок миновала! Помните ли вы времена, когда корабли доставляли сюда не сотни, а тысячи пленников?

— Да! Как это было после Хиосской резни! — подхватил другой маклер. — Одним махом больше сорока тысяч рабов! Все трюмы были забиты ими!

— Несомненно, — начал третий агент, который производил впечатление ловкого дельца. — Но избыток невольников ведет к избытку предложений, а избыток предложений — к снижению цены! Лучше уж привозить поменьше, да сбывать повыгоднее, — ведь как бы ни возрастали расходы, поборы не уменьшаются!

— Вот, вот! Особенно в Берберии... Двенадцать процентов всей выручки в пользу паши, кади или правителя! Не считая одного процента на содержание мола и береговых батарей.

— И еще один процент переключивает из наших карманов в карманы марабутов¹.

— Поистине сплошное разорение — и для корсаров и для маклеров!

Так беседовали между собой эти агенты, даже не сознававшие всей низости своей торговли. Они вечно

¹ М а р а б у т — мусульманский священнослужитель (Прим. ред.)

жаловались на несправедливость! И обвинения несомненно продолжали бы сыпаться из их уст, если бы этому не положил конец удар колокола, возвестивший об открытии базара.

Само собой разумеется, на торгах присутствовал кади. Его побуждал к этому не только долг представителя турецкого правительства, но и личный интерес. Расположившись на помосте, защищенном тентом, над которым развевался красный флаг с полумесяцем, он возлежал на больших подушках с истинно восточной ленью.

Возле него находился аукционист, который, исполняя свои обязанности, не слишком надрывал горло! Отнюдь! На такого рода торгах маклеры не торопились набавлять цену. Более или менее оживленная борьба вокруг окончательной суммы происходила в сущности лишь в последние четверть часа.

Первая цена в тысячу турецких лир была предложена одним из маклеров Смирны.

— Тысяча турецких лир! — повторил аукционист и закрыл глаза, словно собираясь вздремнуть в ожидании следующей надбавки.

В течение первого часа цена поднялась всего лишь с тысячи до двух тысяч турецких лир, то есть приблизительно до сорока семи тысяч франков на французские деньги. Маклеры присматривались друг к другу, знакомились, беседовали о посторонних вещах. Каждый заранее обдумал свою ставку. Они отважатся называть свою наивысшую цену лишь в самые последние минуты, перед заключительным пушечным выстрелом...

Однако появление нового конкурента вскоре изменило их планы и внесло неожиданный азарт в ход торгов.

Около четырех часов на базаре Аркассы появились два человека. Откуда они прибыли? Вне всякого сомнения, из восточной части острова, судя по тому, откуда показалась арба, подвезшая их прямо к воротам батистана.

Их приезд вызвал удивление и беспокойство. Очевидно, маклеры не ожидали, что появится лицо, с которым им придется соперничать.

— Клянусь Аллахом! — воскликнул один из них. — Это сам Николай Старкос!

— И его окаянный Скопело! — ответил другой. — А мы-то думали, что они провалились в преисподнюю!

Пришельцев хорошо знали на базаре Аркассы. Уже не раз они заключали здесь крупные сделки, покупая невольников для африканских работорговцев. В деньгах у них недостатка не было, хотя никто не знал, откуда они их берут; но это было их дело. Что касается кади, то он мог лишь радоваться появлению таких опасных для маклеров конкурентов.

Скопело, знатоку своего позорного ремесла, достаточно было одного взгляда, чтобы определить истинную стоимость партии невольников. Он ограничился тем, что сказал несколько слов на ухо Старкосу, который в ответ утвердительно кивнул головой.

При всей своей наблюдательности помощник капитана «Каристы» не заметил того ужаса, какой вызвало появление Николая Старкоса у одной из пленниц.

То была высокая пожилая женщина, сидевшая в отдаленном углу батистана. Она внезапно поднялась, точно ее толкнула неодолимая сила, сделала несколько шагов, и крик уже готов был сорваться с ее уст... Однако у нее хватило сил сдержаться. Затем, медленно отступив, она закуталась с ног до головы в жалкий плащ и вновь заняла свое место позади группы пленников, стараясь остаться незамеченной. Как видно, ей мало было спрятать лицо, она хотела всю себя скрыть от взглядов Николая Старкоса.

Между тем, не заговаривая с капитаном «Каристы», маклеры не сводили с него глаз. Он же, казалось, вовсе не обращал на них внимания. Прибыл ли он затем, чтобы перебить у них эту партию невольников? Зная о связях Старкоса с пашами и беями берберийских государств, они с полным основанием могли этого опасаться.

Мысль эта вскоре завладела всеми. Между тем аукционист поднялся и громким голосом повторил последнюю надбавку:

— Две тысячи лир!

— Две тысячи пятьсот, — сказал Скопело, который в таких случаях действовал от имени своего капитана.

— Две тысячи пятьсот лир! — возгласил аукционист.

И снова в отдельных группах маклеров, настороженно следивших друг за другом, начались оживленные разговоры.

Прошло четверть часа. После Скопело никто не предложил новой надбавки. Старкос, равнодушный и высокомерный, прохаживался вокруг батистана. Ни у кого не оставалось сомнений, что в конце концов партия останется за ним, даже без серьезной борьбы.

Тем временем маклер из Смирны, предварительно посоветовавшись с двумя или тремя из своих собратьев, предложил новую надбавку — до двух тысяч семисот лир.

— Две тысячи семьсот лир, — повторил аукционист.

— Три тысячи!

На сей раз это был голос самого Николая Старкоса.

Что же случилось? Почему он лично вмешался в борьбу? Отчего в его голосе, всегда таком холодном, зазвучало сильное волнение, поразившее даже Скопело? Читатель это вскоре узнает.

Несколькими минутами ранее Старкос, войдя внутрь ограды батистана, прогуливался между группами невольников. Старая женщина, заметив его приближение, еще плотнее закуталась в свой плащ. Он так и не смог ее разглядеть.

Внезапно внимание Старкоса привлекли двое пленников, сидевших в стороне от других. Он остановился, словно ноги его приросли к земле.

Перед ним возле рослого мужчины прямо на земле лежала измученная усталостью девушка.

Заметив Николая Старкоса, мужчина резко выпрямился. Девушка тотчас же открыла глаза. Однако, увидев капитана «Каристы», она отшатнулась.

— Хаджина! — вскричал Старкос.

То была Хаджина Элизундо, которую Ксарис обнял, словно стараясь защитить от опасности.

— Она! — повторил Старкос.

Хаджина высвободилась из объятий Ксариса и взглянула прямо в лицо бывшему клиенту своего отца.

Именно в эту минуту, даже не попытавшись узнать, каким образом наследница банкира Элизундо оказалась в числе невольников на рынке Аркассы, Николай Старкос изменившимся от волнения голосом назвал новую цену в три тысячи лир.

— Три тысячи лир! — повторил аукционист.

Было немногим больше половины пятого. Через двадцать пять минут прогремит пушечный выстрел, и партия рабов достанется тому, кто заплатит дороже.

Посоветовавшись друг с другом, маклеры собирались уже покинуть базар, твердо решив не предлагать более высокой цены. Казалось несомненным, что за отсутствием соперников капитан «Каристы» возьмет верх, как вдруг агент из Смирны вздумал в последний раз вмешаться в борьбу.

— Три тысячи пятьсот лир! — воскликнул он.

— Четыре тысячи! — тут же ответил Николай Старкос.

Скопело, не заметивший Хаджины, не знал, чему приписать столь неумеренный пыл своего господина. С его точки зрения, сумма в четыре тысячи лир уже намного превышала стоимость партии. Он просто недоумевал, что могло побудить Николая Старкоса ринуться в столь безрассудное предприятие.

Между тем за последним возгласом аукциониста наступило долгое молчание. Даже маклер из Смирны, по знаку своих товарищей, вышел из игры. То, что последнее слово останется за Старкосом, которому требовалось всего несколько минут, чтобы закрепить свою победу, более не вызывало сомнений.

Ксарис это понял. Он еще крепче сжал Хаджину в своих объятиях. Ее отнимут у него только вместе с жизнью!

В это мгновение в глубокой тишине прозвучал взволнованный голос, крикнувший аукционисту три слова:

— Пять тысяч лир!

Старкос обернулся.

К воротам батистана только что подошла группа моряков. Впереди нее был офицер.

— Анри д'Альбаре! — воскликнул Николай Старкос. — Анри д'Альбаре... Здесь... в Скарпанто!

Чистая случайность привела командира «Сифанты» на рыночную площадь. Он даже не знал, что в тот день — то есть спустя сутки после его прибытия в Скарпанто — в столице острова будет происходить продажа невольников. Он не видел в гавани саколевых и поэтому, встретив в Аркассе Старкоса, был удивлен не меньше своего соперника.

Николай Старкос со своей стороны не знал, что «Сифантой» командует Анри д'Альбаре, хотя ему и было известно, что корвет бросил якорь в Аркассе.

Предоставляем читателю судить о чувствах, овладевших обоими противниками, когда они очутились лицом к лицу.

Анри д'Альбаре неожиданно провозгласил новую надбавку, ибо он только что заметил среди невольников на батистане Хаджину и Ксариса, — Хаджину, которая с минуты на минуту могла оказаться во власти Николая Старкоса! И Хаджина услышала его голос, она узнала его и готова была броситься к нему, если бы ее не остановила стража.

Одним-единственным жестом Анри д'Альбаре успокоил молодую девушку и возвратил ей уверенность. Несмотря на негодование, охватившее его перед лицом гнусного соперника, он не потерял присутствия духа. Он сумеет вырвать из рук Николая Старкоса этих невольников, сгрудившихся на базаре Аркассы, а вместе с ними и ту, кого он так долго искал и не надеялся больше увидеть. Да! Он сделает это, и если понадобится, даже ценою всего своего состояния.

Во всяком случае, предстояла отчаянная борьба. Хотя Николай Старкос и не мог понять, каким образом Хаджина Элизундо оказалась в числе пленников, она

по-прежнему оставалась в его глазах богатой наследницей корфиотского банкира. Не могли же ее миллионы исчезнуть вместе с нею! Они тотчас же появятся на свет, чтобы выкупить ее у того, чьей рабыней она станет. Таким образом, набавляя цену, он ничем не рисковал. И Николай Старкос решил продолжать торг с еще большим азартом, ибо ему приходилось бороться со своим соперником, мало того, со счастливым соперником!

— Шесть тысяч лир! — крикнул он.

— Семь тысяч! — ответил командир «Сифанты», даже не обернувшись к Старкосу.

Кади мог только приветствовать оборот, который принимало дело. Он и не пытался скрывать перед лицом обоих конкурентов свое удовлетворение, проступавшее сквозь всю его восточную напыщенность.

Этот алчный чиновник уже прикидывал, в какой сумме выразится его доля. Между тем Скопело начал терять самообладание. Он узнал Анри д'Альбаре, а потом и Хаджину Элизундо. Если Николай Старкос, охваченный ненавистью, будет упорствовать, то сделка, поначалу еще сулившая какую-то выгоду, станет совершенно убыточной, в особенности если де-вушка лишилась своего состояния, как она лишилась свободы; а ведь это было вполне вероятно!

Поэтому, отозвав Николая Старкоса в сторону, он раболепно попытался высказать ему несколько благо-разумных соображений. Но советы Скопело были приняты так, что больше он их не рискнул давать. Теперь капитан «Каристы» сам называл аукционисту цифры, делая это тоном, оскорбительным для своего соперника.

Легко понять, что маклеры, видя, как разгорается битва, остались, чтобы следить за всеми ее перипетиями. Толпа любопытных, наблюдавшая за этим сражением, где удары измерялись тысячами лир, выражала свой интерес шумными возгласами. Если большинство присутствующих знало капитана скаколевы, то командир «Сифанты» не был никому знаком. Никто даже и не подозревал, с какой целью прибыл к берегам Скарпанто этот корвет, плававший под кор-

фиотским флагом. Однако во время войны перевозкой невольников занималось столько кораблей всех наций, что нетрудно было заподозрить в этом и «Сифанту». Поэтому все полагали, что кому бы ни достались невольники — Анри д'Альбаре или Старкосу, — несчастных все равно ожидала рабская доля.

Так или иначе, через пять минут этот вопрос должен был окончательно решиться.

На последнюю надбавку, провозглашенную аукционистом, Старкос ответил словами:

— Восемь тысяч лир!

— Девять тысяч! — сказал Анри д'Альбаре.

Наступило молчание. Командир «Сифанты», по-прежнему сохранявший хладнокровие, следил взглядом за Николаем Старкосом, который в бешенстве ходил взад и вперед, совершенно не обращая внимания на испуганного Скопело. Впрочем, никакие доводы не могли бы теперь умерить разыгравшиеся страсти.

— Десять тысяч лир! — вскричал Старкос.

— Одиннадцать тысяч! — ответил Анри д'Альбаре.

— Двенадцать тысяч! — бросил Старкос, не задумываясь.

Командир д'Альбаре ответил не сразу. Не то, что бы он колебался, но он заметил, как Скопело кинулся к Николаю Старкосу, видимо пытаясь уговорить его прекратить безумный торг, и это на мгновение отвлекло внимание капитана «Каристы».

В то же время пожилая невольница, до сих пор упорно прятавшая свое лицо, выпрямилась, словно у нее возникло желание показаться Старкосу...

В эту секунду над Аркасской крепостью вспыхнуло пламя, окутанное клубами белого дыма; но прежде чем звук выстрела донесся до батистана, звучный голос назвал новую сумму:

— Тринадцать тысяч лир!

Затем послышался выстрел, за которым последовали долго не смолкавшие возгласы «ура».

Старкос оттолкнул Скопело с такой силой, что тот покатился по земле... Но было уже слишком поздно!

Старкос больше не имел права торговаться! Хаджина Элизундо ускользнула от него, и, видимо, навсегда!

— Идем! — глухим голосом бросил он Скопело.

И можно было расслышать, как он пробормотал: «Это будет и надежнее и дешевле!»

Оба взобрались на арбу и скрылись за поворотом дороги, ведущей в глубь острова.

И вот уже Хаджина Элизундо, поддерживаемая Ксарисом, вышла за ограду батистана. Она кинулась в объятия Анри д'Альбаре, который говорил, прижимая ее к сердцу:

— Хаджина! Хаджина! Я отдал бы все мое состояние, лишь бы выкупить вас...

— Как я отдала мое, чтобы выкупить свое доброе имя! — ответила девушка. — Да, Анри!.. Хаджина Элизундо теперь бедна, но зато достойна вас!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

На борту «Сифанты»

На следующий день в десять часов утра, снявшись с якоря при попутном ветре, «Сифанта» под малыми парусами направилась к выходу из гавани Скарпанто.

Пленники, выкупленные Анри д'Альбаре, разместились частью на твиндеке, частью на батарейной палубе. Хотя переход через Архипелаг должен был занять всего несколько дней, офицеры и матросы старались устроить измученных людей как можно удобнее.

Командир д'Альбаре еще накануне подготовился к выходу в море. Что касается тринадцати тысяч лир, то он представил кади такие гарантии, которыми тот вполне удовлетворился. Посадка недавних невольников на корвет совершилась без затруднений, и через три дня этим несчастным, которые еще недавно были обречены на ужасы берберийской каторги, предстояло высадиться в одном из портов Северной Греции, где им не пришлось бы больше опасаться за свою свободу.

Но ведь освобождением они были всецело обязаны тому, кто вырвал их из рук Николая Старкоса! Поэтому, едва поднявшись на борт корвета, они самым трогательным образом выразили свою благодарность.

Среди пленников находился старый священник из Леондари. Вместе со своими товарищами по несчастью он приблизился к юту, где в обществе нескольких офицеров расположились Хаджина Элизундо и Анри д'Альбаре. Затем все они, во главе со священником, опустились на колени, и, протянув руки к командиру, старик сказал:

— Анри д'Альбаре, все те, кому вы вернули свободу, благословляют вас!

— Друзья мои, я только выполнил свой долг! — ответил глубоко растроганный командир «Сифанты».

— Да!.. Все благословляют вас... все... и я тоже, Анри! — прибавила Хаджина, в свою очередь преклонив колени.

Анри д'Альбаре порывисто поднял ее, и тогда от юта до бака, от батареи до нижних рей, на которые взобралось около пятидесяти матросов, громко кричавших «ура», прокатились возгласы: «Да здравствует Анри д'Альбаре! Да здравствует Хаджина Элизундо!»

Лишь одна пленница — та самая, что накануне так упорно пряталась на батистане, — не принимала участия в этой церемонии. Поднимаясь на корабль, она была озабочена лишь тем, чтобы не привлечь к себе внимания. Это ей удалось, и с той минуты, как она забилась в самый темный угол средней палубы, о ней никто не вспоминал. Видимо, она надеялась остаться незамеченной до самого конца плавания. Но для чего ей понадобились такие меры предосторожности? Знал ли ее кто-либо из офицеров или матросов корвета? Так или иначе, лишь веские причины могли заставить ее столь настойчиво избегать людей в течение трех или четырех суток, которые должен был занять переезд через Архипелаг.

Впрочем, если Анри д'Альбаре заслужил признательность пассажиров корвета, то какой благодарности заслуживала Хаджина за все содеянное ею со времени отъезда из Корфу?

— Анри, — сказала она накануне, — Хаджина Элизундо теперь бедна, но зато достойна вас!

Она и впрямь была бедна! Но достойна ли молодого офицера?.. Пусть об этом судит сам читатель.

И если Анри д'Альбаре любил Хаджину, несмотря на разъединившие их тяжелые обстоятельства, то как же должна была усилиться его любовь, когда он узнал, что заполняло жизнь девушки в течение долгого года разлуки!

Едва Хаджине Элизундо стали известны источники состояния, оставленного ей отцом, она приняла решение целиком употребить его на выкуп невольников, от продажи которых составила большая его часть. Она не хотела сохранить ни гроша из этих двадцати миллионов, нажитых столь позорным способом. В свой план она посвятила лишь Ксариса. Он одобрил его, и вскоре все ценные бумаги банка Элизундо были реализованы.

Анри д'Альбаре получил письмо, в котором молодая девушка брала назад данное ему слово и прощалась с ним. Затем в сопровождении честного и преданного Ксариса Хаджина тайно покинула Корфу, чтобы отправиться в Пелопоннес.

В то время солдаты Ибрагима все еще беспощадно расправлялись с населением Центральной Мореи, претерпевшим уже столько тяжелых испытаний. Несчастных, которым удавалось избежать гибели, отсылали в крупнейшие порты Мессинии, Патрас или Наварин. Отсюда корабли, зафрахтованные турецким правительством или предоставленные пиратами Архипелага, тысячами перевозили их либо в Скарпанто, либо в Смирну, где не переставая действовали невольничьи рынки.

За два месяца, последовавшие за отъездом с Корфу, Хаджине Элизундо и Ксарису, которых никогда не останавливала цена, удалось выкупить многие сотни невольников из числа тех, кого еще не успели отправить из Мессинии. Они сделали все возможное, чтобы разместить этих людей в безопасных местах, одних — на Ионических островах, других — в освобожденных областях Северной Греции.

Покончив с этим, оба отправились в Малую Азию — в Смирну, где работорговля велась тогда в особенно широких масштабах. Целые караваны судов доставляли сюда множество греческих невольников, освобождения которых особенно добивалась Хаджина. Она предлагала цены, настолько превышавшие предложения маклеров Берберии и побережья Малой Азии, что турецкие власти охотно вели с ней дела, считая их для себя весьма выгодными. Легко понять, как все эти торговцы злоупотребляли ее благородным порывом; но зато тысячи пленников избежали каторжного труда у африканских беев.

И все же оставалось сделать еще очень много; тогда-то у Хаджины и явилась мысль идти к своей цели двумя различными путями.

В самом деле, мало было выкупать пленников, назначенных к продаже на публичных торгах, или ценою золота освобождать их с каторги. Надо было также уничтожить пиратов, захватывавших корабли во всех морях Архипелага.

Хаджина Элизундо находилась в Смирне, когда туда дошли вести о судьбе, постигшей «Сифанту» после первых месяцев ее плавания. Для нее не было тайной ни то, что этот корвет был построен и вооружен на средства корфиотских судовладельцев, ни то, для чего он был предназначен. Она знала, что начало кампании было успешным; но затем пришло известие о том, что в сражении с флотилией пиратов, которой, как говорили, командовал сам Сакратиф, «Сифанта» потеряла своего командира, многих офицеров и часть экипажа.

Хаджина Элизундо тотчас же вступила в переговоры с поверенным, представлявшим в Корфу интересы владельцев «Сифанты». Через него она предложила им такую цену за корвет, что они решились его продать. Хотя корвет был куплен от имени некоего банкира из Рагузы, на самом деле он принадлежал наследнице Элизундо, которая шла по стопам Боболины, Модены, Захариас и других выдающихся патриотов, чьи корабли, снаряженные на их средства

в начале войны за независимость, нанесли такой урон эскадрам турецкого флота.

Хаджина поступила так с намерением предложить командование «Сифантой» капитану Анри д'Альбаре. Преданный ей человек, племянник Ксариса, моряк и грек по рождению, как и его дядя, тайно следовал за молодым офицером и на Корфу, где тот долго и тщетно разыскивал девушку, и в Хиосе, куда тот отправился, чтобы примкнуть к полковнику Фавье.

По ее приказу этот человек поступил матросом на корвет, когда команда его пополнилась после битвы при Лимносе. Он-то и доставил Анри д'Альбаре два письма, написанные рукой Ксариса; первое с уведомлением, что в командовании «Сифанты» есть вакантное место, он послал на Хиосе по почте, второе, где корвету в первых числах сентября назначалась встреча у берегов Скарпанто, положил на стол кают-компании, когда стоял возле нее на часах.

Здесь, в Скарпанто, и рассчитывала оказаться к этому времени Хаджина Элизундо, выполнив свой долг великодушия и милосердия. Девушка хотела, чтобы «Сифанта» отвезла на родину последнюю партию невольников, выкупленных ею на остатки состояния.

Но сколько трудностей предстояло ей вынести в течение следовавших затем шести месяцев, каким опасностям подвергнуться!

Чтобы выполнить свою миссию, отважная девушка не колеблясь отправилась в сопровождении Ксариса в самое сердце Берберии, в ее порты, кишевшие пиратами, в глубь африканского побережья, где до завоевания Алжира Францией хозяйничали отъявленные бандиты. Хаджина рисковала своей свободой, самой жизнью, но она презирала все опасности, которые на нее навлекали ее молодость и красота.

Ничто не могло ее остановить. Она отправилась в путь.

В одеянии монахини ордена Милосердия ее можно было встретить тогда в Триполи, в Алжире, в Тунисе, на самых мелких рынках берберийского побережья. Повсюду, где только продавались греческие невольники, она выкупала их с большой выгодой для вла-

дельцев. С деньгами наготове она появлялась всюду, где работорговцы, словно скот, пускали с молотка толпы людей. Вот когда ей довелось воочию наблюдать все ужасы рабства в стране, где страсти не сдерживаются никакой уздой.

Алжир находился тогда во власти военных отрядов, составленных из мусульман и ренегатов — человеческих отбросов трех континентов, образующих побережье Средиземного моря; они жили исключительно за счет работорговли, покупая невольников у пиратов и перепродавая их христианам. Уже в семнадцатом веке на африканской земле насчитывалось до сорока тысяч рабов обоего пола — французов, итальянцев, англичан, немцев, фламандцев, голландцев, греков, венгров, русских, поляков, испанцев, захваченных в различных морях Европы.

В Алжире, в каторжных тюрьмах бея, Али-Мами, Кулугиса и Сиди-Гассана, в Тунисе, в застенках Юссиф-дея, Галере-Патроне и Чикалы, на каторге в Триполи Хаджина Элизундо особенно старательно разыскивала тех, кто стал рабом в ходе войны за независимость Эллады. Словно хранимая каким-то талисманом, она проходила невредимой сквозь строй опасностей, облегчая пленникам их страдания. Каким-то чудом ускользала она от всех угрожавших ей напастей. За шесть месяцев, пользуясь легкими каботажными судами, она посетила самые далекие пункты побережья — от Триполи до самых отдаленных пределов Марокко, до Тетуана, бывшего когда-то хорошо организованной республикой пиратов, до Танжера, бухта которого служила местом зимовки для этих морских разбойников, до Сале на западном берегу Африки, где несчастные невольники заживо гнили в ямах глубиной в двенадцать — пятнадцать футов.

Наконец, когда ее миссия была окончена и у нее не оставалось уже ни гроша из отцовских миллионов, Хаджина Элизундо решила вместе с Ксарисом возвратиться в Европу. Она села на греческий корабль, принявший на борт последнюю партию выкупленных ею невольников и направлявшийся в Скарпанто. Здесь она

надеялась встретиться с Анри д'Альбаре. Оттуда она рассчитывала вернуться в Грецию на «Сифанте». Но спустя три дня после выхода из Туниса корабль был захвачен турками, и Хаджину отвезли в Аркассу, чтобы продать там в рабство вместе с теми, кого она только что освободила!..

Итак, стараниями Хаджины Элизундо многие тысячи невольников были выкуплены на деньги, некогда вырученные от их продажи. Девушка, отказавшись от своего богатства, исправила, насколько это было возможно, зло, причиненное ее отцом.

Вот что узнал Анри д'Альбаре! Да! Нищая Хаджина была теперь достойна его, и, чтобы вырвать ее из рук Николая Старкоса, он стал таким же бедняком!

Между тем на рассвете следующего дня «Сифанта» приблизилась к берегам Крита. Корвет взял теперь курс на северо-запад Архипелага. Командир д'Альбаре намеревался идти вдоль восточного берега Греции, мимо острова Эвбеи. Там, в Негрепонте или на Эгине, пассажиров можно будет высадить в надежном месте, свободном от турок, отброшенных к тому времени в глубь Пелопоннеса. Впрочем, тогда на эллинском полуострове уже не осталось больше ни одного солдата Ибрагима.

Несчастные невольники, к которым на «Сифанте» относились как нельзя лучше, мало-помалу оправлялись от пережитых ими ужасных страданий. Днем они группами располагались на палубе, вдыхая свежий ветер Архипелага; здесь были матери с детьми, жены с мужьями, едва не расставшиеся навеки, но теперь соединившиеся, чтобы больше не разлучаться. Они знали, какой подвиг совершила Хаджина Элизундо, и когда она проходила мимо, опираясь на руку Анри д'Альбаре, к ней со всех сторон неслись самые трогательные изъявления благодарности.

Через несколько часов «Сифанта» потеряла из виду вершины Крита, но так как ветер начал стихать, она продвинулась в тот день на очень небольшое расстояние, хотя и шла под всеми парусами. Но какое значение могла иметь задержка на сутки или даже на двое суток? Стоило ли об этом беспокоиться? Мор-

ская гладь так и сверкала, на небе не было ни облачка. Ничто не предвещало близкой перемены погоды. Оставалось только «предаться на волю волн», как говорят моряки, и путешествие закончится, когда будет угодно богу.

Спокойное плавание весьма располагало к беседам. Ведь на корабле почти ничего не приходилось делать. Вахтенные офицеры и матросы на баке вели обычное наблюдение, чтобы сообщать о появлении суши или кораблей в виду.

Хаджина и Анри д'Альбаре облюбовали местечко на юте, на специально отведенной им скамье. Здесь они обычно говорили уже не о прошлом, а о будущем, которое, казалось, теперь им всецело принадлежало. Они строили планы на ближайшее время, не забывая поведать о них славному Ксарису, ставшему для них членом семьи. Их свадьба должна была состояться тотчас же по прибытии в Грецию. Это было решено. Положение Хаджины Элизундо не вызывало теперь ни осложнений, ни проволочек. Один-единственный год, потраченный ею на благотворительную деятельность, все упростил! После того как будет сыграна свадьба, Анри д'Альбаре передаст командование корветом капитану Тодросу и увезет молодую жену во Францию, откуда он собирался впоследствии возвратиться с нею на ее родину.

В тот вечер они беседовали как раз об этом. Легкое дуновение ветерка едва наполняло верхние паруса корвета. Заходящее солнце осветило горизонт, и золотистые лучи еще сияли на небосклоне, окутанном на западе легкой дымкой. На востоке уже загорались первые звезды. Море сверкало фосфоресцирующим блеском. Ночь обещала быть великолепной.

Анри д'Альбаре и Хаджина наслаждались очарованием этого пленительного вечера. Они смотрели на струю за кормой, едва различимую по легкому белому кружеву пены, которую оставлял позади себя корвет. Тишину нарушало лишь хлопанье контр-бизани, складки которой слегка шуршали. Молодые люди погрузились в свои мысли, не замечая ничего вокруг.

И только голос, настойчиво звавший Анри д'Альбаре, вывел их из приятного оцепенения.

Перед ними стоял Ксарис.

— Командир!.. — проговорил он уже в третий раз.

— Что вам угодно, мой друг? — спросил Анри д'Альбаре, которому показалось, что Ксарис не решается заговорить.

— Чего ты хочешь, мой добрый Ксарис? — подхватила Хаджина.

— Мне нужно вам кое-что сообщить, командир.

— Что именно?

— Дело в том, что пассажиры корвета... эти славные люди, которых вы везете на родину, напали на одну мысль и поручили мне передать ее вам.

— Ну что ж, я вас слушаю, Ксарис.

— Так вот, командир. Им известно, что вы собираетесь жениться на Хаджине...

— Конечно, — с улыбкой ответил Анри д'Альбаре. — Это ни для кого не секрет!

— Ну, и эти славные люди были бы очень счастливы присутствовать на вашей свадьбе!

— И они будут на ней присутствовать, Ксарис, непременно будут. Если бы можно было собрать вокруг Хаджины всех тех, кого она вырвала из цепей рабства, у нее оказалась бы свита, какой не имела еще ни одна невеста на свете!

— Анри!.. — воскликнула девушка с укором.

— Командир прав, — ответил Ксарис. — Так или иначе, пассажиры корвета там будут и...

— Как только мы ступим на землю Греции, — начал Анри д'Альбаре, — я их всех приглашу на свадьбу!

— Отлично, — ответил Ксарис. — Но первая мысль навела этих славных людей на другую!

— Таковую же хорошую?

— Еще лучше. Они просят вас, чтобы свадьба состоялась на «Сифанте»! Разве этот славный корвет, везущий нас в Грецию, не является частицей их родной земли?

— Да будет так, Ксарис, — ответил Анри д'Альбаре. — Согласны ли вы на это, дорогая Хаджина?

Вместо ответа Хаджина протянула ему руку.

— Прекрасный ответ, — заметил Ксарис.

— Вы можете объявить пассажирам «Сифанты», — добавил Анри д'Альбаре, — что их желание будет исполнено.

— Решено, командир. Но, — добавил Ксарис с некоторым замешательством, — это еще не все!

— Говори же, Ксарис, — сказала девушка.

— Так вот. Эти славные люди, напав сначала на хорошую мысль, затем на вторую, еще лучшую, напали и на третью, которую они находят превосходной!

— Подумать только, еще и третья! — сказал Анри д'Альбаре. — И какова же эта третья мысль?

— Что свадьба должна состояться не только на корвете, но и в открытом море... завтра же! Среди нас находится старый священник...

Внезапно речь Ксариса прервал крик марсового, стоявшего на вахте на фор-салинге.

— Корабли с наветра!

Анри д'Альбаре тотчас же встал и присоединился к капитану Тодросу, который уже смотрел в указанном направлении.

Меньше чем в шести милях к востоку показалась флотилия, состоявшая из дюжины судов различного водоизмещения. Но в то время как «Сифанта», попавшая в штиль, была совершенно неподвижна, эта флотилия, подгоняемая последними порывами ветра, не достигавшими корвета, неуклонно приближалась к нему.

Взяв подзорную трубу, Анри д'Альбаре внимательно следил за движением кораблей.

— Капитан Тодрос, — обратился он к своему помощнику, — эта флотилия пока еще слишком далеко, чтобы можно было определить ее намерения и ее вооружение.

— Это так, командир, — ответил старший офицер, — и в эту безлунную ночь, которая становится все темнее, мы ничего не сможем установить! Придется ждать до утра.

— Да, придется, — повторил Анри д'Альбаре. — Но так как эти воды небезопасны, дайте приказ нести

вахту особенно тщательно. Пусть будут также приняты все необходимые меры предосторожности на случай, если корабли подойдут к «Сифанте».

Капитан Тодрос отдал соответствующие приказания, которые были немедленно выполнены. Установленное на борту корвета пристальное наблюдение за флотилией должно было продолжаться до рассвета.

Само собой разумеется, что перед лицом возможных случайностей обсуждение вопроса о свадьбе, поднятого Ксарисом, было отложено. По просьбе Анри д'Альбаре Хаджина вошла в свою каюту.

Всю ночь на корвете почти не спали. Приближение замеченной в море флотилии могло вызвать тревогу. Насколько было возможно, с корвета следили за ее маневрами. Но к девяти часам поднялся довольно густой туман, и она скрылась из виду.

Наутро, к восходу солнца, легкая дымка все еще затягивала горизонт на востоке. Ввиду полного отсутствия ветра она могла рассеяться не ранее десяти часов утра. Сквозь туман нельзя было разглядеть ничего подозрительного. Однако, когда он растаял, вся флотилия показалась меньше чем в четырех милях от корвета. С вечера она приблизилась на две мили и могла бы, вероятно, подойти еще ближе, если бы не туман, мешавший ее маневрам. Она состояла из двенадцати судов, дружно двигавшихся с помощью длинных галерных весел; надо сказать, что для тяжелого корвета такие весла были бы бесполезны. «Сифанта» попрежнему стояла неподвижно. Ей оставалось только ждать.

А вместе с тем уже нельзя было заблуждаться относительно намерений этой флотилии.

— Вот скопище весьма подозрительных кораблей! — проворчал капитан Тодрос.

— Тем более подозрительных, — подтвердил Анри д'Альбаре, — что я узнаю среди них тот бриг, который мы безуспешно преследовали у берегов Крита!

Командир «Сифанты» не ошибался. Бриг, столь таинственно исчезнувший на подходе к Скарпанто, шел во главе флотилии. Он маневрировал таким об-

разом, чтобы не опережать другие корабли, следовавшие за ним.

Тем временем с востока задул легкий ветерок. Он благоприятствовал движению флотилии, но его порывы, вызвавшие легкую рябь на поверхности моря, затихали на расстоянии одного или двух кабельтовых от корвета.

Внезапно Анри д'Альбаре опустил подзорную трубу, которую все время не отнимал от глаз.

— Играть боевую тревогу! — вскричал он.

Командир «Сифанты» только что заметил, как над носом брига поднялось облако белого дыма, и в то мгновение, когда звук пушечного выстрела достиг корвета, на гафеле брига взвился флаг.

На его черном полотнище пламенела огненно-красная буква «С».

Это был флаг пирата Сакратифа.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Сакратиф

Флотилия, состоявшая из двенадцати кораблей, накануне вечером покинула пиратское логово возле Скарпанто. Она собиралась навязать неравный бой корвету, атаковав его в лоб или окружив со всех сторон. Это было совершенно ясно. Но из-за отсутствия ветра приходилось принять этот бой. Впрочем, если у Анри д'Альбаре даже и была бы возможность уклониться от сражения, он бы ею не воспользовался. Флаг «Сифанты» покрыл бы себя позором, бежав от пиратского флага.

В числе этих двенадцати кораблей было четыре брига, имевших на вооружении от шестнадцати до восемнадцати пушек. Остальные восемь судов, меньшего тоннажа, но все же снабженные легкой артиллерией, представляли собою большие двухмачтовые саики, шнявы с прямыми мачтами, фелюги и саколевы, снаряженные по-боевому. Насколько могли судить

офицеры «Сифанты», на судах флотилии насчитывалось более ста орудий, на выстрелы которых корвет мог отвечать лишь из двадцати двух пушек и шести каронад. Семи или восьми сотням пиратов противостояло только двести пятьдесят матросов. Что и говорить, борьба предстояла неравная. И все же качественное превосходство артиллерии «Сифанты» сулило ей известные шансы на успех, но лишь при условии, что она не подпустит к себе противника слишком близко. Необходимо было удержать эту флотилию на определенной дистанции, постепенно выводя из строя ее корабли точными залпами. Словом, следовало во что бы то ни стало избежать абсордажа, то есть рукопашной схватки. Ведь в этом случае численное превосходство неизбежно решило бы исход боя, ибо это обстоятельство имеет еще большее значение на море, чем на суше: невозможность отступления сводит все к одной дилемме — взорвать судно или сдаться.

Через час после того, как рассеялся туман, флотилия заметно приблизилась к корвету, настолько неподвижному, словно он стоял на якоре посреди рейда.

Между тем Анри д'Альбаре не переставал следить за ходом и маневрами пиратов. На корвете быстро приготовились к бою. Офицеры и матросы заняли свои боевые посты. Пассажиры, способные сражаться, захотели присоединиться к экипажу, и им выдали оружие. На батарее и на палубе царил полная тишина. Ее нарушили лишь несколько слов, которыми командир обменялся с капитаном Тодросом.

— Мы не позволим взять себя на абсордаж, — сказал командир. — Дождемся, пока первые корабли подойдут на расстояние пушечного выстрела, и откроем огонь из орудий правого борта.

— Будем стараться топить или повреждать рангоут? — спросил помощник.

— Топить, — ответил Анри д'Альбаре.

Это был лучший способ дать отпор пиратам, таким свирепым при абсордаже, и в частности Сакратифу, который нагло поднял свой черный флаг. Коль скоро он сделал это, значит у него была уверенность, что на корвете не уцелеет ни один человек, который

мог бы потом похвалиться, что видел самого Сакра-
тифа.

Около часа пополудни флотилия находилась не больше чем в миле от корвета, с наветренной стороны. С помощью весел она подходила все ближе и ближе. «Сифанта», обращенная носом к северо-западу, с трудом удерживалась в этом положении. Пираты шли боевой линией — два брига посредине и по одному на каждом фланге. Они двигались с явным намерением обойти корвет спереди и сзади, чтобы взять его в кольцо, которое станет затем постепенно сжиматься. Их целью было, очевидно, сначала подавить корвет перекрестным огнем, а затем взять его на абордаж.

Анри д'Альбаре сразу же разгадал этот опасный маневр, но не мог его предотвратить, ибо «Сифанта» была обречена на неподвижность. Но он надеялся прорвать вражескую линию пушечными выстрелами, прежде чем она успеет охватить его со всех сторон. Офицеры уже спрашивали себя, почему их командир до сих пор не командовал своим уверенным и спокойным голосом: «Открыть огонь».

Но нет! Анри д'Альбаре решил бить наверняка, вот почему он хотел подпустить пиратов как можно ближе.

Прошло еще десять минут. Все застыли в напряженном ожидании: наводчики прильнули к своим орудиям, офицеры батареи приготовились повторить приказ командира, палубные матросы пристально смотрели через фальшборт. Не откроет ли первым стрельбу противник теперь, когда расстояние позволяло ему вести прицельный огонь?

Анри д'Альбаре все еще молчал. Он всматривался в линию пиратских кораблей, которые начали окружать корвет. Бриги, шедшие в центре, — на одном из них реял черный флаг Сакрацифа, — находились теперь на расстоянии меньше мили.

Однако если командир «Сифанты» не торопился открыть огонь, то, казалось, и предводитель флотилии спешил ничуть не более. Может быть, он даже рассчитывал вплотную подойти к корвету, не сделав

ни одного пушечного выстрела, и сразу бросить сотни пиратов на abordаж.

Наконец Анри д'Альбаре решил, что медлить больше нельзя. Последний порыв ветра, донесшийся до корвета, позволил ему повернуть на один румб. Повернув «Сифанту» так, что оба брига оказались у нее в траверсе, в полумиле от корвета, он крикнул:

— На палубе и на батарее! Внимание!

На корвете послышался легкий шум, затем наступила полная тишина.

— Огонь! — скомандовал Анри д'Альбаре.

Офицеры тут же повторили приказ, наводчики на батарею тщательно прицелились в корпус обоих брига, в то время как с палубы целились в их рангоут.

— Огонь! — крикнул командир д'Альбаре.

Прогремел залп с правого борта корвета. Одиннадцать пушек и три каронады, стрелявшие с батареи и с палубы, метнули снаряды, в том числе несколько парных ядер с цепями, приспособленных для срезания мачт на средней дистанции.

Когда горизонт очистился от порохового дыма, можно было сразу отметить результат, достигнутый этим залпом. Не все ядра попали в цель, но все же эффект был значительный.

Один из двух пловших в центре брига получил повреждение над ватерлинией. К тому же были перерезаны многие его ванты и бакштаги, а фок-мачта, пробитая в нескольких футах от палубы, повалилась вперед, сломав при этом верхушку грот-мачты. Таким образом бригу пришлось затратить некоторое время на устранение повреждений, но он все еще был в состоянии атаковать корвет. Угрожавшая «Сифанте» опасность окружения не уменьшилась после такого начала боя.

В самом деле, два других брига, расположенные на правом и левом фланге, поровнялись теперь с корветом. Затем они стали разворачиваться, не преминув при этом угостить «Сифанту» залпом продольного огня, от которого она не в состоянии была укрыться.

Этот залп оказался особенно чувствительным. Он

перерезал бизань-мачту корвета на высоте чиксов. Рухнули все кормовые паруса, по счастью, не потащив за собой такелаж грот-мачты. К тому же были разбиты плоты и одна шлюпка. Но самым печальным была гибель офицера и двух матросов, сраженных наповал, не считая трех-четырех тяжело раненных, которых тут же перенесли на нижнюю палубу.

Анри д'Альбаре приказал немедленно очистить ют. Рухнувшие паруса, такелаж, обломки рей — все было убрано в несколько минут. Палуба приобрела прежний вид. Ведь нельзя было терять ни секунды. Артиллерийская дуэль должна была тотчас же возобновиться с новой силой. Корвету, оказавшемуся меж двух огней, приходилось отражать атаку с обоих бортов.

В это мгновение раздался новый залп «Сифанты», на сей раз так точно нацеленный, что два судна флотилии — шнява и саика, которым снаряды угодили прямо в корпус ниже ватерлинии, через несколько минут пошли ко дну. Их команды едва успели сесть в шлюпки и направились к находившимся в центре бригам, которые приняли их на борт.

— Ура! Ура!

Это кричали матросы корвета после удачного двойного удара, делавшего честь командиру орудийного расчета.

— Двумя меньше! — проговорил капитан Тодрос.

— Да, — ответил Анри д'Альбаре, — но плившие на них негодяи сумели перебраться на бриги, и я все время опасаюсь abordaja; ведь в этом случае численное превосходство будет на их стороне!

Перестрелка продолжалась еще четверть часа и с той и с другой стороны. Корвет и пиратские корабли то и дело скрывались за пеленой белого порохового дыма, и приходилось ждать, пока она рассеется, чтобы определить степень причиненного судам ущерба. По несчастью, повреждения на «Сифанте» были весьма существенны. Погибло немало матросов, еще больше было тяжело раненных. Одному французскому офицеру осколок попал прямо в грудь в тот момент, когда командир отдавал ему приказание.

Убитых и раненых немедленно переносили на нижнюю палубу. Хирург и его помощники не успевали оперировать и перевязывать тех, кто был ранен на палубе или на батарее непосредственно снарядами или обломками дерева. Хотя между кораблями, находившимися на половине расстояния пушечного выстрела, еще не началась ружейная перестрелка и врачам не приходилось пока извлекать пуль, раны тем не менее были весьма серьезными и опасными.

Надо сказать, что женщины, укрывшиеся в начале боя в трюме, не забыли своего долга. Хаджина Элизундо подала им пример. Все они спешили оказать посильную помощь пострадавшим, ободрить и утешить их.

Именно тогда пожилая пленница из Скарпанто вышла из своего укрытия. Вид крови несколько не пугал ее; было очевидно, что превратности судьбы уже не раз приводили ее на поле битвы. При тусклом свете фонарей она склонялась над койками, где лежали раненые, помогала при самых тяжелых операциях, и когда очередной залп сотрясал корвет до самых кильсонов, на ее лице не появлялось и тени испуга.

Между тем близилась минута, когда экипажу «Сифанты» предстояло вступить в рукопашную схватку с пиратами. Кольцо пиратских кораблей сомкнулось и продолжало сжиматься. На корвет обрушилась лавина огня.

Однако «Сифанта» достойно защищала честь своего флага, который все еще реял на гафеле. Артиллерия корвета производила страшные опустошения на кораблях флотилии. Были разрушены еще два судна — саика и фелюга. Одно из них затонуло, другое, изрешеченное раскаленными ядрами, вскоре исчезло в языках пламени.

И все же abordаж был неминуем. «Сифанта» могла бы его избежать, лишь прорвав сжимавшее ее вражеское кольцо. Отсутствие ветра лишало ее такой возможности, а пираты, двигаясь с помощью галерных весел, подходили тем временем все ближе и ближе.

Когда бриг с черным флагом был всего на расстоянии пистолетного выстрела, он ударил по корвету из всех своих пушек. Одно ядро попало в ахтерштевень «Сифанты» и разнесло ее руль в куски.

Анри д'Альбаре приготовился встретить атаку пиратов и приказал поднять абордажные сетки. Теперь с обеих сторон уже гремели ружейные залпы. Карабины и мушкетоны, ружья и пистолеты засыпали палубу «Сифанты» градом пуль. Снова было сражено множество людей и почти все — насмерть. Вокруг Анри д'Альбаре так и свистели пули, но он стоял на юте, недвижимый и спокойный, отдавая приказания так хладнокровно, словно командовал артиллерийским салютом во время смотра эскадры.

В это время сквозь просветы, образовавшиеся в пелене дыма, противники получили возможность разглядеть друг друга. Анри д'Альбаре тщетно силился различить на борту брига, плывшего под черным флагом, Сакратифа, чье имя наводило ужас на весь Архипелаг.

Между тем два брига — один из центра и один с фланга — в сопровождении державшихся несколько позади судов подошли настолько близко к правому и левому борту корвета, что его обшивка затрещала. Брошенные в ту же минуту крюки зацепились за снасти и соединили все три корабля. Пушкам пришлось умолкнуть, но так как орудийные порты «Сифанты» могли служить лазейкой для пиратов, артиллерийская прислуга оставалась на своих местах, чтобы оборонять их с помощью секир, пистолетов и пик. Таков был приказ командира — приказ, переданный на батарею в минуту, когда оба брига приблизились к корвету.

Внезапно со всех сторон послышались крики такой силы, что на какое-то время они заглушили треск ружейной пальбы.

— На абордаж! На абордаж!

Началась кровавая рукопашная битва. Ни выстрелы из карабинов, мушкетонов и ружей, ни удары секир и пик не могли помешать разъяренным, пьяным от бешенства, жаждавшим крови пиратам ворваться на корвет. С марсов своих кораблей они поливали его дождем гранат, который не давал возможности

оборонять палубу «Сифанты»; матросы корвета со своих марсов отвечали им тем же, Анри д'Альбаре увидел, что он окружен со всех сторон. Бортовые заслоны корвета, хотя и более высокие, чем заслоны бригов, были сметены атакующими. Корсары продвигались от реи к реи и, прорывая абордажные сети, прыгали на палубу. Какое могло иметь значение, что некоторых из них убивали еще до того, как они до нее добирались! Пиратов было так много, что это не играло почти никакой роли.

Команде корвета, насчитывавшей к тому времени не больше двухсот человек, приходилось сражаться против шестисот пиратов.

Оба брига продолжали служить мостами для новых нападающих, которых подвозили шлюпки флотилии. Их было столько, что противостоять им оказалось почти невозможно. Кровь ручьями лилась по палубе «Сифанты». Раненые, корчившиеся в агонии, поднимались из последних сил, чтобы еще раз выстрелить из пистолета или ударить врага кинжалом. Все смешалось в пороховом дыму. Но корфиотский флаг не будет спущен до тех пор, пока останется в живых хотя бы один человек для его защиты!

В самой гуще этой ужасной свалки, как лев, дрался Ксарис. Он не покидал юта. Раз двадцать топор, который он сжимал своей могучей рукой, опускался на голову какого-нибудь пирата и спасал от гибели Анри д'Альбаре.

Командир «Сифанты», бессильный перед лицом численного превосходства, сохранял во всей этой сумятице обычное самообладание. О чем он думал? О том, чтобы сдаться? Нет. Французский офицер не сдается пиратам. Но что ж он предпримет в таком случае? Не последует ли героическому примеру Биссона, который десять месяцев назад в сходных обстоятельствах взорвал свой корабль, чтобы не попасть в руки турок? Уничтожит ли он вместе с корветом оба брига, что прицепились к его бортам? Но это значило бы обресть на гибель раненых матросов, невольников, вырванных у Николая Старкоса, женщин, детей!.. Это значило бы принести в жертву Хаджину!.. И как на сей раз избег-

нули бы ужасов рабства те, кто уцелел бы после взрыва, если бы Сакратиф даже пощадил им жизнь?

— Берегитесь, командир! — крикнул Ксарис, бросаясь вперед.

Еще секунда, и Анри д'Альбаре был бы убит. Но Ксарис обеими руками схватил пирата, собиравшего нанести удар капитану «Сифанты», и сбросил его в море. Трижды другие корсары пытались добраться до Анри д'Альбаре, но каждый раз Ксарис укладывал их одного за другим.

Тем временем палубу корвета заполнили толпы нападающих. Больше почти не слышалось выстрелов. Дрались преимущественно холодным оружием, и крики сражавшихся заглушали ружейную пальбу.

Пираты, уже овладевшие баком, заняли затем все пространство до грот-мачты. Мало-помалу они отеснили команду корвета к юту. Их было по меньшей мере десять против одного. О каком сопротивлении могла идти речь? Если бы командир д'Альбаре и захотел теперь взорвать корабль, он бы не мог уже этого сделать. Атакующие заняли входы в люки, ведущие внутрь корабля. Они проникли на батарею и нижнюю палубу, где битва продолжалась с таким же ожесточением. Поэтому нечего было и думать о том, чтобы добраться до крюйт-камеры.

Впрочем, нападающие везде брали верх благодаря численному превосходству; только барьер из тел раненых и убитых пиратов отделял их еще от кормы «Сифанты». Первые ряды, подталкиваемые задними, преодолели этот барьер, предварительно нагромоздив на него новые трупы. Затем, ступая по этим телам окровавленными ногами, они устремились на штурм юта.

Там собралось человек пятьдесят матросов и пять-шесть офицеров, вместе с капитаном Тодросом. Они окружили командира корабля, полные решимости бороться до конца.

На этом узком пространстве схватка стала еще отчаянней. Флаг, упавший с гафеля вместе с рухнувшей бизань-мачтой, был снова поднят на флагштоке. То был последний оплот, и делом чести было защищать его до последнего человека.

Но что мог поделать при всей своей решимости этот маленький отряд против пятисот или шестисот пиратов, уже захвативших бак, середину палубы, марсы, откуда градом сыпались гранаты? Экипажи кораблей флотилии попрежнему посылали подкрепления нападающим. Разбойников было столько, что битва не утихала, между тем число защитников юта с каждой минутой таяло.

И все же ют был подобен крепости. Пиратам пришлось атаковать его несколько раз. Трудно сказать, сколько за него было пролито крови. И вот, наконец, он взят! Под натиском нападающих людям «Сифанты» пришлось отступить до самого гакаборта. Там они сгруппировались вокруг флага, заслонив его своими телами. В центре группы Анри д'Альбаре, с кинжалом в одной руке и с пистолетом — в другой, наносил и отражал последние удары.

Нет! Командир корвета не сдался! Он был подавлен количеством! И тогда он решил умереть... Но тщетно! Казалось, нападавшим был дан тайный приказ во что бы то ни стало взять его живым — приказ, стоивший жизни двадцати самым отчаянным головорезам, павшим от руки Ксариса.

В конце концов Анри д'Альбаре был взят вместе с уцелевшими возле него офицерами. Ксариса и остальных матросов обезоружили. Флаг «Сифанты» перестал развеиваться на ее корме!

В это время со всех сторон послышались дикие вопли и возгласы «ура». Это кричали победители, громко приветствуя своего вожака:

— Сакратиф!.. Сакратиф!

Главарь корсаров показался на борту корвета. Толпа расступилась, чтобы дать ему дорогу. Он медленно шел к корме, равнодушно попирая ногами трупы своих сообщников. Затем, поднявшись по окровавленному трапу юта, направился к Анри д'Альбаре.

Командир «Сифанты» получил, наконец, возможность увидеть таинственного Сакратифа, которого орда пиратов бурно приветствовала.

Это был Николай Старкос.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Развязка

Сражение между флотилией и корветом длилось более двух с половиной часов. Нападающие потеряли по меньшей мере сто пятьдесят человек убитыми и ранеными, почти такие же потери понес и экипаж «Сифанты», насчитывавший прежде двести пятьдесят матросов. Эти цифры свидетельствуют об ожесточении, с каким сражались обе стороны. Но в итоге отваге пришлось отступить перед силой. Победа досталась пиратам не по справедливости. Анри д'Альбаре, офицеры, матросы и пассажиры корвета находились теперь в руках безжалостного Сакратифа.

Действительно, Сакратиф и Старкос — было одно и то же лицо. До сих пор никто не знал, что под этой кличкой скрывается грек, уроженец Мани, предатель, перешедший на сторону угнетателей. Да! Эту флотилией, чьи страшные жестокости сеяли ужас в здешних морях, командовал Николай Старкос! Он соединил гнусное ремесло пирата с еще более гнусным занятием — работорговлей! Он продавал варварам, северным своих соотечественников, избежавших турецкой резни! Он, Сакратиф! Эта военная, или, скорее, пиратская, кличка принадлежала сыну Андроники Старкос!

Сакратиф — так нам придется теперь его называть — много лет назад сделал центром своих операций остров Скарпанто. Там, в глубине тайных бухт восточного берега, находились главные стоянки его флотилии. Там его сообщники, люди без чести и совести, слепо повиновавшиеся ему, готовые по его приказу на любое насилие, на самую дерзкую авантюру, образовали экипажи двух десятков судов, командование которыми у него никто не оспаривал.

Выйдя на «Каристе» из Корфу, Сакратиф направился прямо в Скарпанто. Он намеревался возобновить свои операции в морях Архипелага в надежде встретиться с корветом, чье назначение было ему известно и который на его глазах снялся с якоря. Однако,

преследуя «Сифанту», он не отказывался от мысли разыскать Хаджину Элизундо и завладеть ее миллионами, равно как и от мести Анри д'Альбаре.

Пиратская флотилия устремилась на поиски «Сифанты»; но хотя до Сакратифа часто доходили слухи о ней и о карательных мерах, которые она применяла к пиратам северной части Архипелага, ему не удавалось напасть на след корабля. Вопреки молве, Сакратиф не командовал пиратами в битве у Лимноса, где погиб капитан Страдена; но именно он бежал на саколеве из порта Тасос, воспользовавшись сражением, начатым корветом в виду гавани. Только в то время ему еще не было известно, что корвет перешел под командование Анри д'Альбаре: пират узнал об этом, лишь увидев молодого офицера на базаре в Скарпанто.

Покинув Тасос, Сакратиф сделал затем стоянку на острове Сира, который он покинул лишь за двое суток до прибытия корвета. Предположение, что саколева взяла курс на Крит, было правильным. Там, в порту Грабузы, ее дожидался бриг, он должен был доставить Сакратифа в Скарпанто для подготовки новой кампании. Корвет заметил этот бриг вскоре после его выхода из гавани Грабузы, но, начав погоню, не сумел его настичь, так как пиратское судно обладало большей скоростью.

Сакратиф отлично узнал «Сифанту». Первой его мыслью было атаковать ее, попытаться взять на abordаж и пустить ко дну, утолив этим свою ненависть. Но, поразмыслив, он решил лучше позволить корвету преследовать себя вдоль побережья Крита, завлечь «Сифанту» к берегам Скарпанто, а затем исчезнуть в одном из укрытий, известных лишь ему одному.

Так он и поступил. Потом главарь пиратов занялся подготовкой своей флотилии к нападению на корвет, но обстоятельства ускорили развязку этой драмы.

Читатель уже знает о том, что произошло, зачем Сакратиф прибыл на базар Аркассы, как, заметив сначала Хаджину Элизундо среди невольников батистана, он очутился затем лицом к лицу с командиром «Сифанты» Анри д'Альбаре.

Полагая, что Хаджина Элизундо все еще является богатой наследницей корфиотского банкира, он захотел во что бы то ни стало прибрать к рукам ее миллионы... Вмешательство Анри д'Альбаре сорвало его планы.

Утвердившись больше, чем когда-либо, в решимости завладеть Хаджиной Элизундо, отомстить своему сопернику и потопить корвет, Сакратиф увел Скопело и возвратился на восточный берег острова. Не могло быть сомнений в том, что Анри д'Альбаре немедленно отплывет из Скарпанто, чтобы отвезти недавних невольников на родину. Пиратская флотилия почти в полном составе на следующий же день вышла в море. Обстоятельства благоприятствовали ее продвижению, и «Сифанта» оказалась во власти корсаров.

Сакратиф ступил на палубу корвета в три часа пополудни. Ветер усилился, и это позволило остальным кораблям флотилии занять такую позицию, с которой они могли держать «Сифанту» под огнем своих пушек. Что касается двух бригов, стоявших у бортов корвета, то им приходилось ждать, пока их вожак соизволит перейти на один из них.

Однако пока что он был еще далек от этого, и вместе с ним на корвете оставалось около сотни пиратов.

Сакратиф еще ничего не сказал командиру д'Альбаре. Он удовольствовался тем, что обменялся несколькими словами со Скопело, приказавшим отвести невольников, офицеров и матросов вниз. Там их присоединили к тем, кто был захвачен на батарее и нижней палубе, затем всех заставили спуститься в трюм, и люки захлопнулись над ними. Что ждало их? Без сомнения, ужасная смерть уничтожит их вместе с «Сифантой»!

Теперь на юте остались только Анри д'Альбаре и капитан Тодрос, обезоруженные, связанные, под стражей.

Сакратиф, окруженный десятком самых свирепых пиратов, шагнул к ним.

— Мне было невдомек, — сказал он, — что «Сифантой» командует Анри д'Альбаре. Знай я это, я поспешил бы дать ему бой в водах Крита, и ему не пришлось бы

уподобляться отцам ордена Милосердия на базаре Скарпанто!

— Если бы Старкос соизволил подождать нас возле Крита, — ответил командир д'Альбаре, — он бы давно уже болтался на рее фок-мачты «Сифанты».

— В самом деле? — спросил Сакратиф. — Какой решительный и скорый суд!

— Да, суд, достойный главаря пиратов!

— Берегитесь, Анри д'Альбаре, — воскликнул Сакратиф, — берегитесь! Рее на вашей фок-мачте еще цела, и стоит мне сделать знак...

— Что ж, делайте!

— Офицера не вешают! — крикнул капитан Тодрос. — Его расстреливают! Эта унижительная казнь...

— Именно такая, какую может придумать низкий человек! — заметил Анри д'Альбаре.

При этих словах Сакратиф сделал жест, значение которого было хорошо известно пиратам.

То был смертный приговор.

Пять или шесть человек набросились на Анри д'Альбаре, в то время как другие удерживали капитана Тодроса, пытавшегося разорвать свои путы.

Под отвратительные вопли пиратов командира «Сифанты» потащили на нос корвета. С нока реи уже спустили гордень; еще несколько секунд, и над французским офицером свершилась бы подлая расправа. Но тут на палубе появилась Хаджина Элизундо.

Молодую девушку привели по приказанию Сакратифа. Ей было известно, что главарем пиратов был Николай Старкос. Но ни спокойствие, ни гордость не изменили ей.

Взглядом она искала Анри д'Альбаре. Она не знала, уцелел ли он, или погиб вместе с другими защитниками «Сифанты». И вот она увидела его! Он был жив... жив, но готовился принять последнюю муку!

Хаджина Элизундо бросилась к нему с криком:

— Анри!.. Анри!..

Пираты уже хотели разъединить их, но в эту минуту Сакратиф, направлявшийся на нос корвета, остановился в нескольких шагах от Хаджины и Анри

д'Альбаре. Он смотрел на них с выражением жестокой насмешки.

— Вот Хаджина Элизундо и оказалась в руках Николая Старкоса! — сказал он, скрестив руки на груди. — Итак, наследница богатого банкира из Корфу — в моей власти!

— Наследница, но не наследство! — холодно возразила Хаджина.

Смысла этого ответа Сакратиф уловить не мог. Поэтому он продолжал:

— Мне хочется думать, что невеста Старкоса не откажет ему в своей руке, повстречав его под именем Сакратифа!

— Я! — вскричала Хаджина.

— Вы! — ответил Сакратиф с еще большей насмешкой. — Вы испытываете признательность к великодушному командиру «Сифанты», который вас выкупил, и это похвально. Но ведь и я пытался сделать то же самое! Ради вас одной, а не ради этих невольников, до которых мне, право, нет дела, ради вас одной я готов был пожертвовать всем своим состоянием! Еще мгновенье, прекрасная Хаджина, и я стал бы вашим господином... вернее вашим рабом!

Говоря это, Сакратиф сделал шаг вперед. Девушка еще крепче прижалась к Анри д'Альбаре.

— Ничтожный! — воскликнула она.

— О да! Именно ничтожный, Хаджина, — ответил Сакратиф. — И для того, чтоб выйти из ничтожества, мне и нужны ваши миллионы!

При этих словах молодая девушка приблизилась к Сакратифу.

— Старкос, — сказала она спокойно, — у Хаджины Элизундо не осталось больше ничего из состояния, которое вы жаждете заполучить! Она истратила его, чтобы исправить зло, причиненное ее отцом в погоне за этими деньгами! Николай Старкос, Хаджина Элизундо теперь беднее любого из тех несчастных, кого «Сифанта» везла на родину!

Эта неожиданная новость преобразила Сакратифа. Поведение его внезапно изменилось. В глазах

вспыхнула ярость. Да! Он все еще рассчитывал на миллионы, которые Хаджина Элизундо отдала бы, чтобы спасти жизнь Анри д'Альбаре! И вот, оказывается, из этих миллионов — она только что сказала об этом так искренне, что не оставалось и тени сомнения в правдивости ее слов, — ему ничего не достанется!

Сакратиф переводил взгляд с Хаджины на Анри д'Альбаре. Скопело, наблюдавший за ним, достаточно хорошо знал его, чтобы предвидеть развязку этой драмы. Впрочем, приказания относительно взрыва корвета были ему уже отданы, и он ждал лишь знака, чтобы привести их в исполнение.

Сакратиф обернулся к нему.

— Иди, Скопело! — произнес он.

В сопровождении нескольких пиратов Скопело спустился по трапу, ведущему на батарею, и направился к пороховому погребу, расположенному в кормовой части «Сифанты».

В это время Сакратиф приказал пиратам вернуться на бриги, все еще сцепленные с бортами корвета.

Анри д'Альбаре понял: для удовлетворения своей мести Сакратифу мало было гибели его одного. Сотни несчастных были обречены на смерть вместе с ним, чтобы полнее утолить ненависть этого чудовища!

Оба брига уже сняли свои abordажные крюки и начали удаляться, поставив в помощь галерным веслам несколько парусов. На корвете оставалось не более двадцати пиратов. Возле «Сифанты» стояли шлюпки, ожидая, пока Сакратиф прикажет пиратам сесть в них вместе с ним.

В это мгновение на палубе вновь появились Скопело и его люди.

— По шлюпкам! — сказал Скопело.

— По шлюпкам! — страшным голосом повторил Сакратиф. — Через несколько минут от этого проклятого корабля ничего не останется. А, ты не хотел унижительной смерти, Анри д'Альбаре! Будь по-твоему! Взрыв не пощадит ни пленников, ни команду, ни офицеров «Сифанты»! Скажи мне спасибо, что я предаю тебя смерти в такой славной компании!

— Да, Анри, скажи ему спасибо, — воскликнула Хаджина, — скажи! По крайней мере мы умрем вместе!

— Тебе умереть, Хаджина! — возразил Сакратиф. — Нет! Ты будешь жить и станешь моей рабыней... моей рабыней, — слышишь?

— Подлец! — крикнул Анри д'Альбаре.

Молодая девушка еще теснее прижалась к нему. Неужели она окажется во власти пирата?

— Взять ее! — приказал Сакратиф.

— И по шлюпкам! — добавил Скопело. — Самое время!

Два пирата схватили Хаджину и потащили ее к наружному трапу.

— А теперь, — воскликнул Сакратиф, — пусть на «Сифанте» погибнут все, все...

— Да!.. Все... и твоя мать вместе с другими!

Это была старуха пленница, только что появившаяся на палубе, на сей раз с открытым лицом.

— Моя мать!.. На этом корабле! — воскликнул Сакратиф.

— Твоя мать, Старкос! — ответила Андроника. — И погибну я от твоей руки!

— Увести ее!.. Увести ее!.. — заревел Сакратиф.

Несколько его сообщников поспешили к Андронике.

Но в эту минуту палубу заполнили уцелевшие матросы и пассажиры «Сифанты». Им удалось выломать крышки люков трюма, где они были заперты, и прорваться на бак.

— Ко мне!.. Ко мне! — закричал Сакратиф.

Пираты, еще находившиеся на палубе вместе со Скопело, пытались пробиться к нему на помощь. Моряки, вооруженные топорами и кинжалами, истребили их до последнего.

Сакратиф понял, что ему не спастись. Но по крайней мере всем, кого он ненавидел, предстояло погибнуть вместе с ним!

— Взлетай же на воздух, проклятый корвет! — воскликнул он. — Взлетай скорей!

— Взлететь на воздух!.. Нашей «Сифанте»!.. Никогда!

Это крикнул Ксарис, который появился, держа в руках зажженный фитиль, выдернутый им из бочки в пороховом погребе. Затем, подскочив к Сакратифу, он уложил его ударом топора.

Андроника испустила отчаянный вопль. Последние искры материнского чувства, еще теплившиеся в ее сердце, несмотря на все преступления сына, вспыхнули в ней. Ей не хотелось верить в реальность удара, только что поразившего Сакратифа...

На глазах у всех она приблизилась к телу Николая Старкоса, опустилась на колени, словно для того, чтобы перед вечной разлукой даровать ему материнское прощание... Потом она тоже упала.

Анри д'Альбаре бросился к ней...

— Мертва! — воскликнул он. — Да простит бог сыну из милосердия к матери!

Тем временем нескольким пиратам, находившимся в шлюпках, удалось добраться до одного из бригов. Известие о смерти Сакратифа тотчас же разнеслось по флотилии.

Нужно было отомстить за него, и пиратские корабли вновь открыли огонь по «Сифанте».

Но на сей раз это было бесполезно. Анри д'Альбаре вновь вступил в командование корветом. Все, кто остался в живых — около сотни матросов, — бросились к пушкам и палубным каронадам, успешно отвечавшим на залпы корсаров.

Вскоре один из бригов — тот самый, на котором Сакратиф поднял свой черный флаг, — получил пробоину на уровне ватерлинии и пошел ко дну под ужасные проклятья находившихся на нем пиратов.

— Смелее, друзья, смелее! — кричал Анри д'Альбаре. — Спасем нашу «Сифанту»!

Битва возобновилась, но уже не было неукротимого Сакратифа, способного увлечь за собой пиратов, и они не отважились на новый абордаж.

Вскоре от всей флотилии осталось пять кораблей. Пушки «Сифанты» могли потопить их, стреляя на некотором расстоянии. Поэтому, воспользовавшись достаточно сильным ветром, корсары обратились в бегство.

— Да здравствует Греция! — воскликнул Анри д'Альбаре, когда флаг «Сифанты» был поднят на вер-хушке грот-мачты.

— Да здравствует Франция! — ответил весь эки-паж, соединяя названия двух стран, столь тесно свя-занных в годы войны за независимость Эллады.

Было пять часов вечера. Несмотря на усталость, ни один человек не хотел отдыхать до тех пор, пока корвет не будет приведен в мореходное состояние. Подняли за-пасные паруса, поставили подкрепления к мачтам, установили временную мачту, вместо бизань-мачты завели новые фалы и обтянули ванты, исправили руль, и в тот же вечер «Сифанта» вновь пустилась в плава-ние, взяв курс на северо-запад.

Тело Андроники Старкос, покоившееся на корме, охранялось с почетом, достойным ее высокого патрио-тизма. Анри д'Альбаре хотел предать земле останки этой доблестной женщины на ее родине.

Что касается трупа Старкоса, то с ядром на ногах он исчез в водах того самого Архипелага, которому пират Сакратиф причинил столько зла своими бесчет-ными преступлениями!

Сутки спустя, 7 сентября, около шести часов вечера, «Сифанта» подошла к острову Эгине и бросила якорь в его гавани, завершив кампанию, длившуюся целый год и вернувшую спокойствие морям Греции.

Здесь пассажиры «Сифанты» огласили воздух мно-гократным «ура». Затем Анри д'Альбаре простился с офицерами и матросами своего корабля и передал ка-питану Тодросу командование корветом, который Хад-жина Элизундо принесла в дар новому правительству.

Через несколько дней, при большом стечении на-рода, в присутствии офицеров, матросов и недавних невольников, доставленных «Сифантой» на родину, была отпразднована свадьба Хаджины Элизундо и Анри д'Альбаре. Наутро новобрачные уехали во Фран-цию в сопровождении Ксариса, который с ними не рас-ставался; но они рассчитывали возвратиться в Грецию, как только позволят обстоятельства.

Между тем в морях Архипелага мало-помалу вос-становливалось долгожданное спокойствие. Последние

пираты исчезли, и «Сифанта», плававшая теперь под началом капитана Тодроса, уже нигде не встречала черного флага, словно сгинувшего вместе с Сакратифом. Архипелаг в огне уступил отныне место Архипелагу, где погасли последние вспышки пламени, Архипелагу, вновь открытому для торговли с Востоком.

Греческое королевство, обязанное своим возникновением героизму сынов своих, вскоре заняло достойное место среди независимых государств Европы. 22 марта 1829 года султан подписал соглашение с союзными державами. 22 сентября битва при Петре закрепила победу греков. В 1832 году Лондонский договор предоставил греческую корону принцу Оттону Баварскому. Греческое королевство было окончательно создано.

К этому времени в Грецию возвратились Анри и Хаджина д'Альбаре, чтобы навсегда обосноваться в этой стране. Правда, они располагали теперь весьма скромными средствами; но что еще требовалось им для счастья, если оно было в них самих!

1834 г.

РОБУР-ЗАВОЕВАТЕЛЬ

*Перевод Я. З. Лесюка
под редакцией Е. М. Шишмаревой*

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой мир ученых и мир невежд в равной мере
приведены в замешательство*

— Паф!.. Паф!..

Два пистолетных выстрела прозвучали почти одновременно. Одна из пуль угодила в спину коровы, которая паслась шагах в пятидесяти от места дуэли. А ведь она не имела никакого отношения к ссоре.

Ни один из противников не пострадал.

Но кто же были эти два джентльмена? Никто не знает. А между тем именно здесь, казалось бы, весьма уместно сообщить их имена потомству. Можно с достоверностью утверждать лишь одно: старший из них был англичанин, младший — американец. Что касается места, где бессловесной твари довелось в последний раз отведать травы, то указать его ничего не стоит. Случилось это на правом берегу Ниагары, по соседству с висячим мостом, который соединяет американский берег реки с канадским, в трех милях ниже водопадов.

Англичанин приблизился к американцу.

— Я попрежнему утверждаю, что то был гимн «Рул Британия»! — заявил он.

— Нет! «Янки Дудл»! — возразил его противник.

Ссора грозила вспыхнуть с новой силой, но тут — несомненно в интересах охраны скота — вмешался один из секундантов.

— Помиримся на том, что мы слышали «Рул Дудл»

и «Янки Британия», — воскликнул он, — и пойдем завтракать!

Ко всеобщему удовлетворению, компромисс между национальными гимнами Соединенных Штатов Америки и Великобритании был достигнут. Американцы и англичане перешли на левый берег Ниагары и направились завтракать в гостиницу Гоат-Айленд, расположенную на холме между двумя водопадами. Не станем мешать им наслаждаться традиционными блюдами — вареными яйцами, ветчиной и холодным ростбифом, приправленным острыми пикулями, которые они запивали потоками чая, способными соперничать даже с прославленными водопадами. Впрочем, мало вероятно, чтобы в нашем повествовании еще раз зашла речь об этих людях.

Кто же все-таки был прав: англичанин или американец? Ответить на этот вопрос нелегко. Бесспорно одно: поединок между ними свидетельствовал о том, до какой степени были возбуждены умы не только в Новом, но и в Старом Свете тем необъяснимым явлением, которое вот уже целый месяц приводило всех в замешательство.

«...*Os sublime dedit coelumque tueri*»¹, — сказал Овидий к вящей славе рода человеческого.

И в самом деле, со времени своего появления на земле люди никогда еще так упорно не смотрели на небо.

Как раз накануне ночью неведомая небесная труба наполнила медными звуками воздушное пространство над той частью Канады, что расположена между озерами Эри и Онтарио. Одним в этих звуках почудилась мелодия «Янки Дудл», другим — «Рул Британия». Вот почему и возникла описанная нами ссора между англосаксами, мирно закончившаяся завтраком в Гоат-Айленде. Впрочем, это, возможно, и не был национальный гимн. Несомненно лишь одно — загадочные звуки доносились на землю с небес.

Уж не затрубил ли какой-либо ангел или архангел в небесную трубу?.. Или какие-нибудь веселые возду-

¹ .. Высоко поднятая голова, чтобы видеть небо (лат.).

хоплаватели играли на этом звучном инструменте, которому всеобщая молва создала столь громкую известность?

Нет! В небе не было ни воздушного шара, ни воздухоплавателей. В верхних слоях атмосферы возникло необычайное явление, происхождение и природу которого никто не мог определить. Нынче его отмечали над Америкой, через двое суток — над Европой, спустя неделю — в Азии, над Небесной империей. Решительно, если труба, возвещавшая о нем, не была трубою Страшного суда, то что ж это было такое?

Вот почему все государства земного шара — и монархии и республики — охватила сильнейшая тревога, которую необходимо было рассеять. Представьте себе, что в вашем доме возник какой-то странный и необъяснимый шум. Ведь вы безусловно попытаетесь как можно быстрее отыскать его причину и, если ваши старания ни к чему не приведут, покинете этот дом, чтобы переехать в другой. Не правда ли? Но на сей раз домом был весь земной шар! Покинуть его и переселиться на Луну, Марс, Венеру, Юпитер или какую-нибудь иную планету солнечной системы было совершенно невозможно. Поэтому следовало определить, что же все-таки происходило, — причем отнюдь не в беспредельной пустоте, а в пределах земной атмосферы, которая простирается всего лишь на два лье вокруг нашей планеты. В самом деле, без воздуха не может быть и шума, однако шум был — все та же пресловутая труба, — следовательно, загадочное явление совершалось в воздушной среде, плотность которой постепенно уменьшается по мере удаления от Земли.

Нечего и говорить, что тысячи газетных листков занялись этим делом, судили о нем вкривь и вкось, проясняли или затемняли его, сообщали истинные или ложные факты, пугали или успокаивали своих читателей — и все для увеличения тиража, — словом, всячески будоражили публику, и так уже потерявшую покой. Политика сразу же была забыта, кстати сказать, от этого ничего не изменилось. Однако что же все-таки произошло?

Запросили мнение обсерваторий всего мира. Если они не смогут ответить, тогда зачем вообще нужны обсерватории? Если астрономы, которые запросто обращаются со звездами, отстоящими от них за сто тысяч миллиардов лье, не способны понять природу космического явления, происходящего всего лишь в нескольких километрах, тогда зачем вообще нужны астрономы?

Сколько телескопов, подзорных труб, зрительных стекол, биноклей, очков, лорнетов устремлялось к небу в эти чудесные летние ночи, сколько глаз припадало к окулярам оптических приборов всех видов и размеров, — сосчитать невозможно! Но уж никак не меньше нескольких сотен тысяч, другими словами — в десять, в двадцать раз больше, чем можно увидеть звезд на небосводе невооруженным глазом. Нет! Никогда еще солнечное затмение, наблюдаемое одновременно из всех пунктов земного шара, не привлекало такого количества зрителей.

Обсерватории ответили, но недостаточно ясно. Каждая придерживалась собственного, отличного от других, мнения. И это привело к тому, что в конце апреля и начале мая в мире ученых вспыхнула настоящая междоусобная война.

Парижская обсерватория проявила особую сдержанность. Ни одно из ее отделений ничего толком не сказало. В отделении математической астрономии не снизошли до наблюдений; в отделении меридиональных измерений ничего не обнаружили; в отделении физических наблюдений ничего не заметили; в отделении геодезии ничего не открыли; в отделении метеорологии ничего не увидели; наконец, в отделении подсчетов попросту ничего не разглядели. Признание по крайней мере было чистосердечным. То же чистосердечие проявили обсерватория Монсури и магнитная станция парка Сен-Мор. То же почтение к истине в Бюро долгот. Словом, французы откровенно гордились своей откровенностью.

Провинция высказалась несколько определеннее. Там признавали, что в ночь с 6 на 7 мая в небе появился свет электрического происхождения, который был виден не больше двадцати секунд. В Пик-дю-Миди

свет этот был замечен между девятью и десятью часами вечера. В метеорологической обсерватории Пюи-де-Дом его наблюдали между часом и двумя ночи; в Мон-Ванту, в Провансе, — между двумя и тремя часами утра; в Ницце — между тремя и четырьмя часами; наконец, в Альпах, между Аннеси, Бурже и Женевским озером, — в ту минуту, когда заря позолотила небосклон.

Очевидно, было бы неправильно отвергать все эти наблюдения целиком. Не оставалось ни малейшего сомнения, что свет последовательно видели в разных местах на протяжении нескольких часов. Таким образом, либо его излучали различные источники, двигавшиеся в земной атмосфере, либо он был обязан своим происхождением одному источнику, который перемещался со скоростью около двухсот километров в час.

Однако наблюдалось ли хоть раз что-либо необычное в атмосфере при дневном освещении?

Никогда!

Не раздавались ли по крайней мере в воздушных сферах звуки трубы?

Нет! Призыва трубы ни разу не слышали между восходом и закатом солнца.

В Соединенном королевстве все пребывали в полной растерянности. Обсерватории никак не могли договориться. Гринвич не соглашался с Оксфордом, хотя обе обсерватории настаивали на том, что «ничего не произошло».

— Оптический обман! — утверждал Гринвич.

— Акустический обман! — возражал Оксфорд.

Вокруг этого и велись споры. Но в одном они сходились: все это обман!

Дискуссия среди берлинских и венских астрономов грозила привести к международным осложнениям. Но Россия устами директора Пулковской обсерватории разъяснила, что обе стороны правы: все определяла точка зрения, от которой они отправлялись, пытаясь выяснить природу загадочного явления, невозможного в теории, но оказавшегося возможным в действительности.

В Швейцарии — в обсерватории Саутис, в кантоне Аппенцель, в Риги, в Гэбрис, на наблюдательных пунктах Сен-Готарда, Сен-Бернара, Юльера, Симплона, Цюриха, Зомблика в Тирольских Альпах — везде сохраняли крайнюю сдержанность, столкнувшись с фактом, которого дотоле еще никто и никогда не наблюдал. И это было вполне разумно.

Зато в Италии — на метеорологических станциях Везувия, в наблюдательном пункте Этны, помещавшемся в старинной Каза-Инглезе, на Монте-Каво — астрономы, не задумываясь, подтверждали материальность пресловутого явления, ибо им довелось однажды наблюдать его: днем — в виде завитка тумана, ночью — в виде падающей звезды. Но об истинной природе загадочного тела они не имели ни малейшего представления.

По правде говоря, тайна эта начинала мало-помалу надоедать людям науки, однако она продолжала возбуждать и даже пугать людей простых и неученых, которые в силу одного из самых мудрых законов природы составляли, составляют и будут составлять громадное большинство человечества. Астрономы и метеорологи уже готовы были забросить эту проблему, как вдруг в ночь с 26 на 27 апреля, в обсерватории Кантокейно в норвежской провинции Финмаркен, и в ночь с 28 на 29, в обсерватории Ис-фьорд на Шпицбергене, норвежцы, с одной стороны, и шведы, с другой, заметили сходное явление: при свете северного сияния в небе показалось неведомое воздушное чудище, напоминавшее огромную птицу. Строение его определить было невозможно, однако и те и другие утверждали, что оно излучало в пространство какие-то частицы, которые взрывались, точно снаряды.

В Европе никто не усомнился в правильности этого наблюдения обсерваторий в Финмаркене и на Шпицбергене. Но самым поразительным во всем этом было то, что шведы и норвежцы могли, оказывается, хоть в чем-нибудь согласиться друг с другом!

Зато их мнимое открытие было встречено общим смехом во всех обсерваториях Южной Америки — в Бразилии, в Перу и на Ла-Плате, так же как и в об-

серваториях Австралии — в Сиднее, Аделаиде и Мельбурне. А как известно, смех южан — самый заразительный.

Короче говоря, лишь один руководитель метеорологической станции недвусмысленно высказал свое мнение, не страшась иронических нападок, которые оно могло вызвать. То был китаец, директор обсерватории Цзи-Ка-Вей. Обсерватория эта возвышалась в десяти лье от моря посреди обширной равнины, и перед нею открывался безграничный горизонт, словно омытый прозрачным воздухом.

— Весьма возможно, — заявил он, — что небесное тело, о котором идет речь, — всего-навсего движущийся аппарат, летательная машина.

Какая неуместная шутка!

Если уж в Старом Свете велись столь ожесточенные споры, легко себе представить, как разгорелись страсти в Новом Свете, особенно в той его обширной части, которую занимают Соединенные Штаты Америки.

Известно, что, выбирая свой путь, янки долго не раздумывает: как правило, он сразу находит ту единственную дорогу, которая ведет прямо к цели. Вот почему американские астрономы без обиняков высказали все, что они думали друг о друге. И если под конец они не начали швыряться подозрными трубами, то лишь потому, что разбитые оптические приборы пришлось бы чинить именно тогда, когда они были особенно необходимы.

В этом, столь спорном вопросе Вашингтонская обсерватория в округе Колумбия и Кембриджская обсерватория в штате Массачусетс выступили против обсерваторий Дармут-Колледжа в Коннектикуте и Анн-Арбор в Мичигане. Спор у них шел не о природе небесного тела, а о том, когда именно оно было обнаружено: все обсерватории утверждали, будто заметили его в одну и ту же ночь, один и тот же час, одну и ту же минуту и одну и ту же секунду, хотя траектория этого загадочного тела пролегла на незначительной высоте над горизонтом. Но от Коннектикута до Мичигана и от Массачусетса до Колумбии расстояние так велико, что

наблюдать какое-нибудь явление во всех этих пунктах одновременно попросту невозможно.

Обсерватория Дадли в Олбани, штат Нью-Йорк, и обсерватория военной академии Вест-Пойнт указали на неправоту своих коллег, приведя данные относительно восхождения по прямой и склонения названного тела.

Но позднее стало известно, что обсерватории эти ошиблись, приняв за таинственное тело обыкновенный болид, пронесшийся через средние слои атмосферы. Болид этот не мог, понятно, быть телом, о котором шла речь. Да и как мог бы вышеназванный болид играть на трубе?

Что касается знаменитой трубы, то скептики тщетно пытались причислить ее оглушительные звуки к ряду акустических обманов. Уши свидетелей в этом случае ошибались не больше, чем их глаза: одни на самом деле слышали, другие на самом деле видели. Ночь с 12 на 13 мая была особенно темной; и вот этой ночью наблюдателям Иельского колледжа, при высшей школе в Шеффилде, удалось записать несколько тактов музыкальной фразы в ре-мажоре, которая совершенно точно воспроизводила размер, мелодию и ритм припева «Походной песни»

— Отлично! — обрадовались шутники. — Значит, в заоблачных высотах играет французский оркестр!

Но ведь шутка — не ответ. Именно на это и указала основанная компанией «Атлантик Айрон Уоркс» Бостонская обсерватория, мнения которой по вопросам астрономии и метеорологии мало-помалу приобретали в ученом мире силу закона.

Тогда в спор вступила обсерватория в Цинциннати, построенная в 1870 году на горе Лукаут на средства щедрого г-на Килгора; она снискала себе широкую известность микрометрическими измерениями двойных звезд. Директор этой обсерватории с похвальной откровенностью заявил, что несомненно существует какое-то материальное тело, некий движущийся предмет, который показывается через довольно короткие промежутки времени в различных точках атмосферы;

но о природе, размерах, скорости и траектории этого загадочного тела ничего определенного сказать нельзя.

Примерно в то же время весьма распространенная газета «Нью-Йорк геральд» получила от одного из своих подписчиков следующее анонимное послание:

«В наши дни еще не забыто соперничество, которое несколько лет назад столкнуло между собой двух наследников бегумы Раджинахра: француза — доктора Саразена, из Франсевилля, и немца — инженера герра Шульце, из Штальштадта, городов, расположенных в южной части Орегона в Соединенных Штатах Америки¹.

Надо полагать, не забыто также, что герр Шульце, задумав уничтожить Франсевилль, изготовил гигантский снаряд, который должен был, обрушившись на французский город, одним ударом смести его с лица земли.

И уж никто, наверно, не забыл, что этот снаряд, начальная скорость которого при вылете из жерла чудовищной пушки была плохо рассчитана, умчался в пространство с быстротой, в шестнадцать раз превышающей обычную скорость снарядов, то есть делая по сто пятьдесят лье в час. Поэтому он так и не упал на землю, а, превратившись в своего рода болид, до сих пор вращается и будет вечно вращаться вокруг земного шара.

Разве нельзя допустить, что этот снаряд и есть то самое загадочное тело, реальность которого отрицать невозможно?»

До чего он остроумен этот подписчик «Нью-Йорк геральда»! Но как быть с трубой?.. Ведь в снаряде герра Шульце никакой трубы и в помине не было!

Выходит, что все объяснения ровным счетом ничего не объясняли, а все наблюдатели наблюдали из рук вон плохо.

¹ Речь идет о героях романа Жюль Верн «Пятьсот миллионов бегумы» (см. т. 8 наст. изд.).

Правда, оставалась еще гипотеза, выдвинутая директором обсерватории Цзи-Ка-Вей. Но ведь то было мнение какого-то китайца!..

Не думайте, однако, что обитателям Старого и Нового Света в конце концов надоело ломать голову над этой загадкой. Ничего подобного! Люди спорили до хрипоты, но ни к чему не приходили. И все же наступила короткая передышка. Прошло несколько дней, а занимавший всех предмет — болид или иное тело — ни разу не появлялся и в воздухе не раздавалось пения трубы. Не упало ли таинственное тело в таком месте земного шара, где было бы трудно отыскать его след, — например, в море? Не покоилось ли оно на дне Атлантического, Тихого или Индийского океана? Как разрешить все эти сомнения?

Но именно тогда — между вторым и девятым июня — произошло несколько новых событий, объяснить которые одним только космическим явлением было уже невозможно.

На протяжении этой недели обитатели Гамбурга — на вершине башни святого Михаила, а турки — на самом высоком минарете Ая-Софии, жители Руана — на конце готического шпиля кафедрального собора, а жители Страсбурга — на верхушке Мюнстерского собора, американцы — на голове статуи Свободы, в устье Гудзона, и на верхушке памятника Вашингтону в Бостоне, китайцы — на вершине храма Пятисот Духов в Кантоне, индусы — на шестнадцатом этаже пирамидальной башни храма Танджура, обитатели града святого Петра — на куполе одноименного собора в Риме, а англичане — на куполе собора св. Павла в Лондоне, египтяне — на вершине большой пирамиды Гиза, парижане — на громоотводе трехсотметровой железной башни, сооруженной для Международной выставки 1889 года, — все они видели флаг, развевавшийся на каждом из названных сооружений, на которые так трудно взобраться.

Флаг этот представлял собою черное полотнище, усеянное звездами с изображением золотого солнца посредине.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой члены Уэлдонского ученого общества спорят, но не приходят к согласию

- И первый, кто посмеет утверждать обратное...
- Вот как!.. Конечно, посмеют, если только сочтут нужным!
- И вопреки вашим угрозам!..
- Следите за своими выражениями, Бэт Файн!
- И вы тоже, дядюшка Прудент!
- Я настаиваю, что винт должен помещаться сзади!
- И мы также!.. Мы также!.. — подхватили пятьдесят голосов, слившихся в общий гул.
- Нет!.. Он должен быть спереди! — вскричал Фил Эванс.
- Спереди! — столь же яростно подхватили пятьдесят других голосов.
- Никогда мы не договоримся!
- Никогда!.. Никогда!
- Для чего же тогда спорить?
- Но это не спор!.. Это — дискуссия!

Однако кто поверил бы, что это дискуссия, слыша резкие возражения, грубые выпады и вопли, наполнявшие зал заседаний вот уже добрых четверть часа?

Надо сказать, что зал этот был самым просторным в Уэлдонском ученом обществе, как именовали знаменитый клуб, который помещался на Уолнет-стрит, в Филадельфии, столице штата Пенсильвания, входящего в состав Американской Федерации.

Накануне город избирал человека на должность фонарика, зажигающего на улицах газовые фонари, по этому поводу происходили многолюдные манифестации и бурные митинги, враждующие партии даже вступали в рукопашную. Это вызвало всеобщее возмущение, которое еще не улеглось и, возможно, было причиной сильнейшего волнения, владевшего в тот вечер членами Уэлдонского ученого общества. А ведь в клубе шло всего-навсего очередное заседание сто-

ронников воздушных шаров, на котором обсуждался все еще животрепещущий, даже в описываемое время, вопрос о возможности управления аэростатами.

Все это происходило в одном из городов Соединенных Штатов Америки, быстрое развитие которого было еще более разительным, нежели развитие Нью-Йорка, Чикаго, Цинциннати и Сан-Франциско; в городе, который не был при этом ни портом, ни центром угольной или нефтяной промышленности, ни вообще промышленным центром, ни даже конечным пунктом сети железных дорог; городе, более крупном, чем Берлин, Манчестер, Эдинбург, Ливерпуль, Вена, Петербург, Дублин, и в парке которого свободно разместились бы все семь парков столицы Англии; городе, насчитывающем в наши дни около миллиона двухсот тысяч жителей и слывущем четвертым в мире — после Лондона, Парижа и Нью-Йорка.

Филадельфия, с ее огромными домами и великолепными общественными зданиями, может быть смело названа городом сплошного мрамора. Самый значительный из колледжей Нового Света — колледж Джирарда — находится в Филадельфии. И самый большой в мире железный мост — мост через реку Скул-килл — находится в Филадельфии. И самый замечательный франкмасонский храм — Храм Масонов — находится в Филадельфии. И, наконец, самый известный клуб поклонников воздухоплавания также находится в Филадельфии. Если бы читатель захотел посетить его в тот вечер, 12 июня, он, пожалуй, получил бы немалое удовольствие.

В этом огромном зале — под верховной властью председателя, которому деятельно помогали секретарь и казначей, — волновались, бесновались, жестикулировали, кричали, спорили, ссорились с цилиндрами на голове не менее ста горячих приверженцев воздушных шаров. Среди них не было ни одного инженера по профессии; здесь собрались просто любители всего, что относится к воздухоплаванию, но любители одержимые, а главное — злейшие враги тех, кто противопоставлял воздушным шарам «аппараты тяжелее воздуха» — летательные машины, воздушные корабли и прочее.

Возможно этим почтенным людям и предстояло когда-нибудь открыть способ управления аэростатами, но в тот вечер их председателю нелегко было управлять ими самими!

Этот знаменитый председатель был широко известен всей Филадельфии под именем дядюшки Прудента. Прудент¹ была его фамилия, а что до прозвища «дядюшка», то оно никого не удивляло в Америке, где можно называться дядюшкой, не имея ни племянников, ни племянниц. В этой стране говорят «дядюшка» подобно тому, как в других странах говорят «папаша» людям, у которых детей и в помине не было.

Дядюшка Прудент слыл важной персоной и, вопреки своей фамилии, пользовался репутацией человека отважного. Он был весьма богат, что, как известно, никому не вредит, даже в Соединенных Штатах. И как мог он не разбогатеть, если владел большей частью акций компании Ниагарских водопадов. Незадолго до того в Буффало было основано промышленное общество по эксплуатации энергии водопадов. Великолепное предприятие! Семь с половиной тысяч кубических метров воды, которые Ниагарский водопад обрушивает каждую секунду, создают мощность в семь миллионов лошадиных сил. Эта гигантская энергия, питавшая все заводы, расположенные на пятьсот километров вокруг, ежегодно приносила полтора миллиарда франков дохода, солидная доля которого попадала в кассы акционерного общества и, в частности, в карманы дядюшки Прудента. Кстати, он был холост и жил скромно, довольствуясь всего лишь одним слугой — лакеем Фриколлином, который, надо сказать, был недостоин чести находиться в услужении у столь отважного человека. Но в жизни нередко встречаются подобные несообразности.

В том, что дядюшка Прудент, будучи богат, имел друзей, нет, разумеется, ничего удивительного; но он состоял председателем клуба, а потому у него были и враги — и между ними все те, кто завидовал его положению. В числе наиболее ожесточенных противников

¹ Прудент — благоразумный, осторожный (англ.).

дядюшки Прудента нельзя не упомянуть секретаря Уэлдонского ученого общества.

Секретаря звали Фил Эванс; он также был человеком весьма богатым, ибо стоял во главе «Уолтон Уотч компани» — большого завода по изготовлению часов, ежедневно производившего пятьсот часовых механизмов, не уступавших по своим качествам лучшим швейцарским образцам. Так что Фила Эванса можно было бы счесть одним из самых счастливых людей в Соединенных Штатах, да и во всем мире, если бы его не раздражало положение, какое занял в клубе дядюшка Прудент. Обоим им было по сорок пять лет, оба отличались завидным здоровьем, оба славились своим бесстрашием, оба не допускали и мысли о том, чтобы променять надежные преимущества холостяцкой жизни на сомнительные преимущества жизни семейной. Два эти человека, казалось, были рождены для того, чтобы понимать друг друга с полуслова, а между тем они никак не находили общего языка. Надо добавить, что оба обладали необычайной силой воли, но при этом дядюшка Прудент отличался крайней горячностью, а Фил Эванс — редким хладнокровием.

Чем же объясняется, что Фил Эванс не был избран председателем клуба? Голоса между ним и дядюшкой Прудентом разделились точно поровну. Двадцать раз повторяли голосование, и двадцать раз ни один из кандидатов не собрал нужного большинства. Это нелепое положение грозило затянуться до смерти одного из претендентов.

И тогда один из членов Уэлдонского ученого общества предложил выход из создавшегося затруднения. Это был казначей клуба Джем Сип — убежденный вегетарианец, страстный любитель овощей и ярый враг мясной пищи и спиртных напитков, можно сказать, полубрамин, полумусульманин, достойный соперник Ньюмэна, Питмэна, Уорда, Дэви, которые прославили секту этих безобидных сумасбродов.

В этих трудных обстоятельствах Джема Сипа поддерживал другой член клуба, Уильям Т. Форбс, управляющий большим заводом, где производили патоку, обрабатывая тряпье серной кислотой, что позволяло

получать сахар из старого белья. Он был человек весьма солидный, этот Уильям Т. Форбс, отец двух очаровательных старых дев, мисс Доротеи, по прозвищу Долл, и мисс Марты, по прозвищу Мэт, которые задавали тон в лучшем обществе Филадельфии.

Выслушав предложение Джема Сипа, поддержанное Уильямом Т. Форбсом и некоторыми другими, собрание решило избрать председателя клуба, прибегнув к методу «средней линии».

По правде говоря, этот способ стоило бы применять во всех случаях, когда необходимо избрать достойнейшего кандидата, и немало вполне разумных американцев уже подумывали о том, чтобы прибегнуть к нему во время выборов президента Соединенных Штатов.

На двух досках ослепительной белизны начертили две черные линии абсолютно одинаковой длины, выверенные с такой точностью, как будто речь шла об измерении основания первого треугольника для целей тригонометрической съемки. Затем обе доски установили посреди зала заседаний, и каждый из соперников, вооружившись тонкой иглой, направился к отведенной ему доске. Того из претендентов, кому удалось бы вонзить свою иглу ближе к середине черной линии, и должны были провозгласить председателем Уэлдонского ученого общества.

Нечего и говорить, что втыкать иглу следовало с размаху, не примериваясь и не прилаживаясь заранее, рассчитывая лишь на верность глаза. Все дело заключалось в том, чтобы, как говорится в народе, иметь «наметанный глаз».

Дядюшка Прудент и Фил Эванс вонзили свои иглы в одну и ту же секунду. Затем произвели измерение, чтобы определить, чья игла оказалась ближе к цели.

О чудо! Оба соперника обладали столь совершенным глазомером, что их иглы, казалось, впились в самую середину черты. А если это и не была абсолютная математическая середина линии, то измерение не обнаружило сколько-нибудь заметной неточности, и величина отклонения у обоих кандидатов представлялась одинаковой.

Это вызвало замешательство среди собравшихся.

По счастью, один из членов клуба, Трак Милнор, настоял на том, чтобы измерение произвели вторично. Он предложил применить для этого линейку, градуированную микрометрической машиной г-на Перро, которая позволяет делить миллиметр на полторы тысячи частей. С помощью этой линейки, на которую острием алмаза нанесены тысячетисотые доли миллиметра, и сделали новое измерение; затем под микроскопом были прочтены окончательные результаты.

Дядюшка Прудент отклонился от середины линии меньше чем на четыре тысячных миллиметра, Фил Эванс — на шесть тысячных.

Поэтому Фил Эванс и стал всего только секретарем Уэлдонского ученого общества, в то время как дядюшка Прудент был провозглашен его председателем.

Расстояния в две тысячных доли миллиметра оказались достаточно, чтобы Фил Эванс проникся к дядюшке Пруденту враждой, которая хоть и оставалась скрытой, но не была от этого менее свирепой.

К этому времени в деле создания управляемых воздушных шаров наметился некоторый прогресс, чему немало способствовали многочисленные опыты, предпринятые в последней четверти девятнадцатого столетия. Гондолы, снабженные гребными винтами и подвешенные к аэростатам удлиненной формы, которыми пользовались Анри Жиффар в 1852 году, Дюпюи де Лом в 1872 году, братья Тиссандье в 1883 году и капитаны Кребс и Ренар в 1884 году, привели к определенным результатам, и их следовало принять во внимание. Маневрируя с помощью винтов в среде более тяжелой, чем сам аэростат, искусно лавируя по ветру, воздухоплавателям удавалось порою возвращаться к месту, откуда начался полет, даже вопреки неблагоприятному направлению ветра, что позволяло именовать их воздушные шары управляемыми; однако им удавалось этого добиться лишь при исключительно благоприятных обстоятельствах. В просторных крытых помещениях испытания шли превосходно! В безветренной атмосфере — очень хорошо! При слабом ветре, от пяти до шести метров в секунду, — еще куда ни шло! Но в сущности никаких практических результатов

достигнуто не было. При ветре, приводящем в движение мельницы, скорость которого равна восьми метрам в секунду, эти махины оставались почти неподвижными; при свежем бризе — десять метров в секунду — их уже относило назад; в бурю — при скорости ветра в двадцать пять — тридцать метров в секунду — их швыряло бы, как перышко; при ураганном ветре — сорок пять метров в секунду — им угрожала бы опасность разлететься на куски; наконец, под действием циклона, скорость которого превышает сто метров в секунду, — от них бы не осталось и следа!

Таким образом, хотя после нашумевших опытов капитанов Кребса и Ренара управляемые аэростаты, без сомнения, несколько увеличили свою скорость, ее все же едва хватало на то, чтобы противостоять обыкновенному бризу. Этим и объясняется, почему до сих пор не удалось использовать аэростаты для воздушного сообщения.

Между тем в деле совершенствования двигателей были достигнуты значительно более быстрые успехи, чем в разрешении проблемы создания управляемых воздушных шаров, то есть шаров, обладающих собственной, независимой от силы ветра, скоростью. Паровые машины, введенные Анри Жиффаром, и мускульная сила людей, использованная Дюпюи де Ломом, постепенно уступили место электрическим двигателям. Примененные братьями Тиссандье батареи, работавшие на двуххромисто-кислом калии, сообщали аэростату скорость, равную четырем метрам в секунду, а динамо-электрические машины капитанов Кребса и Ренара мощностью в двенадцать лошадиных сил довели ее до шести с половиной метров в секунду.

В поисках наиболее совершенного двигателя инженеры и электрики стремились по возможности приблизиться к заветному идеалу, который можно было бы назвать — «лошадиная сила в футляре карманных часов». И наступил день, когда мощность батареи, устройство которой капитаны Кребс и Ренар хранили в тайне, была превзойдена, и пришедшие им на смену воздухоплаватели получили в свое распоряжение

двигатели, вес которых неуклонно уменьшался при одновременном увеличении мощности.

В этом было много ободряющего для людей, страстно веривших в славное будущее воздушных шаров. А между тем сколько здравомыслящих умов отвергали самую возможность управлять аэростатами! И действительно, хотя аэростат и держится в воздухе, который служит ему достаточно надежной опорой, зато он полностью зависит от любого каприза атмосферы. Как же может в этих условиях воздушный шар, огромная масса которого представляет такую удобную мишень для воздушных течений, бороться даже с умеренным ветром, каким бы мощным двигателем он ни обладал?

В этом и была главная трудность проблемы; но ее надеялись разрешить, применяя аэростаты огромных размеров.

И вот, в ходе борьбы изобретателей за создание мощного и легкого двигателя, оказалось, что американцы больше других приблизились к заветной цели. У некоего, до тех пор никому не известного химика из Бостона был куплен патент на изобретенную им динамо-электрическую машину, основанную на применении батареи новой системы, устройство которой держалось пока в секрете. Тщательно произведенные расчеты и вычерченные с предельной точностью диаграммы доказывали, что такой двигатель, приводящий в действие винт надлежащих размеров, может сообщить воздушному шару скорость от восемнадцати до двадцати метров в секунду.

По правде говоря, это было бы замечательно!

— И вовсе недорого, — прибавил дядюшка Прудент, вручая изобретателю в обмен на должным образом составленную расписку последнюю пачку денег из тех ста тысяч долларов, которыми было оплачено изобретение.

Уэлдонское ученое общество немедленно приступило к делу. Когда речь идет об опыте, который может иметь какое-нибудь практическое применение, американцы охотно вкладывают деньги. Средства стекались так быстро, что не пришлось даже учреждать акционерное общество. Триста тысяч долларов (что соответствует

полутора миллионам франков) по первому зову наполнили кассы клуба. Работы велись под наблюдением наиболее прославленного воздухоплователя Соединенных Штатов Гарри У. Тиндера, сотни раз поднимавшегося в воздух и обессмертившего свое имя тремя необыкновенными полетами. В первом полете он достиг высоты двенадцати тысяч метров — то есть поднялся выше, чем Гей-Люссак, Коксвелл, Сивель, Кроче-Спинелли, Тиссандье и Глейшер; во время второго он пролетел над всей Америкой от Нью-Йорка до Сан-Франциско, превысив на несколько сот лет рекорды, установленные Надаром, Годаром и многими другими воздухоплователями, не говоря уже о рекорде Джона Уайза, который преодолел расстояние в тысячу сто пятьдесят миль — от Сан-Луи до графства Джефферсон; что же касается третьего полета Гарри У. Тиндера, то он закончился ужасным падением с высоты тысячи пятисот футов, причем воздухоплаватель отделался простым вывихом правой кисти, в то время как гораздо менее удачливый Пилатр де Розье, упав с высоты всего лишь семисот футов, разбился насмерть.

К тому времени, когда начинается наше повествование, уже можно было утверждать, что дела Уэлдонского ученого общества идут на лад. На верфи Тэрнера, в Филадельфии, заканчивался огромный аэростат, прочность которого должны были вскоре испытать, нагнетая в него воздух под сильным давлением. Он больше всех существовавших дотоле воздушных шаров заслуживал наименование аэростата-исполина.

Действительно, каков был объем «Гиганта» Надара? Шесть тысяч кубических метров. А сколько газа вмещал воздушный шар Джона Уайза? Двадцать тысяч кубических метров. Какой объем имел аэростат Жиффара, демонстрировавшийся на Всемирной выставке 1878 года? Двадцать пять тысяч кубических метров, при диаметре в тридцать шесть метров. Сопоставьте же эти три аэростата с воздушной машиной Уэлдонского ученого общества, объем которой составлял сорок тысяч кубических метров, и вы согласитесь сами, что дядюшка Прудент и его коллеги имели некоторые основания надуваться от гордости.

Этот воздушный шар не предназначался для изучения верхних слоев атмосферы и, видимо, поэтому не именовался «Эксцельсиором»;¹ кстати сказать, не слишком ли злоупотребляют этим названием граждане Америки? Аэростат назывался просто «Go ahead», что означает — «Вперед!», и ему оставалось только оправдать свое название, безотказно подчиняясь воле своего командира.

К тому времени динамо-электрическая машина была почти полностью закончена в точном соответствии с патентом, приобретенным Уэлдонским ученым обществом. И члены клуба надеялись, что не позднее чем через шесть недель их аэростат начнет свой полет.

Однако, как уже заметил читатель, пока удалось преодолеть далеко не все трудности, связанные с сооружением аэростата. Сколько заседаний прошло в жарких дискуссиях об устройстве винта! При этом спорили не о его форме или размерах, а лишь о том, помещать ли винт в задней части гондолы, как у братьев Тиссандье, или в передней, как сделали капитаны Кребс и Ренар. Надо ли говорить, что в пылу обсуждения противники пускали в ход даже кулаки? Оба предложения завоевали равное число сторонников. Дядюшка Прудент, мнение которого становилось решающим, поскольку голоса разделились, несомненно был последователем профессора Буридана и до сих пор еще не сказал своего веского слова.

Однако, если невозможно столкнуться, значит невозможно и установить винт! Подобное положение могло длиться бесконечно, разве что вмешалось бы правительство. Но, как известно, власти в Соединенных Штатах избегают вторгаться в частные дела, которые их не касаются. И они совершенно правы.

Вот почему заседание 12 июня угрожало затянуться до бесконечности или, хуже того, закончиться общей потасовкой. И тогда на смену проклятиям пришли бы кулаки, на смену кулакам — трости, на смену тростям — револьверы... Но вдруг в восемь часов тридцать семь минут вечера все неожиданно изменилось.

¹ Еще выше (лат.).

Привратник Уэлдонского ученого общества, подобно полисмену среди бушующего митинга, спокойно и невозмутимо приблизился к столу председателя, вручил ему чью-то визитную карточку и замер в ожидании распоряжений дядюшки Прудента.

Дядюшка Прудент пустил в ход паровую сирену, служившую ему председательским колокольчиком, ибо даже звон кремлевских колоколов потонул бы в царившем вокруг шуме!.. Однако шум все возрастал. Тогда председатель снял цилиндр, и с помощью этой крайней меры ему удалось добиться относительной тишины.

— Важное сообщение! — провозгласил дядюшка Прудент, доставая из табакерки, с которой он никогда не расставался, огромную понюшку табака.

— Говорите! Говорите! — хором закричали девяносто девять человек, мнения которых неожиданно совпали.

— Дражайшие коллеги, какой-то чужестранец просит допустить его в зал заседаний.

— Ни за что! — в один голос ответили присутствующие.

— Он, кажется, желает нас убедить, — продолжал дядюшка Прудент, — что верить в управляемые воздушные шары — значит верить в самую нелепую из химер.

Заявление это было встречено грозным ропотом.

— Впустить его!.. Впустить!

— Как зовут этого странного посетителя? — заинтересовался секретарь Фил Эванс.

— Робур¹, — отвечал дядюшка Прудент.

— Робур!.. Робур!.. Робур!.. — завопило собрание.

Это необычное имя быстро привело к установлению тишины, и произошло это, видимо, потому, что члены Уэлдонского ученого общества рассчитывали выместить на его обладателе все свое раздражение.

Итак, буря на мгновение стихла, по крайней мере так казалось. Впрочем, могла ли она на самом деле стихнуть в стране, которая ежемесячно посылает в Европу на крыльях урагана по две-три знатных бури.

¹ Сила (лат.).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой новое действующее лицо не нуждается в том, чтобы его представили, ибо делает это само

— Граждане Соединенных Штатов Америки, меня зовут Робур. И я достоин этого имени. Мне сорок лет, хотя на вид не дать и тридцати. У меня завидное здоровье, могучее телосложение, богатырская мускулатура и великолепный желудок, которому мог бы позавидовать даже страус. Таковы мои физические данные.

Его слушали. Самые заядлые крикуны и те в первое мгновение оторопели от этой неожиданной речи «*рго facie sua*»¹. Кто этот человек? Безумец или мистификатор? Как бы то ни было, он внушал почтение и подавлял. В зале, где только что бушевал ураган, теперь не слышалось и вздоха. Затишье после бури.

Следует заметить, что Робур выглядел именно таким, каким он себя обрисовал. На трибуне стоял человек среднего роста, с сильным торсом, напоминавшим правильную трапецию, в которой большим основанием служила линия плеч. Над этой линией возвышалась мощная шея, увенчанная огромной шаровидной головой. Голову какого животного напомнила бы она стороннику теории сходства зоологических видов? Голову быка, но освещенную разумом. Глаза его при первом же возражении готовы были вспыхнуть яростным огнем, решительно сдвинутые брови говорили о необыкновенной энергии. Короткие, слегка вьющиеся волосы, с металлическим отливом, походили на ворох железных стружек. Могучая грудь равномерно вздымалась и опускалась, словно кузнечные мехи. Его бицепсы, кулаки, икры и ступни были под стать туловищу.

У него не было ни усов, ни бакенбардов — лишь широкая борода, как у моряков, подстриженная на американский лад и не скрывавшая очертаний его челюстей, мышцы которых свидетельствовали об огромной силе. Кто-то подсчитал — чего только не подсчитывают! — что давление челюстей обыкновенного

¹ О себе самом (лат.).

крокодила достигает четырехсот атмосфер, в то время как давление челюстей крупной охотничьей собаки не превышает и сотни. Выведена даже такая курьезная формула: каждому килограмму живого веса собаки соответствует восемь килограммов «челюстной силы», а каждому килограмму живого веса крокодила — двенадцать килограммов этой силы. Так вот, килограмму живого веса вышеназванного Робура должно было соответствовать не меньше десяти килограммов «челюстной силы». Следовательно, он занимал среднее положение между собакой и крокодилом.

Из какой страны появился этот примечательный человек — определить было нелегко. Во всяком случае, он бегло изъяснялся по-английски, и речь его не отличалась тягучим произношением, характерным для янки — жителей Новой Англии.

Тем временем Робур продолжал:

— А теперь, достопочтенные граждане, — о моем духовном облике. Перед вами инженер, нравственные качества которого не уступают физическим. Я ничего и никого не боюсь и обладаю сильной волей, которая еще ни разу не подчинилась воле другого. Если я заданная какой-либо целью, то даже объединенные усилия всей Америки, всего мира не помешают мне достигнуть ее. Если мною овладевает какая-нибудь идея, я требую, чтобы все ее разделяли, и не терплю, когда мне прекословят. Я уделяю так много внимания всем этим подробностям, достопочтенные граждане, ибо считаю необходимым, чтобы вы получше познакомились со мною. Быть может, вы решите, что я слишком много говорю о себе? Меня это мало трогает! А теперь хорошенько поразмыслите, прежде чем прерывать меня, ибо я пришел высказать вещи, которые, пожалуй, придутся вам не по вкусу.

На передних скамьях зала возник шум, напоминавший грохот прибой, — знак того, что на море поднимается волнение.

— Продолжайте, почтенный чужестранец, — процедил дядюшка Прудент, который с трудом сдерживал себя.

И Робур снова заговорил, как и прежде нимало не заботясь о своих слушателях.

— Да, мне хорошо известно, что после целого века испытаний, которые ничего не дали, и попыток, которые ни к чему не привели, все еще находятся легковесные умы, упорствующие в том, что можно управлять воздушными шарами. Они воображают, будто какой-нибудь двигатель — электрический или иной — может быть приспособлен к их надутым пузырям, которые находятся во власти воздушных течений. Они надеются, что аэростат будет им послушен, как послушен своему капитану морской корабль! Неужели же управление воздушными аппаратами легче воздуха можно считать практически осуществимым только потому, что несколькими изобретателям в безветренную или почти безветренную погоду удавалось лавировать по ветру или преодолевать легкий бриз? Это, право, смешно! Вас здесь добрая сотня людей, и все вы верите в эту химеру и швыряете тысячи долларов не то что на пустяки, а просто на ветер. Скажу прямо: вы добиваетесь невозможного!

Странное дело: выслушав подобное утверждение, члены Уэлдонского ученого общества остались невозмутимыми. Не объяснялось ли такое долготерпение внезапно поразившей их глухотой? Или же они хранили спокойствие, желая посмотреть, до чего осмелится дойти этот дерзкий спорщик?

Между тем Робур продолжал:

— Легко сказать, аэростат!.. Но ведь для того, чтобы поднять в воздух всего один килограмм груза, нужен кубический метр газа! Господа сторонники аэростатов, вы самонадеянно рассчитываете с помощью двигателя противиться силе ветра, забывая о том, что напор свежего бриза на паруса корабля достигает четырехсот лошадиных сил, а ураган во время несчастного случая с мостом на реке Тэй оказывал давление в четырехста сорок килограммов на каждый квадратный метр! Вы отстаиваете идею аэростата, хотя природа никогда еще не создавала по такому принципу ни одного летающего существа — ни с крыльями, как у птиц, ни с перепонками, как у некоторых рыб и млекопитающих...

— Млекопитающих?.. — вскричал один из членов клуба.

— Вот именно! Ведь если мне не изменяет память, летучие мыши отлично летают! Как видно, тот, кто меня перебил, и не подозревает, что животное это принадлежит к классу млекопитающих, или, быть может, ему когда-нибудь доводилось готовить омлет из яиц летучей мыши?

Эта отповедь заставила скептика умолкнуть и прекратить дальнейшие попытки прерывать оратора, а Робур продолжал с прежним пылом:

— Но следует ли из этого, что человечеству надо отказаться от завоевания воздушных просторов, от стремления преобразовать общественные и политические нравы и порядки нашего старого мира, даже не испробовав для этого столь совершенное средство передвижения? Ну нет! И подобно тому, как человек стал повелителем морей сначала с помощью весельного или парусного судна, а затем — колесного или винтового парохода, он станет также и повелителем воздушной стихии с помощью аппаратов тяжелее воздуха, ибо надо быть тяжелее воздуха, чтобы стать сильнее его!

На этот раз собрание взорвалось. Из всех уст, словно из множества ружейных стволов и пушечных жерл, нацеленных на Робура, вырвался общий крик возмущения. То был ответ на вызов, брошенный всему лагерю сторонников воздушных шаров, то было открытое возобновление войны между приверженцами «аппаратов легче воздуха» и «тяжелее воздуха»!

Робур и бровью не повел. Скрестив руки на груди, он невозмутимо ждал, когда восстановится тишина.

Дядюшка Прудент жестом повелел прекратить враждебные действия.

— Да, — с силой продолжал Робур, — грядущее принадлежит летательным машинам. Воздух — для них достаточно надежная опора. Если придать столбу этой упругой материи восходящее движение со скоростью сорока пяти метров в секунду, то человек сможет удерживаться на верхнем конце воздушного столба при условии, что площадь подошв его башмаков составит не менее одной восьмой квадратного метра. А если

скорость этого воздушного потока увеличится до девяноста метров в секунду, человек сможет ступать по воздуху босиком. Заставляя массу воздуха двигаться под действием лопастей винта с названной скоростью, можно добиться того же результата.

То, что говорил в тот вечер Робур, не раз уже высказывали до него многие сторонники авиации, труды которых должны были медленно, но верно привести к решению проблемы воздухоплавания. Честь распространения этих в общем простых идей принадлежит гг. де Понтон д'Амекуру, де Лаланделю, Надару, де Люзи, де Луврие, Лиэ, Белегику, Моро, братьям Ришар, Бабинэ, Жоберу, дю Тамплю, Саливу, Пено, де Вильневу, Гошо и Татену, Мишелю Лу, Эдиссону, Планаверню и еще многим, многим другим! Их идеи не раз отвергали, но затем к ним вновь обращались, и рано или поздно они должны восторжествовать. В их трудах уже был дан ответ тем противникам авиации, которые утверждали, будто птица держится в небе лишь потому, что согревает воздух, который вдыхает в себя! Разве не доказали они, что орел, весящий пять килограммов, должен был бы в таком случае вобрать в себя пятьдесят кубических метров теплого воздуха только для того, чтобы парить над землей?

Именно это Робур и изложил с неопровержимой логикой, не обращая внимания на дикий шум, стоявший в зале; и в заключение он бросил в лицо сторонникам воздушных шаров такие слова:

— Со своими аэростатами вы ничего не сделаете, ничего не добьетесь, ни на что не отважитесь! Самый неустрашимый из ваших коллег-воздухоплавателей, Джон Уайз, хотя и совершил уже воздушный перелет в тысячу двести миль над американским континентом, вынужден был отказаться от намерения перелететь через Атлантический океан! А с той поры вы не продвинулись ни на шаг, ни на один шаг вперед!

— Милостивый государь, — вмешался дядюшка Прудент, безуспешно пытавшийся сохранить хладнокровие, — вы позабыли слова бессмертного Франклина, сказанные им по поводу первого монгольфьера в те времена, когда воздушный шар только что появился

на свет: «Пока это еще младенец, но он вырастет!» И он действительно вырос...

— Нет, почтенный председатель, нет! Он не вырос!.. Он просто растолстел, а это не одно и то же!

То была прямая атака на проекты Уэлдонского учебного общества, которое одобрило, утвердило и субсидировало сооружение аэростата-исполина. Поэтому в зале тотчас же послышались угрожающие возгласы:

— Долой наглеца!

— Вышвырнуть его с трибуны!..

— Докажем ему, что он тяжелее воздуха!

И все в том же духе.

Однако эти угрозы пока что не переходили в действия. И Робур, сохранявший невозмутимость, успел крикнуть:

— Не воздушным шарам, а летательным машинам принадлежит будущее, господа поклонники аэростатов! Птица летает, а она — не баллон, а механизм!..

— Да! Она летает, — воскликнул пылкий Бэт Т. Файн, — но летает она вопреки всем законам механики!

— Вот как? — проговорил Робур, пожимая плечами.

Затем он продолжал:

— После того как были изучены особенности полета всевозможных птиц и насекомых, победила следующая простая и мудрая мысль: надо лишь подражать природе, ибо она никогда не ошибается. Между альбатросом, который делает не больше десяти взмахов крыльями в минуту, и пеликаном, делающим семьдесят взмахов...

— Семьдесят один! — выкрикнул чей-то язвительный голос.

— И пчелой, которая машет крылышками сто девяносто два раза в секунду...

— Сто девяносто три!.. — насмешливо поправили из зала.

— И обыкновенной мухой, которая делает триста тридцать взмахов...

— Триста тридцать с половиной!

— И москитом, который делает их миллионы...

— Нет!.. Миллиарды!

Однако Робур, которого то и дело прерывали, и не думал прерывать своего доказательства.

— Среди этого различного числа взмахов... — продолжал он.

— Есть и большие промахи! — подхватил чей-то голос.

— ...и надо искать практически применимое решение. В тот день, когда господин де Люзи обнаружил, что жук-рогач, вес которого не превышает двух граммов, способен поднять груз в четыреста граммов, то есть в двести раз больше собственного веса, проблема авиации была решена. Помимо того, было доказано, что относительная площадь крыльев уменьшается с увеличением размеров и веса их обладателя. С того времени было изобретено и построено больше шести-десяти летательных аппаратов...

— Которым ни разу не удавалось взлететь! — воскликнул секретарь Фил Эванс.

— Которые уже летали и будут летать, — невозмутимо ответил Робур. — Эти аппараты именуют по-разному: стреофоры, вертолеты, орнитоптеры; возможно, в будущем их назовут средствами авиации от латинского слова «avis»¹, подобно тому как ныне корабли называют средствами навигации от латинского слова «navis»², но так или иначе, именно благодаря их появлению, человек станет властелином воздушных просторов.

— А винт! — перебил Фил Эванс. — Насколько мне известно, у птицы нет винта!..

— Нет есть! — отвечал Робур. — Как доказал господин Пено, летящая птица в действительности не что иное, как винт, и полет ее — тот же полет вертолета. Вот почему двигатель будущего — винт...

От подобной напасти
Сохрани нас, святой винт!.. —

негромко запел кто-то из присутствующих на известный мотив из произведения Герольда «Цампа».

¹ Птица (лат.).

² Корабль (лат.).

И все хором подхватили знакомую мелодию, так исказив ее, что французский композитор, вероятно, перевернулся в гробу.

Когда последние ноты потонули в ужасающей какофонии, дядюшка Прудент, воспользовавшись мгновенным затишьем, счел нужным заявить:

— Гражданин чужестранец, до сих пор вам не мешали говорить, вас не прерывали...

Как видно, по мнению председателя Уэлдонского учебного общества, никто и не думал прерывать оратора, а все эти издевательские выкрики, вопли и угрозы следовало рассматривать лишь как обмен аргументами.

— Однако, — продолжал дядюшка Прудент, — я напомним вам, что теория авиации заранее осуждена и отвергнута большей частью американских и иностранных инженеров. Теория, которая привела к гибели Саразена Волана в Константинополе, монаха Вoadора в Лиссабоне, Летюра в тысяча восемьсот пятьдесят втором году, Груфа в тысяча восемьсот шестьдесят четвертом году, помимо других жертв, о которых я позабыл, не говоря уж о мифологическом Икаре...

— Теория эта, — возразил Робур, — достойна осуждения не больше той, чей мартиролог включает имена Пилатра де Розье, погибшего в Кале, госпожи Бланшар, разбившейся в Париже, Дональдсона и Гримвуда, упавших в озеро Мичиган, Сивеля и Кроче-Спинелли, Элоа и многих других, забыть которые не так-то просто!

То был мгновенный отпор — «выпад на выпад», как говорят в фехтовальном искусстве.

— К тому же, — продолжал Робур, — на воздушных шарах, как бы вы их ни усовершенствовали, вам никогда не достигнуть сколько-нибудь значительной скорости. Вы убьете десять лет на воздушное путешествие вокруг света, — а летательная машина совершит его за восемь дней.

Новые протестующие возгласы и крики длились целых три минуты; затем слово взял Фил Эванс.

— Господин авиатор, — сказал он, — вы только что красноречиво расхваливали преимущества авиации, а сами-то вы когда-нибудь летали?

— Еще бы!

— И завоевали воздух?
— Быть может, милостивый государь!
— Ура Робуру-Завоевателю, — послышался чей-то иронический возглас.

— Робур-Завоеватель? Что ж, я принимаю это имя и с полным правом стану носить его!

— Мы разрешим себе в этом усомниться! — воскликнул Джем Сип.

— Господа, — проговорил Робур, нахмутив брови, — когда я серьезно обсуждаю серьезное дело, то не терплю обвинений во лжи, и был бы рад узнать имя человека, прервавшего меня...

— Мое имя — Джем Сип... и я вегетарианец...

— Гражданин Джем Сип, — отвечал Робур, — мне известно, что у вегетарианцев кишки вообще длиннее, чем у прочих смертных, по крайней мере на добрый фут. Это и так немало... не принуждайте же меня еще больше удлинить их, для начала растянув вам уши...

— За дверь его!

— Вон!

— Разорвать на части!

— Судить судом Линча!

— Скрутить его винтом!..

Ярость сторонников воздушных шаров достигла предела. Все повскакали с мест и ринулись к трибуне. Робур исчез за целым лесом рук, которые раскачивались, словно деревья в бурю. Напрасно паровая сирена председателя наполняла зал трубными звуками. В тот вечер обитатели Филадельфии легко могли подумать, что огонь пожирает один из городских кварталов и всей воды Скулкилл-ривер неостанет, чтобы потушить пожар.

Вдруг люди, обступившие Робура, попятились. Инженер вытащил руки из карманов и выбросил их вперед, навстречу разгневанному воздухоплавателю.

В обеих руках его сверкнули кастеты американского образца, которые одновременно служат и револьверами: достаточно сжать пальцы, чтобы привести в действие эти крошечные карманные митральезы.

И тогда, воспользовавшись растерянностью напа-

давших и внезапно воцарившейся тишиной, Робур воскликнул:

— Решительно, не Америго Веспуччи, а Себастьян Кабот открыл Новый Свет! И не вам, американцам, пускаться в воздушные просторы! Ваше дело — каботаж...

И тут раздалось несколько выстрелов. Пули никого не задели: Робур стрелял в воздух. Трибуна окуталась густым дымом, а когда он рассеялся, инженера и след простыл. Робур-Завоеватель исчез, словно какой-нибудь летательный аппарат умчал его ввысь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

*в которой, рассказывая о слуге Фриколлине, автор
стремится восстановить доброе имя луны*

Не раз уже, расходясь после бурных споров со своих заседаний, члены Уэлдонского ученого общества наполняли криками Уолнет-стрит и соседние с нею улицы. Не раз уже обитатели ближних кварталов справедливо жаловались на эти шумные отголоски дискуссий, нарушавшие покой и тишину их жилищ. Не раз уже полисменам приходилось вмешиваться, чтобы обеспечить безопасность прохожих, по большей части весьма равнодушных к проблеме воздухоплавания. Но никогда до этого вечера не наблюдалось подобной суматохи, никогда еще жалобы не были столь обоснованными, а вмешательство полисменов — столь своевременным.

И все же поведение членов Уэлдонского ученого общества было в какой-то мере извинительно. Подумать только! Этим одержимым сторонникам воздушных шаров еще более одержимый сторонник летательных машин наговаривал кучу пренеприятных вещей. И где? В их собственном лагере! А затем, когда с ним собирались поступить, как он того заслуживал, наглец скрылся!

Все это требовало отмщения. Как могли люди, в чьих жилах текла американская кровь, оставить

подобное оскорбление ненаказанным? Назвать потомков Америго потомками Кабота! Такое утверждение показалось тем более возмутительным, что сточки зрения истории оно было вполне обосновано.

Поэтому члены клуба рассыпались по Уолнет-стрит, а затем мелкими группами углубились в соседние улицы и постепенно обшарили весь квартал. Они подымали жителей с постели и насильно осматривали их дома, обещая возместить убытки, нанесенные этим вторжением в частную жизнь обывателей, неприкосновенность которой так свято чтут англосаксонские народы. Но весь этот шум и суета ни к чему не привели. Робура нигде не нашли, не обнаружили никаких его следов. Если бы даже он скрылся на воздушном шаре Уэлдонского ученого общества, — и тогда он не был бы более недосыгаем. Битый час продолжались поиски; в конце концов членам клуба пришлось прекратить их и разойтись; но предварительно они поклялись продолжать свои розыски на всей территории обеих частей Америки, составляющих Новый Свет.

К одиннадцати часам вечера тишина в квартале мало-помалу восстановилась. Филадельфия могла, наконец, вновь погрузиться в благодетельный сон, — завидная привилегия городов, которым посчастливилось не стать промышленными центрами. Члены ученого общества думали теперь лишь о том, чтобы скорей возвратиться домой. Мы упомянем только наиболее значительных из них. Уильям Т. Форбс направился в сторону своей огромной тряпично-сахарной фабрики, где мисс Долл и мисс Мэт давно уже приготовили ему вечерний чай с патокой его собственного производства. Трак Милнор также заторопился на свою фабрику, паровой насос которой пыхтел день и ночь в самом далеком предместье города. Казначей Джем Сип, публично изобличенный в том, что его кишки на целый фут длиннее, чем положено человеческому организму, возвратился домой, где в столовой его ожидал вегетарианский ужин.

И лишь двое самых выдающихся сторонников воздушных шаров, казалось, и не помышляли о возвращении восвояси. Воспользовавшись удобным случаем, они

беседовали с еще большей язвительностью, чем обычно. Это были непримиримые дядюшка Прудент и Фил Эванс, председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества.

У дверей клуба слуга Фриколлин ожидал своего господина, дядюшку Прудента.

Он двинулся за ним следом, нисколько не интересуясь предметом разговора, который грозил довести обоих коллег до рукопашной.

Итак, они «беседовали». Говоря по правде, лишь желание смягчить истинный характер того, что происходило между председателем и секретарем клуба, подсказало нам это слово. На самом же деле оба самозабвенно и яростно спорили, что объяснялось их давним соперничеством.

— Нет, милостивый государь, нет! — повторял Фил Эванс. — Если бы я имел честь состоять председателем Уэлдонского ученого общества, подобного скандала никогда, слышите, никогда, бы не произошло!

— А как бы вы поступили, если бы удостоились этой чести? — поинтересовался дядюшка Прудент.

— Я заставил бы замолчать этого беззастенчивого наглеца еще прежде, чем он успел раскрыть рот!

— Я полагаю, что заставить человека замолчать можно лишь после того, как он заговорит!

— В Америке, милостивый государь, это необязательно, вовсе необязательно!

И непрерывно обмениваясь весьма едкими колкостями, оба наших героя углублялись в улицы, которые уводили их все дальше от дома; они оставляли за собой квартал за кварталом, так что на обратном пути им предстояло проделать немалый крюк.

Фриколлин покорно следовал за ними; но его весьма тревожило, что дядюшка Прудент шел совершенно пустынными в тот поздний час местами. Фриколлину не по душе были такого рода прогулки, особенно в полночь. В самом деле, темнота все сгущалась, а едва народившийся месяц только начал свой ежемесячный обход.

Поэтому Фриколлин то и дело озирался по сторонам, стараясь разглядеть, не следуют ли за ними какие-

нибудь подозрительные люди. И тут, как на грех, он заметил пять или шесть здоровенных молодцов, которые, казалось, не выпускали их из виду.

Негр невольно нагнал своего господина; но он ни за что на свете не посмел бы прервать разговора, несколько отрывочных фраз из которого достигли его ушей.

Словом, случай пожелал, чтобы председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества, сами того не подозревая, направились в Фермонт-парк. В пылу спора они перешли через Скулкилл-ривер по знаменитому металлическому мосту, на котором им повстречались лишь несколько запоздалых прохожих; в конце концов они достигли огромного загородного парка, где обширные луга чередовались с живописными рощами, превращающими его в красивейшее место в мире.

Тут страх с еще большей силой овладел Фриколлин-ом, ибо он заметил, как пять или шесть теней проскользнули вслед за ним по мосту через Скулкилл-ривер. Зрочки его так расширились, что поглотили почти всю радужную оболочку. А сам Фриколлин весь съежился, собрался в комок, словно тело его обладало такой же способностью сжиматься, как у моллюсков и некоторых членистоногих.

Дело в том, что слуга Фриколлин отличался редкой трусостью.

Это был чистокровный негр из Южной Каролины, с огромной головой на тщедушном теле. Ему недавно исполнился двадцать один год, так что он никогда не был рабом, даже по рождению. Но это мало на нем отразилось. Ломака, сластена, изрядный лентяй, Фриколлин в довершение всего был еще отчаянным трусом. Он находился в услужении у дядюшки Прудента всего три года, а его уже раз сто едва не выставили за дверь; если этого не сделали до сих пор, то единственно из боязни, как бы его преемник не оказался еще хуже. Надо помнить, что, живя в доме человека, всегда готового принять участие в самом дерзком предприятии, Фриколлин каждую минуту рисковал попасть в такое положение, когда его мужество могло подвергнуться самому суровому испытанию. Зато служба у дядюшки

Прудента имела немало преимуществ: Фриколлина не слишком бранили за чревоугодие и еще меньше — за нерадивость. Ах, слуга Фриколлин, если бы ты мог провидеть грядущее!

И зачем только он не остался в Бостоне, в услужении у некоего семейства Снеффель, которое отказалось от задуманного путешествия по Швейцарии лишь из опасения возможных обвалов? Такое место подходило Фриколлину гораздо больше, чем дом дядюшки Прудента, где прочно укоренилось безрассудство.

Но как бы то ни было, он оказался в этом доме, и господин в конце концов привык к недостаткам своего слуги. К тому же Фриколлин имел одно немало-важное достоинство: хотя, как сказано, он был чистокровный негр, речь его не походила на неправильный говор его сородичей; и этого нельзя было не ценить, ибо нет ничего неприятнее ужасного негритянского жаргона с бесконечным употреблением притяжательных местоимений и глаголов в неопределенной форме.

Итак, достоверно установлено, что слуга Фриколлин был трус; о таких людях принято говорить: «Робок, как молодая луна».

Мы считаем уместным выступить против такого сравнения, весьма обидного для белокурой Феbei, кроткой Селены, непорочной сестры лучезарного Аполлона. В самом деле, по какому праву обвиняют в робости планету, которая, с тех пор как возник наш мир, всегда смотрела земле прямо в лицо и ни разу не повернулась к ней тылом?

Тем временем дело приближалось к полуночи, и узкий серп «оклеветанной бледнолицой красавицы» мало-помалу исчезал на западе, скрываясь за высокими кронами деревьев. Лучи ее, пробиваясь сквозь ветви, рисовали кружевные узоры на земле. И от этого парк казался не таким мрачным.

Свет луны позволил Фриколлину оглядеться во круг.

— Бррр! — произнес он. — Они попрежнему здесь, эти мошенники! Право, они приближаются!

Он не мог больше сдерживаться и, догнав своего господина, воскликнул:

— Мистер дядюшка!

Так Фриколлин называл председателя Уэлдонского ученого общества, и это соответствовало желанию самого дядюшки Прудента.

В эту минуту спор двух соперников находился в самом разгаре. И так как они при этом на все лады честили друг друга, то и Фриколлина крепко досталось.

Между тем дядюшка Прудент и Фил Эванс, обмениваясь «любезностями» и испепеляя друг друга взглядами, сами того не замечая, все больше углублялись в пустынные луга Фэрмонт-парка и удалялись от Скулкилл-ривер и от моста, по которому им предстояло вернуться в город.

Все трое вошли под сень высоких деревьев, вершины которых купались в угасающем сиянии луны. У границ этой рощи начинался просторный луг овальной формы, великолепно приспособленный для конных состязаний. Никакие неровности почвы не мешали здесь стремительному бегу лошадей, никакие заросли не закрывали от глаз зрителей трека, протяженностью в несколько миль.

Нет сомнения, что если бы дядюшка Прудент и Фил Эванс не были так погружены в свои споры, если бы они внимательнее смотрели вокруг, они увидели бы, что поляна приобрела необычный вид. Казалось, за один день здесь выросло мукомольное заведение с ветряными мельницами, крылья которых, в ту пору неподвижные, поблескивали в полутьме.

Однако ни председатель, ни секретарь Уэлдонского ученого общества не заметили этого странного преобразования пейзажа Фэрмонт-парка. Фриколлин также ничего не увидел. Ему казалось, что тени приближались, все теснее сжимая круг, точно собирались совершить злодеяние. Его охватил леденящий ужас, руки и ноги у него онемели, волосы встали дыбом, — словом, Фриколлин был смертельно испуган.

Тем не менее, хотя колени его подгибались, у него достало сил крикнуть в последний раз.

— Мистер дядюшка! Мистер дядюшка!

— Эй, да что, наконец, с тобой приключилось? — отозвался дядюшка Прудент.

Пожалуй, и председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества были бы не прочь дать выход своему гневу, на славу отколотив несчастного слугу. Но сделать этого они не успели; что же касается Фриколлина, то он не успел даже и рта раскрыть.

Громкий свист разорвал тишину леса. И тотчас же в глубине поляны вспыхнула электрическая звезда. То был, без сомнения, условный знак, и означал он, что настало время привести в исполнение какой-то злодейский умысел.

В мгновение ока шесть человек одним прыжком перемахнули через лужайку и по двое накиннулись на дядюшку Прудента, Фила Эванса и несчастного Фриколлина, — что было уже вовсе ни к чему, ибо перепуганный негр все равно не мог защищаться.

Хотя председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества и были захвачены врасплох, они все же пытались оказать сопротивление. Но у них не хватило для этого ни времени, ни сил. В несколько секунд их повалили на землю и крепко связали, а затем с кляпом во рту и повязкой на глазах — немых и незрячих — быстро унесли через поляну. Им оставалось лишь думать, что они столкнулись с той породой мало шепетильных людей, которые без зазрения совести грабят запоздалых прохожих в лесной глуши. И, однако, это было совсем не так. Их даже не обыскали, хотя дядюшка Прудент, по обыкновению, имел при себе несколько тысячедолларовых бумажек.

Не прошло и минуты после этого нападения, во время которого злоумышленники не обменялись ни единым словом, как дядюшка Прудент, Фил Эванс и Фриколлин почувствовали, что их осторожно опускают, однако не на траву, а на какой-то помост, заскрипевший под их тяжестью. Все трое оказались рядом. Затем до них донесся звук захлопнувшейся двери, а скрежет ключа в затворе дал им понять, что они — пленники.

Вслед за тем послышался какой-то странный шум, какой-то вибрирующий звук «фрррр», казалось, терявшийся в безбрежном пространстве. И вскоре только этот звук и нарушал безмятежный покой ночи.

Как описать волнение, воцарившееся на следующий день в Филадельфии?! С раннего утра весь город уже знал о том, что случилось накануне во время заседания Уэлдонского ученого общества; все говорили о появлении таинственного незнакомца, некоего инженера Робура, получившего прозвище Робур-Завоеватель, о войне, которую он, видимо, решил объявить приверженцам воздушных шаров, о его загадочном исчезновении.

Но уже просто невозможно передать, какое смятие охватило жителей Филадельфии, когда стало известно, что в ночь с 12 на 13 июня исчезли также председатель и секретарь клуба воздухоплавателей.

Самые тщательные розыски были предприняты в городе и его окрестностях. Но напрасно! Сначала газеты Филадельфии, затем периодические издания штата Пенсильвания и, наконец, вся пресса Америки занялась этим происшествием и объясняла его на все лады, причем ни одно из объяснений не соответствовало истине. Газетные объявления и специальные афиши сулили внушительные награды не только тому, кто обнаружит похищенных, но и тому, кто даст хоть какие-нибудь указания, которые могли бы навести на след пропавших — всеми уважаемых граждан Филадельфии. Но и это не помогло. Можно было подумать, что земля разверзлась и **поглотила** председателя и секретаря Уэлдонского ученого общества, — так бесследно исчезли они с поверхности земного шара.

В связи с происшедшим правительственные газеты потребовали, чтобы штаты полиции были сильно увеличены, коль скоро могли иметь место подобные нападения на видных граждан Соединенных Штатов. И эти газеты были правы.

С другой стороны, газеты оппозиции потребовали, чтобы полицейские силы были распущены, как бесполезные, коль скоро подобные нападения имели место,

а виновники даже не были обнаружены. Как знать — может быть, и эти газеты были правы?

В конечном счете полиция осталась такой, какой она была и какой она пребудет вовеки в нашем лучшем из миров, который не только не достиг совершенства, но и никогда его не достигнет.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

*в которой председатель и секретарь Уэлдонского
ученого общества договариваются о прекращении
вражды*

Ослепшие, немые, недвижимые, с повязкой на глазах, кляпом во рту и путами на руках и ногах! Можно ли представить себе положение более ужасное, чем то, в какое попали дядюшка Прудент, Фил Эванс и слуга Фриколлин? В довершение всего они даже не знали, ни кто виновник совершенного над ними насилия, ни куда их бросили, словно тюки с багажом, ни где они находятся, ни какая судьба их ожидает! Все это могло привести в бешенство и самых терпеливых животных из породы овец, а ведь читатель знает, что члены Уэлдонского ученого общества отнюдь не отличались овечьей кротостью. Зная неистовый темперамент дядюшки Прудента, можно без труда представить себе, в каком он был состоянии!

Во всяком случае, и председателю и секретарю клуба было совершенно ясно, что им не так-то легко будет принять участие в завтрашнем вечернем заседании сторонников воздушных шаров.

Что касается Фриколлина, то с завязанными глазами и закрытым ртом он был не в состоянии думать о чем бы то ни было. Он лежал ни жив ни мертв от ужаса.

Прошел час, а положение узников несколько не изменилось. Никто не пришел их проведать, никто и не подумал возвратить им свободу движений и речи. Все это время они только шумно пыхтели и что-то мычали сквозь кляпы, да судорожно трепыхались,

точно карпы, вытащенные из своего родного пруда. Легко догадаться, что в этом проявлялись их немой гнев и сдавленная, или, лучше сказать, «стянутая веревками», ярость. Затем, после долгих бесплодных усилий, они некоторое время лежали неподвижно. Они ничего не видели и пытались хотя бы уловить какой-нибудь звук, способный объяснить им ужасное положение, в котором они очутились. Но напрасно! Им не удавалось разобрать ничего, кроме непрерывного и необъяснимого звука «фрррр», от которого дрожало все вокруг.

Но вот что в конце концов произошло: действуя с отменным хладнокровием, Фил Эванс сумел постепенно ослабить веревку, которая стягивала его запястья. Потом он мало-помалу распутал узел, и руки его обрели привычную свободу.

Сделав несколько сильных движений, он восстановил нарушенное путами кровообращение. Мгновение спустя Фил Эванс уже сорвал повязку, закрывавшую ему глаза, вытащил изо рта кляп и перерезал веревки на ногах острым лезвием своего «bowie-knife»¹. Американец, в кармане которого не оказалось бы складного ножа, потерял бы право называться американцем!

Впрочем, если Фил Эванс вернул себе возможность двигаться и говорить, — то это все, чего он добился. Глаза его, по крайней мере в ту минуту, не могли сослужить ему никакой службы. Вокруг было совершенно темно, лишь сквозь узкое оконце, проделанное в стене на высоте шести или семи футов, просачивался слабый свет.

Отбросив старые счеты, Фил Эванс без малейшего колебания поспешил на помощь своему сопернику. Несколько взмахов ножа — и путы, стягивавшие руки и ноги председателя клуба воздухоплавателей, были перерезаны. Дядюшка Прудент, задыхаясь от бешенства, стремительно вскочил на ноги; сорвав повязку и вытащив кляп, он хрипло проговорил:

— Спасибо!

¹ Складной нож (англ.).

— Нет!.. Не надо никакой благодарности! — ответил Фил Эванс.

— Фил Эванс!

— Дядюшка Прудент!

— Отныне здесь нет больше ни председателя, ни секретаря Уэлдонского ученого общества, нет больше противников!

— Вы правы. Здесь — только два человека, которые должны отомстить третьему, чье поведение заслуживает самой суровой кары. И этот человек...

— Робур!..

— Робур!

В этом бывшие соперники полностью сошлись. На этот раз можно было не опасаться никаких раздоров.

— А не пора ли развязать и вашего слугу? — заметил Фил Эванс, показывая на Фриколлина, пыхтевшего, как тюлень.

— Пока еще нет. Он изведет нас своими жалобами, а нам сейчас надо не оплакивать свою судьбу, а заняться более серьезным делом.

— Каким, дядюшка Прудент?

— Собственным спасением, если только это возможно.

— И даже, если это невозможно.

— Вы правы, Фил Эванс, даже если это невозможно.

И председатель и его коллега были совершенно уверены в том, что их похищение — дело рук таинственного Робура. Действительно, обычные «добропорядочные» воры, отняв часы, драгоценности, бумажники, кошельки, бросили бы ограбленных в воды Скулкилл-ривер, попросту вонзив им нож в горло, вместо того чтобы запирать их... Куда? Вопрос, надо сказать, немаловажный! И его следовало разрешить прежде, чем приступать к подготовке побега, если, конечно, рассчитывать на успех.

— Я полагаю, Фил Эванс, — продолжал дядюшка Прудент, — что было бы куда лучше, если бы, выйдя после заседания, мы, вместо того чтобы обмениваться любезностями, к которым теперь незачем возвращаться, внимательнее смотрели по сторонам. Если бы

мы не вышли за пределы города, с нами бы ничего дурного не случилось. Этот Робур, очевидно, догадывался о том, что может произойти в клубе; он предвидел гнев, который должно было вызвать его наглое поведение, и спрятал у дверей нескольких головорезов, чтобы они, если понадобится, пришли ему на помощь. Как только мы свернули с Уолнет-стрит, эти подлые наемники выследили нас, пошли за нами и, когда мы неосторожно углубились в аллею Фэрмонт-парка, живо с нами управились!

— Согласен, — отвечал Фил Эванс. — Да, мы допустили серьезный промах, не возвратившись прямо домой.

— Человек всегда неправ, когда ведет себя неразумно, — заключил дядюшка Прудент.

В это мгновение тяжкий вздох донесся из темноты.

— Это что еще такое? — спросил Фил Эванс.

— Пустяки!.. Это бредит Фриколлин.

И дядюшка Прудент спокойно продолжал:

— На то, чтобы схватить нас возле поляны и засунуть в эту дыру, негодяям понадобилось не больше двух минут. Стало быть, они не могли утащить нас за пределы Фэрмонт-парка...

— Конечно, иначе мы бы почувствовали, как нас несут.

— Согласен, — отозвался дядюшка Прудент. — Значит, мы, без сомнения, находимся в какой-нибудь крытой повозке, быть может, в одном из тех длинных фургонов, которые нередко встречаются в прериях или служат жильем для бродячих скоморохов...

— Очевидно! Ведь если бы нас перенесли, скажем, на судно, стоящее на якоре у берега Скулкилл-ривер, мы бы сразу об этом догадались по слабому покачиванию его корпуса на волнах.

— Согласен, совершенно согласен, — повторил дядюшка Прудент, — и полагаю, что раз мы все еще на поляне, то именно теперь нам и надо бежать!.. Что касается этого Робура, уж мы его позднее разыщем...

— И заставим дорогой ценой заплатить за посягательство на свободу двух граждан Соединенных Штатов Америки!

— Именно дорогой... весьма дорогой ценой!

— Однако что он за человек?.. Откуда взялся?.. И кто он — англичанин, немец или француз?..

— Просто-напросто негодяй, и этого с меня вполне достаточно, — ответил дядюшка Прудент. — А теперь за дело!

И оба, вытянув руки вперед и растопырив пальцы, начали тщательно исследовать стены помещения, стараясь обнаружить какую-нибудь трещину или щель. Ничего! Затем они ощупали дверь. Она была герметически закрыта, и нечего было даже надеяться выломать замок. Оставалось одно — проделать дыру и таким способом бежать. Однако справятся ли их ножи со стеною, не затупятся и не сломаются ли лезвия во время этой работы?

— Но отчего происходит эта непрерывная вибрация? — спросил Фил Эванс, крайне удивленный непрекращающимся звуком «фрррр».

— Ветер, надо полагать, — отвечал дядюшка Прудент.

— Ветер?.. Но мне помнится, что до полуночи стояла на диво тихая погода...

— И все же это безусловно ветер. А если нет, то что ж это, по-вашему, такое?

Вытащив самое острое лезвие своего ножа, Фил Эванс попытался воткнуть его в стену возле двери. Возможно, достаточно будет проделать всего одно отверстие, чтобы просунуть руку и открыть дверь с наружной стороны, — если она заперта только на задвижку или ключ торчит в замке.

Несколько минут прошло в упорном труде, после чего все лезвия складного ножа оказались в зазубринах, с обломанными концами, словом, превратились в маленькие пилы со множеством зубчиков.

— Не берет, Фил Эванс?

— Нет!

— Неужели здесь стены из железа?

— Не думаю, дядюшка Прудент. Когда по ним стучишь, они не издают металлического звука.

— Тогда, быть может, это железное дерево?

— Нет! Ни железо, ни дерево.

— Из чего же они в таком случае?

— Невозможно определить, но это такой материал, что его и сталь не берет.

Дядюшка Прудент выругался и яростно топнул ногой о зазвеневший пол; руки его в это время судорожно искали горло воображаемого Робура.

— Спокойствие, дядюшка Прудент, — обратился к нему Фил Эванс, — спокойствие! Попробуйте-ка теперь вы!

Дядюшка Прудент попытался, но ничего не мог поделать со стеною, ибо самые острые лезвия его ножа не оставляли даже царапин на ее поверхности, словно она была из хрусталя.

До сих пор узники могли еще надеяться на спасение, если бы им удалось открыть дверь; но теперь надо было оставить всякую мысль о побеге.

Пока же приходилось безропотно покоряться обстоятельствам, — а это отнюдь не в характере американцев, — и положиться на волю случая, что особенно не по душе этим в высшей степени деятельным людям.

Нетрудно поэтому себе представить, какие ругательства, обвинения и угрозы посыпались по адресу Робура; впрочем, он был, повидимому, не из тех людей, которых это могло бы взволновать, судя по тому немногому, что нам известно о его характере, и по тому, как он вел себя в Уэлдонском ученом обществе.

Между тем Фриколлин все сильнее проявлял признаки беспокойства. То ли его мучили спазмы в желудке, то ли судороги в конечностях, но он извивался самым отчаянным образом. Дядюшка Прудент считал нужным положить конец этим гимнастическим упражнениям, перерезав веревки, стягивавшие тело негра.

Но ему довольно скоро пришлось в этом раскаться, ибо с уст Фриколлина тотчас же полились нескончаемые жалобы, вызванные ужасными приступами страха, к которым примешивались и муки голода. У негра были в равной мере «поражены» и мозг и желудок, и весьма затруднительно определить, какому

из этих двух внутренних органов был он больше обязан страданиями, которые испытывал.

— Фриколлин! — воскликнул дядюшка Прудент.

— Мистер дядюшка!.. Мистер дядюшка!.. — про-
бормотал негр, прервав на минуту свои жалобные
вопли.

— Вполне возможно, что нам угрожает голодная
смерть в этой темнице. Но мы решили сопротивляться
до тех пор, пока не исчерпаем все доступные нам сред-
ства для получения пищи, которая могла бы продлить
наше существование...

— Вы собираетесь меня съесть?! — завопил Фри-
коллин.

— Так всегда поступают с неграми в подобных об-
стоятельствах!.. Молчи же, Фриколлин, чтобы о тебе
забыли.

— Не то мы сделаем из тебя фри-кас-се! — приба-
вил Фил Эванс.

Испуганный Фриколлин и вправду поверил, что его
намерены употребить для продления жизни двух особ,
очевидно, более ценных, нежели он сам. И он был
вынужден сдерживать себя и стенать *in petto*¹.

Однако время шло, а попытки открыть дверь или
прорезать стену попрежнему ни к чему не приводили.
Из чего эта стена, понять было невозможно. То не был
ни металл, ни дерево, ни камень. Кстати, и пол поме-
щения был, очевидно, из того же материала. Когда по
нему топали ногой, он издавал своеобразный звук,
который дядюшка Прудент затруднялся отнести к раз-
ряду знакомых ему звуков. Еще одна особенность: ка-
залось, что снизу, под полом, была пустота, словно он
покоился не прямо на земле. Да! Необъяснимый звук
«фрррр» как будто скользил по его внешней поверхно-
сти. Во всем этом было мало утешительного.

— Дядюшка Прудент! — воскликнул Фил Эванс.

— Фил Эванс? — отозвался дядюшка Прудент.

— Допускаете ли вы, что наша темница перемести-
лась?

¹ Втайне, молча (итал.).

— Никоим образом!

— Между тем, когда нас заперли сюда, я ясно ощущал свежий аромат травы и смолистый запах деревьев парка. Теперь же я тщетно пытаюсь уловить эти запахи, мне кажется, они бесследно исчезли...

— Да, в самом деле.

— Но чем вы это объясняете?

— Объясним это чем угодно, Фил Эванс, но только не тем, что наша темница переместилась. Я повторяю вам: если бы мы находились в движущейся повозке или на плывущем судне, мы бы это сразу же почувствовали.

В эту минуту Фриколлин испустил долгий стон, который можно было бы счесть его предсмертным вздохом, если бы вслед за ним не послышались другие.

— Мне почему-то кажется, что этот Робур скоро прикажет привести нас к нему, — продолжал Фил Эванс.

— Я весьма на это рассчитываю, — вскричал дядюшка Прудент, — и я скажу ему...

— Что?

— Что, начав действовать, как наглец, он кончил, как негодяй!

Тут Фил Эванс увидел, что наступает утро. Сквозь узкое оконце, прорезанное в верхней части стены, расположенной против двери, начал просачиваться неясный свет. Следовательно, должно было уже быть около четырех часов утра, ибо в июне, на широте Филадельфии, первые солнечные лучи озаряют горизонт именно в это время.

Между тем, когда дядюшка Прудент заставил прозвонить свои часы с репетицией, — великолепный механизм, выпущенный часовым заводом его коллеги, — звон маленького колокольчика показал, что было всего лишь три четверти третьего, хотя часы ни разу не отставали.

— Странно! — проговорил Фил Эванс. — Без четверти три бывает еще темно.

— Не иначе, как мои часы отстали... — заметил дядюшка Прудент.

— Как, часы, изготовленные «Уолтон Уотч компани»?! — вскричал Фил Эванс.

Но так или иначе, а это был рассвет. Мало-помалу из глубокой тьмы, царившей в помещении, белым пятном проступило маленькое оконце. Тем не менее, если заря взошла раньше, чем положено на сороковой параллели, на которой стоит Филадельфия, то она разгоралась не так быстро, как это бывает в низких широтах.

Это новое необъяснимое явление вызвало новое удивленное замечание дядюшки Прудента.

— Хорошо бы добраться до окошка, — заметил Фил Эванс, — и попробовать определить, где мы находимся.

— Что ж, попытаемся!

И, обратившись к Фриколлину, дядюшка Прудент воскликнул:

— А ну-ка, Фри, вставай!

Негр поднялся.

— Обопрись-ка спиной об эту стену, а вы, Фил Эванс, взберитесь на плечи этого молодца, я же буду следить за тем, чтобы он вас не уронил.

— Отлично! — ответил Фил Эванс.

Мгновение спустя, став коленями на плечи Фриколлину, Фил Эванс мог уже заглянуть в окно.

В него было вставлено не выпуклое стекло, какие бывают в иллюминаторах корабля, а простое оконное стекло. Хотя и не особенно толстое, оно все же мешало Филу Эвансу рассмотреть местность, ибо поле зрения его и так уже было сильно ограничено размерами оконца.

— Что вы мешкаете? Разбейте стекло! — закричал дядюшка Прудент. — Вам будет виднее.

Фил Эванс изо всех сил ударил рукояткой своего ножа по стеклу, которое издало серебряный звон, но не разбилось.

Второй, еще более сильный удар, — и тот же результат!

— Ах, вот оно что! — вскричал Фил Эванс. — Небьющееся стекло!

И действительно, стекло это было, видимо, закалено по способу изобретателя Сименса, так как,

несмотря на энергичные удары, оставалось целым и невредимым.

Однако снаружи теперь уже было достаточно светло, и взору открывалось окружающее пространство, по крайней мере в пределах поля зрения, очерченного рамой окна.

— Что вам видно? — спросил дядюшка Прудент.

— Ничего!

— Как? Вы не видите леса?

— Нет!

— Даже вершин деревьев?

— Их тоже не видать!

— Значит, мы больше не находимся посреди поляны?

— Не вижу ни поляны, ни парка!

— Различаете ли вы по крайней мере крыши домов или верхушки монументов? — воскликнул дядюшка Прудент, разочарование и ярость которого все усиливались.

— Ни крыш, ни монументов.

— Как! Ни мачты с флагом, ни церковной колокольни, ни фабричной трубы?

— Ничего, кроме воздушного пространства.

В это мгновение дверь отворилась. На пороге показался какой-то человек.

То был Робур.

— Достопочтенные сторонники воздушных шаров, — громко произнес он, — отныне вы свободны и можете передвигаться в любом направлении.

— Свободны?! — вскричал дядюшка Прудент.

— О да... В пределах «Альбатроса»!

Дядюшка Прудент и Фил Эванс опрометью выбежали из помещения.

Что же открылось их взорам?

Внизу — в тысяча двухстах или тысяча трехстах метрах под ними — расстилалась местность, которую они безуспешно пытались узнать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*которую инженерам, механикам и другим ученым
людям стоило бы, пожалуй, пропустить*

«Когда, наконец, человек перестанет ползать по поверхности земли и поселится в лазурной тишине небес?»

На этот вопрос Камиля Фламариона нетрудно ответить: это произойдет в эпоху, когда развитие механики даст возможность решить проблему авиации. И как уже предсказывали несколько лет назад некоторые ученые, все более широкое применение электричества должно постепенно привести к разрешению этой проблемы.

Задолго до 1783 года, когда братья Монгольфье сконструировали свой воздушный шар, названный по их имени «монгольфьером», а физик Шарль построил свой первый аэростат, некоторые дерзкие умы уже грезили о завоевании воздушных просторов с помощью механизмов. Следовательно, первые изобретатели и не помышляли об «аппаратах легче воздуха», ибо при тогдашнем уровне развития физики подобная мысль не могла даже возникнуть. Они рассчитывали осуществить воздушное сообщение с помощью «аппаратов тяжелее воздуха» — летательных машин, построенных наподобие птиц.

Именно по этому пути и пошел безумец Икар, сын Дедала, но, едва он приблизился к солнцу, его крылья, скрепленные воском, рассыпались в воздухе.

Однако, оставляя в стороне древнюю мифологию и не останавливаясь на Архитасе Тарентском, можно утверждать, что в трудах Данте из Перуджи, Леонардо да Винчи и Гвидотти уже отстаивается идея создания механизмов, способных перемещаться в воздушном пространстве. Прошло еще два с половиной столетия, и число изобретений в этой области начало заметно возрастать. В 1742 году маркиз де Баквилль изготавливает систему крыльев, испытывает ее над Сеной и при падении ломает себе руку. В 1768 году Поктон предлагает свой проект летательного аппарата, снабженного двумя винтами — подъемным и гребным. В 1781 году архитектор принца Баденского Меервейн создает

летательную машину, построенную по принципу орнитоптера; он оспаривает возможность управления недавно изобретенными воздушными шарами. В 1784 году Лонуа и Бьенвеню строят геликоптер, приводимый в движение пружинами. В 1808 году австриец Якоб Деген делает попытку подняться в воздух. В 1810 году выходит в свет брошюра Деньо, из Нанта, в которой разработаны принципы «аппаратов тяжелее воздуха». Затем, с 1811 по 1840 год появляются исследования и изобретения Берблингера, Вигаля, Сартти, Дюбоше, Каньяра де Латура. В 1842 году англичанин Генсон разрабатывает систему наклонных плоскостей и винтов, которые приводятся в движение паровым двигателем; в 1845 году Коссю сооружает летательный аппарат с подъемными винтами; в 1847 году Камиль Вер предлагает свой план геликоптера с крыльями из перьев; в 1852 году Летюр изобретает управляемый парашют, во время испытания которого разбивается насмерть; в том же году Мишель Лу разрабатывает конструкцию скользящей плоскости, снабженной четырьмя вращающимися винтами; в 1853 году Белегик выдвигает идею аэроплана, приводимого в движение тяговыми винтами. Воссен-Шардан предлагает проект управляемого воздушного змея, а Жорж Коле — различные конструкции летательных машин с газовыми двигателями. С 1854 по 1863 год появляются новые имена: Джозеф Плайн, взявший патент на несколько воздушных аппаратов, Бреан, Карлингфорд, Ле Бри, дю Тампль, Брайт, применивший подъемные винты, вращавшиеся навстречу друг другу, Смайти Панафье, Кронье и другие. Наконец, в 1863 году благодаря усилиям Надара в Париже создается «Общество аппаратов тяжелее воздуха». Оно оказывает содействие изобретателям, испытывающим различные летательные машины; на некоторые из них уже получены патенты. Таковы: геликоптер с паровым двигателем де Понтон д'Амекура; летательный аппарат де Лаланделя, сочетающий в себе винты, наклонные плоскости и парашюты; аэроскаф де Луврие; механическая птица д'Этерно; летательная машина Груфа, крылья которой приводятся в движение рычагами. Словом, лед тронулся! С той поры изобретатели

изобретают, а ученые производят расчеты, цель которых — сделать воздушное сообщение практически осуществимым. Буркар, Ле Бри, Кауфман, Смит, Стрингфеллоу, Прижан, Данжар, Помес и де ла Поз, Муа, Пено, Жобер, Гро де Вильнев, Ашенбах, Гарапон, Дюшен, Дандюран, Паризель, Дьезд, Мелкисф, Форланини, Бриэрей, Татен, Дандрие, Эдиссон — одни, применяя систему крыльев или винтов, другие — систему наклонных плоскостей, — изобретают, создают, изготавливают и совершенствуют свои летательные машины. И эти машины взлетят в воздух в тот день, когда будет изобретен достаточно мощный и чрезвычайно легкий двигатель.

Пусть нам простят этот несколько затянувшийся перечень. Но разве не следовало показать все стадии развития идеи авиации, вплоть до той поры, когда появился Робур-Завоеватель? Разве мог бы инженер создать столь совершенный летательный аппарат, если бы он не опирался на открытия и опыты своих предшественников? Разумеется, нет! И если он испытывал лишь презрение к тем, кто все еще упорствовал в попытках создать управляемые аэростаты, то питал глубокое уважение ко всем приверженцам «аппаратов тяжелее воздуха» — англичанам, американцам, итальянцам, австрийцам, французам. Их труды, особенно технические идеи французов, развитые Робуром, помогли ему спроектировать, а затем и построить его воздушный корабль «Альбатрос», который смело рассекал небесные просторы.

— Ведь голубь летает! — сказал один из наиболее упорных сторонников авиации.

— Когда-нибудь человек будет попить воздух, как ныне он попирает землю! — подхватил другой пылкий приверженец летательных аппаратов.

— На смену локомотивам придут воздушные поезда! — воскликнул самый шумный из них, который трубил во всех газетах о достижениях авиации, желая пробудить от спячки Старый и Новый Свет.

И действительно, опытом и расчетами было с полной очевидностью доказано, что воздушная среда — весьма прочная опора. Парашют диаметром в один

метр может не только замедлить падение человека в воздухе, но и превратить его в плавный спуск. Вот что было установлено.

Было установлено также, что при значительной скорости передвижения в пространстве сила тяжести изменяется приблизительно обратно пропорционально квадрату этой скорости, и движущееся тело становится как бы невесомым.

И наконец было установлено, что несущая поверхность крыльев летающего животного, необходимая, чтобы поддерживать его в воздухе, возрастает значительно медленнее, чем вес, несмотря на то, что движение крыльев при этом замедляется.

Значит, и летательный аппарат должен быть создан сообразно этим законам природы, другими словами, «этот совершенный механизм для передвижения в воздухе», как выразился доктор Марэ из Французской Академии наук, должен походить на птицу.

В конечном счете все аппараты, при помощи которых рассчитывают разрешить проблему авиации, могут быть сведены к трем типам:

1. Геликоптеры, или спиралеферы, представляющие собой систему винтов, установленных на вертикальных осях.

2. Орнитоптеры — машины, чей полет воспроизводит естественный полет птиц.

3. Аэропланы, которые по сути дела, подобно воздушному змею, представляют собой систему наклонных плоскостей; их тянут за собою или толкают вперед горизонтально расположенные винты.

Каждая из этих систем имела и все еще имеет пылких приверженцев, твердо решивших не сдавать своих позиций.

Однако Робур по многим соображениям отбросил две последних системы.

В том, что орнитоптер, то есть механическая птица, имеет целый ряд достоинств, нет никаких сомнений. Труды и опыты г-на Рено, относящиеся к 1884 году, подтвердили это. Но, как ему уже было в свое время указано, не следует рабски подражать природе. Паровозы не были скопированы с зайцев, а пароходы — с рыб.

Первым придали колеса, а ведь колеса не ноги, вторым — винты, но и винты — не плавники! Между тем это отнюдь не нанесло ущерба их скорости. Напротив. Впрочем, нам почти ничего не известно о том, что происходит с точки зрения механики во время полета птиц, которые совершают весьма сложные движения. Полагает же доктор Марэ, что, когда птица поднимает крыло, ее правильные перья раздвигаются, чтобы дать проход воздуху. А ведь такое движение крайне трудно воссоздать в машине.

С другой стороны, не вызывает сомнений, что аэропланам суждено достичь определенных и немаловажных результатов. Их винты, лопасти которых вращаются под углом к потоку воздуха, способны придать машине быстрое движение вверх: опыты, проделанные над моделями, доказали, что грузоподъемность аэроплана, то есть вес, который он может поднять сверх собственного веса, возрастает пропорционально квадрату скорости. В этом заключается значительное преимущество аэропланов, благодаря чему они даже превосходят аэростаты, подверженные влиянию воздушных течений.

Робур полагал, что чем проще устройство воздушного корабля, тем он будет лучше. Именно винты — те самые «святые винты», над которыми потешались члены Уэлдонского ученого общества, — верой и правдой служили его летательной машине. Одни удерживали ее в воздухе, другие — толкали вперед, обеспечивая одновременно и небывалую скорость и безопасность.

В самом деле, при помощи винта с малым шагом, но значительной поверхностью лопастей, по словам г-на Виктора Татена, теоретически вполне возможно, «решая задачу в общем виде, поднять неограниченный груз с минимальной затратой сил».

Если орнитоптер, который воспроизводит в своем полете взмахи крыльев птицы, поднимается ввысь по вертикали, то лопасти винтов геликоптера рассекают воздух под углом, как будто он поднимается по наклонной плоскости. Можно сказать, что у геликоптера вместо крыльев-лопастей — крылья-винты. Как известно, винт движется только в направлении своей оси.

Если ось установлена вертикально, винт перемещается в вертикальной плоскости. Если она установлена горизонтально, он перемещается в горизонтальной плоскости.

Летательный аппарат инженера Робура мог передвигаться и в горизонтальной и в вертикальной плоскостях.

Вот точное описание его «Альбатроса», в котором можно выделить три главные составные части: корпус; подъемные аппараты и аппараты тяги; машинное отделение.

Корпус. — В закругленном, прочно сбитом корпусе установлены аппараты, вырабатывающие механическую энергию, и размещены различные склады — для орудий, инструментов и приборов, а также главная кладовая для провизии всех видов; в нем помещаются и бортовые цистерны для воды. Сверху находится платформа длиною в тридцать и шириною в четыре метра, с настилом, как у палубы настоящего корабля, нос которого оканчивается волнорезом. По краям палубы — небольшие стойки, соединенные решетками из железной проволоки и деревянными перилами. На палубе возвышаются три рубки, отделения которых предназначены либо для экипажа, либо для размещения машин. В центральной рубке установлена машина, приводящая в действие все подъемные аппараты, в носовой рубке — вращающая передний гребной винт, в кормовой — вращающая задний гребной винт; все эти машины действуют независимо друг от друга. На носу, в передней рубке, расположены буфетная, кухня и помещение экипажа. На корме, в задней рубке, находятся несколько кают, среди них каюта инженера и столовая; а над всем этим высится застекленная будка: в ней рулевой при помощи мощного штурвала направляет ход воздушного корабля. Свет в рубки проникает сквозь иллюминаторы, в которые вставлены особым способом закаленные стекла, раз в десять прочнее обыкновенных. Под корпусом воздушного корабля расположена система гибких пружин, цель которых — смягчать толчок в момент приземления, хотя посадка

летательного аппарата происходит очень плавно, ибо все его движения послушны воле инженера.

Подъемные аппараты и аппараты тяги. — Над платформой вертикально установлены тридцать семь осей, из них по пятнадцати — вдоль бортов, с каждой стороны, и семь более высоких — посередине. Можно подумать, что это корабль с тридцати семи мачтах! Только мачты эти вместо парусов несут каждая по два горизонтально укрепленных винта небольшого диаметра и шага, которым можно придать необычайную быстроту вращения. Винты вращаются независимо один от другого, помимо этого, все они, попарно, вращаются в противоположном направлении. Подобное устройство необходимо, чтобы летательный аппарат не начал вращаться вокруг собственной оси. Таким образом, опираясь на вертикальный столб воздуха, подъемные винты создают подъемную силу, одновременно уравновешивая воздушный корабль и в горизонтальной плоскости. Итак, летательная машина инженера Робура оборудована семьюдесятью четырьмя подъемными винтами, причем три лопасти каждого из них соединены по краям металлическим ободом, который служит маховым колесом и тем самым облегчает работу двигателя. На носу и на корме «Альбатроса» на горизонтальных осях укреплены два четырехлопастных гребных винта с большим шагом; эти винты могут вращаться в противоположных направлениях, двигая летательный аппарат вперед или назад в горизонтальной плоскости. Их диаметр больше, чем диаметр подъемных винтов, и они также могут вращаться с необыкновенной быстротой.

Словом, создавая свой «Альбатрос», инженер Робур усовершенствовал системы летательных аппаратов, которые признали лучшими гг. Коссю, де Лаландель и де Понтон д'Амекур. Но он имел полное право считать себя пионером в выборе и использовании источника энергии для двигателей своего воздушного корабля.

Машинное отделение. — Не в водяном паре или парах других жидкостей, не в сжатом воздухе или ином упругом газе, не во взрывчатых смесях, способных производить механическую работу, нашел Робур

источник энергии, необходимой для того, чтобы удерживать в воздухе и приводить в движение свой летательный аппарат. Он обратился к электричеству — той силе, которой суждено в один прекрасный день сделаться душою промышленности. Впрочем, инженер не стал применять никакой машины, вырабатывающей электрический ток, но ограничился лишь батареями и аккумуляторами. Однако какие элементы входили в состав этих батарей, какие кислоты приводили их в действие? Это Робур хранил в тайне, так же как и устройство аккумуляторов. Какова была природа их положительных и отрицательных полюсов? Этого никто не знал. Изобретатель опасался — и не без основания — даже взять патент на это изобретение. Так или иначе, а успех был несомненный: батареи обладали необычайной мощностью, кислоты — почти не испарялись и не замерзали, аккумуляторы значительно превосходили своими достоинствами аккумуляторы Фор-Селлон-Фолькмара, наконец сила тока измерялась неслыханным дотоле количеством ампер. Поэтому «Альбатрос» располагал почти неограниченным запасом электрической энергии, и она приводила в действие всю систему его винтов, которые сообщали летательной машине Робура подъемную и поступательную силу, с лихвой покрывавшую все ее потребности при любых обстоятельствах.

Итак, повторяем — идея применить электричество как источник энергии для воздушных сообщений принадлежит исключительно инженеру Робуру. Но способ его получения он хранил в полной тайне. И если председателю и секретарю Уэлдонского ученого общества не удастся проникнуть в нее, то вполне возможно, что тайна эта будет потеряна для человечества.

Само собой понятно, что летательный аппарат обладал достаточной устойчивостью, и это объяснялось правильным выбором центра тяжести. Можно было не опасаться, что он в полете вдруг угрожающе накренится или, чего доброго, опрокинется.

Остается выяснить, какой материал употребил инженер Робур для своего воздушного корабля; кстати, название «корабль» вполне подходит «Альбатросу».

Что ж это был за материал — столь прочный, что острый нож Фила Эванса не мог его даже поцарапать, а дядюшке Пруденту не удалось разгадать его природу? Всего-навсего бумага!

Уже много лет изготовление такого рода бумаги приняло широкие размеры. Неклееная бумага, листы которой пропитаны декстрином и крахмалом, а затем пропущены через гидравлический пресс, образует материал твердый, как сталь. Изготовленные из нее блоки, рельсы, колеса для вагонов — прочнее, чем изделия из металла, но зато куда легче. Именно эту прочность в соединении с легкостью и решил использовать Робур при создании своей летательной машины. Корпус, палуба, рубки, каюты — все было изготовлено из соломенной бумаги, превратившейся под прессом чуть ли не в металл; бумага эта приобрела еще одно свойство — невоспламеняемость, — особенно важное для воздушного корабля, движущегося на большой высоте. Различные составные части подъемных аппаратов и аппаратов тяги — оси и лопасти винтов — были изготовлены из желатинированной фибры, одновременно прочной и гибкой. Материал этот, способный принимать любую форму, не растворяющийся в большинстве газов и жидкостей, в частности в кислотах и спиртах, не говоря уже о его изоляционных качествах, был просто незаменим в машинном отделении «Альбатроса».

Инженер Робур, боцман Том Тэрнер, механик с двумя подручными, два рулевых и повар — всего восемь человек — составляли экипаж «Альбатроса»; они без труда справлялись с вождением воздушного корабля во время полета. Охотничье и военное оружие, приспособления для рыбной ловли, электрические фонари, наблюдательные приборы, буссоли и секстансы, чтобы определять путь, термометр для измерения температуры, различные барометры — одни для определения достигнутой высоты, другие для того, чтобы отмечать перемены в атмосферном давлении, штормглас для предсказания бури, небольшая библиотека, портативная типография, артиллерийское орудие, установленное на вращающемся лафете в центре платформы, заряжавшееся с казенной части и выбрасывавшее ядра

калибром в шестьдесят миллиметров, запас пороха и пуль, динамитные шашки, кухня, обогреваемая током от аккумуляторов, солидный запас мясных и овощных консервов, уложенных в камбузе рядом с несколькими бочонками брэнди, виски и джина, — словом, все, что нужно, чтобы в продолжение нескольких месяцев не приземляться, входило в состав оборудования и припасов воздушного корабля, не говоря уже о знаменитой трубе!

Помимо этого, на борту «Альбатроса» была легкая, не тонущая в воде резиновая лодка, которая могла выдержать вес восьми человек на поверхности реки, озера или спокойной морской глади.

Однако позаботился ли по крайней мере Робур о парашютах на случай неожиданной катастрофы? Нет! Он не допускал и мысли о возможности катастрофы. Оси винтов вращались независимо друг от друга, и остановка одних не мешала движению других. А для того, чтобы «Альбатрос» мог держаться в своей родной стихии — воздухе, — было достаточно, чтобы работала лишь половина его винтов.

— Благодаря моему «Альбатросу», — заявил вскоре Робур-Завоеватель своим новым гостям, — гостям поневоле, — я отныне властелин седьмой части света, большей, чем Австралия, Океания, Азия, Америка и Европа вместе взятые — моей воздушной Икарии, которую когда-нибудь заселят тысячи икарийцев!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

*в которой дядюшка Прудент и Фил Эванс попреж-
нему не позволяют себя убедить*

Председатель Уэлдонского ученого общества был ошеломлен, его коллега поражен. Но и тот и другой старались ничем не выдать своего вполне понятного изумления.

Зато слуга Фриколлин, узнав, что он находится на борту летательной машины, уносящей его в про-

странство, пришел в ужас и даже не думал этого скрывать.

Между тем подъемные винты быстро вращались над головой пассажиров. И хотя скорость их вращения была весьма значительна, ее можно было бы утроить, если бы «Альбатросу» захотелось подняться в более высокие слои атмосферы.

Что касается двух гребных винтов, делавших небольшое число оборотов, то они придавали летательному аппарату скорость всего лишь в двадцать километров в час.

Перегнувшись через борт, пассажиры «Альбатроса» могли различить внизу длинную и извилистую ленту воды, змеившуюся, словно простой ручей, по холмистой равнине между небольшими озерами, сверкавшими под косыми лучами солнца. На самом деле то была река и к тому же одна из самых крупных в этой местности. На левом ее берегу вырисовывалась горная цепь, которая тянулась вдаль насколько хватал взгляд.

— Не соблаговолите ли вы, наконец, сообщить нам, где мы находимся? — спросил дядюшка Прудент дрожащим от ярости голосом.

— В этом нет надобности, — отвечал Робур.

— Тогда вы, быть может, скажете, куда мы направляемся? — вмешался Фил Эванс.

— В пространство.

— И это продолжится...

— Столько, сколько будет нужно.

— Уж не идет ли речь о кругосветном путешествии? — с иронией спросил Фил Эванс.

— Даже больше, — ответил Робур.

— А если это путешествие нас не устраивает?.. — начал дядюшка Прудент.

— Надо, чтобы оно вас устраивало!

Вот какой характер приобретали отношения между хозяином «Альбатроса» и его гостями, чтобы не сказать узниками. Но Робур, как видно, хотел прежде всего дать своим противникам время оправиться, полюбоваться чудесным летательным аппаратом, уносившим их в воздушные просторы, и, конечно, поздравить его изобретателя. Потому он и делал вид, что просто-

напросто прогуливается по палубе. Члены Уэлдонского ученого общества могли тем временем по своему выбору либо изучать расположение машин, либо осматривать каюты и остальные помещения воздушного корабля, или же посвятить все свое внимание пейзажу, который отчетливо вырисовывался внизу.

— Дядюшка Прудент, — заговорил Фил Эванс, — если я не ошибаюсь, мы пролетаем сейчас над центральной частью канадской территории. Река, что течет на северо-запад, — это река Святого Лаврентия. А город, который мы оставили позади, — Квебек.

То был на самом деле старинный город Шамплена; его железные крыши блестели на солнце, точно рефлекторы. Следовательно, «Альбатрос» достиг сорок шестого градуса северной широты, чем и объяснялось столь раннее наступление утра и необычная продолжительность зари.

— Да, — повторил Фил Эванс, — этот город, с крепостью на холме, раскинувшийся под нами амфитеатром, — несомненно Квебек, Гибралтар Северной Америки. Вот его соборы — английский и французский! А вот и таможня, над куполом которой реет британский флаг!

Фил Эванс не кончил еще говорить, а столица Канады начала уже исчезать из виду. Воздушный корабль входил в зону легких облаков, которые мало-помалу затягивали землю.

В это время, увидев, что председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества перенесли свое внимание на наружное устройство «Альбатроса», Робур приблизился к ним и спросил:

— Ну как, господа, вы все еще сомневаетесь в том, что аппараты тяжелее воздуха пригодны для воздушного сообщения?

Было трудно не признать очевидности. Тем не менее дядюшка Прудент и Фил Эванс ничего не ответили.

— Вы молчите? — продолжал инженер. — Как видно, голод мешает вам говорить!.. Но если я и позволил себе вовлечь вас в это долгое путешествие по воздуху, поверьте, я все же не собираюсь кормить вас

этим мало питательным веществом. Вас ожидает первый завтрак.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс чувствовали, что голод уже настойчиво дает о себе знать; поэтому они решили отбросить всякие церемонии. Ведь завтрак в конце концов ни к чему не обязывает! И когда они вернутся на землю, то сохранят за собой полную свободу действий по отношению к Робуру.

Их тут же проводили в заднюю рубку, где помещалась маленькая столовая. Здесь, в сторонке, был уже накрыт для них отдельный стол, за которым им предстояло обедать во время путешествия. На завтрак были поданы различного рода консервы, а также галеты, приготовленные наполовину из муки, наполовину из мясного порошка и приправленные небольшим количеством свиного сала; из этих галет, разведенных в кипятке, получается превосходный бульон; затем последовали ломтики жареной ветчины и — в качестве напитка — чай.

Фриколлин тоже не был забыт. В передней рубке его ожидал наваристый бульон, приготовленный из тех же галет. Должно быть, он сильно проголодался, если ему все же удалось позавтракать, хотя зубы его стучали от страха, а челюсти отказывались служить.

— А вдруг эта штука разобьется?!. А вдруг эта штука разобьется!.. — повторял злосчастный негр.

Он пребывал в состоянии томительного страха. Подумать только! Ведь если он свалится с высоты полутора тысяч метров, то превратится в лепешку!

Через час дядюшка Прудент и Фил Эванс вновь показались на палубе. Робура нигде не было видно. Лишь рулевой стоял в своей застекленной будке на корме и, устремив взгляд на буссоль, невозмутимо следовал курсу, заданному инженером.

Что до остальных членов экипажа, то они, видимо, еще сидели за завтраком. Только помощник механика, приставленный наблюдать за машинами, переходил от рубки к рубке.

Если скорость воздушного корабля и была значительна, наши герои почти не замечали ее, хотя

«Альбатрос» уже вышел из облаков и внизу, в полутора тысячах метров, показалась земля.

— В это невозможно поверить! — воскликнул Фил Эванс.

— Ну и не будем верить, — ответил дядюшка Прудент.

Они перешли на нос воздушного корабля и теперь пристально всматривались в открывавшийся на западе горизонт.

— А вот и другой город! — заметил Фил Эванс.

— Знаком ли он вам?

— Да! Мне думается, это — Монреаль.

— Монреаль?.. Но мы ведь пролетели над Квебеком всего каких-нибудь два часа назад!

— Это доказывает, что летательная машина движется со скоростью по крайней мере двадцати пяти миль в час.

В самом деле, такова и была скорость воздушного корабля, и если пассажиры не испытывали при этом никаких неприятных ощущений, то потому, что движение «Альбатроса» совпадало тогда с направлением ветра. В безветренную погоду такая скорость сильно мешала бы людям, ибо она немногим уступает скорости экспресса. При полете против ветра ее было бы невозможно выносить.

Фил Эванс не ошибся. Внизу под «Альбатросом» показался Монреаль, который нетрудно было распознать по Виктория-Бридж — трубчатому мосту, переброшенному через реку Святого Лаврентия, подобно тому, как железнодорожный мост в Венеции переброшен через лагуну. Затем взору открылись широкие улицы, огромные магазины, здания банков, напоминавшие дворцы, кафедральный собор, недавно воздвигнутый по образцу собора св. Петра в Риме, и, наконец, венчающая городской ансамбль гора Мон-Рояль, на которой разбит чудесный парк.

По счастью, Фил Эванс уже бывал прежде в важнейших городах Канады. Поэтому он мог узнать некоторые из них, не прибегая к помощи Робура. Миновав Монреаль, они около половины второго пролетели над Оттавой, расположенной возле водопадов, которые

сверху походили на гигантский бурлящий котел, переливавшийся через край. Поистине грандиозное зрелище!

— А вот и дворец, где помещается парламент!

С этими словами Фил Эванс указал на здание, наминавшее нюрнбергскую игрушку. Этот стоявший на холме дворец своей многоцветной раскраской походил на здание парламента в Лондоне, подобно тому, как собор в Монреале походил на собор св. Петра в Риме. Так или иначе, внизу раскинулась Оттава.

Но вот город начал уменьшаться и вскоре превратился в светлое пятно на горизонте.

Было около двух часов дня, когда Робур вновь появился на палубе. Его сопровождал боцман Том Тэрнер. Инженер сказал ему несколько слов, а тот передал их двум своим помощникам, которые несли вахту на носу и на корме воздушного корабля. По первому знаку рулевой изменил курс «Альбатроса» на два градуса к юго-западу. В то же мгновение дядюшка Прудент и Фил Эванс заметили, что гребные винты воздушного корабля стали вращаться с большей скоростью.

Впрочем, и эта скорость могла быть увеличена еще вдвое и тогда превзошла бы максимальную быстроту передвижения, достигнутую до тех пор на земле.

Судите сами! Миноносцы делают по двадцать два узла, то есть по сорок километров в час; поезда на английских и французских железных дорогах — по сто километров; механические сани на замерзших реках Соединенных Штатов — по сто пятнадцать; паровоз с зубчатой передачей, построенный в мастерских Патерсона, показал на линии озера Эри скорость в сто тридцать километров, а локомотив на участке между Торнтоном и Джерси — сто тридцать семь километров.

Между тем «Альбатрос» при максимальном числе оборотов своих гребных винтов мог делать до двухсот километров в час, то есть около пятидесяти метров в секунду.

А ведь это — скорость урагана, с корнем выворачивающего деревья, или шквала, который пронесся над Кагором 21 сентября 1881 года, делая по сто девяносто четыре километра в час. Это средняя скорость полета почтового голубя, которую превосходит лишь быстрота полета обыкновенной ласточки (67 метров в секунду) и каменного стрижа (89 метров в секунду).

Словом, как об этом уже говорил Робур, «Альбатрос», используя всю силу своих винтов, мог бы совершить кругосветное путешествие за двести часов, то есть всего лишь за восемь дней!

Заметим кстати, что протяженность железнодорожных путей на земном шаре составляла в то время четыреста пятьдесят тысяч километров, другими словами железнодорожные рельсы могли бы одиннадцать раз опоясать землю по экватору. Впрочем, это очень мало интересовало Робура! Разве не принадлежало его летательной машине все воздушное пространство, служившее для нее надежной опорой?

Надо ли добавлять, что загадочное тело, появление которого до такой степени взбудоражило жителей обоих полушарий, было воздушным кораблем инженера Робура? Труба, оглашавшая громкими звуками небесные просторы, принадлежала боцману Тому Тэрнеру. А флаг, укрепленный на всех самых высоких зданиях Европы, Азии и Америки, был флагом Робура-Завоевателя и его «Альбатроса».

Если до тех пор инженер принимал некоторые меры предосторожности, чтобы остаться неузнанным, если он путешествовал преимущественно ночью, лишь порою зажигая свои электрические фонари, а в течение дня скрывался за облаками, то теперь он, казалось, не хотел дольше сохранять в тайне свою победу. Не для того ли прибыл он в Филадельфию и явился в зал заседаний Уэлдонского ученого общества, чтобы сообщить миру о своем удивительном открытии, чтобы убедить *ipso facto*¹ даже самых недоверчивых противников?

¹ Самим фактом (лат.).

Читателям известно, как он был принят, и они увидят в дальнейшем, каким испытаниям собирался Робур подвергнуть председателя и секретаря вышеупомянутого ученого общества.

Между тем инженер приблизился к обоим коллегам, которые из всех сил старались скрыть, какое удивление вызвало в них все, что им, вопреки желанию, довелось увидеть и пережить. Очевидно, под черепами обоих англосаксов жило такое упрямство, которое очень трудно было победить.

Со своей стороны, Робур и вида не подавал, что он это замечает, и, словно продолжая прерванный больше двух часов назад разговор, сказал:

— Господа, вы, конечно, задаете себе вопрос, может ли мой летательный аппарат, великолепно приспособленный для воздушных сообщений, развить большую скорость? Он был бы недостоин называться покорителем воздушных стихий, если бы не мог стремительно поглощать пространство! Я хотел, чтобы воздушная среда стала для меня надежной опорой, и она стала ею. Я понял, что для победы над ветром надо попросту стать сильнее его, и вот я сильнее ветра! Я не нуждаюсь ни в парусах, чтобы нестись вперед, ни в веслах или колесах, чтобы ускорять свое движение, ни в рельсах, чтобы мчаться еще быстрее. Воздух — вот все, что мне нужно! Воздух окружает меня, как вода окружает подводную лодку, и мои гребные винты врезаются в него, как винты парохода врезаются в волны. Вот каким образом я разрешил проблему авиации. Вот чего никогда не достичь ни воздушному шару, ни другому аппарату легче воздуха.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс хранили полное молчание. Но это нисколько не обескуражило инженера. Он лишь легонько усмехнулся и продолжал:

— Вы, вероятно, спрашиваете себя, может ли «Альбатрос» перемещаться не только в горизонтальном, но и в вертикальном направлении, словом, может ли он соперничать с воздушным шаром даже тогда, когда речь идет о достижении верхних слоев атмосферы? Так вот, я бы вам не советовал

состязаться на своем аэростате «Вперед» с моим «Альбатросом».

Коллеги лишь пожали плечами. Именно тут они, пожалуй, и ожидали поражения инженера.

Робур подал знак. Тотчас же гребные винты воздушного корабля остановились. Затем, пролетев в силу инерции еще около мили, «Альбатрос» неподвижно застыл в воздухе.

По второму знаку Робура подъемные винты стали вращаться с такой быстротой, которую можно сравнить лишь со скоростью вращения звуковых сирен во время акустических опытов. Производимый этими винтами звук «фрррр» поднялся приблизительно на октаву по звуковой шкале, однако сила его уменьшилась вследствие того, что винты вращались теперь в разреженном воздухе. Летательный аппарат взмыл прямо ввысь, точно жаворонок, который оглашает своим пронзительным криком окружающие просторы.

— Господин!.. Господин!.. — твердил Фриколлин. — Только бы эта штука не разбилась!

Робур лишь презрительно улыбнулся в ответ. За несколько минут «Альбатрос» достиг высоты в две тысячи семьсот метров, что расширяло поле зрения его пассажиров до семидесяти миль, а затем он поднялся до четырех тысяч метров, на что указал барометр, упавший до 480 миллиметров.

Совершив этот опыт, «Альбатрос» снова снизился. В верхних слоях атмосферы давление падает, что приводит к уменьшению кислорода в воздухе, а вследствие этого и в крови. Вот в чем кроется причина несчастных случаев, происходивших с некоторыми воздухоплавателями. Робур не хотел без нужды подвергать своих людей такой опасности.

Поэтому «Альбатрос» вновь опустился на высоту, лететь на которой ему было всего удобнее, и гребные винты еще быстрее помчали его на юго-запад.

— Теперь, господа, вы, надеюсь, получили ответ на вопрос, который себе задавали? — проговорил инженер.

Затем, опершись на перила здесь же, в носовой части воздушного корабля, он погрузился в раздумье.

Когда Робур поднял голову, он увидел возле себя председателя и секретаря Уэлдонского ученого общества.

— Инженер Робур, — начал дядюшка Прудент, который тщетно пытался овладеть собой, — напрасно вы полагаете, что нас занимают вопросы, которые вы сами задаете! Но мы и в самом деле хотим задать вам вопрос, на который, надеемся, вы сообразоволяете ответить.

— Спрашивайте.

— По какому праву вы напали на нас в Фэрмонт-парке, в Филадельфии? По какому праву вы заперли нас в этой темнице? По какому праву вы увозите нас, вопреки нашему желанию, на борту своей летательной машины?

— А по какому праву, господа любители воздушных шаров, — перебил Робур, — по какому праву вы меня оскорбили, освистали и угрожали мне в своем клубе с такой яростью, что я удивляюсь, как ушел оттуда живым?

— Спрашивать — не значит отвечать, — вмешался Фил Эванс, — и я тоже требую ответа: по какому праву?..

— Вам угодно знать?..

— Да, пожалуйста.

— По праву более сильного!

— Какой цинизм!

— И все же это именно так!

— А как долго, гражданин инженер, — спросил дядюшка Прудент, который в конце концов вышел из себя, — как долго намерены вы пользоваться этим правом?

— Как можете вы, господа, — с иронией спросил Робур, — задавать мне подобный вопрос, когда вам достаточно опустить взор, чтобы насладиться зрелищем, равного которому нет на свете?

В ту минуту «Альбатрос» словно гляделся в необозримую зеркальную гладь озера Онтарио. Он только что пролетел над страной, так поэтично воспетой Купером, и парил теперь над южным берегом этого обширного водоема, направляясь к прославленной реке,

которая несет в него воды озера Эри, разбивая их о свои пороги.

На мгновение величавый гул, напоминавший раскаты грома, донесся до воздушного корабля. Казалось, влажный туман внезапно поднялся в воздух, — так заметно посвежело вокруг.

Прямо под «Альбатросом» с порогов полукружьем низвергались огромные потоки воды. Казалось, струи расплавленного хрусталя, преломляя солнечные лучи, переливаются тысячью радуг. Величественная картина!

Переброшенный перед водопадами мостик, точно нить, соединял один берег с другим. Тремя милями ниже виднелся висячий мост, по которому медленно двигался поезд, переправляясь с канадского берега на американский.

— Ниагарские водопады!

Эти слова невольно вырвались у Фила Эванса, между тем как дядюшка Прудент делал над собой величайшие усилия, чтобы не восхищаться всеми этими чудесами.

Еще минута — и «Альбатрос» уже оставил позади реку, которая отделяет Соединенные Штаты от канадской территории, и устремил свой полет над обширными пространствами Северной Америки.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

из которой видно, как Робур решил ответить на поставленный ему важный вопрос

В одной из кают кормовой рубки дядюшку Прудента и Фила Эванса ожидали две великолепные кушетки, несколько перемен белья и платья, плащи и пледы. Даже на трансатлантическом пароходе они не пользовались бы большими удобствами. И если наши воздухоплаватели спали дурно, то лишь потому, что им мешали забыться вполне понятные тревоги. В какое опасное приключение были они вовлечены? Какие еще

испытания ожидали их по воле Робура и против их собственной воли (да простит нам читатель невольный каламбур!)? Чем закончится вся эта авантюра и чего, собственно, добивается инженер? Вот что занимало их мысли в ту бессонную ночь.

Слуга Фриколлин был помещен в носовой части «Альбатроса», в каюте рядом с той, которую занимал повар воздушного корабля. Это соседство было ему по душе: Фриколлин любил общество великих мира сего! В конце концов он заснул, но сон его был полон кошмаров — ужасных полетов в пространстве и головокружительных падений с высоты.

А между тем что могло быть покойнее этого плавного движения в атмосфере, особенно ночью, когда прекратилось всякое дуновение ветерка. Окружающую тишину нарушал лишь шум вращающихся винтов. Порою с земли доносился свисток одинокого паровоза, бежавшего по рельсам, да голоса домашних животных. Какой удивительный инстинкт! Эти земные твари чувствовали приближение летательной машины и в испуге жалобно кричали при ее появлении.

На следующий день, 14 июня, в пять часов утра дялущка Прудент и Фил Эванс уже прогуливались по настилу, служившему палубой воздушного корабля. За ночь ничего не изменилось: на носу попрежнему стоял вахтенный, на корме — рулевой.

Однако зачем нужен был вахтенный? Разве им угрожала опасность столкновения с другим летательным аппаратом? Разумеется, нет. У Робура еще не было подражателей. Что же касается встречи с каким-нибудь воздушным шаром, то она была так мало вероятна, что ею смело можно было пренебречь. Во всяком случае, «Альбатросу» не приходилось опасаться такого столкновения. Зато оно весьма печально окончилось бы для воздушного шара: припомните басню о чугунном котле и глиняном горшке!

Но могло ли все-таки произойти какое-либо столкновение? Да! Воздушный корабль, как и всякое другое судно, мог потерпеть крушение, если бы путь ему преградила гора, которую не удалось бы обогнуть или

преодолеть. Горы были рифами воздушного океана, и «Альбатросу» следовало избегать их, подобно тому, как корабль избегает рифов на море.

Правда, как и положено капитану, инженер заранее наметил для своего корабля кратчайший путь, пролежавший над самыми высокими хребтами. Итак, «Альбатросу» предстояло лететь над горным краем, и благоразумие требовало, чтобы экипаж был начеку на случай, если воздушный корабль слегка отклонится от заданного курса.

Рассматривая местность, расстилавшуюся под ними, дядюшка Прудент и Фил Эванс увидели огромное озеро, к южному берегу которого приближался «Альбатрос». Они поняли, что за ночь воздушный корабль пролетел над озером Эри из конца в конец. А так как он мчался прямо на запад, то замеченное ими озеро могло быть только озером Мичиган.

— Нет никакого сомнения! — вскричал Фил Эванс. — Это скопление крыш на горизонте — Чикаго!

Он был прав: перед ними действительно был «Владыка Запада», город, где пересекаются семнадцать железнодорожных линий, — громадноеместилище, куда стекаются товары из Индианы, Огайо, Висконсина, Миссури — штатов, образующих западную часть Американской Федерации.

Вооружившись великолепным морским биноклем, который он отыскал в своей каюте, дядюшка Прудент легко различал главные городские строения. Фил Эванс называл ему церкви, общественные здания, многочисленные «элеваторы», или механизированные склады, и, наконец, указал на огромную гостиницу Шерман, похожую на гигантскую игральную кость; очками ей служили сотни окон, блестящих на фасадах этого здания.

— Если мы над Чикаго, — заметил дядюшка Прудент, — это доказывает, что нас занесло на запад значительно дальше, чем требуется для быстрого возвращения домой.

И в самом деле, «Альбатрос» все больше удалялся по прямой линии от столицы Пенсильвании.

Однако, если бы дядюшка Прудент вздумал убеждать Робура повернуть обратно на восток, — он все равно не мог бы этого сделать: то ли инженер был занят каким-либо делом, то ли еще спал, но в то утро он не спешил выходить из каюты. И обоим воздухоплателям пришлось отправиться завтракать так и не по-видавшись с ним.

Со вчерашнего дня скорость воздушного корабля не изменилась. Он летел на запад по ветру, и поэтому его быстрое перемещение не беспокоило пассажиров, а так как температура воздуха падает всего на один градус на каждые сто семьдесят метров высоты, то на палубе было не особенно холодно. В ожидании инженера дядюшка Прудент и Фил Эванс неторопливо беседовали, прогуливаясь, можно сказать, под сенью винтов, которые вращались так стремительно, что их сверкавшие лопасти сливались в полупрозрачный диск.

За каких-нибудь два с половиной часа «Альбатрос» пролетел вдоль всей северной границы штата Иллинойс. Он пронесся над берегами «Отца вод» — Миссисипи, причем плывшие по реке двухпалубные пароходы казались сверху простыми челноками. Затем «Альбатрос» промчался над штатом Айова, и в одиннадцатый час утра под ним промелькнул город Айова-Сити.

Извилистые гряды холмов, так называемых «bluffs», пересекают эту территорию с юга на северо-запад. Высота их незначительна, и воздушному кораблю не пришлось водниматься ни на один фут. Впрочем, холмы эти вскоре начали понижаться и сменялись просторными равнинами Айовы; всю западную половину этого штата, а также часть штата Небраска, занимают бесконечные прерии, которые простираются вплоть до подножья Скалистых гор. Внизу со всех сторон бежали многочисленные речки — притоки и притоки притоков Миссури. На их берегах виднелись города и селения, но они попадались все реже и реже, ибо «Альбатрос» быстро приближался к районам Дальнего Запада.

Ничего примечательного в тот день не произошло. Дядюшка Прудент и Фил Эванс были полностью предоставлены самим себе. Едва ли они заметили растянувшегося в носовой части палубы Фриколлина, который закрыл глаза, чтобы ничего не видеть. Однако негр не страдал от головокружения, как можно было предположить. Находясь на борту воздушного корабля, человек не имеет ориентиров и потому не испытывает головокружения, которое охватывает его на кровле высокого здания. Бездна не влечет к себе, когда смотришь вниз из гондолы аэростата или с палубы воздушного корабля, вернее, под ногами воздухоплателя открывается не бездна, а безбрежный горизонт, который, словно поднимаясь вместе с ним, окружает его со всех сторон.

В два часа «Альбатрос» пролетал над Омахой. Находящийся у границы штата Небраска, город Омаха-Сити — подлинное сердце Тихоокеанской железной дороги, гигантского рельсового пути, длиной в полторы тысячи миль, соединяющего Нью-Йорк и Сан-Франциско. На мгновение внизу тускло блеснули желтоватые воды Миссури, а затем показались деревянные и кирпичные постройки города, расположенного в центре этого богатейшего бассейна, словно пряжка на железном поясе, который стягивает талию Северной Америки. Нет сомнения, что, пока пассажиры воздушного корабля внимательно рассматривали город, жители Омахи в свою очередь обратили внимание на странный летательный аппарат. И все же их удивление при виде парящего в небе «Альбатроса» вряд ли могло сравниться с удивлением председателя и секретаря Уэлдонского ученого общества, когда они впервые обнаружили, что находятся на борту воздушного корабля.

Так или иначе, но появление «Альбатроса» должно было вскоре сделаться достоянием газет Соединенных Штатов и послужить объяснением загадочному явлению, которое столько времени занимало и тревожило весь мир.

Час спустя Омаха уже скрылась из виду. И вскоре не осталось сомнений, что воздушный корабль взял

курс на север, оставляя в стороне русло Платт-ривер, по долине которой Тихоокеанская железная дорога следует через прерии. Это никак не могло прийти по вкусу дядюшке Пруденту и Филу Эвансу.

— Неужели он собирается всерьез осуществить свой нелепый план и увезти нас на другую сторону земного шара? — спросил один из них.

— И к тому же против нашей воли? — подхватил другой. — Ну, Робур, берегись же! Я не такой человек, чтобы позволить делать с собой, что кому вздумается!..

— И я тоже! — подхватил Фил Эванс. — Но, поверьте, дядюшка Прудент, вам надо умерить свой пыл...

— Умерить пыл!..

— И сдержать гнев до поры до времени...

Часов в пять вечера, миновав Черные горы, поросшие елями и кедрами, «Альбатрос» летел над территорией, которую метко назвали Дикими Землями штата Небраска. Взору открылось беспорядочное нагромождение холмов цвета охры — обломков гор, которые словно рухнули на землю и при падении раскололись на множество кусков. Издали эти глыбы принимали самые причудливые очертания. То тут, то там посреди этого гигантского каменного кегельбана, казалось, поднимались руины средневековых городов с замками, фортами и башнями и развалины крепостей с бойницами и сторожевыми будками. На самом же деле Дикие Земли — всего лишь грандиозное кладбище, где белеют мириады костей допотопных толстокожих и панцирных животных и, говорят, даже ископаемых людей, занесенные в эти места какой-то неведомой геологической катастрофой в глубокой древности.

К ночи весь бассейн Платт-ривер остался позади. Теперь вплоть до самого горизонта, сильно раздвинувшегося благодаря высоте, на которой летел «Альбатрос», простиралась гладкая равнина.

Этой ночью пронзительные свистки паровозов и низкие гудки пароходов уже не нарушали покоя звездного небосклона. Порою до ушей пассажиров

воздушного корабля, летевшего в то время на значительно меньшей высоте, доносилось протяжное мычание: это ревели стада бизонов, бродившие по прерии в поисках водопоя и пастбищ. А когда они замолкали, слышался хруст травы под их копытами, напоминавший глухой рокот волн; и на этом фоне отчетливо выделялся непрерывный, вибрирующий звук винтов «Альбатроса».

Время от времени внизу раздавался вой волка или лисицы, крик дикой кошки да завывание койота, этого *canis latrans*¹, чье латинское название вполне оправдывается его звонким лаем.

Ночной воздух был напоен острым запахом мяты, шалфея и полыни, перемешанным с сильным ароматом хвойных деревьев.

Наконец, чтобы перечислить все звуки, доносившиеся с земли, надо упомянуть и о зловещем вое, который издавал уже не койот: то был крик краснокожего, и ни один житель прерий не спутал бы его с голосами хищников.

На следующее утро, 15 июня, часов в пять, Фил Эванс вышел на палубу из своей каюты, надеясь, что ему, наконец, посчастливится встретить Робура.

Желая узнать, почему инженер не показывался накануне, он обратился к боцману Тому Тэрнеру.

То был англичанин лет сорока пяти, могучего сложения, коренастый, широкоплечий, с непомерно крупной головой: такие некрасивые головы любил рисовать Гогарт, запечатлевший своей кистью эту характерную особенность представителей англосаксонской расы. Пусть читатель внимательно взглянется в четвертую гравюру, помещенную в «*Harlots Progress*», и он не только обнаружит там голову Тома Тэрнера на плечах у тюремщика, но и убедится, что лицо его отнюдь не производит приятного впечатления.

— Увидим ли мы сегодня инженера Робура? — спросил Фил Эванс.

— Не знаю, — ответил Том Тэрнер.

— Я не спрашиваю вас, отлучился ли он...

¹ Буквально: лающая собака (лат.).

— Возможно.

— Ни когда он возвратится...

— Как только закончит свои дела!

Сказав это, Том Тэрнер вошел в рубку.

Пришлось удовольствоваться этим ответом, в котором не было ничего утешительного, ибо, сверившись с буссолью, Фил Эванс установил, что «Альбатрос» продолжает двигаться на северо-запад.

Как непохож был пейзаж, возникший теперь перед глазами пассажиров воздушного корабля, на оставленную накануне бесплодную территорию Диких Земель!

Удалившись на тысячу километров от Омахи, «Альбатрос» летел над местностью, которую Фил Эванс не мог узнать по той причине, что никогда здесь не бывал. Немногочисленные форты, воздвигнутые для того, чтобы сдерживать индейцев, высились на холмах, расчерченных правильными геометрическими линиями палисадов, которыми были обнесены строения. Деревни редко попадались в этом малонаселенном крае, столь непохожем на золотоносные земли Колорадо, расположенные несколькими градусами южнее.

Вдалеке, пока еще очень смутно, начали вырисовываться очертания горной цепи; лучи встающего солнца окрашивали ее вершины в розовые тона.

Это были Скалистые горы.

В то утро дядюшка Прудент и Фил Эванс сразу же почувствовали резкий холод. Однако понижение температуры не объяснялось переменой погоды: солнце попрежнему заливало небо ослепительным светом.

— Как видно, «Альбатрос» поднялся в верхние слои атмосферы, — заметил Фил Эванс.

И в самом деле, барометр, висевший на наружной стене центральной рубки, упал до пятисот сорока миллиметров, что соответствовало примерно высоте в три тысячи метров. Необходимость вести воздушный корабль на такой значительной высоте была вызвана горным рельефом местности.

Впрочем, часом раньше он, вероятно, летел на высоте не меньше четырех тысяч метров, ибо оставил за собой горные вершины, покрытые вечными снегами.

Ничто не могло помочь дядюшке Пруденту и его спутнику определить, что это был за край. Ночью «Альбатрос», летевший с большой скоростью, мог отклониться к северу или к югу, и этого было достаточно, чтобы сбить их с толку.

И все же, обсудив различные, более или менее правдоподобные гипотезы, они остановились на следующей: лежавшая под ними местность, окруженная со всех сторон горами, была, должно быть, той областью, которую конгресс в марте 1872 года провозгласил Национальным парком Соединенных Штатов.

«Альбатрос» и в самом деле летел над этим единственным в своем роде краем. Он вполне заслуживал имени парка, но парка, где вместо холмов были горы, вместо прудов — озера, вместо ручьев — реки, вместо лабиринтов — горные цирки, а вместо фонтанов — гейзеры необыкновенной силы.

За несколько минут воздушный корабль пронесся над берегами Йеллоустон-ривер, оставив справа гору Стивенсона, и достиг границ большого озера, носящего название только что упомянутой реки. Как живописны были очертания этого природного водоема, песчаные берега которого, усеянные обсидианом и осколками хрусталя, сверкали, отражая солнечные лучи тысячами тончайших граней! Как причудливо были разбросаны островки, покрывавшие поверхность озера! Как ясно отражалось лазурное небо в этом огромном зеркале! К берегам озера Йеллоустон, одного из самых высокогорных на земном шаре, тысячами слетались обитатели пернатого царства — пеликаны, лебеди, чайки, гуси, казарки, гагары! Его обрывистые берега местами густо поросли зеленым руном деревьев — сосен и лиственниц. У подножья откосов виднелись бесчисленные трещины, над которыми клубился пар: он вырывался из недр земли, как из громадного котла, в котором подземное пламя всегда поддерживало воду в состоянии кипения.

Повару представлялся здесь редкий случай надолго запастись форелью — единственной рыбой, которая мириадами плодится в водах озера Йеллоустон. Но «Альбатрос» все время летел на такой высоте, что заняться рыбной ловлей так и не удалось, хотя добыча, вне всякого сомнения, была бы великолепной.

К тому же через три четверти часа воздушный корабль уже пересек озеро и приблизился к области, богатой гейзерами, не уступающими по красоте самым замечательным гейзерам Исландии. Перегнувшись через борт, дядюшка Прудент и Фил Эванс с восхищением наблюдали за струями горячей воды, которые взлетали вверх, словно стараясь обдать брызгами «Альбатрос».

Особенно хороши были несколько гейзеров: «Веер», чьи струи расходятся в воздухе сверкающими пластинками, «Укрепленный замок», который как будто обороняется ударами водяных столбов, «Старый друг» с его фонтаном, увенчанным радугой, и «Гигант», из недр которого бьет в небо мощный поток воды окружностью в двадцать и высотой в двести футов!

Это ни с чем не сравнимое, можно сказать, единственное в мире зрелище было, очевидно, хорошо знакомо Робуру, ибо он даже не показался на палубе. Неужели он повел «Альбатрос» над национальным заповедником только ради того, чтобы доставить удовольствие своим гостям? Во всяком случае, инженер не искал их благодарности. Не покинул он своей каюты и позднее, когда часов в семь утра воздушный корабль начал свой смелый перелет через Скалистые горы.

Известно, что этот горный массив тянется, точно гигантский спинной хребет, от крестца до затылка Северной Америки, продолжая собою Мексиканские Анды. Эту могучую горную гряду протяженностью в три с половиной тысячи километров венчает пик Джемс, высота которого достигает почти двенадцати тысяч футов.

Нет сомнения, что, учащая взмахи своих крыльев-винтов, «Альбатрос», подобно птице, взмывающей в

поднебесье, мог бы пролететь над самыми высокими точками этой горной системы и одним прыжком достигнуть штатов Орегон и Юта. Однако в таком маневре не было необходимости, ибо существуют перевалы, которые позволяют преодолевать горный барьер, не взбираясь на его гребень. В Скалистых горах известно несколько «каньонов» — более или менее узких ущелий, пригодных для этой цели. Таков, например, Бриджерский перевал, по которому вьется Тихоокеанская железная дорога, выходящая затем на территорию мормонов; другие проходы лежат севернее или южнее.

Именно в один из таких каньонов и устремился «Альбатрос», умерив при этом свою скорость, чтобы не наткнуться на стенки ущелья. Искусный кормчий, твердая рука которого уверенно сжимала послушный руль, вел воздушный корабль, как ведут первоклассное судно на состязаниях Королевского яхтклуба. Это было поистине необыкновенное зрелище. И, несмотря на всю свою досаду, оба противника «аппаратов тяжелее воздуха» невольно восхищались совершенством воздушного корабля.

Меньше чем за два с половиной часа колоссальный горный хребет был преодолен, и «Альбатрос» вновь помчался с прежней скоростью — сто километров в час. Спустившись ниже, он летел теперь к юго-западу, готовясь пересечь наискось территорию штата Юта. Воздушный корабль уже снизился на несколько сот метров, когда внимание дядюшки Прудента и Фила Эванса привлекли какие-то свистки.

Их издавал поезд Тихоокеанской железной дороги, направлявшийся к городу Большого Соленого озера.

В это мгновение, послушный тайному приказу, «Альбатрос» снизился еще больше и полетел над мчавшимся на всех парах составом. Его тотчас же заметили. Несколько человек показались в дверцах вагонов. Затем многочисленные пассажиры высыпали на площадки, соединяющие вагоны в американских поездах. Некоторые даже не побоялись вскарабкаться на крыши, чтобы лучше разглядеть летательную машину. Воздух огласился криками «гип-гип, ура!»; но

даже эти приветствия не заставили Робура показаться на палубе.

«Альбатрос» еще больше приблизился к земле, умерив скорость вращения подъемных винтов и замедлив свой полет, чтобы не опередить поезда, который ему ничего не стоило обогнать. Он летел над составом, точно гигантский жук, но мог в любую минуту превратиться в огромную хищную птицу. Воздушный корабль отклонялся то вправо, то влево, устремлялся вперед, возвращался назад, а над ним гордо реяло черное полотнище с золотым солнечным диском посредине. Начальник поезда развернул в ответ украшенный тридцатью семью звездами флаг Американской Федерации.

Напрасно узники пытались воспользоваться удобным случаем и сообщить о том, что с ними произошло. Напрасно председатель Уэлдонского ученого общества кричал во все горло:

— Я — дядюшка Прудент из Филадельфии!

А секретарь общества вторил ему:

— Я — Фил Эванс, его коллега!

Их голоса тонули в громких криках «ура», которыми пассажиры поезда приветствовали полет «Альбатроса».

Но вот три или четыре члена экипажа воздушного корабля показались на палубе. Один из них, по примеру моряков, обгоняющих другое судно, показал поезду конец каната, в насмешку предлагая взять его на буксир.

И «Альбатрос» понесся вперед со своей обычной скоростью; в каких-нибудь полчаса он оставил экспресс далеко позади, и вскоре последний дымок паровоза растаял на горизонте.

В час пополудни вдали показался огромный диск, который отбрасывал солнечные лучи, точно гигантский рефлектор.

— Это, должно быть, столица мормонов Солт-Лейк-Сити! — воскликнул дядюшка Прудент.

И в самом деле, под ними лежал город Большого Соленого озера, а сверкающий диск был круглым куполом храма, в котором с удобством располагались

около десяти тысяч «святых» — мормонов. Подобно выпуклому зеркалу, купол отбрасывал солнечные лучи во всех направлениях.

Этот большой город, раскинувшийся у подножья Уосатчских гор, склоны которых до половины одеты кедрами и елями, стоит на берегу нового Иордана, несущего воды Юты в Большое Соленое озеро. С воздушного корабля он казался шашечной доской, на которую действительно походят многие американские города; но об этой шашечной доске можно было, пожалуй, сказать, что на ней «больше дамок, чем клеток», ибо, как известно, у мормонов процветает многоженство. Вокруг простирался хорошо обработанный, зеленеющий, богатый шерстью край, в котором стада овец насчитываются тысячами.

Но и самый город и окружающая местность промелькнули как тень, и «Альбатрос» стремительно понесся к юго-западу. Теперь быстрота его полета была весьма ощутима, ибо превышала скорость ветра.

Вскоре воздушный корабль уже летел над Невадой. Богатая серебром территория этого штата отделена от золотоносных земель Калифорнии только горами Сьерры.

— Бьюсь об заклад, — заявил Фил Эванс, — что мы еще до наступления ночи увидим огни Сан-Франциско!

— А что дальше?.. — спросил дядюшка Прудент.

В шесть часов вечера воздушный корабль пересек хребет Сьерры-Невады через ущелье Траки, по которому проходит полотно железной дороги. Оставалось преодолеть всего лишь триста километров, чтобы достичь если не Сан-Франциско, то уж во всяком случае столицы штата Калифорния — Сакраменто.

И такова была в то время скорость «Альбатроса», что не пробило еще и восьми часов, как на западе показался купол Капитолия, который вскоре исчез на противоположной стороне небосклона.

В эту минуту на палубе показался Робур. Коллеги направились к нему.

— Инженер Робур, — начал дядюшка Прудент, —

мы уже достигли западных пределов Америки! Не пора ли положить предел и вашей шутке?..

— Я никогда не шучу, — возразил Робур.

Он подал знак. «Альбатрос» устремился вниз с такой скоростью, что пассажирам пришлось спешно укрыться в рубках.

Не успела дверь каюты захлопнуться, как дядюшка Прудент воскликнул:

— Еще секунда, и я бы его придушил!

— Нам надо бежать! — отозвался Фил Эванс.

— Да!.. Во что бы то ни стало!

Внезапно до них докатился протяжный гул.

Это был рокот морских валов, дробившихся о прибрежные скалы. Внизу лежал Тихий океан.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

*в которой «Альбатрос» преодолевает расстояние в
десять тысяч километров и заканчивает перелет
великолепным прыжком*

Дядюшка Прудент и Фил Эванс окончательно решились бежать. Но почему они не отважились на открытую борьбу? Ведь смелое нападение могло бы сделать их господами положения на борту «Альбатроса» и позволило бы им вновь опуститься на землю в каком-нибудь пункте Соединенных Штатов. Нельзя, однако, забывать, что экипаж воздушного корабля состоял из восьми здоровенных мужчин, и надеяться одолеть их вдвоем — на Фриколлина рассчитывать не приходилось — было бы чистейшим безумием! Итак, поскольку силу применить было невозможно, оставалось действовать хитростью, как только «Альбатрос» возвратится на землю. Именно это Фил Эванс и старался втолковать своему вспыльчивому спутнику, ибо все время опасался, как бы тот необдуманным поступком не осложнил их и без того трудного положения.

Но, так или иначе, время действовать еще не пришло. Воздушный корабль с огромной скоростью неся

над северной частью Тихого океана. На следующее утро, 16 июня, земля совсем скрылась из виду. И так как американское побережье, начиная с острова Ванкувер и вплоть до группы Алеутских островов (части Северной Америки, которую Россия уступила Соединенным Штатам в 1867 году), образует вытянутую на северо-запад дугу, то было вполне вероятно, что «Альбатрос» вновь пересечет западный выступ этого побережья, если только направление его полета до тех пор не изменится.

Какими долгими казались теперь ночи обоим коллегам! Вот почему по утрам они торопились покинуть свою каюту. Однако, когда они в то утро вышли на палубу, оказалось, что заря давно уже позолотила восточную часть небосклона. Приближалось июньское солнцестояние — самый длинный день в году для всего Северного полушария, и на шестидесятой параллели в эту пору ночь почти не спускается на землю.

По своему обыкновению, а быть может, и намеренно, инженер Робур не спешил в тот день выйти из рубки. Появившись, наконец, на палубе, он ограничился тем, что молча поклонился своим гостям, повстречав их на корме воздушного корабля.

Тем временем отважился покинуть каюту и Фриколлин. Он нерешительно подвигался вперед, как человек, ступающий по зыбкой почве. Глаза его покраснели от бессонницы, взор блуждал, ноги подкашивались. Прежде всего он торопливо посмотрел вверх и вздохнул с облегчением: подъемные винты вращались равномерно и безостановочно.

Вслед за тем негр неверной походкой подошел к перилам и, чтобы не потерять равновесия, вцепился в них обеими руками. По всей видимости, ему тоже хотелось взглянуть на страну, над которой «Альбатрос» парил на высоте не более двухсот метров.

Фриколлин, должно быть, сильно осмелел, коль скоро решился подвергнуть такому риску свою особу. И, надо полагать, он весьма гордился собственной отвагой.

Сначала негр откинулся всем телом подальше от перил; затем потряс поручни, чтобы убедиться в их

прочности; затем выпрямился; затем наклонился вперед и слегка перегнулся за борт. Нечего и говорить, что все эти гимнастические упражнения он проделывал зажимившись. Наконец он открыл глаза.

Какой вопль вырвался из его груди! Как стремительно отпрянул он от перил! И как глубоко втянул при этом голову в плечи!

Далеко внизу Фриколлин увидел безбрежный океан. Не будь волосы негра такими курчавыми, они, наверно, встали бы дыбом.

— Море!.. Море!.. — завопил он и грохнулся бы на палубу, если бы подоспевший повар не подхватил его.

Повар «Альбатроса» Франсуа Тапаж был француз, быть может гасконец. Если же он и не был гасконцем, то, должно быть, в детстве вдыхал воздух Гаронны. Каким образом Франсуа Тапаж оказался на службе у инженера? Какой случайности был он обязан тем, что стал членом экипажа воздушного корабля? Об этом ничего неизвестно. Так или иначе, этот весельчак болтал по-английски, как прирожденный янки.

— Эй, держись, держись! — воскликнул он, угощая негра сильным пинком в поясницу.

— Мистер Тапаж!.. — только и мог пролепетать бедняга, бросая отчаянные взгляды на винты.

— Что тебе, Фриколлин?

— Эта штука еще никогда не разбивалась?

— Нет! Но рано или поздно разобьется.

— Почему?.. Почему?..

— Потому что все приедается, все разбивается, все кончается, как говорят в наших краях.

— Но ведь под нами море!..

— Ну, коли падать, так уж лучше в море.

— Но тогда мы потонем!..

— Лучше уж потонуть, чем разлететься вдребезги! — отвечал Франсуа Тапаж, скандируя каждый слог.

Минуту спустя Фриколлин, извиваясь, как ящерица, проскользнул в свою каюту.

Весь этот день, 16 июня, воздушный корабль летел со средней скоростью. Держась лишь в сотне футов

от воды, он плавно скользил над залитой солнцем поверхностью словно дремавшего океана.

Дядюшка Прудент и его спутник оставались в каюте, не желая встречаться с Робуром, который, покуривая трубку, прогуливался по палубе то в одиночестве, то в обществе своего боцмана Тома Тэрнера. Подъемные винты вращались почти в два раза медленнее обычного, но и этого было достаточно, чтобы удерживать летательный аппарат в нижних слоях атмосферы.

Поэтому, если бы в той части Тихого океана водилось много рыбы, экипаж «Альбатроса» охотно занялся бы рыбной ловлей, которая не только нарушила бы однообразие путешествия, но и внесла разнообразие в ежедневный рацион. Однако на поверхности океана время от времени показывались лишь киты с желтым брюхом, достигающие двадцати пяти метров в длину. Это наиболее грозные представители породы китообразных, встречающиеся в северных морях. Китобои и те остерегаются нападать на них — так велика сила этих морских исполинов.

Однако, применив обычный гарпун или снаряд Флетчера, называемый также «бомба-дротик», которых имелось немало на борту воздушного корабля, можно было, не подвергаясь серьезной опасности, заняться охотой на кита.

Но кому нужно такое бесполезное убийство? И все же, видимо желая дать членам Уэлдонского ученого общества наглядное представление о великолепных качествах «Альбатроса», Робур разрешил начать охоту на одно из этих громадных животных.

Заслышав возглас: «Кит! Кит!», дядюшка Прудент и Фил Эванс выбежали из каюты. Не показалось ли какое-нибудь китобойное судно?.. Они так жаждали вырваться из своей летающей тюрьмы, что, появившись на море корабль, готовы были кинуться в воду в надежде, что их подберет посланная за ними шлюпка.

Экипаж «Альбатроса» в полном составе уже построен на палубе. Все ждали.

— Ну что ж, приступим, мистер Робур? — спросил боцман Тэрнер.

— Хорошо, Том, — ответил инженер.

Механик и оба его помощника уже находились на своих постах в машинном отделении; по первому знаку Робура они готовы были повернуть воздушный корабль в любом направлении. Тем временем «Альбатрос» еще снизился и замер футах в пятидесяти над поверхностью океана.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс отметили про себя, что на морской глади не видно никаких признаков корабля и никакой земли, куда они могли бы добраться вплавь, если даже допустить, что Робур не стал бы их преследовать.

Несколько фонтанов пара и воды, выпущенных через дýхала китов, выдали присутствие животных, всплывших подышать на поверхность моря.

Том Тэрнер и его помощник стали на носу «Альбатроса». Рядом уже лежал наготове снаряд, состоявший из бомбы с дротиком; этими снарядами, изготовляемыми в Калифорнии, стреляют из аркебузы. Они представляют собою металлический цилиндр, заканчивающийся небольшой бомбой, также цилиндрической формы, с гарпуном на конце.

Робур тоже расположился в носовой части. С того места, где обычно стоял вахтенный, он правой рукой подавал команду механикам, а левой — рулевому. Это позволяло инженеру управлять движением воздушного корабля в обеих плоскостях — горизонтальной и вертикальной — и во всех направлениях. Просто удивительно, с какой быстротой, с какой точностью летательный аппарат подчинялся его воле. Могло показаться, что «Альбатрос» — живое существо, душою которого является Робур.

— Кит!.. Кит!.. — вновь послышался возглас Тома Тэрнера.

В самом деле — в четырех кабельтовых от «Альбатроса» — на поверхности моря показалась спина кита.

Воздушный корабль понесся вперед, в погоню за гигантским животным, и остановился футах в шестидесяти от него.

Том Тэрнер приложил к плечу аркебузу, покоившуюся на специальной сошке, укрепленной в носовой

части «Альбатроса». Раздался выстрел, и снаряд на длинном канате, прочно привязанном к палубе, вонзился в кита. Наполненная взрывчатым веществом бомба разлетелась на куски, а заключенный в ней небольшой гарпун с двумя зубцами глубоко впился в тело животного.

— Внимание! — крикнул Том Тэрнер.

Как ни дурно были настроены дядюшка Прудент и Фил Эванс, они все же невольно заинтересовались этой охотой.

Тяжело раненный кит с такой силой ударил хвостом по поверхности моря, что вода фонтаном взметнулась вверх и обдала брызгами воздушный корабль. Затем он нырнул глубоко в воду, таща за собой канат, который быстро и ловко разматывал Том Тэрнер. Бухта каната была уложена в кадку с водой, чтобы не дать ему воспламениться от трения. Вскоре кит вновь появился на поверхности океана и с невероятной быстротой устремился к северу.

«Альбатрос», оказавшись таким образом на буксире, понесся вслед за китом, стараясь держаться с ним на одной линии. Гребные винты были остановлены, и животному до поры до времени не мешали делать, что оно хочет. Том Тэрнер готов был немедленно обрубить канат, если бы кит вновь нырнул в море, что было опасно для воздушного корабля.

За полчаса исполинское животное протащило «Альбатрос» на целых шесть миль, но чувствовалось, что кит начинает слабеть.

Тогда по знаку Робура помощники механика дали задний ход, и гребные винты стали оказывать сопротивление киту, который был вынужден мало-помалу приблизиться к «Альбатросу».

Теперь воздушный корабль парил всего лишь в двадцати пяти футах над животным. Кит все еще неистово бил хвостом по воде. Переворачиваясь со спины на брюхо, он поднимал огромную волну.

Вдруг кит принял почти вертикальное положение и так стремительно стал уходить под воду, что Том Тэрнер с трудом поспевал разматывать канат.

В одно мгновение воздушный корабль оказался над самой поверхностью океана. Там, где исчезло животное, возник настоящий водоворот. Мощный вал морской воды обрушился на носовую часть «Альбатроса», как бывает, когда корабль движется против ветра и волн.

По счастью, Том Тэрнер ударом топора тут же перерубил канат. Освободившись от буксира, «Альбатрос», подъемные винты которого работали в полную силу, взмыл метров на двести вверх.

Надо заметить, что все это время Робур с редким хладнокровием управлял летательным аппаратом.

Через несколько минут кит вновь появился на поверхности — на этот раз уже мертвый. Морские птицы, слетевшись со всех сторон, набросились на его труп, испуская крики, способные оглушить даже парламент.

«Альбатрос», которому его добыча была ни к чему, продолжал свой полет на запад.

На следующий день, 17 июня, часов в шесть утра, на горизонте появились очертания какой-то земли. Перед воздушным кораблем лежали полуостров Аляска и растянутая цепь скалистых Алеутских островов.

«Альбатрос» быстро оставил за собой этот сухопутный барьер, который кишмя кишит моржами; здесь их бьют алеуты для Русско-Американской компании. Что за великолепный промысел — охота на этих животных с рыжей шерстью, достигающих шести-семи футов в длину, при весе от трехсот до пятисот фунтов! Нескончаемые ряды моржей, словно приведенное в боевую готовность многотысячное войско, тянулись вдоль всего побережья.

При появлении «Альбатроса» животные даже не пошевелились. Этого нельзя сказать о нырках и черно-головых гагарах, которые оглашали хриплыми криками водные просторы и испуганно скрывались под водой, точно им угрожало какое-то ужасное воздушное чудовище.

Путь в две тысячи километров над Беринговым морем, от первых Алеутских островов до крайнего мыса Камчатки, был преодолен за двадцать четыре часа.

Все это время обстоятельства не позволяли дядюшке Пруденту и Филу Эвансу привести в исполнение свой глан побега. На этих пустынных берегах Восточной Азии, как и на просторах Охотского моря, любая попытка бегства была обречена на неудачу. «Альбатрос», го всей видимости, направлялся к побережью Японии или Китая. Хотя, пожалуй, было бы не слишком благоразумно доверяться гостеприимству китайцев или японцев, узники все же решили бежать, если только воздушный корабль сделает остановку в одной из этих стран.

Но остановится ли он? Ведь «Альбатрос» не похож ни на птицу, которая в конце концов устает от продолжительного полета, ни на воздушный шар, который из-за недостатка газа вынужден возвращаться на землю, — у него есть все необходимое еще на много недель, а его прочным машинам и винтам не угрожают ни поломки, ни повреждения.

Восемнадцатого июня воздушный корабль совершил прыжок над полуостровом Камчатка; внизу промелькнули Ключевская сопка и едва различимые строения Петропавловска. Затем последовал второй прыжок над Охотским морем, приблизительно на широте Курильских островов, которые образуют естественную плотину, пересеченную сотнями небольших каналов. Девятнадцатого утром «Альбатрос» достиг пролива Лаперуза, расположенного между северной частью Японии и островом Сахалин; затем он пересек узкий рукав, в который впадает великая сибирская река Амур.

В тот день землю окутал необычайно густой туман, и, спасаясь от него, воздушный корабль устремился в верхние слои атмосферы. Он поднялся над этими клубами испарений не для того, чтобы сохранить безопасность полета: на такой высоте «Альбатросу» нечего было опасаться никаких препятствий — ни высоких сооружений, на которые он рисковал бы налететь, ни гор, о которые он мог бы разбиться. К тому же внизу тянулись лишь невысокие холмы. Однако водяные пары были весьма неприятны: от них все отсырело бы на борту.

Воздушный корабль без всякого труда преодолел плотный слой тумана, толщиной от трехсот до четырехсот метров, только его подъемные винты завертелись быстрее, и вскоре «Альбатрос» вновь оказался в заливых солнечных лучами небесных просторах.

В таких условиях дядюшке Пруденту и Филу Эвансу нелегко было бы осуществить свой план побега, если бы им даже и удалось покинуть борт воздушного корабля.

В тот день Робур, проходя мимо них, на мгновение остановился и с самым безразличным видом заговорил:

— Господа, паровое или парусное судно, попавшее в полосу тумана, из которого оно не может выйти, всегда испытывает серьезные трудности. Оно движется вслепую, все время оглашая воздух свистками и гудками. Ему приходится уменьшать ход, но, несмотря на все меры предосторожности, судну каждый миг угрожает опасность столкновения. «Альбатросу» неизвестны эти тревоги. Что ему туманы, если он без труда может покинуть их зону? Пространство, безмерное пространство всецело принадлежит ему!

Высказав это, инженер безмятежно продолжал свою прогулку, даже не дожидаясь ответа, на который он, видимо, и не рассчитывал; клубы дыма, поднимавшиеся из его трубки, медленно таяли в небесной лазури.

— Дядюшка Прудент, — негромко заметил Фил Эванс, — похоже, что этому удивительному «Альбатросу» все нипочем!

— Ну, это мы еще увидим! — отвечал председатель Уэлдонского ученого общества.

Туман с упорством, достойным лучшего применения, преследовал воздушный корабль целых три дня — 19, 20 и 21 июня. «Альбатросу» пришлось подняться еще выше, чтобы не налететь на японский вулкан Фудзияму. А когда пелена тумана, наконец, рассеялась, внизу показался огромный город с дворцами, виллами, охотничьими домиками, садами и парками. Даже не видя этого города, его легко было узнать по лаю несметного множества собак, крику хищных птиц и, главное, по трупному запаху, которым тела казненных отравляли воздух.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс находились на палубе в ту минуту, когда инженер по этому ориентиру намечал курс «Альбатроса» на случай, если бы пришлось продолжать путь в тумане.

— Господа, — заявил он, — у меня нет никаких причин скрывать от вас, что мы находимся над столицей Японии — Иеддо.

Дядюшка Прудент ничего не ответил. В присутствии инженера он буквально задыхался от негодования, словно ему не хватало воздуха.

— Вид на Иеддо, — продолжал Робур, — поистине очень любопытен.

— Как бы он ни был любопытен... — возразил Фил Эванс.

— Он не идет ни в какое сравнение с видом на Пекин? — подхватил инженер. — Я того же мнения, и вы довольно скоро получите возможность судить об этом сами.

Ну, можно ли быть учтивее?!

«Альбатрос», который до тех пор летел на юго-восток, переменял теперь свое направление на четыре румба и стал прокладывать себе новый путь прямо на запад.

За ночь туман растаял. Но утром появились признаки близкого тайфуна: барометр быстро падал, водяные пары исчезли, зато образовались огромные тучи эллипсовидной формы, словно приклеенные к медной тверди небес; на противоположной стороне потемневшего горизонта отчетливо выступили длинные полосы темнокрасного цвета, лишь на севере виднелся большой совсем чистый участок неба; море лежало недвижно и тихо, но воды его приняли на закате мрачный темнobaгровый оттенок.

По счастью, тайфун разразился немного южнее, и это привело к тому, что сгустившиеся за последние дни туманы рассеялись.

За какой-нибудь час «Альбатрос» пересек двухсоткилометровую ширь Корейского пролива, а затем и острый выступ одноименного полуострова. И в то время как тайфун бесновался у юго-восточного побережья Китая, воздушный корабль парил над водами

Желтого моря, а 22 и 23 июня — над заливом Петшели; двадцать четвертого он пролетел над долиной Байхэ и достиг наконец столицы Небесной империи.

Перегнувшись через перила палубы, дядюшка Прюдент и Фил Эванс, как и предсказывал инженер, могли ясно разглядеть этот огромный город, разделенный стеною на две части — маньчжурскую и китайскую, все его двенадцать предместий, сходящиеся к центру просторные бульвары, храмы, желтые и зеленые крыши которых купались в то утро в лучах восходящего солнца, и парки, окружающие дворцы мандаринов; в маньчжурской части Пекина, на площади в шестьсот шестьдесят восемь гектаров, раскинулся Желтый город с его пагодами, императорскими садами, искусственными озерами и угольной горою, господствующей над столицей; наконец в центре Желтого города — словно один квадрат китайской головоломки, втиснутый в другой, — высился Красный город, иными словами, императорский дворец, поражающий воображение причудами своей неправдоподобной архитектуры.

В это мгновение воздух под «Альбатросом» наполнился какими-то необъяснимыми звуками: казалось, вокруг поют эоловы арфы. В небе парила добрая сотня воздушных змеев различной формы, сделанных из пальмовых листьев или листьев пандануса; в их верхней части были укреплены легкие деревянные луки с натянутыми на них тонкими пластинками из бамбука. Под дуновением ветра они пели на все лады, напоминая своими меланхолическими звуками переливы гармоники. Казалось, вдыхая воздух, вы с кислородом вдыхаете музыку!

Робуру пришла в голову причуда приблизиться к этому небесному оркестру, и «Альбатрос» медленно окунулся в звуковые волны, которые воздушные змеи посылали в пространство.

Появление воздушного корабля произвело необыкновенное впечатление на собравшихся внизу многочисленных обитателей Пекина. Оглушительные звуки там-тама и других ужасных инструментов китайского оркестра, тысячи ружейных залпов, сотни выстрелов

из мортир — все было пущено в ход, чтобы отогнать воздушный корабль. Если китайские астрономы и догадались в тот день, что летательная машина была именно тем движущимся телом, появление которого породило в мире столько споров, то миллионы жителей Небесной империи — от простого лодочника до самого чванливого мандарина — сочли ее апокалиптическим чудовищем, неизвестно как появившимся в подвластных Будде небесах.

Экипаж неприступного «Альбатроса» не обращал никакого внимания на эти враждебные действия. Тем временем веревки, за которые воздушные змеи были привязаны к колям, вбитым в императорских садах, либо обрзали, либо поскорей притянули к земле. Некоторые летающие игрушки с громким пением быстро спустились вниз, другие стремительно упали, точно сраженные свинцом птицы, чья песня обрывается вместе с последним дыханием.

И тогда над столицей разнеслись грозные звуки трубы Тома Тэрнера, покрывая последние ноты воздушного концерта.

Однако это не прекратило стрельбы. Когда один из снарядов разорвался в нескольких десятках футов от «Альбатроса», воздушный корабль взмыл в недостижимые слои атмосферы.

Как прошли следующие дни? За все это время пленникам ни разу не представился подходящий случай, которым они могли бы воспользоваться. В каком направлении двигался «Альбатрос»? Неизменно на юго-запад, что говорило о намерении Робура приблизиться к Индостану. Между тем рельеф местности все время повышался, и воздушному кораблю приходилось непрерывно набирать высоту. Часов через десять после того, как он оставил за собой Пекин, взорам дюшки Прудента и Фила Эванса предстала проходящая вблизи провинции Шэньси Великая стена. Затем, обойдя горы Лунь, «Альбатрос» пересек долину реки Хуанхэ и перелетел границу Китайской империи в районе Тибета.

Тибет — высокое нагорье, почти полностью лишенное растительности; здесь чередуются снежные вершины, высохшие овраги, питаемые ледниками потоки,

низины с блестящими на солнце соляными пластами, обрамленные зелеными лесами озера. И надо всем этим вечно дует ветер, ледяной ветер.

Барометр, упавший до 450 миллиметров, указывал теперь на высоту свыше четырех тысяч метров над уровнем моря. На этой высоте температура, хотя дело происходило в самые жаркие для Северного полушария месяцы, не поднималась выше нуля. Такое похолодание при быстром полете «Альбатроса» делало пребывание на палубе почти невозможным. Поэтому, хотя к услугам обоих коллег и были теплые пледы, они предпочли удалиться в каюту.

Вполне понятно, что подъемным винтам «Альбатроса» приходилось работать с максимальной скоростью, чтобы удерживать его в сильно разреженной атмосфере. Но они работали великолепно, и их вибрирующие лопасти как будто укачивали пассажиров воздушного корабля.

В тот день жители Гартока, центра провинции Гари-Корсум в Западном Тибете, видели, как над ними пролетел «Альбатрос», который с земли казался не больше обыкновенного почтового голубя.

Двадцать седьмого июня дядюшка Прудент и Фил Эванс заметили рассекавший небо гигантский горный барьер, над которым господствовало несколько высоких пиков, затерянных среди снегов. Оба они стояли прислонившись к передней рубке, — так легче было переносить быстрое движение воздушного корабля, — и смотрели на колоссальные громады, казалось, бежавшие навстречу «Альбатросу».

— Это, очевидно, Гималаи, — заметил Фил Эванс, — Робур, по всей вероятности, не рискнет перелететь в Индию и направит свой корабль вдоль их отрогов.

— Тем хуже! — ответил дядюшка Прудент. — На огромной территории Индии мы, пожалуй, могли бы...

— Если только он не вздумает обойти эту горную систему с востока — над Бирмой — или с запада — над Непалом.

— Так или иначе, бьюсь об заклад, что он не отважится пересечь Гималаи!

— Вы в этом уверены?! — отозвался чей-то голос.

На следующий день, 28 июня, «Альбатрос» уже находился над провинцией Занг, расположенной перед самым горным массивом. По другую сторону Гималаев лежало княжество Непал.

Если приближаться к Индии с севера, путь к ней преграждают три параллельных горных хребта. Два северных хребта, между которыми скользил в то время «Альбатрос», как корабль между огромными подводными рифами, представляют собою первые ступени этого гигантского барьера, возвышающегося в Центральной Азии. Сначала тянется горная цепь Куэнь-Лунь, а за нею — Каракорум; они окаймляют долину, идущую вдоль Гималаев почти параллельно линии вершин, которые образуют водораздел между бассейнами Инда, на западе, и Брахмапутры, на востоке.

Что за величественная горная система! Она насчитывает более двухсот уже измеренных вершин, из которых семнадцать поднимаются выше, чем на двадцать пять тысяч футов над уровнем моря. Перед «Альбатросом» вздымалась гора Эверест высотой в восемь тысяч восемьсот сорок метров. Направо виднелась гора Далагири, достигающая восьми тысяч двухсот метров, налево — гора Кинчинджунга, возносящаяся на восемь тысяч пятьсот девяносто два метра; после недавних измерений высоты Эвереста обе эти каменные громады уже не считаются больше самыми высокими на земле.

Очевидно, Робур не собирался лететь над этими вершинами; он несомненно знал, что в Гималаях существуют различные перевалы, и среди них — на высоте шести тысяч восьмисот метров — перевал Иби-Гамен, который братья Шлагинтвейт пересекли в 1856 году; и инженер решительно устремился туда.

Наступило несколько тревожных, можно сказать, даже тягостных часов. Правда, воздух был не настолько разрежен, чтобы пополнять его кислородом с помощью специальных аппаратов, но холод был весьма ощутим.

Робур все время находился на носу «Альбатроса» и уверенно вел воздушный корабль вперед; его мужественное лицо было скрыто под капюшоном плаща.

Том Тэрнер стоял у руля. Механик внимательно наблюдал за работой батарей: к счастью, наполнявшая их кислота не страшилась мороза. Винты, вращавшиеся с головокружительной быстротой, издавали пронзительный свист, который все усиливался несмотря на уменьшение плотности воздуха. Барометр упал до 290 миллиметров, что указывало на высоту в семь тысяч метров.

Какое великолепное хаотическое нагромождение гор окружало воздушный корабль! Всюду — белоснежные вершины. Нигде не видно озер: вместо них ледники, спускающиеся на десять тысяч футов. Никакой травы, одни лишь редкие явнобрачные растения, доходящие до последней границы растительной жизни. Никаких сосен и кедров, которыми так богаты нижние склоны хребтов, покрытые густыми лесами. Ни гигантских папоротников, ни бесконечных лиан, оплетающих стволы деревьев в непроходимых джунглях. Никаких животных — ни диких лошадей, ни яков, ни тибетских быков: лишь изредка мелькнет заблудившаяся в горах серна. Никаких птиц, если не считать нескольких ворон, которые отваживаются залетать в самые верхние слои атмосферы.

Наконец перевал был преодолен, и «Альбатрос» стал постепенно снижаться. Вскоре он миновал полосу лесов, и теперь под ним, насколько хватал взор, расстилалась бесконечная гладь полей.

В эту минуту Робур приблизился к своим гостям и самым любезным тоном произнес:

— Индия, господа!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

*из которой читатель узнает, как и почему слуга
Фриколлин оказался на буксире*

Инженер Робур не имел ни малейшего желания вести свой летательный аппарат над чудесными долинами Индостана. Пересечь Гималаи, чтобы показать, каким великолепным средством воздушного сообщения

он обладает, убедить даже тех, кто не хотел поддаваться убеждениям, — вот, собственно, все, чего он добивался. Однако значит ли это, что «Альбатрос» был совершенством, если даже допустить, что в нашем мире можно достигнуть совершенства? Предоставим судить об этом самому читателю.

Во всяком случае, если в глубине души дядюшка Прудент и его коллега и восхищались замечательным аппаратом для воздушных сообщений, то они и виду не подавали. Прежде всего они искали случая бежать. Их даже не занимали изумительные картины природы, пронесившиеся перед глазами, когда «Альбатрос» пролетал над живописными рубежами Пенджаба.

У подножья Гималаев растянулась целая полоса болотистых мест, над которыми поднимаются вредоносные испарения — область Тераи, где распространена особая местная форма лихорадки. Но это ни сколько не тревожило экипаж воздушного корабля, ибо не могло нанести ущерб здоровью людей. «Альбатрос» не спеша направлялся к выступу, который образует Индия на границе с Туркестаном и Китаем. Ранним утром 29 июня перед пассажирами воздушного корабля появилась неповторимая в своей прелести долина Кашмира.

Да, поистине неповторимо это длинное ущелье, образуемое Большими и Малыми Гималаями! Изборозженное сотнями небольших отрогов, которые, отходя от гигантского горного массива и постепенно снижаясь, тянутся вплоть до бассейна Гидаспа¹, оно орошается водами этой прихотливо бегущей реки, на берегах которой столкнулись армии Пора и Александра в те времена, когда Греция и Индия сошлись в жестокой схватке в самом сердце Азии. Она все так же течет и в наши дни, эта река Гидасп, тогда как два города, основанные великим Македонцем в память об одержанной им победе, бесследно исчезли, так что невозможно даже обнаружить место, где они некогда располагались.

¹ Ныне река Джелам. (Прим. ред.)

В то утро «Альбатрос» пролетал над Сринагаром, более известным под именем Кашмира. Дядюшка Прудент и его спутник увидели прекрасный город, раскинувшийся по обоим берегам реки: натянутые, точно струны, деревянные мосты, охотничьи домики с резными балконами, аллеи, обсаженные стройными тополями, обложенные дерном крыши, похожие на небольшие пригорки, многочисленные каналы, по которым сновали лодки, напоминавшие сверху ореховые скорлупки, с перевозчиками не больше муравьев, дворцы, храмы, беседки, мечети, бунгало, построенные в городских предместьях, — весь этот пестрый ансамбль, повторенный своим отражением в воде; немного поодаль виднелась крепость Гари-Парвата, воздвигнутая на вершине холма, подобно самому грозному из парижских укреплений, воздвигнутому на вершине Мон-Валерьен.

— Будь мы в Европе, — заметил Фил Эванс, — этот город можно было бы принять за Венецию.

— Будь мы в Европе, — подхватил дядюшка Прудент, — мы быстро сумели бы отыскать путь в Америку!

«Альбатрос» не стал задерживаться над озером, через которое протекают воды Гидаспа, и продолжал свой полет над речной долиной.

Около получаса он оставался неподвижным в каких-нибудь десяти метрах над поверхностью реки. С помощью резинового рукава, опущенного с палубы, Том Тэрнер и его люди занялись пополнением запаса воды, которую накачивал насос, приводившийся в действие током от аккумуляторов.

Наблюдая за этой работой, дядюшка Прудент и Фил Эванс быстро переглянулись. Одна и та же мысль блеснула у них в голове. Всего несколько метров отделяло их от поверхности Гидаспа. До берега было недалеко, а оба были превосходными пловцами. Стоило им только нырнуть поглубже и поплыть под водою, — и они оказались бы на свободе! Робуру не удалось бы вновь захватить их; ведь для того, чтобы гребные винты «Альбатроса» могли вращаться, он должен был

лететь не ниже, чем в двух метрах над поверхностью воды.

Все это с быстротой молнии пронеслось в их мозгу. Все шансы «за и против» были мгновенно взвешены, и пленники разом бросились к борту «Альбатроса», но несколько пар рук крепко схватили их за плечи.

Оказывается, за ними следили. Бежать было невозможно.

Однако на сей раз узники не захотели уступить без борьбы. Они попытались оттолкнуть тех, кто их удерживал. Но члены экипажа «Альбатроса» были дюжими молодцами!

— Господа, — спокойно заявил инженер, — те, кто имеет удовольствие путешествовать в обществе человека, которого вы сами так удачно назвали Робуром-Завоевателем, не покидают его великолепный воздушный корабль таким образом... на английский манер! Я сказал бы даже, что его вообще не покидают!

Фил Эванс поспешил увести с палубы своего коллегу, иначе тот решился бы, пожалуй, на какой-нибудь безрассудный поступок. Возвратившись в каюту, оба поклялись бежать во что бы то ни стало, даже с опасностью для жизни.

«Альбатрос» теперь вновь летел на запад. В тот день, двигаясь со средней скоростью, он миновал территорию Кабулистана, столица которого мгновенно промелькнула под ним, и пересек границу королевства Герат, расположенного на расстоянии тысячи ста километров от Кашмира.

Эти области до сих пор служат предметом ожесточенного соперничества, ибо через них Россия может проложить себе путь к британским владениям в Индии; с палубы воздушного корабля можно было различить внизу скопление людей, колонны, обозы — словом, все, что образует людской состав и материальную часть армии на марше. С земли доносились пушечные выстрелы и ружейная пальба. Однако инженер никогда не вмешивался в чужие дела, кроме тех случаев, когда он считал это вопросом чести или гуманности. И «Альбатрос» пролетел мимо. Если Герат, как принято выражаться, действительно ключ к Центральной Азии, то

Робуру было совершенно безразлично, в чей карман — британский или московский — он попадет. Дела земные больше не занимали отважного человека, который превратил в свое владение воздушное пространство.

Впрочем, земля вскоре скрылась под настоящим песчаным ураганом, как это нередко случается в тех местах. Ветер — здешние жители называют его «теббад» — разносит вокруг микробы лихорадки, поднимая их с земли вместе с невесомыми частицами песка. И множество караванов погибает в этих смертоносных вихрях.

Чтобы спастись от песчаной пыли, угрожавшей повредить его зубчатые передачи, воздушный корабль поднялся в более безопасную зону, на высоту в две тысячи метров.

Таким образом граница Персии и ее обширные долины оказались скрытыми от пассажиров «Альбатроса». Скорость его движения была тогда очень невелика, хотя ему не приходилось опасаться никаких препятствий. В самом деле, если на карте здесь и отмечено несколько гор, то они достигают лишь небольшой высоты. Однако по мере приближения к столице Персии следовало остерегаться горы Демавенд, чья покрытая вечными снегами вершина вздымается почти на шесть тысяч шестьсот метров, а затем и всей горной цепи Эльбурс, у подножья которой раскинулся Тегеран.

На рассвете 2 июля из песчаного самума выступили очертания Демавенда.

«Альбатрос» направил свой путь к городу, скрытому в тучах тончайшей пыли.

Часам к десяти утра уже можно было различить широкие рвы, опоясывающие городские укрепления, и расположенный в центре дворец шаха, со стенами, покрытыми плитами фаянса, и водоемами, как будто высеченными в огромных глыбах бирюзы ослепительно голубого цвета.

Но вот Тегеран растаял вдали, точно мимолетное видение. С этого пункта «Альбатрос» изменил свой курс и теперь двигался почти прямо на север. Через несколько часов он уже находился над небольшим

городком, построенным у северного угла русско-персидской границы, на берегу большого водного бассейна, берегов которого не было видно ни на севере, ни на востоке.

Это был порт Ашур-аде, самый южный пограничный русский город. А водный бассейн оказался морем — Каспийским морем.

Здесь уже не наблюдалось песчаных вихрей. Пассажиры «Альбатроса» увидели под собой группу построек европейского типа, расположенных вдоль мыса, с возвышавшейся над ними колокольней.

Воздушный корабль снизился над Каспийским морем, воды которого лежат на триста футов ниже уровня океана. Весь вечер он летел над побережьем — некогда туркестанским, а в то время уже русским, — которое тянется к Балханскому заливу, а на следующий день, 3 июля, вновь парил в сотне метров над Каспийским морем.

Никакой суши на горизонте — ни со стороны Азии, ни со стороны Европы. На поверхности моря — лишь несколько наполненных ветром белых парусов. То были туземные суда, которые легко узнать по их очертаниям: кесбеи — двухмачтовые бриги, каюки — старинные пиратские одномачтовые суда, теймилы — простые сторожевые или рыбацьи лодки. До «Альбатроса» то и дело долетали клубы дыма, извергаемые трубами пароходов, которые Россия содержит в Ашур-аде для полицейской службы в тамошних водах.

В то утро Том Тэрнер в разговоре с поваром Франсуа Тапажем сказал.

— Да, мы пробудем около двух суток над Каспийским морем.

— Отлично, — отозвался повар. — Значит, сможем поудить рыбу?..

— Совершенно верно!

Уж если на перелет над Каспийским морем, которое занимает шестьсот двадцать пять километров в длину и двести километров в ширину, было решено затратить свыше сорока часов, понятно, что «Альбатрос» должен был лететь с весьма умеренной скоростью, а в часы рыбной ловли и вовсе стоять на месте.

Слова Тома Тэрнера услышал Фил Эванс, который находился на носу воздушного корабля.

Уже несколько минут Фриколлин упорно надоедал ему нескончаемыми жалобами, умоляя уговорить дядюшку Прудента, чтобы тот распорядился «спустить своего слугу на землю».

Пропустив мимо ушей эту нелепую просьбу, Фил Эванс возвратился на корму, к своему коллеге. Там, приняв все меры предосторожности, чтобы их не подслушали, он передал ему разговор боцмана и повара.

— Фил Эванс, — сказал в ответ дядюшка Прудент, — я полагаю, у вас не осталось никаких иллюзий относительно намерений этого негодяя на наш счет?

— Никаких, — подтвердил Фил Эванс. — Он возвратит нам свободу, когда ему заблагорассудится, если вообще когда-нибудь возвратит!

— В таком случае надо пойти на все, только бы покинуть «Альбатрос»!

— Откровенно говоря, превосходный летательный аппарат!

— Возможно! — нехотя отозвался дядюшка Прудент. — Но аппарат этот принадлежит проходимцу, который держит нас в плену без всякого на то права. Этот «Альбатрос» таит в себе и для нас и для наших сторонников постоянную опасность. И если нам не удастся его разрушить...

— Подумаем сначала о собственном спасении!.. — заметил Фил Эванс. — А там видно будет!

— Ладно! — отвечал дядюшка Прудент. — И воспользуемся первым же подходящим случаем. Надо полагать, Робур, перелетев Каспийское море, захочет затем пересечь Европу; поэтому он направится либо на север — в Россию, либо на запад — в южно-европейские страны. Так вот! В каком бы пункте мы ни опустились на землю, вплоть до самого Атлантического океана, везде нам обеспечено спасение. Значит, мы все время должны быть наготове.

— Однако, — как же мы сможем бежать?

— Слушайте внимательно. Случается, что ночью «Альбатрос» парит всего лишь в нескольких сотнях

футов над землей. А так как на борту есть несколько канатов такой длины, то, при некоторой отваге, с их помощью можно спуститься...

— Вы правы, — отозвался Фил Эванс, — и как только представится случай, я не колеблясь...

— Я тоже, — подхватил дядюшка Прудент. — Забудьте еще, что ночью на палубе бодрствует лишь рулевой, стоящий на корме. Один из этих канатов лежит в носовой части «Альбатроса», и, надо надеяться, мы сумеем размотать его так осторожно, что никто не увидит и не услышит...

— Прекрасно, — сказал Фил Эванс. — Я с удовлетворением замечаю, дядюшка Прудент, что вы стали куда хладнокровнее. Это особенно важно сейчас, когда нам предстоит действовать. Однако ведь мы теперь над Каспийским морем; под нами снуют многочисленные суда; «Альбатрос» вскоре снизится и не двинется с места до тех пор, пока не закончится рыбная ловля... Почему бы нам не воспользоваться этим?..

— Э! Да ведь за нами следят даже тогда, когда мы об этом и не подозреваем, — с досадой отвечал дядюшка Прудент. — Вы и сами могли в том убедиться, когда мы пытались спрыгнуть в воды Гидаспа.

— А кто знает, не следят ли за нами и по ночам? — возразил Фил Эванс.

— И, однако, пора со всем этим покончить! — вспыхнул дядюшка Прудент. — Да! Пора покончить и с самим «Альбатросом» и с его владельцем!

Читатель видит, что в порыве гнева узники — особенно дядюшка Прудент — способны были на самый отчаянный поступок, который, быть может, поставил бы под угрозу даже их собственную жизнь.

Чувство полной беспомощности, насмешливое презрение, которое выказывал им Робур, его резкие ответы — все это обостряло обстановку, становившуюся день ото дня все более напряженной.

В то утро новое происшествие привело к весьма прискорбному столкновению между Робуром и обоими коллегами, причем Фриколлин, сам того не подозревая, оказался его виновником.

При виде расстилавшегося внизу безбрежного моря трусишка до смерти перепугался. Словно ребенок, негр принялся вопить и протестовать, ломать руки и гримасничать.

— Я хочу домой!.. Я хочу домой!.. — причитал он. — Ведь я не птица! Я не создан, чтобы летать! Я хочу, чтобы меня высадили на землю... сейчас же!..

Нечего и говорить, что дядюшка Прудент даже не думал успокаивать Фриколлина; скорее наоборот. И в конце концов эти вопли вывели Робура из терпения.

Том Тэрнер и его люди уже собирались приступить к рыбной ловле, и, чтобы избавиться от Фриколлина, инженер распорядился запереть его в рубку. Но и там негр продолжал бесноваться, колотить в дверь и кричать во все горло.

Был полдень. «Альбатрос» держался всего в пяти или шести метрах от поверхности воды. Несколько суденышек, испуганных его появлением, пустились наутек. И вскоре эта часть Каспийского моря совершенно опустела.

Читатель, конечно, понимает, что в таких условиях, когда узникам достаточно было нырнуть в воду, чтобы спастись бегством, за ними должны были следить — и действительно следили — особенно тщательно. Пусть бы им даже удалось спрыгнуть с палубы, — их тотчас же вновь захватили бы с помощью резиновой лодки, имевшейся на борту «Альбатроса». Так что им пришлось смириться и ждать. Фил Эванс решил присутствовать при рыбной ловле, в то время как дядюшка Прудент, все еще пребывавший в состоянии бешенства, удалился в свою каюту.

Как известно, Каспийское море образовалось вследствие вулканического сжатия почвы. В этот огромный водоем впадает несколько больших рек: Волга, Урал, Кура, Кума, Эмба и другие. Если бы не испарения, которые избавляют от излишней воды эту огромную впадину площадью в семнадцать тысяч квадратных миль при средней глубине от шестидесяти до четырехсот футов, — Каспийское море затопило бы свои низ-

кие и болотистые берега на севере и востоке. Хотя эта гигантская лохань и не сообщается ни с Черным, ни с Аральским морями, уровень воды в которых значительно выше, в ней тем не менее водится очень много рыбы — разумеется, такой, которая легко переносит воду Каспийского моря, чей горький привкус объясняется примесью нефти, выбрасываемой источниками, расположенными в его южной части.

Предвкушая разнообразие, которое рыба внесет в ежедневный рацион, экипаж «Альбатроса» с явным удовольствием готовился к предстоящей ловле.

— Внимание! — закричал Том Тэрнер, вонзив гарпун в огромную рыбу, чем-то напоминавшую акулу.

То была великолепная белуга длиной в семь футов, принадлежавшая к семейству осетровых, икру которой, смешанную с солью, уксусом и белым вином, употребляют в пищу. Быть может, осетры, выловленные в реках, и вкуснее морских, но и эта добыча боцмана встретила радушный прием на борту «Альбатроса».

Надо сказать, что особенно богатый улов принесли сети: в них попало множество карпов, лещей, лососей и щук, которые водятся в морской воде, а главное, несметное количество стерляди средних размеров. Такую стерлядь доставляют живьем из Астрахани в Москву и Петербург для стола богатых гурманов. Пойманная в тот день стерлядь сразу попадала из своей родной стихии в кухонные котлы «Альбатроса», без дополнительных затрат на перевозку.

Члены экипажа весело тянули сеть, которую воздушный корабль перед тем тащил по морю на протяжении нескольких миль. Гасконец Франсуа Тапаж¹ буквально вопил от удовольствия, оправдывая тем самым свою фамилию. За какой-нибудь час все садки воздушного корабля были наполнены рыбой, и «Альбатрос» вновь устремился на север.

Все это время Фриколлин не переставая кричал и колотил в стенки своей каюты, словом, продолжал невыносимо шуметь.

¹ Слово «тапаж» (*tapage*) — по-французски означает «шум, крик».

— Этот чертов негр, видно, никогда не уймется! — воскликнул окончательно вышедший из себя Робур.

— Мне думается, сударь, у него есть все основания жаловаться! — заметил Фил Эванс.

— Да, так же как у меня есть все основания избавить свой слух от терзаний! — возразил Робур.

— Инженер Робур!.. — вмешался появившийся на палубе дядюшка Прудент.

— Председатель Уэлдонского ученого общества?!

Враги приблизились друг к другу. Их взоры скрестились.

Помедлив, Робур пожал плечами и приказал:

— На канат его!

Том Тэрнер понял инженера. Фриколлина вытащили из каюты.

Как он кричал, когда боцман и один из членов экипажа схватили его и втиснули в корзину, которую прочно привязали к концу каната!

То был как раз один из тех канатов, каким дядюшка Прудент, как уже знает читатель, хотел воспользоваться в своих целях.

Сначала Фриколлин подумал, что его собираются *повесить*... На самом же деле его собирались всего лишь *подвесить*!

Канат быстро размотали футов на сто в длину, и негр повис в пустоте.

Теперь он мог вопить сколько его душе угодно. Но от испуга у него перехватило дыхание, и несчастный совсем онемел.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс хотели воспротивиться этой экзекуции, но их оттолкнули.

— Это низость!.. Это подлость!.. — выкрикивал дядюшка Прудент вне себя от гнева.

— Вы полагаете? — отвечал Робур.

— Вы злоупотребляете силой, и я буду протестовать против этого не только словесно!

— Протестуйте, пожалуйста!

— Я отомщу, инженер Робур!

— Мстите себе на здоровье, председатель Уэлдонского ученого общества!

— Я отомщу и вам и вашим людям!

Члены экипажа «Альбатроса» приблизились с явно враждебными намерениями. Робур сделал им знак удалиться.

— Да!.. Я отомщу и вам и вашим людям!.. — повторял дядюшка Прудент, которого Фил Эванс безуспешно старался успокоить.

— Когда вам будет угодно! — ответил инженер.

— И всеми доступными мне средствами!

— Довольно! — крикнул Робур угрожающим тоном. — Ведь на борту есть и другие канаты, и господину недолго последовать за слугой!

Дядюшка Прудент умолк, но не из страха, а потому, что у него начался такой приступ удушья, что Фил Эванс поспешил увести его в каюту.

Между тем за последний час погода неожиданно переменилась. На небе появились признаки, в характере которых ошибиться было невозможно: приближалась гроза. Насыщенность атмосферы электричеством была необычайно велика, и около половины третьего Робур стал свидетелем явления, которого он еще никогда не наблюдал.

На севере, откуда надвигалась гроза, клубились какие-то светящиеся завитки тумана; это несомненно происходило от того, что грозовые тучи были в разной степени заряжены электричеством.

Отражение этих пылающих полос рождало на поверхности моря мириады движущихся бликов, которые становились тем ярче, чем сильнее темнело небо.

«Альбатрос» должен был вскоре встретиться с грозой, ибо они двигались навстречу друг другу.

А что же Фриколлин? Фриколлин все еще находился на буксире; буксир тут, пожалуй, самое подходящее слово, ибо воздушный корабль несясь вперед со скоростью ста километров в час, и висевшая на канате корзина отставала от него и тянулась позади.

Пусть читатель сам судит об испуге, охватившем Фриколлина, когда молнии начали прорезать тучи вокруг него, а раскаты грома, казалось, грозили обрушить небосвод.

Все члены экипажа готовились встретить грозу во всеоружии: надо было либо подняться над грозовой зоной, либо уйти от нее, устремившись в нижние слои атмосферы.

«Альбатрос» летел на своей обычной высоте — около тысячи метров, — когда раздался громовой удар неслыханной силы. Внезапно налетел шквал. И в то же мгновение полыхающие огнем тучи двинулись на воздушный корабль.

Фил Эванс счел нужным вновь вступить за Фриколлина и потребовать, чтобы его вернули на борт.

Но Робур уже сам распорядился вытащить негра на палубу, и несколько человек дружно тянули канат. Вдруг, по какой-то необъяснимой причине, скорость вращения подъемных винтов «Альбатроса» заметно уменьшилась.

Инженер одним прыжком очутился возле центральной рубки.

— Полный ход!.. Быстрее!.. — закричал он механику. — Надо немедленно подняться над грозой!

— Невозможно, мистер Робур!

— Что произошло?

— Ток прерывается!.. Батареи работают с перебоями!..

И действительно, «Альбатрос» быстро снижался.

Подобно тому как это бывает во время грозы с током, бегущим по телеграфным проводам, прохождение тока в аккумуляторах воздушного корабля нарушилось. Но то, что является лишь досадной помехой, когда речь идет о депешах, таило грозную опасность для «Альбатроса»: он мог рухнуть в море, ибо управлять им становилось почти невозможно.

— Пусть снижается! — закричал Робур. — Так мы скорее выйдем из полосы, насыщенной электричеством! Держитесь, друзья, и сохраняйте присутствие духа!

Инженер занял свое место на носу корабля. Весь экипаж также стоял на своих постах и приготовился выполнять распоряжения командира.

Хотя «Альбатрос» снизился уже на несколько сот футов, он все еще не вышел из грозовых туч, и вокруг него сверкали молнии, перекрещиваясь, точно бенгаль-

ские огни. Можно было опасаться, что одна из них испепелит воздушный корабль. Винты его вращались все медленнее, и быстрый спуск грозил превратиться в головокружительное падение.

Всем было ясно, что не пройдет и минуты, как «Альбатрос» погрузится в море. А если он окажется в воде, ему уже никакими силами не вырваться из морской пучины!

Внезапно над воздушным кораблем появилось наэлектризованное облако. «Альбатрос» находился теперь всего лишь в шестидесяти футах над гребнями волн. Еще две-три секунды — и они затопят палубу!..

Но тут Робур, улучив момент, кинулся к центральной рубке, ухватился за пусковые рычаги и включил ток от батарей, которые больше не нейтрализовались напряжением электрического поля окружающей атмосферы... В одно мгновение ток возвратил винтам их обычную скорость, и «Альбатрос» остановился над самой поверхностью моря. И вот уже гребные винты уносили воздушный корабль подальше от грозы, которую он вскоре оставил позади.

Незачем говорить, что Фриколлину пришлось принять вынужденную ванну, продолжавшуюся, правда, всего несколько секунд. Однако, когда его вытащили на борт, он был такой мокрый, как будто побывал на дне морском. Разумеется, бедняга больше не кричал.

На следующий день, 4 июля, «Альбатрос» пересек северную границу Каспийского моря.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

*в которой гнев дядюшки Прудента возрастает
пропорционально квадрату скорости воздушного
корабля*

Если когда-нибудь дядюшке Пруденту и Филу Эвансу надо было отказаться от всякой надежды на побег, то именно в последовавшие за описанными событиями пятьдесят часов. Боялся ли Робур, что во время перелета над Европой охранять узников будет

особенно трудно? Пожалуй. К тому же ему было известно, что они пойдут на все, лишь бы бежать.

Между тем любая попытка покинуть борт воздушного корабля была в тех условиях равносильна самоубийству. Когда человек соскакивает с поезда, идущего со скоростью ста километров в час, он рискует жизнью, но когда он прыгает с экспресса, несущегося со скоростью двухсот километров, — он идет на верную смерть.

А ведь именно с этой максимальной для него скоростью и летел тогда «Альбатрос». Она превосходила быстроту полета ласточки, равную ста восьмидесяти километрам в час.

Надо заметить, что почти все время дули северо-восточные ветры, благоприятные для воздушного корабля, который двигался в том же направлении — то есть, как правило, на запад. Но мало-помалу ветры эти начали стихать, и вскоре пребывание на палубе сделалось почти невозможным: от быстроты полета захватывало дыхание. Однажды обоих пассажиров чуть не снесло за борт, но, к счастью, давлением воздуха их притиснуло к рубке.

Хорошо, что рулевой заметил это из своей стеклянной будки и предупредил электрическим звонком своих товарищей, находившихся в рубке на носу.

Тотчас же четыре человека ползком пробрались на корму.

Пусть те, кто плавал в бурю на корабле, идущем против ветра, припомнят свои ощущения, и они поймут, какой страшной силы может достигнуть встречный поток воздуха. Только теперь давление воздуха создавалось не ветром, а неимоверной скоростью самого «Альбатроса».

В конце концов пришлось замедлить ход воздушного корабля, чтобы позволить дядюшке Пруденту и Филу Эвансу добраться до каюты. Как и говорил инженер во время полета, в рубках «Альбатроса» сохранялась вполне пригодная для дыхания атмосфера.

Какой же прочностью должен был обладать летательный аппарат, выдерживавший такую скорость! Это походило на чудо. Гребные винты, помещавшиеся

на носу и корме «Альбатроса», вращались с такой быстротой, что казались неподвижными. А между тем они с невероятной силой врезались в воздух.

Последним городом, замеченным в этих краях с борта воздушного корабля, была Астрахань, расположенная в самой северной части Каспийского моря.

Звезда пустыни — как назвал Астрахань, вероятно, какой-нибудь русский поэт — из светила первой величины ныне превратилась в светило пятой или даже шестой величины. Теперь Астрахань — всего лишь заурядный губернский город, расположенный в низовьях Волги неподалеку от ее устья, достигающего двух километров в ширину. Под воздушным кораблем промелькнули старинные стены, увенчанные ныне уже бесполезными зубцами, древние башни, возвышающиеся в центре города, мечети, соседствующие с церквями, построенными в современном стиле, и, наконец, собор с пятью позолоченными и усеянными синими звездами куполами, казалось, высеченными прямо в небе.

Начиная с этого места полет «Альбатроса» превратился в какую-то головокружительную скачку в небесном пространстве; можно было подумать, что в него впряжены легендарные гиппогрифы, преодолевшие одним взмахом крыльев целое лье.

Часов в десять утра 4 июля воздушный корабль повернул на северо-запад и полетел над долиной Волги. Донские и уральские степи бежали по обеим сторонам реки. Взгляд пассажиров скользил по этим безбрежным просторам, едва успевая заметить разбросанные здесь и там города и селенья. Наконец с наступлением вечера показалась Москва, и «Альбатрос» пролетел над нею, даже не отдав салюта флагу, реявшему над Кремлем. За десять часов он преодолел две тысячи километров, отделяющие Астрахань от древней столицы России.

Путь от Москвы до Петербурга занял всего несколько часов, и «Альбатрос», точности которого мог бы позавидовать экспресс, достиг Петербурга и берегов Невы к двум часам утра. Белая ночь, царившая на этой высокой широте, которую так ненадолго покидает

июньское солнце, позволила путешественникам окинуть беглым взглядом архитектурный ансамбль огромной русской столицы.

Затем позади остались Финский залив, архипелаг Або, Балтийское море, Швеция, которую «Альбатрос» пересек на широте Стокгольма, и Норвегия, над которой он пролетел на широте Христиании¹. Он «проглотил» эти две тысячи километров всего лишь за десять часов! Право, можно было подумать, что никаким силам человеческим не остановить отныне бег «Альбатроса»: казалось, равнодействующая силы тяги воздушного корабля и силы земного притяжения заставляет его двигаться по неизменной траектории вокруг земного шара.

И все же он остановился — как раз над знаменитым водопадом Рьуканфо, в Норвегии. На западе, точно гигантский пограничный барьер, который ему не дано было преодолеть, высилась громада Густы, вершина которой господствует над чудесной областью Телемарк.

Отсюда «Альбатрос», не уменьшая скорости, направился прямо на юг.

А что делал во время этого необычайного перелета Фриколлин? Он молча забрался в свою каюту и все время — от завтрака до обеда и от обеда до ужина — спал без просыпу.

Франсуа Тапаж, который разделял с ним трапезы, частенько потешался над страхами Фриколлина.

— Э-э, мой мальчик! — приговаривал он. — Ты, значит, больше не кричишь?!. Чего ты стесняешься?.. Подумаешь, великое дело — повисел бы еще часок-другой на канате!.. Только и всего!.. Зато при нашей теперешней скорости какая это была бы прекрасная воздушная ванна от ревматизма!

— Мне кажется, что эта штука вот-вот разлетится на куски! — причитал Фриколлин.

— Все может быть, мой храбрый Фри! Однако мы мчимся с такой быстротой, что даже не сможем упасть!.. И это, право, утешительно!

¹ Теперь — Осло (Прим. ред.)

— Вы так думаете?

— Слово гасконца!

Франсуа Тапаж, конечно, преувеличивал. Но благодаря быстрой полета воздушного корабля вращение его подъемных винтов в самом деле несколько замедлилось, и «Альбатрос» скользил по воздуху, точно ракета Конгрива.

— И это еще долго будет продолжаться? — не раз спрашивал Фриколлин.

— Долго?.. О нет! — отзывался повар. — Всю нашу жизнь, не дольше!

— Ох! — горестно вздыхал негр и принимался стонать.

— Берегись, Фри, берегись! — восклицал тогда Франсуа Тапаж. — Не то, как говорят в наших краях, тебя живо отправят на качели.

И Фриколлин, уплетая за обе щеки вкусную еду, проглатывал с нею и свои вздохи.

Между тем дядюшка Прудент и Фил Эванс, не принадлежавшие к числу людей, склонных предаваться бессмысленным жалобам, пришли к определенному решению. Очевидно, всякая попытка бежать была пока что обречена на неудачу. Однако если пленники и не могли возвратиться на землю, то разве нельзя хотя бы поставить в известность обитателей земного шара о том, что с ними произошло после их исчезновения, кто их похитил и что представлял собою воздушный корабль, на борту которого они находились. Быть может, тогда единомышленники отважатся на дерзкую попытку вырвать пленников из рук Робура?

Но каким образом, великий боже, подать о себе весть? Письмом?.. А как его отправить? Моряки, терпящие бедствие, закупоривают в бутылку документ, указав в нем место кораблекрушения, и бросают бутылку в море. Не поступить ли так же?

Но в данном случае морем служила земная атмосфера. Плавать в ней бутылка не может. Хорошо еще, если она свалится прямо на какого-нибудь прохожего — и при этом не проломит ему череп, — в противном случае ее могут вообще никогда не найти.

Но так или иначе, а иного средства узникам не

оставалось, и они уже решили было принести в жертву одну из имевшихся на борту бутылок, как вдруг дядюшку Прудента осенила новая мысль. Читатель помнит, что он нюхал табак, и этот небольшой порок вполне простителен, особенно если речь идет об американце, который мог бы делать вещи и похуже. И вот, как всякий человек, нюхающий табак, дядюшка Прудент не расставался с табакеркой; эта алюминиевая коробочка в то время была пуста. Если выбросить табакерку за борт, ее, возможно, найдет какой-нибудь почтенный обыватель; он, конечно, подберет ее и отнесет в полицейский участок, где и ознакомятся с документом, сообщающим о положении, в котором оказались обе жертвы Робура-Завоевателя.

Сказано — сделано. Записка была короткой, но в ней было изложено все самое существенное и указывался адрес Уэлдонского ученого общества с просьбой переслать записку по назначению.

Затем дядюшка Прудент вложил письмо в табакерку, которую он обернул плотной шерстяной тряпкой и крепко перевязал, чтобы она не раскрылась в воздухе и не разбилась при падении на землю. Теперь оставалось только дожидаться удобного случая.

Надо сказать, что во время этого стремительного перелета над Европой всякая попытка выйти из рубки и проползти по палубе — да к тому же еще незаметно — была связана с опасностью вывалиться за борт. К тому же нельзя было допустить, чтобы табакерка упала в море, залив, озеро или какую-нибудь реку: попади она в воду, она навсегда была бы потеряна.

Однако все же оставалась надежда, что узникам удастся войти таким образом в сношения с обитаемым миром.

В дневные часы осуществить этот план было особенно трудно. Куда разумнее дожидаться наступления ночи и воспользоваться либо уменьшением скорости, либо остановкой «Альбатроса» для того, чтобы выйти из рубки. Быть может, тогда удастся благополучно добраться до борта и незаметно уронить драгоценную табакерку над каким-нибудь городом.

Впрочем, если бы обстоятельства и благоприятствовали пленникам, им все равно не удалось бы привести свой план в исполнение — по крайней мере в тот день.

В самом деле, оставив за собой территорию Норвегии на широте Густы, «Альбатрос» взял курс на юг. Он летел над Европой вдоль нулевого меридиана, на котором расположен Париж. Следуя в этом направлении, он пересек Северное море, вызвав вполне понятное замешательство на борту множества кораблей, совершающих плавание между берегами Англии, Голландии, Франции и Бельгии. Если бы брошенная вниз табакерка не угодила прямо на палубу одного из этих судов, она, без всякого сомнения, пошла бы ко дну.

Вот почему нашим коллегам пришлось дожидаться более подходящего момента. Впрочем, как увидит читатель, вскоре им должен был представиться великолепный случай.

В десять часов вечера «Альбатрос» приблизился к берегам Франции примерно над Дюнкерком. Ночь была довольно темная. На мгновение электрический луч с маяка Гри-Нэ, расположенного на одном берегу пролива Па-де-Кале, скрестился с огнями дуврского маяка, расположенного по другую сторону этого пролива. Затем «Альбатрос» полетел над Францией, все время держась на высоте около тысячи метров.

Скорость его несколько не уменьшилась. Он проносился, словно снаряд, над городами, городками и селениями, столь многочисленными в этих богатых провинциях Северной Франции. То были расположенные на одном меридиане с Парижем Дюнкерк, затем Дуллан, Амьен, Крей, Сен-Дени. Ничто не могло заставить воздушный корабль отклониться от прямой линии. И к полуночи он оказался над «Городом света», который вполне заслужил право на это название, ибо он залит светом даже тогда, когда его обитатели спят или по крайней мере должны спать!

По какой необъяснимой причуде решил инженер сделать остановку над самым центром Парижа? Трудно сказать. Но как бы то ни было, «Альбатрос» снизился и парил теперь всего лишь в нескольких сот-

нях футов над городом. Робур вышел из своей каюты, и вслед за ним весь экипаж воздушного корабля высыпал на палубу подышать воздухом ночного Парижа.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс твердо решили не пропустить представившегося им великолепного случая. Выйдя из своей рубки, они отошли подальше от остальных и теперь выжидали подходящей минуты, стараясь не привлекать к себе внимания.

«Альбатрос», напоминавший гигантского жука, плавно скользил над великим городом. Он пролетел над линией бульваров, ярко освещенных в эти ночные часы фонарями Эдиссона. До палубы долетал шум экипажей, еще разъезжавших по улицам, и грохот поездов, спешивших в Париж по многочисленным железнодорожным путям. Затем воздушный корабль медленно поплыл на уровне самых высоких сооружений города, словно собираясь коснуться купола Пантеона или креста Дома инвалидов. Минувая оба шпиля Трокадеро, он приблизился к металлической башне на Марсовом поле, чей мощный рефлектор заливал всю столицу электрическим светом.

Эта воздушная прогулка, походившая на блуждания лунатика, продолжалась около часа. Казалось, «Альбатрос» отдыхает перед тем, как снова пуститься в далекий путь.

Очевидно, инженер Робур хотел дать парижанам возможность насладиться зрелищем небесного явления, которого астрономы не предвидели, да и не могли предвидеть. На «Альбатросе» зажглись фонари, и два ярких электрических луча заскользили по площади, скверам, садам, дворцам и по крышам шестидесяти тысяч домов Парижа, отбрасывая огромные пучки света от одного края горизонта до другого.

На этот раз «Альбатрос», без сомнения, был ясно виден с земли, и парижане не только разглядели, но и услышали его, ибо Том Тэрнер, приложив к губам свою трубу, огласил небо над городом звучной руладой. В это мгновение дядюшка Прудент, перегнувшись через перила, разжал ладонь, и табакерка полетела вниз...

Почти тотчас же «Альбатрос» стремительно взмыл в поднебесье.

И тогда над Парижем раздались громкие клики «ура». Это толпы изумленных людей, собравшихся на бульварах, восторженно приветствовали необычайную летательную машину.

Внезапно фонари воздушного корабля погасли, тьма и тишина вновь воцарились вокруг, и он продолжал свой полет со скоростью двухсот километров в час.

Вот и все, что удалось увидеть дядюшке Пруденту и Филу Эвансу из достопримечательностей французской столицы.

К четверем часам утра «Альбатрос» уже оставил за собой большую часть территории Франции. Затем, чтобы не тратить времени на преодоление Пиренеев или Альп, он пролетел над просторами Прованса вплоть до самого мыса Антиб. В девять часов утра жители Рима, собравшиеся на террасе собора св. Петра, застыли от изумления при виде воздушного корабля, пролетавшего над Вечным городом. Двумя часами позднее он уже мчался над Неаполитанским заливом, на мгновение погрузившись в дымные клубы Везувия. После этого «Альбатрос» пересек по кривой Средиземное море и в час пополудни был замечен часовыми вблизи Ла-Гулетт на побережье Туниса.

Вслед за Америкой — Азия! Вслед за Азией — Европа! Чудесный летательный аппарат инженера Робура преодолел за двадцать три дня более тридцати тысяч километров!

И теперь он углублялся в воздушные просторы над уже изученными и еще не изученными областями Африки!

.

Быть может, читатель захочет узнать, что случилось со знаменитой табакеркой после ее падения на землю.

Табакерка упала напротив дома номер 210 по улице Риволи в то время, когда улица эта была совершенно безлюдна. Наутро ее подобрала почтенная жен-

щина, подметавшая мостовую, и поторопилась отнести в полицейский участок.

Там табакерку приняли сначала за адскую машину; ее развязали, распаковали и раскрыли с величайшими предосторожностями.

Внезапно послышалось нечто, похожее на взрыв... Это оглушительно чихнул начальник полицейского участка.

Затем из табакерки извлекли документ и, ко всеобщему изумлению, огласили вслух следующие строки:

«Дядюшка Прудент и Фил Эванс, председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества в Филадельфии, похищены на воздушном корабле «Альбатрос» инженером Робуром.

Довести до сведения друзей и знакомых.

Д. П. и Ф. Э.»

Вот каким образом жителям Старого и Нового Света было, наконец, объяснено дотоле необъяснимое небесное явление. И среди ученых многочисленных обсерваторий земного шара вновь воцарилось спокойствие.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой инженер Робур ведет себя так, будто он намерен добиваться премии Монтиона

На этом этапе кругосветного путешествия воздушного корабля вполне уместно поставить следующие вопросы:

Кто же все-таки этот Робур, о котором читатель до сих пор ничего не знает, кроме его имени? Проводит ли он всю свою жизнь в воздухе? Неужели его воздушный корабль никогда не отдыхает? Нет ли у него убежища в каком-нибудь недоступном месте, где «Альбатрос», если уж он не нуждается в отдыхе, то по крайней мере пополняет свои запасы? Было бы весьма

удивительно, если бы дело обстояло иначе. Ведь даже у самых могучих птиц есть свой приют, свое гнездо.

И что, в частности, собирается инженер делать со своими беспокойными узниками? Думает ли он без конца держать их в плену и обрекать на вечные скитания в воздухе? Или же, промчав злополучных воздухоплателей еще и над просторами Африки, Южной Америки, Австралии, Индийского, Атлантического и Тихого океанов, чтобы заставить их против воли признать достоинства «Альбатроса», он намерен вернуть им свободу, сказав при этом: «А теперь, господа, надеюсь, вы будете проявлять меньше недоверия к аппаратам тяжелее воздуха!»

Ответить на все эти вопросы пока невозможно. Это — тайна будущего. Быть может, в один прекрасный день она разъяснится!

Во всяком случае, крылатый Робур, очевидно, не собирался искать свое «гнездо» у северных границ Африки. Он, видимо, решил провести конец дня над регентством Тунис — между мысом Бон и мысом Карфаген, — направляя «Альбатрос» то быстрее, то медленнее, по своему капризу. Затем он устремился в глубь материка и пролетел над восхитительной долиной реки Меджерд, придерживаясь течения ее желтоватых вод, затерянных между зарослями кактусов и олеандров. Его появление спугнуло сотни попугаев, которые, усевшись на телеграфных проводах, казалось, ожидали приближения депеш, чтобы подхватить их и унести на крыльях!

С наступлением ночи «Альбатрос» уже парил над границами области крумиров, и если там оставался в живых хотя бы один крумир, то при виде этого гигантского орла он, вероятно, пал ниц, призывая Аллаха.

На следующее утро перед воздушным кораблем предстали Бон и изящные очертания его холмистых окрестностей; затем внизу промелькнул Филиппвиль, напоминающий Алжир в миниатюре, с новыми дугообразными набережными и великолепными виноградниками, зеленым ковром покрывшими всю область, которая кажется перенесенной сюда из Бургундии или окрестностей Бордо.

Эта пятисоткилометровая прогулка над Большой и Малой Кабилией окончилась в полдень над Касбой в Алжире. Какая неповторимая картина предстала пассажирам воздушного корабля! Открытый рейд между мысом Матифу и Пескадской косой, побережье, украшенное дворцами, мечетями и виллами, причудливые долины, укутанные в виноградники, точно в плащи, и, наконец, синее Средиземное море, воды которого пересекали океанские пароходы, казавшиеся с высоты маленькими катерами! Так продолжалось вплоть до Орана, и обитатели этого живописного города, гулявшие в тот поздний час в садах городской цитадели, могли наблюдать, как огни «Альбатроса» мелькали среди первых вечерних звезд.

Весь день дядюшка Прудент и Фил Эванс недоумевали, по какому капризу инженер Робур направил их летающую тюрьму над территорией Алжира, которая служит продолжением Франции по другую сторону моря, прозванного французским озером; но часа через два после захода солнца они с полным основанием сочли, что этот необъяснимый каприз удовлетворен. Одним поворотом руля кормчий устремил полет «Альбатроса» на юго-восток, и наутро, преодолев гористую часть области Телль, воздушный корабль приветствовал восход дневного светила над песками Сахары.

Вот каков был маршрут на следующий день, 8 июля. Начался он с небольшого городка Жеривиль, построенного, как и Лагаут, на самой границе пустыни, чтобы облегчить последующее завоевание Кабилии. Затем «Альбатрос» пролетел через ущелье Стиллен, что было нелегко из-за довольно сильного ветра. После этого он начал полет над пустыней, то медленно паря над зеленеющими оазисами, которые местные жители называют «ксарами», то стремительно проносясь над песками, со скоростью, превышавшей быстроту полета орлов-ягнятников. Не раз приходилось даже открывать огонь по этим грозным птицам, которые стаями по двенадцать — пятнадцать штук бесстрашно набрасывались на воздушный корабль к великому ужасу Фриколлина.

Но если орлы-ягнятники могли отвечать на выстрелы лишь ужасными криками да ударами клювов и когтистых лап, то не менее дикие туземцы встречали воздушный корабль ружейными залпами, особенно когда он проносился над горою Сель, зеленовато-фиолетовый скелет которой проступал из-под ее белого одеяния. Теперь «Альбатрос» парил над великой Сахарой. Здесь все еще виднелись остатки биваков Абд-эль-Кадира. Местность эта попрежнему опасна для путешественника-европейца, особенно на землях союза племен Бени-Мзаль.

«Альбатросу» пришлось на время подняться в верхние слои атмосферы, чтобы спастись от бешеного самума, который перекачивал волны красноватого песка на поверхности земли, подобно тому, как сильный прилив вздымает волны на поверхности океана. Вскоре показались унылые, покрытые темной лавой плоскогорья Шебка, которые тянутся до свежей и зеленой долины Айн-Массен. Трудно представить себе разнообразный ансамбль этих мест, которые с высоты видны были во всей своей живописности. Холмы, поросшие деревьями и кустарниками, сменялись длинными волнообразными грядами сероватого цвета, блестящие изломы которых напоминали огромные складки арабского бурнуса. Вдали то и дело мелькали реки, шумными потоками сбегавшие по склонам, пальмовые рощи, маленькие хижинки, группами лепившиеся на пригорках вокруг мечетей; в их числе находится и мечеть Метлители, где пребывает глава местного духовенства — великий марабут Сиди-шейх.

Еще до наступления ночи воздушный корабль пролетел несколько сот километров над довольно ровной, пересеченной большими дюнами местностью. Если бы «Альбатрос» вздумал сделать здесь остановку, он мог бы спуститься в низину оазиса Уаргла, укрывшегося в тени огромной пальмовой рощи. Вскоре показался город с тремя четко отделенными друг от друга кварталами, древним дворцом султана — своего рода укрепленной Касбой, многочисленными домами, построенными из кирпичей, труд обжечь которые солнце взяло на себя, и артезианскими колодцами, вырытыми в нед-

рах долины; воздушный корабль мог бы возобновить здесь свой запас воды, но благодаря необычайной скорости полета даже теперь, в самом сердце африканских пустынь, баки «Альбатроса» все еще были наполнены водой, взятой из Гидаспа, в долине Кашмира.

Был ли замечен воздушный корабль арабами, замбитами и неграми, между которыми поделены земли оазиса Уаргла? Несомненно, ибо они приветствовали его сотнями ружейных выстрелов; однако пули упали обратно на землю, не коснувшись воздушного корабля.

Затем спустилась ночь, та безмолвная ночь пустыни, тайны которой так поэтично воспел Фелисьен Давид.

Вскоре «Альбатрос» вновь повернул на юго-запад и пересек дороги Эль-Голеа; одной из них в 1859 году прошел неустрашимый француз Дюверье.

Царила глубокая тьма. С воздушного корабля нельзя было различить сооружений строившейся по проекту Дюпонше Транссахарской железной дороги: этой длинной стальной ленте предстояло соединить Алжир и Тимбукту через Лагуат и Гардаю, а позднее — достичь берегов Гвинейского залива.

«Альбатрос» вступил к тому времени в область, лежащую между экватором и тропиком Рака. В тысяче километров от северной границы Сахары он пересек путь, где майор Ленг нашел в 1846 году свою гибель; затем воздушный корабль миновал караванную тропу из Марокко в Судан, и над той частью пустыни, где бесчинствуют туареги, пассажиры «Альбатроса» услышали то, что часто называют «пением песков», — нежный и жалобный ропот, который как будто доносится из-под земли.

За все это время случилось лишь одно происшествие: целая туча саранчи поднялась в небо и обрушилась на палубу воздушного корабля такой тяжестью, что ему угрожала опасность «затонуть». Этот ненужный балласт поторопились сбросить, но несколько сот насекомых попали на кухню к Франсуа Тапажу. И он

приготовил из них такое лакомое блюдо, что Фриколин на время позабыл все свои страхи.

— Они не хуже креветок! — приговаривал он, облизываясь.

«Альбатрос» находился тогда на расстоянии тысячи восьмисот километров от оазиса Уаргла, — почти над северной границей обширного королевства Судан.

К двум часам пополудни в излучине большой реки показался город. Река эта была Нигер. Город — Тимбукту.

До той поры в этой африканской Мекке довелось побывать лишь нескольким путешественникам — жителям Старого Света, таким, как Батута, Казан, Эмбер, Мунго Парк, Адамс, Ленг, Кайе, Барт, Ленц; но в тот день благодаря превратностям этого необычайного путешествия два американца получили возможность рассказывать по возвращении в Америку, об этом городе *de visu, de auditu* и даже *de olfactu*¹, если только им предстояло когда-нибудь возвратиться домой.

De visu — ибо их взгляд мог обозреть все уголки этого города, образующего треугольник площадью в пять-шесть километров; *de auditu* — ибо дело происходило в базарный день и на улицах стоял невероятный шум; *de olfactu* — ибо их обоняние сильно раздражали запахи, поднимавшиеся с площади Юбу-Камо, где поблизости от дворца древних королей Со-Маи помещается мясной рынок.

Инженер счел нужным осведомить председателя и секретаря Уэлдонского ученого общества, что на их долю выпала счастливейшая возможность лицезреть владыку Судана — город Тимбукту, который в ту пору находился во власти туарегов из Таганета.

— Тимбукту, господа! — провозгласил он тем же тоном, каким двенадцать дней назад возвестил: «Индия, господа!»

Затем Робур продолжал:

¹ Здесь: основываясь на собственном зрении, слухе и обонянии (лат.).

— Тимбукту находится на восемнадцатом градусе северной широты и пятом градусе пятьдесят шестой минуте западной долготы по Парижскому меридиану; город этот расположен на высоте двухсот сорока пяти метров над уровнем моря. Это важный центр с двенадцатью — тринадцатью тысячами жителей, некогда знаменитый развитием науки и искусства. Быть может, вы захотите остановиться здесь на несколько дней?

Подобное предложение инженер мог сделать лишь в насмешку.

— Однако, — продолжал он, — для чужеземцев было бы небезопасно очутиться среди негров, берберов, фулланов и арабов, захвативших этот город, особенно если иметь в виду, что наше прибытие на воздушном корабле может им весьма не понравиться.

— Сударь, — отвечал Фил Эванс в том же тоне, — ради удовольствия расстаться с вами мы охотно подвергнем себя опасности столкнуться с дурным приемом со стороны здешних туземцев. Если уж выбирать себе тюрьму, — то лучше Тимбукту, чем «Альбатрос»!

— О вкусах не спорят, — возразил инженер. — Во всяком случае, я не отважусь на столь рискованное приключение, ибо отвечаю за безопасность своих гостей, которые оказывают мне честь, путешествуя в моем обществе...

— Я вижу, инженер Робур, — вмешался дядюшка Прудент, задыхаясь от негодования, — вам мало быть нашим тюремщиком. К покушению на нашу свободу вы прибавляете еще и оскорбления!

— О, всего лишь иронию!

— Неужели у вас на борту нет оружия?

— Конечно есть, целый арсенал.

— Двух револьверов хватило бы, сударь, если бы один из них был в моих руках, а другой — в ваших.

— Дуэли! — вскричал Робур. — Дуэль, которая может привести к гибели одного из нас!

— Которая непременно к этому приведет!

— О нет, господин председатель Уэлдонского учебного общества! Мне куда приятнее видеть вас живым!

— Чтоб быть уверенным в том, что вы и сами уцелеете! Да, это весьма похвальное благоразумие!

— Похвальное или нет, — об этом разрешите судить мне. Вы же вольны смотреть на вещи, как угодно, и жаловаться, кому угодно, если только вам это удастся.

— Уже удалось, инженер Робур!

— Вот как?

— Разве так трудно было бросить вниз документ, когда мы пролетали над густо населенными странами Европы...

— И вы посмели? — вскричал Робур, охваченный неодолимым порывом гнева.

— А что, если посмели?

— Если вы это сделали... вас следует...

— Что, господин инженер?

— ...Отправить за борт вслед за вашим документом!

— Так выбрасывайте нас! — воскликнул дядюшка Прудент. — Мы это сделали!

Робур двинулся к своим узникам. По первому его знаку подбежали Том Тэрнер и несколько членов экипажа. Инженера охватило яростное желание привести свою угрозу в исполнение, и из боязни поддаться гневу он стремительно удалился к себе в каюту.

— Отлично! — проговорил Фил Эванс.

— Я не остановлюсь перед тем, на что он не отважился, — заявил дядюшка Прудент. — И когда придет мой черед действовать, я его сокрушу!

Тем временем жители Тимбукту толпами собирались посреди площадей, на улицах, на террасах построенных амфитеатром домов. В богатых кварталах Санкор и Сарахам, как и среди жалких конических хижин квартала Рагиди, священнослужители с высоты минаретов встречали воздушное чудовище самыми свирепыми проклятиями. Но эти проклятия были много безобиднее ружейных выстрелов.

По всему Нигеру, вплоть до порта Кабара, расположенного в излучине реки, экипажи туземных флотилий пришли в движение. Вздумай «Альбатрос» спуститься на землю, его несомненно разнесли бы на куски.

На протяжении нескольких километров стаи крикливых цапель, ибисов и лесных куропаток сопровождали

«Альбатрос», состязаясь с ним в скорости; однако быстросходный воздушный корабль вскоре оставил их позади.

С наступлением вечера воздух наполнился трубными звуками: внизу, по местности, которая отличается воистину чудесным плодородием, проходили многочисленные стада слонов и буйволов.

За сутки вся область, заключенная между нулевым меридианом и вторым градусом, в изгибе реки Нигер, пронеслась перед глазами пассажиров «Альбатроса».

Если бы какой-нибудь географ располагал подобным летательным аппаратом, с какой легкостью мог бы он провести топографическую съемку местности, получить данные о ее высоте над уровнем моря, точно определить путь рек и их притоков, отметить местоположение городов и деревень. Тогда не осталось бы больше неизученных мест на картах Центральной Африки, ни расплывчатых белых пятен, ни пунктирных линий, ни всех этих туманных обозначений, приводящих в отчаяние картографов.

Одиннадцатого утром «Альбатрос» пересек горы Северной Гвинеи, зажатой между Суданом и заливом, носящим ее имя. На горизонте смутно вырисовывались горы Конг, расположенные в королевстве Дагомея.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс отметили, что «Альбатрос», оставив позади Тимбукту, все время двигался с севера на юг. Из этого они заключили, что, преодолев расстояние, равное шести географическим градусам, воздушный корабль должен достичь линии экватора, если только направление его полета не изменится. Неужели «Альбатрос» намеревался вновь покинуть пространство над материками и устремиться в воздушные сферы, лежащие на этот раз уже не над Беринговым, Каспийским, Северным или Средиземным морем, а над Атлантическим океаном?

В таком предположении не было ничего утешительного для обоих коллег, ибо тогда их шансы на побег свелись бы к нулю.

Между тем «Альбатрос» летел не спеша, словно раздумывая, стоит ли ему расставаться с африканской

землей. Не собирался ли инженер повернуть назад? Нет! Но его внимание неспроста привлекала страна, над которой в то время парил воздушный корабль.

Читатель знает, так же как это знал Робур, что королевство Дагомея — одно из наиболее могущественных на западном побережье Африки. Достаточно сильное, чтобы вести борьбу со своим соседом, королевством Асшантис, оно тем не менее потеряло часть своей территории и теперь насчитывает всего лишь сто двадцать пять в длину и шестьдесят — в ширину; однако, с тех пор как Дагомея присоединила к себе прежде независимые области Ардра и Уида, население ее составляет от семисот до восьмисот тысяч человек.

Хотя королевство это и невелико, оно заставляет часто говорить о себе. Дагомея снискала себе мрачную известность невероятными жестокостями, которыми отмечает свои ежегодные празднества, человеческими жертвоприношениями, ужасными гекатомбами, происходящими в честь умершего властелина и его преемника. Считается даже признаком хорошего тона, когда король Дагомеи, принимая у себя какую-нибудь высокопоставленную особу или иноземного посла, делает гостю сюрприз, преподнося ему в дар дюжину голов, отрубленных в честь его прибытия, — причем отрубает эти головы сам дагомейский министр юстиции, так называемый «минган», который как нельзя лучше справляется с обязанностями палача.

Когда «Альбатрос» пролетал над границей Дагомен, властелин страны Бахаду как раз скончался, и население готовилось принять участие в торжественной коронации его преемника. Вот почему во всей стране царил большое оживление, которое и не укрылось от Робура.

Бесконечные процессии дагомейских крестьян тянулись из деревень к столице королевства Абомей. Они двигались по хорошим дорогам, проложенным среди обширных равнин, заросших гигантскими травами, шли бескрайними полями маниоки, пробирались сквозь заросли мимоз, великолепные апельсиновые рощи и леса из обыкновенных и кокосовых пальм и манговых деревьев. В яркозеленой листве резвились тысячи разно-

цветных попугаев, которые, казалось, купались в волнах аромата, поднимавшегося вверх к «Альбатросу».

Робур стоял в раздумье, опершись о перила, и лишь изредка обменивался несколькими словами с Томом Тэрнером.

До сих пор «Альбатрос» не мог похвалиться тем, что привлек к себе внимание двигавшихся человеческих толп, по большей части скрытых под непроницаемыми купами деревьев. Это происходило, очевидно, потому, что он летел на значительной высоте, за легкими облаками.

К одиннадцати часам утра на равнине показалась столица, опоясанная стенами и защищенная рвом, достигающим двенадцати миль в окружности; ее широкие, прямые улицы выходят на обширную площадь, северную часть которой занимает королевский дворец. Над всем ансамблем дворцовых сооружений возвышается площадка, расположенная неподалеку от места, где совершают жертвоприношения. В дни празднеств с этой террасы толпе бросают узников в корзинах из ивовых прутьев, и трудно вообразить, с какой яростью она терзает этих несчастных.

В одном из крыльев дворца владыки Дагомеи живут четыре тысячи женщин-воительниц; они составляют один из храбрейших отрядов королевского войска.

Есть ли амазонки на реке того же названия — еще не доказано; но в Дагомее они бесспорно есть. Одни носят голубые рубахи, опоясанные голубым или красным шарфом, белые шаровары с голубыми полосами и белую шапочку, к поясу у них привязана пороховница; другие, занимающиеся охотой на слонов, вооружены тяжелым карабином и кинжалом с коротким клинком, на голове у них красуются рога антилопы, скрепленные железным обручем; третьи, входящие в состав артиллерийских отрядов, одеты в голубые с красным туники и вооружены короткими ружьями с чугунным раструбом для картечи; и, наконец, — отряд юных девушек в голубых туниках и белых шароварах — подлинные весталки, целомудренные, как Диана, и, как она, владеющие луком и стрелами

Если прибавить к амазонкам пять или шесть тысяч мужчин в белых штанах и хлопчато-бумажных рубашках, перехваченных в талии широким матерчатым кушаком, то можно считать смотр дагомейской армии законченным.

Абомея в тот день была совершенно пустынно. Король, его свита, мужское и женское войско, жители города — все покинули пределы столицы и заполнили расположенную в нескольких милях от нее просторную долину, окаймленную густыми лесами.

Именно здесь, в этой долине, должна была состояться коронация нового короля. Именно здесь должны были казнить во славу нового властелина тысячи пленников, захваченных во время недавних набегов.

Было около двух часов, когда «Альбатрос», достигнув долины, стал снижаться в дымке легких облаков, скрывавших его до поры до времени от взоров дагемейцев.

Сюда стеклось не меньше шестидесяти тысяч человек со всех концов королевства из области Уида, из Керапая, из Ардра, из Томбори, из самых далеких деревень.

Новый король — здоровенный детина двадцати пяти лет, по имени Бу-Нади, — находился на небольшом холме, осененном группой густолиственных деревьев. Вокруг теснился его новый двор, мужское войско, амазонки и весь дагомейский народ

У подножья полсотни музыкантов играли на своих варварских инструментах — слоновых бивнях, издающих хриплый звук, барабанах, обтянутых шкурой лани, выдолбленных тыквах, гитарах, колокольчиках, по которым ударяют железными пластинками, и флейтах из бамбука, пронзительный свист которых покрывал шум остальных инструментов. Каждое мгновение раздавались залпы из ружей и мушкетенов, стреляли пушки, лафеты которых подскакивали с такой силой, что грозили раздавить оружейную прислугу, состоявшую из амазонок, — словом, вокруг царя ужасная суматоха, а дикие крики вполне могли бы заглушить раскаты грома.

В стороне, под охраной солдат, сбились в кучу пленники, которым предстояло сопровождать усопшего короля в лучший мир, ибо со смертью он не должен был утратить ни одной из привилегий, подобающих его сану. На похоронах короля Гхозо, отца Бахаду, любящий сын отправил вслед за умершим отцом три тысячи человек. Бу-Нади не мог сделать меньше для своего предшественника. Разве не нужны многочисленные гонцы, чтобы собрать не только духов, но и всех обитателей небес, которым предстоит составить кортеж обожествленного монарха.

Целый час продолжались речи, причитания, восхваления, чередовавшиеся с плясками, в которых принимали участие не только признанные танцовщицы, но также и амазонки, вносившие в танец своеобразную воинственную грацию.

Время гекатомбы приближалось. Робур, которому были известны кровавые обычаи жителей Дагомеи, не терял из виду пленников — всех этих мужчин, женщин и детей, приведенных на убой.

Минган стоял у подножья холма. Он размахивал своей саблей палача с коротким клинком и металлической птицей на эфесе, вес которого придает большую верность удару.

На сей раз он был не один. Где ему было упрямиться самому с таким грандиозным избиением! Вокруг него теснилось до сотни палачей, набивших руку в искусстве рубить головы одним ударом.

Между тем «Альбатрос» мало-помалу приближался, уменьшая скорость своих гребных и подъемных винтов. И вот, описав кривую, он вынырнул из-за скрывавших его облаков и показался над равниной не больше чем в ста метрах от земли.

И тогда произошло нечто неожиданное: свирепые туземцы приняли воздушный корабль за неземное существо, сошедшее с небес для того, чтобы воздать последние почести королю Бахаду.

Его появление вызвало неопишуемый восторг. Страстные призывы, громогласные просьбы, всеобщие молитвы вознеслись к этому сверхъестественному гиппогрифу, который, без сомнения, явился лишь затем,

чтобы взять тело усопшего владыки и вознести его в высшие сферы дагомейских небес.

И тут от удара сабли мингана на землю скатилась первая голова. Вслед за тем и остальных пленников, разделенных на сотни, подвели к отвратительным палачам.

Вдруг с «Альбатроса» послышался ружейный выстрел. Министр юстиции ничком упал на землю.

— Меткий выстрел, Том! — воскликнул Робур.

— Пустяки... я бил прямо в кучу! — отозвался боцман.

Остальные члены экипажа с ружьями в руках ожидали лишь приказа инженера, чтобы открыть стрельбу.

Настроение толпы круто переменилось. Люди поняли: это крылатое чудище — вовсе не добрый дух, а дух, враждебный славному народу Дагомеи. Поэтому, как только минган упал на землю, отовсюду послышались крики о мщении. И над равниной тотчас же поднялась ружейная пальба.

Эти угрозы не испугали «Альбатроса», который отважно снизился до высоты не более ста пятидесяти футов над землей. Дядюшка Прudent и Фил Эванс, каковы бы ни были их чувства к Робуру, могли лишь присоединиться к подобному акту гуманности.

— Верно! Освободим пленников! — вскричали они.

— Я это и намерен сделать, — отвечал инженер.

По примеру членов экипажа коллеги вооружились магазинными ружьями, и все, кто находился на «Альбатросе», открыли дружный огонь, причем ни одна пуля не пропала даром, находя себе мишень в толпе, стоявшей внизу. Даже стоявшая на борту «Альбатроса» маленькая пушка, жерло которой опустили как можно более отвесно, послала наудачу несколько зарядов картечи, и они посеяли смятение в толпе.

Воспользовавшись тем, что охранявшие их воины отвечали выстрелами на огонь, открытый с воздушного корабля, пленники, так и не понявшие, что за помощь пришла к ним с небес, разорвали стягивавшие их путы. Передний винт «Альбатроса» был пробит, несколько других пуль угодили в корпус воздушного корабля.

Фриколлина, укрывавшегося в глубине каюты, едва не задела пуля, пробившая стену рубки.

— Ах, так им, видно, еще мало! — воскликнул Том Тэрнер.

И, спустившись в пороховой склад, он возвратился с дюжиной динамитных патронов, которые роздал своим товарищам. По знаку Робура эти патроны были брошены на холм и, ударившись о землю, взорвались, точно небольшие гранаты.

Какое замешательство поднялось внизу! Король, его двор, армия, народ — все были охвачены ужасом, вполне понятным после такого нападения. Все кинулись под защиту деревьев, а пленники тем временем пустились наутек, и никто даже не думал их преследовать.

Празднество в честь нового короля Дагомеи было окончательно испорчено. А дядюшке Пруденту и Филу Эвансу довелось убедиться, какой мощью обладает летательный аппарат и какую службу он может сослужить человечеству.

Затем «Альбатрос» спокойно поднялся в средние слои атмосферы; он пересек область Уида и уже вскоре потерял из виду пустынный скалистый берег, который постоянный прибой — следствие юго-западных ветров — делает почти неприступным.

Теперь воздушный корабль парил над Атлантическим океаном.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой дядюшка Прудент и Фил Эванс пересекают океан, не страдая от морской болезни

Да, под ними раскинулся Атлантический океан! Опасения обоих коллег оправдались. Впрочем, Робур, казалось, не испытывал и тени беспокойства, пускаясь в путешествие над этим громадным океаном. Это нимало не тревожило ни его самого, ни членов экипажа «Альбатроса», которые, должно быть, привыкли

к подобным перелетам. Все они спокойно разошлись по своим местам. Никакие кошмары не нарушали их сна.

Куда направляется «Альбатрос»? Неужели воздушный корабль, как говорил инженер, действительно совершит «больше, чем кругосветное путешествие»? Но так или иначе, должно же и оно где-нибудь закончиться? Ведь невозможно допустить, что Робур всю свою жизнь проводит в небе, на борту воздушного корабля, и никогда не спускается на землю! Как мог бы он тогда пополнять запасы провизии и боевого снаряжения, не говоря уже о различных технических материалах, необходимых для бесперебойной работы двигателей? Несомненно, в каком-нибудь никому не известном и трудно доступном уголке земного шара должно существовать какое-то пристанище, какое-то место для передышки, где «Альбатрос» мог бы получать все, в чем он испытывает нужду. Инженер Робур был способен прервать всякие отношения с обитателями земли, но прервать всякую связь с земной поверхностью даже он не был способен!

Но если дело обстояло так, где же находилось это пристанище? Что заставило инженера выбрать именно его? Ожидала ли там возвращения Робура маленькая колония, которую он возглавлял? Мог ли он набрать там новый экипаж? И как получилось, что судьбы его спутников — выходцев из различных стран — оказались связанными с его собственной судьбой? И откуда он взял средства, чтобы построить такой дорогостоящий аппарат, конструкцию которого держал в секрете? Правда, содержание экипажа воздушного корабля не могло быть особенно разорительным: на борту «Альбатроса» все жили дружно, одной семьей, как живут люди, довольные своей судьбой и не скрывающие этого. Однако кто же был в конце концов этот Робур? Откуда он взялся? Каково его прошлое? Словом, тут вставали тысячи необъяснимых загадок, а единственный человек, который мог их разрешить, конечно, никогда не станет этого делать!

Вполне понятно, что такое нагромождение неразрешимых проблем выводило из себя обоих воздухоплава-

телей. Сознать, что летят неведомо куда, не находить никакого выхода из этого опасного приключения, не представлять себе даже, окончится ли оно вообще когда-нибудь, быть обреченными на вечные скитания в воздухе, — разве всего этого было недостаточно, чтобы толкнуть председателя и секретаря Уэлдонского ученого общества на какой-нибудь безрассудный поступок?..

А пока что, начиная с вечера 14 июля, воздушный корабль летел над просторами Атлантического океана. Наутро солнце поднялось над дугообразной линией, где небо, казалось, сливается с водой. На безбрежной поверхности океана не видно было ни клочка земли. Африка скрылась на северной стороне горизонта.

Когда Фриколлин отважился покинуть свою каюту и увидел под собою бескрайнее море, ужас охватил его с новой силой. Правильнее было бы сказать, увидел не «под собою», а «вокруг себя», ибо человеку, находящемуся в верхних слоях атмосферы, кажется, будто бездна обступает его со всех сторон, а горизонт, поднимаясь до уровня его глаз, отходит все дальше и дальше и представляется недостижимым.

Фриколлин, без сомнения, не отдавал себе отчета в физических причинах этого явления, но зато очень ясно его ощущал. Этого было достаточно, чтобы породить в нем «ужас перед бездной», от которого не могут избавиться даже некоторые смелые люди. Тем не менее негр благоразумно не стал жаловаться вслух. С закрытыми глазами, он ощупью добрался до своей каюты, решив, как можно дольше из нее не выходить.

Заметим кстати, что на долю Атлантического океана приходится больше четвертой части всей площади морской поверхности земного шара, которая составляет триста семьдесят четыре миллиона пятьдесят семь тысяч девятьсот двенадцать квадратных километров. Между тем ничто не говорило о том, что инженер торопится вперед. Он даже не отдал распоряжения увеличить быстроту полета «Альбатроса». Впрочем, воздушный корабль не мог бы в то время развить такую скорость, с какой он несли над Европой, — то есть до двухсот километров в час. В тех широтах, где господ-

ствуют преимущественно юго-западные воздушные течения, ветер дул навстречу «Альбатросу», и хотя не достигал большой силы, однако мешал полету воздушного корабля.

Самые последние труды метеорологов, опирающиеся на многочисленные наблюдения, позволили установить, что в этой лежащей между тропиками области пассаты постоянно дуют либо по направлению к Сахаре, либо по направлению к Мексиканскому заливу. Эти периодические воздушные течения движутся здесь или с запада — к Африке, или с востока — к Новому Свету; это верно по крайней мере для жаркого времени года.

Итак, борясь со встречным ветром, Робур не использовал всей мощи гребных винтов «Альбатроса». Он вел воздушный корабль с умеренной скоростью, которая, впрочем, превышала скорость трансатлантических пароходов.

Тринадцатого июля инженер объявил всему экипажу, что «Альбатрос» пересек экватор.

Вот каким образом дядюшка Прудент и Фил Эванс узнали, что они покинули Северное и вступили в Южное полушарие. Перелет через экватор не повлек за собой ни одной из тех шутивых проделок и торжественных церемоний, которыми отмечают на борту некоторых военных и торговых кораблей переход из одного полушария в другое.

Один лишь Франсуа Тапаж не мог отказать себе в удовольствии вылить пинту воды за шиворот Фриколлину: но так как после этого «крещения» негр получил несколько стаканов джина, то он заявил, что готов сколько угодно раз пересекать экватор, но только не на спине механической птицы, ибо она не внушает ему никакого доверия.

Пятнадцатого июля утром «Альбатрос» находился между островами Вознесения и Святой Елены, но ближе ко второму острову, чьи гористые берега виднелись на горизонте в продолжение нескольких часов.

Нет сомнения, что если бы в эпоху, когда Наполеон находился во власти англичан, уже существовал летательный аппарат вроде воздушного корабля инженера

Робура, то, вопреки всем оскорбительным мерам предосторожности, принятым Гудзоном Лоу, его прославленный узник мог бы, чего доброго, ускользнуть от него по воздуху!

Шестнадцатого и семнадцатого июля с наступлением вечера пассажиры «Альбатроса» наблюдали любопытное явление. В более высоких широтах его можно было бы принять за северное сияние. В действительности же это явление правильнее назвать сумеречным свечением: лучи заходящего солнца переливались различными оттенками, а некоторые из них горели ослепительным зеленым светом.

Не было ли это следствием того, что земля встретила на своем пути облако космической пыли, которое и отражало угасавший свет дня? Именно так и объясняют сумеречное свечение некоторые наблюдатели. Однако, если бы эти ученые находились на борту воздушного корабля, они отказались бы от такого предположения.

После тщательного изучения было установлено, что при сумеречном свечении в воздухе находятся в подвешенном состоянии мельчайшие кристаллы пироксена, микроскопические стекловидные шарики, легчайшие частицы магнитного железа, — словом, вещества, подобные тем, какие извергают некоторые огнедышащие горы. Поэтому не оставалось сомнения, что какой-то действующий вулкан выбросил в пространство это облако и составлявшие его мельчайшие кристаллические частицы были причиной наблюдавшегося явления; воздушные течения удерживали это облако над Атлантическим океаном.

В те же дни путешественники наблюдали и другие любопытные явления в атмосфере. Не раз тучи, покрывавшие небо, придавали ему какой-то необычайный, серый оттенок; когда воздушный корабль поднимался над этой завесой испарений, можно было видеть, что ее поверхность покрыта блестящими завитками яркого белого цвета, усеянными отвердевшими крупинками. В таких широтах подобное явление можно объяснить лишь образованием чего-то, напоминающего град.

В ночь с 17-го на 18-е показалась лунная радуга зеленовато-желтого цвета; это редкое явление было связано с тем, что воздушный корабль находился между полной луной и сеткой мелкого дождя, который испарялся, не достигая поверхности моря.

Следовало заключить из этого, что предстоит перемена погоды? Пожалуй. Как бы то ни было, но в этой экваториальной области юго-западный ветер, упорно дувший с того времени, как «Альбатрос» покинул берега Африки, начал постепенно стихать. В тропическом поясе стояла невероятная жара, и поэтому Робур в поисках прохлады направился в верхние слои атмосферы. Кроме того, стоило подумать и о том, чтобы укрыться от палящих солнечных лучей, выносить которые становилось невозможно.

Судя по изменившемуся направлению воздушных течений, можно было предвидеть, что за пределами экватора путешественники окажутся в иных климатических условиях. Как известно, июль месяц в Южном полушарии соответствует январю в Северном, то есть приходится на самый разгар зимы. И если бы «Альбатрос» продолжал движение на юг, ему вскоре пришлось бы испытать это на себе.

Впрочем, море уже «дышало холодом», как выражаются моряки. 18 июля, когда тропик Козерога остался позади, с «Альбатроса» было замечено новое грозное явление, которое привело бы в трепет экипаж любого корабля.

Как будто догоняя друг друга, по поверхности океана с быстротой не менее шестидесяти миль в час мчались какие-то светящиеся валы. Соблюдая расстояние футов в восемьдесят, они бороздили море длинными полосами света. Спустилась ночь, и их яркий отблеск достиг «Альбатроса». На этот раз его действительно можно было принять за светящийся болид. Робуру впервые пришлось парить над морем огня, но огня холодного, от которого не было нужды убежать, поднимаясь в верхние слои атмосферы.

Причину этого явления следовало, повидимому, искать в электричестве, ибо его нельзя было объяснить ни присутствием огромного косяка рыбы, мечущей

икру, ни гигантским скоплением микроскопических животных, которые вызывают свечение поверхности моря.

Это позволяло предполагать, что электрическое напряжение в атмосфере было весьма значительно.

На следующий день, 19 июля, море так разбушевалось, что грозило гибелью всякому кораблю. Однако «Альбатрос», подобно могучей птице, чье имя он носил, как будто смеялся над ветрами и волнами. Когда ему надоедало носиться над поверхностью моря, подобно буревестнику, он мог, словно орел, взмыть в поднебесье в поисках солнца и тишины.

К этому времени воздушный корабль пересек сорок седьмой градус южной широты. Теперь продолжительность дня не превышала семи-восьми часов. По мере приближения к антарктическим областям дни должны были стать еще короче.

В час полудни «Альбатрос», в поисках более благоприятных воздушных течений, заметно снизился. Теперь он летел всего в какой-нибудь сотне футов над поверхностью океана.

Стояла безветренная погода. Все небо обложили грозные темные тучи, сверху бугристые, а снизу заканчивавшиеся четкой горизонтальной линией. Из этих туч спускались длинные языки, почти касавшиеся воды, которая бурлила под ними, образуя водовороты и причудливые фонтаны.

Внезапно вода под «Альбатросом» взметнулась вверх, приняв форму гигантской бутылки.

В то же мгновение воздушный корабль был втянут в орбиту исполинского смерча, за которым следовало еще десятка два смерчей чернильного цвета. По счастью, подъемные винты «Альбатроса» вращались в противоположном со смерчем направлении, — иначе работа винтов прекратилась бы, и воздушный корабль рухнул бы в море; но все же он начал с головокружительной быстротой вертеться вокруг своей оси.

Опасность была чрезвычайно велика, и ее, повидимому, нельзя было отвести, ибо «Альбатрос» не мог вырваться из смерча, всасывающая сила которого затягивала его, несмотря на бешеное вращение гребных

винтов. Людям, отброшенным под действием центробежной силы на нос и на корму воздушного корабля, пришлось уцепиться за перила, чтобы их не снесло с палубы.

— Спокойствие! — скомандовал Робур.

Спокойствие было действительно необходимо, так же как и присутствие духа.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс, незадолго перед тем вышедшие на палубу, отлетели на корму и едва не свалились за борт.

Не переставая вращаться вокруг собственной оси, «Альбатрос» в то же время перемещался вместе со смерчами, крутившимися в воздухе с быстротой, которой могли позавидовать винты воздушного корабля. Едва он вырывался из одного смерча, как тут же попадал в орбиту другого; каждую минуту ему грозила опасность расколоться или даже разлететься на куски.

— К орудию!.. — крикнул инженер.

Этот приказ был отдан Тому Тэрнеру. Боцман припал к небольшой пушке, установленной посреди палубы, где меньше всего ощущалось действие центробежной силы. Он понял план Робура, в мгновение ока открыл казенную часть орудия и вложил в нее снаряд, который вынул из зарядного ящика, прикрепленного к лафету. Послышался выстрел, и смерчи внезапно обрушились вместе с облачным потолком, который они, казалось, поддерживали.

Сотрясения воздуха было достаточно, чтобы покончить с грозным явлением природы; громадная туча разрешилась ливнем и избороздила горизонт вертикальными струями, как будто между небом и поверхностью океана натянули огромную сеть дождя.

Освобожденный «Альбатрос» поспешил подняться на несколько сот метров.

— Нет ли повреждений? — осведомился инженер.

— Нет, — ответил Том Тэрнер, — но, право, эту опасную игру в волчок не стоит повторять!

В самом деле, несколько минут «Альбатрос» находился на краю гибели. Если бы не его необычайная прочность, он был бы уничтожен в вихре смерчей.

В продолжение этого полета над Атлантическим океаном время тянулось очень медленно, особенно когда никакие приключения не нарушали однообразия. Дни все уменьшались, а холод делался все чувствительнее. Дядюшка Прудент и Фил Эванс почти не видели Робура. Инженер большую часть времени проводил у себя в каюте, намечая путь «Альбатроса», нанося на карту его маршрут, определяя при каждой возможности местоположение воздушного корабля, записывая показания барометров, термометров и хронометров и, наконец, внося в бортовой журнал все, что происходило в пути.

Что касается обоих коллег, то, хорошенько закутавшись, они стояли на носу «Альбатроса», упрямо стараясь обнаружить какую-нибудь землю на юге.

Со своей стороны, Фриколлин, по особому поручению дядюшки Прудента, пытался выведать у повара хоть что-нибудь об инженере. Но можно ли было верить тому, что болтал этот гасконец Франсуа Тапаж? Послушать его, так Робур некогда был и министром Аргентинской республики, и главой адмиралтейства, и президентом Соединенных Штатов, ушедшим в отставку, и испанским генералом, уволенным в запас, и, наконец, вице-королем Индии, но пожелал подняться в еще более высокие сферы. То выходило, что Робур обладает миллионным состоянием, награбленным при помощи летательной машины, и привлечен к суду за свои преступления; то оказывалось, что он разорился, соорудив свой летательный аппарат, и ему скоро придется совершать публичные полеты, чтобы вернуть свои денежки. Что же касается того, намерен ли инженер когда-либо остановиться, — то, разумеется, нет! Впрочем, он думает отправиться на Луну, и если тамошние места придутся ему по вкусу, тогда уж он обоснуется на этой планете.

— Признайся, Фри... дружище!.. Тебе ведь не терпится побывать на Луне и посмотреть, что там делается?

— Я не полечу!.. Я отказываюсь!.. — отвечал простофиля, который верил всем этим рассказам.

— Почему же, Фри? Почему? Мы тебя женим там на какой-нибудь лунной красотке!.. И ты станешь родоначальником негров на Луне!

Когда Фриколлин пересказывал всю эту болтовню дядюшке Пруденту, тот всякий раз убеждался, что ему не добиться сколько-нибудь достоверных сведений о Робуре, и думал лишь о том, как отомстить инженеру.

— Фил, — обратился он однажды к своему коллеге, — теперь вы убедились, что мы не можем рассчитывать на побег?

— Не можем, дядюшка Прудент.

— Отлично. Но ведь каждый человек волен распоряжаться собою и пожертвовать в случае нужды своей жизнью...

— Если уж без такой жертвы не обойтись, то сделаем это поскорее! — вскричал Фил Эванс, которому изменило обычное хладнокровие. — Да! Пора с этим покончить! Куда летит «Альбатрос»?.. Теперь он уже почти пересек Атлантический океан, и если направление его полета не изменится, он вскоре достигнет побережья Патагонии, а затем и берегов Огненной Земли... Ну, а дальше что?.. Полетит ли он над Тихим океаном или направится к Южному полюсу?.. С этим Робуром надо быть ко всему готовым!.. А уж тогда мы пропали!.. Так что речь идет о законной самозащите, и если нам суждено погибнуть...

— То перед смертью, — подхватил дядюшка Прудент, — мы должны отомстить и уничтожить летательный аппарат со всеми, кто на нем находится!

Бессильный гнев и долго сдерживаемая ярость толкнули злосчастных воздухоплателей на это страшное решение. Да! Если потребуется, они пожертвуют своей жизнью, лишь бы уничтожить изобретателя вместе с секретом его изобретения! Пусть чудесный воздушный корабль, бесспорное превосходство которого в воздухе им скрепя сердце пришлось признать, существует всего несколько месяцев со дня своего появления на свет!

Эта мысль так прочно засела в их голове, что они день и ночь только и думали, как бы привести ее в исполнение. Каким способом? Хорошо бы похитить один

из динамитных патронов, имевшихся на борту, и с его помощью разнести в щепы летательный аппарат. Но для этого надо было проникнуть в склад, где хранились боевые припасы.

По счастью, Фриколлин и не подозревал об этом проекте. При одной мысли, что «Альбатросу» грозит опасность взорваться в воздухе, слуга был способен донести на своего господина.

Двадцать третьего июля на юго-западе, близ мыса Дев, у входа в Магелланов пролив, снова показалась земля. За пределами пятидесят четвертой параллели в эту пору года ночь продолжается уже около восемнадцати часов и температура падает в среднем до шести градусов ниже нуля.

Вместо того чтобы углубляться дальше к югу, «Альбатрос» сначала полетел вдоль извилистых берегов пролива, словно направляясь к Тихому океану. Миновав бухту Ломас и оставив гору Грегори на севере и горную гряду Брекнок на западе, он пролетел над небольшим чилийским селением Пунта-Аренас, в то время когда в местной церкви звонили во все колокола; через несколько часов с «Альбатроса» были замечены старинные сооружения Порт-Фамин.

Говорят, что патагонцы, чьи костры виднелись на земле, отличаются высоким ростом; однако пассажиры воздушного корабля не могли об этом судить, ибо с высоты люди казались им карликами.

Какое изумительное зрелище открылось им в эти часы короткого зимнего дня в Южном полушарии! Крутые горы, покрытые вечными снегами вершины, густые леса, спускающиеся уступами по горным склонам, внутренние моря, бухты среди полуостровов и островов архипелага, который образуют земли Кларенса, Доусона и Дезолейшн, каналы и проливы, многочисленные мысы и скалы — все это хаотическое нагромождение было уже сковано льдами в единое целое, — от мыса Форвард, где оканчивается американский материк, до мыса Горн, где кончается Новый Свет!

Когда «Альбатрос» прибыл в Порт-Фамин, узникам стало ясно, что Робур собирается продолжать свой полет к югу. Проскользнув между горой Тарн, на полу-

острове Брунsvик, и горой Грэвса, воздушный корабль направился к горе Сармьенто, гигантская вершина которой, укутанная льдами, господствует над Магеллановым проливом, поднимаясь на две тысячи метров над уровнем моря.

Внизу лежала страна печереев, или фуэгийцев, — туземцев, населяющих Огненную Землю.

Какой прекрасной и плодородной показалась бы эта земля, особенно в южной своей части, полгода назад, в самый разгар лета, когда день длится здесь целых пятнадцать — шестнадцать часов! Тогда повсюду взор ласкали бы зеленые долины и пастбища, способные прокормить тысячи животных; девственные леса, состоящие из гигантских деревьев — берез, буков, ясеней, кипарисов, древовидных папоротников; широкие равнины, по которым проносятся стада гуанако, вигоней и страусов, наконец целые армады пингвинов и всяких пернатых. Когда на «Альбатросе» зажглись электрические фонари, целые стаи кайр, уток, гусей и других птиц устремились к его бортам. Их было столько, что хватило бы пополнить дичью сотню таких кладовых, как у Франсуа Тапажа.

Это нашествие птиц принесло немало хлопот повару, который умел мастерски готовить их, уничтожая неприятный привкус жира. Прибавилось хлопот и у Фриколлина, который охотно ощипывал десяток за десятком этих лакомых представителей мира пернатых.

В тот день, около трех часов пополудни, перед самым заходом солнца, впереди показалось огромное озеро, окаймленное густыми лесами. В ту пору оно полностью замерзло, и несколько туземцев быстро скользили на длинных лыжах по его ледяной поверхности.

Едва завидев воздушный корабль, насмерть перепуганные фуэгийцы пустились наутек, а когда у них уже не было сил бежать, они спрятались, зарывшись в снег, словно животные.

Двигаясь к югу, «Альбатрос» пролетел над каналом Бигл, оставив позади остров Наварино, чье греческое имя ласкает ухо на фоне неблагозвучных названий этих далеких мест, и миновал остров Уолластон,

расположенный в самой южной части Тихого океана. Наконец, преодолев семь тысяч пятьсот километров от берегов Дагомеи, он пролетел над последними островами Магелланова архипелага и самой южной точкой Нового Света — страшным мысом Горн, острый выступ которого вечно гложет прибой.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

*в которой «Альбатрос» совершает то, чего, пожалуй,
никому не совершить*

Наступило 24 июля. А ведь этому дню в Южном полушарии соответствует 24 января в Северном. Больше того, только что пройденный пятьдесят шестой градус южной широты соответствует на севере параллели, которая в Европе проходит через Шотландию на уровне Эдинбурга.

Поэтому термометр постоянно показывал среднюю температуру ниже нуля. Так что путешественникам приходилось занимать немного искусственного тепла у аппаратов, предназначенных для обогрева рубок воздушного корабля.

Следует упомянуть, что хотя продолжительность дня должна была постепенно возрастать после зимнего равноденствия, которое в Южном полушарии приходится на 21 июня, на самом деле день заметно уменьшался, ибо «Альбатрос» неуклонно приближался к полярным областям.

По этой причине южная часть Тихого океана, граничащая с Полярным кругом, освещалась очень ненадолго. Итак, днем — весьма мало света, а ночью — к тому же и весьма чувствительный холод. Чтобы сносить его, приходилось одеваться на манер эскимосов или фуэгийцев. И так как на борту «Альбатроса» теплых вещей было достаточно, то дядюшка Прудент и Фил Эванс, хорошенько укутавшись, могли подолгу оставаться на палубе, тщательно обдумывая свой план мести и ожидая лишь удобного случая, чтобы привести

его в исполнение. Робура они видели мало; надо сказать, что после обмена обоюдными угрозами во время полета над Тимбукту инженер и его пленники вовсе не разговаривали.

Что касается Фриколлина, то он ни разу не выходил из кухни, где помогал Франсуа Тапажу готовить пищу, за что повар оказывал ему самое радушное гостеприимство. Эту выгодную должность негр охотно принял с разрешения своего господина. К тому же, оставаясь взаперти, Фриколлин не видел того, что происходит снаружи, и мог считать себя защищенным от опасности. Не походил ли он на страуса не только физически, из-за своего удивительного желудка, но и нравственно, из-за своей редкой бестолковости?

В какой же пункт земного шара держал теперь путь «Альбатрос»? Можно ли было предположить, что в самый разгар зимы он отважится проникнуть в область над южными морями или над землями, лежащими у самого полюса? Даже если допустить, что химические элементы батарей были бы достаточно морозостойкими, следовало помнить, что уже одно пребывание в ледяной атмосфере грозило гибелью всему экипажу, страшной гибелью от холода! Если бы Робур вздумал пересечь полюс в жаркое время года — еще куда ни шло! Но решиться на такой перелет в самый разгар антарктической зимы, во мгле вечной ночи, мог только безумец!

Так рассуждали председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества, оказавшиеся против воли над тем материком Нового Света, который хоть и называется Америкой, но отнюдь не той, где расположены Соединенные Штаты!

В самом деле! До чего еще дойдет этот невыносимый Робур? И не наступило ли время покончить с путешествием, разрушив его летательный аппарат?

В тот день, 24 июня, инженер то и дело беседовал с боцманом. Не раз Том Тэрнер и Робур записывали показания барометра — и, видимо, не для определения достигнутой высоты, а чтобы получить данные, относящиеся к погоде. Без сомнения, в атмосфере происхо-

дили какие-то изменения, которые следовало принять во внимание.

Дядюшке Пруденту показалось даже, что Робур составляет опись всех оставшихся на борту запасов — как тех, что служат для питания тяговых и подъемных механизмов воздушного корабля, так и тех, что служат для питания человеческих организмов, о бесперебойной работе которых также следовало позаботиться.

Все это, возможно, говорило о том, что инженер готовится в обратный путь.

— В обратный путь? — заметил Фил Эванс. — Интересно, куда?

— Туда, где этот Робур может пополнить свои запасы, — отвечал дядюшка Прудент.

— Должно быть, на какой-нибудь остров, затерянный в Тихом океане, где существует колония таких же проходимцев, как их вожак.

— И я того же мнения, Фил Эванс. Я полагаю, что Робур в самом деле помышляет о том, чтобы двинуться на запад, а при той скорости, какой обладает его воздушный корабль, он быстро достигнет цели.

— Но если он туда доберется... нам не удастся привести в исполнение свой план...

— Он туда не доберется, Фил Эванс!

Очевидно, коллеги отчасти проникли в замыслы инженера. К вечеру этого дня уже не оставалось сомнений, что «Альбатрос», достигнув границ антарктических вод, намеревался, наконец, повернуть назад. Как только льды сковывают все эти воды, вплоть до мыса Горн, все южные области Тихого океана покрываются ледяными полями и айсбергами. Ледовый пояс образует мощный барьер, который не могут преодолеть ни самые прочные корабли, ни самые отважные мореплаватели.

Разумеется, ускорив взмахи своих крыльев-винтов, «Альбатрос» мог бы перелететь сначала ледяные горы, во множестве скопившиеся на поверхности океана, а затем и горы сухопутные, возвышающиеся на материке вблизи полюса, если только самая южная точка

земного шара действительно лежит на материке. Но разве мог он отважиться продолжать свой полет в ледяной атмосфере, которая в период полярной ночи охлаждается до шестидесяти градусов ниже нуля? Конечно, нет!

Поэтому, углубившись километров на сто к югу, «Альбатрос» вскоре повернул к западу, взяв курс на один из неизвестных островов, расположенных в Тихом океане.

Внизу простиралась бескрайняя гладь океана, омывающего американский и азиатский материки. В это время его воды приняли ту своеобразную окраску, благодаря которой их называют «молочным морем». Немощные лучи полярного солнца не могли преодолеть полумрак, и вся поверхность этой части Тихого океана казалась молочно-белой. Ее можно было принять за огромное снежное поле, ибо с высоты водная гладь казалась совершенно невозмутимой. Вероятно, именно так выглядит эта часть океана, когда мороз сковывает его воды, превращая их в безграничное ледяное поле.

Как известно, это необычайное явление вызывают мириады светящихся телец, фосфоресцирующих микроорганизмов. Но удивительнее всего, что такое скопление мельчайших живых существ, излучающих опаловый свет, наблюдалось за пределами Индийского океана.

Внезапно барометр, который в утренние часы держался довольно высоко, резко упал. В атмосфере появились признаки, которые заставили бы насторожиться обыкновенный корабль, но воздушный корабль мог ими пренебречь. Очевидно, какая-то страшная буря не так давно возмутила воды Тихого океана.

В час пополудни Том Тэрнер, подойдя к инженеру, сказал:

— Мистер Робур, взгляните на эту черную точку на горизонте! Вон... там... прямо к северу от нас. Не утес ли это?

— Нет, Том, в той стороне не может быть земли.

— Тогда это, должно быть, корабль или по крайней мере шлюпка.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс, стоявшие на носу «Альбатроса», напряженно всматривались в точку, указанную Томом Тэрнером.

Робур приказал принести свой морской бинокль и принялся внимательно наблюдать за движущимся предметом.

— Это какая-то шлюпка, — объявил он, — и я уверен, что в ней люди.

— Потерпевшие кораблекрушение? — воскликнул Том.

— Да, потерпевшие кораблекрушение люди, которым пришлось оставить свое судно, — продолжал Робур, — несчастные, потерявшие представление о том, где находится земля, быть может, погибающие от голода и жажды! Ну, что ж! Никто не посмеет сказать, что «Альбатрос» не пришел им на помощь!

Механику и двум его помощникам был отдан короткий приказ, и воздушный корабль начал медленно опускаться. Метрах в ста от поверхности моря «Альбатрос» остановился и, ускорив вращение гребных винтов, быстро понесся к северу.

На волнах беспомощно покачивалась шлюпка. Ее парус бессильно повис на мачте. Из-за отсутствия ветра она лишилась управления, а на борту ее, повидимому, ни у кого не было сил справиться с веслом.

В глубине шлюпки лежали пять человек: они либо спали, либо не могли пошевелиться от истощения, если вообще были живы.

Подлетев ближе, «Альбатрос» начал постепенно снижаться.

На корме лодки можно было разобрать название судна, с которого она была спущена: то был французский корабль «Жаннетта» из Нанта, очевидно покинутый своим экипажем.

— Э-эй! — закричал Том Тэрнер.

Его должны были услышать, ибо шлюпка находилась в каких-нибудь восьмидесяти футах под «Альбатросом».

Никакого ответа.

— Стреляйте! — приказал Робур.

Команда была выполнена, и громкий звук выстрела прокатился над поверхностью воды.

И тогда с «Альбатроса» увидели, как один из потерпевших бедствие с трудом поднялся: глаза его блуждали, а изможденное лицо напоминало лицо скелета.

При виде «Альбатроса» он вздрогнул от испуга.

— Не бойтесь, — крикнул Робур по-французски. — Мы пришли к вам на помощь!.. Кто вы?

— Матросы с «Жаннетты», трехмачтового судна, на котором я был помощником капитана, — ответил человек. — Вот уже пятнадцать дней... мы оставили его... когда оно пошло ко дну!.. У нас нет ни воды, ни пищи!..

Четверо других потерпевших кораблекрушение медленно приподнимались. Измученные, исхудавшие, дошедшие до последней степени истощения, они простирали руки к воздушному кораблю.

— Внимание! — закричал Робур.

С «Альбатроса» на веревке было спущено в шлюпку ведро с пресной водой. Несчастные накинулись на воду с такой жадностью, что на них было больно смотреть.

— Хлеба!.. хлеба!.. — кричали они.

Немедленно была спущена и корзина с провизией: в ней были консервы, бутылка брэнди и несколько литров кофе. Помощник капитана с большим трудом удерживал изголодавшихся людей, набросившихся на еду.

Затем из шлюпки донеслось:

— Где мы?

— В пятидесяти милях от берегов Чили и от архипелага Чонос, — ответил Робур.

— Благодарю. Но без ветра нам...

— Мы возьмем вас на буксир!

— Кто вы такие?..

— Люди, которые рады оказать вам помощь, — кратко ответил Робур.

Помощник капитана понял, что должен уважать инкогнито своих спасителей.

Но можно ли было надеяться, что летательная машина окажется достаточно сильной, чтобы взять шлюпку на буксир?

Разумеется! И, привязанная к концу каната длиною в сто футов, шлюпка быстро понеслась на восток, увлекаемая мощным летательным аппаратом.

К десяти часам вечера появилась земля: с «Альбатроса» заметили береговые огни. Для потерпевших кораблекрушение моряков «Жаннетты» эта помощь с неба пришла как раз во-время, и они имели все основания считать свое спасение чудом!

Как только шлюпка оказалась вблизи проливов между островами Чонос, Робур крикнул, чтобы матросы отвязали конец каната, что они и сделали, благословляя своих спасителей; затем «Альбатрос» вновь направился в сторону открытого моря.

Положительно, он был великолепен, этот воздушный корабль, способный прийти на помощь потерпевшим кораблекрушение морякам, затерянным среди океана! Какой воздушный шар, даже самой совершенной конструкции, был бы способен сослужить подобную службу! Дядюшке Пруденту и Филу Эвансу пришлось с этим согласиться, несмотря на то, что они пребывали в таком расположении духа, когда люди готовы спорить даже против очевидности.

А волнение на море все не успокаивалось. Тревожные признаки нарастали. Барометр упал еще на несколько делений. Порывистый ветер то яростно свистел между подъемными винтами «Альбатроса», то на минуту совсем затихал. При таких условиях парусному судну пришлось бы уже взять два рифа в марселях и один риф в фоке. Все указывало на то, что направление ветра вот-вот переменится и он задует с северо-запада. Стекло штормгласса затуманилось, и это также внушало тревогу.

К часу ночи ветер достиг бешеной силы. Однако, хотя воздушный корабль шел теперь против ветра, он еще мог благодаря своим мощным гребным винтам преодолевать его и продвигаться вперед со скоростью четырех-пяти лье в час. Но большего от него нельзя было требовать.

Очевидно, надвигался грозный циклон — явление в тех широтах весьма редкое. Как бы его ни называли — ураганом в Атлантическом океане, тайфуном в

Китайских морях, самомом в Сахаре, торнадо на западном побережье, — это всегда и всюду свирепый и весьма опасный вихрь! Да, опасный для всякого судна, попавшего в орбиту этой крутящейся бури, вращательное движение которой усиливается от окружности к центру; лишь в самой середине этого воздушного Мальмстрема остается относительно спокойная зона.

Робур это знал. Он знал также, что самым разумным было бежать от циклона, вырваться из сферы его действия, поднявшись в верхние слои атмосферы. До сих пор ему это всегда удавалось. Но теперь нельзя было терять ни одного часа, пожалуй, даже ни одной минуты!

В самом деле, неистовство ветра возрастало с каждой секундой. Обезглавленные вихрем волны мчались, разбрызгивая белую пену по поверхности океана. Циклон, перемещаясь с невероятной скоростью, неудержимо двигался к полярным областям.

— Вверх! — скомандовал Робур.

— Вверх! — повторил Том Тэрнер.

Подъемные винты воздушного корабля заработали с максимальной быстротой, и он устремился под острым углом вверх, точно двигался по наклонной плоскости, установленной в юго-западном направлении.

В это мгновение барометр вновь опустился: ртутный столбик резко упал — сначала на восемь, затем на двенадцать миллиметров. Внезапно восходящее движение «Альбатроса» приостановилось.

Чем объяснялась эта остановка? Повидимому, она произошла вследствие того, что мощный воздушный поток стремился сверху вниз, и под его давлением «Альбатрос» не мог найти себе надежной опоры в атмосфере.

Когда пароход поднимается вверх по течению реки, работа винта тем менее успешна, чем быстрее текущая вода уходит из-под его лопастей. При этом судно так сильно относит назад, что его попятное движение может порою стать равным поступательному. То же происходило и с «Альбатросом».

Однако Робур не прекратил борьбы. Все семьдесят

четыре винта «Альбатроса», работая ровно и согласованно, вращались с предельной скоростью. Но неумолимо увлекаемый циклоном, летательный аппарат не мог вырваться из его грозных объятий. Пользуясь каждой минутой затишья, «Альбатрос» пытался подняться вверх, но под тяжестью циклона снова и снова падал вниз, подобно тонущему кораблю. Казалось, он судорожно барахтается в волнах воздушного океана, затерянный в ночной мгле, которую его фонари побеждали только на очень небольшом пространстве.

Было очевидно, что, если ярость циклона еще возрастет, «Альбатрос», потеряв управление, превратится в хрупкую соломинку, в жалкую игрушку вихря, способного с корнем вырывать деревья, сносить кровли и разрушать стены зданий.

Робур и Том Тэрнер могли теперь объясняться лишь жестами. Дядюшка Прудент и Фил Эванс, вцепившись в перила, спрашивали себя, не сыграет ли разбушевавшаяся стихия им на руку, не уничтожит ли она сама воздушный корабль и его изобретателя, а вместе с ним и секрет изобретения!

Так как «Альбатросу» не удавалось подняться в верхние слои атмосферы и вырваться из цепких лап циклона, ему, повидимому, оставалось только одно: попытаться достичь относительно спокойной зоны в центре циклона, где он мог бы свободнее маневрировать. Но чтобы достичь этой зоны, надо было преодолеть центробежную силу вращающегося вихря, который удерживал воздушный корабль в своей орбите. Достанет ли на это у «Альбатроса» мощности?

Внезапно тучи на небе разорвались, и сгустившиеся водяные пары хлынули вниз потоками дождя.

Было два часа ночи. Барометр, падавший резкими скачками — по двенадцать миллиметров сразу, — в эту минуту опустился до семисот девяти миллиметров; правда, такое понижение объяснялось отчасти тем, что воздушный корабль находился в то время на значительной высоте над уровнем моря.

Описанный циклон был явлением тем более редким, что возник он за пределами тех областей, в которых, как правило, наблюдаются подобные вихри:

области эти расположены между тридцатым градусом северной и двадцать шестым градусом южной широты. Быть может, именно поэтому крутящаяся буря внезапно превратилась в обыкновенный ураган, движущийся по прямой. Но зато в какой ураган! С ним можно было бы сравнить разве только неистовый шквал, налетевший 22 марта 1882 года на штат Коннектикут, скорость которого достигала ста шестнадцати метров в секунду, то есть свыше ста лье в час.

Стало быть, «Альбатросу» оставалось лишь мчаться по ветру, подобно судну, убегающему от бури, или, вернее, не противиться воздушному течению, вырваться из которого он был не в силах. Но, послушно двигаясь по навязанному ему пути, воздушный корабль неся к югу, приближаясь к полярным областям, которых Робур стремился избежать; теперь он не волен был избирать себе направление и вынужден был лететь туда, куда увлекал его ураган.

Том Тэрнер стал у руля. Требовалось все его умение, чтобы «Альбатрос» не опрокинулся.

На рассвете, если можно так назвать неясный проблеск света, окрасивший горизонт, «Альбатрос» оставил за собой пятнадцать градусов широты, считая от мыса Горн, иначе говоря, он пролетел больше четырехсот лье и проник в пределы Южного полярного круга.

Здесь в июле месяце ночь продолжается девятнадцать с половиной часов. Солнечный диск, не дающий ни тепла, ни света, едва появившись на горизонте, почти тотчас же скрывается вновь. На самом полюсе вечная ночь длится сто семьдесят девять дней. Все указывало на то, что «Альбатросу» вскоре предстояло погрузиться во мрак этой ночи, словно в пучину.

Если бы в тот день можно было произвести обсервацию, то она показала бы, что воздушный корабль достиг $66^{\circ}40'$ южной широты. Всего тысяча четыреста миль отделяли его в то время от Южного полюса.

«Альбатрос» неотвратимо приближался к этой недоступной точке земного шара, и скорость полета, можно сказать, «скрадывала» его тяжесть, несмотря на то, что сила притяжения над полюсом несколько увеличивается, ибо Земля здесь приплюснута. Каза-

лось, воздушный корабль мог теперь вполне обойтись без своих подъемных винтов. А вскоре ураган достиг такой силы, что Робур счел нужным довести и число оборотов гребных винтов до минимума; таким способом инженер рассчитывал избежать серьезных поломок и в то же время сохранить управление «Альбатросом», предельно уменьшив собственную скорость воздушного корабля.

В обстановке грозной опасности инженер хладнокровно отдавал распоряжения, а экипаж выполнял их с такой готовностью, словно в груди начальника и его подчиненных билось одно сердце.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс ни на мгновение не покидали палубы. Впрочем, на ней можно было оставаться, не испытывая никаких неудобств. Сопротивление воздуха было настолько незначительно, что почти не ощущалось. Воздушный корабль напоминал теперь аэростат, который движется вместе с несущей его воздушной средой.

Область Южного полюса, по приблизительным подсчетам, занимает площадь в четыре миллиона пятьсот тысяч квадратных километров. Материк ли это? Или архипелаг? Или же древнее море, льды которого не тают даже в летнее время? Этого никто не знает. Твердо известно лишь одно: на Южном полюсе гораздо холоднее, чем на Северном, и это объясняется положением Земли на ее орбите в период антарктической зимы.

Ничто в тот день не указывало, что буря слабеет. «Альбатрос» должен был вступить в область, лежащую у самого Южного полюса, вблизи семьдесят пятого меридиана. Вдоль какого меридиана он ее покинет и удастся ли ему вообще выбраться отсюда?

Мы уже говорили, что, по мере того как воздушный корабль продвигался на юг, продолжительность дня все сокращалась. Вскоре ему предстояло погрузиться во тьму вечной ночи, которую озаряют лишь свет луны да бледные лучи южного полярного сияния. Но месяц тогда едва родился, и спутники Робура рисковали ничего не увидеть в этих областях

Антарктики, тайны которых до сих пор еще ускользают от взоров пытливого человечества.

Весьма вероятно, что «Альбатрос» пролетел над несколькими уже известными пунктами, лежащими близ Южного полярного круга; он двигался западнее Земли Грейама, открытой Биско в 1832 году, и Земли Луи-Филиппа, открытой в 1838 году Дюмон д'Юрвилем; обе эти территории — самые удаленные пункты, когда-либо достигнутые человеком на этом еще не изученном континенте.

Между тем на борту «Альбатроса» люди не слишком страдали от холода, ибо температура держалась значительно выше, чем можно было опасаться. Казалось, ураган, словно своего рода воздушный Гольфстрим, нес с собою изрядный запас тепла.

Какая жалость, что вся эта область оставалась погруженной во мрак! Однако, если бы луна даже освещала окружающее пространство, возможность наблюдений была бы весьма ограничена. Дело в том, что зимой вся поверхность вокруг Южного полюса скована ледяным панцырем и занесена необозримым снежным покровом. В эту пору незаметно даже так называемого «мерцания» льдов, белесый свет которого мог бы слегка окрасить темный горизонт. Как различить в таких условиях очертания суши, как определить площадь морей и расположение островов? Как произвести гидрографическую съемку местности? Как составить орографическое описание территории, когда холмы и горы невозможно отличить от айсбергов и ледовых затонов?

Около полуночи тьму озарило южное полярное сияние. Окруженное серебристой бахромою, оно походило на гигантский раскрытый веер, занимавший половину небосвода. Во все стороны от него расходились яркие электрические лучи; некоторые из них, постепенно угасая, достигали зенита, где сверкали четыре звезды, образующие созвездие Южного Креста. То было поистине величественное зрелище! Свет южного полярного сияния позволял охватить взглядом общий вид местности, укрытой бесконечной снежной пеленою.

Нечего и говорить, что над этими районами, расположенными у самого магнитного полюса, стрелка буссоли постоянно колебалась и не могла точно указывать направление, которому следовал воздушный корабль. И вот наступил момент, когда, наблюдая за ее склонениями, Робур пришел к выводу, что воздушный корабль находится над южным магнитным полюсом, лежащим приблизительно на семьдесят восьмом градусе южной широты.

А позднее, около часа ночи, вычислив угол, который стрелка буссоли образует с вертикальной плоскостью, инженер воскликнул:

— Под нами Южный полюс!

Внизу показалась огромная белоснежная шапка, но она ревниво скрывала от взоров то, что находилось под ее ледяным покровом.

Вскоре южное полярное сияние погасло, и математическая точка, где сходятся все земные меридианы, осталась такой же неизученной, какой она была и до тех пор.

Надо сказать, что если дядюшка Прудент и Фил Эванс намеревались похоронить в каком-нибудь пустынном месте воздушный корабль вместе с теми, кого он уносил на борту, то случай был самый благоприятный. И если они этого не сделали, то, без сомнения, лишь потому, что еще не раздобыли взрывчатого вещества.

Между тем ураган продолжал дуть с такой силой, что, если бы на пути «Альбатроса» встретилась какая-нибудь гора, он разбился бы подобно кораблю, наскочившему на прибрежные скалы.

И в самом деле, управлять движением воздушного корабля было тогда невозможно ни в горизонтальной, ни в вертикальной плоскости.

А ведь на землях Антарктиды, как известно, возвышается несколько горных вершин. Вот почему каждую минуту можно было ожидать столкновения и гибели летательного аппарата.

Такой катастрофы приходилось опасаться тем более, что после нулевого меридиана ветер повернул на

восток. И тогда в сотне километров от воздушного корабля показались две светящиеся точки.

Это были два вулкана, входящие в мощную систему гор Росса, — Эребус и Террор.

Неужели «Альбатросу» предстояло сгореть в их пламени, словно гигантской бабочке?

Путешественникам пришлось пережить тревожный час. Один из вулканов, Эребус, казалось, готов был спалить воздушный корабль, который не мог вырваться из русла урагана. Столбы пламени росли буквально на глазах. Завеса огня преграждала путь. Огромное зарево полыхало вокруг. Ярко освещенные лица людей, стоявших на борту «Альбатроса», казались зловещими. Недвижимо, без звука, без жеста, все ждали ужасной минуты, когда их поглотит эта огнедышащая печь.

Однако ураган, уносивший «Альбатрос», сам спас его от страшной катастрофы. Языки пламени Эребуса, опавшие от сильного порыва ветра, дали дорогу воздушному кораблю, и под брызгами расплавленной лавы, которые, по счастью, отбрасывала центробежная сила подъемных винтов, «Альбатрос» пролетел над самым кратером действующего вулкана.

Часом позже два колоссальные факела, озаряющие крайние пределы мира во время долгой полярной ночи, уже скрылись за горизонтом.

В два часа «Альбатрос» прошел над островом Баллени, расположенным у границ побережья Декуверт; но разглядеть этот остров было невозможно, ибо льды прочно спаяли его с антарктическим материком.

Начиная с Южного полярного круга, который «Альбатрос» вновь перелетел вдоль сто семьдесят пятого меридиана, ураган мчал воздушный корабль над ледовыми заторами и айсбергами, которые ежеминутно угрожали ему гибелью. Отныне «Альбатрос» больше не подчинялся своему рулевому, он находился в руках божьих... А бог хороший кормчий.

Воздушный корабль двигался теперь на север вдоль Парижского меридиана, который образует угол в сто пять градусов с тем меридианом, которому он следовал впервые, пересекая Южный полярный круг.

Наконец за пределами шестидесятой параллели появились признаки, свидетельствовавшие, что ураган слабеет. Скорость его заметно уменьшилась, «Альбатрос» мало-помалу вновь приобретал свободу передвижения. Затем — и это было истинным облегчением — он опять вернулся в освещенные области земного шара, и часов в восемь утра над горизонтом взошло солнце.

Робур и его люди, в свое время ускользнувшие от циклона возле мыса Горн, теперь спаслись и от урагана. Они вновь оказались над Тихим океаном, пролетев семь тысяч километров над полярными землями всего лишь за девятнадцать часов, то есть со скоростью свыше одного лье в минуту; такая быстрота в два раза превосходила ту, которую «Альбатрос» мог развить при помощи своих гребных винтов в обычной обстановке.

Вследствие колебаний стрелки буссоли, вызванных близостью магнитного полюса, Робур не знал, где он находится. Надо было дожидаться появления солнца, чтобы произвести обсервацию. К несчастью, небо в тот день было сплошь затянуто тучами и солнце вовсе не показывалось.

Инженер был тем более раздосадован невозможностью определить местонахождение воздушного корабля, что во время бури оба гребных винта были повреждены.

Сильно раздраженный этой поломкой, Робур вынужден был пока что примириться с весьма умеренной скоростью «Альбатроса», который делал в то время не более шести лье в час. Вдобавок ко всему следовало считаться с опасностью новых поломок. Если бы оба гребных винта вышли из строя, положение воздушного корабля, летевшего над безбрежными просторами Тихого океана, стало бы весьма затруднительным. Поэтому инженер спрашивал себя, не должен ли он немедленно приступить к исправлению винтов, чтобы сделать дальнейшее путешествие более надежным.

На следующий день, 27 июля, часов в семь утра, на севере показалась какая-то земля. Вскоре выяснилось.

что это остров. Но какой именно? Ведь таких островов на Тихом океане насчитывают тысячи! Как бы то ни было, Робур решил сделать здесь остановку, не опускаясь, однако, на землю. По его мнению, одного дня должно было хватить для исправления поломок, и вечером воздушный корабль сможет продолжить свой путь.

Ветер совсем прекратился, и это благоприятствовало планам инженера: можно было рассчитывать, что «Альбатрос» останется неподвижным в небе и не будет унесен неведомо куда.

С воздушного корабля спустили канат длиной в сто пятьдесят футов, с якорем на конце. Когда «Альбатрос» приблизился к острову, якорь скользнул по рифам, а затем прочно засел меж двух утесов. Затем под действием подъемных винтов канат натянулся, и «Альбатрос» застыл в воздухе, подобно судну, ставшему на якорь.

Впервые после того, как воздушный корабль покинул Филадельфию, он вновь коснулся земли.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой происходят события, поистине достойные того, чтобы о них рассказали

Еще до того, как «Альбатрос» опустился, можно было определить, что остров, показавшийся внизу, — невелик. Но на какой параллели он находится? Вблизи какого меридиана лежит? Входит ли он в состав Океании, расположен ли на Тихом или Индийском океане? Это могло выясниться лишь после того, как Робур произведет обсервацию. Хотя и нельзя было всецело полагаться на показания компаса, инженер считал наиболее вероятным, что воздушный корабль находится над Тихим океаном. Оставалось ждать появления солнца, чтобы определить точное местоположение «Альбатроса».

С высоты ста пятидесяти футов остров, протяженность береговой линии которого составляла примерно

пятнадцать миль, напоминал трехконечную морскую звезду.

У юго-восточной его оконечности виднелся еще один небольшой островок, выступавший среди россыпи мелких скал. У побережья не было никаких следов прилива, что говорило в пользу предположения Робура о местонахождении острова, ибо в Тихом океане почти не бывает приливов и отливов.

В северо-западной части острова возвышалась конусообразная гора высотой примерно в тысячу двести футов.

Не видно было никаких туземцев, но, быть может, они жили в противоположной части острова. Или же, завидев воздушный корабль, они в страхе поспешили спастись бегством?

«Альбатрос» подошел к острову с юго-восточной стороны. Неподалеку в маленькую бухту впадала бежавшая между скалами небольшая речка. За нею виднелись извилистые долины, поросшие деревьями различных пород и изобиловавшие дичью — куро-патками и дрофами. Так что, если остров и не был обитаем, то во всяком случае на нем можно было жить. Без сомнения, Робур мог бы опуститься на остров, и если он этого не сделал, то, очевидно, потому, что сильно пересеченная местность затруднила бы посадку воздушного корабля.

Торопясь продолжить полет, инженер приказал немедленно приступить к ремонтным работам, надеясь закончить их за один день. Подъемные винты, безотказно действовавшие во время урагана, который, как мы уже говорили, в большой мере облегчал их работу, находились в превосходном состоянии. Сейчас вращалась только половина винтов, и этого было достаточно, чтобы канат, удерживавший воздушный корабль над островом, оставался натянутым, как струна. Но оба гребных винта были повреждены и даже серьезнее, чем полагал Робур. Необходимо было выпрямить погнувшиеся лопасти и привести в порядок зубчатую передачу, сообщавшую им вращательное движение.

Экипаж под руководством самого Робура и Тома Тэрнера занялся сначала передним винтом. Следовало прежде всего исправить этот винт — на тот случай, если бы «Альбатросу» пришлось продолжать путь до завершения ремонтных работ. Лететь можно было смело и с одним передним винтом.

Между тем дядюшка Прудент и его коллега, которые перед тем прогуливались по палубе, устроились на корме.

Что касается Фриколлина, то он почти совсем успокоился. Судите сами, какая перемена! Находиться всего лишь в ста пятидесяти футах от земли!

Работы продолжались безостановочно до той минуты, когда солнце взошло над горизонтом, что позволило сначала определить часовой угол, а затем, когда дневное светило достигло своего зенита, вычислить истинный полдень места.

В результате обсервации, произведенной с величайшей точностью, были получены следующие данные:

Долгота — $176^{\circ} 17'$ к востоку от Парижского меридиана.

Широта — $43^{\circ} 37'$ к югу от экватора.

В этом месте на карте нанесены остров Чатам и островок Вифф, входящие в группу, известную под названием островов Броутона. Группа эта расположена в пятнадцати градусах к востоку от Тауай-Поману, самого южного острова Новой Зеландии, находящегося в южной части Тихого океана.

— Мы приблизительно там, где я и предполагал, — заметил Робур Тому Тэрнеру.

— Стало быть, мы сейчас...

— В сорока шести градусах к югу от острова Икс, другими словами, на расстоянии двух тысяч восьмисот миль от него.

— Еще одна причина, чтобы быстрее починить гребные винты, — отвечал боцман. — По пути мы можем столкнуться со встречными ветрами, и так как наши запасы уже на исходе, нам надо как можно скорее добраться до острова Икс.

— Верно, Том, и я рассчитываю снова пуститься

в путь этой же ночью; в крайнем случае мы полетим с одним передним винтом, а другой исправим в дороге.

— Мистер Робур, — осведомился Том Тэрнер, — а как же оба джентльмена и их слуга?..

— Том Тэрнер, — отвечал инженер, — разве плохо для них, если они станут колонистами острова Икс?

Но что же это был за таинственный остров? Затерянный в бесконечных просторах Тихого океана, где-то между экватором и тропиком Рака, остров Икс вполне оправдывал данное ему Робуром алгебраическое обозначение. Он возвышался над волнами обширного Маркизского моря вдали от всех океанских паромных линий. Именно здесь и основал Робур свою маленькую колонию, именно сюда прилетал отдыхать «Альбатрос», когда уставал от полетов, именно тут он пополнял запасы всего, в чем нуждался для своих постоянных путешествий. Затратив большие средства, Робур соорудил на острове Икс специальную верфь, где и построил свой воздушный корабль. Здесь он всегда мог его починить и даже переделать. На складах острова хранились материалы, боевые припасы и провизия, которые обеспечивали существование пятидесяти человек, составлявших все его население.

Когда несколько дней назад «Альбатрос» огибал мыс Горн, Робур намеревался вернуться на остров Икс, пролетев наискось над Тихим океаном. Но сначала его вовлек в свой круговорот циклон, а затем ураган помчал его над Антарктидой. Но в конце концов воздушный корабль нашел свое прежнее направление, и если бы не поломка гребных винтов, то непредвиденная задержка не имела бы для него серьезного значения.

Итак, воздушный корабль должен был вскоре возвратиться на остров Икс. Но, как сказал боцман Том Тэрнер, ему предстоял еще немалый путь. В дороге могли встретиться неблагоприятные ветры, и «Альбатросу» потребовалась бы вся мощь его машин, чтобы прибыть к месту назначения в намеченный срок. При

удовлетворительной погоде и средней скорости этот перелет должен был занять всего три-четыре дня.

Вот почему Робур и принял решение сделать остановку у острова Чатам. Здесь он мог в наиболее благоприятных условиях починить по крайней мере передний гребной винт. Бросив якорь, он больше не опасался встречного ветра, который грозил бы отнести воздушный корабль к югу, в то время как ему надо было лететь на север. К наступлению ночи ремонт винта должен быть закончен, и тогда, искусно маневрируя, можно будет высвободить из грунта якорь. Но, если он уж слишком крепко застрял между скалами, придется обрубить канат и затем продолжать путь к экватору.

Читатель согласится, что это был самый простой и самый правильный образ действий, и инженер во-время взялся за дело.

Команда «Альбатроса», понимая, что нельзя терять ни минуты, горячо принялась за работу. В то время как люди трудились на носу воздушного корабля, дядюшка Прудент и Фил Эванс вели между собой разговор, который имел исключительно важные последствия.

— Фил Эванс, — проговорил дядюшка Прудент, — готовы ли вы попрежнему, как и я, принести в жертву свою жизнь?

— Да, готов!

— Я снова спрашиваю вас: согласны ли вы, что нам нечего ждать добра от этого Робура?

— Согласен.

— Так вот, Фил Эванс, я окончательно принял решение. «Альбатрос», очевидно, двинется в путь сегодня же вечером, и мы должны еще до наступления утра привести свой план в исполнение. Мы обломаем крылья птице инженера Робура! Этой ночью «Альбатрос» взорвется в воздухе!

— Да, взорвем его! — подтвердил Фил Эванс.

На этот раз коллеги пришли к полному согласию и с одинаковым хладнокровием готовы были встретить ожидавшую их ужасную гибель.

— Есть ли у вас все необходимое?.. — спросил Фил Эванс.

— Да!.. Прошлой ночью, когда Робур и его люди были поглощены спасением воздушного корабля, мне удалось незаметно проскользнуть в пороховой склад и вынести оттуда динамитный патрон!

— Давайте же действовать, дядюшка Прудент...

— Нет,ждемся вечера! С наступлением ночи мы возвратимся в каюту, и вы посторожите, чтобы меня не захватили врасплох!

Часов в шесть вечера узники, как обычно, пообедили. Двумя часами позже они удалились к себе в каюту, сделав вид, что собираются пораньше лечь спать, чтобы отдохнуть после бессонной ночи.

Ни Робур, ни его товарищи и не подозревали, какая опасность грозит «Альбатросу».

Вот как собирался действовать дядюшка Прудент.

Как уже известно с его слов, ему удалось проникнуть в пороховой склад, расположенный в одном из помещений под палубой воздушного корабля. Там он захватил некоторое количество пороха и динамитный патрон, вроде тех, что инженер применял в Дагомее. Возвратившись в свою каюту, он тщательно припрятал этот патрон, с помощью которого задумал взорвать ночью «Альбатрос», когда тот снова двинется в путь.

Фил Эванс внимательно осмотрел взрывчатый снаряд, похищенный его спутником.

То был цилиндр, металлическая оболочка которого содержала около килограмма взрывчатого вещества; такого количества было вполне достаточно, чтобы серьезно повредить летательный аппарат и вывести из строя его винты. Если бы корпус воздушного корабля и не был полностью разрушен силой взрыва, то стремительное падение «Альбатроса» неизбежно привело бы его к гибели. Казалось, что могло быть проще? Надо только положить патрон в угол каюты с таким расчетом, чтобы он, взорвавшись, разнес на куски палубу и повредил самый корпус воздушного корабля.

Однако, чтобы произвести взрыв, следовало сначала взорвать заряженный гремучей смесью капсюль,

который находился в патроне. То была самая тонкая часть операции, ибо капсюль надо было поджечь в определенный, точно рассчитанный час.

Дядюшка Прудент все предусмотрел: как только передний гребной винт будет починен, воздушный корабль снова начнет свой полет на север; после этого Робур и его люди, без сомнения, перейдут на корму, чтобы исправить задний винт. И тогда присутствие всего экипажа возле каюты может помешать выполнению замысла узников. Поэтому дядюшка Прудент решил произвести взрыв в нужный момент с помощью фитиля.

Он сказал Филу Эвансу:

— Вместе с динамитным патроном я захватил и немного пороха, чтобы изготовить фитиль, который будет гореть определенное время. Этот фитиль, опущенный в гремучую смесь капсюля, я подожгу ровно в полночь с тем, чтобы взрыв произошел между тремя и четырьмя часами утра.

— Великолепно придумано! — ответил Фил Эванс.

Вот до чего дошли председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества! Они самым хладнокровным образом обсуждали ужасный план уничтожения воздушного корабля, хотя эта катастрофа должна была привести и к их собственной гибели. Но в сердцах пленников кипела такая ненависть к Робуру и его товарищам, что они готовы были заплатить жизнью, лишь бы уничтожить и «Альбатрос» и всю его команду. Пусть этот план был безрассудным, даже отвратительным! Но они пришли к нему из-за того унижительного существования, которое вели последние пять недель, когда их все время душили бессильный гнев и не находившая себе выхода ярость!

— А как же Фриколлин? — спохватился Фил Эванс. — Имеем ли мы право распоряжаться его жизнью?

— Но мы ведь приносим в жертву и свою собственную! — ответил дядюшка Прудент.

Вряд ли Фриколлин нашел бы этот довод достаточно убедительным!

Дядюшка Прудент немедленно приступил к делу, в то время как Фил Эванс стоял на страже у входа в рубку.

Впрочем, члены экипажа все время находились на носу «Альбатроса», и узникам нечего было опасаться, что их застигнут врасплох.

Дядюшка Прудент прежде всего растер немного пороха, превратив его в тончайший порошок. Слегка смочив его, он всыпал порошок в узкий парусиновый мешочек, напомилавший по форме фитиль. Затем он поджег его и убедился, что за десять минут сгорает пять сантиметров фитиля, иначе говоря метр фитиля — за три с половиной часа. После этого он потушил фитиль, плотно обмотал его веревкой и прикрепил полученный таким образом шнур к капсюлю динамитного патрона.

Он закончил работу к десяти часам вечера, и никто ничего не заметил.

В это время Фил Эванс вошел в каюту к своему коллеге.

Весь день экипаж был занят починкой переднего винта. При этом пришлось вытащить винт на палубу, чтобы исправить погнувшиеся лопасти.

Что касается батарей и аккумуляторов, то ни один из источников энергии на «Альбатросе» не пострадал во время урагана. Они могли бесперебойно питать током двигатели воздушного корабля еще четыре-пять дней.

Уже наступила ночь, когда Робур и его люди приостановили работу. Передний гребной винт еще не был водружен на место. Чтобы пустить его в ход, требовалось не меньше трех часов. Поэтому, переговорив с Томом Тэрнером, инженер решил дать короткий отдых экипажу, изнемогавшему от усталости. Работу решили закончить рано утром, тем более что фонари давали недостаточно света и при дневном освещении было куда легче завершить самую тонкую часть дела — сборку винта.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс и не подозревали об этом. Из разговора Робура с Томом Тэрнером коллеги заключили, что передний гребной винт будет

исправлен до наступления ночи и «Альбатрос» тут же продолжит свой путь на север. Они думали, что воздушный корабль уже пришел в движение, в то время как он все еще прочно держался на якоре; вследствие этого события приняли совсем иной оборот, чем они предполагали.

Была пасмурная безлунная ночь. Сплошные тучи делали мрак еще непрогляднее. Поднимался легкий бриз. Несколько раз с юго-запада налетал порывистый ветер, но он был не в силах увлечь за собой воздушный корабль, который неподвижно висел над островом, укрепленный на вертикально натянутом канате с якорем на конце.

Дядюшка Прудент и его коллега, сидя у себя в каюте, изредка перебрасывались словами и внимательно прислушивались к вибрирующему звуку подъемных винтов, который покрывал все остальные звуки на борту «Альбатроса». Они ожидали наступления минуты, когда можно будет действовать.

Время близилось к полуночи.

— Пора! — воскликнул дядюшка Прудент.

В каюте под кушеткой был устроен выдвижной ящик. В него дядюшка Прудент и положил динамитный патрон, снабженный фитилем. Здесь фитиль мог незаметно тлеть, и никто бы не услышал ни потрескивания, ни запаха. Дядюшка Прудент поджег конец шнура, задвинул ящик и воскликнул:

— А теперь — на корму, и вооружимся терпением!

Оба вышли на палубу и с изумлением увидели, что у руля никого нет.

Фил Эванс наклонился над перилами.

— «Альбатрос» все еще на прежнем месте! — прошептал он. — Повидимому, они не закончили pochinku!.. И не смогли двинуться в путь!

Дядюшка Прудент жестом выразил досаду.

— Придется погасить фитиль, — проговорил он.

— Нет!.. Надо попытаться спастись, — возразил Фил Эванс.

— Спаستись?

— Да!.. По канату; ведь сейчас ночь!.. Спуститься на сто пятьдесят футов ничего не стоит!

— Вы правы, Фил Эванс, и было бы глупо не воспользоваться этой неожиданной возможностью!

Но прежде они возвратились в каюту и захватили с собой все, что могли унести, на случай более или менее продолжительного пребывания на острове Чатам; затем, заперев дверь, бесшумно двинулись к носовой части палубы.

Они собирались разбудить Фриколлина и заставить его бежать вместе с ними.

Царила глубокая тьма. Облака на юго-западе начали редеть. Воздушный корабль слегка покачивался на якоре, и державший его канат немного отклонился от вертикальной линии. Стало быть, спускаться будет нелегко! Но разве могло это остановить людей, которые только что не колеблясь поставили свою жизнь на карту!

Дядюшка Прудент и Фил Эванс осторожно пробирались по палубе, прячась за рубками и прислушиваясь к малейшему шуму. Но все было тихо. В иллюминаторах не видно было света. На борту воздушного корабля стояла такая тишина, какая бывает только ночью, когда все погружено в сон.

Пленники уже приближались к каюте Фриколлина, как вдруг Фил Эванс остановился.

— Вахтенный! — прошептал он.

В самом деле, какой-то человек растянулся перед рубкой. Повидимому, он только дремал. Если бы он поднял тревогу, попытка к бегству сорвалась бы.

Вокруг валялись веревки, куски парусины и пакля, которыми пользовались при исправлении винта.

Мгновение спустя вахтенный был привязан к перилам палубы. Голова его была закутана парусиной, в рот вставлен кляп. Он не мог ни крикнуть, ни пошевелиться.

Все это было сделано почти бесшумно.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс прислушались. В рубках было тихо. Люди на борту спали.

Беглецы — теперь их уже можно так назвать — приблизились к каюте, занимаемой Фриколлином. Из

рубки доносился громкий храп Франсуа Тапажа, достойный его фамилии; это их успокоило.

К величайшему удивлению дядюшки Прудента, ему не пришлось даже открывать дверь в каюту Фриколлина: она была распахнута настежь. Заглянув в нее, он повернулся к своему спутнику и тихонько воскликнул:

— Никого!

— Никого?.. Но где же он? — прошептал Фил Эванс.

Крадучись, они пробрались на нос, думая, что негр спит, забившись в какое-нибудь укромное местечко...

Фриколлина не было и там.

— Неужели мошенник опередил нас?!. — возмутился дядюшка Прудент.

— Как бы то ни было, — ответил Фил Эванс, — дольше мешкать нельзя! Вперед!

Ни секунды не колеблясь, беглецы один за другим взялись обеими руками за канат, обхватили его ногами и, осторожно соскользнув вниз, благополучно достигли земли.

С какой радостью ощутили они под ногами твердую почву, о которой так тосковали! Какое счастье ступить по земле, не чувствуя себя больше игрушкой воздушной стихии!

Они уже приготовились двинуться в глубь острова, следуя вверх по течению реки, как вдруг перед ними возникла какая-то тень.

Это был Фриколлин.

Да! Слуге пришла в голову та же мысль, что и его господину, и у Фриколлина хватило дерзости опередить дядюшку Прудента, даже не сказав ему об этом.

Однако теперь было не до препирательств. Дядюшка Прудент уже собирался заняться поисками пристанища в отдаленной части острова, когда Фил Эванс остановил его.

— Выслушайте меня, дядюшка Прудент, — говорил он. — Мы, наконец, вырвались из рук Робура. Теперь он вместе со всем экипажем «Альбатроса» обречен на страшную смерть. Он ее заслужил, согласен! Но если он поклянется честью, что не станет пытаться вновь захватить нас...

— Честь подобного человека...

Дядюшка Прудент не успел договорить. На борту «Альбатроса» возникло какое-то движение.

Повидимому, началась тревога, и побег должен был вот-вот обнаружиться.

— Ко мне!.. Ко мне!.. — слышался чей-то крик.

То был вахтенный, которому удалось вытолкнуть кляп изо рта. На палубе заметались люди. И почти тотчас же лучи электрических фонарей осветили широкую полосу земли.

— Вот они!.. Вот они!.. — закричал Том Тэрнер.

Беглецов заметили.

В то же мгновение, по приказу Робура, движение подъемных винтов замедлилось, люди на «Альбатросе» начали быстро вытягивать канат, и воздушный корабль стал опускаться к земле.

И тут отчетливо прозвучал голос Филадельфия:

— Инженер Робур, клянетесь ли вы честью оставить нас в покое на этом острове?..

— Никогда!.. — вскричал Робур.

И вслед за этим раздался ружейный выстрел. Пуля скользнула по плечу Филадельфия.

— Негодяи! — завопил дядюшка Прудент.

И, сжимая в руке нож, он кинулся к скалам, между которыми засел якорь. Воздушный корабль был всего лишь в пятидесяти футах от земли...

В мгновение ока канат был перерезан, и заметно посвежевший ветер, налетев сбоку на «Альбатрос», подхватил его и понес над океаном в северо-восточном направлении.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

которая, возможно, оставит читателя в прискорбной неизвестности

Было двадцать минут первого ночи. Еще пять-шесть ружейных выстрелов раздалось с воздушного корабля. Дядюшка Прудент и Фриколлин, поддерживая Филадельфия, бросились под защиту скал. Пули их не задели. Пока им больше нечего было опасаться.

Удаляясь от острова Чатам, «Альбатрос» одновременно набирал высоту и вскоре оказался в девятистах метрах над уровнем моря. Ему пришлось увеличить быстроту вращения подъемных винтов, чтобы не упасть в воду.

Едва вахтенный, освободившись от кляпа, испустил первый крик, Робур и Том Тэрнер бросились к нему, сорвали парусину, которой была обмотана его голова, и перерезали стягивавшие его путы. Затем боцман кинулся в каюту дядюшки Прудента и Фила Эванса: она была пуста!

Франсуа Тапаж, со своей стороны, обшарил каюту Фриколлина; в ней также никого не было!

Убедившись, что узники ускользнули, Робур пришел в страшную ярость. Ведь бегство дядюшки Прудента и Фила Эванса означало, что теперь все узнают секрет его изобретения и тайну его личности. Инженера не особенно тревожил документ, сброшенный пленниками во время полета над Европой: можно было надеяться, что он затеряется при падении!.. Но сейчас!..

Немного успокоившись, Робур воскликнул:

— Они удрали, ну что ж! Все равно им не удрать с острова Чатам раньше, чем через несколько дней, а к тому времени я возвращусь!.. Я разыщу их!.. И захвачу вновь!.. А тогда...

В самом деле, беглецы еще далеко не были в безопасности. Робур, исправив повреждения, не замедлит вернуться на остров Чатам, покинуть который им удастся не так-то скоро. Не пройдет и дня, как они снова окажутся в руках инженера.

Не пройдет и дня! Но ведь не пройдет и двух часов, как «Альбатрос» будет уничтожен! Разве спрятанный в его корпусе динамитный патрон не должен, подобно адской машине, взорвать его в воздухе?

Тем временем ветер крепчал, и воздушный корабль относил все дальше на северо-восток. Несмотря на то, что скорость полета была весьма умеренна, «Альбатрос» должен был к утру потерять остров Чатам из виду.

Воздушный корабль мог бы бороться с ветром лишь в том случае, если оба его гребных винта, или хотя бы один, передний, работали бесперебойно.

— Том, — приказал инженер, — дай полный свет в фонари!

— Слушаюсь, мистер Робур.

— И все за дело!

— Есть, все за дело! — повторил боцман.

Теперь не могло быть и речи о том, чтобы отложить работу на утро. Никто не жаловался на усталость! Среди экипажа «Альбатроса» не было ни одного человека, который не разделял бы негодования своего командира! Люди были готовы на все, лишь бы вновь захватить беглецов. Как только передний винт будет водружен на место, воздушный корабль опять возвратится к острову Чатам, опять бросит там якорь, и тогда начнется охота за пленниками. Лишь после этого команда приступит к исправлению заднего винта, а затем летательный аппарат в полной безопасности отправится над просторами Тихого океана в обратный путь к острову Икс.

Но пока было очень важно, чтобы «Альбатрос» не отнесло слишком далеко от острова. Однако, к досаде команды, бриз все усиливался, и воздушный корабль уже не мог не только двигаться против ветра, но даже оставаться на месте. Лишившись на время своих гребных винтов, он был теперь так же беспомощен, как неуправляемый воздушный шар. Беглецы, стоявшие на побережье, поняли, что «Альбатрос» исчезнет из виду раньше, чем взрыв разнесет его на части.

Создавшееся положение сильно тревожило Робура, ибо оно грозило сорвать ему план мести. Не слишком ли замедлится возвращение на остров Чатам? Поэтому, не прекращая ремонтных работ, Робур решил спуститься в нижние слои атмосферы, надеясь, что скорость воздушных течений там меньше. Быть может, в этой зоне «Альбатросу» удастся удержаться на месте, пока он вновь не обретет прежнюю силу, чтобы справиться с напором ветра.

Воздушный корабль начал снижаться. Море в то время было пустынно. Иначе экипаж любого судна,

оказавшегося поблизости, при виде маневров залитого электрическим светом «Альбатроса» был бы объят суеверным страхом!

«Альбатрос» остановился всего в нескольких сотнях футов над поверхностью океана. К своему сожалению, Робур убедился, что в нижних слоях атмосферы ветер дул еще сильнее, и воздушный корабль относилось с еще большей скоростью. Ему угрожала опасность оказаться далеко на северо-востоке, что задержало бы его возвращение на остров Чатам.

В конце концов, после различных маневров, Робуру стало ясно, что выгоднее всего оставаться в верхних слоях атмосферы, где ветер дул слабее. Поэтому «Альбатрос» вновь поднялся на высоту примерно в три тысячи метров. Правда, и здесь ему не удавалось держаться на месте, но все же его движение замедлилось. Таким образом, инженер мог рассчитывать, что, оставаясь на этой высоте, он до рассвета не потеряет из виду острова, координаты которого он к тому же определил самым тщательным образом.

Робура совершенно не занимало, какой прием встретят беглецы у туземцев в том случае, если остров обитаем. Его мало тревожило и то, что туземцы могут оказать поддержку его узникам: при помощи оружия, имевшегося на борту «Альбатроса», их нетрудно будет испугать и обратить в бегство. Словом, инженер ни на минуту не сомневался в том, что беглецы будут пойманы и снова окажутся в его власти...

— Ну, а с острова Икс не убегают, — проговорил он вслух.

К часу ночи передний гребной винт был исправлен. Следовало только установить его на место, для чего требовалось не меньше часа. Затем «Альбатрос» возьмет курс на юго-запад, и люди смогут приступить к починке заднего винта.

А между тем в опустевшей каюте попрежнему тлел фитиль! Он уже почти наполовину сгорел, и искра неотвратимо приближалась к динамитному патрону!

Без сомнения, если бы люди не были так поглощены работой, кто-нибудь из членов экипажа услышал бы слабое потрескивание, которое доносилось из глубины

каюты. Быть может, кто-нибудь ощутил бы запах горящего пороха. Он поднял бы тревогу и предупредил инженера или Тома Тэрнера. Стали бы доискиваться причины и обнаружили бы, что в ящике под кушеткой спрятан взрывной снаряд... И тогда еще можно было бы спасти чудесный «Альбатрос» и тех, кто находился на его борту!

Но все столпились в носовой части палубы, другими словами, метрах в двадцати от каюты беглецов. Ничто не могло отвлечь их от дела, целиком поглощавшего их внимание, ничто не требовало их присутствия на корме.

Робур также был на носу «Альбатроса». Искусный механик, он сам руководил установкой винта. Он то-ропил работавших, но внимательно следил за каждой мелочью, за тем, чтобы все было сделано самым тщательным образом! Инженер хотел добиться, чтобы летательный аппарат вновь безотказно подчинялся ему. Ведь если он не захватит беглецов, они в конце концов возвратятся на родину. Начнутся розыски — и остров Икс будет, вероятно, обнаружен. А тогда — конец тому существованию, которое создал себе экипаж «Альбатроса», — существованию завидному, недоступному простым смертным!..

Том Тэрнер подошел к инженеру. Часы показывали четверть второго.

— Мистер Робур, — сказал он, — сдается мне, что ветер немного стихает, и теперь он дует прямо на запад.

— А что говорит барометр? — спросил Робур, окидывая взглядом небо.

— Стоит почти на одной точке, — ответил боцман, — однако тучи под «Альбатросом» сгустились.

— Верно, Том, и я думаю, что над поверхностью моря льет дождь. Но ведь мы — над полосой дождя, и это нас не должно тревожить! Он не мешает нам закончить работу.

— Если там и идет дождь, — продолжал Том Тэрнер, — то, наверно, мелкий, судя по форме туч. И, возможно, внизу ветер скоро совсем стихнет.

— Я тоже так думаю, Том! И все же предпочитаю пока не спускаться. Сначала исправим все повреждения, — это самое важное, а тогда полетим куда угодно.

В начале третьего основная часть работы была закончена. Передний винт был водружен на место, питавшие его батареи приведены в действие. Лопасти винта завертелись, и «Альбатрос», повернув на юго-запад, со средней скоростью полетел к острову Чатам.

— Том, — заметил Робур, — примерно два с половиной часа нас относило на северо-восток. Ветер не переменялся, в чем я убедился, сверившись с компасом. И я полагаю, что мы доберемся до острова Чатам не больше чем за час.

— И я так думаю, мистер Робур, — ответил боцман, — мы делаем сейчас около двенадцати метров в секунду. Между тремя и четырьмя часами утра «Альбатрос» снова будет над этим островом.

— Вот и прекрасно! — ответил инженер. — Для нас лучше прилететь туда ночью и совершить посадку незаметно. Беглецы будут думать, что мы еще далеко на севере, и не примут мер предосторожности. Когда «Альбатрос» опустится к самой земле, мы постараемся спрятать его за высокими прибрежными скалами. Затем, если даже придется пробыть несколько дней на острове...

— Мы пробудем сколько понадобится, мистер Робур, и если надо будет сражаться против целого туземного войска...

— Мы будем сражаться, Том, мы будем сражаться во славу нашего «Альбатроса»!

И повернувшись к людям, ожидавшим новых распоряжений, инженер воскликнул:

— Друзья мои, еще не время отдыхать! Придется поработать до рассвета.

Все с готовностью согласились.

Теперь предстояло устранить поломки заднего гребного винта, так же как это было сделано с передним. И здесь причина повреждений была та же: неистовые

удары урагана во время перелета над Антарктидой.

Чтобы легче было снять задний винт и вытащить его на палубу, пришлось на несколько минут приостановить полет «Альбатроса» и даже придать ему пятное движение. По приказу Робура помощник механика заставил передний винт вращаться в обратном направлении. Воздушному кораблю дали «задний ход», если здесь уместно употребить выражение из морского лексикона.

Все уже собрались перейти на корму, как вдруг Том Тэрнер почувствовал какой-то странный запах.

То был запах газов, скопившихся в ящике от горевшего фитиля, и доносился он из каюты беглецов.

— Это еще что? — воскликнул боцман.

— Что такое? — спросил Робур.

— Слышите запах?.. Несет пороховой гарью.

— В самом деле, Том!

— И запах этот идет из задней рубки!

— Да... Из этой самой каюты...

— Неужели эти негодяи подожгли?..

— Хорошо, если только подожгли!.. — перебил Робур — Выбей дверь, Том, выбей дверь!

Но едва боцман двинулся на корму, как ужасный взрыв потряс до основания воздушный корабль. Рубки разлетелись на куски. Фонари погасли, ибо подача электрического тока сразу прекратилась, и воцарилась полная тьма. Большая часть подъемных винтов, погнутых или сломанных, вышла из строя, однако несколько винтов в носовой части палубы еще продолжали вращаться.

Внезапно корпус воздушного корабля раскололся позади носовой рубки, в которой помещались аккумуляторы, приводившие в действие передний гребной винт; и в ту же секунду вся задняя часть «Альбатроса» обрушилась в пространство. Почти тотчас же остановились последние подъемные винты, и воздушный корабль стремительно понесся в пучину.

Восемь членов экипажа «Альбатроса» полетели вниз с высоты трех тысяч метров, уцепившись, подобно тонущим морякам, за обломок своего корабля!

Падение еще ускорялось потому, что передний гребной винт был сейчас направлен вертикально вниз и продолжал вращаться!

В эту страшную минуту Робур проявил исключительное хладнокровие: он добрался до полуразрушенной рубки, ухватился за рычаг, приводивший в движение винт, и изменил направление его вращения, так что из поступательного оно превратилось в тормозящее.

Теперь падение воздушного корабля немного замедлилось. «Альбатрос» уже не летел вниз с той непрерывно возрастающей скоростью, с какой падают на землю тела под влиянием силы тяжести. И хотя неминуемая гибель попрежнему угрожала спасшимся от взрыва людям, так как они летели прямо в море, они по крайней мере избавились от опасности задохнуться, а ведь при прежней быстроте падения воздух становился непригодным для дыхания.

Через восемьдесят секунд после взрыва волны океана поглотили все, что еще оставалось от «Альбатроса».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

в которой сначала возвращаются на два месяца назад, а затем переносятся на девять месяцев вперед

Несколькими неделями ранее, 13 июня, на следующий день после заседания Уэлдонского ученого общества, на котором происходили столь бурные споры, во всех слоях населения Филадельфии — и цветного и белого — царило неописуемое волнение.

Уже с самого утра все только и говорили о неожиданном скандале, который разыгрался накануне. Какой-то наглец, называвший себя инженером, человек неизвестного происхождения и неведомой национальности, с совершенно неправдоподобным именем Робур — Робур-Завоеватель, — явился без приглашения в зал заседаний, оскорбил всех сторонников воздушных шаров, опозорил воздухоплавателей и восхвалял

чудесные свойства «аппаратов тяжелее воздуха»; его поведение вызвало страшную суматоху, крики и угрозы, а он в свою очередь угрожал присутствующим. В конце концов, покинув трибуну под треск револьверных выстрелов, он бесследно исчез, и с тех пор, несмотря на все поиски, о нем больше ничего не слыхали.

Понятно, что все это давало обильную пищу языкам и подогревало воображение не только в Филадельфии, но и во всех остальных тридцати шести штатах Американской Федерации. И, говоря по правде, Старый Свет не отставал в этом отношении от Нового.

Но трудно передать, насколько возросло волнение, когда вечером 13 июня обнаружилось, что ни председатель, ни секретарь Уэлдонского ученого общества не вернулись домой. А ведь это были люди с положением, почтенные и благоразумные. Накануне они покинули зал заседаний с намерением спокойно возвратиться восвояси, ибо оба были холостяками и дома их не ожидало ничье нахмуренное лицо. Уж не уехали ли они куда-нибудь ненароком? Нет, во всяком случае из их слов никак нельзя было вывести подобное заключение. Напротив, они условились, что на следующий день снова займут свои места за столом президиума: один — в качестве председателя, другой — в качестве секретаря на заседании клуба, где должно было обсуждаться происшествие, случившееся накануне.

Бесследно исчезли не только эти видные жители штата Пенсильвания, но вместе с ними исчез и слуга Фриколлин. Он точно в воду канул, как и его хозяин. Нет! Никогда еще ни один негр, после Туссена-Лувертюра, Сулука и Дессалина, не заставлял столько говорить о себе. Ему предстояло вскоре занять достойное место как среди своих коллег, находившихся в услужении в лучших домах Филадельфии, так и среди тех чудачков, которым достаточно совершить какой-нибудь нелепый поступок, чтобы снискать себе известность в этой чудесной стране — Америке.

На следующий день — ничего нового. Ни коллеги, ни Фриколлин не объявились. Серьезная тревога. Всеобщее волнение. Толпы, осаждающие здания почты и телеграфа, жаждут известий...

Попрежнему ничего нового.

И, однако, после заседания Уэлдонского ученого общества многие видели, как пропавшие вышли на улицу, громко разговаривая, как к ним присоединился поджидавший их Фриколлин и как все трое двинулись затем по Уолнет-стрит, направляясь к Фэрмонт-парку.

Джем Сип, вегетарианец, даже пожал правую руку председателя, сказав при этом: «До завтра!»

А Уильям Т. Форбс, делавший патоку из тряпья, обменялся сердечным рукопожатием с Филом Эвансом, который дважды повторил: «До свиданья!.. До свиданья!..»

Мисс Долл и мисс Мэт Форбс, связанные с дядюшкой Прудентом узами чистейшей дружбы, не могли прийти в себя после его исчезновения и, стремясь узнать что-нибудь новое, тараторили еще больше обычного.

Так прошли три, четыре, пять, шесть дней, затем неделя... две недели... Никто не возвратился, и не было ни малейшего указания, которое могло бы навести на след исчезнувших.

Тем не менее произвели самые тщательные розыски во всем квартале... Ничего!.. Осмотрели все улицы, ведущие к порту... Ничего! Обшарили весь парк, густые рощи, заросли кустарника... Ничего! Попрежнему ничего!

Правда, заметили, что трава на просторной поляне недавно примята и при этом самым подозрительным образом, ибо нельзя было понять, кто ее примял! На опушке леса, окаймляющего поляну, обнаружили следы борьбы. Повидимому, дядюшка Прудент, Фил Эванс и Фриколлин стали жертвами шайки злоумышленников, набросившихся на них поздней ночью посреди безлюдного парка.

Это было вполне возможно. Вот почему полиция приступила к розыскам с соблюдением всех формальностей и со всей приличествующей случаю медлительностью. Обыскали всю Скулкилл-ривер, обшарили ее дно, скосили густую траву, росшую по берегам этой реки. И если это не дало никаких результатов, то все

же нельзя сказать, что вовсе не принесло пользы, ибо на берегах Скулкилл-ривер давно уже пора было скосить траву. Воспользовавшись розысками, заодно произвели и покос. Практичные люди «отцы» города Филадельфии!

Затем прибегли к помощи газет. Объявления, рекламации, чуть ли не рекламы были разосланы во все демократические и республиканские органы печати Соединенных Штатов, без различия направления. «Дейли Нигро» — газета негритянского населения — поместила портрет Фриколлина, переснятый с его последней фотографии. Были обещаны награды и премии всякому, кто доставит какие-нибудь известия о пропавших, и даже тому, кто отыщет хоть малейшее указание, по которому можно будет напасть на их следы.

«Пять тысяч долларов! Пять тысяч долларов!.. Всякому, кто сообщит...»

Но все это ни к чему не привело. Пять тысяч долларов так и остались лежать в кассе Уэлдонского учебного общества.

«Пропали без вести! Пропали без вести! Дядюшка Прудент и Фил Эванс из Филадельфии пропали без вести!!!»

Нечего и говорить, что необъяснимое исчезновение председателя и секретаря поставило клуб воздухоплатователей в весьма затруднительное положение. И прежде всего общее собрание его членов постановило временно прекратить работу по созданию воздушного шара «Вперед», которая уже подходила к концу. Да и как было решиться достроить аэростат без главных застрельщиков этого предприятия, тех, кто посвятил ему часть своей жизни — свое время и деньги? Как было решиться довести без них это дело до конца? Итак, приходилось ждать.

И вот как раз в это время вновь начались толки о загадочном явлении, которое так возбуждало умы несколько недель назад.

В самом деле, таинственный предмет снова не раз наблюдали, вернее, лишь мельком видели в верхних слоях атмосферы. Разумеется, никому и в голову не приходило искать связь между загадочным появлением

таинственного тела и не менее загадочным исчезновением двух членов Уэлдонского ученого общества. Действительно, нужно было обладать незаурядной фантазией, чтобы как-то сблизить эти события.

Но так или иначе, астероид, болид или, если угодно, воздушное чудище вновь появилось и при таких обстоятельствах, которые позволили лучше определить его размеры и форму. В первый раз его видели на следующий день после исчезновения обоих воздухоплавателей в Канаде, над территорией, лежащей между Оттавой и Квебеком; затем во второй раз — над равнинами Дальнего Запада, где оно состязалось в скорости с поездом великой Тихоокеанской железной дороги.

С этого дня сомнениям, царившим в мире ученых, пришел конец. Итак, загадочное тело не было создано природой, это — летательный аппарат, воплотивший на практике принципы теории «аппаратов тяжелее воздуха». И если создатель и владелец воздушного корабля все еще хранил в тайне свое имя, то он, очевидно, уже не держал в секрете свою машину, раз он решился пролететь так низко над землями Дальнего Запада. Однако источники энергии, которая приводила в действие летательный аппарат, и устройство его механизмов оставались загадкой. Во всяком случае, одно было совершенно очевидно: воздушный корабль мог передвигаться с необыкновенной быстротой. В самом деле, несколько дней спустя его уже видели над Небесной империей, затем над северной частью Индостана и, наконец, над безбрежными степями России.

Кто же был этот дерзкий механик, создавший такой мощный летательный аппарат, что для него не существовало больше ни государственных границ, ни океанских пределов, и превративший земную атмосферу в собственное владение? Неужели тот самый Робур, который резко и смело высказал свои взгляды на заседании Уэлдонского ученого общества, явившись туда, чтобы не оставить камня на камне от теорий сторонников управляемых воздушных шаров?

Быть может, нескольким проницательным людям и приходило в голову такое предположение. Однако, как

ни странно, никто и мысли не допускал, что вышеназванный Робур был хоть в какой-нибудь степени причастен к исчезновению председателя и секретаря Уэлдонского ученого общества.

Словом, все это так и оставалось бы тайной, если бы 6 июля в одиннадцать часов тридцать семь минут утра по нью-йоркскому телеграфу из Франции в Америку не прибыла некая депеша.

О чем же она извещала? В ней был передан текст документа, обнаруженного в табакерке, подобранной на парижской мостовой; документ этот сообщал о судьбе двух людей, по которым Американская Федерация собиралась уже надеть траур.

Итак, виновником похищения был Робур, инженер, прибывший в Филадельфию со специальной целью — раздавить в зародыше теорию сторонников воздушных шаров! Значит, это он был капитаном воздушного корабля «Альбатрос»! Значит, это он в отместку увез дядюшку Прудента и Фила Эванса, а заодно с ними и Фриколлина! Этих людей следовало, очевидно, считать навеки погибшими, разве только друзьям удалось бы возвратить их на землю с помощью какого-нибудь героического средства, например, построив другой воздушный аппарат, способный вступить в поединок с мощной летательной машиной Робура!

Какое смятение! Какое замешательство! Депеша из Парижа была адресована президиуму Уэлдонского ученого общества. Членов клуба воздухоплателей тотчас же с ней ознакомили. Десять минут спустя вся Филадельфия узнала эту новость благодаря телефону, а затем, меньше чем через час, о ней уже знала вся Америка, ибо известие с быстротой электрического тока разнеслось по бесчисленным телеграфным проводам Нового Света. Сообщению не хотели верить, а между тем оно было совершенно достоверно. Должно быть, это выдумка какого-нибудь шутника дурного тона, говорили одни; «утка» самого низкого пошиба, утверждали другие. Как могло произойти подобное похищение в Филадельфии, да к тому же еще при таких таинственных обстоятельствах? Как удалось

«Альбатросу» совершить посадку в Фэрмонт-парке? Почему никто не заметил, как он пролетел над штатом Пенсильвания?

Спору нет, это были веские доводы. Скептики имели все основания сомневаться. Но неделю спустя они их утратили. 13 июля французский пакетбот «Нормандия», бросивший якорь в водах Гудзона, доставил на борту знаменитую табакерку. Из Нью-Йорка ее спешно отправили в Филадельфию поездом.

Да! То была собственная табакерка председателя Уэлдонского ученого общества. Джемсу Сипу следовало в тот день поесть более плотно, ибо он едва не лишился чувств, когда ее увидел. Сколько раз он на правах друга брал из нее понюшку табака! Мисс Долл и мисс Мэт также признали эту табакерку, на которую они так часто взирали, в тайне надеясь рано или поздно погрузить в нее свои худые пальцы, пальцы старых дев! Затем табакерку осмотрели их отец Уильям Т. Форбс, Трак Милнор, Бэт Т. Файн и многие другие члены Уэлдонского ученого общества. Сколько раз они видели, как она раскрывалась и захлопывалась в руках их высокочтимого председателя! И, наконец, подлинность ее засвидетельствовали все бесчисленные друзья дядюшки Прудента в славном городе Филадельфии¹, само название которого означает, — и этого нельзя забывать, — что его обитатели любят друг друга, как братья.

Стало быть, отныне не оставалось и тени сомнений. Не только сама табакерка председателя, но и почерк, которым был написан документ, никому больше не позволяли недоверчиво покачивать головой. И тогда слышались громкие стенания; люди в отчаянии воздевали руки к небесам. Подумать только, дядюшка Прудент и его коллега увезены на летательном аппарате, и нет средства их спасти!

Компания Ниагарских водопадов, одним из крупнейших акционеров которой состоял дядюшка Прудент, чуть было не прекратила своей деятельности и не остановила водопады. «Уолтон Уотч компани» уже

¹ По гречески Филадельфия означает — братская любовь.

подумывала о закрытии часового завода, так как лишилась своего управляющего, Филя Эванса.

Да! Страна погрузилась в траур, можно без преувеличения сказать — во всеобщий траур, ибо за исключением нескольких горячих голов, которые встречаются даже и в Соединенных Штатах, никто больше не надеялся вновь увидеть двух достопочтенных сограждан.

Между тем, после того как «Альбатрос» пролетел над Парижем, о нем больше ничего не слыхали. Несколько часов спустя его видели над Римом — вот и все! В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, с какой скоростью воздушный корабль пролетел над Европой, с севера на юг, и над Средиземным морем, с запада на восток. Поэтому на всем протяжении пути его не удалось увидеть ни в одну подзорную трубу. Напрасно все обсерватории заставляли людей проводить дни и ночи у наблюдательных приборов — летательная машина Робура-Завоевателя умчалась либо так далеко, либо так высоко, — быть может в Икарию, как он сам выражался, — что все потеряли надежду отыскать ее след.

Надо добавить, что, хотя над африканским побережьем воздушный корабль и летел с умеренной скоростью, никто не догадался разыскивать его в алжирском небе, ведь о документе тогда еще никому не было известно. Разумеется, «Альбатрос» был замечен над Тимбукту; но обсерватория этого прославленного города, — если в нем таковая имеется, — еще не успела сообщить в Европу о результатах своих наблюдений. Что же касается короля Дагомеи, то он скорее предпочел бы отрубить головы двадцати тысячам своих подданных, в том числе и министрам, нежели признать, что потерпел поражение в схватке с летательным аппаратом. Тут дело шло о его любви!

Затем начался перелет через Атлантический океан, во время которого Робур достиг сперва Огненной Земли, а потом и мыса Горн. И наконец — территория Антарктиды и обширная область Южного полюса, над которыми «Альбатрос» пронесся вопреки воле инженера. Ну, а уж из этих полярных земель ждать каких-либо известий не приходилось.

Миновал июль, а ни один человек не мог похвалиться, что он хоть раз своими глазами видел воздушный корабль.

Прошел и август, а мир попрежнему пребывал в полной неизвестности относительно судьбы узников Робура. И многие спрашивали себя, не стал ли инженер по примеру Икара, самого древнего из упоминаемых в истории завоевателей воздуха, жертвой собственного безрассудства.

В таком же бесплодном ожидании прошли и двадцать семь дней сентября.

Как известно, люди ко всему привыкают. Человеческой натуре свойственно относиться все спокойнее и спокойнее к прошедшим горестям. Постепенно наступает забвение, ибо оно необходимо. Но на сей раз к чести человечества надо сказать, что оно не поддалось этой слабости. Нет! Оно не утратило интереса к судьбе двух белых и одного негра, вознесенных на небо, подобно Илье-пророку, с той только разницей, что библия не обещала им возвращения на землю.

Сочувствие к без вести пропавшим проявлялось в Филадельфии сильнее, чем в любом другом уголке мира. К тому же немалую роль здесь играли опасения личного свойства. Желая наказать своих противников, Робур вырвал дядюшку Прудента и Фила Эванса из родной страны. Нечего и говорить, он жестоко отомстил за себя, хотя и действовал противозаконно. Но полагал ли он себя теперь удовлетворенным? Не обрушится ли его мщение и на коллег председателя и секретаря Уэлдонского ученого общества? И кто мог считать себя в безопасности от покушений всемогущего владыки воздушных просторов?

Вдруг 28 сентября неожиданная весть облетела весь город: дядюшка Прудент и Фил Эванс вновь появились после полудня в доме председателя Уэлдонского ученого общества.

И самым невероятным было то, что известие подтвердилось, хотя люди благоразумные ни за что не хотели этому поверить.

Однако и им пришлось сдаться перед очевидностью. То были собственной персоной пропавшие без вести

воздухоплаватели, а отнюдь не их тени... Вернулся также и Фриколлин.

Члены клуба, затем их друзья и, наконец, просто толпы обывателей направились к дому дядюшки Прудента. Обоих коллег радостно приветствовали, все наперебой обнимали их под крики «гип-гип, ура!»

Среди собравшихся находились Джем Сип, которому пришлось прервать свой завтрак, не доев жаркое из вареного латука, а также Уильям Т. Форбс со своими дочерьми — мисс Долл и мисс Мэт. И если бы дядюшка Прудент был мормоном, он мог бы в тот день взять себе в жены их обеих; но он не был таковым и отнюдь не собирался им стать. Здесь были, конечно, и Трак Милнор и Бэт Т. Файн — словом, все члены клуба. Многие и теперь еще с удивлением спрашивают себя, каким образом дядюшка Прудент и Фил Эванс остались в живых, совершив триумфальное шествие через весь город и тысячу раз переходя из объятий в объятия.

В тот же вечер в Уэлдонском ученом обществе должно было состояться очередное заседание. Все были уверены, что дядюшка Прудент и Фил Эванс займут свои места за столом президиума. И так как они еще ничего не поведали о своих приключениях, — быть может, им просто не дали этой возможности, — то все рассчитывали, что вечером они расскажут о своем необычайном путешествии со всеми подробностями.

До сих пор, по тем или иным соображениям, оба хранили молчание. Хранил полное молчание и слуга Фриколлин, которого его сородичи от восторга едва не разорвали на части.

Вот о чем не успели или не пожелали рассказать председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества.

Нет нужды возвращаться к событиям, которые, как помнит читатель, произошли в ночь с 27 на 28 июля: к смелому побегу дядюшки Прудента и Фила Эванса, к тому непередаваемому чувству, какое они испытали, ступив ногой на скалистое побережье острова Чатам, к ранению Фила Эванса, к тому, как был перерезан

канат и поврежденный «Альбатрос», подхваченный юго-западным ветром, умчался в просторы над океаном. Его зажженные электрические фонари позволяли еще некоторое время следить за тем, как он набирал высоту, но вскоре и эти огни исчезли из виду.

Беглецам больше нечего было опасаться. Как мог Робур возвратиться на остров, когда гребные винты воздушного корабля не работали и их нельзя было исправить раньше чем через три-четыре часа.

А к этому времени «Альбатрос», разрушенный взрывом, превратится в груды обломков, плавающих по волнам, а те, кто находится на его борту, станут трупами и найдут себе могилу на дне океана.

Никому не предотвратить ужасной мести!

Узники считали, что они действуют в порядке законной самозащиты, и не испытывали ни малейшего угрызения совести.

Пуля, посланная с «Альбатроса», лишь слегка оцарапала плечо Фила Эванса. И все трое поспешили в глубь острова, надеясь встретить каких-либо туземцев.

Их надежда оправдалась. На западном побережье они нашли человек пятьдесят местных жителей, промышлявших рыбной ловлей. Туземцы видели, как воздушный корабль снизился над их островом, и приняли беглецов за сверхъестественные существа: перед ними преклонялись, им почти что поклонялись, и поместили их в самой благоустроенной хижине. Фриколлину представился неповторимый случай сойти за бога чернокожих.

Как и предвидели дядюшка Прудент и Фил Эванс, воздушный корабль не возвратился. Из этого они заключили, что катастрофа, должно быть, произошла в верхних слоях атмосферы. И, очевидно, никто больше не услышит ни об инженере Робуре, ни об удивительной машине, на которой он путешествовал со своими спутниками.

Теперь беглецам оставалось дожидаться оказии, чтобы вернуться в Америку. Надо сказать, что корабли редко заходят на остров Чатам. Так прошел весь август, и они уже спрашивали себя, не променяли ли

одну неволю на другую; правда, Фриколлину пребывание на острове Чатам было куда больше по душе, чем жизнь в воздушной тюрьме.

Наконец, 3 сентября какой-то корабль подошел к острову, чтобы пополнить запасы пресной воды. Читатель, вероятно, не забыл, что у дядюшки Прудента в тот вечер, когда его похитили, было при себе несколько тысячедолларовых бумажек. Большого и не требовалось, чтобы добраться до Америки. Поблагодарив туземцев, которые на прощание выразили им свои самые почтительные чувства, дядюшка Прудент, Фил Эванс и Фриколлин взошли на борт судна, взявшего курс на Окленд. В пути они никому ни словом не обмолвились о своих приключениях; два дня спустя путешественники уже прибыли в столицу Новой Зеландии.

Здесь их принял в качестве пассажиров один из пакетботов Тихоокеанской линии, и 20 сентября, после вполне благополучного плавания, трое беглецов с «Альбатроса» уже высадились в Сан-Франциско. На пакетботе они также никому не сказали, ни кто они, ни куда едут; но так как пассажиры щедро оплатили свой проезд, то ни один американский капитан не стал бы их ни о чем расспрашивать.

В Сан-Франциско дядюшка Прудент, его коллега и слуга Фриколлин сели в первый же поезд Тихоокеанской железной дороги. 27 сентября они уже прибыли в Филадельфию.

Вот краткий рассказ о том, что произошло после того, как беглецы покинули борт «Альбатроса», а затем и остров Чатам. Вот как случилось, что в тот вечер, 27 сентября, председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества могли снова занять свои места за столом президиума на заседании, открывшемся при огромном стечении публики.

Никогда еще дядюшка Прудент и Фил Эванс не были так спокойны. При взгляде на них никому бы и в голову не пришло, какие необыкновенные события разыгрались после достопамятного заседания 12 июня! Казалось, они решительно вычеркнули из своей жизни последние три с половиной месяца!

После первых громовых криков «ура», которые оба выслушали без малейшего волнения, дядюшка Прудент надел цилиндр и взял слово.

— Достопочтенные сограждане, — произнес он, — объявляю заседание открытым.

Неистовые рукоплескания и, надо сказать, вполне уместные! Правда, в том, что это заседание открылось, не было ничего особенного, но то, что председательствовал на нем дядюшка Прудент, а секретарем был Фил Эванс, казалось просто невероятным.

Председатель переждал, пока не затихли восторженные крики и бурные рукоплескания. Затем он продолжал:

— На последнем заседании, господа, возникла весьма бурная дискуссия (*Слушайте! Слушайте!*) между теми, кто требовал установить гребной винт на носу гондолы нашего воздушного шара «Вперед», и теми, кто считал, что место его на корме! (*Удивленные восклицания.*) Ныне мы нашли способ примирить противников. Вот этот способ: надо установить два винта, один — на носу, другой — на корме гондолы! (*Всеобщее молчание и полная растерянность в зале.*)

И это было все.

Да, все! О похищении председателя и секретаря Уэлдонского ученого общества — ни слова! Ни слова ни об «Альбатросе», ни об инженере Робуре! Ни слова о воздушном путешествии! Ни слова о том, как узникам удалось бежать! Наконец ни слова о том, что случилось с воздушным кораблем: продолжает ли он летать в воздушном пространстве и не следует ли членам клуба опасаться новых нападений!

Всякий поймет, что присутствовавшим на заседании воздухоплавателям до смерти хотелось порасспросить дядюшку Прудента и Фила Эванса; но оба были так чопорны и замкнуты, что пришлось считаться с их поведением. Когда они соображали высказаться, они выскажутся, и все почтут за честь их высказать.

Кроме того, быть может, в этом загадочном деле есть какая-то тайна, раскрыть которую еще не время.

Но вот дядюшка Прудент вновь взял слово и в полной тишине, никогда дотоле не наблюдав-

шейся на заседаниях Уэлдонского ученого общества, заявил:

— Господа, теперь остается лишь закончить сооружение аэростата «Вперед», которому предназначено покорить воздушную стихию. Объявляю заседание закрытым!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

которая заканчивает, но не завершает правдивую историю об «Альбатросе»

Двадцать девятого апреля следующего года, через семь месяцев после неожиданного возвращения дядюшки Прудента и Фила Эванса, всю Филадельфию охватило волнение. На этот раз политика была ни при чем. В тот день не было ни выборов, ни митингов. Всех занимало событие иного рода: воздушный шар «Вперед», законченный стараниями Уэлдонского ученого общества, готовился, наконец, отправиться в свою родную стихию.

Воздухоплавателями были прославленный Гарри У. Тиндер, чье имя уже упоминалось в начале нашего повествования, и его помощник.

Пассажирами — председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества. Разве не заслужили они подобной чести? Разве не принадлежало им право самолично участвовать в испытании, имевшем целью посрамить летательные аппараты тяжелее воздуха?

И теперь, по прошествии семи месяцев, они все еще ни словом не обмолвились о своем приключении. Даже Фриколлин, как ни трудно ему было хранить молчание, ничего не рассказал ни об инженере Робуре, ни о его чудесной летательной машине. Воинствующие сторонники воздушных шаров, дядюшка Прудент и Фил Эванс, по понятным причинам избегали всяких разговоров о воздушном корабле и вообще о летательных аппаратах. До тех пор, пока воздушный шар «Вперед» не занял первого места среди аппаратов для воздушных

сообщений, они и слышать не хотели ни о каких изобретениях, принадлежащих сторонникам авиации. Они все еще верили, и им хотелось верить вечно, что истинным средством передвижения в воздухе остается воздушный шар и что ему одному принадлежит грядущее.

К тому же человек, которому они так жестоко отомстили, — в чем нисколько не раскаивались, — наверняка погиб, и никто из экипажа воздушного корабля не мог, конечно, пережить его. Секрет устройства «Альбатроса» был отныне погребен в глубинах Тихого океана.

Правда, оставалось еще предположение, что у инженера Робура было тайное пристанище, уединенный остров, затерянный в просторах безбрежного океана. Воздухоплаватели помнили об этом и собирались впоследствии предпринять розыски этого острова.

Итак, предстояло, наконец, великое испытание, которое Уэлдонское ученое общество готовило так долго и с таким старанием. Аэростат «Вперед» был самым совершенным образцом всего, что было достигнуто до сих пор в области воздухоплавания, подобно тому как «Непреклонный» и «Грозный» являлись высшим достижением в области мореплавания.

Он обладал всеми качествами, которыми должен обладать воздушный шар. Его размеры позволяли ему подниматься до самых верхних слоев атмосферы, доступных для аэростата; непроницаемость его оболочки позволяла ему находиться неограниченное время в воздухе, а прочность ее — не опасаться любого расширения газа, так же как и самого сильного дождя и ветра; благодаря большому газоизмещению аэростат без труда поднимал в воздух систему электрических двигателей, которая сообщала его гребным винтам еще невиданную скорость вращения. Воздушный шар Уэлдонского ученого общества имел удлиненную форму, что облегчало его полет в горизонтальном направлении. Его гондола, напоминая ту, какую подвесили к своему воздушному шару капитаны Кребс и Ренар, была оснащена всем необходимым воздухоплавательным оборудованием: в ней имелись физические приборы, ка-

наты, якоря, гайдропы и прочее, не говоря уж об источниках электрической энергии — батареях и аккумуляторах. На носу гондолы был установлен гребной винт; второй винт был укреплен, как и руль, на корме. Однако двигатели аэростата значительно уступали в мощности двигателям «Альбатроса».

После того как оболочку воздушного шара наполнили газом, он был доставлен на поляну в Фэрмонт-парке, на то самое место, куда когда-то на несколько часов опустился воздушный корабль.

Нечего и говорить, что подъемная сила аэростата «Вперед» создавалась с помощью легчайшего из газов. Один кубический метр светильного газа обладает способностью поднимать в воздух около семисот граммов, что создает лишь незначительную подъемную силу в воздушной среде. А каждый кубический метр водорода может поднять груз в тысячу сто граммов. Чистый водород, полученный в специальных аппаратах, по способу знаменитого Анри Жиффара, и наполнял гигантский воздушный шар. Газоизмещение аэростата составляло сорок тысяч кубических метров, и его подъемная сила равнялась сорока тысячам, помноженным на тысячу сто, то есть сорока четырем тысячам килограммов.

В то утро, 29 апреля, все приготовления к полету были закончены. К одиннадцати часам огромный воздушный шар уже покачивался в нескольких футах от земли, готовый подняться ввысь.

Стояла великолепная погода, словно специально предназначенная для предстоявшего важного испытания. Правда, ветру не мешало бы, пожалуй, быть посвежее, так как это сделало бы опыт более убедительным. В самом деле, ведь никто не сомневался, что воздушным шаром можно управлять в тихую погоду; но совсем иное дело, когда в атмосфере происходит сильное движение воздуха, и именно в таких условиях надлежало бы производить испытания.

Но ветра не было и в помине, и ничто не указывало на то, что он может подняться. В тот день Северная Америка в виде исключения явно не собиралась посылать в Европу ни одной из тех знатных бурь, которых

у нее так много в запасе. Трудно было выбрать более подходящую погоду для успешного проведения опыта.

Надо ли говорить, что огромная толпа заполнила Фэрмонт-парк, что бесчисленные поезда доставляли в столицу Пенсильвании любопытных из соседних штатов, что промышленная и деловая жизнь в городе на время замерла? И все без исключения — хозяева, служащие, рабочие, мужчины и женщины, старики и дети, депутаты конгресса, представители армии, правительственные чиновники, репортеры, местные жители, и белые и цветные, — все теснились на просторной поляне. Надо ли описывать бурные чувства этой толпы, ее внезапные порывы, когда по людскому морю, казалось, пробегали волны? Надо ли упоминать, какие оглушительные крики «гип-гип-гип!» послышались со всех сторон, подобно взрывам фейерверка, когда дядюшка Прудент и Фил Эванс появились в гондоле, подвешенной к аэростату, убранному в национальные цвета Америки? Надо ли, наконец, говорить, что большая часть зрителей явилась сюда не столько для того, чтобы взглянуть на исполинский аэростат, сколько для того, чтобы поглазеть на двух необыкновенных людей, из-за которых Старый Свет преисполнился зависти к Новому?

Но почему речь идет о двух героях дня, а не о трех? Где же Фриколлин? Фриколлин решил, что с него вполне достаточно славы, которую он снискал себе полетом на «Альбатросе», и отклонил честь сопровождать своего господина. Вот почему он лишился своей доли в тех неистовых приветствиях, которыми были встречены председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества.

Само собой разумеется, что все члены прославленного клуба воздухоплавателей в полном составе присутствовали на торжестве: они заняли отведенные им места в центре поляны, огражденные канатами и полицейскими кордонами. Здесь находились Трак Милнор, Бэт Т. Файн и Уильям Т. Форбс под руку со своими дочерьми — мисс Долл и мисс Мэт. Все они явились засвидетельствовать, что нет такой силы, которая могла бы разъединить сторонников «аппаратов легче воздуха»!

В одиннадцать часов двадцать минут пушечный выстрел возвестил, что последние приготовления окончены.

Аэростат ожидал теперь лишь сигнала к отправлению. В одиннадцать часов двадцать пять минут послышался второй пушечный выстрел.

Гигантский воздушный шар, удерживаемый канатами, поднялся метров на пятнадцать над поляной. Его гондола покачивалась над замершей от волнения толпой. И тогда дядюшка Прудент и Фил Эванс, стоявшие в передней части гондолы, приложили левую руку к груди — в знак того, что они душою вместе со всеми собравшимися. Затем они простерли правую руку к небесам — в знак того, что самый крупный из дотоле существовавших воздушных шаров готов, наконец, овладеть воздушным пространством.

И в ту же минуту сто тысяч человек приложили свою левую руку к груди, а правую — простерли вверх.

Третий пушечный выстрел прозвучал ровно в одиннадцать часов тридцать минут.

— Отдать концы! — крикнул дядюшка Прудент, употребляя традиционную морскую формулу.

И аэростат «Вперед» величественно поднялся ввысь, как принято выражаться при описании полетов воздушных шаров.

Это и вправду было величественное зрелище! Казалось, огромный корабль плавно сошел со стапеля судостроительной верфи. И в самом деле, разве аэростат не устремился в просторы воздушного океана?

Воздушный шар поднимался вверх строго по вертикали, что свидетельствовало о полном отсутствии ветра, и остановился на высоте двухсот пятидесяти метров.

Здесь начались различные маневры, которые «Вперед» проделывал в горизонтальной плоскости. Сначала, движимый своими гребными винтами, он поплыл навстречу солнцу со скоростью десяти метров в секунду. Это обычный ход спокойно плывущего по морю кита. Сравнение аэростата с гигантом полярных морей напрашивалось само собой, ибо своей формой он напоминал это огромное млекопитающее.

Новый взрыв восторженных возгласов донесся до слуха воздухоплавателей.

Затем, подчиняясь воле рулевого, аэростат стал послушно кружиться и проделывать различные криволинейные и прямолинейные движения. Он двигался в ограниченном пространстве, уходил вперед, возвращался назад, и все это с такой легкостью, что, казалось, мог бы убедить даже самых ярых противников теории управляемых воздушных шаров, если бы такие присутствовали на поляне!.. Впрочем, если бы они там присутствовали, их, наверно, разорвали бы на куски.

И почему только не было ветра при этом неповторимом испытании? Право, это было весьма досадно. Ведь тогда все увидели бы, что аэростат может без труда проделывать любые маневры: либо двигаясь под углом к ветру, как парусное судно, идущее в бейдевинд, либо преодолевая встречные воздушные течения, подобно пароходу, побеждающему сильную волну.

Тем временем воздушный шар поднялся еще на несколько сот метров.

Толпа разгадала маневр. Дядюшка Прудент и его спутники надеялись найти какое-нибудь воздушное течение в верхних слоях атмосферы, чтобы продолжить испытание. Надо сказать, что в воздушном шаре была целая система внутренних баллонетов, которые играют ту же роль, что плавательные пузыри у рыб; накачивая в них насосами нужное количество воздуха, можно заставить аэростат перемещаться в вертикальной плоскости. Таким образом, не выбрасывая балласта при подъеме и не выпуская газа при спуске, воздухоплаватель мог по своей воле заставить воздушный шар подниматься или опускаться в воздухе. На случай быстрого спуска аэростат имел особый клапан, расположенный в верхней части оболочки. Словом, воздушный шар Уэлдонского ученого общества был построен на основе уже известных систем, но доведенных до высшей степени совершенства.

Итак, «Вперед» поднимался по вертикали. Огромный шар уменьшался прямо на глазах, как бывает при оптическом обмане. И это любопытное зрелище вознаграждало зрителей, шейные позвонки которых уже

сильно ломило от того, что они неотрывно смотрели вверх. Громадный кит постепенно превратился в дельфина, а тот в свою очередь — в обыкновенного пескаря.

Поднимаясь все выше, аэростат достиг четырех тысяч метров. Но в прозрачном небе не было ни облачка, ни дымки, и его ясно видели с земли.

При этом аэростат все время оставался над поляной, как будто его удерживали невидимые нити. Если бы атмосферу накрыли огромным стеклянным колпаком, и тогда воздух не был бы более неподвижен: ни в верхних, ни в нижних слоях его не ощущалось ни малейшего дуновения. Не встречая никаких препятствий, воздушный шар быстро поднимался ввысь; из-за дальности расстояния он казался таким маленьким, будто на него смотрели в перевернутый бинокль.

Вдруг в толпе послышался крик, подхваченный десятками тысяч людей. Все указывали на одну и ту же точку в северо-западной части горизонта.

Там, в лазурной вышине, показалось движущееся тело; оно все увеличивалось. Что это такое? Птица, рассекающая крыльями верхние слои атмосферы? Или болид, летящий наискось в воздушном пространстве? Так или иначе, движущийся предмет приближался с невероятной быстротой и должен был вскоре пролететь над поляной.

Одно и то же подозрение с быстротой электрического тока пронеслось в голове каждого, находившегося на земле.

Но, как видно, и воздушный шар заметил это загадочное тело. Он несомненно почувствовал, что ему угрожает опасность, ибо его скорость возросла, и он стал удаляться на восток.

Да! Стоявшие внизу все поняли! Слово, вырвавшееся у одного из членов Уэлдонского ученого общества, было немедленно подхвачено стотысячной толпой:

— «Альбатрос»!.. «Альбатрос»!

Это и в самом деле был «Альбатрос»! Робур вновь показался в небесной вышине! Подобно гигантской хищной птице, он готовился накинуться на аэростат!

Но ведь девять месяцев назад разрушенный взрывом воздушный корабль, с поврежденными винтами

и переломившейся пополам палубой, рухнул в море. Если бы не удивительное хладнокровие инженера, сумевшего изменить направление, в котором вращался передний гребной винт, и превратить его тем самым в подъемный, экипаж «Альбатроса» задохнулся бы во время стремительного падения. Но если Робуру и его товарищам удалось избежать гибели от удушья, то как спаслись они от смерти в волнах Тихого океана?

Дело в том, что обломки палубы, перегородки рубок, лопасти гребных винтов — все, что сохранилось от «Альбатроса», составило внушительную грудку плывучих материалов. Когда раненая птица падает в воду, крылья еще некоторое время поддерживают ее на волнах. Точно так же Робур и его люди сначала плыли на этих обломках, а затем перебрались в уцелевшую после гибели «Альбатроса» резиновую лодку, которую они нашли на поверхности океана.

Провидение — для тех, кто верит в божественное вмешательство в дела человеческие, или случай — для тех, кто по недостатку веры не признает провидения, пришли на помощь потерпевшим бедствие.

Через несколько часов после восхода солнца их заметили с какого-то корабля. Подошедшая к ним шлюпка взяла на борт не только Робура и его спутников, но и плававшие по морю обломки «Альбатроса». Не вдаваясь в подробности, инженер сообщил, что его судно потерпело кораблекрушение; и таким образом его инкогнито было сохранено.

Корабль, подобравший пострадавших, оказался трехмачтовым английским судном «Two Friends»¹. Оно следовало из Ливерпуля в Мельбурн, куда и прибыло через несколько дней.

Итак, Робур и его товарищи оказались в Австралии; однако отсюда было еще весьма далеко до острова Икс, на который они торопились попасть как можно скорее.

Среди обломков кормовой рубки Робуру удалось разыскать внушительную сумму денег, что позволило ему удовлетворить все неотложные нужды своих спутников, не прибегая к посторонней помощи. Вскоре

¹ «Два друга» (англ.).

после прибытия в Мельбурн он купил небольшую шхуну водоизмещением в сто тонн; и для инженера, отлично знавшего морское дело, не составило большого труда добраться до острова Икс.

С тех пор Робуром неотступно владела лишь одна мысль — отомстить! Но отомстить можно было только построив второй «Альбатрос» — задача вполне выполнимая для того, кто создал первый! Было использовано все, что могло пригодиться из уцелевших частей разрушенного воздушного корабля, — гребные винты, различные детали двигателей, которые вместе с остальными обломками были погружены на шхуну. Машинное отделение оборудовали новыми батареями и аккумуляторами. Словом, меньше чем за восемь месяцев все было закончено, и новый «Альбатрос», точная копия того, который был уничтожен взрывом, столь же мощный и быстроходный, уже готов был взмыть в поднебесье.

Само собой разумеется, что экипаж его остался прежним, и экипаж этот был полон ненависти ко всему Уэлдонскому ученому обществу вообще и к дядюшке Пруденту и Филу Эвансу в частности.

«Альбатрос» покинул остров Икс в первых числах апреля. Робур не желал, чтобы воздушный корабль был замечен в каком бы то ни было уголке земли. Поэтому «Альбатрос» почти все время летел над облаками. Достигнув Северной Америки, воздушный корабль совершил посадку в пустынной части Дальнего Запада. Здесь инженер, соблюдая самое строгое инкогнито, с величайшим удовольствием узнал, что Уэлдонское ученое общество намеревается вскоре приступить к испытанию своего аэростата «Вперед»; аэростат этот, взяв в свою гондолу дядюшку Прудента и Фила Эванса, должен подняться в небо над Филадельфией 29 апреля.

Какой великолепный случай привести в исполнение план мести, который вынашивали в душе Робур и его товарищи! Это будет грозное возмездие, и аэростату не избежать его! Это будет публичное мщение, и оно покажет всем полное превосходство воздушного

корабля над воздушными шарами и другими аппаратами легче воздуха.

Вот как случилось, что в тот день «Альбатрос», точно ястреб, камнем падающий с небесной высоты на землю, показался над Фэрмонт-парком.

Да! Это был «Альбатрос», и его без труда узнали даже те, кто его никогда не видел!

«Вперед» попрежнему пытался спастись бегством. Но вскоре воздухоплаватели поняли, что им ни за что не уйти от погони, если они будут лететь в горизонтальном направлении. Вот почему они решили вести аэростат в вертикальной плоскости; но устремились они не к земле, ибо воздушный корабль мог легко преградить им путь, а в верхние слои атмосферы, где надеялись оказаться вне досягаемости. Это был весьма смелый, но единственно возможный для них маневр.

Однако «Альбатрос» начал подниматься за ними. Значительно уступая в размерах аэростату, он был похож на рыбу-меч, преследующую кита, чтобы проткнуть его своим грозным оружием, или на миноносец, настигающий бронированный корабль, чтобы взорвать его.

На земле с тревогой следили за этой погоней! В несколько мгновений воздушный шар достиг высоты пяти тысяч метров. «Альбатрос» преследовал его по пятам. Он описывал вокруг аэростата круги, которые с каждым разом становились все уже. Он мог бы уничтожить аэростат одним ударом, проткнув его оболочку. И тогда дядюшка Прудент и его спутники нашли бы себе страшную гибель, разбившись при падении на землю!

Онемев от ужаса и едва переводя дыхание, многотысячная толпа находилась во власти того тягостного чувства, которое охватывает нас при виде человека, падающего с высоты, когда мучительно сжимается грудь и подкашиваются ноги.

В воздухе готов был начаться бой, страшный бой, когда в отличие от сражения на море не остается никаких шансов на спасение, — первый воздушный бой, но, разумеется, не последний, ибо прогресс заложен

в самой природе нашего мира. Огромный аэростат летел под американским флагом; над «Альбатросом» реяло черное, украшенное звездами полотнище, с золотым солнцем посередине — флаг Робура-Завоевателя.

Воздушный шар попытался спастись от своего врага, поднявшись еще выше. Полностью освободившись от балласта, он совершил новый прыжок в тысячу метров. Теперь он казался лишь едва заметной точкой в пространстве. «Альбатрос», винты которого вращались с максимальной скоростью, неотступно следовал за ним и вовсе скрылся из виду.

Внезапно вопль ужаса разнесся над поляной.

Аэростат увеличивался буквально на глазах; вскоре показался и воздушный корабль, также спускавшийся к земле. Всем стало ясно, что аэростат падает. Газ, непомерно расширившись в верхних слоях атмосферы, прорвал оболочку, и наполовину опустошенный воздушный шар стремительно летел вниз.

«Альбатрос», умерив скорость своих подъемных винтов, снижался с такой же быстротой. И когда «Вперед» находился всего лишь в тысяче двухстах метрах от земли, «Альбатрос» подошел к самому борту его гондолы.

Неужели Робур решил прикончить своего врага?.. Нет!.. Он хотел оказать ему помощь, хотел спасти его экипаж!

И так искусен был этот маневр, что воздухоплаватель и его помощник смогли перескочить из гондолы аэростата на палубу воздушного корабля.

Уж не собирались ли дядюшка Прудент и Фил Эванс отвергнуть помощь Робура и отказаться от спасения? Они были вполне на это способны! Но команда «Альбатроса» набросилась на них и силой заставила перейти на палубу воздушного корабля.

Затем «Альбатрос» отлетел в сторону и неподвижно застыл в воздухе, в то время как воздушный шар, из оболочки которого вытек весь газ, упал на верхушки деревьев, осенявших поляну, и бессильно повис на ветвях, точно гигантский лоскут.

На земле все замерли от ужаса. В мертвом молчании не слышно было дыхания людей. Многие закрыли глаза, чтобы не видеть страшной развязки.

Итак, дядюшка Прудент и Фил Эванс опять стали пленниками инженера Робура. Не собирался ли он вновь умчать их в пространство, куда никто не сможет за ним последовать?

Это было вполне вероятно.

Между тем «Альбатрос» не только не поднялся ввысь, но все приближался к земле. Казалось, он хочет совершить посадку, и толпа раздалась, чтобы очистить ему место в центре поляны.

Волнение собравшихся достигло крайнего предела.

«Альбатрос» остановился в двух метрах от земли. И среди глубокого молчания послышался голос Робура.

— Граждане Соединенных Штатов, — начал он, — председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества снова находятся в моей власти. Задержав их у себя, я лишь воспользовался бы правом возмездия. Но, видя возбуждение, в которое их привели успехи «Альбатроса», я понял, что умы людей еще не подготовлены к тому важнейшему перевороту, который в один прекрасный день должно произвести завоевание воздуха. Дядюшка Прудент и Фил Эванс, вы свободны!

Председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества, а вместе с ними командир аэростата и его помощник спрыгнули на землю.

«Альбатрос» тотчас же поднялся метров на десять над толпой.

Затем Робур продолжал:

— Граждане Соединенных Штатов, мои опыты завершены, но отныне я полагаю, что ничего не следует делать раньше времени. Это относится и к прогрессу: успехи науки не должны обгонять совершенствования нравов. Надо идти путем постепенного развития, а не путем бурных переворотов. Словом, всему — свой срок! Явись я сегодня, я пришел бы слишком рано, и мне не удалось бы примирить противоречивые и своекорыстные интересы людей. Народы еще не созрели для единения.

Поэтому я покидаю вас. Секрет своего изобретения я уношу с собой, но он не погибнет для человечества.

Он будет принадлежать ему в тот день, когда люди станут достаточно образованными, чтобы извлечь пользу из моего открытия, и достаточно благоразумными, чтобы никогда не употреблять его во вред. Прощайте же, граждане Соединенных Штатов, прощайте!

И «Альбатрос», рассекая воздух всеми своими подъемными винтами, движимый вперед обоими гребными винтами, вращавшимися с наивысшей скоростью, скрылся на востоке под бурные крики, на сей раз выражавшие восхищение.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс, полностью посрамленные, как и все Уэлдонское ученое общество в их лице, сделали то, что им только и оставалось: поспешили возвратиться к себе домой. А толпа, настроение которой внезапно переменялось, проводила их жестокими насмешками, впрочем вполне заслуженными!

Теперь все тот же вопрос: кто такой Робур? Узнаем ли мы когда-нибудь?

Мы это знаем уже сегодня. Робур — наука будущего, быть может наука завтрашнего дня. Это — надежный резерв грядущего.

А «Альбатрос»? Путешествует ли он еще в земной атмосфере, среди своих владений, которых никто не в силах его лишить? Нет оснований в этом сомневаться. Однако появится ли Робур-Завоеватель в один прекрасный день, как он сам о том возвестил? Да! Он придет вновь, чтобы раскрыть секрет своего изобретения, которое может изменить социальные и политические условия жизни общества.

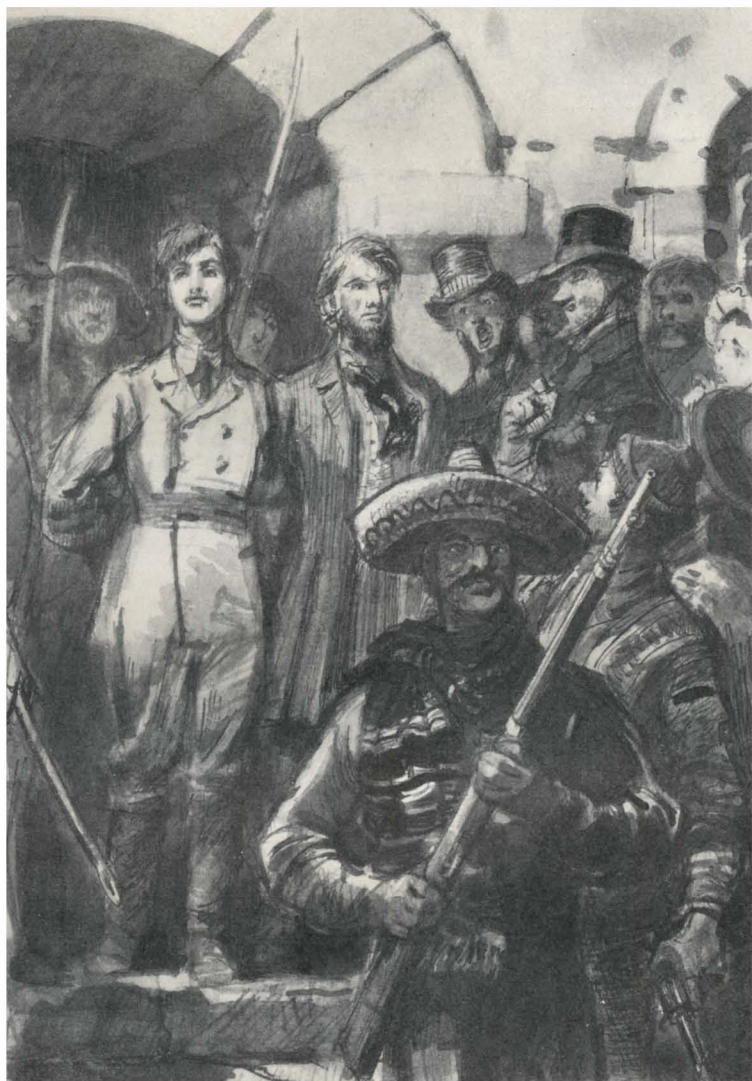
Будущее воздушных сообщений принадлежит летательным машинам, а не аэростатам.

Именно «Альбатросам» предстоит окончательно покорить воздух!

1886 г.

СЕВЕР ПРОТИВ ЮГА

Перевод под редакцией
Р. А. Гурович

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На борту парохода «Шаннон»

Флорида была присоединена к Соединенным Штатам Америки в 1819 году и через некоторое время получила права отдельного штата. С ее присоединением территория Штатов увеличилась на 67 тысяч квадратных миль. Но тем не менее штат Флорида — всего лишь звезда второй величины в созвездии тридцати семи звезд американского национального флага.

Флорида — просто узкая и низменная коса, выдающаяся в море. Вследствие незначительной ее ширины орошающие ее реки — кроме реки Сент-Джонс — крупной роли играть не могут. Все они отличаются медленным течением, что вызвано характером местности. Гор на полуострове нет, встречаются лишь небольшие гряды холмов, которыми вообще богаты центральные и северные области Штатов. Своим очертанием Флорида напоминает хвост бобра, опущенный в океан между Атлантикой на востоке и Мексиканским заливом на западе.

Кроме штата Джорджии, примыкающего к ней с севера, Флорида с другими штатами не граничит. Граница же ее с Джорджией проходит по перешейку, соединяющему полуостров с материком.

Вообще говоря, Флорида край самобытный и на другие штаты не похожий. Население здесь смешанное — полуиспанское, полуамериканское, и даже

тамошние индейцы-семинолы сильно отличаются от своих соплеменников с Дальнего Запада. Если у южного побережья почва Флориды совсем бесплодна и покрыта песчаными дюнами, постепенно нанесенными Атлантическим океаном, то северные ее равнины отличаются необычайным плодородием, так что в этих областях Флорида вполне оправдывает данное ей название¹. Действительно, растительность северной равнины полуострова чрезвычайно богата, могуча и разнообразна. Объясняется это тем, что равнина орошается рекой Сент-Джонс, которая на протяжении двухсот пятидесяти миль, с юга на север, широко и плавно катит свои воды. На протяжении ста семи миль, вплоть до озера Джорджа, эта река судоходна. Протяженность Сент-Джонса объясняется направлением его русла, ибо реки, текущие поперек полуострова, не могут отличаться большой длиной. Сент-Джонс многоводен: в маленькие бухты, которыми изрезаны его берега, впадает множество притоков. Река Сент-Джонс — жизненная артерия страны. Ее живительные воды — кровь, протекающая по жилам земли, — питают этот край.

Седьмого февраля 1862 года вниз по Сент-Джонсу шел пароход «Шаннон». В четыре часа пополудни он должен был причалить у местечка Пиколаты, обслужив попутно пристани и некоторые форты графств Сент-Джонс и Патнам. Несколькими милями ниже по течению, за Пиколатой, пароход попадал уже в графство Дьювал, граничащее с графством Нассау и отделенное от него рекою того же названия.

Само по себе местечко Пиколата особого значения не имеет, но окрестности ее богаты плантациями индиго, риса, хлопчатника, сахарного тростника и обширными кипарисовыми лесами. Весь район поэтому населен довольно густо. Пристань Пиколаты стоит к тому же на оживленном торговом пути, ведущем в Сент-Огастин, один из крупных городов Восточной Флориды. Сент-Огастин находится на расстоянии десяти — двенадцати миль от Пиколаты и расположен в той ча-

¹ Florida — цветущая (*исп.*).

сти океанского побережья, недалеко от которого находится остров Анастасия. Пиколата с городом соединена почти прямою дорогой.

В этот день на пристани Пиколаты пассажиров, ожидавших парохода, было больше обычного. Они прибыли из Сент-Огастина, и доставившие их восьмиместные дилижансы, запряженные четверкою или шестеркою мулов, мчались во весь опор по проложенной через болота дороге. Нужно было поспеть к пароходу, не то пришлось бы дожидаться по меньшей мере двое суток, чтобы добраться до любого населенного пункта — городка, местечка, форта или деревушки, лежащих ниже по течению реки. «Шаннон» обслуживал эти края отнюдь не ежедневно, а этот пароход в ту пору был единственным средством сообщения. Необходимо было, значит, поспеть в Пиколату к тому времени, когда «Шаннон» туда приходит; пассажиры были уже на пристани за час до прибытия парохода.

В ожидании парохода на пристани Пиколаты собралось человек пятьдесят. Можно было заметить, что все они что-то возбужденно обсуждали, разбившись на две сторонящиеся друг друга группы. По каким же важным торговым или политическим делам они приезжали в Сент-Огастин? Во всяком случае, было ясно, что ни к какому согласию они там не пришли. Приехав врагами, они врагами и разъезжались. Это было видно и по той обособленности, с какой держались обе группы, и по сердитым взглядам и вызывающим словам, которыми они обменивались.

Но вот послышались протяжные свистки, и из-за поворота реки в полумиле выше Пиколаты показался «Шаннон». Из двух его труб вырывались густые клубы дыма, расплывавшиеся над вершинами прибрежных деревьев, которые гнулись и раскачивались под порывами морского ветра. Движущаяся громада парохода быстро росла. Последние три-четыре часа прилив замедлял продвижение парохода; но теперь начался отлив, и воды Сент-Джонса уносили «Шаннон» к устью.

Наконец прозвонил колокол. Колеса, вспенив воду, разом остановились, и «Шаннон» причалил к пристани.

Началась посадка. Пассажиры заторопились; одна из двух враждебных групп взойшла на пароход первой, в чем другая ей, впрочем, не препятствовала. Вторая же группа, очевидно, поджидала кого-то, кто запаздывал.

Отделившись от этой группы, два-три человека поспешили к выходившей на набережную дороге на Сент-Огастин, и с явным нетерпением стали вглядываться вдаль. Их нетерпение было, впрочем, вполне понятным, ибо капитан «Шаннона», стоя на мостике, уже покрикивал:

— Садитесь, господа, садитесь скорее.

— Нельзя ли подождать еще несколько минут? — обратился к нему один из пассажиров второй группы, остававшейся еще на пристани.

— Никак нельзя, господа.

— Ну хотя бы минутку!

— Ни единой!

— Ну хоть полминутки!

— Невозможно! Отлив уже начался, и я рискую сесть на мель у Джэксонвилла.

— Да к тому же семеро одного не ждут, — прибавил кто-то из пассажиров первой группы, устроившихся уже на кормовой рубке «Шаннона».

— И я того же мнения, мистер Бербанк, — сказал капитан. — Служба прежде всего. Ну, господа, извольте садиться, даю команду отдать швартовы.

Пароход протяжно загудел.

Матросы начали было уже отталкиваться баграми от пристани, чтобы вывести пароход на середину реки, но остановились: во второй группе кто-то крикнул:

— Вот и Тексар!..

Из-за поворота набережной показался мчавшийся во весь опор экипаж. Взмывенная четверка мулов круто остановилась у пристани. Из экипажа вышел мужчина. Пассажиры, поджидавшие его у дороги, кинулись к нему навстречу, и затем все они поспешили подняться на пароход.

— Еще секунда, Тексар, и ты бы опоздал! — сказал ему один из ждавших его. — А это было бы очень досадно.

— И только дня через два ты смог бы вернуться в... А куда именно, мы узнаем, когда ты пожелаешь нам это сказать, — прибавил другой.

— Послушайся капитан этого нахала Джемса Бербанка, пароход был бы уже теперь на добрые четверть мили от Пиколаты.

Тексар поднялся с друзьями на носовую рубку. Он промолчал и только бросил косой взгляд на Джемса Бербанка, от которого его отделял капитанский мостик. Но сколько непримиримой ненависти было в этом взгляде!

Джемс Бербанк, посмотрев в упор на Тексара, повернулся к нему спиной и занял место на кормовой рубке, где уже разместились все пассажиры первой группы.

— Бербанк что-то не в духе, — заявил один из спутников Тексара. — Да оно и понятно. Сколько он ни клеветал, как ни изворачивался, судья сумел разделаться с его ложными показаниями.

— Но не с ним самим, — отвечал Тексар. — Это уж я беру на себя!

Между тем «Шаннон» отшвартовался. Оттолкнув пароход от пристани длинными баграми, матросы вывели его на стрежень реки. Заработали колеса, и подгоняемый отливом «Шаннон» быстро поплыл меж берегов Сент-Джонса.

Известно, что представляют собой американские речные пароходы. Это настоящие многоэтажные дома, с широкими террасами и с двумя огромными трубами, поднимающимися над носовой частью. Над палубой протянут тент. Пароходы на Гудзоне и на Миссисипи — настоящие пловучие дворцы и могут вместить население целого городка. Правда, для такой реки, как Сент-Джонс, да и вообще для Флориды, нужды в громадных пароходах не было, и поэтому «Шаннон» по размерам своим был, так сказать, небольшим особняком, хотя по внутреннему расположению и наружному своему виду представлял собою точный сколок с разных «Кентукки» и «Ричмондов».

Погода стояла великолепная. По ясному голубому небу лишь кое-где на горизонте плыли легкие и

перистые облака. В Новом Свете на тридцатой параллели в феврале месяце почти так же жарко, как в Старом вблизи пустыни Сахары. Впрочем, чрезмерный зной умерялся здесь легким морским ветерком. И большинство пассажиров оставалось поэтому на палубе, вдыхая приносимый ветром аромат прибрежных лесов. От косых лучей солнца их защищали тенты, которые при быстром ходе судна колебались точно индийские опахала.

Тексар и пять-шесть его сотоварищей спустились в буфет; привыкнув в американских барах к крепким напиткам, они принялись поглощать стакан за стаканом джин, английскую горькую и бурбон-виски. Все это был народ неотесанный, с грубыми манерами и речью; одеты они были в сукна и кожу, как люди, живущие больше в лесной глуши, чем в городах. Тексар, видимо, пользовался среди них большим авторитетом, которым был, вероятно, обязан как своему властному характеру, так и видному общественному положению и богатству. Он безмолвствовал, и вся компания поэтому тоже пила молча.

Наконец он нарушил молчание; взяв валявшуюся на столе газету, он пробежал ее глазами, но вскоре, отбросив ее прочь, проворчал:

— Какое старье!

— Еще бы не старье: номер-то от третьего дня, — поддакнул ему один из его спутников.

— А за три дня многое могло случиться, когда бои идут почти что рядом, — прибавил другой.

— Кстати, как теперь дела на фронте? — спросил Тексар.

— Федеральное правительство, говорят, подготавливает экспедицию во Флориду. Стало быть, со дня на день мы можем ждать вторжения северян.

— Да так ли это?

— Не знаю, но такие слухи ходили еще в Саванне, а в Сент-Огастине мне их подтвердили.

— Ну что ж, пусть они только явятся! Пусть! — вскричал Тексар, стукнув с такой силой кулаком по столу, что стоявшая на нем посуда подпрыгнула. — Пусть только сунутся! Посмотрим, позволят ли флорид-

ские рабовладельцы этим ворам аболиционистам ограбить себя!

Ответ Тексара станет понятным, если вспомнить причину великой междоусобной войны, которая вспыхнула в Северной Америке в то время, к которому относится наш рассказ. Начавшись 11 апреля 1861 года пушечным выстрелом по форту Самтер, эта война была теперь в самом разгаре и почти полностью охватила уже Южные штаты Америки. Ответ указывал и на то, что Тексар был защитником рабовладения и, следовательно, держал сторону большинства населения рабовладельческих штатов.

На борту «Шаннона» встретились как нарочно представители обеих враждующих партий: федералисты-северяне — противники рабовладения, или, как их называли еще, аболиционисты, и конфедераты-южане — сепаратисты, или сторонники рабовладения.

Час спустя Тексар со своими единомышленниками, которые уже порядком заложили за галстук, вышел на верхнюю палубу. Миновали уже правобережные бухты Трент и Шестимильную — в первой из них воды Сент-Джонса подступают почти к опушке густого кипарисового леса; во второй — доходят до Двенадцатимильного болота, о величине которого можно судить уже по одному его названию.

Пароход шел в это время вдоль берегов, окаймленных великолепными лесами. Тут были тюльпанные деревья, магнолии, сосны, кипарисы, кустарниковые дубы, юкки и много других, стволы которых исчезали в густой чаще азалий и драконова корня. Порой из бухточек, питающих своими водами болотистые равнины графства Дьювал и Сент-Джонс, доносился резкий запах мускуса. Однако его источником были отнюдь не цветущие кусты, столь ароматные в этом жарком климате, а аллигаторы, спешившие скрыться в высокой траве при шумном приближении «Шаннона». Из этих лесов, сливаясь в нестройный, но причудливый хор, доносились до парохода голоса всевозможных птиц — дятла, цапли, жакамара, выпи, белоголового голубя, дрозда-пересмешника и сотен других разнообразнейших пород все-

возможной величины и окраски; лесная сова голосом чревовещателя повторяла все лесные звуки — вплоть до крика петуха, пронзительного, как звук рожка, и слышного чуть ли не за несколько миль.

Когда Тексар, поднимаясь на рубку, достиг верхней ступеньки трапа, он почти столкнулся с женщиной, собиравшейся спуститься в буфет. То была служанка семьи Бербанков, мулатка. Очутившись внезапно перед заклятым врагом своего хозяина, она отпрянула назад; лицо ее на миг выразило непреодолимое отвращение. Потом, казалось, не замечая злобных взглядов Тексара, она посторонилась.

Тексар пожал плечами и, обращаясь к своим спутникам, громко сказал:

— Это Зерма, одна из невольниц Бербанка, который выдает себя за противника рабства.

Зерма ничего не ответила и, когда освободился проход, спустилась вниз, не обратив как будто никакого внимания на его слова.

Тексар прошел на носовую часть палубы. Закурил сигару и словно позабыв о своих спутниках, следовавших за ним наверх, он стал внимательно разглядывать левый берег Сент-Джонса. Здесь начиналось графство Патнам.

Тем временем на корме тоже шел разговор о войне. После ухода Зермы Джеймс Бербанк остался с двумя друзьями, которые ездили с ним в Сент-Огастин. Один из них был его шурин Эдвард Кэррол, а другой — флоридец из Джэксонвилла, Уолтер Стэннард. Они так же, как и их противники, возбужденно обсуждали течение кровавой борьбы, от исхода которой зависела жизнь или смерть Соединенных Штатов. Но Джеймс Бербанк, как мы увидим в дальнейшем, рассматривал события с совершенно иной точки зрения, нежели Тексар.

— Мне не терпится, — говорил он, — поскорее вернуться в Кэмдлес-Бей. Вот уже два дня, как мы оттуда. Быть может, за это время на фронте случилось что-нибудь новое, быть может, Дюпон и Шерман уже овладели Порт-Ройялом и островами Южной Каролины?

— Это случится несомненно в ближайшем же будущем, — ответил Эдвард Кэррол, — странно будет, если

президент Линкольн не расширит военные действия до Флориды.

— Давно бы пора, — подхватил Джеймс Бербанк. — Давно пора смирить высокомерных рабовладельцев Джорджии и Флориды, которые думают, что если они далеко, то до них уже не добраться. Взять хоть бы того же Тексара: посмотрите, как он себя нахально ведет. Рассчитывая на поддержку рабовладельцев штата, он всячески старается возбудить общественное мнение против нас, сторонников Севера, и наше положение в этих условиях становится с каждым днем опаснее.

— Ты прав, Джеймс, — согласился Кэррол. — Необходимо как можно скорее подчинить Флориду вашингтонскому правительству! Я жду и не дождусь, чтобы федералисты пришли и навели у нас порядок, иначе нам, пожалуй, придется бежать со своих плантаций.

— Они придут и, вероятно, очень скоро, дорогой Бербанк! — вмешался Уолтер Стэннард. — Третьего дня, когда я уезжал из Джэксонвилла, город был взволнован слухами о намерении Дюпона форсировать фарватер Сент-Джонса, и сторонники рабовладения стали угрожать всем, кто не разделяет их взглядов. Боюсь, что у нас на днях вспыхнет мятеж. Попытаются свергнуть городские власти, а на их место посадить отъявленных негодяев.

— Что ж тут удивительного, — ответил Джеймс Бербанк. — В ожидании федералистской армии нам предстоят тяжелые дни. Но изменить положение не в наших силах.

— Да, ничего не поделаешь! — продолжал Уолтер Стэннард. — Если в Джэксонвилле и вообще во Флориде и нашлось бы несколько честных людей, наших единомышленников, — их все равно оказалось бы слишком мало, чтобы дать отпор конфедератам. Только приход федералистов может спасти нас, да и то если они не замешкаются.

— Да, да, пусть поскорей приходят, пусть избавят нас от этих мерзавцев! — воскликнул Джеймс Бербанк.

Последующие события показали, как были правы в своих предвидениях и опасениях те из северян, кто вынужден был в силу своих материальных интересов или семейных отношений жить среди рабовладельцев и принаравливался к их нравам и обычаям.

Джемс Бербанк и его друзья были правильно осведомлены о ходе военных событий. Федеральное правительство действительно готовило военную экспедицию во Флориду. И не столько с целью захвата этого штата и военной оккупации, как для того, чтобы закрыть все лазейки, которыми пользовались контрабандисты, нарушавшие морскую блокаду, вывозя продукты местного производства и главным образом ввозя оружие и боевые припасы. Вот почему «Шаннон» уже не отваживался больше обслуживать южное побережье Джорджии, находившееся тогда в руках генералов-северян. Из осторожности рейс его заканчивался на границе обоих штатов, чуть севернее устья Сент-Джонса, против северной оконечности острова Амильи, в порте Фернандина, где начиналась железнодорожная линия на Сидар-Кейс, которая доходит до Мексиканского залива, пересекая наискось весь полуостров Флориду. Севернее острова Амильи и реки Сент-Мэрис «Шаннон» мог быть захвачен судами федералистов, неустанно патрулировавших у этой части побережья.

И большинство пассажиров «Шаннона» состояло поэтому из жителей Флориды, не имевших надобности выезжать за пределы штата. Это были обитатели небольших городков и деревушек, разбросанных по берегам Сент-Джонса и его притоков; большинство из них жили в Сент-Огастине или Джэксонвилле. Каждый мог сойти с парохода в нужном ему месте по сходням на пристань или же на устроенные по английскому образцу специальные пирсы, не пользуясь для этого пароходными шлюпками.

Между тем один из пассажиров собирался покинуть пароход, не дожидаясь, когда он остановится у пристани. Он желал высадиться на берег в таком месте, где не было видно ни деревни, ни какого-либо уединенного дома, ни даже простой рыбацкой или охотничьей хижины.

Пассажир этот был Тексар.

Часов около шести вечера «Шаннон» издал три резких свистка. Колеса его почти тотчас же перестали вращаться, и пароход двигался по замедленному в этой части реки течению. Это было недалеко от Черной бухты.

В эту бухту, образующую глубокую выемку в левом берегу реки Сент-Джонса, впадает какая-то безыменная речушка, которая протекает у форта Хелмен, почти на границе между графствами Патнам и Дьювал. Узкий проход в бухточку полностью скрыт за сплетениями зеленых ветвей, образующих непроницаемую завесу. Жители края и не подозревают о существовании этой темной лагуны. Никто не пытался туда проникнуть, никто не догадывался, что она служит убежищем Тексару, ибо берег Сент-Джонса, казалось, тянулся здесь непрерывной линией. Вот почему только очень искусному гребцу, хорошо знакомому с этой бухтой, удалось бы проникнуть в нее на своем челне в полумраке наступающих сумерек.

Вслед за свистком «Шаннона» с берега тотчас же донесся троекратный окрик, и среди высоких прибрежных трав замелькал яркий огонек. От берега к пароходу плыла, очевидно, какая-то лодка.

То был простой челнок с одним веслом. Вскоре он приблизился уже на расстояние полкабельтова от парохода.

Тексар наклонился через борт и, сложив руки рупором, крикнул:

— Эй!

— Эй! — отвечали с лодки.

— Это ты, Скуамбо?

— Я, господин.

— Подъезжай-ка ближе.

Челнок подплыл к пароходу. При свете факела, прикрепленного на носу челнока, можно было разглядеть сидевшего в нем человека. То был крепкий и сильный, с обнаженным до пояса могучим торсом и спутанной черной гривой, индеец.

Тексар повернулся к своим друзьям и пожал им всем руку, говоря с многозначительным видом: «До

свиданья». Затем, кинув угрожающий взгляд в сторону Бербанка, он быстро спустился по трапу и сел в челн к индейцу.

Несколько оборотов колес — и пароход оставил челнок далеко позади; никто из пассажиров «Шаннона» и не подозревал, что легкое суденышко скрылось в чаще прибрежных зарослей.

— На пароходе одним негодяем меньше, — заметил Кэррол, не стесняясь присутствия друзей Тексара.

— Он не только негодяй, — сказал Бербанк, — он опасный преступник. Я ничуть в этом не сомневаюсь, хотя этому мерзавцу и удавалось всегда выйти сухим из воды, установив каким-то непостижимым образом свое алиби.

— Если этой ночью в окрестностях Джэксонвилла будет совершено преступление, — заявил Стэннард, — то Тексар во всяком случае окажется ни при чем: ведь он только что покинул «Шаннон».

— Ну, я в этом не уверен, — возразил Бербанк. — После всего случившегося я ничуть не удивлюсь, если мне даже скажут, что он в это самое время убил или ограбил кого-нибудь в пятидесяти милях отсюда, на севере Флориды... Правда, меня не поразило бы также, если бы ему удалось доказать, что не он виновник преступления... Но довольно говорить о нем. Скажите-ка лучше, Стэннард, вы едете прямо в Джэксонвилл?

— Да, сегодня же вечером.

— Ваша дочь ожидает вас?

— Да, и я тороплюсь к ней.

— Понятно. А когда вы собираетесь к нам в Кэмдлес-Бей?

— На этих днях.

— Приезжайте-ка поскорее, дорогой Стэннард. Вы же знаете, что мы накануне важных событий, которые не приминут развернуться с приближением федеральных войск. Не безопаснее ли будет для вас и Алисы перебраться к нам в Касл-Хаус, чем оставаться в городе, где от южан можно ожидать любых безобразий?

— Вот это мне нравится! Да разве сам-то я не южанин, любезный Бербанк?

— Конечно, южанин, Стэннард, но вы мыслите, вы действуете, как северянин.

Час спустя «Шаннон», уносимый непрерывно усиливавшимся отливом, прошел мимо живописной деревушки Мандарен, приютившейся на склоне зеленого холма, и милях в пяти или шести ниже по течению остановился у правого берега реки.

Тут была устроена грузовая пристань. Чуть выше по течению виднелся легкий пирс — красивое деревянное сооружение, подвешенное на двух проволочных тросах. То была пристань Кэмдлес-Бея.

На конце пирса стояли два негра с фонарями в руках, ибо наступила уже ночь.

Джемс Бербанк простился с мистером Стэннардом и в сопровождении Кэррола вступил на пирс.

За ними шла Зерма, которая отозвалась на окликавший ее откуда-то из темноты детский голосок.

— Я здесь, Ди! Здесь!

— А папа?

— И папа тоже.

Фонари стали удаляться от реки, а «Шаннон» продолжал свой путь, повернув к левому берегу. Тремя милями ниже Кэмдлес-Бея, на противоположном берегу реки, он остановился у пристани Джэксонвилла, где высадились большая часть оставшихся еще на нем пассажиров.

Здесь, между прочим, сошел на берег Уолтер Стэннард и трое или четверо из единомышленников Тексара, с которыми тот расстался полутора часами раньше, когда индеец приехал за ним на челноке. На пароходе осталось только человек шесть пассажиров, направлявшихся частью в Пабло — небольшое местечко близ маяка в устье Сент-Джонса, частью на остров Талбот, находящийся при входе в пролив того же названия, а частью, наконец, в порт Фернандину. «Шаннон» продолжал плыть по реке, благополучно миновав песчаную отмель, и скрылся через час за поворотом бухты Траут, где Сент-Джонс, становясь вдруг бурливым, смешивал свои воды с сердитым прибоем океана.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кэмдлес-Бей

Кэмдлес-Бей — таково название плантации, принадлежавшей Джемсу Бербанку. Богатый плантатор жил там со всей своей семьей. Название свое плантация получила от бухты на Сент-Джонсе, находящейся немного повыше Джэксонвилла, на противоположном берегу. Вследствие такой близости плантации к городу сообщение между ними было удобным и легким: при попутном ветре от Кэмдлес-Бея до Джэксонвилла можно было добраться на хорошей лодке за какой-нибудь час. Кэмдлес-Бей находился на расстоянии не более трех миль от главного города графства Дьювал.

Плантация Джемса Бербанка была одной из лучших во всей Флориде. Кроме этих земель, у него еще были большие поместья в штате Нью-Джерси, который граничит со штатом Нью-Йорк. Таким образом Бербанк мог считаться очень богатым человеком.

Место для плантации на правом берегу Сент-Джонса было выбрано чрезвычайно удобное, как бы самую природу приспособленное для возделывания, и человеку не приходилось затрачивать слишком много усилий, чтобы обрабатывать эту плодородную почву. При умном и распорядительном хозяине, бывшем, в то время в расцвете сил и обладавшем вдобавок солидным капиталом, при удачно подобранном персонале, плантация находилась в цветущем состоянии.

Земли в поместье было четыре тысячи акров¹; и если в Южных штатах можно было встретить поместья больших размеров, то вряд ли где хозяйство было так хорошо поставлено, как у Бербанка. Господский дом, службы, конюшни, жилища для рабов, мастерские, рельсовая дорога между плантацией и пристанью, дороги для повозок и фургонов — все было устроено необыкновенно практично и удобно. На всей усадьбе

¹ Приблизительно 3000 гектаров. (Прим. автора.)

лежал тот отпечаток домовитости и порядка, который умеют придать своему хозяйству обитатели Северных штатов.

С Кэмдлес-Беем могли сравниться только лучшие поместья Виргинии или обеих Каролин. Высокие плоскогорья плантации как бы специально были предназначены для хлебных злаков; в низинах разводились кофейные деревья и какао. Болотистые, топкие равнины с солончаковой почвой отведены были под рис и сахарный тростник.

Известно, что хлопок Флориды и Джорджии ценится на рынках Европы и Америки очень высоко благодаря шелковистости и длине его волокон, и хлопковые поля с их аккуратными насаждениями, нежной зеленью и лиловато-желтыми цветами составляли поэтому одну из главных доходных статей поместья. Во время сбора хлопка на этих полях, площадью от одного до полутора акров каждое, появлялось множество временных хижин, в которых жили невольники — женщины и дети, собиравшие с кустов коробочки и выбиравшие из них хлопок, — операция, требующая большой осторожности, чтобы не повредить волокон. Затем хлопок сушился на солнце, очищался на чесальных машинах с зубчатыми колесами и вальцами, прессовался гидравлическими прессами, упаковывался в кипы, стягивался железными обручами и складывался в амбары в ожидании отправки. Погрузка на парусники или пароходы производилась тут же с пристани Кэмдлес-Бее.

Кроме плантаций хлопка, у Джемса Бербанка были также обширные насаждения кофе и сахарного тростника. Первые — заповедные участки с тысячью — тысячью двумястами деревьев высотой в пятнадцать — двадцать футов каждое; цветы их похожи на испанский жасмин, а плоды — на вишенку с двумя косточками, которые оставалось лишь извлечь и высушить. Вторые — луга, вернее болота, ощетинившиеся высоким тростником длиною от девяти до восемнадцати футов, с белыми султанами, развевающимися по ветру точно плюмажи скачущей кавалерии. Сахарный тростник был предметом особого ухода в Кэмдлес-Бее: сахар из него получался в жидком виде, а потом перерабаты-

вался в рафинад на сахарных заводах, хорошо оборудованных по тому времени. Побочными продуктами были сиропы, идущие на производство водки, рома и тростникового вина, которое приготавливается из смеси жидкого сахара с ананасным и апельсиновым соком. Это тоже была весьма доходная статья, хотя и не столь прибыльная, как хлопок.

Несколько участков с деревьями какао, бататом, маисом, ямсом, индиго, табаком, двести — триста акров рисовых полей — все это давало значительную прибыль.

Но был у него еще один источник дохода, приносящий прибыль не меньше чем хлопок: неисчерпаемые лесные богатства поместья. Не говоря уже об апельсиновых, лимонных, манговых и хлебных деревьях, о маслинах, винных ягодах, перце и корице, о плодах всех фруктовых деревьев Европы, прекрасно акклиматизирующихся во Флориде, Джеймс Бербанк регулярно производил систематическую рубку своих лесов. Какие огромные богатства заключены были в кампешевом дереве, в мексиканском вязе, столь широко применяемых теперь, в баобабах, в коралловом дереве с кроваво-красным стволом и цветами, в черном орехе, индийском златоцвете, в особом виде каштана с желтыми цветами, в южной сосне — прекрасном мачтовом лесе и строительном материале; в шоколадной каролинии, зерна которой как петарды лопаются на южном солнце, в зонтичной сосне, тюльпанном дереве, кедрах и особенно в кипарисах: огромные кипарисовые леса в пятьдесят — сто миль протяженностью покрывают полуостров Флориду. Джеймсу Бербанку пришлось оборудовать по всей территории большие лесопилки. На речках — притоках Сент-Джонса — устроены были запруды, и эти речки, прервав свой мирный бег, образовали каскады — источник механической силы, необходимой для распиливания бревен и досок, количества которых хватало бы для загрузки сотни судов.

Наконец следует упомянуть и об огромных тучных лугах, на которых паслись лошади, мулы и многочисленный рогатый скот. Что же касается всевозможной

дичи в лесах и болотах, то трудно даже представить себе, в каком изобилии она водилась в Кэмдлес-Бее, как, впрочем, и во всей Флориде.

Над лесами с пронзительным клекотом, напоминавшим звук надтреснутой трубы, на широко распростертых крыльях парили белоголовые орлы, кружили крокодавыдные грифы, огромные выпи с острыми, как штык, клювами. У реки среди камышей, среди зарослей гигантского бамбука жили розовые или пурпурные фламинго, белоснежные ибисы, словно слетевшие с какого-нибудь древнего египетского памятника, огромные пеликаны, мириады морских ласточек разных пород, ракоетки с зелеными хохолками и перьями, кулики с пурпурным оперением в беловатых крапинках и коричневым пухом, жакамары, золотистые зимородки, целый мирок гагар, морских курочек, диких уток из породы свистунов, чирков, зуйков, не говоря уже о буре-вестниках, водорезах, морских воронах, чайках-фаэто-нах, которых порыв ветра может унести до самой сре-дины реки, и соблазнительной добычи для лакомок — летучих рыб, или долгоперов. На лугах во множестве водились бекасы, морские и болотные кулики, султанки с пестрым оперением, где, точно на летающей палитре, смешались все цвета — красный, синий, белый, зеле-ный и желтый, куропатки, серые белки, красноногие голуби с белыми головками, а в качестве съедобной дичи — длиннохвостые кролики: нечто среднее между европейским зайцем и кроликом, — и целые стада ла-ней, а сверх того — еноты, черепахи, фараоновы мыши и, к несчастью, масса ядовитых змей. Таковы были представители животного царства в великолепном поместье Кэмдлес-Бей. К ним приходится причислить и негров, закабаленных на плантации. А во что же, если не во вьючный скот, обращены были эти человеческие существа, которые можно было покупать или продавать по желанию.

Однако как же Джеймс Бербанк, этот убежденный сторонник освободительных доктрин северян, с нетерпением дожидавшийся победы Севера, продолжал до сих пор владеть невольниками? Неужели он не освободил бы их даже и тогда, когда наступили бы более благо-

приятные обстоятельства? Освободил бы, конечно! Он и собирався это сделать через несколько недель или даже дней, как только федеральная армия, занявшая уже некоторые населенные пункты в соседнем штате, вступит во Флориду.

Впрочем, Джемс Бербанк уже предпринял у себя в имении ряд мер, значительно улучшивших жизнь его рабов. Их у него было около семисот; помещались они в просторных и чистых хижинах, пищу получали хорошую; непосильной работой их не обременяли. Управляющему и его помощникам было строго-настрого приказано обращаться с неграми справедливо и мягко. Невольники в Кэмдлес-Бее работали поэтому очень усердно, хотя там давным-давно уже отменены были всякие телесные наказания. На других плантациях привыкли обращаться с рабами совсем по-иному, и соседи сильно косились на порядки, заведенные Джемсом Бербанком, так что положение его в этих краях было довольно затруднительно, особенно теперь, когда вопрос о рабовладении решался силою оружия.

Негры Джемса Бербанка, как мы уже говорили, жили в удобных и чистых хижинах. Около полусотни таких хижин составляли деревушку. Около десятка таких деревушек были разбросаны по берегам маленьких рек, протекавших по плантации. Негры жили вместе со своими женами и детьми. Члены одной семьи, если это было возможно, работали вместе — в поле, лесу или на фабрике, так что и в рабочие часы не разлучались. Во главе каждой деревушки стоял один из помощников управляющего, исполнявший в некотором роде обязанности старосты или, если угодно, мэра. Общее же управление всем хозяйством сосредоточивалось в господской усадьбе, окруженной высоким палисадом, заостренные колья которого утопали в роскошной флоридской зелени.

Господский дом походил на замок и вполне заслуженно носил название Касл-Хауса.

Кэмдлес-Бей издавна принадлежал предкам Джемса Бербанка. В те времена, когда плантаторы еще боялись нападения индейцев, господский дом пришлось

сильно укрепить. Не много времени прошло с тех пор, когда генерал Джессеп оборонял Флориду от индейцев-семинолов. Колонисты немало терпели от этих кочевников, которые их грабили и убивали, а жилища предавали огню. Даже города неоднократно подвергались набегам и грабежу. И теперь еще в некоторых местах можно наткнуться на развалины — следы набегов этих кровожадных индейцев. В пятнадцати милях от Кэмдлес-Бея близ деревушки Мандарен до сих пор показывают «дом крови», где был скальпирован индейцами плантатор Мотт, его жена и три дочери. Но теперь, конечно, война белых с краснокожими уже в прошлом. Семинолы частью истреблены, частью оттеснены к западу от Миссисипи. О семинолах уже ничего не слышно — только несколько их шаек блуждают еще среди болот Южной Флориды. И жителям края уже нечего опасаться свирепых туземцев.

Теперь понятно, почему жилища плантаторов строились в старину в виде укрепленных замков, в которых можно было бы отсидеться до прихода отрядов волонтеров из города или соседней деревни. Именно таким укрепленным замком и был Касл-Хаус в Кэмдлес-Бее.

Дом стоял на пологом холме посреди парка, обнесенного высоким палисадом. Парк был площадью в три акра, он кончался в нескольких стах ярдах от реки Сент-Джонс. Довольно глубокий ручей протекал вокруг парка, а высокий палисад делал его еще неприступней. Попастъ в парк можно было только по мостику, переброшенному через ручей. От самой пристани Кэмдлес-Бея до первых лужаек усадьбы вела чудесная тенистая бамбуковая аллея. Всюду в просветах между деревьями виднелись зеленые газоны, пересеченные широкими аллеями, которые сходились у обширной, усыпанной песком площадки перед главным фасадом Касл-Хауса.

Архитектура замка строгостью не отличалась, в ней было много несообразностей как в общих очертаниях, так и в деталях, но если бы осаждающим удалось проникнуть за палисад — здание могло бы выдержать осаду в течение нескольких часов. Окна нижнего этажа были защищены крепкими железными решетками,

Дверь главного подъезда поражала своей массивной прочностью, в стенах были устроены бойницы, из которых можно было с фланга обстреливать нападающих. Окон и дверей в здании было очень немного. Вообще дом Джемса Бербанка, с своею высокою крышей, с центральной башней, над зубцами которой развевался украшенный звездами американский флаг, и толстыми стенами, гораздо больше походил на форт, чем на мирное жилище помещика. Как уже было сказано, здание строилось в те времена, когда должно было служить для своих обитателей защитой от набегов свирепых индейцев.

Под зданием существовал даже подземный ход, которым Касл-Хаус сообщался с небольшою бухтой на Сент-Джонсе, известной под именем бухты Марино. Он проходил под палисадом и окружающим парк ручьем. В крайнем случае через этот ход можно было тайно бежать.

Конечно, уже лет двадцать как семинолы вытеснены с полуострова и больше не страшны, но как знать, что ожидает в будущем? И если индейцы не представляют уже угрозы для Джемса Бербанка, то не следовало ли ему опасаться своих же соотечественников? Разве он, сторонник Севера, не был одинок в этих Южных штатах, не зависел от случайностей кровопролитной гражданской войны, не должен был быть готовым к жестокой расправе?

Сильно укрепленный и неприступный Касл-Хаус внутри был удобным и уютным жилищем. Просторные комнаты были богато и со вкусом обставлены, так что семья Бербанков, живя в этой очаровательной местности, пользовалась полным комфортом, которым могут окружать себя состоятельные люди, если, кроме денег, обладают еще и художественным вкусом.

Позади замка, вплоть до ограды парка, скрытой под вьющимися растениями и ветвями страстоцвета, среди которых порхали стайки колибри, разбросаны были кусты апельсиновых и масличных деревьев, росли понтедеррии с лазоревыми цветами, гранаты и смоковницы; магнолии, которые распускали свои чашечки цвета старой слоновой кости и наполняли воздух чуд-

ным благоуханием; пальмы, тихо качавшие веерообразными вершинами под легким дуновением ветерка, гирлянды лиловой кобеи, юкка, звенящая точно сталь отточенной сабли, розовые рододендроны, мирты и райские деревья — словом, в садах была собрана вся роскошная флора субтропиков, все, что только может порадовать взор и обоняние.

За садом, у самой ограды, под сенью громадных кипарисов и баобабов, находились службы: конюшни, амбары, маслобойни; псарни и птичники. Благодаря обилию деревьев домашние животные не страдали от тропического зноя, а близость воды поддерживала в воздухе приятную и живительную прохладу.

Среди обширных владений Джемса Бербанка место для усадьбы было выбрано весьма удачно: туда не доносился ни шум хлопкоочистительных машин, ни скрип лесопилен, ни стук топоров в лесу. Тишину нарушало лишь пение множества птиц, порхавших по деревьям и яркостью своего оперенья соперничавших с роскошными южными цветами. Но крылатые певуны так же радовали обитателей Касл-Хауса, как и легкий ветерок, доносивший до них ароматы окрестных лугов и лесов.

Таково было поместье Кэмдлес-Бей, принадлежавшее Джемсу Бербанку — одному из самых богатых людей Восточной Флориды.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Гражданская война

Пора, однако, сказать несколько слов о междоусобной войне, с которой тесно связаны события нашего рассказа.

Прежде всего нужно твердо установить следующее: как справедливо пишет граф Парижский, бывший адъютантом генерала Мак Клеллана, в своей «Истории гражданской войны в Америке», причиной гражданской войны не был ни вопрос о тарифах, ни

национальная рознь между южанами и северянами. Англосаксонская раса преобладала одинаково на всей территории Соединенных Штатов, а торговые вопросы ни разу не затрагивались во время этой ужасной братоубийственной войны. «Вся вражда возгорелась исключительно из-за вопроса о рабовладении, которое, будучи уничтожено в одних штатах республики, процветало в других, посеяв между ними жестокую рознь. Рабовладение глубоко изменило нравы той части штатов, где оно процветало, ничуть как будто не повлияв на образ правления. Оно-то и послужило не просто поводом и предлогом, а единственной причиной того антагонизма, неизбежным последствием которого явилась гражданская война».

В рабовладельческих штатах общество разделялось на три класса. Внизу — четыре миллиона негров-рабов, цифра, равнявшаяся почти трети всего населения. Вверху — каста земельных собственников, в сущности малообразованных, но богатых, надменных людей, обладавших всей полнотой власти. Между этими двумя классами существовал третий, это был беспокойный класс неимущих, ленивых белых бедняков. Как ни странно, но представители этого класса оказались горячими сторонниками рабовладения: они боялись, что освобожденные негры легко поднимутся до их уровня.

Против Севера таким образом были не только богатые собственники, но и белые бедняки, — особенно жившие в деревнях среди негров-невольников. Борьба принимала все более ожесточенный характер, и даже в семьях раздор доходил до того, что нередко один брат сражался в рядах федералистов, а другой — под знаменем конфедератов. Но великий народ не остановился ни перед какими жертвами для коренного уничтожения рабства. Уже в конце XVIII века знаменитый Франклин настаивал на освобождении негров. В 1807 Джефферсон предложил конгрессу «воспретить торговлю неграми, что давно уже диктовалось самыми насущными интересами страны, ее моралью и честью». У Севера таким образом имелись серьезные основания, чтобы выступить на покорение Юга. Результатом этой победы было укрепление единства республики и разрушение

вредного и ошибочного убеждения, что для американского гражданина в первую очередь обязательны законы его штата и лишь во вторую — законы всей федерации.

Первые осложнения, вызванные рабовладением, возникли именно во Флориде. В начале XIX века индейский вождь Оссеола взял в жены беглую невольницу родом из Эверглейдса, болотистой части Флориды. Однажды эта женщина была поймана и насильно увезена, как невольница. Оссеола поднял возмущение среди индейцев и повел их на рабовладельцев; он был схвачен, заключен в крепость, где и погиб. Но война продолжалась и, по словам историка Томаса Хиггинсона, обошлась Америке в три раза дороже, чем было некогда уплачено Испании за Флориду.

Вот вкратце как началась эта междоусобная война, и каково было положение дел в феврале 1862 года, когда на долю Джемса Бербанка и его семьи выпали столь тяжелые испытания, что мы сочли возможным сделать их предметом нашего повествования.

Шестнадцатого октября 1859 года капитан Джон Браун, героически боровшийся за освобождение негров, с небольшим отрядом беглых невольников отважно овладел Гарперс-Ферри в Виргинии. Целью его, как он заявлял во всеуслышанье, было освобождение чернокожих от рабства. Он был разбит отрядами милиции, захвачен в плен, приговорен к смертной казни и повешен с шестью своими сообщниками 2 декабря 1859 года в Чарлстоне.

Двадцатого декабря 1860 года в Южной Каролине состоялся конгресс южан, на котором единодушно был принят декрет об отделении от Северных штатов. 4 марта 1861 года, в Вашингтоне, был избран президентом республики Авраам Линкольн. Южные штаты видели в его избрании угрозу рабовладению. 11 апреля 1861 года южане под командою генерала Борегара взяли форт Самтер, защищавший Чарлстонский рейд. Северная Каролина, Виргиния, Арканзас и Теннесси немедленно присоединились к сепаратистам.

Федеральное правительство собрало 75 тысяч волонтеров, чтобы защитить прежде всего Вашингтон, сто-

лицу Соединенных Штатов, от внезапного нападения южан. Началась усиленная заготовка оружия и боевых припасов: арсеналы Севера были пусты, тогда как у южан имелись богатые военные склады еще со времен президента Бьюкенена. Северяне ценою героических усилий пополняют свои боевые запасы. Потом Авраам Линкольн объявляет блокаду всех портов Юга.

Военные действия открылись прежде всего в штате Виргинии. Генерал Мак Клеллан отбросил мятежников к западу, но 21 июля федералисты под командованием Мак Довелла потерпели жестокое поражение при Булл-Ране и отступили к Вашингтону, который подвергся большой опасности, тогда как южанам не приходилось уже более бояться за свою столицу Ричмонд. Несколько месяцев спустя северяне снова были разбиты при Болл-Блаффе, но зато и южане потеряли форт Гаттерас и Порт-Ройял-Харбур, овладеть которыми им больше уже не удалось. В конце 1861 года главнокомандующим федеральной армии был назначен генерал Джордж Мак Клеллан.

В том году каперские корабли южан бороздили моря Старого и Нового Света. Они находили себе убежище в портах Англии, Франции, Португалии и Испании. Это было большой ошибкой со стороны упомянутых держав, ибо тем самым за южанами признавались права воюющей стороны, и война затягивалась.

Последовал ряд знаменитых морских сражений. «Самтер» и его прославленный капитан Семс. Появление судна-тарана «Манассас». Морское сражение 12 октября в устье Миссисипи. Захват 8 ноября английского судна «Трент», на борту которого капитаном Уилксом были взяты в плен конфедератские уполномоченные, что чуть было не вызвало войны между Соединенными Штатами и Англией.

Между тем кровавые битвы на суше сопровождались переменным успехом. Фронт доходил уже до штата Миссури. У северян был убит генерал Лайон, вследствие чего их армия отступила к Ролле, а генерал Прайс с войсками конфедератов двинулся на север. 21 октября происходит сражение у Фредериктауна, 25-го у Спрингфилда, а 27-го того же месяца Фремон

с федералистами занимает этот город. 19 декабря произошло сражение при Белмонте между войсками генерала Гранта и Полком, решающего значения не имевшее. Затем военные действия прекращаются ввиду наступления сильных холодов.

В первые месяцы 1862 года обе воюющие стороны развивают поистине огромную энергию. Конгресс Северных штатов вотировал заем в полмиллиарда долларов и предоставил президенту Линкольну право набрать пятьсот тысяч волонтеров; затем к концу войны их численность возросла до миллиона... Формируются несколько армий, самую сильную из которых была Потомакская. Ими командуют генералы Грант, Шерман, Мак Клеллан, — перечисляем только самых известных. Должны быть двинуты в бой войска всех родов оружия. В кавалерии, артиллерии, пехоте и инженерных войсках почти по одному и тому же образцу формируются дивизии. Изготавливаются в огромном количестве орудия и боевые припасы: карабины Минье и Кольта, нарезные пушки системы Пэрротта и Родмена, гладкостенные пушки и единороги Дальгрена, гаубицы, картечницы, шрапнель, создаются осадные парки. Организуются военный телеграф и воздухоплавательные парки, корреспонденция с театра войны в крупнейших газетах, обозная часть с восьмьюдесятью четырьмя тысячами мулов, запряженных в двадцать тысяч повозок. Заготовкой всех видов снабжения ведает начальник интендантской службы. Строятся новые военные корабли с тараном полковника Эллета, канонерки коммодора Фута, впервые участвующие в морских сражениях.

Не отставали от своих противников и южане. Хотя пушечные заводы имелись и в Новом Орлеане и в Мемфисе, сталелитейные заводы, выпускающие пушки системы Пэрротта и Родмена в Тредогаре подле Ричмонда, но всего этого мало. Конфедератское правительство ищет помощи в Европе. Льеж и Бирмингем шлют ему суда, груженные оружием — артиллерийские орудия системы Армстронга и Витворта. Нарушителям блокады, устремляющимся в порты конфедератов в погоне за дешевым хлопком, удается получить его лишь в

обмен на военное снаряжение. Организуется армия. Ее возглавляют генералы Джонстон, Ли, Борегар, Джексон, Критенден, Флloyd, Пиллоу. Конгресс южан 8 августа вотировал своему президенту Джефферсону Дэвису кредит на снаряжение четырехсот тысяч волонтеров, вербовавшихся сроком от года до трех лет, к которым присоединялись, кроме того, нерегулярные войска — милиция и ополчение.

Но эта лихорадочная подготовка к войне не мешает возобновлению военных действий во второй половине зимы. Из всей территории рабовладельческого Юга федеральное правительство заняло к этому времени только Мэриленд, западную Виргинию, часть штата Кентукки, большую часть штата Миссури и несколько пунктов на побережье.

Военные действия возобновляются прежде всего в восточной части Кентукки. 7 января Гарфилд разбил конфедератов при Мидл-Крике, а 20-го они снова потерпели поражение при Логан-Кроссе. 2 февраля генерал Грант погрузился с двумя дивизиями на большие пароходы, плававшие по реке Теннесси; при поддержке броненосной флотилии Фута он занял 6 февраля форт Генри, прорвав таким образом цепь укреплений, на которой базировалась, по словам историка этой гражданской войны, «вся система обороны» конфедератского генерала Джонстона. Камберленд и главный город Теннесси оказались таким образом под прямой и непосредственной угрозой армии федералистов. И Джонстон поэтому вынужден был сосредоточить все свои силы около форта Донелсона, чтобы закрепиться для обороны в более удобном стратегическом пункте.

В это время корпус в шестнадцать тысяч человек под командой Бернсайда и флотилия из двадцати четырех приспособленных для военных целей пароходов с пятьюдесятью транспортными судами спускаются по Чесапику и отплывают 12 января из Хамптон-Родса. Несмотря на сильную бурю, флотилия эта достигла 24 января Пимлико-Саунда, чтобы захватить остров Роанок и овладеть побережьем Северной Каролины. Но остров укреплен. На западе вход в пролив защищен заграждением из затопленных судов. Подступ к

острову затрудняют артиллерийские батареи и полевые укрепления. Пять-шесть тысяч человек при поддержке флотилии из семи канонерок охраняют его. И все же, несмотря на мужественную защиту, с 7 на 8 февраля Бернсайд берет остров, захватив при этом двадцать пушек и более двух тысяч пленных. На следующий день федералисты овладели Элизабет-Сити и всем побережьем Олбемарл-Саунда, то есть всей северной частью этого внутреннего моря.

Чтобы полностью обрисовать положение дел до 6 февраля, необходимо упомянуть еще о защитнике Виргинии — солдате-пуританине, бывшем преподавателе химии, конфедератском генерале Джексоне. После отозвания Ли в Ричмонд Джексон командует армией южан и 1 января выступает с десятью тысячами человек из Винчестера через Аллеганы, чтобы захватить Бат, стоящий на железнодорожном пути в Огайо. Но из-за жестоких морозов и снежных бурь он вынужден вернуться в Винчестер, не дойдя до своей цели.

Вот что происходит тем временем на южном побережье от Каролины до Флориды.

Со второй половины 1861 года у федералистов уже было достаточно быстроходных судов, чтобы контролировать это побережье, хотя им и не удалось захватить знаменитый «Самтер», который в январе 1862 года ушел в Гибралтар, чтобы потом уже плавать в европейских водах. «Джефферсон-Дэвис», спасаясь от федералистов, хотел укрыться в Сент-Огастине, но гибнет при входе в пролив. Почти одновременно «Андерсон», одно из судов, крейсирующих у берегов Флориды, захватывает каперское судно «Борегар». Но в Англии готовы уже новые каперские судна. Тогда Авраам Линкольн издает приказ о распространении блокады на берега Виргинии и Северной Каролины — фиктивная блокада, ибо она должна была охватить четыре тысячи пятьсот километров побережья, для наблюдения же за ними у северян имелось всего лишь две эскадры: одна для блокады берегов Атлантики, другая — Мексиканского залива.

Двенадцатого октября конфедераты пытаются впервые освободить устье Миссисипи с помощью броненосца

«Манассас» и флотилии брандеров. «Манассас» был первым бронированным судном. Попытка эта не удалась, и корвет «Ричмонд» 29 декабря ушел целым и невредимым; однако небольшой пароход «Си-Бёрд» сумел захватить шхуну федералистов у форта Монро.

Но северянам необходимо было получить оперативную базу для крейсирования в Атлантическом океане. И федеральное правительство решает овладеть фортом Гаттерас, господствующим над проливом того же названия, которым так часто пользуются нарушители блокады. Гаттерас — неприступная крепость. Она защищена квадратным редутом — фортом Кларк. Крепость охранялась гарнизоном в тысячу человек и 7-м полком Северной Каролины. Но этого оказалось недостаточно. Федералистская эскадра, состоящая из двух фрегатов, трех корветов, одного вестового судна и двух больших пароходов, 27 августа стала на якорь у пролива. Форт был атакован коммодором Стрингемом и генералом Батлером. Редут взят. Крепость Гаттерас после довольно длительного сопротивления подняла белый флаг. И северяне получают на все время войны оперативную базу.

В ноябре, несмотря на сопротивление конфедератов, в руки федералистов попадает остров Санта-Роза, находящийся к востоку от Пенсаколы в Мексиканском заливе и считающийся частью флоридского побережья.

Но для успешного ведения дальнейших операций одной крепости Гаттераса было недостаточно. Понадобились еще и другие опорные пункты на побережьях Южной Каролины, Джорджии, Флориды. Два паровых фрегата «Уобаш» и «Сосквеган» и три парусных, пять корветов, шесть канонерок, несколько разведочных судов, двадцать пять угольщиков, груженных продовольствием и боевыми припасами, и тридцать два парохода, вмещающие пятнадцать тысяч шестьсот человек солдат под командой генерала Шермана, отданы под начало коммодору Дюпону. 25 октября эта флотилия снимается с якоря у порта Монро. Попад в жестокий шторм у мыса Гаттераса, она обследует пролив Хилтон-Хед между Чарлстоном и Саванной. Там находится Порт-Ройял — одна из крупнейших бухт в Штатах, где

сосредоточены силы южан под командой генерала Риплея. Два форта, находящиеся на расстоянии четырех тысяч метров друг от друга — Уолкер и Борегар, — охраняют вход в бухту. Ее защищают восемь военных паровых судов, а благодаря песчаной отмели она почти недоступна для неприятельского флота.

Пятого ноября фарватер был обследован, и Дюпон, обменявшись лишь несколькими пушечными выстрелами с южанами, проникает в бухту. Высадить войска генерала Шермана ему пока не удастся. 7-го числа до полудня он атакует форт Уолкер, а вслед затем и форт Борегар. Он ведет по ним ураганный огонь, засыпает их крупнейшими снарядами. И оба форта эвакуированы. Федералисты завладевают ими почти без боя. Шерман занимает этот важнейший стратегический пункт, необходимый для дальнейшего развития военных операций. То был удар, нанесенный в самое сердце рабовладельческих штатов. В руки федералистов переходят затем один за другим соседние острова, даже остров Тайби и форт Пуласки на реке Саванне. К концу года в руках Дюпона оказываются пять крупнейших бухт: Норт-Эдисто, Святая Елена, Порт-Ройял, Тайби, Уорсо и целый ряд мелких островков, рассеянных у берегов Каролины и Джорджии. 1 января 1862 года он берет, наконец, военные укрепления конфедератов на берегах Кусоу.

Таково было положение воюющих сторон в начале февраля 1862 года. Таковы были успехи федерального правительства на Юге, когда корабли commodора Дюпона и войска Шермана подступили к границам Флориды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Семейство Бербанков

Был восьмой час вечера, когда Джемс Бербанк и Эдвард Кэррол поднялись по ступеням главного входа Касл-Хауса, обращенного к реке Сент-Джонс. Ведя за руку малютку, вслед за ними вошла и Зерма. Они

вступили в просторный холл, в глубине которого под круглым сводом расходилась двумя маршами лестница, ведущая в верхние этажи.

Приезжих встретили миссис Бербанк и Пэрри — главный управляющий плантации.

— Что нового в Джэксонвилле?

— Ничего, мой друг.

— А от Джилберта есть известие?

— Есть... письмо.

— Ну, слава богу!

Таковы были первые слова, которыми обменялись супруги Бербанк.

Обняв жену и свою маленькую дочку Ди, Джемс Бербанк распечатал поданное ему письмо.

До приезда Бербанка оно лежало не вскрытым. Положение писавшего письмо и его семейства во Флориде было таково, что миссис Бербанк желала, чтобы ее муж первый познакомился с содержанием этого послания.

— Оно пришло, конечно, не по почте? — спросил Джемс Бербанк.

— Разумеется, нет, мистер Джемс, — отвечал Пэрри. — Это было бы большой неосторожностью со стороны мистера Джилберта.

— Кто же его принес?

— Какой-то человек из штата Джорджии, на которого наш юный лейтенант мог, очевидно, вполне положиться.

— Когда оно получено?

— Вчера.

— А где этот человек?

— Ушел в тот же вечер.

— Ему, надеюсь, хорошо заплатили?

— Да, мой друг, — ответила миссис Бербанк, — но только не мы, а сам Джилберт. У нас он наотрез отказался что-либо взять.

Холл был освещен двумя лампами, стоявшими на мраморном столе перед большим диваном. Джемс Бербанк сел к этому столу, жена и дочь поместились подле него. Эдвард Кэррол, поздоровавшись с сестрой,

опустился в кресло, Зерма и Пэрри остались стоять около лестницы. Оба они были как бы членами семьи, и потому письмо можно было читать в их присутствии.

Джемс Бербанк распечатал письмо.

— Оно от третьего февраля, — сказал он.

— Написано четыре дня тому назад! При нынешних обстоятельствах — срок немалый, — заметил Кэррол.

— Читай же, папа, читай! — вскричала маленькая Ди с нетерпением, свойственным ее возрасту.

Вот что было в письме:

«На борту «Уобаш», на якоре близ Эдисто.

3 февраля, 1862.

Дорогой отец!

Во-первых — обнимаю тебя, матушку и сестренку, а также дядю Кэррола; Зерме передайте самый нежный привет от ее мужа, моего честного и преданного Марса. Мы с ним оба живы и здоровы и всею душою желали бы повидаться с вами. Кажется, это будет очень скоро, хотя нас за это проклянет мистер Пэрри, наш почтенный управляющий и горячий сторонник рабовладения, всегда так пламенно негодующий на успехи Севера».

— Это в ваш огород, Пэрри, — сказал Кэррол.

— Каждый имеет право держаться на этот счет своих убеждений, — ответил Пэрри тоном человека, не желающего их менять.

— «Это письмо вам доставит верный человек, — продолжал читать Бербанк, — поэтому можете быть совершенно спокойны. Вы, вероятно, уже знаете, что эскадра commodore Дюпона овладела бухтою Порт-Рояля и соседними островами. Север понемногу берет верх над Югом. Вполне вероятно, что федеральное правительство в скором времени попытается занять главнейшие порты Флориды. У нас поговаривают о предстоящей совместной экспедиции Дюпона и Шермана, которая предполагается в конце месяца. Очень может быть, что в таком случае нам поручат занять бухту Сент-Андрус, откуда нетрудно уже будет проникнуть и в самый штат Флориду.

Как мне хочется поскорее попасть туда, дорогой отец, — в особенности вместе с нашей победоносной эскадрой! Меня не перестает беспокоить положение нашего семейства среди враждебного сепаратистского населения. Но я все же твердо верю в близкое торжество тех идей, сторонниками которых всегда были обитатели Кэмдлес-Бея.

Ах, если бы я только мог хоть на сутки вырваться, чтобы повидаться с вами! Но нет! Это было бы слишком неблагоразумно как в отношении меня самого, так и в отношении вас; лучше уж набраться терпения. Еще каких-нибудь несколько недель, и мы будем все вместе в Касл-Хаусе!

Кончаю письмо и стараюсь вспомнить, не забыл ли я кому-нибудь послать привет. Так и есть, забыл: поклонитесь мистеру Стэннард и моей прелестной Алисе, по которой я так соскучился. Передайте мой сердечный привет ее отцу, а Алисе — что мои мысли всегда и неизменно с нею.

Твой почтительный и сердечно любящий сын

Джилберт Бербанк».

Джемс Бербанк положил прочитанное письмо на стол, а миссис Бербанк сейчас же взяла его и поцеловала. Потом и маленькая Ди крепко прижалась губами к тому месту, где стояла подпись ее брата.

— Славный юноша! — заметил Эдвард Кэррол.

— Да и Марс тоже славный! — сказала миссис Бербанк, взглянув на Зерму, которая обняла подбежавшую к ней Ди. — Надо известить Алису, что мы получили от Джилберта письмо, — прибавила она.

— Я напишу ей, — отвечал Джемс Бербанк. — Впрочем, я сам на днях съезжу в Джэксонвилл и повидаюсь с Стэннардом. С того времени, как Джилберт написал это письмо, вероятно, получены уже новые известия о предполагаемой экспедиции. Хоть бы скорее пришли наши друзья-северяне и Флорида вернулась бы под звездное знамя! Наше положение здесь становится просто невыносимым.

Действительно, с тех пор как военные действия стали приближаться к югу, во Флориде наблюдалось

резкое изменение во взглядах на вопрос, посеявший раздор между Севером и Югом.

В жизни Флориды — бывшей испанской колонии — рабство до того времени большой роли не играло, и в борьбе за него она не принимала столь деятельного участия, как Виргиния или обе Каролины. Но у сепаратистов теперь появились вожаки; эти люди, готовые поднять мятеж и надеявшиеся извлечь из него личные выгоды, оказывали давление на власти Сент-Огастина и особенно Джэксонвилла, где они опирались на подонки городского населения. Вот почему Джемс Бербанк, северянин, взгляды которого были хорошо известны в округе, мог оказаться в очень опасном положении.

Джемс Бербанк поселился в Кэмдлес-Бее около двадцати лет назад. Он приехал с женою и четырехлетним сыном из Нью-Джерси, где у него тоже были поместья. Мы уже видели, как стала процветать плантация благодаря его стараниям и при содействии его шурина Эдварда Кэррола. И это поместье, доставшееся ему от предков, очень полюбилось ему. Здесь же, пятнадцать лет спустя после того как он поселился в Касл-Хаусе, у него родилась и маленькая Ди.

Джемсу Бербанку исполнилось сорок шесть лет. Это был человек крепкого сложения, деятельный и выносливый в труде; характер он имел энергичный, твердо держался своих убеждений и ни перед кем не стеснялся высказывать их. Высокого роста, с пробивающейся уже сединой, он был несколько суров с виду, но производил впечатление человека прямого и обходительного. По североамериканской моде он не носил ни усов, ни бакенбард, а только бородку и представлял поэтому чистейший тип янки из Новой Англии. Он пользовался на плантации всеобщей любовью, потому что был добр, и его слушались, потому что был справедлив. Его негры были ему глубоко преданы, и Джемс Бербанк с нетерпением лишь дожидался благоприятного момента, чтобы освободить их. Его шурин был приблизительно одного с ним возраста; он заведовал счетной частью в хозяйстве Кэмдлес-Бея. Эдвард Кэррол сходил

вообще в убеждениях со своим зятем, и на рабство у обоих были совершенно одинаковые взгляды.

На всей плантации один лишь управляющий Пэрри был упорным сторонником рабовладения. Не следует, однако, думать, что этот достойный человек дурно обращался с неграми, — наоборот, он всячески о них заботился. «Но, — утверждал он, — в некоторых жарких странах обработку земли можно поручить только неграм, а свободные негры — это уже не негры!»

Свою теорию Пэрри горячо отстаивал при всяком удобном случае, но никто на это не обращал внимания, и на него за это не сердились. Сам же он выходил из себя, когда узнавал о военных успехах федералистов.

— И не приведи бог, что у нас тут будет, — говорил он, — когда мистер Бербанк освободит своих негров.

Но, в общем, это был превосходный и мужественный человек. И когда Джеймс Бербанк и Эдвард Кэррол записались в отряд милиции, участники которого назывались «minute-man» — «человек-минута», ибо в любой момент должны были быть готовы взяться за оружие, — он храбро присоединился к ним для борьбы с последними отрядами индейцев-семинолов.

Миссис Бербанк была в то время красивой сорокалетней женщиной; дочь ее обещала со временем походить на нее. Для мужа своего она была нежной и любящей подругой и немало способствовала его счастью. Она жила только для мужа и детей и теперь непрестанно трепетала за них с тех пор, как им угрожали превратности гражданской войны, докатившейся уже до Флориды. Ее шестилетняя дочка Диана, или, вернее, Ди, как звали ее в семье, была, правда, с нею, но единственный ее сын Джилберт был далеко, и миссис Бербанк не всегда удавалось скрыть свой мучительный страх за него.

Джилберту было двадцать четыре года; как внешне, так и всем своим внутренним обликом он очень походил на своего отца, но отличался большею непосредственностью и обаянием. Храбрец, искусный во всех видах спорта, он был прекрасным наездником, пловцом и охотником, к великому ужасу своей матери

нередко избиравшим ареной своих подвигов дремучие леса и топкие болота графства Дьювал или бухты и русло Сент-Джонса, вплоть до самого его устья. Когда раздался первый выстрелы войны за освобождение негров, Джилберт оказался таким образом вполне подготовленным ко всем трудностям солдатской жизни. Долг призывал его вступить в ряды армии федералистов, что он и сделал без малейшего колебания. Он спросил у отца разрешения. Как ни была огорчена жена, какими бы последствиями ни грозило ему самому решение Джилберта, — Джемс Бербанк и не подумал противиться желанию сына. Он, как и сам Джилберт, считал, что в этом долг юноши, а долг превышает всего.

Джилберт уехал на Север, но отъезд его держался в строжайшей тайне. Если бы в Джэксонвилле узнали, что сын Джемса Бербанка в рядах армии северян, — это могло бы навлечь преследования на обитателей Кэмпдлес-Бея.

Молодой человек уехал с рекомендательными письмами к нью-джерсийским друзьям отца, и так как его всегда влекло к морю, то его определили во флот. В то время можно было быстро продвинуться по службе, а Джилберт был не из тех, кто плетется в хвосте. Вашингтонское правительство обратило внимание на двадцатичетырехлетнего юношу, не побоявшегося вступить в ряды аболиционистов, хотя семья его оставалась во враждебном федералистам крае. Вскоре Джилберт отличился при нападении на форт Самтер. Он был на «Ричмонде», когда этот корабль в устье Миссисипи подвергся нападению «Манассаса», и своей отвагой немало содействовал удачному исходу боя. После этого дела его сейчас же произвели в мичманы, хотя он и не учился в морском училище в Аннаполисе, как, впрочем, и все молодые офицеры, призванные из торгового флота. В новом чине Джилберт получил назначение в эскадру Дюпона и отличился в блистательном деле против форта Гаттераса и при взятии Си-Айленда, за что был произведен в лейтенанты и назначен на одну из канонерок Дюпона, собиравшихся форсировать фарватер реки Сент-Джонс.

Молодому человеку тоже не терпелось, чтобы поскорее окончилась эта кровопролитная война. Он любил и был любим. По окончании войны он надеялся вернуться в Кэмдлес-Бей и жениться на дочери лучшего друга своего отца, мисс Алисе Стэннард.

Мистер Стэннард не был флоридским землевладельцем. Человек состоятельный, он, овдовев, решил всецело посвятить себя воспитанию дочери. Он жил в Джэксонвилле, от которого до Кэмдлес-Бея было всего лишь три или четыре мили вверх по реке. С семейством Бербанков его связывала вот уже пятнадцать лет самая тесная дружба, и не проходило недели, чтобы он не побывал у своих друзей в Касл-Хаусе. Джилберт и Алиса Стэннард, можно сказать, выросли вместе. И брак между ними, давно задуманный их родителями и суливший прочное счастье молодым людям, был теперь решен окончательно. Хотя Уолтер Стэннард был южанином, однако он, как и некоторые из его сограждан, стоял за уничтожение рабства. Их, впрочем, было слишком мало, чтобы противостоять большинству землевладельцев Флориды и жителей Джэксонвилла, все больше и больше склонявшихся на сторону сепаратистов. И флоридские вожаки сепаратистов, опиравшиеся на подонки населения, всегда готовые к мятежу и насилиям, начинали на них косо поглядывать.

Родом Уолтер Стэннард был из Нового Орлеана. Его покойная жена была француженкой и умерла в молодости, оставив ему дочь, которая унаследовала от матери великодушие и благородство души. Когда Джилберт уезжал в армию, Алиса проявила большое мужество, стараясь утешить миссис Бербанк и внушить ей бодрость. Глубоко и нежно любя своего жениха, она тем не менее твердила его матери, что долг Джилберта идти на войну, чтобы сражаться за освобождение части человечества. Невесте молодого Бербанка было в это время девятнадцать лет; это была красивая белокурая девушка с темнокарими, почти черными глазами, очаровательным цветом лица, стройная и прекрасно воспитанная. Она была с виду несколько серьезна, но когда улыбалась — улыбка совершенно преображала ее хорошенькое личико.

Описание семейства Бербанков будет неполно, если мы не упомянем о двух их преданных слугах, о Марсе и Зерме.

Мы уже видели из письма Джилберта, что он уехал на войну не один, а с Марсом. Молодой человек не мог выбрать себе более преданного товарища, чем этого невольника с плантации отца, ставшего, впрочем, вольным человеком с момента своего вступления на территорию Севера. Но для Марса Джилберт остался попрежнему господином, которого он ни за что не хотел покинуть, хотя и мог бы поступить волонтером в один из негритянских батальонов, формировавшихся уже тогда вашингтонским правительством.

Марс и Зерма были мулатами. Брат Зермы, Роберт Смолль, — знаменитый герой-невольник, который через четыре месяца после описываемых событий захватил у конфедератов в самой бухте Чарлстона небольшой пароход с двумя пушками и передал федеральному флоту.

Зерме было от кого позаимствовать душевное благородство и мужество. Марсу тоже. Это была счастливая пара, которую в первые годы супружеской жизни несколько раз едва не разлучила гнусная торговля людьми. Но случай устроил так, что как раз, когда они едва не были проданы врозь, оба они попали в услужение на плантацию Кэмдлес-Бей.

Вот как это случилось.

Зерме шел теперь тридцать второй год, Марсу тридцать шестой. Они поженились семь лет назад, когда принадлежали еще прежнему своему владельцу, плантатору Тикборну, владения которого находились в двадцати милях от Кэмдлес-Бея вверх по течению Сент-Джонса. Уже в продолжение многих лет этот плантатор часто встречался с Тексаром, который находил в его доме радушный прием. Вообще говоря, Тикборн не пользовался уважением в графстве. Человек он был недалекий, дела свои страшно запутал и в конце концов вынужден был продать часть своих невольников.

Приблизительно в это время Зерма, несчастная, как и вообще все негры с плантации Тикборна, родила ребенка, которого у нее сейчас же отняли, а сама она

была посажена в тюрьму за преступление, которого не совершила. Ребенок вскоре умер. Велико было горе Зермы и негодование Марса, но что могли они, бесправные рабы, сделать против своего господина, которому они принадлежали как вещь, потому что он их купил?

На этом, однако, не кончились беды несчастных супругов. На следующий же день после смерти ребенка их повели продавать с молотка и чуть было не разлучили. У них не было никакой надежды, что у нового хозяина они окажутся вместе. И действительно, на Зерму скоро нашелся покупатель, но только на одну Зерму, без Марса. Покупатель этот был Тексар. Никакой плантации у него не было, и зачем ему понадобилась Зерма — неизвестно. Просто так, по какой-то причуде. Тикборн уже готовился покончить дело со своим приятелем, как вдруг подвернулся новый, более выгодный покупатель.

Джемс Бербанк случайно зашел на публичную продажу негров Тикборна и был тронут участью несчастной мулатки, тщетно молившей, чтобы ее не разлучали с мужем.

Бербанку нужна была кормилица для новорожденной дочки. Узнав, что среди выведенных на аукцион невольников Тикборна есть женщина, недавно потерявшая своего ребенка, он пожелал купить ее. Тронутый слезами Зермы, он купил за высокую цену не только ее, но и Марса.

Тексар знал Джемса Бербанка, который неоднократно выгонял его из своих владений как человека с сомнительной репутацией. С тех самых пор Тексар и возненавидел всеми силами души семью владельца Кэмдлес-Бея.

Тщетно Тексар пробовал бороться со своим богатым соперником и удвоил цену, которую запросил Тикборн за мулатку и ее мужа. Он только заставил Джемса Бербанка заплатить за свою покупку втридорога. В конце концов Марс и Зерма достались все же владельцу Кэмдлес-Бея.

Таким образом муж и жена только остались в выигрыше: во-первых, они не были разлучены, а во-вто-

рых, достались гуманнейшему плантатору во всей Флориде. Это смягчило их горе; они могли теперь без ужаса смотреть на свое будущее.

Прошло шесть лет, а мулатка Зерма все еще была в полном расцвете своей своеобразной красоты. Господам своим она была предана всей душой, что уже неоднократно доказала и смогла доказать в дальнейшем. Марс тоже выказывал себя вполне достойным своей жены, с которой был навеки соединен великодушным поступком Джемса Бербанка. Он был образцом тех негров, в жилах которых течет немало креольской крови. Рослый, сильный и бесстрашный, он мог оказать неоценимые услуги своему новому хозяину.

Когда вновь купленные невольники попали на плантацию, с ними стали обращаться не как с рабами, а как со свободными людьми. Все сразу же оценили их доброту, честность и сообразительность. Марса специально приставили к молодому Джилберту Бербанку, а Зерма стала кормилицей Ди, и оба невольника превратились как бы в членов семейства Бербанков.

Зерма перенесла на маленькую Диану весь неизрасходованный запас материнской любви. Ди платила за это своей кормилице глубокой детской привязанностью, а миссис Бербанк питала к мулатке чувства дружбы и искренней признательности.

Такая же дружба существовала между Джилбертом и Марсом. Ловкий, проворный и сильный мулат обучил своего молодого господина всем видам спорта. Джемс Бербанк был очень рад, что приставил его к сыну.

Уйдя из-под власти Тикборна, Марс и Зерма были как нельзя более довольны своим положением и благословляли судьбу, избавившую их от ужаса попасть в руки Тексара. Они никогда не забывали, кому были этим обязаны.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Черная бухта

На другой день рано утром по берегу одного из островков, затерянных в глубине Черной бухты, прохаживался какой-то человек.

То был Тексар.

В нескольких шагах от него только что причалил индеец на той же самой лодке, которая подплыла накануне к «Шаннон».

То был Скуамбо.

Пройдясь несколько раз взад и вперед, Тексар остановился у одной из магнолий, пригнул нижнюю ветку и сорвал с нее лист вместе со стебельком. Потом он вырвал из записной книжки страницу, на которой было написано чернилами несколько слов, и, тонко скатав ее, подsunул под прожилки нижней стороны листа магнолии. Это было так ловко сделано, что сверху вид листа ничуть не изменился.

Затем Тексар позвал:

— Скуамбо!

— Что, господин? — откликнулся индеец.

— Поезжай куда тебе велено!

Скуамбо взял лист магнолии; усевшись в лодку, он положил его перед собой; затем, энергично работая веслом, он обогнул оконечность островка и углубился в извилистый проток, скрытый под густым сводом ветвей.

Лагуна была изрезана целой сетью таких протоков, с мутною черною водою, как в некоторых европейских садоводствах. Кто не знал всех ходов и выходов этого лабиринта, тот непременно заплутался бы в лагуне среди всех ответвлений Сент-Джонса и никогда бы оттуда не выбрался.

Скуамбо плыл уверенно и смело, направляя свой челн туда, откуда, казалось, не было никакого выхода. Он раздвигал низко нависшие над водою ветки, которые снова смыкались за ним, так что никто бы не подумал, что тут сейчас проплыла лодка.

Индеец уверенно плыл по извилистым протокам, местам еще более узким, чем те канавки, которыми дренируют луга. При его приближении взлетали испуганные им стаи водоплавающих птиц. Скользкие угри бесшумно извивались среди видневшихся из воды корней. Скуамбо не обращал на них никакого внимания; не заботился он и о спавших в иле кайманах, которых легко мог разбудить, задев их лодкой. Он все плыл вперед, в узких местах работая веслом, точно багром.

Утро становилось все светлее, и ночной туман поднимался к небу, разгоняемый первыми лучами солнца, но под непроницаемым зеленым сводом, закрывавшим протоки, этого не было видно. Сквозь заросли не могли проникнуть даже отвесные лучи полуденного солнца. Впрочем, это болотистое, сырое место и не нуждалось в ярком дневном свете; для пресмыкающихся и гадов, кишаших в этой черноватой воде, для всех разновидностей болотных растений, плавающих на ее поверхности, полусвет был гораздо приятнее.

Около получаса Скуамбо лавировал между островами. Когда он, наконец, остановился, челнок достиг одного из самых отдаленных закоулков бухты.

В этом месте кончалась уже болотистая часть лагуны, деревья росли не так густо и пропускали лучи солнца.

Дальше открывалась большая низменная равнина, окаймленная лесом. На ней росло пять-шесть деревьев. Болотистая почва была покрыта кочками и, как матрац, пружинилась под ногами. Кое-где в причудливом беспорядке на ней разбросаны были чахлые деревья сассофрасса и кустики лиловатых ягод.

Привязав свой челнок к стволу прибрежного дерева, Скуамбо сошел на берег. Ночной туман редел. Пустынный луг выступал все яснее из окутывавшей его дымки. Среди пяти или шести деревьев, очертания которых смутно вырисовывались во мгле, росла невысокая магнолия.

Индеец направился прямо к дереву. Наклонив одну из веток магнолии, он прикрепил к ней лист, данный ему Тексаром, и, когда выпущенная из рук ветвь вернулась в прежнее свое положение, этот лист затерялся среди зелени.

Скуамбо сел снова в челн и поплыл к островку, где его дожидался Тексар.

Черная бухта, получившая свое название от цвета воды в ней, была размером в пятьсот — шестьсот акров. Она питалась водами Сент-Джонса и представляла собою нечто вроде архипелага — множество мелких островков, среди которых наверное заплутался бы всякий, недостаточно хорошо знакомый с сетью извили-

стых протоков. Там было что-то около сотни островков, которые не соединялись между собою ни мостами, ни перемычками, только цепкие лианы да местами высокие развесистые деревья сплетались ветвями над разделявшими их рукавами реки. Установить сообщение между островками было таким образом нелегко.

Один из островков, находящийся в самом центре бухты, был наиболее значительным как по своим размерам — акров двадцать, так и по высоте — футов пять или шесть над средним уровнем воды в Сент-Джонсе. Когда-то в старину здесь был построен небольшой форт, или блокгауз. Теперь он был совершенно заброшен, но его полусгнивший деревянный палисад еще стоял под разросшимися большими деревьями — магнолиями, кипарисами, дубами, черным орехом, южной сосной, увитыми длинными гирляндами кобеи и лиан.

Сам форт, вернее, наблюдательный пункт, стоял внутри палисада, едва виднеясь сквозь чащу деревьев. Он был невелик и рассчитан, вероятно, человек на двадцать гарнизона. В деревянных стенах были проделаны бойницы. Дом, словно черепаха панцирем, прикрыт был дерновою крышей. Внутри центрального помещения устроено было несколько комнат, примыкавших к кладовой, предназначавшейся для хранения боевых припасов и провизии. Чтобы проникнуть в блокгауз, нужно было попасть сперва за ограду, пройдя через узкий потайной вход в палисаде, потом перейти обсаженный деревьями двор и, наконец, подняться по двенадцати ступеням, прорытым в земле и укрепленным бревнами. Тогда можно было войти в дом через единственную дверь, переделанную из прежней амбразуры.

Таково было постоянное, никому не ведомое убежище Тексара. Там, скрываясь от людских глаз, жил он со своим Скуамбо, очень ему преданным и в моральном отношении вполне его достойным. Кроме Скуамбо, там находилось пять или шесть негров-невольников, которые были ничуть не лучше индейца.

Как видит читатель, жилище Тексара роскошью не отличалось и не могло равняться с богатыми усадьбами, расположенными по обоим берегам Сент-Джонса.

Тексар и его слуги не были обеспечены там даже самым необходимым, хотя и не отличались требовательностью. Что мог им дать пустынный островок? С полдюжины домашних животных, небольшой огород, огурцы, картофель, ямс, десятка два фруктовых деревьев-дичков да охота в лесу и рыбная ловля в лагуне в любое время года. Но, очевидно, у обитателей блокгауза были еще какие-нибудь другие источники дохода, известные одному лишь Тексару да еще Скуамбо.

Зато неприступность блокгауза вполне обеспечивала безопасность его обитателей. Да и кто стал бы на них нападать и с какой стати? А если б это случилось, то о приближении врага немедленно дали бы знать два громадных свирепых пса караибской породы, разведенной во Флориде испанцами для поимки беглых негров.

Вот что представляло собой жилище Тексара, вполне его достойное. А вот что за человек был он сам.

Тексару исполнилось тридцать пять лет. Среднего роста, коренастый и сильный, он был превосходно закален тем образом жизни, который постоянно вел. Он был испанцем по происхождению, о чем свидетельствовала его внешность. У него были черные жесткие волосы, густые брови, зеленоватые глаза, широкий с тонкими губами ввалившийся рот, точно прорезанный ударом сабли, и курносый нос с ноздрями хищного зверя. Все в нем изобличало человека коварного и с сильными страстями. Прежде он носил бороду, но потом, каким-то образом наполовину спалив ее, стал бриться, отчего грубость и жестокость его лица сделались еще заметнее.

Во Флориде этот авантюрист появился лет двенадцать назад и поселился в заброшенном блокгаузе, из которого его никто и не думал выгонять. Незвестно было, откуда он явился и как жил прежде, на этот счет он никогда не распространялся. Предполагали, — так оно и было в действительности, — что он занимался раньше торговлей неграми, продавая свой товар в портах Джорджии и обеих Каролин. Но, повидимому, он не нажил себе состояния этой гнусной торговлей.

Во всяком случае, он не пользовался ни малейшим уважением даже в краю, где подобные ему люди не являлись редкостью.

Хотя Тексара все знали с самой невыгодной стороны, это не мешало ему иметь большое влияние в графстве Дьювал и особенно в Джэксонвилле. Правда, влияние это распространялось лишь на наименее почтенную часть населения. Тексар ездил часто в Джэксонвилл по своим делам, о которых никогда не рассказывал. Там у него завелось немало друзей среди городских подонков. Мы уже видели, что он возвратился из Сент-Огастина не один, а в компании нескольких подозрительных личностей. Впрочем, под влиянием Тексара находились не только подонки общества, но также несколько землевладельцев по реке Сент-Джонс, и хотя сами они к нему не ездили, — ибо никто не знал, где он проживает, — зато принимали его у себя. Охота была естественным связующим звеном для людей сходных вкусов и нравов.

В последнее время влияние Тексара сильно возросло благодаря тому, что он вдруг объявил себя горячим сторонником определенных идей. Как только встал вопрос о рабовладении, Тексар тотчас же записался в ряды самых решительных и упорных приверженцев рабовладения. Он доказывал, что сам он лично не заинтересован в этом вопросе, ибо владеет всего лишь пятью-шестью невольниками, и если стоит за рабство, то только из принципа. Этот принцип он и намерен защищать. Но каким же способом? Он действовал на самые низменные инстинкты толпы, подстрекая ее к грабежу, поджогам и даже убийствам тех землевладельцев и жителей штата, которые разделяли взгляды северян. И теперь этот опасный авантюрист задался целью сменить администрацию Джэксонвилла и на место людей умеренных, всеми уважаемых, поставить ярых своих приверженцев. Став при помощи мятежа хозяином в графстве, он немедленно бы расправился со своими врагами.

Понятно, что Джемс Бербанк и его единомышленники зорко следили за поведением этого, столь опасного человека. Вот причина той страшной ненависти,

с одной стороны, и крайнего недоверия с другой, которые должны были лишь усилиться в связи с последующими событиями.

То, что стало известным о прошлой деятельности Тексара с тех пор, как он перестал заниматься торговлей неграми, было в достаточной мере подозрительным. Все наводило на мысль, что во время последнего нападения семинолов он имел с ними тайные сношения. Быть может, он указывал им, на какие плантации лучше напасть, где удобнее устроить засаду или ловушку? Так оно, вероятно, и было, потому что вслед за последним нападением индейцев местная власть сочла нужным арестовать испанца и привлечь к суду по обвинению в сообщничестве с семинолами. Но Тексару удалось доказать свое алиби — к этому способу защиты он с успехом прибегал и впоследствии. Было установлено, что во время нападения на ферму в графстве Дьювал он находился в Саванне, то есть на расстоянии сорока миль к северу от этой фермы, в штате Джорджии, за пределами Флориды.

В последующие годы на плантациях и почтовых дорогах Флориды участились грабежи и убийства. Во всех этих делах подозревался Тексар, но за неимением улик против него нельзя было начать судебного преследования.

Наконец представился, повидимому, удобный случай схватить на месте преступления злодея, ускользавшего до сих пор от правосудия. По этому именно делу его и вызывали накануне на суд в Сент-Огастин.

За неделю перед тем Джеймс Бербанк, Эдвард Кэррол и Уолтер Стэннард возвращались с одной из соседних плантаций. Дело было к вечеру, наступали сумерки. Вдруг до слуха их донеслись чьи-то вопли и стоны. Они поспешили в ту сторону, откуда слышались крики, и увидали перед собою уединенную ферму.

Ферма горела. Ее, вероятно, разграбили, а затем подожгли несколько злодеев, которые тем временем успели скрыться; Бербанку и его спутникам удалось заметить двоих бандитов, когда те пытались спрятаться в лесу; они бросились в погоню за грабителями. Догнать злодеев они не смогли, преступники успели

удрать, но Бербанк, Кэррол и Стэннард узнали одного из них: то был Тексар.

К этому присоединилось потом еще одно веское доказательство: пробегаая по опушке леса, испанец наткнулся на Зерму и чуть не сбил ее с ног. Она его тоже узнала, хотя испанец и улепetyивал во все лопатки.

Разумеется, история эта наделала в графстве много шума. Грабеж с поджогом — это было самым страшным преступлением в глазах поселенцев, рассеянных по обширным просторам Флориды. Джемс Бербанк немедленно сообщил суду о случившемся, и, основываясь на его показаниях, местные власти постановили привлечь Тексара к уголовной ответственности.

Испанец был доставлен в Сент-Огастин для очной ставки с уличавшими его свидетелями. Джемс Бербанк, Эдвард Кэррол, Уолтер Стэннард и Зерма единодушно подтвердили, что узнали Тексара в злоумышленнике, бежавшем с горевшей фермы. Они не колеблясь утверждали, что Тексар был одним из виновников преступления.

Со своей стороны и Тексар тоже вызвал нескольких свидетелей в Сент-Огастин; и те не менее торжественно утверждали, что в тот вечер, когда горела ферма, Тексар находился вместе с ними в Джэксонвилле, в таверне Торильо, хорошо известной, но пользующейся дурною славой. Тексар безотлучно находился там с ними весь вечер. При этом один из свидетелей привел очень убедительную подробность: у Тексара в тот вечер произошла стычка с каким-то посетителем таверны, они подрались, и противник Тексара намеревался даже подать на него жалобу в суд.

После такого категорического утверждения, поддержанного к тому же показаниями совершенно посторонних Тексару лиц, судье в Сент-Огастине не оставалось ничего другого, как прекратить следствие и снять обвинение с Тексара. Так что и на сей раз этому странному субъекту удалось полностью доказать свое алиби.

Вот после этого-то разбирательства, 7 февраля вечером, возвращался Тексар со своими свидетелями из

Сент-Огастина на пароходе «Шаннон». Мы уже видели, как он держал себя во время этого путешествия. С парохода испанец пересел в челнок к индейцу Скуамбо и вернулся в уединенный форт, куда последовать за ним было бы очень мудрено.

Что же касается Скуамбо, смышленного и хитрого семинола, ставшего его верным подручным, то Тексар его взял к себе на службу как раз после последнего набега индейцев, с которым — и с полным основанием — связывали имя испанца.

Джемса Бербанка Тексар смертельно ненавидел и только и думал, как бы жестоко отомстить ему. Если бы Тексару удалось действительно захватить власть в свои руки, то при всех случайностях, ежедневно порождаемых войной, он мог бы стать крайне опасным для обитателей Кэмдлес-Бея. Джемс Бербанк обладал характером мужественным и твердым и был, конечно, далек от того, чтобы бояться подобного человека, но зато миссис Бербанк ожидала грядущих событий с чувством гнетущей тревоги за мужа и за всю свою семью.

Но в каком беспрестанном мучительном страхе жила бы эта семья, если бы знала, что Тексар догадывается об участии Джилберта Бербанка в военных действиях против Юга.

Откуда злодей мог узнать эту тайну? Да через своих шпионов, которые из всех сил старались услужить ему.

Как же было не опасаться того, что Тексар, зная о службе молодого Бербанка в эскадре commodore Дюпона, попытается устроить молодому лейтенанту какую-нибудь ловушку? Но если бы негодяю удалось заманить юношу на флоридскую территорию и выдать его местным властям, то нетрудно догадаться, какую бы участь уготовили для сына Джемса Бербанка южане, раздраженные успехами федеральных войск.

Таково было положение дел в то время, с которого начинается наш рассказ. Таково было положение федералистов, находившихся почти у самых берегов Флориды, и семьи Бербанков, которая жила в самом сердце графства Дьювал. Таково было положение Тексара и не только в самом Джэксонвилле, но и на всей территории, занятой сторонниками рабовладения. Если

бы единомышленникам Тексара удалось взять верх, то испанцу нетрудно было бы поднять мятеж среди городских подонков и натравить их на противников рабства в Кэмдлес-Бее.

Приблизительно через час Скуамбо вернулся на центральный островок бухты: Он вытащил челнок на берег, проник внутрь ограды и поднялся по лестнице в блокгауз.

- Отвез? — спросил Тексар.
- Отвез, господин, — отвечал индеец.
- Ну, а там как?.. Ничего, а?
- Ничего, господин.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Джэксонвилл

— Нет, нет, Зерма, что ни говори, а ты для того только и рождена на свет, чтобы быть невольницей, — сказал, садясь на своего конька, управляющий плантации. — Невольницей, — повторил он вновь это слово, — а никак не свободной женщиной.

— Ну, а я держусь иного мнения, — спокойно возразила Зерма, ибо споры с управляющим Кэмдлес-Бея на эту тему стали для нее привычными.

— Держись, пожалуй, но только в конце концов ты все равно согласишься со мною, что полного равенства между белыми и черными быть не может.

— Да ведь оно существует и всегда существовало, мистер Пэрри, оно установлено самою природою.

— Самой природой? Но природа распорядилась так, что на земле белых в десять, в двадцать... куда там — в сто раз больше, чем черных.

— Вот потому-то им и удалось поработить негров. Сила была на их стороне, и они употребили ее во зло. Будь негры многочисленнее, тогда белые были бы у них рабами.. хотя нет, черные, наверно, оказались бы более справедливыми и, главное, не были бы так жестоки..,

Не следует, однако, думать, что подобные разговоры, к слову сказать, совершенно праздные, мешали Зерме и управляющему жить в добром согласии. Но в данную минуту им и делать было нечего, как только болтать. Они, конечно, могли бы выбрать для беседы и более полезную тему, если бы не мания Пэрри — вечно сводить разговор к вопросу о рабстве.

Оба они сидели на корме одной из лодок, которая управлялась четырьмя неграми. Они, пользуясь отливом, плыли в Джэксонвилл. Управляющий ехал по делам мистера Бербанка, а Зерма за кое-какими покупками для малютки Ди.

Это было 10 февраля, то есть через три дня после возвращения Джемса Бербанка в Касл-Хаус, а Тексара в Черную бухту.

Само собою разумеется, что на следующий же день по прибытии Джемса Бербанка домой мистер Стэннард и его дочь получили из Кэмдлес-Бея письмо, в котором было вкратце изложено то, что писал родителям Джибберт. Письмо пришло очень кстати, потому что Алиса жила в вечной тревоге с тех самых пор, как началась кровавая борьба между Югом и Севером.

Лодка, оснащенная латинским парусом, плыла быстро, и до Джэксонвилла оставалось уже не больше четверти часа. У управляющего таким образом было мало времени для развития своей любимой темы, и он спешил воспользоваться оставшимися минутами.

— Нет, Зерма, нет! — продолжал он твердить свое. — Если бы даже негров было и больше, положение ничуть не изменилось бы. И вот помяни мое слово, чем бы ни кончилась война, все равно волей-неволей придется сохранить рабство, потому что для плантации необходимы невольники.

— А вот мистер Бербанк, как вам известно, думает иначе, — возразила Зерма.

— Знаю. Мистер Бербанк весьма почтенный человек, я его глубоко уважаю, но тут он, смею сказать, жестоко ошибается. Негр должен составлять такую же неотъемлемую принадлежность плантации, как домашние животные или земледельческие орудия. Если бы лошадь могла идти, куда захочет, если бы плуг мог сам

себе выбирать хозяина, — невозможно было бы заниматься сельским хозяйством. Пусть только мистер Бербанк попробует освободить своих негров, он увидит тогда, что станется с Кэмдлес-Беем!

— Он давно бы уже это сделал, если бы обстоятельства ему позволили, и вам это известно, мистер Пэрри. А хотите знать, что было бы в Кэмдлес-Бее, если бы там объявили об освобождении негров? Поверьте, ни один из них не ушел бы с плантации и все остались бы попрежнему, только право обращаться с нами, как со скотом, было бы отменено. А так как в Кэмдлес-Бее этим правом никогда не пользовались, то у нас и в этом отношении не было бы никакой перемены.

— Неужели ты надеешься убедить меня своими доводами, Зерма? — спросил управляющий.

— Нисколько, сударь, да это и ни к чему.

— Почему же?

— Потому что в душе вы совершенно согласны с мистером Бербанком, мистером Кэрролом, мистером Стэннардом и вообще со всеми великодушными и справедливыми людьми.

— Да нет же, Зерма, нет. Я утверждаю даже, что все, о чем я говорю, — в интересах самих же негров. Если дать им полную свободу, они погибнут и племя их исчезнет с лица земли.

— Не разделяю вашего мнения, мистер Пэрри, что бы вы там ни говорили. Уж лучше всем нам погибнуть, чем быть обреченными на вечное рабство.

Управляющий хотел было возразить, и у него в запасе имелось, конечно, немало доказательств, но парус был уже спущен и лодка подошла к деревянной пристани, где должна была дожидаться возвращения его и Зермы. Они вышли на берег и отправились каждый по своим делам.

Город Джэксонвилл стоит на левом берегу Сент-Джонса, на краю обширной равнины, окруженной величественными лесами. Часть долины, особенно вблизи реки, покрыта полями маиса, сахарного тростника и риса.

Лет за десять перед тем Джэксонвилл был всего лишь большой деревней; в глинобитных и камышовых

хижинах его предместья жили одни только негры. Но теперь он стал уже настоящим городом с комфортабельными домами, прямыми мощеными улицами; число жителей в нем удвоилось. В ближайшем будущем значение этого крупнейшего центра графства Дьювал должно было еще возрасти в связи с проведением железной дороги до Таллахаси, главного города Флориды.

Зерма и управляющий обратили внимание на то, что в городе все чем-то взбудоражены. Несколько сот человек — белые, мулаты и метисы — с нетерпением ожидали парохода, дым которого уже виднелся из-за косы на Сент-Джонсе, находящейся пониже города. Самые нетерпеливые, желая поскорее встретить пароход, вскочили даже в лодки или одномачтовые баркасы — обычные в тех краях рыбацьи суда.

Дело в том, что накануне с театра войны пришли очень важные известия. Слухи о какой-то большой экспедиции, замышляемой северянами, о которой писал в своем письме Джилберт Бербанк, дошли частично и до Джэксонвилла. Говорили, что эскадра commodore Дюпона собирается в скором времени сняться с якоря и что с ней будут посланы десантные войска генерала Шермана. Никто точно не знал, в какую именно сторону пойдет эскадра, но все заставляло предполагать, что ближайшей целью экспедиции была река Сент-Джонс и побережье Флориды. Стало быть, после Джорджии теперь и Флориде угрожала непосредственная опасность быть занятой войсками северян.

Пароход шел из Фернандины. Когда он причалил к пристани, собравшаяся толпа услышала от приехавших пассажиров подтверждение этих слухов. Пассажиры сообщили, кроме того, что commodore Дюпон первоначально остановится, вероятно, в бухте Сент-Андрус, где выждет благоприятного момента, чтобы форсировать пролив Амильи и прорваться в устье Сент-Джонса.

Громко крича и волнуясь, толпа рассыпалась по городу: с шумом разлетались большие южноамериканские ястребы, как бы специально предназначенные для очистки улиц. Вожаки-подстрекатели, преимуще-

ственно из друзей Тексара, еще более возбуждали толпу возгласами: «Смерть северянам! Дадим им отпор!» На главной площади перед зданием суда и епископальной церковью происходили шумные демонстрации. Властям стоило немалых трудов водворить, наконец, порядок, хотя, как уже говорилось, далеко не все жители города были единомышленниками Тексара. Но в смутные времена над людьми умеренными неизменно берут верх те, кто яростней и громче кричит.

Особенно много было шума и неистовства в тавернах, где крепкие напитки придавали смелость крикунам. Там разные трактирные стратеги и политики строили всевозможные планы, чтобы разбить наголову федералистов.

— Нужно двинуть в Фернандину милицию! — предлагал один.

— Нужно потопить корабли в фарватере Сент-Джонса, — говорил другой.

— Нужно построить вокруг города земляные укрепления и подкатить к ним артиллерийские орудия, — было мнение третьего.

— Нужно потребовать присылки подкрепления по железнодорожной линии Фернандина — Сидар-Кейс.

— Нужно погасить маяк Пабло, чтобы эскадра Дюпона не могла проникнуть ночью в устье Сент-Джонса.

— Нужно посредине реки заложить торпеды.

К началу междоусобной войны этот снаряд был только что изобретен, и хотя предложивший пустить в дело торпеды сам хорошенько не знал, что это за штука, отчего же было не попробовать применить их?

— Но прежде всего, — кричал один из самых яростных ораторов в таверне Торильо, — прежде всего следует арестовать всех северян, находящихся в городе, и всех тех южан, которые с ними заодно!

Как же это такая простая мысль до сих пор никому не пришла в голову? А ведь она — *ultima ratio*¹ фанатиков всех стран. Поэтому предложение это было

¹ Последний довод (лат.).

встречено громким «ура!». Но, к счастью для честных и умеренных жителей Джэксонвилла, местные власти не решились внять этому «гласу народа».

Проходя по улицам, Зерма внимательно наблюдала за всем, что там происходило, чтобы по возвращении в Кэмдлес-Бей рассказать обо всем своему господину, для которого это волнение в городе представляло непосредственную угрозу. Если бы и начались насилия, они бы не ограничились только городом, а распространились на все плантации графства, и Кэмдлес-Бей пострадал бы одним из первых. Сообразив все это, мулатка решила непременно зайти к мистеру Стэннарду, жившему в предместье города, чтобы хорошенько разузнать у него о положении дел.

Стэннارد занимал красивый и удобный дом, стоявший среди небольшого зеленого оазиса, уцелевшего при расчистке долины, когда безжалостно вырубали деревья. Стараниями Алисы дом содержался в безупречном порядке. Во всем чувствовалась рука умелой и рачительной хозяйки: Алиса с юных лет вела хозяйство в доме своего вдового отца.

Невеста Джилберта очень обрадовалась Зерме и прежде всего заговорила о письме юного лейтенанта. Мулатка почти дословно передала ей содержание письма Джилберта.

— Да, он теперь недалеко, — сказала Алиса. — Но как Джилберт вернется во Флориду? И какие опасности еще ждут его до окончания этой экспедиции!

— Не думай об опасностях, Алиса, — сказал Стэннارد, — Джилберт ведь подвергался уже гораздо более серьезным испытаниям во время патрулирования у берегов Джорджии, а особенно в битве под Порт-Ройялом. Я полагаю, что флоридцы не окажут особенно упорного или длительного сопротивления. Что они могут поделать, если по их территории протекает Сент-Джонс и канонеркам легко проникнуть в самое сердце штата? Тут, по-моему, немыслимо никакое сопротивление.

— Дай бог, чтобы вы были правы, отец, — вздохнула Алиса, — и чтобы эта ужасная война, наконец, окончилась.

— Она может окончиться только полным поражением Юга, — заметил Стэннард, — но это, к сожалению, будет не скоро. Я боюсь, что Джефферсон Дэвис и его генералы — Ли, Джонстон, Борегар — еще долго будут сопротивляться в Центральных штатах. Нет, не легко войскам федералистов справиться с южанами. Конечно, овладеть Флоридой федералистам будет нетрудно, но это, увы, далеко еще не обеспечит за ними окончательной победы.

— Только бы Джилберт не сделал какой-нибудь опрометчивый шаг! — проговорила Алиса, ломая руки. — Если он уступит желанию повидаться с родными, благо они так близко...

— И с вами тоже, мисс Алиса, — добавила Зерма. — Ведь вы уже тоже член этой семьи!

— Да, Зерма, всем своим сердцем!

— Не бойся, Алиса, — сказал Стэннард. — Джилберт не сделает такого безрассудства, тем более что коммодору Дюпону достаточно будет нескольких дней, чтобы овладеть Флоридой. Со стороны Джилберта было бы крайне рискованно приезжать сюда, пока здесь не водворятся федералисты.

— Особенно при нынешнем всеобщем возбуждении, — прибавила Зерма.

— Да, правда, сегодня с утра весь город в волнении, — продолжал мистер Стэннард. — Я видел вожakov и слышал, что они проповедуют. Тексар вот уже с неделю орудует среди них, возбуждает и подстрекает их, и кончится тем, что эти злодеи поднимут скоро народ не только против властей, но и против всех тех, кто думает иначе.

— Не лучше ли вам, мистер Стэннард, хоть на время уехать из города? — сказала Зерма. — А когда придут федералисты, вы вернетесь. Мистер Бербанк поручил мне сказать вам, что он будет очень рад видеть вас и мисс Алису в Касл-Хаусе.

— Да, я знаю, он меня давно приглашал, — отвечал мистер Стэннард. — Но вот вопрос: будет ли нам безопаснее в Касл-Хаусе, чем в Джэксонвилле? Когда эти негодяи, эти подонки захватят власть, они наверное примутся грабить и плантации.

— По-моему, мистер Стэннارد, — возразила Зерма, — в момент опасности лучше быть всем вместе.

— Она права, отец, — вмешалась Алиса, — нам лучше быть вместе.

— Да я ничего не имею против, Алиса, — отвечал Стэннارد, — и не отказываюсь от приглашения Бербанка, но только я не думаю, что опасность так близка. Пусть Зерма передаст Бербанку, что мне понадобится несколько дней для устройства своих дел, а после этого мы отправимся с тобой в Касл-Хаус.

— И если мистер Джилберт приедет туда, как будет он рад застать всех, кого любит, в сборе! — сказала Зерма.

Простившись с Уолтером Стэннардом и его дочерью, мулатка, пробираясь сквозь возбужденную толпу, вернулась на пристань, где ее дожидался управляющий. Оба они сели в лодку и поехали домой, причем мистер Пэрри возобновил недоконченный разговор как раз на прерванном месте.

Не ошибался ли мистер Стэннارد, полагая, что опасность еще только надвигается? Ведь ход событий ускорился, и Джэксонвилл с минуты на минуту мог сделаться ареной кровавой борьбы.

Впрочем, федеральное правительство действовало с большою осмотрительностью, стараясь щадить интересы Юга. Оно поставило себе задачей вводить новые порядки постепенно. Спустя два года после начала военных действий осторожный Авраам Линкольн еще не издавал декрета об уничтожении рабства на всей территории Соединенных Штатов. Лишь по прошествии нескольких месяцев появилось сперва президентское послание, в котором предлагалось разрешить этот вопрос посредством выкупа и постепенного освобождения негров; потом декрет об освобождении и, наконец, ассигнование конгрессом пяти миллионов франков с предоставлением правительству права возмещать землевладельцам их убыток в размере полутора тысяч франков за каждого освобожденного негра. Если кое-кто из генералов-федералистов и счел себя уполномоченным уничтожить рабство в завоеванных местностях, то правительство до сих пор относилось к этому

неодобрительно и отказывалось давать на это свою санкцию. Дело в том, что и среди самих федералистов не было единодушия в отношении отмены рабства, и называли даже некоторых генералов-северян, считавших эту меру еще преждевременной и неразумной.

Военные действия между тем продолжались, и конфедераты по большей части терпели неудачи.

Двенадцатого февраля генерал Прайс с миссурийской милицией вынужден был очистить Арканзас. Форт Генри был уже раньше взят федералистами, которые осаждали теперь форт Донелсон, защищенный сильной артиллерией и внешними укреплениями, протяженностью в четыре километра, с городком Довер включительно. Форт мужественно оборонялся, но, несмотря на снегопад и морозы, северяне так теснили его с суши корпусом генерала Гранта, численностью в пятнадцать тысяч человек, а со стороны реки — канонерками адмирала Фута, что 14 февраля он сдался с целой дивизией южан и всем вооружением.

Для конфедератов падение форта явилось тяжелым ударом и повлекло за собою очень важные последствия. Ближайшим из них было отступление генерала Джонстона, вынужденного покинуть крупный город Нашвилл на Камберленде. Охваченное паникой, население тоже бежало из города вслед за отступившей армией, а несколько дней спустя подобная же участь постигла и город Колумбус. Весь штат Кентукки оказался таким образом снова во власти федерального правительства.

Известие об этих тяжких неудачах было встречено во Флориде со страшным взрывом негодования и жаждой мести. Власти оказались бессильными подавить волнение, охватившее весь штат вплоть до самых глухих деревушек. С часу на час возрастала опасность для тех, кто не держался «южного» образа мыслей и не обнаруживал желания сопротивляться армии северян. В Таллахаси и Сент-Огастине происходили сильные беспорядки, подавить которые было весьма трудно. Но особенно бунтовали городские подонки в Джэксонвилле, где с минуты на минуту приходилось опасаться чудовищных насилий.

При таких обстоятельствах опасность, угрожавшая Кэмдлес-Бею, все возрастала. Правда, Джеймс Бербанк, имея столько преданных слуг, мог в случае нападения продержаться несколько дней в своем доме, хотя запастись необходимым оружием и боевыми припасами в то время было очень трудно. Зато Уолтер Стэннард был совершенно беззащитен в Джэксонвилле и не мог не задуматься об участии, ожидавшей его, Алису и всех его домочадцев.

Джеймс Бербанк знал об опасности, угрожавшей его другу, и слал ему письмо за письмом, настойчиво приглашая поскорее приехать с дочерью в Кэмдлес-Бей. Там было все-таки не так опасно оставаться, а в случае, если бы явилась необходимость бежать внутрь страны и скрываться до прихода северян, — устроить бегство из Кэмдлес-Бея было гораздо легче.

Уступая просьбам друга, Уолтер Стэннард решил, наконец, покинуть на время Джэксонвилл и укрыться в Касл-Хаусе. Он выехал из города тайно, утром 23 февраля, успешно скрыв от любопытных глаз все приготовления к отъезду. В одной из маленьких бухт Сент-Джонса, на милю повыше города, его ждала высланная из Кэмдлес-Бея лодка. Алиса и Стэннард быстро переправились через реку и благополучно вышли на берег в Кэмдлес-Бее, где их встретила вся семья Бербанков.

Их приняли с радостью. Разве миссис Бербанк не считала уже Алису своею дочерью? Теперь же все они были вместе. А вместе, казалось, можно легче перенести беду и увереннее встретить опасность.

Стэннард во-время уехали из города. На другой же день дом их подвергся нападению толпы негодяев, оправдывавших свое насилие чувством патриотизма. Властям с трудом удалось остановить грабеж и спасти дома других честных граждан, противников сепаратизма. Но ясно было, что близок час, когда власти эти будут свергнуты, а на их место посажены вожаки мятежников, которые уж, конечно, не станут сдерживать толпу, а напротив, будут сами подстрекать ее.

Как и предполагал мистер Стэннард, Тексар уж с неделю покинул свое убежище в Черной бухте и явился

в Джэксонвилл. Здесь его окружили обычные его приспешники из самых дрянных людей в штате, бывшие с разных плантаций, расположенных по обоим берегам реки Сент-Джонс. Эти негодяи задумали по-своему повернуть дело не только в городах, но и в сельских местностях. Они завели сношения со всеми своими единомышленниками в разных графствах Флориды. Выдвигая на первый план вопрос о рабовладении, они с каждым днем расширяли круг своего влияния.

Еще немного, и всякие проходимцы, авантюристы и лесные бродяги, которых великое число в этих краях, станут хозяевами положения в Джэксонвилле и Сент-Огастине; они сосредоточат в своих руках всю власть гражданскую и военную. Милиция и регулярные войска будут действовать заодно с этими насильниками, как это всегда бывает в смутные времена, когда считается, что позволительно любое насилие.

Джемсу Бербанку хорошо было известно все, что происходило за пределами Кэмдлес-Бей. Верные люди, на которых он мог вполне положиться, осведомляли его обо всем, что подготовлялось в Джэксонвилле. Он знал, что там снова появился Тексар, знал, что под его гнусным влиянием находятся городские подонки, — в большинстве своем, как и сам Тексар, по происхождению испанцы. Когда подобный человек станет хозяином города, — это будет прямой угрозой для Кэмдлес-Бей. И Джемс Бербанк стал усиленно готовиться к отпору, если таковой будет возможен, или же к бегству, если придется оставить поместье на разграбление. Нужно было серьезно подумать в первую очередь о спасении семьи и друзей.

В эти тревожные дни Зерма проявляла безграничную преданность. Она следила неустанно за подступами к плантации, особенно со стороны реки. Выбрав среди невольников Бербанка самых сообразительных и преданных, она расставила их дозорными в разных местах плантации, чтобы караулить поместье днем и ночью. Если бы кто-нибудь попытался напасть на Кэмдлес-Бей, они тотчас же подняли бы тревогу. Семью

Бербанков таким образом не удалось бы застигнуть врасплох, у нее всегда бы хватило времени укрыться в Касл-Хаусе.

Но в тот момент Джемсу Бербанку вооруженное нападение еще не угрожало. Пока власть не перешла в руки Тексара, ему и его приспешникам приходилось действовать осторожно.

Под давлением общественного мнения судьи вынуждены были пойти навстречу сторонникам рабства, люто ненавидевшим северян.

Джемс Бербанк был самым крупным и богатым из тех землевладельцев Флориды, которые открыто держались либеральных взглядов. И первый удар был направлен именно против него: его первым потянули к ответу за то, что, живя среди рабовладельцев, он был сторонником уничтожения рабства.

Двадцать шестого числа вечером в Кэмдлес-Бей явился из Джэксонвилла курьер и вручил Джемсу Бербанку конверт.

В конверте была повестка.

«Сим предписывается Джемсу Бербанку лично явиться 27-го числа сего февраля месяца в 11 ч. утра в суд, чтобы предстать перед законными властями города Джэксонвилла».

И все. Коротко и ясно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Навстречу опасности

Хотя гром еще не грянул, но уже сверкнула предвещавшая грозу молния.

И если сам Джемс Бербанк сохранил спокойствие, то семья его не на шутку встревожилась. Зачем его вызывают в Джэксонвилл? Ведь это было не простое приглашение для дачи объяснений, а официальный вызов в суд. Чего же от него хотят? Уж не начато ли следствие? Не угрожает ли это его свободе или даже

жизни? Если он, повинувшись вызову, уедет из Касл-Хауса, то позволят ли ему туда вернуться? А если ослушается и не поедет, решатся ли заставить его явиться силой? И в таком случае какие кары и насилия угрожают его близким?

— Не ездй, Джемс! — воскликнула миссис Бербанк, и чувствовалось, что вся семья разделяет ее мнение.

— Не покидайте нас, мистер Бербанк! — просила и Алиса.

— Подумай, ведь ты отдашь себя в руки этих людей, — прибавил Эдвард Кэррол.

Джемс Бербанк не отвечал. Грубый вызов возмутил его до глубины души, и он с трудом мог подавить в себе негодование.

Но что же, однако, там случилось? Почему вдруг так осмелели джэксонвиллские судьи? Уж не захватили ли город в свои руки сторонники Тексара? Не свергли ли они там законную власть и не стали ли сами на ее место? Нет. Пэрри только что приехал из Джэксонвилла, и ничего подобного там пока не произошло.

— Не получено ли известие о какой-нибудь неудаче северян, — предположил Уолтер Стэннارد, — и флоридцы решились применить к нам насилие?

— Боюсь, что вы правы, — согласился Эдвард Кэррол. — Если северяне действительно потерпели поражение, то эти негодяи вообразят, что им уже нечего бояться эскадры Дюпона и что любое насилие сойдет им с рук.

— Я вспомнил, — сказал Стэннارد, — что час тому назад я встретил одного джэксонвилльца, возвращавшегося в город, и он сказал мне, что в Техасе федералистские войска, потерпев серьезное поражение при Вальверде, отброшены милицией Сиблея за Рио-Гранде.

— Ну, так вот почему они так обнаглели, — заключил Кэррол. — Это ясно.

— Значит, войска Шермана и эскадра Дюпона не придут! — вскричала миссис Бербанк.

— Сегодня только двадцать шестое февраля, — сказала Алиса, — а Джилберт писал, что федералисты должны выйти в море не раньше двадцать восьмого числа.

— И потом ведь требуется время, чтобы дойти до устья Сент-Джонса, форсировать вход в реку, преодолеть отмель и подойти к Джэксонвиллу, — прибавил Стэннард. — На это нужно дней десять.

— Десять дней! — вздохнула Алиса.

— Десять дней! — упавшим голосом проговорила миссис Бербанк. — А до тех пор сколько несчастий может случиться!

Джемс Бербанк не вмешивался в разговор. Он думал, как отнестись к полученной повестке.

Если он не поедет в Джэксонвилл, то не повлечет ли это за собой разбойничье нападение на плантацию, причем власти палец о палец не ударят, чтобы этому помешать? Какая опасность угрожает в таком случае его семье? Нет, уж лучше самому подвергнуться опасности, рискнуть своей свободой, даже жизнью!

Миссис Бербанк с беспокойством поглядывала на мужа. Она видела, что он переживает сильную душевную борьбу, и не находила в себе смелости спросить о принятом им решении. Да и не одна она, все присутствующие это видели и тоже не решались обратиться к Бербанку.

Внесла ясность маленькая Ди. Она подошла к отцу и взобралась к нему на колени.

— Папа? — спросила она.

— Что тебе, малютка?

— Неужели ты поедешь... к ним... к этим злым людям?

— Да, родная, надо ехать.

— Джемс!.. — с ужасом вскричала миссис Бербанк.

— Ничего не поделаешь, дорогая. Я должен ехать и поеду!

Голос его прозвучал так решительно, что для всех стала ясна бесполезность дальнейшего спора: Бербанк, очевидно, все уже обдумал и взвесил. Жена подошла к нему, крепко обняла его, но отговаривать уже не пыталась. Да и что она могла ему сказать?

— Очень может быть, друзья мои, — заговорил Джемс Бербанк, — что мы и преувеличиваем значение этого ни на чем не основанного вызова. В чем меня могут обвинять? Решительно ни в чем. Разве в том, что

я держусь известного образа мыслей? Но ведь за убеждения у нас не судят. Я никогда не скрывал их и, если нужно, выскажу свою точку зрения и теперь перед кем угодно.

— Джемс, мы поедем с тобой, — сказал Эдвард Кэррол.

— Да, верно, мы вас одного в Джэксонвилл не пустим, — прибавил Стэннард.

— Нет, друзья мои, — возразил Джемс Бербанк, — одного меня вызывают повесткой, один я и поеду. Может быть, меня задержат в городе на несколько дней, поэтому вам обоим лучше оставаться в Кэмдлес-Бее. Вам на время моего отсутствия я поручаю свою семью.

— Так ты поедешь, папа! — вскричала Ди.

— Поеду, дочка! — с деланою веселостью отвечал Бербанк. — И если я завтра не вернусь домой к завтраку, то приеду к обеду, и уж во всяком случае вечер мы проведем вместе. Кстати, не купить ли тебе чего-нибудь в Джэксонвилле? Говори, чего бы тебе хотелось? Что тебе привезти оттуда?

— Папа... ты... приезжай только сам поскорее, — пролепетала девочка, выразивши этими словами желание всей семьи.

Бербанк дал распоряжения об охране плантации, необходимой при столь тревожных обстоятельствах, и все разошлись на ночь по своим комнатам.

Ночь прошла спокойно, а на другое утро Джемс Бербанк встал с зарею и пошел на пристань, где и отдал приказание приготовить к восьми часам лодку для поездки в Джэксонвилл.

Когда он возвращался с пристани в Касл-Хаус, к нему подошла Зерма.

— Господин мой, — сказала она, — вы твердо решили ехать? Вы поедете?

— Да, Зерма, окончательно решил. Я должен это сделать во имя общего блага. Понимаешь?

— Да, господин! Если бы вы не поехали, банда Тексара напала бы на Кэмдлес-Бей.

— А этого нужно избежать во что бы то ни стало, — прибавил Бербанк.

— Не позволите ли вы мне ехать с вами?

— Нет, ты должна оставаться в Кэмдлес-Бее при моей жене и дочери. Не покидай их, если им в мое отсутствие будет грозить какая-нибудь опасность.

— О господин, я не отойду от них ни на шаг.

— Не узнала ли ты чего-нибудь нового?

— Особенного ничего. Только вот какие-то подозрительные люди бродят вокруг плантации, можно подумать — лазутчики. По реке в эту ночь шныряли какие-то лодки. Боюсь, не подозревают ли наши враги, что мистер Джилберт служит в армии северян, что он состоит под командой коммодора Дюпона, и не собираются ли его подстеречь, если он вздумает тайно посетить Кэмдлес-Бей.

— Чтобы Джилберт приехал в Кэмдлес-Бей! — вскричал Джемс Бербанк. — Нет, Зерма, у него достаточно здравого смысла, он этого не сделает.

— И все же я боюсь, не подозревает ли чего-нибудь Тексар? — настаивала Зерма. — Говорят, его влияние растет с каждым днем. Когда будете в Джэксонвилле, господин, берегитесь Тексара.

— Ты права, Зерма, нужно остерегаться этой ядовитой гадины. Но я и так осторожен. Если же в мое отсутствие он предпримет что-нибудь против Кэмдлес-Бея...

— О нас не беспокойтесь, господин мой. Берегите только себя. Наши негры все до единого, не щадя себя, встанут грудью на защиту плантации. Они преданы вам всею душою, они вас любят. Я знаю все, что они думают, о чем говорят и как будут действовать. С других плантаций приходили смутьяны подбивать их к бунту против вас, но ваши негры их и слушать не хотели. Можете вполне положиться на своих невольников, все они считают себя членами вашей семьи.

— Знаю, Зерма, знаю. На это я и рассчитываю.

Джемс Бербанк вернулся в дом. Когда наступило время отъезда, он нежно простился с женой, дочерью и Алисой и обещал им, что будет вести себя на суде осторожно, чтобы не дать повода врагам прибегнуть к насилию. Он, возможно, сегодня же и вернется. Простившись с домочадцами, он уехал. У Джемса Бербанка несомненно были основания опасаться за свою участь.

Но несравненно больше волновала его забота о семье, оставшейся в Касл-Хаусе и подвергавшейся там огромной опасности.

Уолтер Стэннارد и Эдвард Кэррол проводили отъезжающего до пристани; там, дав им последние распоряжения, Бербанк сел в лодку, которая, подгоняемая легким юго-восточным ветерком, стала удаляться от пристани.

В исходе десятого часа Джемс Бербанк вышел на берег в Джэксонвилле.

На пристани было мало народу, только какие-то иностранные матросы хлопотали над разгрузкой только что пришедших барок. Джемса Бербанка никто не видел, никто не узнал, и он спокойно отправился к своему джэксонвиллскому знакомцу, мистеру Гарвею, который жил на другом конце гавани.

Увидев Бербанка, Гарвей удивился и обеспокоился. Он не ожидал, что Джемс Бербанк подчинится вызову и явится в Джэксонвилл, да и никто во всем городе не ожидал этого. Зачем Бербанка вызывали, Гарвей не знал. Возможно, что, уступая общественному мнению, хотели потребовать от него объяснений, выяснить позицию, занятую им с начала войны, в связи с его взглядами на рабовладение, которые он никогда не скрывал. Быть может, его собирались даже удержать в городе в качестве заложника, как богатейшего плантатора Флориды и сторонника северян. По мнению Гарвея, лучше было бы Бербанку не приезжать, а раз уж он приехал, то поскорее возвращаться обратно, благо об его приезде еще никому не было известно.

Но Джемс Бербанк не пожелал уезжать. Он хотел выяснить положение, узнать, чего ему следует опасаться, к чему быть готовым. И он это узнает.

Затем Бербанк задал своему знакомцу несколько существенных при данной ситуации вопросов.

Не смещены ли прежние должностные лица и не заменены ли они вожаками мятежников?

Нет еще, но положение их становится с каждым днем все более шатким, и это может произойти при первой же вспышке мятежа.

Правда ли, что Тексар играет какую-то роль в ожидаемых беспорядках?

Правда, и все на него смотрят как на вожака партии флоридских рабовладельцев. Он со своими единомышленниками будет вскоре хозяйничать в городе.

Подтвердились ли слухи о недавних крупных военных событиях?

Подтвердились. Сделаны дополнения к органическому статуту Южных штатов. Состав правительства окончательно установлен. 22 февраля Джефферсон Дэвис утвержден президентом, а вице-президентом Стефенс, оба на шесть лет. Конгресс заседает в Ричмонде и состоит из двух палат. Через три дня после его открытия Джефферсон Дэвис внес законопроект об обязательной воинской повинности. За это время конфедераты одержали в нескольких местах победы, не имеющие, впрочем, особого значения. Говорят, однако, что 24-го числа значительная часть армии Мак Клеллана проникла за верховья Потомака и южане вынуждены были очистить Колумбус. На Миссисипи ожидается большое сражение, в котором сепаратисты должны встретиться с войсками генерала Гранта.

А что с эскадрой коммодора Дюпона? Она ведь должна была подойти к устью Сент-Джонса?

Ходят слухи, что недели через полторы она сделает попытку прорваться в Сент-Джонс. Тексар и его сторонники должны поторопиться захватить власть в свои руки, иначе им, пожалуй, не удастся расправиться со своими врагами.

Таково было положение дел в Джэксонвилле. История с Бербанком могла лишь ускорить развязку.

К одиннадцати часам Джемс Бербанк прямо из дома Гарвея отправился на площадь, где находилось здание суда. На улицах царило большое оживление. Народ толпами валил на площадь. Чувствовалось, что это дело, само по себе незначительное, может вызвать самые плачевные последствия.

На площади перед зданием суда уже успела собраться большая разношерстная толпа. Тут были и белые, и метисы, и негры; шум стоял невообразимый.

В самое здание суда могли проникнуть сравнительно немногие, и эти немногие были по большей части из сторонников Тексара. С ними вместе в здание суда протиснулись, правда, и люди порядочные, противники всяческих насилий, но они были в меньшинстве и не могли дать серьезный отпор бунтарям, стремившимся к свержению законных властей Джэксонвилла.

Бербанк сейчас же узнали, как только он показался на площади. Послышались угрожающие возгласы. Но это оказалось ему только на руку. Его поспешили окружить несколько смелых и честных граждан, не желавших допускать насилия над беззащитным и вдобавок всеми уважаемым человеком. Явившись по требованию властей, Бербанк выказал и достоинство и твердость. Он заслужил, чтобы к нему отнеслись справедливо и с должным уважением.

Пройдя беспрепятственно сквозь толпу на площади, Джемс Бербанк вступил в судебную палату и остановился перед судейским столом, куда был вызван без всякого к тому законного основания.

Судьи уже сидели на своих местах. Все это были люди умеренные, честные, пользовавшиеся вполне заслуженным уважением. Каким только обвинениям и угрозам не подвергались они с начала войны с севе-
рянами! Сколько мужества и энергии потребовалось им, чтобы оставаться на своем посту... Если до сих пор им и удавалось противиться всем нападкам мятежников, то потому лишь, что вопрос о рабовладении не стоял во Флориде так остро, как в других Южных штатах. Сепаратистские настрояния в стране, однако, постепенно усиливались. А с ним росло с каждым днем и влияние смутьянов, авантюристов и бродяг, наводнявших графство. И если судьи вызвали Бербанка на суд по доносу одного из их главарей, испанца Тексара, то лишь уступая давлению бунтовщиков.

Часть джэксонвиллцев, толпившихся в зале суда, встретила владельца Кэмдлес-Бея одобрительным шепотом, другая — враждебным. Однако шепот этот вскоре смолк. Джемс Бербанк стоял перед судьями, уверенно глядя на них, как человек, не знающий страха.

И не дожидаясь обычных вопросов, произнес твердым голосом:

— Вы вызывали Джемса Бербанка. Он перед вами.

Ответив коротко и просто на ряд формальных вопросов, которыми обычно начинается всякий допрос, Бербанк спросил:

— В чем же меня обвиняют?

— В произнесении речей и, быть может, даже в совершении действий, противных установившимся политическим взглядам штата Флориды, — заявил председатель.

— И кто обвиняет меня? — осведомился Бербанк.

— Я! — воскликнул кто-то.

То был Тексар. Джемс Бербанк узнал его по голосу, но даже не обернулся и лишь с презрением пожал плечами.

Приспешники Тексара тем временем словами и жестами подстрекали своего главаря.

— Прежде всего, — продолжал испанец, — я обвиняю Джемса Бербанка в том, что он унионист. Уже одно его присутствие в конфедератском штате оскорбительно. Если он северянин по происхождению и по образу мыслей, то почему он не уедет на Север?

— Я живу во Флориде — мне так угодно, — ответил, не оборачиваясь к Тексару, Джемс Бербанк. — Двадцать лет уж прожил я в графстве Дьювал. Если я не здешний уроженец, то во всяком случае каждому известно, откуда я явился, чего нельзя сказать о некоторых людях с темным прошлым, живущих неизвестно где и частная жизнь которых заслуживает несомненно гораздо большего внимания суда, нежели моя.

Это явно был камень в огород Тексара, но тот ничуть не смутился.

— Ну, а дальше что? — спросил Бербанк.

— Дальше? — отвечал испанец. — Дальше я обвиняю Джемса Бербанка в том, что он, будучи аболиционистом, ведет аболиционистскую пропаганду в штате, который стремится сохранить невольничество и граждане которого готовы пролить свою кровь, чтобы отразить нашествие северян.

— Джемс Бербанк, — сказал судья, — при нынешнем положении вещей это очень серьезное обвинение, и я просил бы вас отвечать на него обстоятельно.

— Мой ответ, сударь, будет несложен, — отвечал Бербанк. — Никакой пропаганды я никогда не вел и не пведу. Обвинение это совершенно ложно. Что касается моего мнения о рабовладении, то я его отнюдь не скрываю. Да, я аболиционист! Да, я глубоко сожалею о братоубийственной войне, вспыхнувшей между Севером и Югом. Да, я боюсь, что Югу придется перенести тяжкие бедствия, от которых он не скоро оправится, и в интересах самих южан я бы желал, чтобы они избрали иной путь и не затевали бы войны, противоречащей здравому смыслу и совести. Со временем, граждане, вы сами оцените мои слова, как и вообще слова всех тех, которые удерживали вас от безумного шага. Когда реформа созреет, безумие ей противиться.

Да, наконец, и само по себе отделение Юга от Севера есть тяжкое преступление против общего нашего американского отечества. Ни здравый смысл, ни справедливость, ни даже сила не на вашей стороне, и вам не удастся свершить это преступление.

Слова эти были встречены сперва одобрительным ропотом, но затем поднялись неистовые крики. Большинству присутствующих — людям без чести и совести — речь Бербанка пришлась не по вкусу.

Судье лишь с трудом удалось водворить тишину, и Джемс Бербанк продолжал:

— Пусть мне предъявят теперь обвинение в каком-нибудь проступке, а не в том, что я придерживаюсь известного образа мыслей. Тогда я сумею возразить своему обвинителю.

Бербанк держался с таким достоинством, что судьи почувствовали себя очень неловко. За Джемсом Бербанком они не знали ни одного проступка. И роль их должна была свестись к тому, чтобы позволить предъявить Бербанку обвинение, подкрепленное доказательствами, если таковые найдутся.

Тексар понял, что должен точнее формулировать свое обвинение, если хочет достигнуть цели.

— Ладно! — сказал он. — Хотя я и не согласен с тем, что можно допускать свободу мнений в таких существенно важных вопросах, из-за которых вся страна готова пролить свою кровь, но если Джемс Бербанк считает себя вправе держаться своего мнения по этим вопросам, если он, как утверждает, воздерживается при этом от вербовки единомышленников, то почему бы ему не воздержаться и от сношений с врагом, стоящим у самых границ Флориды?

Связь с федералистами при данных обстоятельствах была тяжким обвинением. И присутствующие заволновались. Но одного голословного заявления было все-таки мало, нужны были факты.

— Вы утверждаете, что я нахожусь в преступных сношениях с неприятелем? — переспросил Джемс Бербанк.

— Да, утверждаю, — ответил Тексар.

— Объяснитесь в таком случае точнее. Я этого требую.

— Извольте, — сказал Тексар. — Три недели тому назад из армии федералистов или, может быть, с эскадры Дюпона к Джемсу Бербанку послан был гонец. Его проследили от границы Флориды до Кэmdlес-Бея и от плантации обратно до границы. Станете ли вы это отрицать?

Речь, очевидно, шла о гонце, доставившем письмо от Джилберта. Шпионам Тексара удалось его выследить. Обвинение на этот раз основывалось на факте, и все с нетерпением ждали, что ответит Джемс Бербанк.

Но он не подумал заператься.

— Правда, ко мне в это время приходил человек, — сказал он. — Но человек этот вовсе не был гонцом из армии, он просто принес мне письмо от моего сына...

— От вашего сына! — вскричал Тексар. — А сын ваш служит в армии унионистов и, быть может, идет сейчас в первых рядах врагов, подступающих к границе Флориды!

Эти слова были сказаны с такою силой, что потрясли присутствующих. Джемс Бербанк признался уже, что получил письмо от сына. Если он подтвердит еще, что сын его служит в войсках федералистов, как

сможет он оправдаться от обвинения в тайных сношениях с неприятелем?

— Желаете вы объяснить факты, касающиеся вашего сына? — спросил председатель.

— Нет, сударь, — решительно отвечал Джеймс Бербанк, — не желаю. Насколько мне известно, ведь речь идет не о моем сыне, а обо мне. Меня обвиняют в сношениях с федералистской армией. Я это отрицаю и предлагаю моему обвинителю, действующему исключительно из личной вражды ко мне, представить доказательства.

— Он, значит, сознается, что его сын сражается в рядах федералистов! — вскричал Тексар.

— Мне не в чем сознаваться, решительно не в чем, — ответил Бербанк. — Это вам надлежит доказать свое обвинение.

— Хорошо же, — вскричал Тексар, — я берусь его доказать. Через несколько дней я добуду факты, которых от меня требуют, а раз они будут налицо...

— Раз они у вас будут, — перебил испанца судья, — мы немедленно приступим к их обсуждению. Пока же я положительно не вижу, в чем, собственно, можно обвинить Джеймса Бербанка.

Своим решением судья доказал, что он человек честный и беспристрастный. Он был, конечно, прав по существу, но большинство присутствующих, враждебно настроенных против владельца Кэмдлес-Бея, не хотело этого признать. Сторонники Тексара громко роптали. Тексар это заметил и, оставив в покое молодого Бербанка, обрушился снова на его отца.

— Да, — повторил он, — я докажу несомненными фактами, что Джеймс Бербанк находится в преступных сношениях с неприятелем, готовым вторгнуться в нашу страну. Но и помимо того, образ мыслей, которого Джеймс Бербанк открыто держится, представляет общественную опасность. А потому от имени всех рабовладельцев Флориды, не желающих подчиняться игу Севера, я требую, чтобы Джеймс Бербанк был взят под стражу.

— Да!.. Да!.. Арестовать его!.. — закричали сторонники Тексара, тогда как благожелательно настроенная

часть публики тщетно пыталась протестовать против такого ни на чем не основанного требования.

Судья с большим трудом водворил спокойствие, и Джемс Бербанк возразил:

— Во имя права и справедливости я решительно протестую против произвола, на который толкают правосудие. Я никогда не скрывал, что я убежденный аболиционист. Но в нашей свободной стране существует свобода мнений. Закон не может покарать меня за то, что им не запрещается и что поэтому не является преступлением.

Послышались возгласы одобрения, на этот раз более дружные. Тогда Тексар, видя, что его стрелы не попадают в цель, бросил вдруг Джемсу Бербанку совершенно неожиданный вызов.

— Ну, что же, — сказал он, — если вы такой ярый противник рабовладения, — докажите это на деле: освободите своих невольников.

— Я так и сделаю, когда наступит благоприятный момент, — ответил Бербанк.

— А когда этот момент наступит? Не тогда ли, когда унионисты овладеют Флоридой? — подхватил Тексар. — Чтобы согласовать свои мнения с поступками, вы дожидаетесь солдат Шермана и матросов Дюпона, а без них не решаетесь! Что же! В этом называется ваше благоразумие и .. трусость.

— Трусость? — с негодованием вскричал Джемс Бербанк, не догадываясь, что это просто ловушка.

— Да, трусость, — повторил Тексар. — Иначе как же объяснить, что вы думаете так, а поступаете по-иному? Право, можно подумать, что вы просто заигрываете с северянами, предусмотрительно стараетесь заручиться среди них популярностью. На деле же вы самый обыкновенный рабовладелец, не желающий поступаться своими выгодами, как и все мы грешные!

При этом оскорблении Джемс Бербанк гордо выпрямился и кинул на своего обвинителя взгляд, исполненный глубочайшего презрения. Куда девалась вся его сдержанность. Человек прямой и честный, он был задет за живое этим упреком в лицемерии.

— Граждане Джэксонвилла! — громко вскричал он, чтобы быть всеми услышанным. — Граждане Джэксонвилла! С нынешнего дня у меня нет больше ни одного невольника. Я объявляю, что отныне на всем пространстве моих владений в Кэмдлес-Бее рабство отменяется.

Это смелое заявление было встречено сперва громким «ура!».

Да, поистине, чтобы сделать подобное заявление, нужно было обладать большою смелостью и... отсутствием осторожности.

Но в порыве негодования разгневанный Бербанк не подумал об этом.

Принятое им решение задевало интересы других землевладельцев Флориды. И в настроении собравшейся в суде публики очень быстро наступила реакция. Рукоплескания заглушены были яростными криками не только активных сторонников рабства, но и людей равнодушных до сих пор к этому вопросу. Этим поворотом хотели воспользоваться сторонники Тексара, чтобы расправиться с Бербанком, но на этот раз Тексар сам их остановил.

— Оставьте его, — сказал он. — Джемс Бербанк сам себя обезоружил, и ему теперь от нас не уйти.

Эти слова, значение которых вскоре станет ясным, остановили любителей насилия. И Бербанк, отпущенный судьей, мог беспрепятственно удалиться. Засадить его в тюрьму, как требовал Тексар, за отсутствием улик было невозможно. Но испанец настаивал на своих показаниях, и если позже он сможет представить доказательства и пролить свет на связи Джемса Бербанка с врагом, — суд возобновит дело против владельца Кэмдлес-Бее. До тех же пор Джемс Бербанк должен оставаться на свободе.

Однако официальное заявление Бербанка об освобождении всех рабов на его плантации было впоследствии использовано мятежниками против городских властей.

Когда Бербанк покинул здание суда, по пятам за ним следовала враждебно настроенная толпа; но милиция сумела оградить его от насилий. Дело ограни-

чилось только бранью и угрозами. Тут сказалось, очевидно, влияние Тексара, приказавшего его не трогать. Бербанк смог таким образом беспрепятственно добраться до набережной, где его дожидалась лодка. Здесь он распрощался с мистером Гарвеем, ни на миг не оставлявшим его весь день. Вскоре лодка вышла на середину реки, куда не долетали уже злобные выкрики, которыми джэксонвиллские подонки сопровождали его отъезд.

Начался отлив, и лодка лишь через два часа добралась до пристани Кэмдлес-Бей; там ждала Бербанка его семья. Как счастливы были его домашние, когда он вернулся! Ведь было столько оснований бояться, что он совсем не вернется!

— Ведь я же тебе сказал, детка, что буду обедать дома, — говорил Джеймс Бербанк обнимавшей его Ди. — А ты знаешь, я всегда держу свои обещания.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Последняя невольница

В тот же вечер Джеймс Бербанк рассказал семье обо всем, что происходило в суде. Всякому стало ясно, какую гнусную роль сыграл в этом деле Тексар. Именно по его настоянию и под давлением подонков населения Джэксонвилла была послана в Кэмдлес-Бей судебная повестка. А поведение судей заслуживало только одобрения. В ответ на обвинение Тексара они потребовали от него веских доказательств, что связь с федералистами действительно существует. Но так как Тексар привести таких доказательств не смог, Джеймс Бербанк был оставлен на свободе.

Среди этих бездоказательных обвинений было упомянуто, однако, имя Джилберта. Никто, кажется, и не сомневался в том, что молодой человек находится в рядах армии северян. И разве отказ отвечать на этот вопрос не был уже полупризнанием со стороны Джеймса Бербанка?

Легко представить себе, какие опасения и страхи родились поэтому в душе миссис Бербанк, Алисы и вообще у всей семьи. За невозможностью расправы над ускользнувшим от них сыном не вздумают ли Джэксонвиллские мерзавцы обрушиться на его отца? Тексар, вероятно, просто хвастал, обещая представить через несколько дней доказательства. Но ведь нет ничего невозможного в том, что ему удастся их раздобыть, и в каком отчаянном положении они все тогда окажутся!

— Бедный Джилберт! — вскричала миссис Бербанк. — Какой ужас — знать, что он так легко может попасть в когти Тексара, который ни перед чем не остановится, чтобы добиться своего.

— А нельзя ли сообщить ему о том, что произошло в Джэксонвилле? — спросила Алиса.

— Да, да, — поддержал ее Стэннارد. — Необходимо, чтобы он понял, что малейшая неосторожность с его стороны может погубить и его и нас.

— Но как же мы дадим ему знать? — возразил Джеймс Бербанк. — Вокруг Кэмдлес-Бей несомненно шныряют шпионы. Ведь успели же они выследить гонца Джилберта. Наше письмо может попасть в руки Тексара, а гонца с устным поручением могут по дороге схватить и задержать. Нет, друзья мои, уж лучше не делать никаких попыток, которые могли бы только ухудшить положение; дай только бог, чтобы федеральная армия поскорее вступила во Флориду и освободила в ней честное меньшинство от негодяев, составляющих большинство!

Джеймс Бербанк был вполне прав. Вступать в сношения с Джилбертом, когда плантацию окружали шпионы, значило подвергать себя напрасному риску. Ведь близок был час, когда он, Бербанк, а с ним и все сторонники Севера, живущие во Флориде, будут в полной безопасности под защитой армии федералистов. Коммодор Дюпон чуть ли не завтра же должен отплыть из Эдисто. И со дня на день нужно было ожидать известия о вступлении его эскадры в бухту Сент-Андрус.

Потом Джеймс Бербанк рассказал о важном инциденте, разыгравшемся перед судьями Джэксонвилла, о том, как он вынужден был ответить на вызов, бро-

шенный ему Тексаром; как, в сознании своего права и уступая голосу совести, он всенародно объявил об уничтожении рабства во всех своих владениях. Он первый в Южных штатах сделал это добровольно, а не в силу военных успехов северян.

Смелый и великодушный поступок! Но каковы будут его последствия — предвидеть трудно. Одно было несомненно: он не только не облегчит положения Бербанка в этом рабовладельческом крае, но и вызовет волнения среди невольников соседних плантаций. Ну что ж! Семья Бербанков, оценив великодушие этого жеста, одобрила поступок своего главы.

— Джемс! — воскликнула миссис Бербанк. — Что бы там ни случилось, но ты был прав, ответив так на гнусные нападки этого негодяя!

— Мы все гордимся вами, отец! — сказала Алиса, впервые называя Бербанка этим нежным именем.

— Дочь моя, когда Джилберт и федералисты придут, наконец, во Флориду, они не найдут в Кэмдлес-Бее ни одного раба, — отвечал Бербанк.

— Благодарю вас, хозяин, — сказала молчаливая до тех пор Зерма, — благодарю вас и за себя и за других невольников; но что касается меня — я никогда и не чувствовала себя у вас рабой. Вы так добры, так великодушны, что я всегда была такою же свободной, как сегодня.

— Правда, Зерма, — ответила миссис Бербанк, — мы как любили тебя прежде, так же будем любить и теперь.

Не в силах скрыть своего волнения, Зерма схватила малютку Ди в объятия и горячо прижала ее к груди.

Кэррол и Стэннард с жаром пожали Джемсу Бербанку руку, давая ему понять, что они вполне одобряют его смелый и честный поступок!

Домашние Бербанка, восторгаясь его великодушием, очевидно, забыли об опасных последствиях, которые мог вызвать этот поступок.

Никто в Кэмдлес-Бее, — кроме управляющего Пэрри, разумеется, — не порицал Джемса Бербанка. Но почтенный Пэрри, совершавший в это время обход плантации, должен был вернуться только к ночи и не

знал еще о событии, которое должно было прийтись ему не по вкусу.

Приближалась ночь, и пора было ложиться спать. Прощаясь с домашними, Джемс Бербанк предупредил их, что завтра же объявит неграм о своем решении.

— Сообщи им об освобождении при нас, Джемс, — попросила миссис Бербанк. — Мы все хотим присутствовать при этом.

— Да, да, все, — подтвердил Эдвард Кэррол.

— А мне, папа, можно? — спросила Ди.

— Можно, малютка, разумеется можно.

— Зерма, неужели ты от нас тогда уйдешь? — спросила девочка.

— Да нет же, дорогая моя, нет, не уйду, — отвечала мулатка. — Я никогда с тобой не расстанусь.

Были отданы обычные распоряжения об охране плантации, и вся семья разошлась на ночь по своим комнатам.

Первый, кого встретил на следующее утро в парке Бербанк, был его управляющий. Тот еще ни о чем не догадывался. И Пэрри узнал новость из уст самого Бербанка, который предвидел заранее, как будет огорошен его управляющий.

— О, мистер Джемс! Мистер Джемс! — только и нашелся он сказать.

— Ведь это не должно было вас особенно удивить, Пэрри, — сказал Бербанк. — Я лишь предупредил события. Об освобождении невольников обязан подумать каждый уважающий себя плантатор.

— Уважающий себя, мистер Джемс? При чем же тут самоуважение?

— Ну, если не уважающий себя, то по крайней мере радеющий о собственной пользе... если это для вас понятнее.

— Радеющий о своей пользе, мистер Джемс? О пользе?.. И вы решаетесь это говорить?

— Решаюсь, дорогой Пэрри, и будущее покажет, что я совершенно прав.

— Но где же мы будем тогда брать рабочих, мистер Джемс?

— Будем нанимать негров, Пэрри.

— Да ведь если неграм дать право не работать, так они ни за что работать не станут!

— Не беспокойтесь, станут, и усерднее прежнего, потому что свободный труд не то, что работа из-под палки.

— Нет, мистер Джемс, ваши негры уйдут от вас, как только вы их освободите.

— Очень буду удивлен, любезный Пэрри, если уйдет хоть один из них.

— Значит, я уже не управляющий кэмдлес-бейскими неграми?

— Зато вы управляющий кэмдлес-бейской плантацией, и я полагаю, что для вас гораздо приятнее управлять свободными людьми, чем рабами.

— Но, мистер Джемс...

— Дорогой Пэрри, предупреждаю вас, что у меня заранее готовы ответы на все ваши «но». Примиритесь же с событием, которое все равно было неизбежно и которое все мои домашние встретили с радостью.

— А негры уже знают об этом?

— Нет еще, и пожалуйста, Пэрри, не говорите им пока ничего. Я сам им сегодня же объявлю. В три часа велите всем собраться в парке и только предупредите негров, что я хочу сделать очень важное сообщение.

Управляющий удалился, изумленно пожимая плечами и бормоча:

— Негры — и вдруг свободные люди! Негры — вольнонаемные! Негры — сами себе господа! Да что же это такое? Коренной переворот, революция, это значит все человеческие законы побоку!.. Противостоит ли... да, совершенно противостоит!

Утром Бербанк, Кэррол и Стэннард поехали осматривать северную границу плантации. Негры как обычно трудились на полях риса, кофе и сахарного тростника. Кипела работа и на лесопильнях и стройках. Секрет, стало быть, еще никому не известен. Из Джексонавилла и его окрестностей никаких вестей еще не дошло, и о намерении Бербанка не знали даже те, кого оно непосредственно касалось.

Бербанк и его друзья осмотрели тщательно границы

плантации. Можно было, однако, опасаться, что после всего случившегося накануне толпа разнузданных подонков из Джэксонвилла или окрестных деревень двинется на Кэмдлес-Бей. Но пока ничего такого не было заметно, на реке и на берегу было спокойно. Шпионы не появлялись. В 10 часов утра прошел вверх по реке «Шаннон», но у пристани Кэмдлес-Бея не остановился и продолжал свой путь в Пиколату, так что ни с низовьев, ни с верховьев реки обитателям Касл-Хауса ничего пока не грозило.

К двенадцати часам трое друзей вернулись домой, где их уже ждали к завтраку. Все семейство вздохнуло свободнее, беседа пошла оживленной. Положение, казалось, стало менее напряженным. И все пришли к заключению, что джэксонвиллские власти немного обуздали партию Тексара. Если такое положение продлится еще несколько дней, северяне вступят во Флориду и местным аболиционистам нечего будет бояться каких бы то ни было насилий.

Джемс Бербанк, стало быть, мог совершенно спокойно осуществить свое намерение и объявить об освобождении своих рабов — первый случай добровольного освобождения негров во всех рабовладельческих штатах.

Всех больше должен был обрадоваться свободе молодой, двадцатилетний негр Пигмалион, или попросту Пиг. Он числился работником при Касл-Хаусе, жил там и не работал ни на поле, ни в мастерских. Парень он был чудаковатый, тщеславный и с ленцой, и многое ему сходило с рук лишь благодаря доброте хозяев. Когда возник вопрос об уничтожении рабства, стоило послушать, с каким пафосом он разглагольствовал о свободе и равенстве всех людей. Кстати и нехстати произносил он перед своими собратьями самые высокопарные речи, над которыми они, не стесняясь, подсмеивались. В своих речах он возносился выше облаков, тогда как на деле он и по земле ступал нетвердо. По существу же это был добродушнейший малый, и ему позволявший ораторствовать сколько душе угодно. Когда управляющий Пэрри бывал в духе, он заводил с чернокожим пропагандистом настоящие прения. Легко

представить себе, как должен был встретить Пиг весть об освобождении, возвращавшем ему его человеческое достоинство.

Неграм велено было собраться к трем часам в парке перед домом. Их предупредили, что мистер Бербанк намерен сделать им очень важное сообщение. К трем часам, как и было назначено, невольники стали собираться перед домом. Пообедав в полдень, они больше уже не возвращались к своей работе — в мастерских, на полях или в лесу. Им захотелось приодеться, сменить свое рабочее платье на праздничное, как было у них заведено, когда их допускали за ограду господского парка. В поселках стояла суета. Обитатели их сновали из хижины в хижину. Управляющий Пэрри расхаживал, ворча:

— Подумать только: сейчас еще этими неграми можно торговать, как скотом, а не пройдет и часу, как они будут свободными людьми, их уже не продашь и не купишь. Нелепо, нелепо, я всегда буду это твердить, всегда, до последнего вздоха. Это противоестественно, что бы там ни говорили и ни делали мистер Бербанк, президент Линкольн, все северяне-федералисты и либералы всех стран. Да, противоестественно и нелепо!

Как раз в эту минуту раздраженному управляющему подвернулся под руку Пиг, ничего, конечно, еще не знавший.

— Зачем нас созывают, мистер Пэрри? — спросил он. — Не можете ли вы мне сказать?

— Могу, дуралей, для того, чтобы...

Но тут управляющий спохватился и умолк. В то же время ему пришла вдруг в голову одна мысль.

— Ступай-ка сюда, Пиг, — сказал он.

Пигмалион подошел.

— Деру я тебя иногда за уши?

— Да, мистер Пэрри, это ваше право, но только оно противно и человеческой справедливости и божеским законам.

— Хорошо, но все-таки это мое право, не так ли?.. Давай же, я воспользуюсь им еще раз.

И, не обращая внимания на крики Пига, управляющий выдрал его за длинные уши, впрочем, совсем не больно, а просто так, для острастки. Воспользовавшись в последний раз своим правом, почтенный мистер Пэрри почувствовал как бы некоторое облегчение.

В три часа на ступенях крыльца Касл-Хауса показался Джемс Бербанк со всем своим семейством. Перед домом стояла толпа в семьсот человек негров — мужчин, женщин и детей. Притащились даже дряхлые старики, не способные к работе и жившие на покое в поселках Кэмдлес-Бея. Этим стариков было человек двадцать.

Толпа затихла. По знаку Джемса Бербанка мистер Пэрри и его помощники подтолкнули негров поближе к крыльцу, чтобы каждый мог ясно слышать то, что будет говорить плантатор.

— Друзья мои! — обратился к ним Джемс Бербанк — Вы знаете, что в Соединенных Штатах кипит кровавая междоусобная война. Главная причина этой войны — вопрос о невольничестве. Юг стоит за сохранение рабства, считая, что блюдет тем самым свои интересы, Север во имя человечности выступает против рабовладения. Бог помог защитникам правого дела, и оружие их уже не раз прославилось победой. Я, друзья мои, ссверянин по происхождению и всегда, не скрывая этого, был сторонником уничтожения рабства, хотя и не имел возможности применять свои убеждения на деле. В настоящее время обстоятельства сложились так, что я могу, не откладывая больше, действовать согласно моим взглядам. Выслушайте же со вниманием, что я вам скажу от себя и от имени всей моей семьи.

По толпе прошел гул, но тотчас же утих. Тогда Джемс Бербанк громким голосом объявил во всеуслышание:

— «С нынешнего дня, то есть с двадцать восьмого февраля тысяча восемьсот шестьдесят второго года, все невольники на моей плантации навсегда освобождаются от рабства. Они вольны располагать собою как хотят. С нынешнего дня в Кэмдлес-Бее нет больше ни одного невольника, а есть одни лишь свободные люди».

В ответ ему грянуло восторженное «ура!». Сотни рук протянулись к нему в порыве горячей благодарности. На всех устах было имя Джемса Бербанка. Толпа придвинулась вплотную к крыльцу. Мужчины, женщины, дети — все стремились поцеловать руку своего освободителя. Неописуемые радость и восторг, еще усиленные неожиданностью, преисполнили сердца освобожденных. Пигмалион суетился, жестикулировал и ораторствовал больше всех.

Тогда выступил из толпы самый старый из негров, поднялся на первые ступеньки крыльца и, выпрямившись, взволнованным голосом обратился к Бербанку.

— Примите, мистер Бербанк, горячую благодарность освобожденных невольников Кэмдлес-Бея за то, что из ваших уст раздались первые слова об отмене рабства на земле штата Флориды!

Старик медленно поднялся еще на несколько ступеней, приблизился к Джемсу Бербанку и поцеловал у него руку. Маленькая Ди потянулась к старику. Он взял девочку на руки и показал ее толпе.

— Ура мистери Бербанку! Ура!

Этот ликующий крик гулко разнесся по окрестностям и долетел, вероятно, до Джэксонвилла, дав знать жителям его, что великий акт освобождения свершился.

Семья Бербанков была растрогана до глубины души. Тщетно пыталась она унять восторг толпы — крики не умолкали и стихли тогда лишь, когда Зерма поднялась на ступеньки крыльца и попросила слова.

— Вот, друзья мои, — сказала она, — мы все теперь свободны. Свободой своей мы обязаны великодушию того, кто был нашим хозяином и лучшим из хозяев.

— Да!.. Да!.. — закричали с восторженной благодарностью сотни голосов.

— Каждый из вас может теперь располагать собою как угодно, — продолжала Зерма. — Кто хочет, может уйти с плантации и жить как ему заблагорассудится. О себе скажу, что я поступлю, как велит мне сердце, и я думаю, что большинство из вас сделает то же. Седьмой уже год я живу в Кэмдлес-Бее. И я и мои

муж здесь жили, здесь же оба хотим умереть. Я прошу мистера Бербанка оставить нас у себя: мы будем так же служить ему вольными, как служили рабами. Кто согласен со мной?

— Все!.. Все!.. — дружно закричала толпа.

Это единодушие показало, как любим был хозяин Кэмдлес-Бей, какими узами доверия и признательности были связаны с ним освобожденные им невольники.

Тогда Бербанк снова обратился к толпе. Он сказал, что желающие могут оставаться у него служить на новых условиях, что нужно только уговориться относительно их прав и вознаграждения, которое каждый из негров должен впредь получать за свой труд. Но прежде всего, прибавил он, надлежит узаконить освобождение, а потому каждому вольноотпущенному будет выдан по всем правилам составленный документ об освобождении, для него самого и для всего его семейства, который вернет им человеческие права.

Эти бумаги были тут же розданы неграм помощниками управляющего. Они давно уже были заготовлены и заранее подписаны Джемсом Бербанком. Негры получили свои документы с самым трогательным выражением признательности.

День закончился веселым праздником. Хотя завтра неграм предстояло снова приняться за работу, — день освобождения должен был быть отпразднован всей плантацией; семья Бербанков во время этого праздника была окружена проявлениями самой искренней любви и безграничной преданности.

Пэрри как неприкаянный блуждал среди своего бывшего человеческого стада.

— Ну, Пэрри, что вы теперь скажете? — спросил его Бербанк.

— Что же сказать? Хоть вы негров и освободили, но они так и остались неграми, африканцами и ничуть от этого белее не стали: черными на свет родились, черными и помрут.

— Зато жить теперь будут, как белые, а это — главное, — возразил, улыбаясь, Бербанк.

Семейный обед в Касл-Хаусе прошел в этот день особенно весело. Бербанки чувствовали себя счастли-

выми и с надеждой смотрели на будущее. Еще несколько дней — и спокойствие Флориды обеспечено. Никаких дурных вестей из Джэксонвилла не приходило. Возможно, что поведение Джемса Бербанка на суде произвело на большую часть тамошних жителей благоприятное впечатление.

В Касл-Хаусе обедал в этот день и Пэрри, которому волей-неволей приходилось принимать участие в событиях, помешать которому он не мог. Управляющий сидел за столом против того самого старика негра, который от имени освобожденных благодарил Бербанка. Джемс Бербанк позвал своего вольноотпущенника на обед, чтобы показать ему и его собратьям, что для хозяина Кэмдлес-Бея освобождение негров не пустые слова.

Сквозь открытые окна в столовую долетали веселые крики ликующих негров. Весь парк сверкал иллюминацией. Разноцветные огни горели в разных местах плантации. В середине обеда явилась депутация от вольноотпущенных и поднесла «мисс Ди Бербанк из Кэмдлес-Бея» великолепнейший букет цветов, несомненно лучший из тех, которые ей приходилось получать до сих пор. Не было конца изъявлениям благодарности и восторженным излияниям.

Обед окончился. Бербанки из столовой перешли в холл перед тем как разойтись на ночь по своим комнатам. Казалось бы, день, ознаменованный столь радостным событием, должен был в радости и закончиться. К восьми часам на плантации водворилась тишина и спокойствие, которые ничто как будто бы не должно было нарушить. Но вдруг под окнами Касл-Хауса слышались какие-то голоса.

Джемс Бербанк встал и пошел отворить дверь.

Несколько человек, громко разговаривая, ждали у входа.

— Что случилось? — спросил Бербанк.

— Мистер Бербанк, — отвечал один из помощников управляющего, — у пристани остановилась лодка.

— Откуда она прибыла?

— С того берега.

— А кто в ней?

— Курьер джэксонвиллского магистрата,

— Что ему нужно?

— Он желает вас видеть. Вы разрешите ему выйти на берег?

— Разумеется!

Миссис Бербанк подошла к мужу, а Алиса поспешила к окну. Стэннارد и Кэррол направились к дверям. Зерма встала со своего места, схватив за руку маленькую Ди. У всех явилось предчувствие чего-то недоброго.

Помощник управляющего пошел на пристань и через четверть часа вернулся в сопровождении приехавшего из Джэксонвилла курьера.

На курьере был мундир местной милиции. Его ввели в холл, и он спросил, может ли он видеть Джемса Бербанка.

— Это я, — отозвался Бербанк. — Зачем я вам нужен?

— Я должен вручить вам пакет.

Курьер подал Бербанку большой конверт с печатью.

Сломав печать и развернув бумагу, Джемс Бербанк прочел следующее:

«Вновь избранный магистрат города Джэксонвилла постановляет: всякий невольник, освобожденный вопреки установленному в Южных штатах порядку, подлежит немедленному изгнанию из Флориды.

Постановление это должно быть выполнено в течение сорока восьми часов; в случае невыполнения — будет применена сила.

Джэксонвилл, 28 февраля 1862 года.

Тексар».

Итак, законные власти в городе уже свергнуты, и там хозяйничают теперь Тексар и его приспешники.

— Какой будет ответ? — спросил курьер.

— Никакого, — отвечал Джемс Бербанк.

Курьер ушел, и лодка отвезла его обратно в Джэксонвилл.

Стало быть, согласно приказанию негодяя-испанца, бывшие невольники Бербанка подлежали изгнанию из графства. Они изгонялись с территории Флориды

только потому, что стали свободными! И Джемсу Бербанку предстояло лишиться преданных слуг, на которых он мог положиться, если бы понадобилось защищать плантацию.

— Быть свободною на таких условиях! — вскричала Зерма. — Да ни за что на свете! Не нужно мне и свободы, если так. Нет, хозяин, лучше уж я останусь невольницей, только бы мне не разлучаться с вами!

И с этими словами Зерма, схватив свой документ об освобождении, разорвала его на клочки и упала к ногам Джемса Бербанка.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ожидание

Таковы были ближайшие последствия великодушного порыва, которому поддался Джемс Бербанк, освободивший своих рабов, не дожидаясь прихода армии федералистов.

Теперь в городе, да и во всем графстве власть перешла в руки Тексара и его приспешников.

Эти грубые и жестокие по натуре люди пустят сейчас в ход самое гнусное насилие, прибегнут к безудержному произволу. Испанцу не удалось, правда, засадить Бербанка в тюрьму, подтвердить фактами свое обвинение он не смог, но цели своей он тем не менее достиг: большая часть населения Джэксонвилла оказалась враждебно настроенной против городских властей, отказавшихся арестовать владельца Кэмдлес-Бея, и Тексар этим воспользовался. Когда суд оправдал владельца плантации, противника рабства, северянина, который в пику большинству заявил о желании освободить своих рабов, — Тексар, взбунтовав толпу бродяг и проходимцев, поднял в городе мятеж. Он сместил городские власти и, посадив на их место самых ярых своих приверженцев, образовал из них комитет, в котором жители штата, испанцы по происхождению, делили власть с городскими подонками; он заручился поддержкой милиции, которую давно уже обхаживал

и которая всегда ладила с самой разнузданной чернью. Теперь судьба обитателей всего графства оказалась в его руках.

Надо сказать, что поступок Джемса Бербанка пришелся далеко не по вкусу большинству землевладельцев, имевших плантации по реке Сент-Джонс. Они боялись, что их негры тоже, чего доброго, потребуют освобождения. Большинство плантаторов, сторонников рабовладения, негодуя на победы северян, решили бороться с ними и, видя, как сопротивляются федералистам другие южные штаты, вообразили, что и Флорида может противиться вторжению федеральных войск. Поэтому многие поспешили теперь стать под знамена Джефферсона Дэвиса, хотя до тех пор относились довольно равнодушно к вопросу, из-за которого разгорелась война. Сейчас они готовы были поддержать мятежников, вступивших в борьбу с правительством Авраама Линкольна.

Немудрено, что при подобных обстоятельствах Тексар, играя на настроениях жителей штата, отстаивавших свои материальные интересы, сумел добиться большой силы, хотя лично он далеко не пользовался общественным уважением. Как бы то ни было, но теперь он был у власти, которую собирался применить не столько для сопротивления северянам и борьбы с флотилией Дюпона, сколько для достижения своих низких и преступных целей.

Вот почему — из мести к семье Бербанков — первым его действием после захвата власти было уже известное нам распоряжение: изгнать в сорок восемь часов из графства Дьювал всех освобожденных невольников.

— Я ограждаю этой мерой интересы землевладельцев, — говорил он. — Они должны одобрить мое постановление. Если вольноотпущенные будут изгнаны, то у негров во всей Флориде пропадет всякая охота бунтовать для получения свободы.

Большинство джэксонвиллцев приветствовало принятую Тексаром меру, хотя она и была совершенно незаконной. Да, незаконной, несправедливой, ничем не оправдываемой! Джемс Бербанк был вправе освобо-

дить своих рабов. Этим правом он всегда мог воспользоваться даже и тогда, когда не начиналась еще междоусобная война: права этого никто не мог у него отнять. Подписывая свое распоряжение, Тексар действовал вопреки правосудию и законности.

Распоряжение Тексара лишало Кэмдлес-Бей его естественных защитников, чего в сущности только и добивался испанец.

Все в Касл-Хаусе это прекрасно понимали и в глубине души начинали жалеть, что Джеймс Бербанк потропился и не дождался более благоприятного момента. Но с другой стороны разве мог он откладывать, когда, обвиненный в том, что слова его расходятся с делом, он возмутился и дал в зале суда торжественное обещание освободить своих негров?

А теперь Бербанк и его близкие попали в очень опасное положение и должны были немедленно решить, как из него выйти.

В тот же вечер в Касл-Хаусе обсуждался вопрос, не лучше ли было бы отменить освобождение негров? Нет, это ни к чему. Ведь Тексар этим все равно не удовлетворится. Впрочем, сами негры, узнав о мере, принятой против них новой администрацией Джэксонвилла, последуют, конечно, примеру Зермы и разорвут свои вольные. Чтобы не уходить из Кэмдлес-Бея, вольноотпущенники Бербанка предпочтут остаться еще на некоторое время рабами, покуда не изменится обстановка и не будет издан закон, отменяющий рабство и дающий им право жить где угодно.

Да и к чему им сейчас это право? Разве они оставят плантацию, разве они не будут яростно защищать ее вместе со своими бывшими господами от любого покушения? Разве плантация эта не была для них родным домом даже и теперь, когда они получили свободу? Конечно, была, Зерма ручалась за это. И Бербанк решил не отменять раз сделанного. Домашние его это решение одобрили. Они не ошиблись, ибо на следующий же день, только что разнеслась весть о принятом джэксонвиллском постановлении, взволнованные негры бросились к Бербанку с выражением своей верности и безграничной преданности. Если Тексар

вздумает силою привести в исполнение свое постановление, они сумеют дать ему отпор.

— Да наконец скоро придут федералисты, — сказал Кэррол, — и через каких-нибудь два дня вопрос о рабстве во Флориде будет решен. Послезавтра в устье Сент-Джонса вступит эскадра Дюпона и тогда...

— А если милиция и войска южан окажут сопротивление? — заметил Стэннард.

— Долго сопротивляться они будут не в силах, — ответил Кэррол. — Как смогут они задержать коммодора Дюпона, не имея ни кораблей, ни канонерок? Или помешать генералу Шерману высадить десант? А когда федералисты займут Фернандину, Джэксонвилл и Сент-Огастин, они станут хозяевами Флориды. Тогда Тексару и его сторонникам останется только спастись бегством.

— Нет, уж лучше пусть его арестуют, — воскликнул Бербанк. — Когда он попадет в руки федерального правосудия, ему едва ли удастся избежать наказания за все его преступления, ему не помогут тогда ссылки на алиби.

Ночь в Касл-Хаусе прошла совершенно спокойно, но миссис Бербанк и Алиса провели ее в страшной тревоге.

На следующий день — 1 марта — в Кэмдлес-Бее чутко прислушивались ко всем приходившим извне слухам. В этот день плантации еще не угрожала опасность. Постановление Тексара должно быть выполнено в двухдневный срок, следовательно оставались еще сутки. Решившись пренебречь постановлением, Джемс Бербанк поспешил воспользоваться этим временем, чтобы принять необходимые меры для защиты плантации.

Прежде всего нужно было разузнать, как развиваются военные события. С минуты на минуту ход военных действий мог бы круто изменить положение. Джемс Бербанк и Эдвард Кэррол собрались проехать верхом вдоль правого берега Сент-Джонса до самого его устья, чтобы осмотреть хорошо всю местность вплоть до маяка на мысе Сан-Пабло. Проезжая мимо Джэксонвилла, стоящего на противоположном берегу,

они хотели незаметно выяснить, нет ли там в гавани каких-нибудь приготовлений для переправы на правый берег и для нападения на плантацию. Проехав в полчаса до границы плантации, они продолжали продвигаться на север.

Миссис Бербанк с Алисой ходили взад и вперед по парку. Их терзало тяжелое предчувствие надвигающейся катастрофы, и Стэннард тщетно пытался успокоить их.

Тем временем Зерма решила побывать в поселке. Негры знали уже, что им грозит изгнание, но решили пренебречь постановлением и принялись, как обычно, за работу. Они, как и их бывший хозяин, пожелали тоже дать отпор Тексару. По какому праву их, людей теперь свободных, могут изгнать из края, который стал для них второй родиной? Зерма вернулась к своей госпоже с успокоительными вестями: мистер Бербанк мог вполне положиться на своих бывших невольников.

— Да, — сказала она, — все мои товарищи, как и я, готовы снова считаться рабами, лишь бы не уходить с плантации, не расставаться с хозяевами Касл-Хауса. И если понадобится — они сумеют отстоять свои права.

Теперь нужно было только подождать возвращения Бербанка и Кэррола. Ведь вполне возможно, что нынче же, в день 1 марта, близ Сан-Пабло появится эскадра Дюпона, готовая занять устье Сент-Джонса, и тогда, дабы задержать ее, понадобится вся милиция, так что джэксонвиллским властям будет уже не до того, чтобы посылать вооруженную силу в Кэмдлес-Бей и заставить выполнить свое распоряжение.

Управляющий Пэрри совершил, как обычно, свой ежедневный обход всех лесопилен и мастерских и тоже остался доволен настроением негров. Он волею-неволей вынужден был сознаться, что после освобождения они работают так же усердно и не меньше прежнего преданы мистеру Бербанку. Они твердо решили оказать сопротивление джэксонвиллскому сброду. Но неисправимый сторонник рабовладения Пэрри попрежнему считал, что их трудолюбие и преданность непрочны. Натура свое возьмет. Вкусив свободу, вольноотпущенники неминуемо сами вернутся к

рабству. Они снова займут место, предназначенное им самой природой в ряду живых существ — между человеком и домашним скотом.

Тут Пэрри наткнулся на тщеславного Пигмалиона. Парень совсем заважничал, ходил с гордо поднятой головой и заложив руки за спину, всем своим видом показывая, что стал вольным человеком. Ясно было, однако, что работёй он попрежнему себя не утруждает.

— Здравствуйте, мистер Пэрри, — важно поздоровался он с управляющим.

— Что ты тут делаешь, лентяй?

— Гуляю. Я теперь вольный, хочу — работаю, хочу — нет. У меня в кармане документ...

— А кто же тебя будет теперь кормить, Пиг?

— Я сам себя буду кормить, мистер Пэрри.

— Каким образом?

— Как каким? Буду есть...

— Кто же тебе будет давать есть?

— Как кто? Хозяин.

— Хозяин? Да ведь ты теперь человек вольный, у тебя нет хозяина... Разве ты забыл?

— Да, правда, у меня нет хозяина... Но ведь мистер Бербанк не прогонит же меня с плантации, где я, смею думать, приношу некоторую пользу.

— Ошибаешься, прогонит.

— Прогонит?

— Конечно. Когда ты был его собственностью, он держал тебя, хотя ты ленился и ничего не делал. Но теперь ты человек вольный, и если ты будешь так же лениться, зачем ему тебя держать? Он просто-напросто выставит тебя, и поглядим тогда, много ли будет тебе пользы от твоей свободы.

Очевидно, Пигу еще ни разу не приходило в голову посмотреть на свою свободу с этой точки зрения.

— Неужели мистер Бербанк будет так жесток, чтобы... — воскликнул он.

— Да разве это жестокость? — отвечал управляющий. — Это просто само собой разумеется. Да мистер Джемс, если б даже и желал, не имеет права тебя оставить! В Джэксонвилле издан приказ изгнать из Флориды всех вольноотпущенных.

- Неужели это правда?
- Совершенная правда, и я, нужно сказать, не знаю, как вы все, ты и твои товарищи, выкрутитесь из беды, когда у вас не стало больше хозяина.
- Я не хочу уходить из Кэмдлес-Бея! — вскричал Пигмалион. — Так как я человек вольный...
- Ты волен уходить, куда хочешь, но не волен оставаться здесь. Собирайся-ка, приятель, укладывайся.
- Что же со мной будет?
- Не знаю. Это уж твое дело.
- Но ведь я же свободный человек... — начал было опять Пигмалион.
- Этого, как видно, мало.
- Так скажите, что же мне делать, мистер Пэрри?
- Сказать, что делать?.. Изволь, дружок... Слушай хорошенько да мотай себе на ус.
- Слушаю.
- Ты отпущен на волю, не так ли?
- Конечно, мистер Пэрри, у меня и вольная в кармане.
- Так вот возьми и разорви ее.
- Ни за что на свете!
- Ну, если ты не хочешь разорвать свой документ, тогда остается одно только средство.
- Какое, мистер Пэрри, какое?!
- Переменить цвет кожи, дурень, — вот какое! Перемени кожу, Пиг, перемени скорее! Как только ты станешь белым, ты получишь право оставаться в Кэмдлес-Бее, а иначе тебя прогонят, так и знай.

И управляющий пошел прочь, довольный тем, что дал такой хороший урок тщеславному парню.

Пиг несколько минут постоял в раздумье. Теперь он понимал, что недостаточно быть свободным человеком; чтобы сохранить за собою место в жизни, нужно еще для этого стать белым. А как тут сделаешься белым, когда от природы ты черен, как сажа?

И Пигмалион печально направил стопы свои к Касл-Хаусу, усиленно почесывая спину, словно хотел содрать с себя всю свою черную кожу.

Бербанк и Кэррол вернулись из своей поездки к полудню. Со стороны Джэксонвилла не было заметно

ничего подозрительного. Лодки в гавани стояли на обычных своих местах, привязанные к пристани или на якоре посреди реки. Правда, на другом берегу, около города, замечалось скопление войск. Несколько отрядов южан двигались к северу по левому берегу Сент-Джонса в направлении графства Нассау. Но Кэмдлес-Бей, казалось, ничто пока не угрожает.

Приехав к устью реки, Бербанк и Кэррол внимательно оглядели морскую даль. Но на море не видно было ни паруса, ни дымка, по которым можно бы было заключить о приближении эскадры. На этой части флоридского побережья приготовления к обороне были незаметны. Конфедераты не воздвигли здесь ни батарей, ни редутов, ни бруствера. Не было принято никаких мер для защиты устья реки. Если бы суда федералистов появились у входа в бухту Нассау или в устье Сент-Джонса, они могли бы туда беспрепятственно проникнуть. Только не горел свет на маяке Пабло, но это обстоятельство могло бы затруднить федералистскую флотилию лишь ночью.

Таковы были вести, привезенные Бербанком и Кэрролом, когда они вернулись к завтраку. Вести эти, в общем, были довольно утешительными, ибо ожидать немедленного нападения на Кэмдлес-Бей во всяком случае не приходилось.

— Все это так, — заметил по этому поводу Стэннард, — но меня, однако, беспокоит, что до сих пор не видно эскадры Дюпона. Ума не приложу, чем объяснить подобную задержку.

— Да, — подхватил Кэррол, — если флотилия третьего дня вышла в море из бухты Сент-Андрус, она должна была бы уже находиться у Фернандины.

— Все эти дни стояла плохая погода, — возразил Бербанк. — По всей вероятности, западный ветер принудил Дюпона держаться подальше от берега; но сегодня утром ветер стих, и я не удивлюсь, если нынешнею же ночью...

— Ах, если бы твое пророчество оправдалось, дорогой Джемс! — воскликнула миссис Бербанк. — Да помогут нам силы небесные!

— Огни маяка Пабло потушены, мистер Джемс, — заметила Алиса, — как же смогут федералисты сегодня ночью войти в фарватер Сент-Джонса?

— Нет, в фарватер Сент-Джонса им пока не проникнуть, дорогая Алиса, — ответил Джемс Бербанк. — Прежде чем форсировать устье, федералисты должны овладеть островом Амилей, потом Фернандиной, чтобы захватить в свои руки железную дорогу на Сидар-Кейс. Эскадру Дюпона я не жду в Сент-Джонс раньше трех или даже четырех дней.

— Совершенно с тобой согласен, Джемс, — сказал Эдвард Кэррол. — Надеюсь, что уже один захват Фернандины положит конец сопротивлению южан. Очень может быть даже, что милиция очистит Джэксонвилл, не дожидаясь появления канонерок Дюпона. В таком случае Кэмдлес-Бей будет окончательно спасен от Тексара и его банды.

— Вполне возможно, друзья мои! — ответил Бербанк. — Стоит только федералистам вступить на территорию Флориды — и безопасность наша будет обеспечена. А что нового на плантации? — спросил он.

— Нового ничего, мистер Бербанк, — ответила за всех Алиса. — Зерма мне сказала, что негры работают, как обычно, — на полях, в лесу и в мастерских. Она уверяет, что все они готовы лечь костями, защищая Кэмдлес-Бей.

— Будем все же надеяться, что не придется подвергать их преданность такому испытанию. Я бы очень удивился, если бы эти мерзавцы, силой захватившие власть в свои руки, не удрали бы из Джэксонвилла, появившись эскадра северян в виду Флориды. Но все же нужно быть настороже. Дорогой Стэннард, не хотите ли после завтрака пройтись со мною и Кэрролом по плантации и осмотреть наиболее доступную для нападения часть поместья? Мне не хочется, чтобы вы и Алиса подвергались здесь большей опасности, чем в Джэксонвилле. Если дела примут дурной оборот, я никогда себе не прощу, что уговорил вас переехать в Касл-Хаус.

— Успокойтесь, дорогой Джемс, — возразил мистер Стэннард. — Если бы мы остались в Джэксонвилле, то теперь уж наверное подвергались бы всевозможным

вымогательствам со стороны новых правителей города, как и все противники рабовладения.

— И во всяком случае, мистер Бербанк, нам лучше быть всем вместе и сообща встретить опасность, — поддержала отца Алиса.

— Да, это верно, дочь моя, — согласился Джеймс Бербанк. — Ну, да я надеюсь, что все окончится благополучно. Скоро федералисты придут, и Тексар не успеет претворить в жизнь свое постановление о наших вольноотпущенниках.

Между завтраком и обедом Бербанк, Кэррол и Стэннард занялись обходом негритянских поселков. Их сопровождал Пэрри. Джеймс Бербанк не преминул обратить внимание своего управляющего на то, что негры работают с обычным усердием. Все были на своих местах и проявляли большую стойкость.

— Ладно, ладно! — отвечал Пэрри. — Посмотрим еще. Каковы будут результаты их работы!

— Ну, Пэрри, неужели же руки у них стали хуже от того, что их отпустили на волю?

— Пока еще не стали, мистер Джеймс, но скоро станут. Вот увидите! — отвечал упрямец.

— Во всяком случае, Пэрри, на руках у них останутся все те же пять пальцев, что и теперь; нельзя же требовать от них, чтобы пальцев стало больше!

После обхода плантации трое друзей вернулись домой. Вечер прошел спокойнее, чем накануне. Из Джэксонвилла не приходило никаких вестей, и у обитателей Кэмдлес-Бея явилась надежда, что Тексар отказался от выполнения своих угроз или что у него для этого не хватит времени.

Тем не менее на ночь были приняты самые строгие меры предосторожности. Пэрри с помощниками организовали охрану, которая обходила дозором границы поместья и особенно берег Сент-Джонса. Неграм было приказано при малейшей тревоге отступить к ограде парка, у входа в который был устроен сторожевой пост.

Джеймс Бербанк и его друзья несколько раз в течение ночи ходили смотреть, все ли их приказания исполняются. Однако ночь прошла благополучно, и покой обитателей Касл-Хауса ничем не был нарушен.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

День 2 марта

На другой день, 2 марта, Джеймс Бербанк получил, наконец, известие из Джэксонвилла. Одному из помощников управляющего удалось незаметно переправиться через реку и побывать в городе, не возбудив там никаких подозрений.

Сведения были из верного источника и очень важные. Вот их суть.

Коммодор Дюпон прибыл на заре со своею эскадрою в бухту Сент-Андрус на восточном побережье Джорджии. Корабль «Уобаш» шел под флагом коммодора во главе двадцати шести судов, в числе которых было восемнадцать канонерок, один тендер, один транспорт, превращенный в боевое судно, и шесть транспортов с десантом — бригадой генерала Райта.

«При экспедиции, — как писал Джилберт в своем последнем письме, — находился сам генерал Шерман».

Коммодор Дюпон, несколько запоздавший со своею эскадрой из-за штормовой погоды, уже принял меры для занятия рукавов реки Сент-Мэрис. Эти трудно проходимые протоки впадают в устье реки, к северу от острова Амильи, как раз на границе Джорджии и Флориды.

Главный пункт острова — Фернандина — находился в то время под защитою форта Клинч, за каменными стенами которого помещался гарнизон в 1500 человек. У южан таким образом была довольно сильная позиция, которую они могли бы, казалось, защищать с надеждою на успех.

Они, однако, этого не сделали. Помощник управляющего сообщил, что согласно слухам, упорно державшимся в Джэксонвилле, конфедераты при приближении эскадры Дюпона к устью Сент-Мэриса очистили не только форт Клинч, но и самую Фернандину, а также остров Камберленд и всю эту часть флоридского побережья.

Этим и ограничивались вести, полученные в Касл-Хаусе, но они имели важное значение для кэмдлес-бей-

цев. Раз федералисты уже высадились во Флориде, значит они вскоре овладеют всем штатом. Правда, канонерки их покажутся на Сент-Джонсе не раньше, чем через несколько дней — их задержит песчаная отмель. Однако новые джэксонвиллские правители будут все же уstraшены и уж, конечно, не решатся посягнуть на такого видного сторонника Севера, как Джемс Бербанк.

Вся семья вздохнула с облегчением. Миссис Бербанк и Алиса успокоились также и за Джилберта, зная, что он недалеко и скоро сможет свидеться с ними, не подвергаясь при этом никакой опасности.

Действительно, для свидания с родными молодому человеку стоило проехать только тридцать миль, отделяющих бухту Сент-Андрус от маленькой пристани Кэмдлес-Бей. Он в это время находился на канонерке «Оттава», которая только что отличилась замечательным боевым подвигом.

Помощник управляющего, ездивший в Джэксонвилл, узнал не все: утром 2 марта имели место еще некоторые очень важные события, с которыми необходимо познакомиться читателю.

Узнав, что конфедераты очистили форт Клинч, командор Дюпон выслал в фарватер Сент-Мэриса несколько судов небольшого водоизмещения. Белое население уже бежало в глубь страны вслед за отступавшей конфедератской милицией, покидая прибрежные города, местечки и плантации. Жители были охвачены паникой, конфедераты распускали ложные слухи о насилиях, якобы совершаемых северянами с разрешения своих командиров. И не только во Флориде, но и на границе Джорджии, на побережье между Оссабо и Сент-Мэрисом все население обратилось в беспорядочное бегство перед десантными войсками генерала Райта. Таким образом корабли командора Дюпона овладели Клинчем и Фернандиной без единого выстрела. И только канонерке «Оттава», на которой служил старшим офицером Джилберт Бербанк, пришлось пустить в ход свои пушки.

Город Фернандина стоит на железнодорожной линии, соединяющей его с портом Сидар-Кейс на запад-

ном побережье Флориды. Линия эта проходит по острову Амилья, а затем, следуя по длинному мосту на сваях, переброшенному через бухту Нассау, достигает полуострова.

В ту минуту, когда «Оттава» входила в бухту, на мосту показался поезд, в котором спасался бегством гарнизон Фернандины, увозивший с собою все боевые и продовольственные припасы. С гарнизоном уезжала и администрация города. Канонерка, прибавив пары, направилась к мосту и начала обстреливать из пушек мост и поезд. Обстрелом руководил Джилберт. Несколько выстрелов попали в цель. Между прочим, одно ядро угодило в сцепление последнего вагона и оторвало его от поезда, который, однако, не останавливаясь, что было бы крайне опасно, продолжал нестись на всех парах вперед на юго-запад полуострова, предоставив последний вагон собственной участи. В это время подоспевший отряд федералистов, высадившийся в Фернандине, занял мост. Вагон был захвачен со всеми ехавшими в нем беглецами — по большей части штатскими лицами. Пленников отвели к полковнику Гарднеру, командовавшему отрядом, занявшим Фернандину, переписали их имена, продержали на одном из кораблей эскадры сутки под арестом для острастки другим, а затемпустили на все четыре стороны.

Когда поезд скрылся из виду, «Оттава» понеслась в атаку на небольшой, укрывшийся в бухте корабль, груженный оружием и боеприпасами, — и без труда овладела им.

Эти события повергли в уныние войска конфедератов и жителей флоридских городов. Особенно упали духом джэксонвиллцы. В самом деле, на что они могли рассчитывать? Северяне уже овладели устьем Сент-Мэриса, как бесспорно, они овладеют и устьем Сент-Джонса. И Джэксонвилл, подобно Сент-Огастину и прочим городам Флориды, не окажет им никакого сопротивления.

Семья Бербанков могла теперь успокоиться. Нужно полагать, что при подобных обстоятельствах Тексар не решится осуществить свои намерения. Ему и его сторонникам уже недолго оставаться у власти, и она снова

перейдет к честным людям, у которых была похищена. Имелись, очевидно, все основания так думать, а стало быть, и надеяться.

Получив радостные известия, Кэмдлес-Бей возликовал. Негры кричали «ура», и громче всех Пигмалион. Но пока на реке не покажутся канонерки, о мерах предосторожности забывать все же не следовало.

Да, не следовало! Джеймс Бербанк никак не мог предполагать, что пройдет целая неделя, прежде чем федералистам удастся подняться вверх по Сент-Джонсу и овладеть им с верховьев до устья. А сколько еще бед и напастей предстояло вытерпеть до тех пор кэмдлес-бейцам!

Хотя коммодор Дюпон и занял Фернандину, ему приходилось, однако, действовать с крайней осмотрительностью. В его планы входило водрузить федеральный флаг во всех тех пунктах, куда зайдут его корабли. Он разделил поэтому свою эскадру на несколько частей. Одну канонерку он отрядил в реку Сент-Мэрис с приказом занять стоящий на этой реке городок того же наименования и подняться двадцать миль вверх по течению. На север были посланы три канонерки под командованием капитана Гордона, с поручением обследовать близлежащие бухты и занять острова Джайкилл и Сент-Симон и городки Брансвик и Дейриэн, уже частично оставленные их жителями. Шесть паровых военных судов малого водоизмещения под командованием Стивенса должны были подняться вверх по течению Сент-Джонса и занять Джэксонвилл. С остальной же частью эскадры коммодор Дюпон собирался выйти в море, чтобы овладеть Сент-Огастином и блокировать берег вплоть до Москито, чтобы воспрепятствовать военной контрабанде.

Для осуществления всех этих операций было мало одних суток, но этих же суток было достаточно, чтобы южанам разграбить всю плантацию.

В три часа дня у Джеймса Бербанка возникли первые подозрения, что против него затевается что-то недоброе. Пэрри, сделав обход плантации, поспешил вернуться с докладом.

— Мистер Джемс, в окрестностях бродят какие-то подозрительные люди. Они спуют возле плантации.

— С севера, Пэрри?

— С севера.

Почти сейчас же вслед за этим, запыхавшись, прибежала и Зерма, ходившая зачем-то на пристань; она сообщила, что через реку переезжают какие-то люди в лодках и направляются к берегу.

— Лодки направляются из Джэксонвилла? — спросил Бербанк.

— Должно быть, оттуда.

— Пойдем домой, и смотри, Зерма, ни на минуту не выходи из Касл-Хауса.

— Хорошо, господин.

Джемс Бербанк поспешил уведомить своих домашних, что положение снова становится тревожным. Можно было почти наверняка ждать нападения, и лучше было заранее предупредить всех об угрожающей опасности.

— Так эти мерзавцы еще осмеливаются нападать на других, когда сами вот-вот будут разбиты федералистами!.. — воскликнул Стэннард.

— Тексар не хочет упустить случая с нами расправиться и спешит воспользоваться оставшимся еще временем, — сдерживая гнев, заметил Бербанк. — А сделав свое дело, он постарается скрыться.

Помолчав немного, он продолжал, заметно разгорячившись:

— Неужели преступления этого злодея так и останутся безнаказанными и всегда будут сходить ему с рук? Нет, я изверился уже в людском правосудии, а теперь придется усомниться и в небесном...

— Перестань, Джемс, — остановила мужа миссис Бербанк. — У нас теперь осталась одна надежда на бога, не ропщи же на него в эту страшную минуту.

— Отдадим себя под его всемогущую защиту, — прибавила Алиса.

Джемс Бербанк овладел собой и стал давать распоряжения о мерах, необходимых для обороны Касл-Хауса.

— Негров уже предупредили? — спросил Эдвард Кэррол.

— Сейчас предупредят, — отвечал Бербанк. — По моему, нужно ограничиться обороною ограды вокруг парка и дома. Задержать Тексара с его вооруженной шайкой на границе плантации нам вряд ли удастся: они явятся, вероятно, целой бандой. Нужно сконцентрировать, стало быть, всю защиту вокруг палисада. Если же, паче чаянья, ограда будет взята штурмом, — мы укроемся в доме. Касл-Хаус выдерживал когда-то осаду семинолов, он устоит, пожалуй, и против шайки Тексара. Пусть жена, Алиса, Ди и Зерма, которой я их всех троих поручаю, не выходят никуда из дома без моего разрешения. В крайнем случае все готово для того, чтобы они смогли воспользоваться подземным ходом, соединяющим Касл-Хаус с маленькою бухтой Марино на Сент-Джонсе. Там будет спрятана в прибрежных камышах лодка с двумя гребцами, и тогда, Зерма, ты поедешь вверх по реке и укроешься в беседке на Кедровом Утесе.

— А ты, Джемс?

— А вы, отец?

Миссис Бербанк схватила за руку Джемса Бербанка, а Алиса Уолтера Стэннарда, как будто бы уже настала минута бежать из Касл-Хауса.

— Мы постараемся присоединиться к вам, когда нельзя будет уже дольше держаться, — ответил Джемс Бербанк. — Но вы должны пообещать мне, что в случае серьезной опасности вы укроетесь на Кедровом Утесе. Тогда мы сможем еще упорнее сражаться с этими мерзавцами и будем держаться до последнего патрона.

Если нападающим удастся прорваться за ограду в парк и подступить к самому дому, то тогда придется воспользоваться подземным ходом.

Бербанк приказал немедленно созвать негров; Пэрри и его помощники бросились собирать их по хижинам. Не прошло и часа, как все способные носить оружие негры были сосредоточены у ограды близ входа в парк. Женщин и детей заблаговременно удалили в окрестные леса.

К сожалению, запас боеприпасов в Касл-Хаусе был весьма незначителен. В нынешних условиях, то есть во время войны, было почти невозможно закупить оружие и патроны для защиты плантации в нужном количестве. Бербанк попытался было приобрести их в Джэксонвилле, но это ему не удалось. Приходилось довольствоваться тем, что у него осталось от последней войны с семинолами.

План Бербанка состоял в том, чтобы помешать нападающим вторгнуться в Касл-Хаус и поджечь его. О защите всего поместья с его фабриками, мастерскими, лесопильнями, негритянскими поселками и посевами нечего было и думать. В распоряжении Бербанка находилось всего лишь около четырехсот негров, да и те не были достаточно вооружены. Наиболее ловким из них роздали несколько десятков ружей, и лучшие ружья были оставлены для Джемса Бербанка, его друзей, Пэрри и его помощников. Все собрались у входа в потерну, и людей разместили так, чтобы по возможности дольше охранять палисад, довольно хорошо защищенный уже окружавшею его речкою.

Среди всей этой суматохи Пигмалион без толку суетился с озабоченным видом — точь-в-точь как балаганный шут на ярмарке, который на потеху зрителям, ничего не делая, носится взад и вперед с самым деловым видом. Пигмалион, видимо, считая, что он специально назначен для обороны дома, не желал присоединяться к тем из своих сотоварищей, которые охраняли снаружи ограду парка. Никогда еще он не чувствовал такой преданности к Джемсу Бербанку.

Все было готово к обороне. Но с которой стороны ждать нападения? Если нападающие подойдут к северной границе плантации, отразить нападение будет легче; если же, напротив, они поведут атаку со стороны реки, то отбить ее будет труднее, ибо с этой стороны Кэмдлес-Бей ничем не был защищен. Правда, нападающим будет довольно трудно здесь высадиться, и во всяком случае понадобилось бы очень много лодок, чтобы переправить с противоположного берега Сент-Джонса многочисленный отряд.

Это как раз и обсуждали Джемс Бербанк с Кэрролом и Стэннардом, поджидая возвращения разведчиков, высланных на границу плантации.

Долго дожидаться им не пришлось.

В половине пятого с северной границы плантации вернулись запыхавшиеся разведчики.

С севера к Кэмдлес-Бею двигался вооруженный отряд. Была ли то милиция или просто вооруженный городской сброд, который, соблазнившись возможностью грабежа, взялся привести в исполнение постановление Тексара о вольноотпущенниках? Решить этот вопрос было пока невозможно, во всяком случае отряд был большой — человек около тысячи, — и защитники плантации не могли оказать ему длительного сопротивления. Можно было, однако, надеяться, что даже после взятия штурмом ограды Касл-Хаус сможет продержаться еще некоторое время.

Нападающие не пытались, очевидно, высадиться прямо в Кэмдлес-Бее, ибо это сопряжено было с большими трудностями, а переправились через реку ниже Джексонвилла на пятидесяти лодках. Для переправы понадобилось совершить три-четыре рейса.

Джемс Бербанк, стало быть, мудро поступил, сосредоточив всех своих негров у ограды парка, так как оборонять все границы плантации было совершенно невозможно. Ведь нападающие были хорошо вооружены и в пять раз превосходили своею численностью защитников Кэмдлес-Бея.

Кто же был вожаком нападающих? Сам Тексар? Вряд ли. Слишком неосмотрительно было бы с его стороны становиться во главе своей шайки, когда его партии грозило скорое прибытие федералистов. Если же он все же на это отважился, значит план его был таков: истребить или забрать в плен все семейство Бербанков, разграбить плантацию, а потом скрыться куда-нибудь в глушь на южную окраину Флориды — хотя бы, например, в Эверглейдс, где его трудно было бы найти.

Такая опасность, самая страшная из всех, особенно тревожила Джемса Бербанка, и он принял заранее меры к тому, чтобы миссис Бербанк, Алиса, Ди

и Зерма укрылись на Кедровом Утесе, в миле от Кэмдлес-Бей. Если бы пришлось оставить Касл-Хаус в руках врагов, Бербанк тоже ушел бы с друзьями на Кедровый Утес дожидаться там прихода федералистов.

Вот почему в бухте Марино на всякий случай среди камышей была спрятана лодка с двумя гребцами. Но прежде чем расстаться с семьей, если это станет необходимым, нужно защищаться, продержаться еще несколько часов — хотя бы до ночи. Тогда, пользуясь темнотой, лодка сможет проскользнуть незамеченной вверх по реке, избежав преследования шныряющих по ней подозрительных челнов.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Вечер 2 марта

Джемс Бербанк, его друзья и большинство негров готовы были встретить противника. Они только ждали нападения. Были приняты все меры, чтобы сперва дать отпор врагу из-за ограды парка, а если нападающие все же прорвутся — укрыться в стенах Касл-Хауса.

Около пяти часов явственно стали доноситься крики и гул человеческих голосов — наступающие, очевидно, подошли довольно близко: северная часть поместья была уже занята врагами. На горизонте над лесом поднимались клубы густого дыма — горели разграбленные и подожженные злодеями негритянские хижины, обитатели которых, лишь накануне получившие свободу, а с нею и право собственности на свой скarb, не успели его спрятать в надежном месте. Возгласы гнева и отчаянья раздались среди негров. Банда грабителей, ворвавшись в Кэмдлес-Бей, разграбила все их добро.

Между тем шум и отдельные крики становились явственнее. Небо на севере охвачено было зловещим заревом, словно там садилось солнце. Клубы горячего дыма долетали порою до самого дома. Слышался треск горящего сухого дерева на лесных складах. Потом

раздался страшный грохот: на одной из лесопилен взорвался паровой котел. Опустошение и разгром царили на плантации.

Джемс Бербанк, Кэррол и Стэннард стояли у входа в ограду, впуская последние отступающие отряды негров. С минуты на минуту можно было ждать штурма. Усилившаяся стрельба показала, что враги уже приблизились к ограде. Им это было сделать нетрудно: ближайшие деревья росли не далее чем в пятидесяти ярдах от частокола и служили для наступающих прекрасным прикрытием — пули начали залетать за ограду прежде, нежели можно было разглядеть врага.

Посоветовавшись с друзьями, Джемс Бербанк решил ввести всех негров за ограду парка. Там, под прикрытием частокола, поместив ружейные стволы между его заостренными сверху кольями, они будут стрелять по атакующим. Когда же, перебравшись через речку, враг попытается взять штурмом ограду — им удастся, быть может, его отбросить.

Приказание Бербанка было исполнено. Негры вошли за ограду. Уже собирались запереть ворота, как вдруг Джемс Бербанк, выглянув в последний раз за частокол, заметил бежавшего со всех ног человека, который, повидимому, искал убежища в Касл-Хаусе.

Вдогонку ему из леса было послано несколько пуль, однако его не задевших. Мгновенно перебежав мост, он очутился за оградой, вход в которую был тут же накрепко закрыт.

— Кто вы такой? — спросил у него Джемс Бербанк.

— Служащий вашего джэксонвиллского знакомого, мистера Гарвея, — отвечал он.

— Мистер Гарвей прислал вас с каким-нибудь поручением?

— Да, но только мне не удалось сразу переправиться через реку — везде стояли дозорные.

— И вы, не возбуждая подозрений, присоединились к нападающим и явились сюда вместе с ними?

— Да. За милицией идет целая толпа грабителей... с ними-то я и пришел. Улучив минуту, я бросился бе-

жать к огаде, но они догадались и пустили мне вслед несколько выстрелов...

— Хорошо, мой друг. Спасибо. У вас, конечно, есть ко мне письмо от мистера Гарвея?

— Вот оно, извольте.

Джемс Бербанк взял записку и прочитал ее. В ней мистер Гарвей рекомендовал Бербанку своего посланца, Джона Брюса, как человека вполне надежного и преданного. Выслушав его, Джемс Бербанк узнает, что нужно предпринять для спасения своих близких.

В это время за оградой грянул залп. Нельзя было больше терять ни минуты. Нужно было торопиться.

— Что же поручил вам мистер Гарвей передать мне? — спросил Бербанк.

— Во-первых, что через реку в Кэмдлес-Бей переправились тысячи полторы вооруженных джэксонвиллцев, — отвечал Джон Брюс.

— Я и сам так думал. Еще что? Конечно, всем этим сбродом командует Тексар?

— Неизвестно, — отвечал Джон Брюс. — Мистеру Гарвею удалось только узнать, что Тексар уже сутки как исчез из Джэксонвилла.

— Ну, наверное этот негодяй опять замышляет какую-нибудь гнусность, — заметил Бербанк.

— Мистер Гарвей того же мнения, — сказал Джон Брюс. — Впрочем, Тексару нет надобности лично приводить в исполнение свой приказ об изгнании освобожденных негров.

— Да ведь они не приказ приводят в исполнение, а грабят и жгут! — с негодованием вскричал Бербанк.

— Вот именно, — сказал Джон Брюс. — Поэтому мистер Гарвей полагает, что вам и вашему семейству лучше немедленно покинуть Касл-Хаус и укрыться где-нибудь в безопасном месте.

— Касл-Хаус может выдержать осаду, — возразил Бербанк. — И мы покинем его лишь в самом крайнем случае. Что нового в Джэксонвилле?

— Ничего, мистер Бербанк.

— Войска северян еще не двинулись к границам Флориды?

— Со времени занятия Фернандины и бухты Сент-Мэриса новых подвижений не было.

— Для чего же, собственно, вас прислали ко мне?

— Чтобы предупредить вас, что изгнание негров только предлог, а главная цель Тексара — разорить плантацию и взять вас в плен.

— Неужели вы так и не сможете мне сказать, здесь ли сам Тексар, или нет? — настаивал Бербанк.

— Не смогу. Ни мистеру Гарвею, ни мне не удалось это выяснить.

— Среди нападающих есть милиция. Не знаете ли, какова ее численность?

— Человек сто, не больше, — отвечал Джон Брюс. — Но ведь и все эти городские подонки, которые за нею следуют, все эти закоренелые преступники тоже вооружены Тексаром. А они способны на любое насилие. Повторяю вам, мистер Бербанк, мистер Гарвей считает, что вы должны как можно скорей уехать из Касл-Хауса. Он поручил мне предложить вам от его имени свой коттедж в Хэмптон-Реде; он находится, как вам известно, милях в двенадцати отсюда вверх по реке, на правом берегу Сент-Джонса. Там вы можете укрыться на несколько дней...

— Да, знаю, знаю...

— Я могу проводить вас туда тайком, со всем вашим семейством, теперь, пока еще не поздно, если вы покинете Касл-Хаус.

— Я очень благодарен и мистеру Гарвею и вам, но в этом нет еще пока необходимости, — сказал Бербанк.

— Как вам угодно, мистер Бербанк, — ответил Джон Брюс. — Я остаюсь в вашем распоряжении на тот случай, если вам понадобятся мои услуги.

Начавшийся в это время штурм заставил Джемса Бербанка прервать беседу.

Послышался громкий залп, хотя нападающих из-за деревьев еще не было видно. Пули градом сыпались на частокол, не причиняя, однако, большого вреда.

У Бербанка и защитников плантации было лишь около полусотни ружей, и ответить на обстрел они могли лишь редким огнем; но зато выстрелы их были

более меткими, и ряды милиции, шедшей впереди, заметно поределели.

С полчаса продолжалась эта ружейная перестрелка, причем перевес был скорее на стороне защитников Кэмдлес-Бея. Затем нападающие пошли на приступ. Атаку они повели в нескольких пунктах одновременно. Через протекавшую вокруг ограды речку были переброшены бревна и доски, взятые с подожженных затем лесопилен; понесся при этом немалые потери убитыми и ранеными, злодеи добрались до ограды. Они пытались взобраться на нее, подсаживая друг друга, но перелезть через ограду им не удалось. Негры, разъяренные поджогом хижин, мужественно отражали нападение. Но все же было ясно, что защитникам Кэмдлес-Бея не справиться с противником, превосходящим их численностью. Однако до наступления темноты перевес был на стороне защитников Кэмдлес-Бея; никто из них не был убит, лишь несколько человек были легко ранены. Ни Джеймс Бербанк, ни Уолтер Стэннард, хотя оба они и не щадили себя, не были даже задеты пулей. Только Эдварду Кэрролу, раненному в плечо, пришлось уйти в дом, где миссис Бербанк, Алиса и Зерма окружили его заботой.

Ночная тьма пришла на помощь нападающим. Под покровом мрака человек пятнадцать самых отчаянных подобрался к потерне и принялись рубить дверь топорами. Она не поддавалась, и им так и не удалось бы пробраться за ограду; но благодаря дерзкой вылазке одного из бандитов в ограде образовалась брешь.

Загорелась одна из надворных построек, а с нею и та часть палисада, которая к ней примыкала.

Джеймс Бербанк кинулся туда не для того, чтобы попытаться погасить пылающую ограду, а чтобы преградить доступ врагу. При свете пожара он увидел, что какой-то человек, выскочив из-за ограды, кинулся к реке и перебежал на другой берег по наваленным доскам и бревнам.

Прячась в прибрежных камышах, этот человек пробрался, очевидно, в парк со стороны Сент-Джонса,

залез в одну из конюшен и, рискуя погибнуть в огне, поджег там охапку соломы, чтобы одновременно загорелась и часть ограды. Так образовался пролом. Тщетно Бербанк со своими товарищами пытался заградить его. Сквозь открывшуюся брешь хлынули сотни нападающих и мигом наводнили весь парк. В начавшейся рукопашной схватке с обеих сторон было много убитых. Гремели выстрелы. Касл-Хаус был вскоре окружен со всех сторон. Негры после упорного сопротивления были вытеснены из парка и обращены в бегство превосходящим их численностью врагом. Они укрылись в окрестных лесах. Нельзя было их обвинять за это, они храбро сражались, пока могли, и уступили в этой неравной схватке только силе противника. Продолжая сражаться, они были бы только перебиты все до единого.

Джемс Бербанк, Уолтер Стэннард, Пэрри, помощники управляющего, Джонс Брюс и несколько человек оставшихся с ними негров укрылись за стенами Касл-Хауса.

Было уже около восьми часов вечера. На западе небо совершенно потемнело, а на севере освещено было ярким заревом пожара.

— Надо бежать, бежать немедленно, — сказал Джемс Бербанк, поспешно входя в дом с Уолтером Стэннардом. — Возьмут ли Касл-Хаус силой, будет ли он осажден — оставаться вам здесь опасно. Лодка готова! Надо уезжать! Жена, Алиса, умоляю вас, поезжайте с Ди и Зермой на Кедровый Утес! Там вы будете в безопасности, а мы присоединимся к вам потом.

— Едемте с нами, отец, — умоляла Алиса. — И вы тоже, мистер Бербанк.

— Да, Джемс, поезжай с нами! — просила и миссис Бербанк.

— Я?! — воскликнул Бербанк. — Чтобы я оставил Касл-Хаус этим негодям, покуда есть хотя малейшая возможность защищаться! Мы еще продержимся... нам легче будет защищаться, зная, что вы в безопасности.

— Джемс, ради бога!

— Нельзя иначе!

Толпа с ревом и воплями приближалась к дому и атаковала главный фасад со стороны реки; под ударами нападающих затрещала дверь.

— Уезжайте! — вскричал Джеймс Бербанк. — Теперь темно, вас не увидят. Уезжайте же! У нас просто руки опускаются, пока вы здесь!.. Бога ради, уезжайте!

Зерма пошла вперед вместе с Ди; миссис Бербанк, судорожно обняв на прощанье мужа, Алиса — отца, вышли вслед за Зермой и спустились по лестнице в подземный ход, ведущий к бухте Марино

— Ну, друзья, — сказал Джеймс Бербанк, обращаясь к Пэрри, его помощникам и нескольким оставшимся с ними неграм, — теперь, когда женщины ушли, будем биться до последней капли крови.

Защитники разместились в нижнем этаже у окон главного фасада и открыли стрельбу по нападающим, которые засыпали стены дома градом пуль. Осажденные стреляли реже, но без промаха, так как вели огонь по густой толпе. Толпа рвалась к входу, старалась выбить дверь. Она, однако, не поддавалась. На этот раз нельзя было пробить брешь и помочь толпе ворваться в дом; каменные стены — не деревянный частокол.

Но вот, пользуясь сгустившимся мраком, человек двадцать грабителей пробрались цепочкой к входу и с удвоенной яростью обрушились на дверь. Однако ни топорами, ни ломami взломать ее не удалось. За эту попытку несколько человек заплатились жизнью: сквозь амбразуры боковых окон их легко было подвергнуть перекрестному огню.

Положение осажденных становилось все серьезнее: у них кончались патроны. Ведь большую часть зарядов израсходовали за время трехчасовой осады Бербанк и его друзья. Необходимо еще продержаться, но как это сделать, если нет патронов? Неужели уйти и оставить Касл-Хаус на разграбление этим мерзавцам, которые обратят его в груды развалин? А ведь иного выхода не останется, если им удастся взломать расшатанную уже дверь. Сознывая все это, Бербанк хотел все же еще подождать. Ведь в любой момент может что-нибудь случиться. Теперь уже не приходилось бояться за

жену и дочь, за Алису Стэннارد. Мужчинам оставалось бороться до конца с этой шайкой грабителей, поджигателей и убийц.

— Патронов хватит только на час! — сказал Джемс Бербанк. — Что ж, друзья, будем отстреливаться до последнего заряда и не сдадим Касл-Хаус!

Не успел он сказать это, как издалека донесся глухой грохот.

— Пушечный выстрел! — вскричал Бербанк.

С запада, из-за реки, снова послышался оружейный выстрел.

— Еще один! — сказал Стэннارد.

— Внимание! Тише! — остановил его Бербанк.

Ветер донес до Касл-Хауса звук третьего пушечного выстрела.

— Уж не сигнал ли это из Джэксонвилла, чтобы отозвать нападающих? — предположил Уолтер Стэннارد.

— Возможно. Там, вероятно, что-нибудь неладно, — согласился Джон Брюс.

— А если эти три пушечных выстрела долетели до нас не из Джэксонвилла... — начал Пэрри.

— Значит, стреляют пушки северян! — вскричал Бербанк. — Быть может, эскадра вошла уже, наконец, в Сент-Джонс и идет вверх по реке?

Что ж? Было вполне возможно, что Сент-Джонс или его устье оказались в руках федералистов.

Но нет! Три пушечных выстрела донеслись несомненно с батареи Джэксонвилла, так как других за ними не последовало. Стало быть, никакой схватки между эскадрой северян и конфедератами ни на равнинах графства Дьювал, ни на реке Сент-Джонс не произошло.

Несомненно, то был сигнал к отступлению. И он, видимо, дан был отряду милиции, который орудовал в Кэмдлес-Бее. Пэрри, подойдя к боковому окну, вдруг закричал:

— Они уходят!.. Уходят!

Все бросились к среднему окну и приоткрыли его.

Удары топором в дверь действительно прекратились, выстрелы смолкли. Нападающие уходили прочь.

Вопли и рев, еще слышимые снаружи, стали доноситься глуше.

В Джэксонвилле, повидимому, что-то случилось, и власти подали сигнал, чтобы вернуть милицию в город. Три пушечных выстрела были условным знаком, предупреждавшим конфедератов об опасном для них движении эскадры. Вот почему осада была немедленно снята и толпы грабителей кинулись прочь. Они ушли теперь по опустошенным полям поместья, дорогами, освещенными заревом пожара, и вскоре переплыли реку на лодках, поджидавших их двумя милями ниже Кэмдлес-Бея.

Шум толпы постепенно смолк в отдалении. Ружейная пальба прекратилась, и на плантации воцарилась мертвая тишина.

Часы показывали половину десятого. Джемс Бербанк с друзьями спустился в холл. Там на диване лежал Эдвард Кэррол; он был легко ранен, но ослабел от потери крови.

Ему рассказали обо всем, что случилось после данного из Джэксонвилла сигнала. Теперь, хотя бы на время, можно не бояться банды Тексара.

— Да, конечно, — сказал Бербанк. — Но произвол и насилие все же одержали победу. Этот мерзавец хотел разогнать моих освобожденных негров — и разогнал. Чтобы отомстить мне, решил опустошить плантацию — и от нее осталось одно лишь пепелище.

— Джемс, — сказал Уолтер Стэннард, — ведь могло быть и хуже. Никто из нас не погиб, защищая Касл-Хаус. Ваша жена, дочь, моя Алиса — в безопасности, а ведь они могли попасться в руки этих злодеев.

— Вы правы, Стэннард, возблагодарим за это всевышнего. Но Тексар не останется безнаказанным, он мне ответит за пролитую кровь.

— Не напрасно ли сестра, Алиса, Ди и Зерма ушли из Касл-Хауса? — сказал Кэррол. — Знаю, момент был опасный! И все же я предпочел бы, чтобы они сейчас были здесь, вместе с нами!

— Как только рассветет, я отправлюсь за ними, — отвечал Бербанк. — Они, вероятно, в смертельном страхе, и нужно их успокоить. Посмотрим, стоит ли их

сейчас же забрать обратно в Кэмдлес-Бей или же оставить еще на несколько дней на Кедровом Утесе.

— Да, не следует торопиться, — сказал Стэннард. — Нет еще полной уверенности, что все уже кончилось. А пока в Джексонвилле хозяйничает Тексар, мы всего можем опасаться...

— Вот почему я и хочу быть осторожным, — ответил Бербанк. — Пэрри, позаботьтесь, чтобы незадолго до рассвета была готова лодка. Мне нужен будет только один гребец...

Джемс Бербанк не успел договорить.

Душераздирающий, отчаянный призыв на помощь заставил его умолкнуть.

Крик раздался в парке, с расстилавшейся перед окном лужайки.

— Отец! Отец! — донеслось оттуда.

— Это Алиса! — вскричал Стэннард.

— Новое несчастье! — воскликнул Бербанк.

Все кинулись к двери и мгновенно выскочили наружу.

В нескольких шагах от дома стояла Алиса, а подле нее неподвижно лежала на земле миссис Бербанк.

Ни Ди, ни Зермы с ними не было.

— Где девочка? — в тревоге крикнул Джемс Бербанк.

При звуке его голоса миссис Бербанк приподнялась. Говорить она не могла и только простерла руку в сторону реки.

— Они похищены!

— Да, Тексаром, — с трудом выговорила Алиса и без чувств упала на траву рядом с миссис Бербанк.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Последующие шесть дней

Когда миссис Бербанк и Алиса вступили в подземный ход, ведущий к бухте Марино, Зерма шла впереди них, неся на одной руке Ди, а в другой держа фонарь, слабо освещавший беглянкам путь. Дойдя до выхода

из подземелья, Зерма попросила миссис Бербанк ее подождать. Она хотела сперва удостовериться, на месте ли лодка с двумя гребцами-неграми. Открыв дверь из подземного хода, она вышла наружу и направилась к реке.

Прошла минута — только одна минута, — и вдруг миссис Бербанк и Алиса хватились малютки.

— Ди! Ди! — закричала миссис Бербанк, рискуя выдать врагам свое присутствие.

Девочка не откликнулась. Привыкнув всюду ходить за Зермой, она последовала за нею и тогда, когда та пошла к бухте. А мать этого не заметила.

Вдруг раздались чьи-то стоны и крик. Предчувствуя беду, обе женщины, забыв о себе, выскочили наружу и бросились к реке, но, добежав до нее, увидели лишь уплывавшую лодку, которая быстро исчезала во мраке.

— На помощь! На помощь!.. Это Тексар! — кричала Зерма.

— Тексар! Тексар! — закричала также и Алиса, указывая рукою на человека, освещенного заревом пожара и стоявшего на корме лодки, которая вскоре скрылась совсем из виду.

Наступила тишина.

Оба негра-гребца лежали на берегу мертвыми.

Тогда, обезумев от горя, миссис Бербанк бросилась к берегу, не переставая звать дочь. Алиса побежала следом за нею. Но никто не откликнулся на отчаянный вопль матери. Лодки уже не было видно. Она скрылась, поглощенная ночью тьмой, или, быть может, переплыв реку, причалила где-нибудь у левого берега.

С час металась по берегу миссис Бербанк, тщетно разыскивая дочь, и, наконец, свалилась обессиленная. Алисе с трудом удалось ее поднять и повести, почти понести, домой. Вдали, со стороны Касл-Хауса, слышались ружейные выстрелы и временами дикие вопли осаждающих. И все же необходимо было направиться в ту сторону и вернуться в Касл-Хаус тою же дорогою. Но вот вопрос: кто им отворит дверь, ведущую из дома в подземный ход? Удастся ли Алисе достучаться?

Молодая девушка вела миссис Бербанк, которая от горя и усталости не сознавала, что делает и куда идет. Двигаясь вдоль берега реки, они вынуждены были то и дело останавливаться. Они могли с минуты на минуту натолкнуться на банду грабителей и попасть им в лапы. «Не лучше ли подождать утра?» — думала Алиса. Нет, это не годится: миссис Бербанк нуждается в уходе, в помощи, ей непременно нужно быть в Касл-Хаусе.

Алиса решила идти не обычной дорогой вдоль реки, а напрямик — через луга, прямо на зарево пожара, поднимавшееся над горящими негритянскими хижинами; так им удалось добраться до парка.

Тут силы окончательно покинули несчастную женщину, и она снова упала на землю, подле Алисы, которая и сама едва держалась на ногах.

Осада дома была уже в это время снята, и милиция ушла из парка, а за ней и толпа грабителей, ее сопровождавшая. Не слыша больше криков и выстрелов, Алиса решила, что Касл-Хаус взят мятежниками и все его защитники погибли. Отчаяние овладело ею, она застонала, призывая на помощь отца, и упала на землю.

Этот-то крик и услышали Джеймс Бербанк и его друзья. Они выбежали в парк, нашли обеих несчастных женщин и узнали обо всем, что случилось в бухте Марино.

Шайка Тексара ушла, им не грозит уже опасность попасть в ее руки — но что из того? Ужасное несчастье постигло их! Ди, малютка Ди, была во власти Тексара!

Вот что рассказала Алиса прерывающимся от рыданий голосом. Вот что услышала, придя в себя, горько плачущая миссис Бербанк. Вот что узнали Джеймс Бербанк, Стэннارد, Пэрри и их товарищи. Бедная малютка похищена и неизвестно куда увезена злейшим врагом своего отца! Что могло быть ужаснее и какие еще жесточайшие горести ждали в будущем эту семью?

Это известие поразило всех словно ударом обуха.

Миссис Бербанк отнесли в ее комнату и уложили в постель. При ней осталась Алиса.

Джемс Бербанк и его друзья, сидя внизу в холле, обсуждали, что им предпринять для освобождения Зермы и Ди из рук Тексара. Да, несомненно, преданная мулатка не щадя себя будет до последней капли крови бороться за спасение ребенка! Но ведь она пленница негодяя, обуреваемого жаждой мести, и может поплатиться жизнью за показания, которые дала против него на суде. И Бербанк винил себя в том, что велел жене и дочери уходить из Касл-Хауса, не обеспечив им вполне безопасного пути. Случайно ли оказался Тексар близ выхода из туннеля? Конечно, нет; наверное, он как-то узнал о существовании в Касл-Хаусе подземного хода и принял меры на тот случай, если осажденные решат покинуть дом, воспользовавшись этим тайным выходом. Он привел с собой на правый берег реки свою шайку, прорвавшуюся за ограду парка, и, заставив Бербанка с семьей укрыться в стенах дома, сам с несколькими соучастниками отправился, вероятно, в бухту Марино. Там он напал неожиданно на двух негров-гребцов, охранявших лодку, и велел их прикончить; криков несчастных никто не услышал — их заглушала стрельба и вопли осаждающих. Затем испанец стал терпеливо ждать. Когда из подземного хода вышли Зерма и Ди, Тексар, вероятно, подумал, что миссис Бербанк, ее муж и их друзья еще не покинули Касл-Хаус, и, решив ограничиться хоть этой добычей, похитил ребенка и мулатку, спрятав обих пленниц в таком месте, где их невозможно было бы найти.

Каким еще более жестоким ударом мог поразить негодяй семью Бербанков? Он точно вырвал сердце у отца и матери ребенка.

Страшную ночь пережили Бербанки. К тревоге их о девочке и Зерме присоединялась еще неуверенность в дальнейшей судьбе самих обитателей дома. Осаждающие ушли, но разве можно поручиться, что они не вернутся со свежими силами, чтобы принудить к сдаче уцелевших защитников дома? Этого, к счастью, не случилось. Ночь прошла спокойно, и нового нападения не последовало.

Как важно было бы узнать, однако, по какой причине раздалась накануне три пушечные выстрела и почему осаждающие так неожиданно отступили, когда им стоило подождать только еще какой-нибудь час — и штурм увенчался бы полным успехом. Не вошла ли действительно флотилия федералистов в устье Сент-Джонса? Не овладели ли Джэксонвиллом канонерки Дюпона? Для Джемса Бербанка и его друзей это было бы, конечно, счастьем. Тогда они моли бы приняться за поиски Зермы и Ди, возбудить преследование против Тексара, а если тот не успел еще сбежать со всеми своими соучастниками, обвинить его в незаконном нападении на плантацию и в похищении мулатки и ребенка.

Теперь Тексар не мог бы уже доказать свое алиби, как сделал это на суде в Сент-Огастине, о котором мы упоминали в начале нашего повествования. Если испанец и не стоял лично во главе шайки, напавшей на Кэмдлес-Бей, — этого посланец мистера Гарвея не смог подтвердить Бербанку, — то в похищении Зермы и Ди участвовал сам — ведь Зерма успела крикнуть его имя, когда ее увозили на лодке. Да и Алиса разглядела его на корме, прежде чем лодка скрылась из виду.

Федеральное правосудие заставит заведомого преступника признаться, куда он увез свои жертвы, и покарает его за совершенные им преступления.

Но, увы! Предположение Бербанка о приходе эскадры северян в Сент-Джонс ничем не подтвердилось. Третьего числа из бухты Сент-Мэриса не вышло еще ни одно из федералистских судов. Это следовало из новостей, которые были доставлены в тот день одним из помощников управляющего, ездившим на тот берег. Близ маяка Пабло не проходил еще ни один корабль. Действия северян ограничивались пока занятием Фернандины и форта Клинч. Очевидно, коммодор Дюпон решил продвигаться в глубь Флориды с крайней осторожностью. Что же касается Джэксонвилла, то там попрежнему господствовала партия мятежников. После похода на Кэмдлес-Бей испанец снова появился в городе и организовал там оборону на слу-

чай, если канонерки Стивенса будут форсировать устье Сент-Джонса. Пушечные выстрелы, вернувшие его с шайкой грабителей в город, были, по всей вероятности, ложной тревогой. Впрочем, нового нападения ожидать не приходилось. Разве для Тексара не было довольно и того, что он уже сделал? Плантация была разорена, лесопилы сожжены, негры, потерявшие все свое добро, разогнаны. Малютка Ди похищена у отца с матерью, и напасть на след ее похитителя было невозможно.

Джемс Бербанк сам в этом убедился, когда, объехав весь правый берег реки вместе с Уолтером Стэннардом, он даже в самых незначительных бухтах не нашел ни малейшего следа похищенных. Оставалось только обыскать левый берег.

Но возможно ли было это сделать теперь? Не лучше ли подождать прихода северян? Благоразумно ли оставлять больную миссис Бербанк, Алису, раненого Эдварда Кэррола? Ведь Касл-Хаус мог подвергнуться новому нападению.

Ужаснее всего было то, что Джемс Бербанк не мог подать жалобу на Тексара ни за опустошение плантации, ни за похищение Зермы и Ди. Тексар был теперь правителем города, и приходилось, стало быть, жаловаться ему самому на него же. Итак, оставалось только ждать, пока в Джэксонвилле не водворится законный порядок.

— Джемс, — утешал друга Стэннард, — что и говорить — девочка в опасности, но вы все же не должны забывать одного... что с нею Зерма, которая не пощадит...

— Своей жизни, я знаю... Зерма готова умереть за Ди, верно. Ну, а если она умрет — тогда что?

— Выслушайте меня, дорогой Джемс, — ответил Стэннард. — Я много об этом думал и пришел к заключению, что Тексару невыгодно доводить дело до крайности. Он еще не убрался из Джэксонвилла, а куда он там, не думаю, чтобы он пошел на какое-нибудь насилие над своими пленниками. Малютка для него — заложница, порука его собственной безопасности в случае победы северян. Ведь за бесчинства в

Джэксонвилле и за разорение плантации такого сторонника Севера, как вы, Джемс, его, разумеется, притянут к суду, вот он и хочет хоть сколько-нибудь оградить себя от неприятных последствий. Поэтому можете быть уверены, что Зерма и Ди будут целы и невредимы, а тем временем придут сюда Шерман и Дюпон.

— Когда же они, наконец, придут?! — воскликнул Бербанк.

— Не сегодня так завтра... Повторяю вам, Ди — гарантия безопасности для Тексара. Он для того и похитил ее, зная к тому же, что наносит вам тем самым страшный удар, — в чем он не ошибся, мой бедный друг.

Рассуждения Уолтера Стэннарда, в сущности довольно справедливые, не могли, однако, ни убедить, ни утешить Джемса Бербанка. Однако он понял только одно: для утешения жены ему нужно говорить то же, что говорил ему Стэннард. Бедная женщина была так убита горем, что приходилось опасаться за ее жизнь. Вернувшись домой, Бербанк пустил в ход доказательства, которые самого его не убедили.

Тем временем Пэрри и его помощники делали обход разоренной плантации. Зрелище было потрясающее и произвело, казалось, очень сильное впечатление даже на Пигмалиона, который сопровождал управляющего во время обхода. Этот «свободный гражданин» не пожелал бежать в леса с другими неграми, разогнанными Тексаром; терпеть там холод и голод — такая свобода его мало прельщала, — он предпочел остаться в Касл-Хаусе, готовый в случае надобности разорвать свой документ об освобождении, как это уже сделала Зерма.

— Что, Пиг? Видишь? — твердил ему мистер Пэрри. — Плантация разорена, все наши мастерские разрушены. Вот что значит дать свободу чернокожим.

— Мистер Пэрри, ведь я в этом не виноват, — возражал Пигмалион.

— Напротив, очень виноват. Если бы ты и тебе подобные вместо того, чтобы слушать болтунов, восхвалявших свободу, сами протестовали бы против идей

Севера и взялись бы за оружие, чтобы дать отпор федералистам, мистеру Бербанку никогда бы и в голову не пришло освобождать вас и над Кэмдлес-Беем не стряслась бы беда.

— Что же мне теперь делать, мистер Пэрри? — спрашивал в отчаянии Пиг. — Что мне делать?! Как помочь горю? Научите!

— Изволь, Пиг, я, так и быть, тебе скажу... и если у тебя есть хоть капля совести, ты должен это сделать. Ты ведь свободный человек, да?

— Кажется, свободный, мистер Пэрри.

— Следовательно, ты сам себе принадлежишь?

— Разумеется.

— Значит, ты можешь делать с собою что угодно?

— Конечно, мистер Пэрри.

— Так вот, Пиг, на твоём месте я сейчас же пошел бы на какую-нибудь соседнюю плантацию, продал бы там себя в рабство, а деньги отдал бы мистеру Бербанку, чтобы хоть сколько-нибудь вознаградить его за убытки, которые он потерпел, дав вам свободу.

Неужели Пэрри говорил серьезно? Очень может быть. Он часто заговаривался, стоило ему только сесть на своего любимого конька. Во всяком случае, несчастный Пигмалион был смущен и потрясен до крайности и не знал, что отвечать.

В одном лишь управляющий был совершенно прав — освобождение негров причинило Джемсу Бербанку огромные убытки. Подсчет всех материальных потерь Бербанка дал бы значительную сумму. Ясно было, что негритянские хижины были разграблены и сожжены, от мастерских, лесопилен остались лишь груды еще дымящихся развалин. Вместо лесных складов, где сложены были уже готовые доски и бревна, вместо фабрик с хлопкоочистительными машинами, гидравлическими прессами, машинами для обработки сахарного тростника — стояли одни лишь черные обгоревшие, полуразвалившиеся стены; груды обожженного кирпича валялись там, где еще недавно поднимались фабричные трубы. Кофейные плантации, рисовые поля, огороды, загоны для скота были так опустошены, словно стая диких зверей напала на плантацию.

При виде этой мрачной картины управляющий Пэрри не мог сдержать своего возмущения. Из уст его вырвались слова гнева и угрозы; яростные взгляды, которые он бросал на Пига, испугали негра, и тот счел за лучшее вернуться в Касл-Хаус, сказав, что хочет «на свободе обдумать совет мистера Пэрри». Целый день думал бедный Пиг, но так и не пришел ни к какому решению.

Между тем некоторые из разогнанных негров вернулись тайком на плантацию. Можно себе представить, в какой ужас и отчаяние они пришли, когда увидели, что там не уцелело ни единой хижины. Джемс Бербанк тотчас же велел о них позаботиться. Часть негров он поместил внутри ограды, в помещениях, которые уцелели от пожара. Неграм велели похоронить убитых — как защитников Касл-Хауса, так и нападавших, раненых нападавшие захватили с собой. Были преданы земле и трупы двух гребцов, убитых Тексаром в бухте Марино.

О приведении плантации в порядок до поры до времени нечего было и думать. Надо было дожидаться окончательного торжества северян во Флориде. Другие, более неотложные заботы день и ночь волновали Бербанка. Он делал все, что мог, чтобы найти хоть какой-нибудь след своей похищенной дочери. К тому же и здоровье миссис Бербанк внушало серьезные опасения. Хотя Алиса ходила за ней как нежная дочь, тем не менее помощь врача была необходима.

В Джэксонвилле был один врач, пользовавшийся доверием Бербанков. За ним послали, и он не замедлил приехать в Кэмдлес-Бей. Он прописал больной несколько рецептов, но разве могли ей помочь лекарства, покуда не отыскана малютка Ди? И каждый день Джемс Бербанк с Уолтером Стэннардом, оставив дома не вполне еще оправившегося Эдварда Кэррола, ездили осматривать берега реки. Они обследовали маленькие островки на Сент-Джонсе, расспрашивали местных жителей, обещая кучу денег за малейшее указание, за самое незначительное сведение... Но все их старания были напрасны. Кто мог бы им сказать, что Тексар скрывается в глубине Черной бухты? Ведь

никто этого не знал. Чтобы спрятать своих пленниц понадежней, Тексар, быть может, увез их к верховьям реки? Разве мало тайников было среди девственных лесов в глубине Флориды, среди обширных болот на юге штата или в непроходимом Эверглейдсе, где испанец мог так хорошо скрыть свои жертвы, что найти их оказалось бы невозможным?

Доктор ездил в Кэмдлес-Бей каждый день, и от него Джемс Бербанк узнавал все джэксонвиллские новости, а также обо всем, что происходило на севере графства Дьювал.

Никаких дальнейших попыток овладеть территорией Флориды федералисты не делали. Неужели же инструкции, полученные из Вашингтона, предписывали им остановиться на границе штата и дальше не идти? Это было бы тяжким ударом для унионистов Флориды, особенно же для Джемса Бербанка, как наиболее скомпрометированного из них в глазах конфедератов. Но какова бы ни была причина, — эскадра Дюпона все еще не выходила из Сент-Мэриса, и три пушечные выстрела вечером 2 марта были не более как ложною тревогою, введшею в заблуждение людей Тексара, благодаря чему Касл-Хаус был спасен от грабежа и разрушения.

Что же касается испанца, то не следовало ли ожидать, что он предпримет новое нападение на Кэмдлес-Бей? Ведь Джемс Бербанк еще не был в его власти?

Нет, это было, пожалуй, маловероятным. Разорение плантации и взятие в плен Зермы и Ди удовлетворили его на время. Да к тому же в Джэксонвилле нашлись честные люди, не побоявшиеся громко выразить свое отвращение к бесчинству, совершенному Тексаром в поместье, что, правда, не слишком-то заботило испанца; он попрежнему властвовал в городе и графстве, поддерживаемый подонками населения...

Сторонники Тексара — проходимцы и наглые авантюристы — ликовали, дни и ночи предаваясь шумным оргиям. Каждый вечер в Кэмдлес-Бее видели, как над городом, точно зарево пожара, вспыхивал в небе отблеск иллюминации. Честные люди вынуждены были молчать, подчиняясь этой партии негодяев.

Новой администрации очень помогло временное бездействие северян. Воспользовавшись этим бездействием, она распустила слух, будто федералисты не перейдут через флоридскую границу — потому что им, мол, велено отступить в Джорджию и в обе Каролины, что они не займут полуостров Флориду, так как Флорида, эта старинная испанская колония, стоит в стороне от того вопроса, из-за которого началась война, и т. п. Слухи эти настолько ободрили конфедератов, что во многих графствах штата, особенно на севере Флориды, на границе с Джорджией, началось движение против плантаторов-унионистов, владения которых стали подвергаться участи Кэмдлес-Бея. Так, на одной из плантаций конфедераты разогнали негров, на другой сожгли лесопильню, на третьей — разграбили все оборудование мастерских и фабрик.

Хотя Кэмдлес-Бею и нечего было опасаться повторения осады, однако Джеймс Бербанк с нетерпением ждал прихода федералистов. При настоящем положении дел он ничего не мог предпринять против Тексара: ни привлечь его к судебной ответственности, ни заставить указать место, где он прячет Зерму и Ди.

Сколько терзаний причиняло Бербанку и его близким это затянувшееся ожидание! Они не могли, однако, поверить, что федералисты остановятся на границе Флориды. В последнем письме Джилберта прямо было сказано, что Дюпон и Шерман идут на Флориду. Неужели вашингтонское правительство прислало после того в бухту Эдисто новые инструкции? Или, может быть, конфедераты одержали в Виргинии или обеих Каролинах какую-нибудь важную победу, вынудившую федералистов приостановить свое продвижение на юг? Если это правда, сколько волнений, сколько еще бед предстоит испытать обитателям Кэмдлес-Бея!

В таких тревогах прошли первые пять дней после разгрома Кэмдлес-Бея. О дальнейшем продвижении федералистов ничего не было слышно, о Зерме и Ди тоже не было никаких вестей, хотя Джеймс Бербанк не прекращал своих розысков, и не проходило дня, чтобы он что-либо не предпринял в этом направлении.

Наступило 9 марта. Эдвард Кэррол совершенно

оправился от раны и мог бы уже принять участие в поисках Ди и Зермы, но миссис Бербанк все еще была очень слаба и не переставала плакать. В бреду она, горько рыдая, звала дочь, вскакивала с постели, говоря, что сейчас пойдет искать ее. За приступом нервного возбуждения всякий раз следовал глубокий обморок, так что Алиса боялась, что несчастная женщина умрет у нее на руках после одного из таких припадков.

Утром 9 марта в Джэксонвилл пришло, наконец, известие с театра войны, но, к несчастью, неутешительное для унионистов.

По слухам, конфедератский генерал Ван-Дорн, отеснив сперва 6 марта войска генерала Кэртиса при Бентонвилле, в Арканзасе, принудил затем федералистов к отступлению. Впрочем, это был только слух, так как на самом деле серьезных боев не было, а была лишь небольшая стычка с арьегардом одного из корпусов северян, правда, неудачная для федералистов, но несколько дней спустя полностью возмещенная победой при деревушке Пи-Ридже. В Джэксонвилле, однако, сепаратисты обнаглели еще больше, придав этой удачной стычке значение крупной победы и отпраздновав ее иллюминацией и оргиями, шум которых доносился до опечаленных обитателей Кэмдлес-Бея.

Таковы были новости, собранные Джемсом Бербанком во время совершенного им в этот день обследования левого берега Сент-Джонса.

Некий житель графства Патнам полагал, что обнаружил кое-какие следы похищенных на одном островке Сент-Джонса, в нескольких милях выше Черной бухты. Человек этот слышал накануне ночью чей-то отчаянный крик и сообщил об этом Джемсу Бербанку. Кроме того, около тех же мест видели недавно приспешника Тексара индейца Скуамбо, который плыл по реке в своем челне. Что индеец в челноке действительно проезжал поблизости, подтвердил также один из пассажиров «Шаннона», ехавший из Сент-Огастина и высадившийся на пристани Кэмдлес-Бея.

Джемс Бербанк с Эдвардом Кэрролом и двумя неграми немедленно пустились по указанному следу. Они сели в лодку, поднялись вверх по реке до островка, о

котором им говорили, высадились на нем, обследовали несколько рыбацких хижин, давно уже, очевидно, пустовавших, прошли весь островок из конца в конец и ничего не нашли. В глубине островка, среди почти непроходимой лесной чащи, — никаких следов человеческого присутствия. Не заметно было также, чтобы где-либо к берегу недавно приставала лодка. Скуамбо нигде не было видно: если он и плавал в своей лодке поблизости от островка, то во всяком случае на нем не высаживался.

Итак, поиски и на этот раз ни к чему не привели. Бербанк пришел к убеждению, что он опять пошел по ложному следу.

В этот вечер Джемс Бербанк, Уолтер Стэннارد и Эдвард Кэррол собрались, по обыкновению, в холле и толковали о своих неудавшихся поисках. Около девяти часов к ним присоединилась и Алиса, воспользовавшись тем, что миссис Бербанк задремала в своей комнате — вернее ненадолго впала в забытие.

Ночь обещала быть очень темной. Серп луны скрылся уже за горизонтом. Касл-Хаус, плантация и река — все объято было глубокой тишиной. Негры, поместившиеся в уцелевших надворных строениях, собирались ложиться спать. Тишину нарушали только отголоски далекого гула, долетавшего временами из Джексонвилла, где конфедераты пышно праздновали победу своих войск.

Этот гул тяжелою болью отзывался в сердцах обитателей Касл-Хавса.

— Надо было бы, однако, разузнать поточней, что делается на фронте, — заметил Эдвард Кэррол. — Неужели федералисты в самом деле отказались от занятия Флориды?

— Да, узнать необходимо, — согласился Стэннارد. — Невозможно жить дольше в этой тягостной неизвестности.

— Хорошо, — сказал Джемс Бербанк. — Завтра же я отправлюсь в Фернандину и узнаю там...

Но в эту минуту у главного подъезда Касл-Хауса со стороны аллеи, ведущей к берегу Сент-Джонса, кто-то тихонько постучал.

Алиса вскрикнула и побежала к дверям. Джемс Бербанк хотел остановить ее, но она не послушалась.

Стук у дверей повторился, на этот раз громче и настойчивей...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В течение нескольких часов

Джемс Бербанк тоже подошел к двери. Он никого не ждал, но подумал, что, может быть, это Джон Брюс приехал из Джэксонвилла с важными вестями от мистера Гарвея.

Постучали в третий раз еще сильнее и нетерпеливее.

— Кто там? — спросил Джемс Бербанк.

— Я!.. Откройте!..

— Джилберт! — вскричала Алиса.

Она не ошиблась. Джилберт в Кэмдлес-Бее! Он воспользовался, вероятно, счастливой возможностью повидаться с родными и с радостью приехал на несколько часов в Кэмдлес-Бей, ничего, должно быть, не зная о несчастьи, обрушившемся на его близких.

В один миг молодой офицер очутился в объятиях отца; вошедший с Джилбертом человек старательно запер за собою дверь.

То был Марс, муж Зермы и преданный матрос лейтенанта Джилберта Бербанка.

Поздоровавшись с отцом, Джилберт обернулся и, увидев Алису, нежно пожал ей руку.

— А матушка? — спросил он. — Где же матушка? Неужели правда, что она тяжело больна?

— Как, разве ты уже знаешь?.. — воскликнул Джемс Бербанк.

— Все знаю. Плантацию опустошили джэксонвиллские бандиты, Касл-Хаус подвергся нападению... но матушка, моя матушка, жива ли она?

Всем стало ясно, почему Джилберт, рискуя жизнью и свободой, приехал в Кэмдлес-Бей.

Вот чем вызван был его приезд.

За день перед тем несколько канонерок эскадры

коммодора Дюпона проникли в устье Сент-Джонса, поднялись вверх по реке и принуждены были остановиться, не доходя четырех миль до Джексонвилла, так как тут начиналась песчаная отмель. Несколько часов спустя на канонерку Стивенса, где Джилберт был старшим офицером, явился какой-то человек, назвавшийся смотрителем при маяке Пабло. Этот человек сообщил о джексонвиллских событиях, о нападении на Кэмдлес-Бей, о разгоне негров и болезни миссис Бербанк. Легко понять, какое впечатление произвел этот рассказ на Джилберта.

Молодым человеком овладело желание повидаться с матерью. Получив разрешение капитана Стивенса, он сел со своим верным Марсом в гичку и, пользуясь темнотою, никем не замеченный, — как ему казалось, — высадился на берег в полумиле ниже Кэмдлес-Бей, чтобы не высаживаться на пристани, за которой, по всей вероятности, наблюдали лазутчики Тексара.

Бедный юноша! Он не знал, да и не мог знать, что попал в ловушку, расставленную испанцем, которому во что бы то ни стало хотелось добыть потребованное у него судьями доказательство, что Джемс Бербанк имеет тайные сношения с федералистами.

Чтобы заманить Джилберта в Кэмдлес-Бей, Тексар поручил одному из сторожей маяка Пабло, — человеку, на преданность которого он мог вполне положиться, — сообщить молодому лейтенанту о том, что произошло в Кэмдлес-Бее, а главное — уведомить его о болезни миссис Бербанк. За Джилбертом следили все время, покуда он плыл вверх по реке, однако он совершенно случайно, сам того не подозревая, сбил шпионов со своего следа. Но если эти шпионы упустили юношу, когда он высаживался на берег, — они надеялись захватить его, когда он поедет назад, так как за всем берегом было установлено наблюдение.

— Но матушка... Где же матушка? — твердил Джилберт.

— Я здесь, Джилберт! — отозвалась сама миссис Бербанк.

Она появилась на лестнице и медленно спускалась

в холл, держась за перила. Спустившись, она с трудом добралась до дивана и тяжело на него опустилась. Джилберт подбежал к ней и стал осыпать ее поцелуями.

Больная в полузабытьи услышала стук в дверь, узнала голос сына и, собрав все силы, поспешила к нему, чтобы с ним и со всеми близкими разделить их общее горе.

Молодой человек нежно обнимал ее.

— Моя мама, — говорил он, — мама!.. Как я рад тебя видеть!.. Бедная моя! Ты больна! Но мы тебя вылечим. Тяжелые дни пройдут. Не бойся за меня, никто и не узнает, что мы с Марсом приезжали сюда!

Джилберт заметил, что матери становится хуже, и стал еще нежнее ее успокаивать.

Однако Марсу показалось, что Джилберту и ему сказали еще не все, что несчастье, поразившее семью Бербанков, гораздо значительнее, чем они оба думали. Джеймс Бербанк, Кэррол и Стэннард сидели молча, понутив головы. Алиса заливалась слезами. В комнате не было ни Ди, ни Зермы, а между тем Зерме пора бы уж было знать, что приехал ее муж, что он здесь и ждет ее.

С тревожным предчувствием мулат окинул взглядом холл и спросил мистера Бербанка:

— Что случилось, господин?

— А Ди? — спохватился вдруг Джилберт. — Неужели она уже спит? Где сестренка?

— Где моя жена? — спросил Марс.

Через минуту им все уже было известно.

Спрятав лодку и пробираясь берегом в Касл-Хаус, они, несмотря на темноту, успели рассмотреть груды развалин на опустошенной плантации. Но они полагали, что за освобождение негров Бербанк пострадал лишь материально. Теперь же они узнали, что один из них лишился сестры, другой — жены. И никто не мог сказать им, куда их неделю тому назад увез Тексар!

Опустившись на колени, Джилберт со слезами снова обнял плачущую мать. Марс, задыхаясь, с побавровевшим от гнева лицом, метался по холлу, тщетно стараясь овладеть собой.

Наконец он не выдержал.

— Я убью Тексара! — в бешенстве крикнул мульт. — Я завтра же отправлюсь в Джексонвилл... нет, нынче ночью... сейчас же...

— Да, да, Марс. Поедем вместе! — подхватил Джилберт.

Но Джемс Бербанк остановил их.

— Если бы дело было только в этом, — сказал он, — разве я стал бы дожидаться вашего приезда? Я бы уже давно расправился с негодяем сам. Но он должен сначала сказать нам то, что известно лишь ему одному. Я знаю, что делаю, удерживая вас. Нужно подождать!

— Хорошо, отец, я подожду, — отвечал молодой человек. — Но я по крайней мере хоть обыщу всю местность...

— Неужели ты думаешь, что я и сам этого не сделал? — воскликнул мистер Бербанк. — Дня не прошло, чтобы мы не обыскивали берега Сент-Джонса, островки, где мог бы скрываться Тексар. Но тщетно: мы не нашли ничего, что могло бы навести нас на след твоей сестры, Джилберт, и твоей жены, Марс! Чего мы только не предпринимали с Кэрролом и Стэннардом, — однако все наши поиски не привели пока ни к чему.

— Отчего же ты не подал жалобу на Тексара? — спросил молодой офицер. — Отчего не привлек его к суду за грабеж плантации и за похищение Ди?

— Отчего? — ответил Бербанк. — Да очень просто: потому что Тексар теперь хозяин города, потому что все честные люди дрожат теперь перед мерзавцами, которые ему преданы, потому что городские подонки и милиция графства стоят теперь за него!

— Я убью Тексара! — словно во власти одержимой идеи, твердил Марс.

— Ты убьешь его, когда придет время, — отвечал Бербанк. — А сегодня ты этим ухудшил бы только положение.

— Но когда придет время? — спросил Джилберт.

— Когда федералисты займут Джексонвилл и утвердятся во Флориде.

— А если тогда будет уже поздно?

— Джилберт, Джилберт, умоляю тебя, не говори этого! — простионала миссис Бербанк.

— Да, Джилберт, вы не должны так говорить, — поддержала ее Алиса.

Джемс Бербанк взял сына за руку.

— Выслушай меня, Джилберт, — сказал он. — Мы и сами хотели тут же расправиться с Тексаром, если он нам немедленно не скажет, куда он девал Зерму и Ди; но потом, во имя осторожности, решили сдерживать свой гнев. Есть основание думать, что Ди и Зерма служат для Тексара залогом его собственной безопасности, и потому он будет, конечно, всячески их беречь, так как знает, что федералисты неминуемо потребуют его к ответу за ниспровержение в городе законных властей, за то, что он подстрекал шайку преступников на разграбление Кэмплес-Бея, и за то, что опустошил и сжег плантацию сторонника Севера. Если бы я не был в этом уверен, неужели я стал бы удерживать тебя? Неужели нашел бы в себе силы ждать?

— И разве я могла бы жить, не имея этой надежды? — воскликнула миссис Бербанк.

Несчастная женщина поняла, что если Джилберт отправится в Джэксонвилл, то попадет в руки Тексара. Кто сможет тогда спасти федералистского офицера, захваченного южанами в момент, когда северяне угрожают Флориде?

Но молодой человек был вне себя от горя и гнева и не слушал никаких доводов. Он хотел немедленно ехать в Джэксонвилл.

— Идем! — опять сказал он Марсу, не перестававшему твердить, что он убьет Тексара.

— Нет, Джилберт, ты не поедешь! — сказала миссис Бербанк, с усилием поднявшись с дивана. Она пыталась подойти к дверям, чтобы не пропустить сына, но силы изменили ей, и она снова упала на диван.

— Успокойся, мама! — вскричал молодой человек.

— Не ездите, Джилберт! — сказала Алиса.

Пришлось перенести миссис Бербанк в спальню. Молодая девушка осталась при больной. Когда Джемс

Бербанк, относивший больную жену, вернулся в холл, он увидал, что Джилберт сидит на диване, охватив голову руками, а Марс молча стоит поодаль.

— Теперь ты, надеюсь, овладел собой, Джилберт, — сказал Джеймс Бербанк. — Говори же. От того, что ты нам скажешь, зависит, какие мы примем в дальнейшем решения. У нас, правду сказать, только и надежды, что на скорый приход федералистов. Неужели они отказались от намерений занять Флориду?

— Нет, отец, не отказались.

— Где же они теперь?

— Часть нашей эскадры направляется сейчас в Сент-Огастин, чтобы установить блокаду побережья.

— А разве коммодор не намерен овладеть Сент-Джонсом? — взволнованно спросил Эдвард Кэррол.

— Устье реки в наших руках, — отвечал молодой офицер. — Наши канонерки вошли в Сент-Джонс под командою Стивенса и стали там уже на якорь.

— Они уже там и до сих пор еще не сделали попытки взять Джэксонвилл! — вскричал Стэннард.

— Нет, им пришлось остановиться в четырех милях ниже города — виной всему песчаная отмель.

— Канонерки стоят... остановились перед отмелью... Неужели же отмель такое непреодолимое препятствие? — воскликнул Джеймс Бербанк.

— Вода слишком мелка, отец, — ответил Джилберт. — Приходится ждать большого прилива, да и тогда еще это будет не так легко. Но Марс хорошо знает фарватер реки, и мы рассчитываем на него, как на лоцмана.

— Опять ждать! — вскричал Джеймс Бербанк. — Сколько же еще времени ждать?

— Самое большее — дня три, а если подует ветер с моря, то не более суток.

Три дня или, может быть, сутки! Каким долгим показался этот срок. А если конфедераты поймут за это время, что им не отстоять города, если они оставят его, как оставили уже Фернандину, форт Клинч и другие города Джорджии и Северной Флориды, — разве Тексар не ударит вместе с ними? Где его потом искать?

Однако нападать на него теперь, покуда он при поддержке городского сброда хозяйничает в Джэксонвилле, было бы совершенным безумием. Об этом не приходилось и думать.

Мистер Стэннард спросил Джилберта, правда ли, что федералисты потерпели неудачу на севере, и что думать о битве при Бентонвилле.

— Мы одержали победу в сражении при Пи-Ридже, — отвечал молодой лейтенант, — и войскам Кэртиса удалось таким образом вернуть временно оставленную ими территорию. У северян дела идут превосходно, и победа будет, конечно, за ними, но когда именно — предсказать трудно. Как только будут взяты важнейшие пункты Флориды, федералисты положат конец подвозу с моря военной контрабанды, и конфедераты станут тогда испытывать недостаток в оружии и военных припасах. Под защитой нашей эскадры во Флориде через несколько дней снова водворится порядок и спокойствие. Ну, а до тех пор...

Джилберт вдруг вспомнил о своей сестренке, подвергающейся такой опасности... Чтобы отвлечь сына от этих тягостных мыслей, Джемс Бербанк опять завел разговор о военных действиях. Не случилось ли на фронте чего-нибудь нового, о чем не знают еще в Джэксонвилле, а тем более в Кэмдлес-Бее?

Да, произошло, конечно, несколько важных событий, непосредственно касающихся сторонников Севера, живущих во Флориде.

После взятия форта Донелсона весь штат Теннесси перешел в руки федералистов, которые задумали комбинированной атакой армии и флота обеспечить себе господство над всем течением Миссисипи. Они спустились вниз по реке до острова № 10, где им предстояло дать сражение дивизии генерала Борегара, которому поручена была оборона реки. 24 февраля бригада Попа, высадившись в Коммерсе, на правом берегу Миссисипи, отбросила корпус Томсона. Правда, у острова № 10 и селения Нью-Мадрид федералисты были задержаны целой системой мощных земляных укреплений, воздвигнутых Борегаром. Хотя после падения форта Донелсона и Нэшвилла все позиции на

реке выше Мемфиса можно было считать для конфедератов потерянными, однако они могли еще надеяться отстоять позиции, лежавшие вниз по реке. Тут именно и предполагалось дать решительное сражение.

Тем временем на Хэмптон-Родском рейде, при устье Джеймс-Ривера, произошло достопамятное морское сражение — в нем участвовали первые образцы тех бронированных кораблей, которые коренным образом изменили впоследствии морскую тактику и привели к усовершенствованию кораблей как Старого, так и Нового Света.

К 5 марта из Нью-Йорка готовился выйти в море «Монитор» — броненосец, построенный шведским инженером Эриксоном, а из Норфолка — броненосец «Виргиния», перестроенный из прежнего «Мерри-мака».

В это время на Хэмптон-Родском рейде, близ Нью-порт-Ньюса, стояла на якоре федералистская эскадра под командой капитана Марстона; она состояла из кораблей: «Конгресс», «Св. Лаврентий», «Камберленд» и двух паровых фрегатов.

Но утром 2 марта на рейде появилась вдруг «Виргиния» под командованием конфедератского капитана Букенена. В сопровождении нескольких менее крупных судов «Виргиния» нападает сперва на «Конгресс», потом атакует «Камберленд», пустив его ко дну со всем экипажем, численностью в сто двадцать человек. После чего, вернувшись снова к севшему на мель «Конгрессу», она изрешетила его снарядами и подожгла. Только наступление ночи помешало истреблению трех остальных кораблей эскадры северян.

Трудно представить себе, какое впечатление произвела эта победа небольшого броненосца над большими кораблями федералистов. Слух о победе распространился со сказочной быстротою. Северяне растерялись: ведь какая-нибудь «Виргиния» могла появиться и в устье Гудзона и пустить там ко дну суда, стоящие на Нью-Йоркском рейде. А южане возликовали, надеясь, что блокада южного побережья будет снята и торговля возобновится.

Именно эту морскую победу и отпраздновали на-

кануне так шумно в Джэксонвилле. Местные конфедераты решили, что им уже не страшен флот федерального правительства, что после победы на Хэмптон-Родском рейде эскадра коммодора Дюпона будет немедленно отозвана в Потомак или Чесапик; высадка федералистских войск уже не угрожает Флориде, и сторонники рабовладения, при поддержке самой разнужданной части населения Юга, полностью восторжествуют. А тогда Тексар и его приспешники укрепятся на захваченной ими позиции, позволявшей им делать столько зла!

Торжество конфедератов было, однако, преждевременным. Новости, уже известные на севере Флориды, Джилберт дополнил слухами, ходившими среди федералистов, когда он покидал свою канонерку.

Второй день морского боя на Хэмптонском рейде имел для федералистов совершенно иной исход. Утром 9 марта, то есть на другой день после первой битвы, «Виргиния» собиралась уже атаковать «Миннезоту», один из двух федералистских фрегатов, как вдруг появилось новое судно, по выражению конфедератов, очень похожее на стоящий на плоту «ящик из-под сыра». Этот «ящик из-под сыра» был не что иное, как броненосец «Монитор» под командою лейтенанта Уордена, посланный для разрушения батарей на Потомаке. Прибыв к устью Джеймс-Ривера, лейтенант Уорден услышал пальбу на Хэмптон-Родс и поспешил к месту сражения.

Став в десяти метрах друг от друга, оба грозные боевые корабли вели в течение четырех часов сряду жестокую артиллерийскую перестрелку, но без особых результатов. Наконец «Виргиния», получив пробоину ниже ватерлинии и спасаясь бегством, направилась в Норфолк, и «Монитор», которому девять месяцев спустя суждено было самому получить пробоину, одержал полную победу. Господство на Хэмптон-Родском рейде осталось таким образом за федералистами.

— Нет, отец, — заключил свой рассказ Джилберт, — наша эскадра не будет отозвана на север. Шесть канонерок Стивенса стоят перед мелью на Сент-

Джонсе, и, повторяю вам, не позже как через три дня Джексонвилл будет в наших руках!

— Вот видишь, Джилберт, — отвечал Бербанк, — тебе, значит, следует подождать и вернуться на свою канонерку. Когда ты ехал сюда, не заметил ли ты, чтобы за тобою следили?

— Нет, отец, не заметил. Мы с Марсом проскользнули незамеченными.

— А кто этот человек, явившийся на твою канонерку и рассказавший тебе о разграблении Кэмдлес-Бей, пожаре и о болезни матери?

— Он назвался бывшим смотрителем маяка Пабло, выгнанным вместе с другими со службы. Приходил же он, собственно, к Стивенсу — предупредить его об опасности, которой северяне подвергаются в этой части Флориды.

— А он знал, что ты на канонерке?

— Нет, и, по-видимому, очень удивился, увидав меня. Но почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому что я боюсь какой-нибудь ловушки со стороны Тексара. Он не только подозревает, но положительно уверен, что ты служишь в федеральном флоте. Он мог узнать, что теперь ты находишься на канонерке Стивенса. Если Тексар старался заманить тебя сюда...

— Не бойся, отец, никто нас не видал, когда мы сюда ехали, и никто не увидит, когда мы поедem назад.

— Но ты ведь вернешься прямо на свою канонерку, никуда не заезжая?

— Разумеется, отец, ведь я обещал тебе это. Еще до рассвета мы с Марсом будем на борту канонерки.

— В котором же часу ты думаешь отправиться?

— Около двух часов ночи, когда начнется отлив.

— Как знать? — заметил Эдвард Кэррол. — Быть может, канонеркам Стивенса не придется дожидаться трех дней...

— Конечно, если вдруг подует ветер... Ах, если бы ветер с моря крепчал и поднялась вода над отмелью! Если бы разразилась буря! Мы смогли бы расправиться с этими негодьями! А тогда...

— Я убью Тексара, — повторил Марс.

Было за полночь. До отъезда Джилберта и Марса оставалось еще два часа — им нужно было дожидаться отлива, чтобы вернуться на канонерку. Ночь стояла темная, так что они могли надеяться проскользнуть незамеченными, хотя по реке шныряли лодки, которым поручено было наблюдать за всем течением Сент-Джонса ниже Кэмдлес-Бея.

Молодой офицер пошел наверх в комнату матери. У ее постели сидела Алиса. Миссис Бербанк, совершенно разбитая после непосильного для нее напряжения, впала в болезненное забытие, прерываемое иногда тяжким рыданием.

Джилберт не хотел тревожить мать, тем более что и Алиса сделала ему знак рукою, чтобы он не разговаривал. Поэтому он молча присел у постели. Он сидел у изголовья бедной женщины, не испившей еще, вероятно, до дна всей чаши испытаний. Джилберту с Алисой незачем было разговаривать — оба они и без слов понимали друг друга.

Наконец настал миг отъезда. Джилберт протянул руку Алисе, и они наклонились над миссис Бербанк, которая лежала с полужакрытыми глазами.

Джилберт коснулся губами лба несчастной матери, затем ее поцеловала Алиса. Миссис Бербанк болезненно вздрогнула, но так и не увидала, как сын и Алиса вышли из комнаты.

Джилберт с молодой девушкой спустились в холл, где попрежнему сидели Джемс Бербанк и его друзья.

В этот момент в холл вернулся и Марс, ходивший осматривать окрестности Касл-Хауса.

— Пора ехать, — сказал он.

— Да, Джилберт, пора, — подтвердил Джемс Бербанк. — Поезжай. Мы увидимся в Джэксонвилле.

— Да, отец, в Джэксонвилле, и завтра же, если вода поднимется достаточно высоко и можно будет пройти через отмель. Что же касается Тексара...

— Не забывай, Джилберт, что мы должны захватить его живым!

— Да, живым!..

Юноша обнял и поцеловал отца и, пожав руки дяде Кэрролу и мистеру Стэннардлу, сказал:

— Идем, Марс.

Оба они вышли из Касл-Хауса. С полчаса пробирались вдоль правого берега реки, не встретив при этом ни души. Дойдя до того места, где в камышах была спрятана их гичка, они сели в нее, выехали на середину реки и понеслись вниз по течению к песчаной отмели Сент-Джонса.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На реке Сент-Джонс

В этой части своего течения река была совершенно пустынной. Противоположный берег тонул во мраке. Кэмплес-бейская бухта образует тут поворот к северу, и огни Джэксонвилла были скрыты выступом берега; они отражались лишь в далеких облаках, окрашивая их края золотисто-красноватыми отблесками.

Несмотря на темноту, Джилберт и Марс уверенно направили свою гичку к отмели, и хотя тумана над рекой не было, они все же рассчитывали ускользнуть от любой конфедератской лодки, которой вздумалось бы за ними погна́ться, — что казалось им, впрочем, маловероятным.

Оба они хранили молчание. Им, конечно, хотелось бы, вместо того чтобы плыть на лодке вниз по течению, добраться до Джэксонвилла, разыскать там Тексара и расправиться с ним. А после этого они обыскали бы все бухты, все прибрежные леса по Сент-Джонсу. И, быть может, в своих поисках они оказались бы счастливее Джемса Бербанка. Но благоразумнее всего было, конечно, выждать; когда Флорида будет в руках федералистов, Джилберт и Марс легче справятся с испанцем. К тому же долг их обязывал вернуться еще до рассвета на канонерку. Ведь если паче чаянья прилив позволил бы перебраться через песчаную отмель раньше, чем предполагалось, — молодой лейтенант должен быть на своем боевом посту, а Марс, как лоцман, — на своем, чтобы провести флотилию по фар-

ватеру, глубина которого как во время прилива, так и во время отлива была хорошо известна мулату.

Марс на корме лодки ловко работал веслом. А Джилберт на носу ее напряженно всматривался вдаль, чтобы во-время предупредить его о появлении какой-либо лодки или о плывущей по реке коряге, которые могли встретиться на их пути. Марс направлял лодку к середине реки; там, подхваченная течением, она поплывет уж сама. Пока же легким поворотом весла он мог придать ей нужное направление. Лучше было, конечно, оставаться в тени, под сводами деревьев, среди высокого тростника, окаймлявшего правый берег Сент-Джонса. Плывая под сенью густых ветвей, меньше опасности быть замеченным. Но чуть ниже плантации река делает крутой поворот, и течение тут относит к левому берегу; из образующегося там водоворота выбраться не так-то легко, а это задержит лодку. И, не заметив на нижнем плесе ничего подозрительного, Марс предпочел направить лодку к середине реки, где течение быстро помчит ее к устью. От кэмдлес-бейской пристани до песчаной отмели, перед которой на якоре стояла флотилия, насчитывалось не более четырех-пяти миль; морской отлив и усилия гребца доставят туда лодку часа за два. Значит, они успеют вернуться на свою канонерку прежде, нежели первые лучи солнца осветят реку.

Через четверть часа Джилберт и Марс были уже на середине реки. Плыли они быстро, но их все время относил течением к Джэксонвиллу. Быть может, сам того не сознавая, Марс направлял лодку в ту сторону, куда его так неудержимо влекло. Однако следовало избегать это проклятое место, ибо несомненно подступы к нему охранялись лучше, нежели середина реки.

— Прямо, Марс, держи прямо! — повторял молодой лейтенант.

И гичка плыла по течению на расстоянии четверти мили от левого берега. Вот показалась вдали гавань Джэксонвилла; набережная была освещена; мерцали огоньки на сновавших по реке лодках. Вокруг города, как видно, установлен бдительный надзор. Из Джэксонвилла попрежнему доносились пение и шум. Видно,

Тексар и его сторонники все еще верили, что северяне потерпели поражение в Виргинии и флотилия их будет отозвана. Или они, быть может, спешили воспользоваться своими последними денечками, предаваясь безудержному разгулу среди населения, подпоенного виски и джином.

А гичку между тем несло течением, и Джилберт уже мог надеяться, что, миновав Джэксонвилл, опасность будет позади. Но внезапно он знаком остановил Марса. На милю приблизительно ниже порта он заметил какие-то черные точки, похожие на ряд выступавших из воды камней, протянувшиеся между двух берегов реки.

То было заграждение из линии лодок, поставленных поперек Сент-Джонса. Если бы канонеркам удалось перебраться через песчаную отмель — этим лодкам не остановить их, конечно; им немедленно пришлось бы отступить; но помешать шлюпкам федералистов подняться вверх по реке они, пожалуй, смогли бы. С этой-то целью, вероятно, и было поставлено ночью заграждение. Лодки неподвижно стояли поперек Сент-Джонса: они либо бросили там якорь, либо удерживались на месте при помощи весел. На них несомненно была многочисленная и хорошо вооруженная команда, хотя разглядеть в темноте это не удавалось.

Джилберт напомнил Марсу, что, когда они подымались вверх по реке, направляясь в Кэмдлес-Бей, никакого заграждения еще не было. Предосторожность была принята уже после того, как проплыла их гичка, возможно, в предупреждение атаки, хотя о ней не было и речи, когда молодой лейтенант покидал флотилию Стивенса.

Нужно было немедленно уйти со середины реки и сделать попытку пробраться вдоль ее правого берега. Если осторожно плыть среди зарослей тростника в тени прибрежных деревьев, то можно остаться незамеченными. Иного способа обойти заграждение на Сент-Джонсе во всяком случае не было.

— Смотри же, Марс, греби как можно тише, пока мы не минуем линию заграждения, — сказал Джилберт.

— Хорошо, мистер Джилберт.

— Мы попадем, вероятно, в водоворот, и если тебе понадобится моя помощь...

— Ничего, я и сам справлюсь, — отвечал Марс.

И, повернув гичку, он стремительно направил ее к правому берегу: они находились уже не более чем в трехстах метрах от линии заграждения.

Их легкое суденышко не было замечено, когда пересекало наискось реку, а теперь, укрывшись в прибрежной тени, оно и подавно не будет обнаружено. И если только заграждение не доходит до самого берега, гичка проскользнет беспрепятственно. Пытаться же сейчас пройти фарватером реки было бы просто безумием.

В темноте, еще более непроницаемой под густой зеленью ветвей, Марс осторожно работал веслом, стараясь не зацепить за коряги, кое-где торчавшие из реки; он бесшумно погружал весло в воду, хотя и приходилось порою бороться с довольно сильным встречным течением и водоворотами. Из-за этих отклонений от прямого пути Джилберт попадет часом позже на свою канонерку. Но тогда ему не страшен рассвет: ведь близ стоянки флотилии он уже может не опасаться преследования южан.

К четырем часам утра лодка поровнялась с линией заграждения. Как и предполагал Джилберт, подле берега можно было свободно проехать, здесь было мелко, и заграждение сюда не доходило.

Перед ними невдалеке показался мыс, густо поросший с одной стороны гигантским бамбуком и тропическими деревьями. Нужно было его обогнуть. Но на другой стороне берег мыса был совершенно оголенным. По мере приближения к устью берег Сент-Джонса становился все более и более отлогим. Плоский, обнаженный, он весь был покрыт болотами и изрезан небольшими бухтами. Над водой у берега уже не было ни завесы древесных ветвей, ни единого деревца. А ведь на дне маленькой гички двум человекам не спрятаться, и движущаяся черная точка легко может быть замечена с одной из лодок, спящих подле мыса. Водоворота здесь, правда, уже не было. Лодка скользила теперь

вдоль берега, и ее уже не относил течением к середине реки. Если бы им только посчастливилось благополучно обогнуть мыс, течение мигом домчало бы их до песчаной отмели, а оттуда до стоянки Стивенса рукой подать.

Марс осторожно вел лодку вдоль берега. В этой крошечной тьме он старался разглядеть, что делается впереди по течению реки. Лодка бортом своим почти задевала берег. Но близ мыса снова пришлось бороться с водоворотами. Весло гнулось в мощных руках мулата, а Джилберт, обернувшись назад, не отрываясь, вглядывался в водное пространство за кормой.

Гичка приближалась к мысу. Еще несколько минут — и она обогнет этот мыс, переходящий в песчаную косу. Осталось уже не больше тридцати ярдов. Но Марс внезапно перестал грести.

— Ты устал? — спросил его молодой Бербанк. — Тебя сменить?

— Тише, мистер Джилберт! — шепотом отвечал Марс.

Двумя сильными взмахами весла он почти врезался лодкой в берег, ухватился за свесившуюся к воде ветку дерева, подтянул лодку к густой прибрежной зелени. Миг, и лодка была привязана к торчащему из земли древесному корню; Джилберт и Марс очутились в полной темноте.

На все это потребовалось не более десяти секунд.

Схватив своего спутника за руку, Джилберт хотел было спросить у него, что все это значит, но тот указал ему на середину реки. Там мрак был не столь густым, и можно было разглядеть движущуюся точку.

Это оказалась лодка, в ней находилось четверо людей. Лодка подымалась вверх по течению и, обогнув песчаную косу, собиралась, видимо, плыть вдоль берега.

У Джилберта и Марса мелькнула одна и та же мысль: главное — добраться во что бы то ни стало до канонерки. Если гичка их будет обнаружена, они не колеблясь выпрыгнут на сушу и, пробираясь между деревьями, побегут по берегу до того места, против которого на реке находится песчаная отмель. Когда рассветет, их сигналы заметят с ближайшей канонерки,

либо они сами доберутся до нее вплавь. Нужно сделать все возможное, чтобы во-время быть на своем посту.

Но они тут же убедились, что и на суше путь для них также отрезан.

Шагах в двадцати от той густой заросли, где скрывались Джилберт и Марс, сидевшие в лодке люди стали перекликаться с теми, что находились на берегу.

— Ну как вы там справились? — спрашивали с берега.

— Ничего, справились кое-как, — отвечали с реки. — Однако обогнуть мыс во время отлива — все равно, что переплыть пороги.

— Мы уже высадились на мыс, становитесь-ка на якорь, поближе к нам.

— Да, как раз тут и станем, у стремнины, на самом краю заграждения.

— Ладно! А мы посторожим берег, и негодяям от нас не уйти, разве что они в болото полезут.

— Да, может быть, уже и полезли?

— Ну нет! Они, конечно, попытаются еще до рассвета вернуться на свою канонерку. По реке через заграждение им не прорваться, значит будут пробираться берегом, а тут-то мы их и сцапаем.

Джилберту и Марсу все стало ясно. Шайку Тексара несомненно известили об их отъезде. И если им обоим удалось проскользнуть благополучно в Кэмдлес-Бей, то обратно к эскадре им не пробраться: на реке заграждение, да и на берегу все предусмотрено для их поимки.

Гичка попала между двух огней — людьми в лодке и теми, что высадились на мыс. Невозможно было пробиться через заграждение на реке, да и по узкой полосе земли между рекой и подступавшими к самому берегу болотами им тоже не пробраться.

Итак, Джилберт узнал о том, что их поездка по реке обнаружена врагами. Но, быть может, лазутчики Тексара видели лишь то, что два человека проезжали на лодке, а то, что они высадились в Кэмдлес-Бее и что один из них — сын Джемса Бербанка, офицер, а другой — матрос федерального флота, — они не знают?

Увы! И это было их врагам известно, в чем Джилберта убедили последние фразы, которыми обменялись эти люди.

— Глядите же в оба! — крикнули с земли.

— Еще бы не глядеть! — отвечали с лодки. — Добыча-то какая! Офицер федерального флота, да к тому же еще сын флоридского аболициониста!

— И за него нам здорово заплатят. Ведь платить-то будет Тексар!

— Если они притаились в какой-нибудь бухте и нам не удастся изловить их ночью, — мы обыщем днем все мышиные норы, и тогда им уже от нас не уйти.

— Но только помните, что нам строго-настрого приказано доставить их живьем.

— Помним! А вы тоже не забывайте, что, где бы мы их ни изловили, вы должны забрать их и отвезти на лодке в Джэксонвилл.

— Ладно! Если не придется только гоняться за ними по реке, мы и с места не тронемся, будем стоять здесь на якоре.

— А мы — караулить их на берегу.

— Желаем удачи! Эх, оно, конечно, лучше было бы провести ночь за стаканом вина.

— Ну, это еще как сказать! Впрочем, если эти два негодяя улизнут от нас — тогда, пожалуй, есть о чем жалеть. А уж ежели нам удастся их сцапать и доставить завтра Тексару — тогда стоит потрудиться.

После этого лодка несколько удалилась от берега, и тут же звякнула цепь — значит, лодка стала на якорь. Люди на берегу умолкли, но слышно было, как шуршали под их ногами опавшие листья.

Итак, ни берегом, ни по реке бежать им не удастся. И Джилберт и Марс это хорошо поняли. Они оба молча притаились под сводами прибрежных деревьев, стараясь ничем не выдавать своего присутствия. Но своды эти стали для них сводами тюрьмы. И выбраться из нее было невозможно. Если ночью, во тьме, враги и не обнаружат их присутствия, то разве можно надеяться, что они не заметят их днем? А плен не только грозил бы смертью самому лейтенанту Бербанку, —

Джилберт, как храбрый солдат, готов был умереть в любую минуту, — но это повлекло бы за собой арест его отца, если бы приспешникам Тексара удалось доказать, что юноша побывал в Кэмдлес-Бее и что, стало быть, владелец Кэмдлес-Бея поддерживает сношения с северянами. У испанца, который до сих пор ничем не мог подтвердить свое обвинение, окажется тогда в руках неопровержимое доказательство. Что же станется с миссис Бербанк? Что станется с Ди и Зермой, когда некому будет их разыскивать?

Вихрем пронесли все эти мысли в голове молодого офицера, и он мигом представил себе все роковые последствия своего плена.

Если их схватят, — у них для спасения останется одна только слабая надежда, что федералисты успеют занять тем временем Джэксонвилл и лишат Тексара власти. Тогда их освободят, быть может, прежде, нежели будет приведен в исполнение смертный приговор. Да, в этом их единственная надежда! Но как ускорить приход канонерок капитана Стивенса? Да разве смогут канонерки переправиться через песчаную отмель, если прилив еще недостаточно высок? И кто проведет их через все извилины фарватера, если Марс тоже попадется южанам в руки? Кто будет тогда лоцманом флотилии?

Надо было, не теряя ни минуты, всем рискнуть, пойти на любую опасность, чтобы до рассвета добраться до канонерок. Не пустить ли гичку стрелой прямо к водовороту? Прежде, чем негодяи успеют поднять якорь и погнаться за ними, они будут уже далеко...

Нет, это было бы слишком рискованно. И Джилберт это прекрасно понимал. Марсу на одном весле не уйти от четырехвесельной лодки, которая, конечно, их догонит. Это значило бы идти на верную гибель.

Что же делать? Ждать? Но скоро наступит рассвет. Уже половина пятого, и небо на востоке начинает бледнеть.

Нужно было немедленно на что-то решиться — и вот что придумал Джилберт.

Наклонившись к Марсу, он чуть слышно прошептал ему на ухо:

— Невозможно ждать дольше. У нас с тобой есть по револьверу и кортику. В лодке четверо людей, стало быть, на каждого из нас по два человека. Преимущество наше во внезапности нападения. Направишь гичку прямо на лодку; она стоит на якоре и не сможет уклониться от столкновения. Мы неожиданно на них обрушимся, не дав им опомниться, сразу же их прикончим, а потом понесемся вниз по реке. Прежде чем на берегу успеют что-либо предпринять, нам удастся, быть может, миновать линию заграждения и добраться до наших канонерок... Понял меня, Марс?

Марс вместо ответа обнажил кортик, сунул его за пояс рядом с револьвером и, осторожно отвязав лодку, взялся уже было за весло, чтобы с силой оттолкнуться от берега.

Но Джилберт в этот миг схватил его за руку.

Новое неожиданное обстоятельство заставило молодого офицера изменить свой план.

Над рекой поднимался густой предрассветный туман, словно легкими клочьями ваты заволакивая всю ее поверхность. Туман шел от устья, подгоняемый ветром с моря. Через четверть часа вся окрестность — и Джэксонвилл на левом берегу реки и прибрежная чаща деревьев на правом — все должно было исчезнуть под желтоватыми, непроницаемыми парами; их особый, характерный запах распространился уже по всей долине.

Явилась внезапно новая надежда на спасение. Зачем им рисковать, вступая в неравный бой? Не попытаться ли незаметно проскользнуть в тумане? Джилберт решил, что это наилучший выход; вот почему он и остановил Марса, когда тот хотел было уже оттолкнуться от берега. Нет, нужно держаться поближе к берегу, осторожно и бесшумно плывя вдоль него и остерегаясь лодки, которая и сейчас уже еле видна, а вскоре и совсем исчезнет в тумане.

В это время между людьми на берегу и на лодке возобновился разговор:

— Эй вы там! Осторожнее! Видите, какой туман!

— Да. Мы поднимем якорь и станем поближе к берегу.

— Ладно! Только не теряйте связи с лодками за-

граждения. Если одна из них пройдет мимо вас — предупредите, что необходимо ездить по реке взад и вперед, покуда туман не рассеется.

— Будет сделано! Главное, сторожите хорошенько, чтобы негодяи не прошмыгнули как-нибудь мимо вас.

Эта необходимая предосторожность будет, конечно, осуществлена, и несколько лодок начнут крейсировать между обоими берегами реки. Джилберт это понимал, но не отказался от своего плана. Гичка, осторожно направляемая Марсом, вышла из-под навеса ветвей и тихо поплыла по реке.

Туман все густел, хотя его и пронизывал уже бледный предутренний свет. В нескольких ярдах ничего не было видно. Если только гичка не наткнется на стоящую на якоре лодку, у них много шансов проскользнуть незамеченными.

Действительно, им удалось благополучно проплыть мимо лодки, пока сидящие в ней люди подымали якорь; лязг якорной цепи указывал место, от которого нужно было держаться подальше.

Гичка проскользнула мимо, и Марс мог теперь уже приналечь на свое весло. Однако возникла новая трудность: плыть в нужном направлении, не выходя на середину реки. Следовало держаться поближе к правому берегу. Но Марс плыл в тумане, вел гичку наугад, руководясь лишь всплесками набегавшей на берег речной волны. Забрезжил рассвет, потом над густой пеленой тумана, окутавшей воды Сент-Джонса, все ярче и ярче стал разгораться утренний свет.

С полчаса гичка плыла наудачу. Порою перед ними в тумане возникали неясные очертания каких-то предметов. Джилберт принимал их сперва за лодки, казавшиеся огромными благодаря преломлению лучей в парах тумана — явление, нередко наблюдаемое во время туманов на море, когда каждый встречный предмет, гигантский и неясный, словно чудом встает вдруг перед вашим взором. Но то, что Джилберт принимал сперва за лодку, оказывалось потом либо бакеном, либо торчащим из воды камнем, либо сваей, вбитой в речное дно.

Пролетавшие мимо птицы казались огромными. Их

пронзительные крики разносились далеко над рекой. Иногда они взлетали, вспугнутые гичкой, и тогда трудно было разобрать, опускались ли они снова на воду, или же садились на берег.

Джилберт уверен был, что увлекаемая отливом гичка приближается к стоянке канонерок Стивенса. Но течение становилось уже менее быстрым, а как знать, удалось ли им проскочить уже мимо линии заграждения? Что, если они теперь как раз находятся рядом с ним и рискуют наткнуться на одну из лодок?

Итак, опасность отнюдь еще не миновала, наоборот, она была серьезней, чем когда-либо. Марс часто оставался и прислушивался, застыв с веслом в руке. То и дело маячили в тумане какие-то смутные очертания. Слышались поблизости шум весел и перекликающиеся голоса. Это были снующие взад и вперед лодки, на которые так легко было наткнуться. Временами туманная завеса вдруг раздвигалась словно от порыва ветра, и поле зрения расширялось на несколько сот ярдов. Тогда Джилберт и Марс пытались установить, где именно они находятся. Но вскоре просвет в тумане опять затягивался, и им оставалось только снова пустить лодку вниз по течению.

Было уже начало шестого. Джилберт рассчитывал, что до флотилии осталось около двух миль: гичка еще не достигла отмели, на близость которой указывал бы усилившийся шум течения и рокот сталкивающихся струй, который несомненно уловило бы опытное ухо моряка. Если бы гичка была уже по ту сторону отмели, Джилберт считал бы себя спасенным; ибо ему казалось маловероятным, чтобы лодки южан решились преследовать их дальше, рискуя попасть под обстрел канонерок.

Оба беглеца, наклонившись к воде, напряженно прислушивались, но ничего не могли расслышать. Заблудившись в тумане, они, должно быть, направили лодку слишком влево или слишком вправо. Не лучше ли было причалить к какому-нибудь берегу и, выждав, когда туман поредеет, взять правильный курс.

Это было, пожалуй, самым благоразумным. Солнце начинало уже пригревать, и туман стал рассеиваться.

Поверхность Сент-Джонса будет видна на далекое расстояние задолго до того, как над головой проглянет небо. Потом туманная завеса разорвется, горизонт раздвинется... И Джилберт увидит, быть может, стоящие на реке канонерки...

Но в этот миг послышались вдруг всплески и рокот воды, и челнок тотчас же завертелся, словно попав в водоворот.

— Отмель! — вскричал Джилберт.

— Да, отмель, — отозвался Марс, — миновать бы ее только, и мы будем уже у самых канонерок.

И он еще энергичнее заработал веслом, стараясь держаться нужного направления.

Но Джилберт остановил его. В поредевшем тумане он разглядел нагонявшую их лодку. Неужели из лодки уже заметили гичку? Неужели хотят преградить ей путь?

— Влево, Марс, сворачивай влево! — приказал молодой лейтенант.

Несколькими взмахами весла Марс мигом повернул гичку, и она помчалась в обратную сторону. Но и оттуда доносились перекикавшиеся между собой голоса. На реке и в этом месте, видно, тоже крейсировали лодки.

И вдруг словно гигантская метла смела с поверхности Сент-Джонса весь туман, и он опустился водяной пылью на реку.

У Джилберта невольно вырвался крик.

Гичка находилась среди дюжины лодок, охранявших эту часть Сент-Джонса. Вдали за поворотом виднелась песчаная отмель.

— Вот они!.. Вот они!.. — кричали с лодок.

— Да, это мы! — отвечал Джилберт. — За оружие, Марс! Будем защищаться!

Защищаться! Вдвоем против тридцати!..

Три-четыре лодки мигом устремились к гичке. Грянули выстрелы, но стреляли только Марс и Джилберт: нападавшие хотели их взять живьем. Несколько джэксонвиллцев упали; кто был ранен, а кто и убит. Но разве могли Джилберт и Марс уцелеть в этой неравной схватке?

Молодого офицера, несмотря на его яростное сопротивление, в конце концов связали и перенесли на одну из лодок.

— Спасайся, Марс! Спасайся! — только и успел он крикнуть.

Ударом кортика Марс расправился с державшим его человеком, и, прежде чем мулата успели вновь схватить, он отважно бросился в воду. Все поиски оказались тщетными, — он скрылся в водоворотах, которые клубятся и рокочут в часы прилива вокруг отмели.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Суд

Час спустя Джилберт уже был доставлен на набережную Джэксонвилла. В городе слышали выстрелы, доносившиеся с низовьев реки, и забеспокоились. Опасались, что конфедератские лодки вступили в бой с флотилией северян, и многим уже мерещилось появление в Джэксонвиллской гавани канонерок Стивенса. Население города не на шутку встревожилось. Толпы жителей устремились на пристань; за ними не замедлили последовать и городские власти в лице Тексара и ближайших его приверженцев. Все смотрели на отмель, видневшуюся уже из тумана; пущены были в ход бинокли и подзорные трубы. Но расстояние слишком велико — около трех миль, — и невозможно было рассмотреть, происходила ли там схватка и чем она кончилась.

В выяснилось, однако, что канонерки все еще стоят за отмелью и что немедленного нападения на город опасаться не приходится. Наиболее скомпрометированные из жителей Джэксонвилла еще успеют таким образом приготовиться к бегству во внутренние области Флориды.

Впрочем, Тексар и двое или трое из ближайших его приспешников не особенно, повидимому, встревожились, услышав выстрелы, хотя им более чем кому-

либо следовало опасаться приближения эскадры. Испанец подозревал, что был захвачен челн, который он приказал изловить во что бы то ни стало.

«Да, во что бы то ни стало, — повторял Тексар, стараясь разглядеть подъезжавшую к пристани лодку. — Захватить, изловить во что бы то ни стало это бербанковское отродье, сына Джемса Бербанка, попавшего в ловушку, которую я ему расставил! Вот оно, наконец, доказательство, что Джемс Бербанк в сношениях с федералистами! Черт возьми, только бы расстрелять сына, а там и суток не пройдет, как я расстреляю и папашу!»

Хотя партия Тексара и хозяйничала в Джэксонвилле, но после оправдания Джемса Бербанка испанец решил все же дожидаться удобного случая, чтобы арестовать своего врага. Представилась возможность заманить Джилберта в ловушку. И если офицер федеральной армии, захваченный на территории неприятеля, будет осужден теперь как шпион, — Тексар сможет полностью осуществить свое мщение.

Обстоятельства складывались как нельзя лучше для испанца: сын владельца Кэмдлес-Бея был захвачен в плен, и теперь его связанным везли в Джэксонвилл. Джилберта, правда, везли одного, но Тексар не придавал этому большого значения.

Утонул ли, бежал ли его спутник — Тексару казалось несущественным. Важно было, что захвачен лейтенант Бербанк. Он предстанет теперь перед судом, члены которого — приверженцы Тексара, и председательствовать на нем будет он сам.

Толпа, хорошо знавшая Джилберта в лицо, встретила его криками и угрозами, которые не возбудили в молодом лейтенанте ничего, кроме презрения. Он не выказал ни малейшего страха, хотя целый взвод солдат понадобился для того, чтобы оградить его от насилия городского сброда. Но, увидев Тексара, юноша бросился бы на испанца, если бы стража не удержала его.

Тексар не дрогнул, не произнес ни слова и даже сделал вид, что не заметил пленника.

Джилберт был заключен в тюрьму. Ясно было, какая участь его ожидает.

Около полудня в тюрьму явился мистер Гарвей и потребовал свидания с арестованным. Его не пустили. По приказанию Тексара пленника держали в самом строгом одиночном заключении. Попытка увидеться с Джилбертом повредила только самому Гарвею, над которым немедленно учрежден был тайный надзор.

Сношения Гарвея с семьей Бербанков были известны Тексару, но он не желал, чтобы в Кэмдлес-Бее раньше времени узнали об аресте Джилберта. Нужно уведомить Джемса Бербанка лишь после того, как будет вынесено решение суда и объявлен приговор, тогда враг Тексара не успеет бежать из Кэмдлес-Бея и попадется к нему в руки.

Гарвею не удалось послать письмо в Кэмдлес-Бей; выход лодок из гавани был запрещен. Сообщение между левым и правым берегом Сент-Джонса было прервано, и семейство Бербанков лишено было возможности своевременно узнать об аресте Джилберта. В Кэмдлес-Бее думали, что он благополучно добрался до своей канонерки, а юноша между тем томился в джэксонвиллской тюрьме.

С каким тревожным нетерпением ждали в Касл-Хаусе отдаленного пушечного выстрела, который возвестил бы о том, что эскадра федералистов миновала уже песчаную отмель. Ведь с переходом Джэксонвилла к северянам Тексар попал бы в руки Джемса Бербанка, а уж тогда владелец Кэмдлес-Бея с сыном и друзьями беспрепятственно пустились бы вновь на поиски Зермы и Ди, поиски, остававшиеся до сих пор тщетными.

Но нет. На низовьях реки все было по-старому. Управляющий Пэрри обследовал весь берег Сент-Джонса до самой линии заграждения и донес, что там ничего нового не заметно; то же самое подтвердили Пиг и один из помощников управляющего, которых посылали с плантации обследовать реку на три мили вниз по течению. Флотилия Стивенса все еще не покидала своей стоянки, и незаметно было, чтобы она собиралась отплыть, а затем подняться по реке до Джэксонвилла.

И то сказать — разве могли канонерки перепра-

виться через отмель? Даже если бы прилив оказался достаточно высок, кто провел бы эскадру по извилинам фарватера, когда ее лоцман Марс не вернулся?

И если Джемс Бербанк узнал бы о том, что произошло после захвата гички, то он решил бы, что храбрый спутник Джилберта погиб в водовороте. Если бы Марс спасся и выбрался на правый берег, неужели он не вернулся бы в Кэмдлес-Бей, раз не мог уже добраться до своей канонерки?

Но Марс на плантацию не возвращался.

На другой день в 11 часов утра в той самой зале суда, где за некоторое время перед этим испанец безуспешно пытался обвинить Джемса Бербанка, собрался комитет под председательством Тексара. Юноше были предъявлены столь серьезные обвинения, что избежать обвинительного приговора он не мог. Участь его была предрешена. А покончив с сыном, Тексар собирался приняться за отца. Маленькая Ди уже находилась в руках испанца, что же касается миссис Бербанк, то Тексар рассчитывал, что больная женщина не вынесет столько обрушившихся на нее тяжких ударов, направленных его рукою, и он полностью будет отмщен.

Обстоятельства, как нарочно, складывались так, что он мог вполне утолить свою ненасытную злобу.

Джилберта вывели из тюрьмы. Как и накануне, толпа провожала его злобными воплями. В залу заседания, где уже собрались самые оголтелые приспешники испанца, он вошел среди оглушительных криков.

— Смерть шпиону! Смерть!..

Обвинение в шпионаже бросали ему разнузданные городские подонки, и внушено оно было не кем иным, как Тексаром.

Но Джилберту удалось сохранить хладнокровие, даже встретившись лицом к лицу с Тексаром, который имел наглость лично выступить в этом деле.

— Ваше имя Джилберт Бербанк, и вы — офицер федералистского флота? — обратился к подсудимому Тексар.

— Да.

— В настоящее время вы служите лейтенантом на одной из канонерок, состоящих под командою Стивенса?

— Да.

— Вы сын Джемса Бербанка, северянина, владельца плантации в Кэмдлес-Бее?

— Да.

— Признаетесь ли вы в том, что в ночь на десятое марта вы покинули флотилию, стоящую на якоре перед отмелью?

— Да.

— Признаетесь ли вы в том, что были схвачены когда пытались вернуться на канонерку вместе с одним из матросов этой канонерки?

— Да.

— Не объясните ли вы, с какой целью вы плыли по реке Сент-Джонс?

— На канонерку, на которой я служу старшим офицером, явился какой-то человек и сообщил мне, что плантация моего отца опустошена шайкой злоумышленников, что какие-то бандиты осадили Касл-Хаус. Мне, впрочем, незачем особенно распространяться перед председателем комитета, который меня судит, о том, кто является главным виновником совершенных злодейств.

— Я могу на это возразить Джилберту Бербанку, — сказал Тексар, — что его отец бросил вызов общественному мнению Флориды, освободив своих невольников, и что согласно изданному декрету с территории штата изгоняются все отпущенные невольники, и что постановление это должно было быть выполнено...

— Посредством грабежа, поджога и похищения моей сестры и ее кормилицы, причем последнее совершено лично Тексаром, — возразил Джилберт.

— Я отвечаю на это обвинение, если предстану перед судом, — холодно проговорил испанец. — Джилберт Бербанк, не пытайтесь подтасовывать роли. Вы здесь обвиняемый, а не обвинитель.

— Да, в настоящую минуту я обвиняемый... — ответил молодой офицер, — но нашим канонеркам осталось только перебраться через отмель, и тогда...

Снова послышались крики и угрозы молодому лейтенанту, осмелившемуся так дерзко грозить южанам.

— Смерть ему! Смерть! — вопили со всех сторон.

Испанцу лишь с трудом удалось успокоить разъяренную толпу. Когда крики смолкли, он продолжал допрос.

— Не скажете ли вы нам, Джилберт Бербанк, зачем вы покинули прошлой ночью вашу канонерку?

— Я хотел повидаться с умирающей матерью.

— Вы признаетесь, стало быть, что высаживались в Кэмдлес-Бее?

— Мне незачем скрывать это.

— И единственной вашей целью было повидать вашу мать?

— Единственной.

— Мы имеем, однако, основание думать, — продолжал Тексар, — что у вас была также и другая цель.

— Какая же?

— Войти в сношения с вашим отцом Джемсом Бербанком, сторонником Севера, которого и так подозревают в том, что он поддерживает связь с федеральной армией.

— Вы прекрасно знаете, что это неправда, — с негодованием возразил Джилберт. — Я приезжал в Кэмдлес-Бей не в качестве офицера федеральной армии, а только как сын...

— Или шпион, — возразил Тексар.

Снова раздалась яростные вопли.

— Смерть шпиону! Смерть ему! Смерть!..

Джилберт понял, что он погиб... Но еще более тяжким ударом была для него мысль, что вместе с ним погибнет и его отец.

— Да, — продолжал Тексар, — болезнь вашей матери была для вас всего лишь предлогом, а на самом деле вы приезжали в Кэмдлес-Бей, чтобы выведать, насколько мы готовы к обороне Сент-Джонса, и сообщить об этом федералистам.

Джилберт встал.

— Я приезжал повидаться с умирающей матерью, — громко заговорил он, — и вам это хорошо известно. Никогда бы я не поверил, что в цивилизованном мире могут найтись судьи, способные поставить

в вину солдату, что он приехал навестить больную мать, даже если она и находится на неприятельской территории. Пусть тот, кто осуждает мой поступок и сам бы поступил иначе, осмелится сказать мне это в лицо.

Только отравленные злобой ненавистники не могли оценить всей благородной прямоты этих слов. Но у толпы, собравшейся в зале суда, чистосердечие и благородство Джилберта сочувствия не вызвали. Слова юноши встречены были угрожающими криками, сменившимися потом рукоплесканиями по адресу Тексара, когда тот объявил, что вина Джемса Бербанка, принимавшего во время войны у себя в доме неприятельского офицера, ничуть не меньше, чем вина офицера.

Вот оно, наконец, это обещанное Тексаром доказательство, подтверждающее, что Джемс Бербанк состоит в преступных сношениях с северянами!

И комитет Джэксонвилла приговорил Джилберта Бербанка, лейтенанта федерального флота, к смертной казни, выделив в особое производство данные им на допросе показания, касающиеся его отца.

Приговоренного отвели в тюрьму под улюлюканье толпы, вопившей: «Смерть шпиону!»

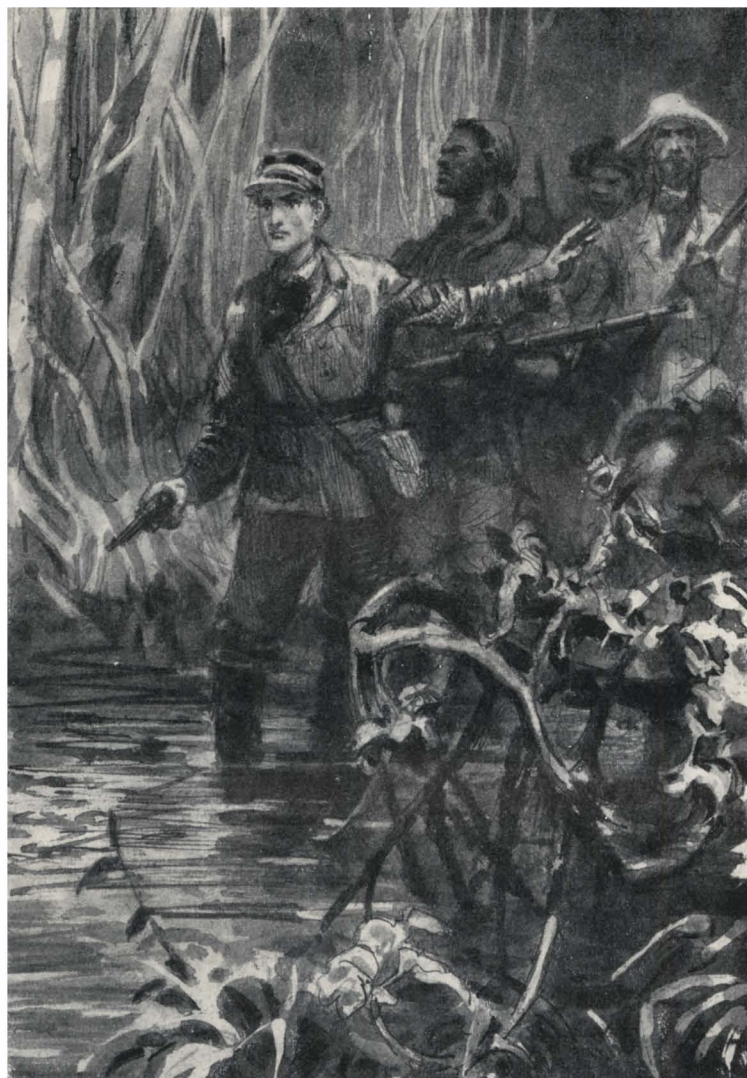
В тот же вечер в Кэмдлес-Бей явился отряд джэксонвиллской милиции. Офицер, командовавший этим отрядом, спросил Джемса Бербанка.

Джемс Бербанк вышел к нему в сопровождении Кэррола и Стэннарда.

— Что вам от меня угодно? — спросил он.

— Прочтите эту бумагу, — отвечал офицер.

То был приказ об аресте Джемса Бербанка по обвинению его в сообщничестве с Джилбертом Бербанком, приговоренным комитетом города Джэксонвилла за шпионаж к смертной казни; этот приговор должен быть приведен в исполнение в течение сорока восьми часов.

Часть вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

После похищения

«Тексар!». Это ненавистное имя успела крикнуть Зерма Алисе и миссис Бербанк, когда в сгущавшихся сумерках они прибежали на берег бухты Марино. Алиса Стэннارد узнала негодяя испанца. Итак, никакого сомнения: он сам руководил похищением.

Похищение Зермы и Ди было действительно делом рук Тексара и его шайки.

Испанец давно уже готовился к нападению на плантацию. Он собирался опустошить Кэмдлес-Бей, разгромить и разграбить Касл-Хаус, разорить Бербанков, убить или захватить в плен главу семьи. Послав свою банду на разгром плантации, Тексар не повел ее сам, а назначил вожаками отъявленнейших головорезов из числа своих сообщников. Вот почему Джон Брюс, затесавшийся в толпе грабителей, имел основание заявить Джемсу Бербанку, что Тексара среди них не было.

Испанец в то время находился в бухте Марино, которая с Касл-Хаусом сообщалась туннелем. В случае если возьмут дом, его уцелевшие защитники попытаются воспользоваться этим туннелем для своего спасения. О существовании подземного хода Тексару было известно. Поэтому он решил переправиться в лодке на

другую сторону реки, чтобы наблюдать за ним, зная, что именно этим путем Джеймс Бербанк попытается бежать из осажденного дома. Скуамбо с двумя рабами следовал за Тексаром в другой лодке. Испанец не ошибся в своих расчетах. Он убедился в этом, заметив, что в бухте среди камышей спрятана одна из лодок Кэмдлес-Бея. Застигнутые врасплох негры-гребцы были убиты. Теперь оставалось только подождать.

Вскоре действительно из туннеля вышли Зерма и Ди. Когда мулатка закричала, Тексар, опасаясь, как бы не поспешили к ней на помощь, мигом передал ее Скуамбо, и пока миссис Бербанк с Алисой успели добежать до берега, лодка с пленницами была уже на середине реки.

Остальное читателю известно.

Однако, совершив похищение, Тексар решил не присоединяться к Скуамбо. Преданный ему индеец и сам хорошо знал то надежное убежище, куда следовало доставить пленниц. Поэтому, когда в Джэксонвилле прогремели три пушечные выстрела, призывавшие осаждающих назад в город, испанец скрылся, переправившись в лодке на противоположный берег.

Куда он исчез, неизвестно, но только в ту ночь, с 3 на 4 марта, в Джэксонвилл он не вернулся. Он появился в городе лишь на другие сутки. Где же он пропал? Что значило его загадочное отсутствие, причину которого он даже не потрудился объяснить? Этого никто не знал. Во всяком случае, подобное обстоятельство могло служить лишь новою уликою против Тексара, свидетельствующей о его причастности к похищению Зермы и Ди. То, что это похищение совпало с его отсутствием, было в высшей степени подозрительным.

Как бы то ни было, в Джэксонвилл он возвратился лишь 5-го утром, чтобы принять меры для обороны города. Он вернулся как раз вовремя — мы это уже видели, — ибо успел расставить ловушку Джилберту Бербанку и председательствовать в комитете, осудившем его на смерть.

Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что в лодке, в которой Скуамбо ночью увозил пленниц

и которую прилив гнал от Кэмдлес-Бей вверх по реке, Тексара не было.

Понимая, что на пустынных берегах Сент-Джонса криков ее теперь уже никто не услышит, Зерма умолкла. Она сидела на корме, крепко прижав к себе бедняжку Ди.

Испуганная малютка не плакала и лишь тесней прильнула к своей кормилице, уткнувшись личиком в складки ее платья. Раз два только она прошептала:

— Мама! Мама!.. Зерма, я боюсь... Я хочу к маме...

— Не плачь, моя крошка, мы ее скоро увидим, — отвечала Зерма. — Не бойся, ведь я же с тобою.

А тем временем миссис Бербанк, обезумев от горя, металась по правому берегу и рвалась к лодке, увозившей ее дочь на противоположную сторону.

Непроглядная тьма окутала плантацию. С затухающих пожарниц доносился глухой грохот, похожий на взрывы. Изредка сквозь дым прорывались языки пламени и как молнии исчезали, на миг отразившись в реке. И опять все погружалось во тьму и безмолвие. Лодка плыла посередине реки, берегов не было видно, словно она затерялась в морских просторах.

Куда же вел ее Скуамбо? Вот что необходимо было выяснить прежде всего. Но спрашивать индейца бесполезно. Зерма пыталась ориентироваться сама. Однако в темноте, не видя берегов, это было весьма трудно.

Начался прилив. Он помог двум неграм, сидевшим на веслах, и лодка быстро понеслась к югу.

Как было хорошо, если бы Зерма могла оставить хоть какой-нибудь знак, чтобы облегчить Бербанку поиски! Но как это сделать на воде? Будь она на суше, она могла бы бросить где-нибудь в кустарнике клочок одежды — он помог бы отыскать их след. Не бросать же в реку какую-нибудь вещь, принадлежащую ей или Ди? Трудно рассчитывать, что благодаря счастливой случайности эта вещь попадет в руки Джемса Бербанка. Нет, единственное, что можно сделать, — это постараться выяснить, в каком месте на Сент-Джонсе пристанет лодка.

Так прошло около часа. Скуамбо не проронил ни слова. Негры тоже гребли молча. На берегу, среди

темной массы деревьев, смутно различимой вдали, не видно было ни единого огонька.

Озираясь по сторонам и стараясь по малейшим приметам определить, где она находится, Зерма думала только об опасностях, которым подвергалась девочка; о том, что угрожало ей самой, она совершенно забывала. Ее приводила в трепет лишь участь ребенка. Мулатка была убеждена, что виновник похищения — Тексар. Тут никаких сомнений быть не могло. Она узнала испанца, который явился в бухту Марино, с намерением либо проникнуть подземным ходом в Касл-Хаус, либо дожидаться того момента, когда защитники осажденного дома попытаются бежать из него, воспользовавшись туннелем. Если бы Тексар не поторопился, в его руках находились бы теперь не только Ди и Зерма, но и миссис Бербанк с Алисой. Он, очевидно, не встал во главе отряда милиции и своей банды только потому, что рассчитывал вернее захватить семейство Бербанков в бухте Марино.

Во всяком случае, Тексар не сможет отрицать своего прямого участия в похищении. Ведь Зерма изо всех сил выкрикнула его имя. Миссис Бербанк и Алиса не могли этого не услышать. Когда пробьет час возмездия, когда испанцу придется отвечать за свои преступления, ему уже не удастся сослаться на одно из тех непонятных алиби, которые до сих пор помогали ему выходить сухим из воды.

Но какую участь готовил он двум своим жертвам? Быть может, он собирается увезти их в Эверглейдские болота, туда, где берет начало Сент-Джонс? Или он намерен отделаться от Зермы как от опасной свидетельницы, чьи показания могут когда-нибудь оказаться для него роковыми? Вот о чем думала мулатка. Она с радостью пожертвовала бы жизнью ради спасения ребенка. Но если ее убьют, что будет с малюткой Ди, оставшейся в руках Тексара и его сообщников? Эта мысль мучила Зерму невыносимо, и она еще крепче прижимала девочку к своей груди, словно Скуамбо уже готов был вырвать Ди из ее объятий.

Но вот Зерма заметила, что лодка приближается к левому берегу. Однако могло ли это послужить для

нее каким-либо указанием? Ведь она и не подозревала, что убежище испанца находится в глубине Черной бухты, на одном из островков лагуны. Об этом не знали даже его приспешники, никогда не бывавшие в блокгаузе; Тексар скрывался там только с индейцем и со своими невольниками.

А между тем Скуамбо вез пленниц именно туда. Никому, конечно, и в голову не пришло бы искать их в этом тайном убежище. Для человека, не знакомого с протоками и островками Черной бухты, бухта эта была совершенно недоступна. В одном из тысячи закоулков лагуны можно было так запрятать пленниц, что все попытки напасть на их след оказались бы тщетными. Если бы Джеймс Бербанк и вздумал разыскивать их в этом запутанном лабиринте, — всегда можно успеть переправить мулатку с девочкой в южную часть полуострова. А там, среди огромных просторов, на бесплодных равнинах, куда редко заглядывают даже флоридские поселенцы и где появляются лишь шайки индейцев, не будет уже ни малейшей возможности их найти.

Прошло немного времени, и двадцать миль, отделяющие Черную бухту от Кэмдлес-Бея, остались позади. В одиннадцатом часу лодка миновала излучину, которую образует Сент-Джонс в двухстах ярдах вниз по течению от Черной бухты. Теперь оставалось только отыскать вход в бухту. Это было не так просто сделать в непроглядной тьме, окутавшей левый берег реки. При всем знании местности Скуамбо не без колебания решился повернуть лодку к берегу.

Если бы еще можно было плыть вдоль самого берега, изрезанного небольшими бухтами, поросшего тростником и водными растениями! Но Скуамбо боялся сесть на мель и оказаться в весьма затруднительном положении, когда отлив, который вот-вот должен был начаться, погонит воды Сент-Джонса к устью. Нового прилива пришлось бы дожидаться тогда часов одиннадцать, а днем его челн вряд ли мог остаться незамеченным. По реке обычно снует множество лодок, а теперь, в связи с последними событиями, движение между Джэксонвиллом и Сент-

Огастином стало особенно оживленным. Если только Бербанки не погибли во время нападения на Касл-Хаус, они несомненно завтра же пустятся на поиски похищенных. И Скуамбо, севшему на мель где-нибудь у берега, не уйти от их преследования. Он попадет тогда в безвыходное положение. Вот почему индеец предпочел остаться на середине реки, и если понадобится, стать здесь на якорь. С рассветом он сможет отыскать проток, ведущий в Черную бухту, а там уж настигнуть его будет невозможно.

Лодка между тем продолжала подыматься вверх по Сент-Джонсу. Судя по тому, сколько прошло времени, Скуамбо считал, что не достиг еще поворота в бухту. Он собирался плыть дальше, как вдруг где-то не-вдалеке послышался шум идущего по реке парохода. Почти в ту же минуту из-за поворота показалась движущаяся громада.

Пароход шел малым ходом, пронзая ночную тьму ослепительным светом своих фонарей. Еще минута — и он наскочит на лодку.

Движением руки Скуамбо остановил гребцов и резким поворотом руля направил лодку к правому берегу, чтобы не столкнуться с пароходом и остаться незамеченным.

Но лодку уже обнаружили с борта. Ее окликнули и приказали подойти к пароходу.

У Скуамбо вырвалось проклятие, но, не посмев послушаться, он подплыл к правому борту парохода, который остановился в ожидании лодки.

Зерма встрепелась.

У нее явилась надежда на спасение. Что, если закричать, позвать на помощь, вырваться из рук Скуамбо?

Внезапно перед нею вырос индеец. В одной руке у него сверкнул широкий нож, другою он схватил девочку, которую Зерма тщетно пыталась у него отнять.

— Только крикни — и я убью ее! — пригрозил Скуамбо.

Если бы дело шло о жизни самой Зермы, мулатка не колебалась бы. Однако нож индейца угрожал ребенку, и она не проронила ни звука. С палубы не было видно, что происходит в лодке.

Пароход шел из Пиколаты и вез в Джэксонвилл отряд милиции на подкрепление войскам конфедератов, оборонявшим реку.

С мостика наклонился офицер и задал индейцу несколько вопросов. Вот их разговор:

— Куда вы направляетесь?

— В Пиколату.

Зерма запомнила это название, хотя и понимала, что Скуамбо, конечно, не стал бы сообщать, куда он действительно направлялся.

— Откуда?

— Из Джэксонвилла.

— Какие там новости?

— Никаких.

— А об эскадре коммодора Дюпона ничего не слышно?

— Ничего.

— Никаких известий со времени взятия Фернандины и форта Клинч?

— Никаких.

— И ни одна канонерка не проникла еще в фарватер Сент-Джонса?

— Ни одна.

— Мы видели на севере зарево и слышали доносившиеся оттуда выстрелы. Что это значит?

— Нынешней ночью было совершено нападение на плантацию Кэмдлес-Бей.

— Кем? Северянами?

— Нет... Джэксонвиллской милицией. Владелец плантации не выполнил постановления комитета...

— Так, так... Ну это, вероятно, Джемс Бербанк, ярый приверженец Севера.

— Конечно.

— Чем же все это кончилось?

— Не знаю, я проезжал мимо... кажется, там был большой пожар.

В эту минуту девочка тихо вскрикнула. Зерма поспешила закрыть ей рот ладонью, между тем как пальцы индейца уже протянулись к горлу малютки. Стоявший на мостике офицер ничего не заметил.

— Неужели по Кэмдлес-Бею стреляли из пушек? — спросил он.

— Не думаю.

— А почему же мы слышали три пушечных выстрела со стороны Джэксонвилла?

— Этого я не знаю.

— Стало быть, река свободна от Пиколаты до самого устья?

— Совершенно свободна, вы можете спокойно двигаться дальше, не опасаясь канонерок.

— Отлично. Полный вперед!

Команду передали в машинное отделение, и пароход вот-вот уже должен был двинуться дальше, как вдруг Скуамбо крикнул:

— Один вопрос!

— Какой?

— В этой тьме ничего не видно. Не скажете ли, где я нахожусь?

— Против Черной бухты.

— Благодарю вас.

Лодка отошла на несколько сажен, и пароход, стуча мощными колесами и вспенивая воду, быстро скрылся во мраке, оставляя за собой на реке широкую борозду.

Вернувшись на корму лодки, Скуамбо приказал гребцам снова взяться за весла. Он уже знал, где находится, и, повернув лодку вправо, повел ее к выемке берега, в глубине которой была расположена Черная бухта.

Теперь Зерма поняла, что индеец намерен упрятать ее в этом почти недоступном месте. Но что толку? Как могла она дать знать о себе Джемсу Бербанку? Да и где же ему было отыскать их в этом лабиринте, откуда Тексар к тому же мог бы найти множество выходов в непроходимые дебри графства Дьювал, если бы Джемсу Бербанку и его людям удалось проникнуть в глубь лагуны? Западная часть Флориды была глухим и пустынным краем, и напасть там на их след почти невозможно. Углубляться же в эти места опасно: среди болот и в лесных чащах там бродили индейцы-семинолы, они грабили попадавших к ним в руки пут-

ников и убивали их при малейшей попытке к сопротивлению.

Незадолго перед тем в этой части Флориды, к северо-западу от Джэксонвилла, случилось очень загадочное происшествие, о котором в свое время много говорили. Человек двенадцать флоридцев отправились к берегам Мексиканского залива и дорогою подверглись неожиданному нападению индейцев-семинолов. Если они не были истреблены все до единого, то лишь потому, что не оказали ни малейшего сопротивления, которое, кстати сказать, ни к чему бы не привело, ибо индейцев было в десять раз больше.

Флоридцев обобрали до нитки, у них отняли даже одежду. Кроме того, под угрозой смерти им запрещено было когда-либо снова вступать на эту территорию, которую семинолы считали своей неотъемлемой собственностью. А чтобы можно было узнать их, если б им вздумалось нарушить запрет, вождь племени прибегнул к очень простому средству: он приказал вытатуировать на руке у каждого из них несмыслимое клеймо соком красящего растения, вводимого под кожу с помощью острой иглы. После этого флоридцев отпустили, не подвергнув их больше никакому насилию. Они вернулись к себе домой в довольно плачевном состоянии, меченные, так сказать, тавром индейского племени и не испытывая, разумеется, ни малейшей охоты снова попасть в руки семинолов, которые, чтобы сдержать свое слово, на этот раз уже непременно перерезали бы их всех без всякой жалости.

В другое время милиция графства Дьювал не оставила бы безнаказанным подобное нападение: она отправилась бы в погоню за кочевниками. Но теперь ей было не до этого. Страх перед вторжением федералистов преобладал над всем. Самым важным было во что бы то ни стало отстоять от них фарватер Сент-Джонса и орошаемые рекою области. Вот почему нельзя было отвлекать войска конфедератов, расположенные от Джэксонвилла до самой границы Джорджии. Экспедицию против семинолов, до того обнаглевших во время гражданской войны, что они стали появляться в северных областях, откуда их, казалось, навсегда

изгнали, решено было отложить до лучших времен. Но уж тогда дело не ограничится тем, что их оттеснят в Эверглейдские болота: на этот раз их постараются истребить всех до единого.

Пока что, однако, было очень рискованно углубляться в западные области Флориды, и если бы Джеймс Бербанк направил свои поиски в эту сторону, он только подверг бы себя новым опасностям, помимо тех, которые обычно сопряжены с подобного рода экспедициями.

Между тем лодка приблизилась к левому берегу реки. Теперь уж Скуамбо знал, где он находится, и не боялся сест на мель.

Спустя несколько минут лодка очутилась под темным сводом деревьев, где мрак был еще гуще, чем на середине реки. Даже сам Скуамбо не решался плыть в такой темноте, хотя и знал эту местность как свои пять пальцев. Поэтому, пользуясь тем, что тут никто не мог их увидеть, он приказал одному из негров срубить смолистую ветку и зажечь ее на носу лодки. Слабого света этого дымящегося факела индейцу оказалось вполне достаточно, чтобы не запутаться в лабиринте протоков. Около получаса лодка плыла еще по извилинам бухты и, наконец, пристала к острову, на котором находился блокгауз.

Тут Зерме велено было сойти на берег. Усталая девочка крепко спала на руках кормилицы и не проснулась даже тогда, когда мулатка вошла в блокгауз и ее заперли в одном из его боковых помещений.

Зерма укутала Ди в одеяло, валявшееся в углу, и уложила ее на какое-то жалкое подобие кровати. Сама же она села подле нее, чтобы охранять сон малышки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Загадочная операция

На следующий день, 3 марта, в восемь часов утра Скуамбо явился в комнату, где ночевала Зерма. Он принес пленницам еду — хлеб, кусок холодной дичи,

фрукты, — жбан довольно крепкого пива, кувшин воды и кое-какую утварь. Кроме того, один из негров поставил в углу комнаты какую-то старую рухлядь — не то туалет, не то комод. Там было немного белья — простыни, полотенца — и необходимые в обиходе мелочи для девочки и для мулатки.

Ди еще спала. Зерма знаком попросила Скуамбо не будить ее.

Когда негр вышел, Зерма шепотом спросила индейца:

— Что с нами будет?

— Не знаю, — отвечал Скуамбо.

— А что приказал вам Тексар?

— Тексар или кто другой, это неважно, — сказал индеец, — но мне приказано вот что: покуда вы здесь, жить вы будете в этой комнате и на ночь вас будут запирасть.

— А днем?

— Днем можете гулять внутри ограды.

— Покуда мы находимся здесь? — спросила Зерма — А где же мы находимся?

— Там, куда мне велено было вас доставить.

— И долго нас здесь продержат?

— Я вам сказал все, что мог, — ответил индеец, — больше я ничего не скажу, так что и расспрашивать бесполезно.

С этими словами Скуамбо, которому, очевидно, приказано было не пускаться в долгие разговоры, вышел из комнаты, оставив мулатку наедине с девочкой.

Зерма поглядела на Ди, и на глазах у нее выступили слезы, но она поспешила отереть их: проснувшись, девочка не должна была видеть, что ее кормилица плачет. Необходимо, чтобы Ди поскорее привыкла к своему новому, быть может опасному, положению, — испанец ведь на все способен.

Зерма размышляла над тем, что произошло накануне. Она видела, как миссис Бербанк и Алиса бежали по берегу, когда лодка увозила ее с Ди. Она слышала их отчаянные крики. Но удалось ли им вернуться в Касл-Хаус, проникнуть подземным ходом в осажденный дом и известить Джемса Бербанка о новом страш-

ном несчастье? Не попались ли они также в руки Тексара? Быть может, их тоже увезли далеко от Кэмдлес-Бея или даже убили?.. А если это так, то Джемс Бербанк не узнает, что дочь его похищена вместе с Зермой. Он будет думать, что из бухты Марино его жена, Алиса, ребенок и Зерма благополучно добрались до Кедрового Утеса, что они там в безопасности, и не предпримет немедленных поисков.

Но пусть даже Алиса и миссис Бербанк вернулись в Касл-Хаус и Джемс Бербанк обо всем узнал: разве можно быть уверенной, что бандиты не заняли осажденный дом, не подожгли его, не разграбили, не разрушили? Что случилось тогда с его защитниками? Они захвачены в плен или убиты! Нет, ей, Зерме, нечего рассчитывать на их помощь. Даже если бы северяне и овладели Сент-Джонсом, ей все равно нет спасения. Ни Джилберту, ни Марсу и в голову не придет, что сестру одного из них и жену другого упрятали на этом острове в глубине Черной бухты! Но если это так, если Зерме остается рассчитывать только на свои силы, — присутствие духа ее не покинет. Она сделает все, чтобы спасти ребенка, у которого не осталось, быть может, никого на свете, кроме нее. Бежать! Вот на чем будут отныне сосредоточены все ее помыслы, вот к чему будет она готовиться каждую минуту.

Но возможно ли совершить побег из этого блокауза, охраняемого Скуамбо и его помощниками, из блокауза, вокруг ограды которого рыщут свирепые ищейки? Разве можно убежать с этого острова, затерянного среди бесчисленных протоков лагуны? Да, можно, но только при тайном содействии одного из невольников Тексара, хорошо знакомого со всеми ходами и выходами Черной бухты.

Что, если обещанием щедрого вознаграждения Зерме удастся склонить одного из них к соучастию в побеге? И мулатка решила добиваться этого всеми силами.

Между тем малютка Ди проснулась. Первым ее словом было «мама!». Она быстро обвела взглядом комнату, вспомнила все случившееся накануне, вскочила и подбежала к мулатке.

— Зерма!.. Милая!.. — лепетала она. — Я боюсь... Боюсь...

— Не бойся, моя крошка.

— Где мама?

— Она... она скоро будет с нами... Нам пришлось бежать, ты ведь знаешь... Но теперь мы в безопасности, здесь нам бояться нечего! Как только к мистеру Бербанку подоспеет помощь, он сейчас же придет к нам.

Ди недоверчиво взглянула на Зерму.

— Право же, так... — продолжала Зерма, желая во что бы то ни стало успокоить девочку. — Мистер Бербанк велел нам дожидаться его здесь.

— А люди, которые увезли нас в своей лодке?.. — спросила девочка.

— Это слуги мистера Гарвея, детка. Ты же знаешь мистера Гарвея? Он друг твоего отца и живет в Джэксонвилле. А это его коттедж в Хемптон-Редс.

— А где же мама и Алиса? Ведь они были с нами?

— Их вернул мистер Бербанк, когда они собирались сесть в лодку, разве ты забыла?.. Как только этих злых людей выгонят из Кэмпдлес-Бея, за нами придут... Ну, не плачь, милая! И бояться нечего, хотя бы нам и пришлось прожить здесь несколько дней. Мы здесь в безопасности, право же... Давай лучше я тебя умою и одену.

Ди продолжала упорно глядеть на Зерму, и, несмотря на старания кормилицы успокоить ее, девочка печально вздохнула. А ведь обычно она просыпалась по утрам с улыбкой. Необходимо было ее чем-нибудь занять, развлечь.

Зерма постаралась это сделать с самой нежной заботливостью. Она одела малышку так тщательно, как будто бы та находилась в своей уютной детской в Касл-Хаусе. При этом мулатка рассказывала ей всякие забавные истории.

Потом она накормила девочку, разделив с нею этот первый завтрак в плену.

— А теперь, детка, если хочешь, мы с тобой немного погуляем... Около дома...

— Здесь хорошо, в коттедже мистера Гарвея? — спросила девочка.

— Хорошо ли? Не думаю, — отвечала Зерма. — Ведь дом этот очень старый! Но тут есть сад, есть речка, найдем, где погулять. Да к тому же мы здесь ненадолго, и если ты будешь умницей, не будешь скушать, мама останется очень довольна.

— Я буду умницей, — отвечала Ди.

Дверь комнаты не была заперта. Зерма взяла девочку за руку, и, пройдя через темное помещение, они вышли на яркий дневной свет, под сень больших деревьев, сквозь листву которых пробивались лучи солнца.

Весь участок был невелик — всего около акра, и большую часть его занимал блокгауз. Окружавшая его ограда мешала Зерме разглядеть, в каком месте лагуны находится остров. Сквозь старые крепостные ворота она заметила лишь, что от соседних островов его отделяет широкий мутный канал. Не легко бежать отсюда женщине с ребенком! Даже если бы Зерме и удалось заполучить какую-нибудь лодку, вряд ли она сумеет выбраться из этого лабиринта протоков. О том, что выход из него известен только Скуамбо и Тексару, она не подозревала. Негры, невольники Тексара, никогда не покидали блокгауза и сами не знали, где находятся. Только случай мог вывести пленниц к берегу Сент-Джонса или к болотам, подступающим к бухте с запада. Но разве можно было полагаться на случай? Ведь это значило бы идти на верную гибель.

Вскоре Зерма убедилась, что ей нечего ждать помощи от невольников Тексара. Эти негры, доведенные до полного оупения, не внушали доверия. Хотя Тексар и не держал их в цепях, но они были совершенно лишены свободы. Они предназначались главным образом для обороны блокгауза в случае нападения на него. Кормили их сытно, в крепких напитках не отказывали, так что они были довольны своим существованием и, повидимому, не стремились изменить его.

Вопрос об отмене рабства, который так горячо обсуждался совсем близко за пределами Черной бухты, их не волновал. Получить свободу? Но на что она им, что им с нею делать? Тексар содержал их, Скуамбо, при всей своей жестокости, обращался с ними неплохо,

хотя и был способен проломить голову любому, кто вздумал бы ее поднять. Но об этом невольники Тексара и не помышляли. Не будет преувеличением сказать, что даже ищейки, рыскавшие вокруг блокауза, превосходили их своею смышленостью. Собаки очень хорошо знали всю местность вокруг блокауза. Они переплывали бесчисленные протоки бухты, носились с одного островка на другой, но безошибочное чутье всегда помогало им найти дорогу домой. Их лай нередко доносился до противоположного берега реки; однако к ночи они неизменно возвращались в блокауз. Ни одна лодка не могла бы проникнуть в лагуну незамеченной, потому что эти свирепые сторожа тут же подняли бы неистовый лай. Никто, кроме Скуамбо и Тексара, не мог выйти из блокауза, не рискуя быть растерзанным этими одичавшими потомками караибских собак.

Когда Зерма поняла, как тщательно охраняется блокауз, когда убедилась, что помощи ей ждать не от кого, она все же не пришла в отчаяние, как немедленно случилось бы с другой, менее энергичной и мужественной женщиной. Она сохранила присутствие духа. Помощь рано или поздно придет — либо от Джемса Бербанка, если у него будут развязаны руки, либо от Марса, когда он узнает, что похитили его жену. А если они не вызволят ее из плена, ей придется рассчитывать только на свои собственные силы. И для спасения себя и ребенка она не остановится ни перед чем.

Одинокая в своем заточении, Зерма не встречала вокруг ни одного участливого взгляда. Однако ей показалось все же, что один из негров, молодой еще человек, смотрит на нее как бы с некоторым состраданием. У Зермы появилась какая-то надежда. Что, если довериться ему, рассказать, как добраться до Кэмдлес-Бея, уговорить бежать, чтобы доставить в Касл-Хаус весточку о пленниках?.. Нет, на это рассчитывать трудно. Да к тому же и Скуамбо, вероятно, заметил, что негр относится сочувственно к мулатке, и поспешил убрать его подальше от Зермы, так что она перестала встречать молодого невольника на прогулках.

Шли дни, но в положении пленниц ничего не менялось. С утра до вечера Зерме и Ди разрешали гулять

сколько угодно. Ночью же им запрещалось выходить из центрального помещения, хотя дверь их комнаты на ключ не запирали. Индеец никогда не говорил с Зермой, и мулатка тоже перестала обращаться к нему с вопросами. Скуамбо неотлучно находился на острове.

Чувствовалось, что его бдительность не ослабевает ни на минуту, и поэтому все свои заботы Зерма сосредоточила на девочке, которая постоянно просилась к маме.

— Потерпи, дорогая моя, она скоро придет, — говорила Зерма. — Я получила от нее весточку. И папа придет скоро и мисс Алиса тоже.

Других утешений несчастная женщина придумать не могла и только всячески старалась развлечь не по годам разумного ребенка.

Миновало 4-е, 5-е, наконец и 6 марта. Зерма с нетерпением прислушивалась, не раздадутся ли вдалеке пушечные выстрелы, свидетельствующие о приближении эскадры федералистов, но, увы! ничего не было слышно. В Черной бухте царила полная тишина. Флорида, стало быть, еще в руках южан. Мулатку это очень тревожило. Если Джеймс Бербанк и его друзья лишены возможности действовать, может быть ей на помощь придут Джилберт и Марс? Пусть только канонерки северян овладеют рекой, тогда оба они обыщут ее берега и доберутся до острова. Кто-нибудь из обитателей плантации расскажет им обо всем случившемся. Но с реки не доносилось никаких отголосков боя.

Странно было также и то, что испанец еще ни разу не появлялся на острове, ни днем, ни ночью, по крайней мере Зерма не заметила ничего, что указывало бы на его присутствие. А ведь она почти не спала и в долгие часы бессонницы настороженно ловила каждый шорох — до сих пор, правда, тщетно.

Впрочем, какое дело Зерме до того, приезжал Тексар или нет? Что толку, если бы она даже увиделась с ним? Разве он внял бы ее мольбам, разве испугался бы ее угроз? Нет, присутствия его следует, пожалуй, опасаться больше, чем отсутствия.

Это было 6 марта около одиннадцати часов ночи. В тысячный раз Зерма принималась обдумывать свое

положение. Ди спала довольно спокойно. В комнате, служившей для них тюремной камерой, было совершенно темно. Снаружи не доносилось ни малейшего звука, кроме свиста ветра, проникавшего сквозь прогнившие стены блокауза.

Вдруг мулатке почудились чьи-то шаги в центральном помещении блокауза. Она подумала сперва, что это Скуамбо возвратился после очередного обхода.

Но тут послышались голоса. Разговаривали двое. Зерма крадучись подошла к двери, приложила ухо к скважине и прислушалась. Она узнала голоса Скуамбо и Тексара.

Ее охватила дрожь. Что делает здесь испанец в такой поздний час? Уж не замышляет ли он какое-нибудь новое злодейство против пленниц? Не собирается ли увезти их отсюда и упрятать в еще более глухое и недоступное убежище? Предположение это мгновенно промелькнуло в голове мулатки... Но, поборов волнение, она приникла ухом к двери и стала слушать.

— Ничего нового? — осведомился Тексар.

— Ничего, господин, — отвечал Скуамбо.

— А что Зерма?

— Я отказался отвечать на ее вопросы.

— Пытались их разыскать после разгрома Кэмдлес-Бея?

— Пытаться — пытались, да только ничего не вышло.

Из этого ответа Зерма поняла, что кто-то ее уже ищет. Но кто?

— Как ты об этом узнал? — спросил Тексар.

— Я несколько раз подплывал к берегу Сент-Джонса, — отвечал индеец. — Дня три тому назад неподалеку от Черной бухты я видел лодку. Двое людей даже высаживались на одном из островов.

— Кто же это был?

— Джеймс Бербанк и Уолтер Стэннард.

Зерма едва могла сдержать волнение. Джеймс Бербанк и Уолтер Стэннард разыскивали ее! Значит, не все защитники Касл-Хауса погибли во время набега на плантацию! И если они предпринимают поиски, то, стало быть, знают о похищении мулатки и девочки.

Рассказать об этом могли только миссис Бербанк и Алиса. Значит, и они живы. Они слышали крик Зермы, звавшей на помощь, и им обоим удалось вернуться в Касл-Хаус.

Итак, Джемсу Бербанку известно обо всем, что произошло. Он знает имя злодея, быть может, даже догадывается о том, где спрятаны его жертвы? В конце концов он их отыщет!

Эта вереница мыслей быстро пронеслась в голове Зермы. Радостная надежда озарила на мгновение ее душу, но тут же снова погасла, когда мулатка услышала слова Тексара:

— Ну, что ж, пусть ищут! Все равно они ничего не найдут. Да к тому же через несколько дней Джемс Бербанк уже будет нам не страшен!

Мулатка не могла понять, что означают эти слова, но в устах человека, которому беспрекословно подчинялся комитет Джэксонвилла, они представляли серьезную угрозу.

— А теперь, Скуамбо, — продолжал испанец, — ты мне нужен на часок.

— Готов служить, господин.

— Иди за мною.

Скуамбо и Тексар ушли в комнату индейца.

Что они замышляют? Может быть, проникнув в их тайну, Зерма сумеет воспользоваться ею? В ее положении нельзя пренебрегать ничем.

Мы уже говорили, что дверь в комнату пленниц не запиралась даже на ночь. Впрочем, в этом не было никакой необходимости, так как блокгауз замыкался изнутри, а ключ от него Скуамбо держал при себе. Поэтому выбраться из блокгауза, пытаться бежать все равно было невозможно.

Зерма тихо отворила дверь и, затаив дыхание, вышла.

Было совершенно темно, лишь из комнаты индейца пробивалась узенькая полоска света.

Мулатка подкралась к двери и заглянула в щелку. То, что она увидела, было настолько странным, что она опешила.

Комната освещалась всего одной слабо горевшей свечой, но ее, повидимому, было достаточно для Скуамбо, сосредоточенно занимавшегося каким-то делом.

Тексар сидел перед индейцем, сняв с себя кожаную куртку и вытянув на маленьком столике подле самой свечи обнаженную левую руку. Странной формы бумага, исколотая мелкими дырочками, наложена была с внутренней стороны на его предплечье. Сквозь эти дырочки Скуамбо тонкой иглой наносил уколы на кожу хозяина. Таков был принятый у индейцев способ татуировки, и Скуамбо был весьма опытным в этом деле. Ловко и умело орудуя иглой, он кончиком ее лишь слегка накалывал кожу, не причиняя при этом испанцу ни малейшей боли.

Потом он снял бумагу, взял листья какого-то растения, принесенного Тексаром, и натер ими исколотую руку своего господина. Сок растения вызвал, вероятно, страшный зуд, но Тексар не привык обращать внимания на такие пустяки.

Окончив операцию, Скуамбо поднес свечу к руке Тексара. На ней отчетливо выступил красноватый узор, в точности повторивший узор, изображенный на бумаге. Он состоял из множества пересекающихся линий и воспроизводил какую-то символическую фигуру из индейской мифологии. Такая татуировка оставалась уже на всю жизнь.

Зерма видела, что происходит в комнате Скуамбо, но ничего не могла понять. Зачем понадобилась Тексару татуировка? К чему такая «особая примета», — пользуясь выражением, принятым в паспортах? Неужели он собирался выдать себя за индейца? Но ведь цвет кожи и весь его внешний облик не позволяли это сделать. Уж не следует ли искать какой-то связи между татуировкой, которую Скуамбо нанес на руку испанца, и той, которой индейцы украсили флоридских путешественников, недавно захваченных ими на севере графства? Не рассчитывал ли Тексар воспользоваться этим знаком, чтобы и на этот раз установить свое алиби, которое ему так ловко удавалось доказывать до сих пор?

Быть может, тут скрыта какая-то тайна, связанная с его личной жизнью, тайна, которая выяснится впоследствии?

Мулátku тревожил и другой вопрос: неужели Тексар для того только и явился в Черную бухту, чтобы прибегнуть к искусству Скуамбо, и теперь, когда татуировка сделана, отправится обратно в северную часть Флориды и, конечно, в Джэксонвилл, где все еще хозайничают его приспешники? Или он дождетсá здесь наступления утра, чтобы повидаться с Зермой и объявить ей какое-нибудь свое новое решение?

Однако на этот счет мулатка скоро успокоилась.

Когда татуировка была закончена, испанец встал и быстро направился вон из комнаты, так что Зерма едва успела убежать к себе.

Прильнув к двери, она услышала разговор между Тексаром и Скуамбо.

— Ну, Скуамбо, смотри за ними в оба, — приказывал Тексар.

— Слушаюсь, господин, — отвечал индеец. — Но если Джемс Бербанк будет на нас очень наседать в Черной бухте...

— Я же сказал, что через несколько дней Джемс Бербанк нам будет не страшен... Впрочем, ты ведь знаешь, куда в случае чего отправить мулатку с ребенком? Туда, где мы должны встретиться.

— Знаю, господин, — отвечал Скуамбо. — Может случиться, что Джилберт или Марс...

— Не пройдет и двух дней, как оба они будут в моих руках, а уж тогда...

Зерма не расслышала конца фразы, не сулившей ничего хорошего ни ее мужу, ни Джилберту.

Тексар и Скуамбо вышли из блокгауза, и дверь за ними затворилась.

Через несколько минут челнок, которым правил индеец, отчалил от берега и по лабиринту протоков устремился к выходу из бухты, где на реке Тексара ожидала лодка. Там Скуамбо расстался со своим хозяином, получив на прощанье еще несколько распоряжений.

Лодка испанца быстро понеслась к Джэксонвиллу. Она доставила туда Тексара на рассвете, так что он

имел достаточно времени, чтобы осуществить свои угрозы. И действительно, через несколько дней Марс исчез в волнах Сент-Джонса, а Джилберт Бербанк был приговорен к смертной казни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Накануне

Джилберта Бербанка судили 11 марта утром. Вечером того же дня по приказанию джэксонвиллского комитета был арестован его отец. Казнь молодого офицера должна была состояться через день после суда, и Джемса Бербанка, обвиненного в сообщничестве с сыном и приговоренного к такому же наказанию, предполагалось, вероятно, казнить вместе с ним.

Как уже было сказано, Тексар держал весь джэксонвиллский комитет в своих руках. Его желание являлось законом. Казнь Джемса и Джилберта Бербанк должна была, повидимому, послужить лишь прелюдией к кровавой расправе городских подонков с теми из жителей Флориды, которые считались сторонниками Севера или разделяли взгляды северян на рабство.

Во время междоусобной войны открывается широкий простор для сведения личных счетов. Только приход федералистов мог бы предотвратить катастрофу и избавить Джэксонвилл от жестокостей Тексара. Но придут ли они, а если и придут, то успеют ли помешать испанцу учинить расправу над первыми жертвами его злобы? К несчастью, уверенности в этом не было.

Легко представить себе, в каком отчаянии были обитатели Касл-Хауса, с нетерпением ждавшие прихода северян.

По всей вероятности, Стивенс временно отказался от своего намерения подняться вверх по Сент-Джонсу. Канонерки стояли на прежнем месте. Возможно, что они не отваживались сняться с якоря, лишившись опытного лоцмана в лице Марса. А может быть, решено было отказаться от взятия Джэксонвилла, которое одно

только и могло обеспечить безопасность плантаций, расположенных по течению Сент-Джонса?

Какие же новые военные события могли заставить commodore Дюпона изменить свои прежние планы?

Вот вопрос, над которым 12 марта ломали себе голову мистер Стэннард и управляющий Пэрри. В этот бесконечно долго тянувшийся для них день приходили все новые и новые неутешительные вести. Говорили, что северяне решили направить все свои усилия исключительно на то, чтобы овладеть побережьем Флориды, что commodore Дюпон на «Уобаш» с самыми мощными из своих канонерок уже появился перед Сент-Огастином. Утверждали даже, что милиция южан готовится сдать форт Марион без боя, как сдала уже форт Клинч при взятии Фернандины.

Эти вести управляющий Пэрри сообщил утром Стэннард и Кэрролу, который все еще лежал на диване в холле, так как рана его не зажила.

— Федералисты в Сент-Огастине! — вскричал Кэррол. — Почему же они не идут на Джэксонвилл?

— Быть может, взятие города не входит в их планы, и они намерены только закрыть доступ к верховьям реки, — ответил Пэрри.

— Если Джэксонвилл останется в руках Тексара, Джемс и Джилберт погибнут! — воскликнул Стэннард.

— Не поехать ли мне предупредить commodore Дюпона об опасности, грозящей мистеру Бербанку и его сыну? — предложил Пэрри.

— Чтобы добраться до Сент-Огастина, потребуется целый день, — возразил Кэррол. — Я уж не говорю о том, что можно попасть в руки отступающей милиции. Так что пока Стивенс получит приказ commodore, пройдет слишком много времени... Да и, наконец, эта отшельница... Если канонеркам не удастся ее преодолеть, то как же спасти несчастного Джилберта? Ведь его же завтра расстреляют... Нет, не в Сент-Огастин надо ехать, а в Джэксонвилл... Не к commodore Дюпону, а... к Тексару...

— Мистер Кэррол совершенно прав, отец, — вмешалась вошедшая в комнату Алиса, услышав последние слова Кэррола. — Он совершенно прав — и я поеду.

Отважная девушка готова была пойти на все, подвергнуть себя любой опасности ради спасения Джилберта.

Накануне, уезжая из Кэмдлес-Бей, Джемс Бербанк особенно настаивал, чтобы его больной жене не говорили о том, что он отправился в Джэксонвилл. Надо было во что бы то ни стало скрыть от нее приказ комитета об аресте мужа. И миссис Бербанк действительно об этом не знала, точно так же как она не знала об аресте сына, полагая, что он находится на борту своей канонерки. В самом деле, разве вынесла бы несчастная женщина этот двойной удар? Муж ее в лапах Тексара, сын должен быть завтра казнен! Нет, этого ей не пережить! И потому, когда миссис Бербанк попросила позвать к ней мужа, Алиса сказала, что его нет дома, что он снова отправился на поиски Ди и Зермы и, вероятно, будет отсутствовать двое суток. Все помыслы несчастной женщины сосредоточились на похищенном ребенке. Она была так слаба, что уж одно это горе могло свести ее в могилу.

Алиса же знала все. Она знала, что молодому офицеру завтра угрожает расстрел и что та же участь, должно быть, постигнет его отца. И, решив отправиться к Тексару, она пришла просить Кэррола, чтобы он приказал перевезти ее на противоположный берег.

— Ты, Алиса... в Джэксонвилл?! — вскричал Стэннард.

— Я должна, отец, это необходимо!..

Медлить нельзя было. И перед лицом необходимости Стэннард подавил в себе столь понятные опасения и тревогу. Шаг, на который решилась Алиса, был единственным шансом спасти Джилберта. Быть может, упав к ногам Тексара, Алиса вымолит пощаду своему жениху или хотя бы добьется отсрочки казни? Быть может, наконец, ей удастся найти поддержку у честных людей, которые при виде ее отчаяния возмутятся против ненавистной тирании комитета? Да, надо, надо ехать в Джэксонвилл, невзирая ни на какие опасности.

— Пэрри, — обратилась молодая девушка к упраз-

ляющему, — вы проводите меня до дома мистера Гарвея?

— Конечно, — с готовностью ответил он.

— Нет, Алиса, сопровождать тебя буду я! Только я... Едем!

— Что вы, Стэннард! — вскричал Кэррол. — Ведь это значило бы подвергать себя... Ваш образ мыслей, ваши убеждения слишком хорошо известны...

— Что же делать? — возразил Стэннард. — Не могу же я отпустить мою дочь одну к этим злодеям. Пусть лучше Пэрри останется в Касл-Хаусе, Эдвард. Ведь вам нельзя двигаться, а нас, пожалуй, могут задержать в городе... Об этом забывать не следует...

— А если миссис Бербанк спросит, где вы, где мисс Алиса, что я ей отвечу? — воскликнул Эдвард Кэррол.

— Скажите, что мы с Джемсом отправились разыскивать Ди и Зерму на другой берег реки... Можете даже сказать, что мы уехали в Джэксонвилл. Словом, постарайтесь сделать все, чтобы ее успокоить. Она ни в коем случае не должна подозревать, какая опасность угрожает ее мужу и сыну... Пэрри, распорядитесь насчет лодки!

Управляющий ушел, а Стэннард и Алиса стали собираться в путь.

Однако лучше было предупредить миссис Бербанк, что Алиса с отцом должны отправиться в Джэксонвилл. В крайнем случае можно даже сказать ей, что партия Тексара свергнута, что федералисты овладели Сент-Джонсом, что завтра Джилберт возвратится в Кэмдлес-Бей... Только хватит ли у молодой девушки духу солгать? Не дрогнет ли у нее голос и не выдаст ли она себя, утверждая то, что ей самой казалось теперь невозможным?

Когда Алиса вошла в комнату к миссис Бербанк, больная спала, или, вернее, находилась в тяжелом забытии. Молодая девушка не решилась ее тревожить и таким образом была избавлена от необходимости лгать.

У постели больной сидела служанка. Алиса ей наказала ни на минуту не оставлять миссис Бербанк и за ответами на все ее вопросы обращаться к мистеру

Кэрролу. Затем, тихо коснувшись губами лба несчастной женщины, Алиса покинула комнату.

— Едем, отец, — сказала она, увидев мистера Стэннарда.

Они простились с Эдвардом Кэрролом и вышли из дома.

В бамбуковой аллее, ведущей к пристани, им встретился управляющий.

— Лодка готова, — сказал Пэрри.

— Хорошо, — ответил Стэннард. — Смотрите же, мой друг, как следует охраняйте Касл-Хаус!

— Будьте покойны, мистер Стэннард. Наши негры понемногу возвращаются на плантацию, да оно и понятно. На что им свобода, для которой они вовсе не созданы природой? Приезжайте назад с мистером Бербанком и будьте уверены, что он застанет всех негров на своих местах.

Стэннард и Алиса сели в лодку с четырьмя гребцами. Подняли паруса, и, гонимая легким восточным ветром, лодка быстро отошла от берега. Вскоре пристань Кэмдлес-Бея скрылась из виду за мысом, обраzuемым здесь плантацией.

Стэннард решил высадиться не в самой Джэксонвиллской гавани, где его несомненно бы узнали, а зайти в небольшую бухту повыше города. Оттуда он рассчитывал без труда добраться до предместья, где находился дом мистера Гарвея, а там уже в зависимости от обстоятельств решить, как действовать дальше.

На реке в этот час не было заметно никакого движения: ни вверх по течению, откуда могла появиться отступающая из Сент-Огастина милиция, ни вниз по Сент-Джонсу ничего не было видно. Стало быть, никакого столкновения между канонерками Стивенса и лодками конфедератов не произошло. Не видно даже линии заграждения, так как ниже Джэксонвилла Сент-Джонс делает крутой поворот.

При попутном ветре мистер Стэннард с дочерью быстро достигли левого берега. Никем не замеченные, они высадились в бухте, за которой не было установлено наблюдения, и через несколько минут находились уже около дома мистера Гарвея.

Он очень удивился и встревожился, увидав гостей. Приезд в Джэксонвилл был с их стороны крайне рискованным шагом, так как разнузданная джэксонвиллская чернь, всецело преданная Тексару, хорошо знала о том, что Уолтер Стэннард разделяет взгляды владельца Кэмдлес-Бее на рабство. Разгром его собственного дома в Джэксонвилле мог послужить для него серьезным предостережением.

Если бы о приезде Стэннарда стало известно, ему несомненно угрожала бы серьезная опасность; в лучшем случае он был бы немедленно брошен в тюрьму как сообщник Бербанка.

— Надо спасти Джилберта! — твердила Алиса в ответ на все упреки Гарвея в неосторожности.

— Да, — согласился он, — надо попытаться это сделать, но только пусть мистер Стэннард ни на шаг не выходит из дома. Он должен оставаться здесь, пока мы будем действовать.

— Как вы думаете, пустят меня в тюрьму? — спросила девушка.

— Полагаю, что нет, мисс Алиса.

— А удастся ли мне добраться до Тексара?

— Попытаемся.

— Мне с вами никак нельзя? — спросил Стэннард.

— Ни в коем случае. Ваше присутствие может только все испортить.

— Идемте же, мистер Гарвей, — торопила Алиса.

Прежде чем отпустить их, Стэннард справился, нет ли каких-либо военных новостей, о которых еще неизвестно в Кэмдлес-Бее.

— Нет, — ответил Гарвей, — по крайней мере в отношении Джэксонвилла. Федералисты овладели Сент-Огастином. Стоило их флотилии появиться в бухте, как город немедленно сдался. А на Сент-Джонсе все по-старому. Канонерки все еще стоят на якоре перед отмелью.

— Значит, уровень воды не позволяет пройти пад ней?

— В том-то и дело. Впрочем, сегодня равноденствие, так что ожидается сильный прилив. К трем часам уровень воды должен значительно подняться, и,

может быть, канонеркам удастся перебраться через отмель.

— Без лоцмана, — промолвила Алиса, и в голосе ее звучала безнадежность. — Ведь Марса нет, чтобы провести их по фарватеру... Нет, это невозможно! Мистер Гарвей, я непременно хочу увидеть Тексара, и если он мою просьбу отвергнет, мы должны пойти на все, чтобы помочь Джилберту бежать.

— Так мы и сделаем, мисс Алиса.

— Настроение в Джэксонвилле не изменилось? — спросил Стэннارد.

— Нет, все то же, — ответил Гарвей. — Негодяи продолжают хозяйничать, и Тексар командует ими. Впрочем, порядочные люди возмущены угрозами и вымогательствами комитета. Стоит только федералистам хоть немного продвинуться ближе к городу — и положение в Джэксонвилле изменится. Ведь городские подонки трусливы. Они испугаются, и Тексар с его приспешниками будет тотчас же свергнут. Я надеюсь все-таки, что Стивенсу удастся преодолеть отмель...

— Ждать нельзя, — решительно возразила Алиса, — я должна немедленно увидеть Тексара.

Итак, условились: Стэннارد останется у Гарвея, чтобы ни одна душа в Джэксонвилле не узнала о его приезде, а Гарвей будет сопровождать молодую девушку и помогать ей во всех ее попытках, успех которых, надо признать, был весьма сомнительным. Если Тексар не согласится пощадить Джилберта, если Алиса не сможет добиться свидания с ним, решено было любой ценой устроить побег молодого офицера и его отца из тюрьмы.

Было около одиннадцати часов, когда Алиса и мистер Гарвей направились к судебной палате, где непрерывно заседал комитет под председательством Тексара.

В городе царило сильное волнение. По улицам непрестанно проходили отряды милиции, усиленной войсками, прибывшими из южных областей Флориды. В середине дня ожидался отряд, отступивший из Сент-Огастина после сдачи города. Он должен был прибыть либо по реке, либо, пробравшись лесом по ее правому берегу, переправиться затем в Джэксонвилл. Оби-

татели города высыпали на улицу. Ходило множество самых противоречивых слухов, порождая брожение, готовое перерасти в мятеж. Ясно было, что когда федералисты появятся в гавани, между защитниками города не будет единства, и серьезного сопротивления они оказать не смогут. Если девять дней назад Фернандина сдалась без выстрела десантным войскам генерала Райта, если в Сент-Огастине не попытались даже остановить эскадру Дюпона, то можно было заранее предвидеть, что и Джэксонвилл не окажет сопротивления и что отряды милиции, сдав город войскам северян, отступят в глубь страны. Что может помешать федералистам взять Джэксонвилл и положить тем самым конец власти комитета и его кровавым злодеяниям? Только невозможность переправить канонерки через песчаную отмель из-за низкого уровня воды в реке или же из-за отсутствия лоцмана. Но через несколько часов все должно было выясниться.

Сквозь толпу, становившуюся все гуще и гуще, Алиса и Гарвей пробирались к главной городской площади. Но как им проникнуть в здание судебной палаты? А если это и удастся, то как повидать Тексара? Они опасались, что испанец, узнав о том, что Алиса Стэннард добивается свидания с ним, пожелает избавиться от докучливой просительницы, прикажет взять ее под арест и продержать до тех пор, пока не совершится казнь. Но молодую девушку такая перспектива не останавливала. Во что бы то ни стало добраться до Тексара, вырвать у него помилованье Джилберту, чем бы это ни грозило ей самой, — таково было ее непреклонное решение.

Дойдя до площади перед судебной палатой, мистер Гарвей с Алисой оказались среди еще более возбужденной толпы. Они слышали неистовые крики, со всех сторон неслись проклятия, то и дело раздавались возгласы: «Расстрелять их!.. Расстрелять!..»

Мистер Гарвей узнал, что в судебной палате уже с час идет заседание комитета. Им овладело тягостное предчувствие, которому вскоре суждено было оправдаться: в палате судили Джемса Бербанка как сообщника его сына Джилберта. Он обвинялся в преступных

сношениях с армией федералистов — в том же преступлении, за которое осужден Джилберт. Нужно думать, что одинаковым будет и приговор.

Так завершалась месть Тексара семье Бербанков.

Гарвей решил дальше не идти и стал уговаривать Алису вернуться. Зачем ей быть свидетельницей бесчинств разъяренной толпы, когда после объявления приговора осужденных выведут на площадь? Да к тому же он считал, что сейчас неподходящий момент, чтобы обращаться к испанцу с просьбой.

— Пойдемте отсюда, мисс Алиса, — уговаривал Гарвей, — пойдемте! Мы вернемся потом... когда комитет...

— Нет, — настаивала Алиса, — я брошусь между осужденными и их судьями!..

Ничто не могло поколебать решимости молодой девушки. Алиса пошла вперед. Гарвей вынужден был следовать за нею. Густая толпа расступилась перед Алисой; многие, вероятно, узнали ее. Молодая девушка слышала неистовые крики: «Смерть им!.. Смерть!» Ничто ее не останавливало. Так дошла она до самых дверей судебной палаты.

Тут толпа бушевала еще сильнее, словно подхваченная яростным вихрем только надвигающейся, а не отшумевшей уже грозы. От этого скопища можно было ждать самых жестоких насилий.

Внезапно из дверей судебной палаты с шумом повалили люди. Крики усилились. Только что был объявлен приговор.

За то же мнимое преступление, что и Джилберта, Джемса Бербанка также приговорили к смертной казни. Отца и сына должен был расстрелять один и тот же взвод солдат.

— Смерть им! Смерть! — вопила разъяренная толпа.

На верхних ступенях лестницы появился Джемс Бербанк. Он был совершенно спокоен. На ревущую толпу он кинул лишь презрительный взгляд.

Его вели в тюрьму под сильным конвоем.

Джемс Бербанк был не один.

Рядом с ним шел Джилберт.

Молодого лейтенанта, осужденного на казнь, водили в суд для очной ставки с отцом. Джемс Бербанк мог лишь подтвердить слова сына, заявившего, что он приезжал в Касл-Хаус для того только, чтобы проститься с умирающей матерью. Обвинение в шпионаже таким образом отпало бы само собою, не будь исход дела предрешен заранее. Итак, два ни в чем не повинных человека были осуждены на смертную казнь — таков был приговор, вынесенный неправедными судьями, приговор, продиктованный местью.

Между тем толпа рвалась к осужденным. Конвою с трудом удавалось вести их через площадь.

Но вот в толпе произошло какое-то движение — и Алиса бросилась к Джемсу и Джилберту Бербанк.

При неожиданном появлении молодой девушки пораженная толпа невольно отступила.

— Алиса! — вскричал Джилберт.

— Джилберт! Джилберт! — прошептала мисс Стэнхарт, падая в объятия юноши.

— Алиса, зачем ты здесь? — спросил Джемс Бербанк.

— Чтобы просить о помиловании, чтобы умолять ваших судей... Сжальтесь, пощадите их!..

Крики несчастной девушки были поистине душераздирающими. Алиса цеплялась за одежду осужденных. Но разве можно было ждать хоть малейшей жалости от этой обезумевшей толпы? Конечно, нет! Не обращая внимания на конвой, она уже готова была растерзать арестованных, однако появление Алисы остановило ее.

Из дверей судебной палаты вышел Тексар, которому дали знать о том, что происходит на площади. Он сделал знак рукою, и толпа затихла. Конвоирам было приказано вести осужденных в тюрьму.

Отряд снова тронулся в путь.

— Пощадите... Сжальтесь!.. — взмолилась Алиса, бросившись на колени перед Тексаром.

Испанец отрицательно покачал головой.

Девушка вскочила на ноги.

— Негодяй!.. — крикнула она.

Она кинулась было вслед за осужденными, требовала, чтобы ее пустили к ним в тюрьму, чтобы ей разрешили быть возле них в последние часы их жизни...

Но осужденных уже увели. Толпа провожала их дикими воплями.

Силы покинули молодую девушку. Она пошатнулась и, потеряв сознание, упала на руки мистеру Гарвею.

Алису перенесли в дом Гарвея, и только там, подле своего отца, она пришла, наконец, в чувство.

— В тюрьму! В тюрьму! — шептала она. — Надо помочь им бежать.

— Да, ничего другого не остается, — промолвил мистер Стэннард. — Однакождемся ночи.

Днем действительно не стоило что-либо предпринимать.

С наступлением темноты, не рискуя быть замеченными, Стэннард и Гарвей попытаются подкупить часового и организовать побег. Они предложат ему такую крупную сумму, что он не устоит. По крайней мере они надеялись на это. Ведь с первым же пушечным выстрелом канонерок Стивенса придет конец власти испанца.

Но и ночью Стэннард и Гарвей вынуждены были отказаться от осуществления своего плана: сильный отряд милиции окружил дом, и выйти из него им не удалось.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Северо-восточный ветер

Теперь у осужденных оставалась одна-единственная надежда на спасение, надежда на то, что в течение двенадцати часов федералисты успеют овладеть городом.

Казнь назначена была на следующий день, на рассвете. Убежать из тюрьмы Джемс и Джилберт не могли даже при попустительстве стражи: тюрьму, как и дом мистера Гарвея, охраняли слишком строго.

Но рассчитывать, что Джэксовилл возьмут войска, высадившиеся за несколько дней перед тем в Фернан-

дине, не приходилось, ибо они не могли оставить столь важную позицию Северной Флориды. И задачу эту приходилось выполнять канонеркам Стивенса, для чего им прежде всего нужно было перебраться через отмель на Сент-Джонсе. Прорвав линию заграждения, они смогут стать на якорь против Джэксонвилла. А когда город окажется под угрозой их пушек, отрядам милиции не останется ничего другого, как бежать через непроходимые болота графства. Тексар со своими приверженцами несомненно последует за ними, чтобы уйти от вполне заслуженной кары. Законная власть, свергнутая проходимцами, будет восстановлена, и ее представители вступят в переговоры с федеральным правительством о сдаче города.

Весь вопрос лишь в том, удастся ли канонеркам пройти отмель и к тому же еще в столь короткий срок? Можно ли преодолеть такую помеху, как низкий уровень воды в реке? Это было во всяком случае крайне сомнительно.

После объявления приговора Тексар вместе с начальником джэксонвиллской милиции отправился на набережную, чтобы осмотреть оттуда низовья реки. Глаза их, разумеется, были упорно устремлены на заграждение, а уши напряженно прислушивались, не доносится ли отдаленный грохот оружейной стрельбы.

— Ну, что, нет никаких новых донесений? — спросил Тексар, остановившись на самом краю пристани.

— Никаких, — ответил начальник джэксонвиллской милиции. — Разведка, которую я выслал в северном направлении, сообщила, что федералисты попрежнему сидят в Фернандине и не делают попыток двинуться на Джэксонвилл. Скорей всего они останутся на границе Джорджии до тех пор, пока их канонерки не форсируют реку.

— Не могут ли они прийти с юга, из Сент-Огастина, переправившись через Сент-Джонс у Пиколаты? — спросил испанец.

— Не думаю, — ответил офицер. — У Дюпона слишком мало десантных войск, их хватит только на то, чтобы занять город, а цель его — блокировать все побережье от устья Сент-Джонса до самых последних

бухточек Флориды. Нет, Тексар, тут нам опасаться нечего.

— Значит, опасность грозит только со стороны флотилии Стивенса, если ей удастся переправиться через отмель, перед которой она вот уже три дня как застряла?

— Конечно. Но все это выяснится в течение нескольких часов. В конце концов, может быть, федералисты вовсе и не стремятся занять город, а намерены лишь запереть устье реки, чтобы прервать всякое сообщение между Сент-Огастином и Фернандиной. Я повторяю, Тексар, северянам не так важна сейчас оккупация Флориды, как пресечение военной контрабанды на южном побережье полуострова. Вернее всего, их экспедиция другой цели и не имеет, иначе бы войска, уже несколько дней тому назад занявшие остров Амилью, давно бы двинулись на Джэксонвилл.

— Может быть, вы и правы, — ответил Тексар. — Но мне все-таки не терпится, чтобы с отмелью все выяснилось как можно скорее.

— Все выяснится сегодня же.

— Ну, а если канонерки Стивенса внезапно появятся перед городом, что вы станете делать?

— Выполню полученный приказ, отступлю с милицией в глубь Флориды и постараюсь уклониться от столкновения с федералистами. Пусть их занимают города графства! Долго им там все равно не удержаться. Они будут отрезаны от Джорджии и обеих Каролин, а тогда мы отберем эти города обратно.

— Но ведь если они овладеют Джэксонвиллом хотя бы даже на один день, без репрессий не обойдется, — возразил Тексар. — Все эти так называемые честные люди, богатые землевладельцы, эти противники рабовладения снова окажутся у власти и тогда... Нет, этому не бывать! Чем оставлять город, лучше уж...

Испанец не договорил, но мысль его нетрудно было угадать: он не отдаст города северянам, — ведь это означало бы восстановление свергнутой городским сбродом законной власти. Нет, уж лучше спалить город дотла, — меры к тому были уже, вероятно, им приняты заблаговременно, — а самому со своими привержен-

нами скрыться вслед за милицией среди непроходимых болот Южной Флориды и ждать там дальнейшего развития событий.

Но все это, повторяем, были лишь крайние меры, на тот случай, если бы канонеркам удалось переправиться через отмель. Удастся ли им это, или нет, должно было решиться с минуты на минуту.

В это время толпы людей устремились к пристани. Они мигом запрудили набережную. Послышались оглушительные крики.

— Канонерки идут!

— Да нет же, они стоят на месте!

— Начался прилив!

— Они поднимают пары и пытаются пройти отмель!

— Смотрите! Смотрите!

— Там действительно что-то происходит, — сказал начальник джэксонвиллской милиции. — Посмотрите, Тексар!

Испанец молчал. Его взгляд, устремленный к низовьям реки, был прикован к горизонту, где виднелась вереница лодок, стоявших на якоре поперек реки. В полумиле позади них высились мачты и трубы канонерок Стивенса. Они сильно дымили, и крепчайший ветер гнал их густой черный дым прямо к городу.

Очевидно, Стивенс решил воспользоваться приливом и пройти, что называется, напролом.

Но удастся ли ему это? Окажется ли глубина достаточной, чтобы канонерки могли проскочить над мелью, пусть даже и задевая килем дно реки? Тут было отчего прийти в волнение людям, высыпавшим на берег Сент-Джонса.

Одни уверяли, что видят что-то, другие ничего не видели, а потому толки становились все оживленнее.

— Они продвинулись на полкабельтова!

— Ничего подобного, и с места не тронулись! Похоже на то, что стоят еще на якоре!

— Да вот же одна движется... Видите — вон, вон...

— Она только вертится на месте, потому что там слишком мелко.

— А дым-то, дым-то какой!

— Пусть их дымят! Им все равно не пройти, сожги они хоть весь каменный уголь Соединенных Штатов!

— А между тем вода пошла на убыль.

— Да здравствует Юг! Ура!

— Ура-а-а!..

Попытка флотилии пройти в фарватер реки продолжалась минут десять, которые показались бесконечными Тексару и его приверженцам, потому что взятие Джэксонвилла ставило под угрозу не только их свободу, но и жизнь. Никто не знал, что делать: на таком большом расстоянии наблюдать за маневрами канонерок было очень трудно.

Удалось ли флотилии пройти отмель? Если нет, то, может быть, ей еще удастся это сделать? Не преждевременным ли было ликование толпы? Быть может, выбросив все бесполезные тяжести и уменьшив таким образом свою осадку, канонерки все же переправятся через отмель и капитану Стивенсу удастся провести их до более глубокого места, а затем подойти к городу? Покуда длится прилив, такая опасность продолжала существовать.

Между тем прилив действительно пошел на убыль, а это значило, что уровень воды в Сент-Джонсе очень быстро понизится.

Вдруг сотни рук протянулись, указывая в сторону отмели. Раздался оглушительный крик:

— Лодка!.. Лодка!..

И точно, неподалеку от левого берега, где еще чувствовался прилив, в то время как на середине реки отлив уже входил в силу, показалась небольшая лодка. Она мчалась на веслах к городу. На корме ее стоял офицер в форме флоридской милиции. Подплыв к берегу, он проворно взбежал на пристань по ступеням боковой лесенки. Заметив Тексара, офицер направился прямо к нему, расталкивая теснившуюся кругом толпу, жаждавшую услышать новости.

— Что случилось? — спросил испанец.

— Ничего не случилось, да ничего и не случится, — ответил офицер.

— Кто вас послал?

— Командир наших лодок заграждения, которые и сами сейчас вернутся в гавань.

— Почему?

— Потому что канонеркам не удалось пройти через отмель. Они уменьшили осадку, подняли до предела пары, но все равно из этого ничего не вышло. Теперь мы в безопасности!

— И надолго? — спросил Тексар.

— По крайней мере в течение нескольких месяцев.

— Ура!.. Ура!.. — раздалось вокруг.

Над городом пронесся ликующий крик. Сторонники произвола и насилия восторженно приветствовали Тексара — человека, который как бы воплощал их собственные отвратительные инстинкты. Напротив, людей добропорядочных охватило чувство безнадежности при мысли о том, что, быть может, долго еще придется терпеть господство злодеев из Джэксонвиллского комитета и его ненавистного главы.

Офицер не ошибался. Начиная с этого дня сила морского прилива должна была идти на убыль, а уровень воды в реке снижаться. Прилив 12 марта был одним из самых сильных в году, и следующий такой же прилив ожидался лишь через несколько месяцев. Попасть в фарватер Сент-Джонса Стивенсу не удалось, и потому Джэксонвилл не подвергся нападению его канонерок. Тексар оставался у власти и мог довести свое мщение до конца. Если бы даже генерал Шерман двинул на Джэксонвилл войска генерала Райта, занявшие Фернандину, для совершения этого похода на юг потребовалось бы известное время. Между тем Джемса и Джилберта Бербанк должны были казнить завтра на рассвете, и теперь уже ничто не могло их спасти.

Привезенное офицером известие мгновенно облетело весь город. Легко себе представить, какое действие произвело оно на разнузданную толпу. Разгул и оргии усилились. Честные люди были совсем удручены и ожидали еще более страшных бесчинств. Многие из них даже собрались покинуть город, где оставаться им было просто опасно.

Крики ликующей толпы слышали и узники Тексара. Им стало ясно, что последние надежды на

спасение исчезли. Дошли эти крики и до дома мистера Гарвея. О том, что Стэннард и его дочь были повергнуты в полное отчаяние, говорить не приходится. Что могли они предпринять теперь для спасения Джемса Бербанка и его сына? Подкупить стражу? Пустив в ход золото, попытаться устроить побег осужденных? Но ведь и они сами не могли выйти из своего убежища. Дом стерегла толпа каких-то негодяев, и у подъезда беспрестанно раздавались их проклятья.

Стемнело. Погода резко переменилась, впрочем, перемены этой ожидали уже в течение нескольких дней. Береговой ветер внезапно изменил направление и задул с северо-востока. Он бешено гнал с океана серые массы рваных туч, и они неслись над самыми волнами, не успевая даже разразиться дождем. Клубы водяных паров проносились так низко, что наверняка скрыли бы от глаз мачты большого фрегата. Барометр сразу упал и указывал на приближение шторма. По всем признакам из далеких просторов Атлантики надвигался ураган. И действительно, с наступлением ночи он разразился с небывалой яростью.

Он несся от устья Сент-Джонса, вздымая и гоня воду вверх по реке. Грозные валы взлетали к небу, как при сильном приливе, когда морские волны устремляются в устье реки и, столкнувшись там со встречным течением, обращают вспять ее воды, заливают берега и сносят все прибрежные строения.

В эту грозную ночь буря с ужасающей яростью налетела на Джэксонвилл. Волны разрушили часть пристани, сваи которой не устояли под их напором. Местами вода затопила причалы и, сорвав с якоря, разбила несколько рыбацких баркасов. По улицам и площадям города ходить было невозможно: ветер сшибал пешеходов с ног, забрасывал их грудami всевозможных обломков. Городские подонки укрылись в тавернах, откуда доносились пьяные вопли, которые могли поспорить с ревом бури.

Но разрушительный вихрь пронесся не только над сушей. В русле Сент-Джонса гонимые ураганом волны, усиленные на мелководе, лавиной обрушились на застигнутые бурей лодки, стоявшие на якоре перед

отмелью. Не успев укрыться в гавани, эти лодки были унесены вверх по течению, далеко за Джэксонвилл, рассеяны среди островков по рукавам реки или же разбились о сваи пристани. Было немало человеческих жертв, потому что внезапно налетевший шквал не дал возможности принять необходимые меры.

А канонерки Стивенса? Успели ли они во-время сняться с якоря и укрыться от бури в какой-нибудь бухте в низовьях Сент-Джонса? Удалось ли им таким образом спастись? Однако спустились ли они к устью Сент-Джонса, или удержались на якоре, — для Джэксонвилла они уже не представляли опасности: отмель служила для них непреодолимой преградой.

Черная, непроглядная ночь окутала долину Сент-Джонса. Вода и воздух — две стихии — слились в одно целое, как будто в результате некоей химической реакции. Равноденственные бури во Флориде — явление обычное, но такой разрушительной здесь еще никогда не бывало.

Однако буря эта именно потому, что она была так яростна, продолжалась всего лишь несколько часов. К рассвету воздушные массы устремились в разреженное пространство, и ураган, налетев в последний раз на полуостров Флориду, понесся дальше к Мексиканскому заливу.

К четырем часам утра, когда первые лучи солнца озарили очищенный бурей горизонт, разгул стихии сменился полным затишьем.

Чернь снова высыпала из таверн на улицы. Милиция заняла оставленные накануне посты. Кое-где уже начали исправлять повреждения, которые были особенно значительны в гавани: вырванные сваи, разбитые рыбацьи баркасы, обломки судов плыли вниз по течению.

Впрочем, река видна была на очень небольшом пространстве. Густой туман, скопившись над ее руслом, поднимался в верхние слои атмосферы, охлажденные ночной бурей. В пять часов утра середины реки еще не было видно, и только лучи восходящего солнца могли рассеять сгустившиеся пары.

В начале шестого сквозь туман донесся вдруг страшный грохот. Несомненно это была оружейная пальба, а не раскаты грома. Слышался характерный свист летящих снарядов. Над толпой, собравшейся на набережной, — здесь были подонки города и милиция, — пронесся крик ужаса.

Но вот под воздействием артиллерийских залпов туман над рекой начал рассеиваться. Сквозь его разорванные клочья уже были видны вспышки оружейных выстрелов.

Перед Джэксонвиллом, направив на него свои орудия, стояли канонерки Стивенса.

— Канонерки! Канонерки!

Это слово, передававшееся из уст в уста, облетело вскоре весь город и достигло самых отдаленных предместий. В несколько минут честные люди с неописуемой радостью, а злодеи с таким же неописуемым ужасом узнали, что флотилия северян овладела Сент-Джонсом, и если город не сдастся, он будет разрушен.

Что же случилось? Неужели буря неожиданно оказалась союзницей северян? Да, так оно и было. Канонерки не пытались искать убежища в бухте близ устья реки. Несмотря на ярость ветра и волн, они продолжали стоять на якоре. В то время как шлюпки конфедератов ушли в гавань, капитан Стивенс и экипажи его канонерок самоотверженно боролись с бурей и, рискуя жизнью, попытались пройти над отмелью, воспользовавшись подъемом воды в реке. Благодаря шторму, гнавшему воды океана в устье Сент-Джонса, уровень реки поднялся до небывалой высоты, и канонерки устремились в ее русло. На всех парах, скребя килем по песчаному дну, они прорвались, наконец, за отмель.

Идя в густом тумане, капитан Стивенс рассчитал, что должен находиться приблизительно против Джэксонвилла. Около четырех часов утра он стал на якорь. Немного погодя, разорвав залпом целену тумана, его орудия открыли огонь по левому берегу Сент-Джонса.

Результат обстрела сказался немедленно. По примеру войск конфедератов, защищавших Фернандину и Сент-Огастин, милиция поспешила очистить город. Видя, что набережная опустела, Стивенс тотчас же

приказал ослабить огонь: он вовсе не собирался разрушать город, он хотел лишь вынудить его к сдаче и занять его.

На флагштоке судебной палаты почти тотчас же взвился белый флаг.

Легко себе представить, с какой тревогой и волнением прислушивались к пушечной пальбе в доме мистера Гарвея. Было совершенно ясно, что город подвергся нападению. Но кто же мог напасть на Джэксонвилл, как не федералисты, все равно, откуда бы они ни появились — с низовьев ли «Сент-Джонса, или с севера Флориды? Уж не тот ли это единственный шанс спасти Джемса и Джилберта Бербанк, на который они и надеяться не смели?!

Мистер Гарвей и Алиса бросились к выходу. Наблюдавших за домом людей Тексара уже не было: они сбежали вслед за милицией во внутренние области графства.

Гарвей с Алисой поспешили к гавани. Туман рассеялся, и вся река вплоть до правого берега была хорошо видна.

Канонерки прекратили огонь. Джэксонвилл, очевидно, сдался, отказавшись от всякого сопротивления.

В этот момент несколько шлюпок северян причалили к пристани. На берег, под командой офицера, высадился отряд моряков, вооруженных ружьями, пистолетами и топорами.

Вдруг один из моряков громко вскрикнул и бросился к Алисе.

— Марс! Марс! — воскликнула молодая девушка, пораженная тем, что видит перед собою мужа Зермы, которого считали погибшим.

— Мистер Джилберт! Мистер Джилберт! Где он? — взволнованно твердил Марс.

— В тюрьме, и мистер Бербанк тоже... Спасите его, Марс... спасите их обоих...

— Скорей в тюрьму! — крикнул Марс, обращаясь к своим спутникам.

И они помчались, чтобы помешать Тексару совершить свое последнее преступление.

Алиса и Гарвей поспешили следом за ними.

Значит, бросившись в реку, Марс не погиб в водовороте близ отмели? Да, ему удалось выплыть, но из осторожности храбрый мулат не дал знать о себе в Касл-Хаус. Идти туда было опасно, а между тем ему необходимо было сохранить свободу, чтобы добиться своей цели.

Достигнув правого берега, он камышами пробрался до места, против которого стояла флотилия. Его сигналы заметили, послали за ним лодку и доставили прямо на канонерку капитана Стивенса.

Узнав об участии Джилберта, Стивенс сделал все возможное, чтобы подняться вверх по реке, но усилия его, как нам известно, оказались тщетными. Между тем ночью сильный ветер значительно повысил уровень воды в реке. Однако без опытного лоцмана флотилия все же рисковала сесть на речные отмели. Но, к счастью, Марс был тут. Несмотря на сильную бурю, он искусно провел свою канонерку, за которой благополучно прошли и остальные. И прежде чем туман окутал долину Сент-Джонса, они бросили якорь против Джэксонвилла и направили на него свои орудия.

Канонерки пришли во-время, ибо узников должны были казнить на рассвете. Но теперь опасность миновала. Городские власти Джэксонвилла, свергнутые Тексаром, были восстановлены. И когда Марс со своими товарищами прибежали к тюрьме, Джемс и Джилберт Бербанк уже выходили из нее, получив, наконец, свободу.

Молодой человек бросился к Алисе и крепко прижал ее к своему сердцу, в то время как мистер Стэннард обнял Джемса Бербанка.

— Что с матушкой? — прежде всего спросил Джилберт.

— Жива... жива, — ответила Алиса.

— В Касл-Хаус! Скорее в Касл-Хаус! — вскричал юноша.

— Но сперва должно свершиться правосудие, — возразил Джемс Бербанк.

Марс понял, что это означало. Он помчался к городской площади в надежде найти там Тексара.

Не сбежал ли, чего доброго, испанец, страшась расплаты за свои злодеяния? Не скрылся ли он от возмездия вместе с другими грабителями и насильниками? Не отступает ли заодно с отрядами милиции в болотистые области Флориды?

Так могло, даже должно было случиться.

Однако часть жителей города, не дожидаясь вмешательства федералистов, устремилась к зданию судебной палаты и схватила Тексара в ту самую минуту, когда он собирался бежать. Впрочем, он, повидимому, довольно спокойно покорился своей участи.

Только увидав перед собою Марса, испанец понял, что жизни его угрожает опасность.

Мулат бросился на Тексара. Оттолкнув приставленный к пленнику караул, он схватил своего врага за горло и задушил бы его, если бы не подоспели Джемс Бербанк и Джилберт.

— Постой, Марс! Он нам нужен живым, — вскричал Джемс Бербанк. — Его надо заставить говорить!

— Да, надо! — согласился Марс.

И Тексара заперли в ту самую камеру, в которой только что в ожидании казни томились две его жертвы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Взятие города

Итак, федералисты овладели, наконец, Джэксонвиллом, а стало быть, и всем течением Сент-Джонса.

Войска, высаженные капитаном Стивенсом, тотчас же заняли все важнейшие пункты города. Самозванные правители бежали; захватить удалось одного только Тексара.

Офицеров-федералистов, представлявших вашингтонское правительство, население встретило без всякой враждебности. Объяснялось это отчасти утомлением, которое оно испытывало от грабежей и насилий, учиненных в городе за последние дни, отчасти же безразличием к вопросу об освобождении невольников,

который Север и Юг пытались разрешить силою оружия.

Тем временем коммодор Дюпон, заняв Сент-Огастин, принимал самые решительные меры, чтобы пресечь военную контрабанду на побережье Флориды. Доступ в узкие морские проливы Москито-Инлет был прегражден. А это разом положило конец торговле оружием и боевыми припасами с принадлежавшими Англии Багамскими островами. Можно сказать, что с этого момента штат Флорида был возвращен под власть федерального правительства.

В тот же день Джемс и Джилберт Бербанк, Стэннард и Алиса переправились через Сент-Джонс и вернулись в Кэмпдлес-Бей.

Пэрри со своими помощниками встретил их на пристани. Тут же находились и возвратившиеся на плантацию негры. Легко представить себе, какой радостной была эта встреча.

Через несколько минут Джемс Бербанк с сыном, Алиса и Стэннард уже стояли у постели миссис Бербанк.

Больная увидела сына и тут только узнала обо всем случившемся. Джилберт нежно обнял мать, Марс целовал ее руки. Теперь они уже не оставят ее. Алиса будет ухаживать за нею, и она скоро совсем поправится. Козни Тексара и его сообщников отныне им не страшны. Испанец в руках северян, а северяне — хозяева Джэксонвилла.

Но если жена Джемса Бербанка, если мать Джилберта могла быть спокойна за мужа и сына, мысли ее снова вернулись к похищенной дочери. Ди была ей так же необходима, как Марсу была необходима Зерма.

— Мы их отыщем! — вскричал Джемс Бербанк. — Марс и Джилберт помогут нам.

— Да, отец... Нельзя терять ни минуты, — ответил молодой лейтенант.

— Тексар теперь в наших руках, надо заставить его говорить, — продолжал мистер Бербанк.

— А если он откажется? — спросил Стэннард. — Если будет утверждать, что он к похищению Зермы и Ди не причастен?

— Как же он сможет это утверждать? — вскричал Джилберт. — Ведь Зерма узнала его в бухте Марино! Алиса и матушка слышали, как она крикнула его имя, когда ее увозили в лодке. Можно ли сомневаться в том, что он виновник похищения, что он сам руководил им?

— Это был он, я знаю, что он! — произнесла миссис Бербанк и так стремительно поднялась, словно готова была вскочить с постели.

— Я же узнала его, — воскликнула Алиса. — Он стоял на корме, в то время как лодка направлялась к середине реки.

— В том, что это был Тексар, нет никаких сомнений, — сказал Стэннард. — Но если он откажется сказать, куда он упрятал Зерму и Ди, где мы будем их искать? Ведь мы уж и так понапрасну обшарили берега реки на протяжении нескольких миль!

На этот ребром поставленный вопрос ответить было невозможно. Все зависело от того, что скажет Тексар. Но в его ли интересах говорить? Может быть, ему выгодней будет отмалчиваться?

— Разве неизвестно, где обычно живет этот негодяй? — спросил Джилберт.

— Неизвестно, да и никогда не было известно, — ответил Джеймс Бербанк. — На юге графства так много громадных лесов и непроходимых болот, где он может скрываться. Разве мыслимо обыскать все эти места? Даже войска северян не решатся преследовать бежавшую туда милицию. Все равно это было бы напрасно!

— Верните мне мою девочку! — крикнула миссис Бербанк, которую муж пытался успокоить.

— Жена моя!.. Я должен отыскать жену! — твердил Марс. — Я заставлю этого негодяя сказать, куда он ее спрятал!..

— Он скажет, когда увидит, что от этого зависит его жизнь, — сказал Бербанк. — Если бы он сбежал, положение наше было бы отчаянным. Но раз он в руках федералистов, — мы сумеем вырвать у него признание. Не унывай, моя дорогая! Мы снова все вместе. И мы отыщем Ди!

Миссис Бербанк, обессилев от волнения, упала на

подушки. Алиса, не желая оставлять ее одну, села подле кровати, а Стэннард, оба Бербанка и Марс вышли в холл, чтобы посоветоваться с Эдвардом Кэрролом.

Вот к какому решению они пришли. Прежде чем начать действовать, нужно дать федералистам время восстановить законный порядок в городе, а пока уведомить commodora Дюпона не только о том, что происходило в Джэксонвилле, но и о бесчинствах конфедератов в Кэмдлес-Бее. Возможно, что Тексар подлежит в первую очередь военному суду. Тогда процесс против испанца может быть начат лишь по распоряжению главнокомандующего войсками северян во Флориде.

Однако Марс и Джилберт и часу не желали сидеть сложа руки, они хотели немедленно приступить к розыскам. И покуда Джемс Бербанк, Стэннард и Кэррол займутся хлопотами, они решили подняться по Сент-Джонсу в надежде напасть на след похищенных.

Действительно, были основания опасаться, что обураваемый злобой Тексар скорее согласится пойти на казнь, чем сказать, куда он упрятал своих пленниц. Надо было попытаться обойтись без него. И прежде всего выяснить, где он обычно проживал. Но это было не так-то просто. О Черной бухте никто не знал. Ее считали совершенно недоступной. Марс и Джилберт неоднократно проплывали мимо зарослей, скрывавших узкий проток, по которому их легкий челн мог бы проникнуть в бухту, но протока этого не замечали.

День 13 марта не принес ничего нового. В Кэмдлес-Бее понемногу все приводилось в порядок. Негры возвращались из соседних лесов, где им пришлось скрываться после разгрома плантации. Хотя Джемс Бербанк и предоставил им свободу, но они считали себя обязанными ему и пожелали остаться у него на службе уже не как рабы, а по доброй воле. Им не терпелось как можно скорей вернуться на плантацию, заново построить хижины, разрушенные шайкой Тексара, восстановить фабрики и мастерские и вновь приступить к своему обычному труду, который в течение многих лет являлся источником благополучия и счастливой жизни их семей.

На плантации принялись прежде всего за восстановление разрушенного хозяйства. Эдвард Кэррол, рана которого к тому времени почти совсем зажила, вернулся к своим привычным обязанностям. Пэрри и его помощники работали не покладая рук. Даже Пиг усиленно суетился, хотя проку от этого было мало; спесь с него, бедняги, уже немного соскочила. Он хоть и не переставал твердить о том, что сам себе теперь хозяин, но как воспользоваться своею свободой, толком еще не знал.

Словом, с возвращением негров работа закипела, восстанавливались разрушенные постройки, и плантация быстро принимала свой прежний вид. Каков бы ни был исход междоусобной войны, землевладельцы Флориды могли отныне чувствовать себя в безопасности.

В Джэксонвилле был восстановлен законный порядок. Федералисты не вмешивались в дела городских властей. Они ограничились тем, что ввели в город свои войска, вернули прежнюю администрацию, временно свергнутую мятежниками, и на всех общественных зданиях водрузили звездный флаг Соединенных Штатов. Жители города, в большинстве своем равнодушные к вопросу, расколовшему страну на два враждебных лагеря, довольно охотно подчинились победителям. Упорного сопротивления унионистским идеям с их стороны опасаться не приходилось. Чувствовалось, что даже в том случае, если федеральное правительство отзовет свои войска, жители Флориды не будут отстаивать с присущей сепаратистам горячностью доктрину о *states-rights*¹, столь милую обитателям Южных штатов, Джорджии или обеих Каролин.

Военные события в Америке разворачивались в то время следующим образом. Для поддержки армии генерала Борегара конфедераты послали шесть канонерок под командованием коммодора Холлинса, который незадолго до того занял позицию на Миссисипи между Нью-Мадридом и островом № 10. Завязалась упорная борьба. Адмирал Фут всячески стремился укрепиться

¹ Автономия отдельных штатов (англ.).

в верховьях реки. В тот самый день, когда Стивенс овладел Джэксонвиллом, федеральная артиллерия готовилась к бою с канонерками Холлинса. Со взятием острова № 10 и Нью-Мадрида перевес оказался на стороне северян. Миссисипи на протяжении двухсот километров, считая, впрочем, все ее излучины, перешла в их руки.

Между тем к этому времени федеральное правительство стало проявлять большую нерешительность в выработке дальнейших планов. Генералу Мак Клеллану пришлось передать свои планы на рассмотрение военного совета, и хотя они были одобрены большинством голосов, президент Линкольн, поддавшись пагубным влияниям, стал всячески тормозить их осуществление.

Часть Потомакской армии была использована для прикрытия Вашингтона. Счастье еще, что победа «Монитора» и бегство «Виргинии» обеспечили свободу судоходства по Чесапикскому заливу. Кроме того, поспешное отступление конфедератов после очищения Манассаса дало возможность федералистам расквартировать в этом городе свои войска. Таким образом разрешился вопрос о блокаде Потوماка.

Примешивание политики к военным делам всегда приводит к пагубным последствиям. И на этот раз под ее влиянием федеральное правительство приняло невыгодное для Севера решение: оно сместило Мак Клеллана с поста главнокомандующего армиями федералистов. Под его начальством была оставлена лишь Потомакская армия, а все остальные поступили в непосредственное распоряжение президента Линкольна.

Такое решение было ошибкой. Мак Клеллана глубоко оскорбило это совершенно незаслуженное смещение, но как солдат, для которого долг превыше всего, он подчинился приказу. На другой же день Мак Клеллан разработал план, предусматривавший высадку оставшихся в его распоряжении войск у форта Монро. Этот план, принятый командирами корпусов, был одобрен президентом Линкольном. Военный министр разослал приказы в Нью-Йорк, Филадельфию и Балтимору; в устье Потوماка прибыли различные суда для

перевозки армии Мак Клеллана со всем ее снаряжением.

Если до сих пор опасность угрожала столице Севера, Вашингтону, то теперь под угрозой оказалась столица Юга, Ричмонд.

Таково было положение воюющих сторон в момент, когда Флорида перешла во власть генерала Шермана и коммодора Дюпона. Блокируя своей эскадрой побережье Флориды, они одновременно овладевали Сент-Джонсом и таким образом становились полными хозяевами полуострова.

Джилберт и Марс между тем тщетно обследовали берега и островки реки до самой Пиколаты. Единственное, что оставалось, — это воздействовать на самого Тексара. С тех пор как за испанцем захлопнулись двери тюрьмы, он уже никак не мог общаться со своими приспешниками, а следовательно, Зерма и Ди должны были находиться там же, где они находились до занятия Джэксонвилла федералистами.

Теперь, когда в Джэксонвилле был восстановлен законный порядок, можно было рассчитывать на помощь правосудия, если испанец откажется отвечать. Но прежде чем прибегнуть к этим крайним мерам, следовало попытаться склонить его к признанию, обещав ему за это свободу.

Четырнадцатого числа, заручившись согласием военных властей, решено было предпринять такую попытку.

Миссис Бербанк стала поправляться. Возвращение сына, надежда скоро вновь увидеть похищенную дочь, общее умиротворение в стране и сознание, что Кэмдлес-Бей находится в полной безопасности, — все это в какой-то мере вернуло ей утраченную бодрость. В самом деле, теперь Тексар и его шайка, державшие в страхе Джэксонвилл, были уже не страшны. Отряды милиции конфедератов бежали в глубь графства Патнам. Если бы в дальнейшем сент-огастинский отряд, переправившись через реку в ее верхнем течении, и вздумал бы к ним присоединиться, чтобы сообща предпринять какие-либо действия против федералистов, то такая угроза была весьма отдаленной, и покуда Шерман и

Дюпон находились во Флориде, на сей счет можно было не тревожиться.

Итак, условились, что в тот же день Джемс Бербанк и Джилберт вдвоем отправятся в Джэксонвилл, а Стэннард, Кэррол и Марс останутся на плантации. Алиса будет при миссис Бербанк. Впрочем, владелец Кэмдлес-Бея и его сын рассчитывали к вечеру уже вернуться домой с добрыми вестями. Как только Тексар скажет, где спрятаны Ди и Зерма, тотчас же можно будет принять меры для их освобождения. Для этого потребуется, вероятно, всего лишь несколько часов и уж никак не больше одного дня.

Перед самым уходом Джемса Бербанка и Джилберта Алиса отозвала молодого офицера в сторону.

— Джилберт, — сказала она, — вы встретитесь лицом к лицу с человеком, который причинил так много зла вашему семейству, с негодяем, который едва не расстрелял вас и вашего отца. Джилберт, обещайте мне, что при встрече с ним вы сохраните самообладание...

— Сохранить самообладание!.. — вскричал молодой человек, бледневший от бешенства при одном лишь имени испанца.

— Это необходимо, Джилберт, — продолжала Алиса. — Если вы дадите волю вашему гневу, вы ничего не добьетесь. Забудьте о мести и думайте только о спасении вашей сестры, — она ведь скоро станет и моею сестрой... Ради ее спасения стоит всем пожертвовать, стоит даже дать слово Тексару, что вы не станете его больше преследовать.

— Как? — воскликнул Джилберт. — Забыть, что по его милости едва не умерла моя мать, а отца едва не расстреляли?..

— Да и вас также, Джилберт; ведь я думала, что уже никогда больше вас не увижу. Да, во всем виновен он, но теперь не время вспоминать об этом... Я потому обращаюсь именно к вам, что не надеюсь на сдержанность мистера Бербанка, а если вы оба потеряете самообладание, ваша попытка ни к чему не приведет. Ах, зачем вы решили ехать в Джэксонвилл без меня?.. Может быть, мягкостью и кротостью мне удалось бы..

— А если он все-таки откажется отвечать? — спросил Джилберт, чувствуя всю основательность доводов Алисы.

— Тогда пусть судьи вынудят у него признание. Ведь на карту поставлена его жизнь; и когда он поймет, что только признание может его спасти, он признается... Обещайте же мне, Джилберт! Умоляю вас, обещайте... Во имя нашей любви!

— Да, да, дорогая Алиса, обещаю! Сколько бы зла ни причинил нам этот человек, пусть он вернет нам сестру — и я готов все забыть...

— О Джилберт!.. Мы прошли через тяжкие испытания, но они скоро для нас кончатся, и за пережитые нами горестные дни господь вознаградит нас годами счастья!

Джилберт крепко сжал руку невесты, которая не в силах была сдержать слезы, и они расстались.

В десять часов утра Джеймс Бербанк и его сын, пропустившись с домашними, сели в лодку и отчалили от маленькой пристани Кэмдлес-Бей.

Плыли они быстро, но Джилберт предложил, прежде чем направиться в город, побывать на канонерке у Стивенса.

Этот офицер был теперь военным комендантом Джэксонвилла, и требовалось его согласие на предпринимаемые Бербанком шаги. Капитан Стивенс поддерживал постоянный контакт с городскими властями. Он прекрасно знал о роли, которую играл испанец после захвата власти его приспешниками, об ответственности его за разгром Кэмдлес-Бей, о том, как и почему он был арестован и заключен в тюрьму, когда федералисты взяли Джэксонвилл. Ему известно было также и о том, что все честные люди в городе, возмущенные злодеяниями Тексара, требовали, чтобы он понес заслуженную кару за свои преступления.

Капитан Стивенс оказал Джеймсу и Джилберту Бербанку исключительно любезный прием. Молодого офицера он очень уважал за его благородство и мужество, которые смог оценить, когда тот служил под его началом. Узнав от Марса, вернувшегося на флотилию, о том, что Джилберт попал в руки южан, Стивенс ре-

шил во что бы то ни стало спасти своего любимца. По его канонеркам, застрявшим перед отмелью, только случай помог подоспеть во-время. Мы знаем, благодаря каким обстоятельствам юному лейтенанту и Джемсу Бербанку удалось остаться в живых.

В нескольких словах Джилберт рассказал капитану Стивенсу обо всем, что произошло, подтвердив таким образом уже слышанное им от Марса. Похищение в бухте Марино организовал несомненно сам Тексар, но столь же несомненно было и то, что только Тексар мог указать место, где его сообщники продолжают скрывать мулатку и девочку. Капитан Стивенс несколько не сомневался в том, что участь их находится в руках испанца. Поэтому он без колебаний предоставил возможность Джемсу Бербанку и Джилберту действовать так, как они сами сочтут нужным, заранее одоббив все, что они предпримут для освобождения Зермы и Ди. Он уполномочил их даже в случае надобности в обмен за признание обещать негодю свободу и при этом гарантировал, что уговор, заключенный между Бербанком и Тексаром, будет соблюден городскими властями.

Получив письменное разрешение на свидание с испанцем, Джемс и Джилберт Бербанк поблагодарили Стивенса и поехали в Джэксонвилл.

На пристани их уже ожидал мистер Гарвей, заранее предупрежденный Джемсом Бербанком. Они втроем отправились в судебную палату, где получили пропуск в тюрьму.

Для психолога было бы небезынтересно понаблюдать за выражением лица, вернее за всем поведением Тексара в тюрьме. Испанец, конечно, был взбешен внезапным приходом федералистов: этот приход положил конец его владычеству в городе, лишил возможности действовать по собственному произволу и довести до конца свою месть, помешал ему расстрелять Бербанков. Однако этим его досада и ограничивалась. Казалось, что он совершенно равнодушен к тому, что попал в руки врагов, посажен в тюрьму по обвинению в тяжчайших преступлениях, что он может понести заслуженную кару за все совершенные им насилия. Поведение его

было странным и необъяснимым. Он сожалел, повидимому, лишь о том, что не смог довести до конца свои козни против Бербанков. Что касается его собственной судьбы, то она, казалось, заботила его очень мало. Неужели же и на сей раз не удастся проникнуть в тайну этой загадочной личности?

Дверь его камеры отворилась. Джемс и Джилберт Бербанк вошли.

— А! Папенька с сыном! — воскликнул Тексар со свойственной ему наглостью. — Очевидно, вашим посещением я обязан господам федералистам; не будь их, я бы никогда не удостоился подобной чести. Теперь вам нет надобности просить помилования для себя, и вы пожаловали, вероятно, с тем, чтобы предложить его мне?

Это было сказано настолько вызывающим тоном, что Джемс Бербанк готов был вспылить. Джилберт удержал его.

— Позвольте, отец, я отвечу, — сказал молодой офицер. — Тексар, очевидно, намерен вступить с нами в препирательства, чего мы отнюдь не желаем. О прошлом вспоминать бесполезно. Мы пришли говорить о настоящем, и только о настоящем.

— О настоящем? Вернее, о положении дел в настоящий момент? — вскричал Тексар. — Да ведь оно совершенно ясно! Третьего дня вы оба сидели в этой самой камере, откуда для вас был один путь — на казнь. Сегодня на вашем месте сию я, но чувствую себя несравненно лучше, чем вы могли бы предположить.

Ответ этот был, очевидно, рассчитан на то, чтобы сбить с толку Бербанка и его сына, которые собирались предложить Тексару свободу, если он откроет им, куда упрятал своих пленниц.

— Послушайте, Тексар, — сказал Джилберт. — Мы хотим говорить с вами начистоту. То, что вы творили в Джэксонвилле, нас не касается. То, что совершено вами в Кэмдлес-Бее, мы готовы предать забвению. Нас интересует только одно. Во время нападения ваших единомышленников на Касл-Хаус исчезли моя сестра и ее кормилица. Их несомненно похитили...

— Похитили? — злобно повторил Тексар. — Очень рад узнать об этом!

— Узнать? — вскричал Джемс Бербанк. — И ты, негодяй, смеешь отрицать...

— Успокойтесь, отец, — остановил его Джилберт. — Горячиться не следует... Да, Тексар, их похитили во время нападения на Касл-Хаус. Вы готовы признать, что были виновником этого похищения?

— Я не желаю отвечать.

— Вы не скажете нам, куда по вашему приказанию увезли мою сестру и Зерму?

— Повторяю вам, я не желаю отвечать на ваши вопросы.

— А если в обмен на признание мы вам вернем свободу?

— Чтобы получить ее, я не нуждаюсь в ваших услугах!

— Да кто же вас выпустит из тюрьмы? — вскричал Джемс Бербанк, которого подобная наглость выводила из себя.

— Судьи.

— Судьи!.. Да они осудят вас без всякого снисхождения!

— Ну что ж, там видно будет!

— Стало быть, вы решительно отказываетесь отвечать? — в последний раз спросил Джилберт.

— Отказываюсь.

— Даже если вам будет обещано освобождение из тюрьмы?

— Мне такого освобождения не надо.

— А если мы дадим вам денег? Целое состояние?

— Не нужно мне ваших денег. А теперь, господа, оставьте меня в покое.

Такая самоуверенность, надо признаться, совершенно сбила с толку Джемса Бербанка и Джилберта. На чем она основывалась? Как мог Тексар так спокойно ожидать суда, который грозил ему самой суровой карой?

Ни обещание свободы, ни золото не могли заставить его отвечать. Неужели ненависть брала в нем верх

даже над соображениями собственной выгоды? Нет, положительно Тексар был какой-то загадочной личностью и не изменял себе даже перед лицом самых жестоких превратностей судьбы.

— Идемте, отец, идемте! — сказал молодой офицер.

И он увел отца из тюрьмы. У выхода их ждал мистер Гарвей, и они втроем отправились к Стивенсу рассказать о своей неудавшейся попытке.

Как раз в это время на судах флотилии было получено обращение commodора Дюпона к жителям Джэксонвилла. В нем объявлялось, что никто не будет подвергаться преследованиям ни за свои политические убеждения, ни за какие-либо действия, связанные с сопротивлением Флориды в период гражданской войны. Готовность подчиниться звездному флагу искупает любое деяние, которое могло бы считаться преступным с точки зрения государственной.

Мера была в высшей степени мудрая; она неизменно применялась президентом Линкольном во всех подобных случаях; но уголовных преступлений она, конечно, не касалась. А преступления Тексара были именно такого рода. Незаконный захват власти, использование ее для организации сопротивления — это был вопрос взаимоотношений между южанами, внутренний вопрос, в который федеральное правительство вмешиваться не хотело. Но за нападение на Кэмдлес-Бей, за разграбление плантации, за похищение дочери плантатора-северянина и женщины из числа его прислуги — за все эти преступные деяния Тексар должен был отвечать по закону.

Таково было мнение капитана Стивенса. Таково же было мнение и commodора Дюпона, получившего жалобу Джемса Бербанка с просьбой возбудить дело против Тексара.

А посему на другой день, 15 марта, было принято постановление о предании испанца военному суду по обвинению в двух преступлениях: в грабеже и в похищении девочки и мулатки. Он должен был предстать перед судом в Сент-Огастине.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Сент-Огастин

Сент-Огастин, один из самых старинных городов Северной Америки, основан был еще в XV веке. Это главный город графства Сент-Джонс, занимающего обширную территорию, но насчитывающего всего-навсего лишь около трех тысяч жителей.

Сент-Огастин — испанский по своему происхождению город — почти не изменил своего первоначального облика. Он расположен на одном из прибрежных островов. Военные и торговые суда находят надежное убежище в его гавани, хорошо защищенной от морских ветров, постоянно свирепствующих на этом опасном для мореплавателей побережье Флориды. Но чтобы попасть в гавань, приходится преодолевать серьезное препятствие — водовороты, образуемые у входа в нее Гольф-стримом.

Как и во всех городах, палимых отвесными лучами тропического солнца, улицы в Сент-Огастине узкие. Морской ветерок, освежающий по утрам и вечерам эти улицы, способствует необычайной мягкости климата, так что Сент-Огастин в Соединенных Штатах — то же, что Ницца или Ментона во Франции, под благодатным небом Прованса.

Городское население сосредоточено главным образом в кварталах, прилегающих к гавани, а предместья с их разбросанными кое-где хижинами, крытыми пальмовыми листьями, с их жалкими лачугами были бы совершенно пустынные, если бы не бродящие там без всякого присмотра собаки, свиньи и коровы.

Центральные кварталы Сент-Огастина по виду очень напоминают испанские города. На окнах — крепкие решетки, в каждом доме неизменный «*ratio*» — внутренний дворик, окруженный легкой колоннадой, причудливые крыши и балконы, подобно алтарям, богато украшенные лепным орнаментом. По воскресеньям и в праздники обитатели этих домов пестрой толпой высыпают на улицу. Тут можно встретить креолок, негритянок, мулаток, индианок смешанной крови, негров

и негрят, английских леди и джентльменов, католических священников и монахов. Почти все они дымят сигаретами и не выпускают их изо рта, даже направляясь в храм Страстей Господних — приходскую церковь Сент-Огастина, колокола которой трезвонят почти непрерывно с середины XVII века.

Следует упомянуть также и о рынках, заваленных овощами, рыбой, птицей, бараниной, свининой, — живность режут *hic et nunc*¹ по требованию покупателей, — рисом, яйцами, вареными бананами, «*figi-joles*», которые представляют разновидность мелких вареных бобов, и, наконец, всевозможными тропическими плодами: ананасами, финиками, маслинами, гранатами, апельсинами, персиками, фидами, гуайявами. Причем все это стоит так дешево, что жизнь в этой части Флориды легка и приятна.

Что же касается чистоты улиц, то забота о ней возложена не на специальный персонал, а на стаи грифов, убивать которых воспрещается законом под угрозой крупного штрафа. Птицы пожирают решительно все, даже змей, которых все же остается еще слишком много, несмотря на прожорливость пернатых хищников.

Дома Сент-Огастина утопают в зелени. В просветах на перекрестках улиц взорам неожиданно открываются купы деревьев; кроны их возвышаются над крышами домов, и оттуда доносится неумолчный гомон диких попугаев. Больше всего здесь высоких пальм, листья которых колышутся при легком ветерке, точно веера испанских красавиц или индийские опахала. То тут, то там виднеются дубы, увитые лианами и глициниями, или группы гигантских кактусов, образующих непроходимую заросль. Этот веселый, радующий глаз пейзаж был бы еще пленительнее, если бы грифы добросовестней несли свою службу. Но, увы! они решительно уступают машинам для уборки улиц.

Промышленность в Сент-Огастине не слишком развита. Там только и есть что две паровые лесопилы, сигарная фабрика да скипидарный завод. Торговля развита несколько больше: Сент-Огастин ввозит или

¹ Тут же, на месте (лат.).

вывозит патоку, зерно, хлопок, индиго, древесную смолу, строительный лес, рыбу, соль. В гавани обычно много грузовых и пассажирских пароходов, курсирующих между Сент-Огастином и различными портами на побережье океана или Мексиканского залива.

В Сент-Огастине находится одна из шести судебных палат штата Флориды. Для защиты города от нападения с суши и моря служит единственный форт, — форт Марион, или Сен-Марк, сооруженный в XVII веке по кастильскому образцу. Вобан или Кормонтэн, правда, не пришли бы от него в восторг, но зато он вызывает восхищение археологов и антикваров своими башнями, бастионами, рavelинами и бойницами, старинными пушками и мортирами, которые гораздо опаснее для тех, кто из них стреляет, чем для тех, по ком ведется огонь.

Именно этот форт при приближении флотилии федералистов спешно был оставлен гарнизоном конфедератов, хотя всего лишь за несколько лет перед войной правительство приняло меры, чтобы сделать его более неприступным. По уходе милиции жители Сент-Огастина охотно сдали форт коммодору Дюпону, занявшему его без единого выстрела.

Начатое против Тексара судебное преследование вызвало во всем графстве большую сенсацию. Все усмотрели в нем последний акт борьбы между этим подозрительным субъектом и семейством Бербанков. Похищение ребенка и мулатки взволновало общественное мнение, настроенное сочувственно по отношению к владельцам Кэмдлес-Бей. В том, что виновником похищения был Тексар, никто не сомневался. Даже людям не причастным к делу было интересно узнать, как-го испанец теперь вывернется и понесет ли он, наконец, наказание за все преступления, в которых его давно уже обвиняют.

В Сент-Огастине с нетерпением ждали начала процесса. В город съезжались владельцы соседних плантаций. Они были непосредственно заинтересованы в исходе суда, ибо один из главных пунктов обвинения гласил: нападение на Кэмдлес-Бей и разграбление плантации. Банды конфедератов опустошили и некото-

рые другие плантации, и поэтому для многих важно было узнать, как федеральное правительство относится к тем случаям, когда под видом политической борьбы против Севера совершаются уголовные преступления.

Главная гостиница города «Сити-Отель» была полна приезжих, большинство которых симпатизировало Бербанкам. Она могла бы вместить еще больше постояльцев. Просторное здание, построенное в XVI веке и некогда занимаемое судьей, как нельзя лучше соответствовало своему теперешнему назначению. Резная дверь главного входа, большой парадный зал, внутренний двор с колоннами в гирляндах страстоцвета, выходящие на веранду комфортабельные комнаты, отделанные яркозелеными или золотисто-желтыми панелями, балкончики в испанском вкусе, бьющие фонтаны, зеленые газоны — все это было как бы специально приспособлено для своего рода караван-сарая, рассчитанного, правда, лишь на богатых путешественников.

В этой-то гостинице и остановились накануне Джемс и Джилберт Бербанк, Стэннард с дочерью и сопровождавший их Марс.

После неудачного посещения джэксонвиллской тюрьмы Джемс Бербанк с сыном вернулись в Кэмдлес-Бей. Узнав о том, что Тексар решительно не желает сказать, где он скрывает Зерму и Ди, семья Бербанков потеряла последнюю надежду. Впрочем, обитателей Кэмдлес-Бея несколько успокоило известие о том, что за разгром плантации и похищение Тексара предан военному суду. Ему грозило суровое наказание, и потому можно было рассчитывать, что испанец будет вынужден во всем признаться, чтобы купить себе свободу, а возможно и жизнь.

Главной свидетельницей обвинения по делу Тексара была мисс Алиса Стэннард: она находилась в бухте Марино и слышала, как Зерма крикнула: «На помощь! Это Тексар!» Она узнала злодея, который стоял в удалившейся лодке.

Молодая девушка собралась ехать в Сент-Огастин. Отец решил сопровождать ее; с ними вместе отправились Джемс и Джилберт Бербанк, также вызванные в суд. Марс попросил взять и его с собой. Он непре-

менно хотел присутствовать при том, как похитителя его жены заставят сказать, где он скрывает своих пленниц. А тогда Джемсу Бербанку, Джилберту и ему, Марсу, останется лишь забрать их из рук пособников Тексара.

Шестнадцатого марта, после полудня, простившись с миссис Бербанк и Кэрролом, Джемс и Джилберт Бербанк, Стэннард с дочерью и Марс сели в Кэмдлес-Бее на пароход, доставивший их в Пиколату. Оттуда в дилижансе они направились в Сент-Огастин по извилистой дороге, змеившейся среди высоких кипарисов, дубов и платанов, которыми богата эта часть страны. Уже к полуночи они удобно разместились в гостеприимном «Сити-Отеле».

Да не подумает, однако, читатель, что Тексар был покинут своими приверженцами.

У него было много единомышленников среди мелких плантаторов графства, по большей части яростных сторонников рабовладения. Да и приспешники его, узнав, что не будут подвергаться преследованию за учиненный в Джэксонвилле мятеж, не захотели оставлять своего бывшего главаря. Многие из них условились встретиться в Сент-Огастине. Искать их следовало, конечно, отнюдь не в «Сити-Отеле». В городах Флориды немало таверн и лавчонок, где метисы — помесь испанцев с индейцами племени криков — торгуют всякой всячиной: съестным, спиртным и куревом. В этих-то притонах друзья Тексара, люди подозрительные, пользовавшиеся сомнительной репутацией, усиленно за него агитировали.

Коммодора Дюпона не было в это время в Сент-Огастине. Его эскадра блокировала побережье для борьбы с военной контрабандой, но высаженные им войска, заняв форт Марион, прочно удерживали город в своих руках. Можно было не опасаться какой-либо вылазки со стороны южан или милиции, скрывавшейся по ту сторону реки. И если бы сторонники Тексара вздумали поднять в городе восстание против федералистов, оно немедленно было бы подавлено.

На одной из канонерок Стивенса испанца доставили

из Джэксонвилла в Пиколату, а оттуда под сильным конвоем перевезли в Сент-Огастин, где и заключили в крепость. Бежать ему было невозможно. Да он, повидимому, и не собирался этого делать, так как сам требовал суда. Сторонники его знали об этом и до поры до времени ничего не предпринимали, надеясь устроить как-нибудь его побег после вынесения приговора.

За отсутствием коммодора обязанности коменданта города исполнял полковник Гарднер. Ему предстояло председательствовать в суде, который должен был заседать в одном из помещений форта Марион. Полковник Гарднер участвовал во взятии Фернандины, и как раз по его приказанию были тогда задержаны на двое суток беглецы, захваченные в плен при нападении кано-нерки «Оттава» на железнодорожный состав — обстоятельство, о котором здесь уместно напомнить.

Заседание суда открылось в 11 часов утра. Публики в зале собралось очень много. Особенно шумели друзья и сторонники подсудимого.

Джемс и Джилберт Бербанк, Стэннард, Алиса и Марс заняли места, отведенные для свидетелей. Со стороны защиты не было ни одного свидетеля — это бросалось в глаза. Повидимому, испанец не позаботился о вызове их в суд. Действительно ли он пренебрег такой возможностью, или не нашлось ни одного человека, который мог бы дать показания в его пользу? Это вскоре должно было выясниться. Во всяком случае, в исходе дела сомневаться как будто бы не приходилось.

Однако Джемсом Бербанком овладело какое-то тяжелое предчувствие. Ведь однажды в этом самом городе он уже подавал в суд на Тексара. Испанец доказал тогда свою непричастность к преступлению и был оправдан. Это обстоятельство невольно всем приходило на ум: ведь тот, первый случай произошел всего лишь несколько недель назад.

Как только открылось судебное заседание, в зал ввели Тексара, занявшего место на скамье подсудимых. Он был совершенно спокоен. Ничто и ни при каких обстоятельствах, казалось, не могло смутить этого на-

глеца. Прежде чем полковник Гарднер приступил к допросу, испанец презрительно улынулся в сторону судей, ободряюще посмотрел на своих друзей, которых заметил в зале, и бросил взгляд, полный ненависти, на Джемса Бербанка. Джемс Бербанк, Джилберт и Марс со своей стороны едва сдерживали гнев при виде человека, который уже причинил им так много зла и еще так много мог причинить в будущем.

Допрос начался с обычных формальностей, устанавливающих личность подсудимого.

— Ваше имя? — спросил полковник Гарднер.

— Тексар.

— Возраст?

— Тридцать пять лет.

— Где проживаете?

— В Джексонвилле, в таверне Торильо.

— А определенного места жительства у вас нет?

— Не имеется.

У Джемса Бербанка и его друзей сжалось сердце, когда они услышали этот ответ. Уже один тон его говорил о том, что Тексар полон решимости не указывать, где он постоянно живет.

И действительно, несмотря на настойчивые вопросы председателя суда, Тексар упорно стоял на своем, утверждая, что определенного места жительства у него нет. Он выдавал себя за кочевника, охотника, скитающегося по лесным дебрям Флориды, ночующего в шалашах под кипарисами и добывающего себе пропитание ружьем и дудочкой для приманивания птиц. Так больше ничего от него и не добились.

— Ладно, — сказал полковник Гарднер. — В конце концов это и не существенно.

— Вот именно не существенно, — нагло ответил Тексар. — Если угодно, полковник, то допустим, что я проживаю сейчас в форте Марион, где меня держат абсолютно противозаконно. В самом деле, в чем меня обвиняют? — спросил он, как бы желая сразу же взять в свои руки инициативу допроса.

— Тексар, — обратился к испанцу полковник Гарднер, — вас судят не за участие в беспорядках, происшедших в Джексонвилле. Коммодор Дюпон в своем

обращении к населению объявил, что правительство не будет карать за свержение законных властей в графстве и замену их другими, каковы бы эти другие ни были. Флорида теперь вернулась под флаг федерального правительства, и оно приступит вскоре к ее реконструкции.

— Но если меня не обвиняют в свержении джэксонвиллских властей, причем они были свергнуты при поддержке большинства населения, — заявил Тексар, — то почему же в таком случае меня предали военному суду?

— Будто вы не знаете?.. — ответил полковник Гарднер. — В бытность свою главою городского магистрата вы совершили преступления уголовного характера. Вы обвиняетесь в подстрекательстве части населения к различного рода насилиям.

— Каким же?

— Во-первых, была разграблена плантация, принадлежащая Бербанку, на которую совершила нападение шайка злоумышленников. .

— И отряд милиции во главе с офицером, — тут же добавил Тексар.

— Допустим, — продолжал Гарднер. — Но во всяком случае здесь имели место грабеж, поджог и вооруженное нападение на жилище одного из землевладельцев, который был вправе его защищать, что он и сделал.

— Был вправе? — возразил Тексар. — Право никак не могло быть на стороне того, кто отказывался исполнять предписания законно избранного джэксонвиллского комитета. Джемс Бербанк, — ведь речь идет именно о нем, — отпустил на волю своих рабов, бросив тем самым вызов общественному мнению Флориды, которое, как и в большинстве Южных штатов, стоит за сохранение рабовладения. Подобный самовольный поступок мог иметь весьма серьезные последствия и вызвать мятеж среди негров соседних плантаций. Поэтому комитет Джэксонвилла счел нужным вмешаться. Не отменяя самого акта об освобождении, комитет отдал приказ немедленно изгнать освобожденных невольников из пределов графства. Джемс Бербанк не подчинился этому приказу. Комитет оказался вынужденным

применить силу, и тогда милиция, к которой присоединилась часть населения, привела приказ в исполнение.

— Военный суд не может стать на вашу точку зрения, — ответил полковник Гарднер. — Джеймс Бербанк — северянин по происхождению — имел полное право освободить своих невольников. Поэтому нападение на его плантацию ни в коем случае не может быть признано законным актом.

— Я думаю, что нам бесполезно об этом спорить, — сказал Тексар. — Комитет Джэксонвилла считал своим долгом сделать то, что он сделал. Я действительно стоял во главе комитета, но неужели за все принятые им решения несу ответственность я один?

— Именно вы, Тексар, потому что вы не только возглавляли комитет, но и предводительствовали шайкой, грабившей Кэмдлес-Бей.

— Это еще надо доказать, — холодно возразил Тексар. — Кто же видел меня во главе горожан и солдат, приводивших в исполнение приказ комитета?

Тут полковник Гарднер вызвал Джеймса Бербанка и предложил ему дать свои показания.

Джеймс Бербанк рассказал о том, что произошло после захвата власти Тексаром и его сторонниками, особенно напирая на поведение испанца, подстрекавшего подонки городского населения к грабежу Кэмдлес-Бея.

Но в ответ на вопрос полковника Гарднера, находился ли Тексар среди нападающих, Джеймс Бербанк вынужден был признать, что своими глазами он его не видел. И действительно, как помнит читатель, когда посланец Гарвея Джон Брюс добрался до Касл-Хауса, он не мог сказать Бербанку, был ли сам Тексар во главе шайки злоумышленников.

— Во всяком случае, не подлежит сомнению, что он виновник нападения, — прибавил Бербанк, — он подстрекал к разгрому Кэмдлес-Бея, и если мой дом и его последние защитники не погибли в пламени пожара, то это случилось вопреки воле Тексара. Да, тут видна его рука, равно как и в другом деле, еще более преступном.

Джеймс Бербанк остановился. Прежде чем говорить о похищении, надо было покончить с вопросом о виновности Тексара в нападении на плантацию.

— Итак, — обратился полковник Гарднер к испанцу, — вы полагаете, что несете в этом деле лишь некоторую долю общей ответственности комитета за отданные им приказания?

— Разумеется.

— И вы продолжаете утверждать, что не были во главе шайки, напавшей на Кэмдлес-Бей?

— Продолжаю утверждать. Ведь никто из свидетелей не может сказать, что видел меня. Нет, меня не было среди тех храбрых граждан, которые хотели выполнить распоряжение комитета. Более того, меня в этот день вообще не было в Джэксонвилле!

— Что ж, это вполне возможно, — заметил Джемс Бербанк, находя момент благоприятным для перехода ко второму пункту обвинения.

— Безусловно так, — ответил Тексар.

— Да, но если вас не было среди грабивших Кэмдлес-Бей, то потому только, что вы в это время находились в бухте Марино и ожидали удобного случая, чтобы совершить другое преступление, — продолжал Джемс Бербанк.

— Меня не было ни в бухте Марино, ни в числе нападавших на плантацию. Не было меня в этот день и в Джэксонвилле, — невозмутимо ответил Тексар.

Читатель, конечно, помнит: в свое время Джон Брюс сказал Бербанку, что со 2 по 4 марта, то есть двое суток, Тексар в Джэксонвилле не появлялся.

— Если вас не было в этот день в Джэксонвилле, — вынужден был спросить председатель суда, — то где же вы были в таком случае?

— На это я отвечу в свое время, — сказал Тексар, — а теперь мне важно установить, что в нападении на плантацию я не участвовал. Так в чем же еще меня обвиняют, полковник?

Задавая этот вопрос, Тексар скрестил на груди руки и как-то особенно вызывающе посмотрел на своих обвинителей.

Полковник Гарднер не замедлил сформулировать второй пункт обвинения, и на этот раз уклониться от ответа было весьма трудно.

— Если вас не было в Джэксонвилле, — сказал он, — то у обвинения есть основание утверждать, что вы находились в бухте Марино.

— В бухте Марино? А что бы я стал там делать?

— Вами или по вашему приказанию там были похищены девочка Диана Бербанк, дочь Джемса Бербанка, и Зерма, жена присутствующего здесь мулата Марса, которая находилась при ребенке.

— А! Так вот оно что! Это похищение приписывают мне?.. — иронически заметил Тексар.

— Да, вам! — вне себя от негодования разом вскричали Джемс Бербанк, Джилберт и Марс.

— А почему же это именно мне, а не кому другому?

— Потому что никому другому это похищение не было нужно, — ответил полковник Гарднер.

— Ну а мне-то оно зачем?

— Чтобы отомстить семье Бербанков Джемсу Бербанку неоднократно уже приходилось приносить на вас жалобу. И если, установив свое алиби, вам удавалось ловко оправдываться, вы тем не менее не раз говорили о желании отомстить вашему обвинителю.

— Допустим, что это так, что между мной и Джемсом Бербанком непримиримая вражда, — я этого не отрицаю. Допустим, что я был заинтересован в похищении его ребенка, чтобы причинить ему тяжелое горе, — этого я также не стану отрицать. Но сделал ли я это — вот в чем вопрос. Есть у вас хоть один свидетель, который может подтвердить мою виновность?

— Есть, — ответил полковник Гарднер и пригласил Алису Стэннард принести присягу и дать показания.

Алиса рассказала обо всем, что происходило в бухте Марино. От волнения голос ее несколько раз прерывался. Она не колеблясь подтвердила обвинение. При выходе из подземного хода она и миссис Бербанк отчетливо слышали, как Зерма крикнула: «Тексар! Тексар!» Обе они, наткнувшись на трупы убитых негров, бросились к берегу реки и видели, как от него удалялись две лодки. В одной из них увозили похищенных, на корме второй — стоял Тексар. Алиса его хорошо разглядела: зарево пожара ярко освещало реку.

— И вы можете присягнуть в этом? — спросил полковник Гарднер.

— Да, могу, — ответила молодая девушка.

После такого решительного утверждения не оставалось ни малейшего сомнения в виновности Тексара. А между тем Джемс Бербанк, его друзья и все находившиеся в зале могли заметить, что подсудимый ничуть не утратил своего обычного самоуверенного вида.

— Что вы можете возразить на это? — спросил Тексара председатель.

— А вот что, — ответил Тексар. — Я отнюдь не собираюсь обвинять мисс Алису Стэннارد в лжесвидетельстве. Я не буду обвинять ее и в том, что она играет на руку моим врагам Бербанкам, когда под присягой свидетельствует, будто бы я являюсь виновником похищения, о котором я впервые услышал лишь после моего ареста. Я утверждаю только, что если она думает, будто на самом деле видела меня в одной из лодок в бухте Марино, то она ошибается.

— Допустим, что в этом отношении мисс Алиса действительно ошиблась, — возразил полковник Гарднер. — Но не может же она ошибаться, утверждая, что слышала голос Зермы, которая кричала: «На помощь! Это Тексар!»

— Ну, что ж, в таком случае ошиблась не мисс Стэннارد, а Зерма, только и всего!

— Как? Неужели Зерма стала бы кричать «Тексар!», если бы не видела вас в момент похищения?

— Очевидно, поскольку меня не было в лодке и я даже не появлялся в бухте Марино.

— Это надо доказать.

— Доказывать — дело моих обвинителей, но я все-таки докажу, тем более что это совсем нетрудно.

— Как! Опять алиби? — спросил полковник Гарднер.

— Да, полковник, опять, — холодно ответил Тексар.

В публике послышались проницательные возгласы и ропот недоверия по адресу подсудимого.

— Если вы оспариваете свидетельские показания, ссылаясь на алиби, — заметил полковник Гарднер, — приведите доказательства.

— Нет ничего легче, — ответил испанец. — Для этого мне достаточно задать вам один вопрос.

— Говорите.

— Полковник Гарднер, не вы ли командовали войсками федералистов при взятии Фернандины и форта Клинч?

— Да, я.

— В таком случае вы, конечно, помните, что в тот момент, когда железнодорожный состав, шедший в Сидар-Кейс, проходил по мосту, соединяющему остров Амилью с берегом, он был атакован канонеркой «Оттава»?

— Отлично помню.

— Последний вагон, оторвавшись от поезда, застрял на мосту. Отряд федералистов забрал в плен всех, кто находился в вагоне. Пленных продержали под арестом двое суток, а затем отпустили, переписав их имена и особые приметы.

— Все это мне известно, — согласился полковник Гарднер.

— Ну так вот, я был в числе пленных.

— Вы?

— Да, я.

Столь неожиданное заявление было встречено еще более неодобрительным ропотом.

— Пассажиры находились под арестом со второго по четвертое марта, — продолжал Тексар. — Нападение же на плантацию и похищение, в котором меня обвиняют, произошли в ночь на третье марта; следовательно, я не имел физической возможности участвовать в них. Стало быть, Алиса Стэннард не могла слышать, как Зерма кричала мое имя. Она не могла видеть меня на корме лодки в бухте Марино, потому что в то время я находился под арестом.

— Ложь! — вскричал Джемс Бербанк. — Этого не может быть!

— Я клянусь, что видела Тексара и узнала его, — подтвердила Алиса.

— Справьтесь по документам, — отрезал Тексар.

Полковник Гарднер приказал найти среди бумаг, переданных в Сент-Огастине коммодору Дюпону, доку-

мент, касающийся пленных, захваченных в день взятия Фернандины в поезде, следовавшем в Сидар-Кейс. Документ был принесен: имя Тексара действительно значилось в списке арестованных пассажиров; указаны были также и его особые приметы.

Итак, никаких сомнений не оставалось. Испанец не мог участвовать в похищении, и мисс Стэннард, очевидно, ошибалась, утверждая, что узнала его. Он не мог находиться в тот вечер в бухте Марино. Его отсутствие в Джэксонвилле в течение двух суток объяснялось также очень просто: в то время он сидел под арестом на одном из судов эскадры федералистов.

Значит, и на этот раз неопровержимое алиби, подтвержденное к тому же официальным документом, снимало с Тексара всякое обвинение. Невольно возникал вопрос: уж не основывались ли и все прежние обвинения против него на столь же явной ошибке, как та, которую суду пришлось признать сегодня в связи с событиями в Кэмдлес-Бее и бухте Марино?

Джемс Бербанк, Джилберт, Алиса и Марс были глубоко удручены таким исходом дела. Тексар снова ускользал от них, а с ним и всякая надежда узнать что-либо о судьбе похищенных Ди и Зермы.

Подсудимому удалось доказать свое алиби, и он мог не сомневаться в оправдательном приговоре. Обвинения в грабеже и похищении с Тексара были сняты. Он вышел из зала суда с гордо поднятой головой, друзья приветствовали его громкими криками «ура!».

Тем же вечером испанец покинул Сент-Огастин, и никто не мог сказать, в какой части Флориды скрылся этот авантюрист, чтобы продолжать вести свои таинственные и темные дела.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Последние слова умирающего

В тот же день, 17 марта, Джемс и Джилберт Бербанк, Стэннард с дочерью и муж Зермы вернулись домой на плантацию.

Невозможно было скрыть правду от миссис Бер-

банк, хотя в том состоянии крайней слабости, в котором находилась несчастная женщина, этот новый удар мог оказаться для нее роковым.

Последняя попытка выяснить, какая участь постигла малютку, не увенчалась успехом. Тексар отказался отвечать. Разве можно было его принудить к этому, если он утверждал, что к похищению никакого отношения не имеет? Более того: столь же необъяснимым образом, как и прежде, он сумел доказать, что не мог находиться в бухте Марино в момент совершения преступления. С него было снято предъявленное ему обвинение, и теперь уже, конечно, нельзя было заставить его признаться, где он скрывает похищенных, пообещав за это избавить от наказания.

— Но если не Тексар, так кто же мог совершить это преступление? — твердил Джилберт.

— Это могли сделать его подручные, — заметил Стэннард. — Они действовали, возможно, с его ведома, но без его непосредственного участия.

— Другое объяснение трудно найти, — согласился Эдвард Кэррол.

— Нет, отец, это не так! Это не так, мистер Кэррол! — настойчиво твердила Алиса. — Тексар находился в лодке, увозившей нашу маленькую Ди, я его видела, узнала его, я ясно слышала, как Зерма кричала: «Это Тексар! Тексар!» Я его видела... видела...

Что можно было ответить на такое категорическое утверждение? Алиса продолжала уверять, что не могла ошибиться; она утверждала это теперь дома, как уже показала под присягой на суде. Но как согласовать подобное утверждение с тем фактом, что Тексар находился в Фернандине среди пленников, доставленных на одну из канонерок commodора Дюпона как раз в то время, когда совершалось похищение в бухте Марино?

Это казалось совершенно необъяснимым. Впрочем, если все были сбиты с толку, Марс не ломал себе голову над этой загадкой. Он твердо решил выследить Тексара, а найдя его — вырвать у него его тайну хотя бы под пыткой.

— Ты прав, Марс, однако постараемся обойтись без этого негодая, тем более что он неизвестно куда скрылся, — сказал Джилберт. — Нужно снова приняться за поиски. Мне разрешено оставаться в Кэмдлес-Бее сколько потребуется, и мы завтра же...

— Да, мистер Джилберт, завтра же, завтра! — воскликнул Марс.

С этими словами он ушел к себе в комнату, где на свободе мог предаться своему отчаянию и гневу.

На другой день Джилберт и Марс собрались в путь. Они решили как можно старательней обшарить все бухточки и островки по обоим берегам Сент-Джонса вверх по течению от Кэмдлес-Бея. Они предполагали посвятить этому весь день.

В их отсутствие Джеймс Бербанк и Эдвард Кэррол собирались заняться приготовлениями к более длительному походу. Продовольствие, боевые припасы, средства передвижения, состав участников — все это следовало подготовить самым тщательным образом, чтобы поход оказался успешным. Решено было в случае необходимости добраться до лесных дебрей Южной Флориды, даже до Эверглейдских болот. Тексар не мог покинуть полуостров. На границе с Джорджией его не пропустили бы войска северян, а морем он мог попытаться бежать только через Багамский пролив, чтобы искать убежище на принадлежащих Англии Багамских островах. Но тут от Москито-Инлет до входа в пролив берег был блокирован кораблями коммодора Дюпона, несусыпно наблюдавшими за побережьем. Так что и здесь испанцу тоже не удалось бы пробраться. Он несомненно находится во Флориде, в каком-нибудь тайном убежище, где вот уже две недели томятся его пленницы под надзором индейца Скуамбо. Стало быть, снаряжаемой Бербанком экспедиции предстояло искать злодея по всей территории Флориды.

Впрочем, теперь здесь царило полное спокойствие благодаря присутствию войск северян и их кораблей, блокировавших восточное побережье полуострова.

В Джэксонвилле, разумеется, также водворился полный порядок. Прежние члены магистрата вернулись на свои места. Никто уже не сидел в тюрьме за то, что

держался иных взглядов, чем банда захватчиков. Пришпешники Тексара сразу же после отступления милиции конфедератов последовали за нею.

Кроме того, и самый успех военных действий в Центральных штатах Америки все решительнее склонялся на сторону северян. 18 и 19 марта первая дивизия Потомакской армии высадилась в форте Монро. 22 марта из Александрии туда же должна была отправиться и вторая дивизия. Несмотря на военные таланты бывшего учителя химии Джексона, прозванного «Джексон Каменная Стена», южане вскоре потерпели поражение в бою при Кернстоуне. Таким образом, мятежей во Флориде опасаться не приходилось, тем более что этот штат, как мы уже не раз говорили, всегда относился довольно безразлично к распре между Севером и Югом.

Негры, вынужденные покинуть Кэмдлес-Бей при разгроме плантации, получили теперь возможность вернуться домой. После взятия Джэксонвилла постановление Тексара и его комитета об изгнании освобожденных рабов потеряло силу. К 17 марта большая часть вернувшихся в поместье негритянских семей уже принялась за постройку новых хижин. Многие рабочие приступили к восстановлению разрушенных лесопилен, мастерских и лесных складов, чтобы снова наладить хозяйство Кэмдлес-Бея. Пэрри и его помощники под началом Эдварда Кэррола развивали лихорадочную деятельность. Джеймс Бербанк всецело предоставил ему руководить восстановлением плантации, ибо сам он поглощен был одной заботой — розысками ребенка.

Готовясь к экспедиции, он включил в число ее участников двенадцать наиболее преданных ему негров из своих бывших невольников, на которых он мог вполне положиться, готовых всю душу вложить в порученное им дело.

Оставалось только выбрать маршрут. Тут было над чем задуматься. В самом деле — в какой части Флориды начинать поиски? Этот вопрос, конечно, следовало решить в первую очередь.

На помощь пришло совершенно неожиданное обстоятельство.

Девятнадцатого числа Джилберт и Марс, выехав утром из Касл-Хауса, быстро плыли вверх по Сент-Джонсу в одной из самых легких лодок Кэмдлес-Бея. Свои ежедневные поиски они совершали вдвоем и не брали с собою никого из негров. Им хотелось действовать как можно осторожнее, чтобы не обратить на себя внимания лазутчиков Тексара, которые по его приказанию могли следить за местностью вокруг плантации.

Они плыли вдоль левого берега реки. Лодка их беззвучно скользила среди прибрежных зарослей и мелких островков, отторгнутых от суши бурными приливами в дни равноденствия, невидимая за камышами ни с берега, ни с середины реки. Они хотели осмотреть в этот день самые глухие бухты и устья всех речушек, впадающих в Сент-Джонс в пределах графства Дьювал и Патнам.

Берега Сент-Джонса заболочены вплоть до деревушки Мандарен. Они очень низменны и во время прилива совершенно скрываются под водой, выступая из нее лишь тогда, когда с отливом река снова входит в свое русло. Правый берег, впрочем, несколько выше, и майсовые поля на нем не страдают от наводнений. Селение Мандарен — всего несколько хижин — стоит даже на пригорке, который глубоким мысом вдается в реку.

За селением русло Сент-Джонса суживается; оно усеяно тут множеством островков, делящих реку на три рукава. Островки эти густо поросли роскошными магнолиями, белые султаны которых отражаются в зеркале вод, поднимающихся с приливом и опускающихся при отливе, чем дважды в сутки могут воспользоваться проплывающие по реке лодки.

Направив свой челн по западному рукаву, Джилберт и Марс исследовали малейшие изгибы берега. Они пытались отыскать под ветвями тюльпанных деревьев устье какой-нибудь речушки, по которой можно было бы проникнуть в глубь прибрежной полосы. Тут уж не было обширных болот, как в низовьях реки, уровень

почвы стал выше, и над холмами, поросшими древовидным папоротником и цветущим бальзамным деревом, увитым гирляндами драконова корня и кирказона, воздух был напоен пряными ароматами. Но речки здесь слишком мелки и ничтожны, так что плыть по ним нельзя даже в самом легком челноке, а во время отлива они и вовсе пересыхают. На берегах не видно было ни единого строения, за исключением двух-трех давно покинутых охотничьих хижин. Иногда казалось, что вместо людей их населяют животные: то слышался лай собаки, то мяуканье кошки, то шипенье змей, то кваканье лягушки, то визг лисицы. На самом же деле тут не было ни собак, ни кошек, ни лисиц, ни змей, ни лягушек: это кричал испуганный приближением лодки пересмешник — род бурого дрозда с черной головкой и оранжево-красным хвостом.

Было уже около трех часов пополудни. Лодка прокладывала себе путь в густых зарослях гигантских камышей, как вдруг, с силой оттолкнувшись багром, Марс заставил ее проскочить сквозь зеленую преграду, казавшуюся непроницаемой. За ней открывался небольшой залив, затененный со всех сторон густыми кронами тюльпанных деревьев, сквозь которые никогда, вероятно, не проникали лучи солнца.

— Что это за озеро? — удивился Марс. Он привстал в лодке, чтобы оглядеться. — Я никогда и не подозревал о его существовании.

— Осмотрим-ка его, — сказал Джилберт. — Быть может, за ним окажется целая цепь таких же озер и питающая их речка позволит нам проникнуть еще дальше.

— Верно, мистер Джилберт. Я даже вижу к северо-западу от нас вход в какой-то пролив.

— Где же мы все-таки находимся? — спросил молодой офицер.

— Понятия не имею, — ответил Марс. — Слышал я, что где-то тут поблизости должна быть лагуна, которую называют Черной бухтой. Возможно, что это она и есть. Однако я, как и все, считал до сих пор, что она не сообщается с Сент-Джонсом и совершенно недоступна.

— А ведь когда-то для защиты от семинолов в этой бухте, кажется, был построен форт?

— Вы правы, мистер Джилберт, но уже много лет как невозможно проникнуть в бухту со стороны реки, и форт совершенно заброшен. Я сам никогда там не бывал, но думаю, что от него остались одни развалины.

— Попытаемся все же туда добраться,— предложил Джилберт.

— Попытаться можно... Только едва ли нам это удастся. Скоро начнется отлив, и вода схлынет, а остров, на котором стоит форт, — вероятно, сплошное топкое болото.

— Очень может быть, Марс, но зачем же нам непременно выходить из лодки?

— Если ехать, мистер Джилберт, так едемте сейчас же. Уже четвертый час, и здесь под деревьями скоро станет совсем темно.

Марс и Джилберт действительно попали в Черную бухту и попали в нее совершенно случайно, когда мулат, с силой оттолкнувшись багром, проскочил на лодке сквозь камышовые заросли.

Читатель уже знает, что проникнуть в бухту можно было только на очень легком челноке, вроде того, например, которым постоянно пользовался Скуамбо или его хозяин, когда они отправлялись на Сент-Джонс, а чтобы добраться до блокгауза, расположенного внутри бухты, нужно было до тонкости знать все хитросплетения ее протоков и островков. Много лет туда никто не заглядывал, и блокгауз давно уже считали разрушенным. Вот почему он мог стать постоянным и надежным убежищем для такой подозрительной и преступной личности, как Тексар; вот почему жизнь этого злодея была окружена такой непроницаемой тайной.

Из этого лабиринта, темного даже днем, можно было выбраться разве что при помощи Ариадниной нити, а за отсутствием таковой, чтобы отыскать центральный островок Черной бухты, оставалось понадеяться только на случай.

На этого ненадежного проводника и положились Джилберт и Марс. Они пересекли первый заливчик и углубились в узкие протоки, в которые сейчас, во время

прилива, все прибывала вода. Они плыли и плыли вперед, влекомые каким-то смутным инстинктом, даже не задумываясь над тем, как они вернутся назад. Раз уж они решились обшарить все уголки графства, необходимо было обследовать и эту бухту.

Лодка плыла по лагуне около получаса, и Джилберт считал, что они проникли в глубь ее уже на добрую милю. Сколько раз, наткнувшись на какое-нибудь неодолимое препятствие в конце одного канала, они вынуждены были возвращаться назад, чтобы попробовать пройти по другому! Несомненно было, однако, что они все время движутся на запад. Джилберт и Марс не пытались выйти на берег: островки едва подымались над водой. Благоразумнее было оставаться в лодке до тех пор, пока мелководе не помешает ей плыть дальше.

Однако эта пройденная миля досталась Марсу и Джилберту нелегко. Как ни был крепок и вынослив мулат, но и ему нужно было передохнуть, что он и решил сделать, когда они подошли, наконец, к довольно большому островку, поднимавшемуся выше других над уровнем воды. Здесь было не так темно, ибо сквозь густые деревья кое-где все же проникали лучи солнца.

— Вот странно! — сказал вдруг Марс, пристав к берегу.

— Что странно? — поинтересовался Джилберт.

— На этом островке земля как будто возделана, — ответил мулат.

Они вышли на берег менее болотистый, чем на других островках.

Марс не ошибся. Местами земля на острове действительно была возделана. Видны были огородные грядки, в земле торчали клубни ямса; валялась даже кем-то позабытая кирка.

— Стало быть, здесь живут? — удивился Джилберт.

— Очевидно, — ответил Марс. — Во всяком случае, эта местность кем-то посещается... Может быть, индейцами-кочевниками, которые выращивают здесь кое-какие овощи.

— Тогда, вероятно, у них имеется тут и жилье, какие-нибудь хижины.

— Поищем, мистер Джилберт, быть может и найдем.

Очень важно было выяснить, кто именно посещает Черную бухту: охотники ли с низменностей штата, или же шайки семинолов, все еще появляющиеся иногда среди болот Флориды.

Не думая уже больше о возвращении домой, Джилберт и Марс снова сели в лодку и поплыли дальше по извилистым протокам бухты. Словно какое-то предчувствие влекло их в самые темные уголки ее. Они свыклись с полумраком, царившим в зарослях, и все время внимательно оглядывались кругом. Иной раз им казалось, что они видят хижину, но хижина эта оказывалась густой гирляндой вьющихся растений, протянувшейся между древесными стволами. Иногда им чудился притаившийся в зарослях человек, который вблизи оказывался просто-напросто засохшим пнем, своими причудливыми очертаниями напоминавшим человеческую фигуру. Они напряженно прислушивались: если они ничего не видели, то, быть может, им удастся хоть что-нибудь уловить на слух? Ведь в этом пустынном месте малейший шорох выдал бы присутствие живого существа.

Через полчаса после первой остановки они подъехали к центральному островку. Густая чаща леса настолько скрывала полуразрушенный блокгауз, что его совершенно не было видно. Казалось даже, что лагуна здесь кончается и протоки дальше уже совершенно непроходимы. Между их последними извилинами и заболоченным лесом, который тянется через всю территорию графства по левому берегу Сент-Джонса, непреодолимой преградой вставали густые заросли кустарников.

— Дальше нам не проплыть, мистер Джилберт, — сказал Марс. — Уж очень здесь мелко...

— А между тем земля-то действительно возделана. Значит, бухту посещают люди. Возможно, они были тут совсем недавно. Что, если они и сейчас здесь находятся?..

— Все может быть, — ответил Марс, — но скоро уж совсем стемнеет, и нам лучше поспешить, чтобы еще засветло выбраться к реке. В темноте мы не выпутаемся из этого лабиринта. Я думаю, мистер Джилберт, сейчас более разумнее плыть обратно, а завтра с рассветом вернуться сюда и хорошенько осмотреть лагуну. Право, мистер Джилберт, поедem в Касл-Хаус. Мы расскажем обо всем, что видели, и сможем как можно лучше подготовиться к тщательному обследованию Черной бухты.

— Да, ты, пожалуй, прав, надо возвращаться, — сказал Джилберт. — Но прежде мне хотелось бы все-таки...

Джилберт не договорил: напоследок окинув взглядом лесную чащу, он уж собрался было отдать Марсу приказание плыть назад, но вдруг прислушался и знаком остановил мулата.

Мулат тоже насторожился.

Среди обычного лесного шума явственно доносился протяжный человеческий стон — жалобный, полный отчаянья, подобный стону умирающего.

— Там человек! — вскричал Джилберт. — Он зовет на помощь! Может быть, умирает...

— Надо посмотреть, кто это, узнать, что с ним, — сказал Марс. — Сойдем на берег, мистер Джилберт.

Вмиг лодка была накрепко привязана, Марс и Джилберт вышли на остров и направились в лес.

В густой чаще, при свете угасавшего дня, они обнаружили проторенные тропинки и даже заметили следы человеческих ног.

Время от времени Марс и Джилберт останавливались и прислушивались. Неужели стоны прекратились? Ведь только они могли указать, куда идти.

Но стоны послышались снова и на этот раз где-то совсем близко. Несмотря на сгушавшийся сумрак, Джилберт и Марс не теряли уверенности, что найдут то место, откуда они доносятся.

Внезапно раздался еще более жалобный крик. Джилберт и Марс устремились вперед, продираясь сквозь чащу кустарников. Вдруг они наткнулись на

частокол, возле которого на земле лежал человек. Из его груди вырывался предсмертный хрип...

Несчастный был ранен ножом в грудь и обливался кровью. Он тяжело дышал, и ясно было, что минуты его сочтены.

Джилберт и Марс склонились над ним. Он открыл глаза, но не в силах был отвечать на вопросы.

— Кто это? — воскликнул Джилберт. — Факел! Зажги скорее какую-нибудь ветку!

Но Марс и сам уже догадался, что нужно делать: сорвав ветку смолистого дерева, — таких деревьев на острове было много, — он зажег ее спичкой и осветил умирающего. Джилберт опустился подле него на колени.

Это был еще молодой негр-невольник. Сквозь изорванную рубашку виднелась зиявшая на груди кровоточащая рана. Рана, повидимому, была смертельна: нож пронзил легкое.

— Кто ты?.. Кто ты?.. — спрашивал, наклонившись к нему, Джилберт.

Раненый молчал.

— Кто тебя ранил?

Но негр не мог уже вымолвить ни слова.

Тем временем Марс при свете факела осматривал место, где было совершено убийство.

Он разглядел частокол и через приоткрытые ворота увидел смутные очертания блокгауза.

Это действительно был форт, построенный когда-то в Черной бухте, но давно заброшенный и совершенно забытый обитателями графства Дьювал.

— Форт! — вскричал Марс и, оставив Джилберта возле умирающего негра, сам устремился к воротам.

Через минуту он уже проник в блокгауз и обежал комнаты, выходявшие с обеих сторон в центральное помещение. В одном из них дымился очаг. Значит, в блокгаузе еще недавно кто-то жил. Но кто? Для кого он служил убежищем? Для поселенцев ли Флориды, или же для семинолов-кочевников? Это нужно было во что бы то ни стало вывести у раненого. Необходимо было

узнать, кто его убийцы, бежавшие отсюда, повидимому, совсем недавно.

Марс вышел из блокауза, обошел внутри ограды весь двор, освещая факелом малейшие закоулки. Нигде ни души! Если бы они с Джилбертом попали сюда утром, они, быть может, и застали бы кого-нибудь из обитателей форта, но, увы, они опоздали!

Мулат вернулся к своему господину и объявил ему, что они находятся у блокауза Черной бухты.

— Сказал вам что-нибудь раненый? — спросил он.

— Нет, он потерял сознание и едва ли придет в себя, — ответил Джилберт.

— Попробуем, мистер Джилберт, привести его в чувство, — предложил Марс. — Тут какая-то тайна. А помочь разгадать ее может только этот несчастный. Если он умрет...

— Верно, Марс, верно. Давай перенесем его в блокауз... Быть может, там он придет в себя... Не умирать же ему тут на берегу!..

— Возьмите-ка факел, мистер Джилберт, — сказал Марс, — я и сам донесу раненого.

Джилберт взял горящий факел. Мулат поднял почти безжизненное тело и понес его через ворота блокауза в одно из помещений форта, где и положил умирающего на охапку травы. Затем он поднес к его губам свою фляжку.

Сердце раненого еще билось, но очень слабо, с большими перебоями. Жизнь едва теплилась в нем... Неужели же он испустит последний вздох, не раскрыв им тайны?

Но несколько капель водки, казалось, оживили его. Он открыл глаза и устремил их на Марса и Джилберта, которые пытались вернуть его к жизни.

Он силился говорить... Какие-то слабые звуки сорвались с его губ... Быть может, чье-нибудь имя!..

— Говори!.. Говори!.. — твердил Марс.

Мулат волновался так сильно, будто вся его жизнь зависела от последних слов умирающего.

Невольник тщетно пытался что-то сказать, но у него не хватало сил.

В эту минуту Марс совершенно случайно нащупал у раненого в кармане какую-то бумажку.

Он **мигом** выхватил ее оттуда, развернул и прочитал при свете факела.

Там нацарапано было углем несколько слов. Вот они:

«Нас похитил Тексар в бухте Марино... Теперь он увозит нас в Эверглейдс, на остров Карнерал... Записку посылаю с этим молодым невольником мистеру Бербанку...»

Почерк был Марсу хорошо знаком.

— Зерма! — вскричал он.

При этом имени умирающий открыл глаза и слабо кивнул головою, как бы желая подтвердить догадку.

Джилберт слегка приподнял раненого и спросил его:

— Зерма?

— Да, — чуть слышно отвечал негр.

— И Ди?..

— Да.

— Кто тебя ранил?

— Тексар...

И, сказав это, несчастный невольник упал мертвым на травяную постель.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

От Кэмдлес-Бей до озера Вашингтона

Около полуночи Джилберт и Марс вернулись в Кэмдлес-Бей. Они насилу выбрались из Черной бухты.

Когда они покидали блокгауз, над долиной Сент-Джонса уже спускалась ночь. В бухте было совсем темно, и если бы не инстинкт, руководивший Марсом, они наверняка заблудились бы среди островков и протоков и ни за что бы не выбрались к реке. Сколько раз их лодка, наткнувшись на непреодолимую преграду, должна была возвращаться назад в поисках выхода из этого лабиринта! Марсу приходилось освещать себе путь факелом из смолистых ветвей, укрепив его на носу

лодки. Но особенно трудно было отыскать тот единственный проток, который соединял бухту с Сент-Джонсом. Мулат никак не мог обнаружить брешь, проделанную их лодкой в зарослях тростника, сквозь которую они совсем недавно проникли в лагуну. К счастью, начался отлив, и убывающая вода сама увлекала за собою их легкое суденышко. Через три часа, быстро проплыв расстояние в двадцать миль между Черной бухтой и плантацией, Джилберт и Марс высадились на пристани Кэмдлес-Бея.

В Касл-Хаусе их ждали с нетерпением и не расходились по своим комнатам. Продолжительное отсутствие Марса и Джилберта всех тревожило. Обычно они возвращались к вечеру. Что же случилось с ними? Быть может, они напали на какой-нибудь след, который приведет их розыски к желанному концу? Мучительное ожидание! Понятно поэтому, как все бросились навстречу пропавшим, когда те вошли, наконец, в холл.

— Ну что, Джилберт? — обратился Джеймс Бербанк к сыну.

— Алиса права, отец, — ответил юноша. — Сестру и Зерму действительно похитил Тексар.

— У тебя есть доказательство?

— Читайте! — И Джилберт подал отцу клочок бумаги, на котором рукою мулатки было нацарапано несколько слов. — Сомнения нет, это испанец! — продолжал молодой офицер. — Он или его приспешники упрятали их в старый блокгауз Черной бухты. Там и было его тайное убежище. Зерма поручила одному из невольников передать нам эту записку. Но несчастный, от которого она, вероятно, и узнала, что Тексар собирается перебраться на остров Карнерал, поплатился жизнью за то, что согласился исполнить ее поручение. Мы нашли его умирающим от раны, нанесенной ему Тексаром, и оставили на острове мертвым. Правда, Зермы и Ди уже нет в Черной бухте, но мы знаем по крайней мере, в какую часть Флориды их увезли. Искать их надо в Эверглейдсе. Туда, отец, мы и должны завтра же отправиться...

— Мы готовы, Джилберт.

— Итак, до завтра!

В Касл-Хаус вернулась надежда. Теперь уже не придется блуждать наудачу. Миссис Бербанк, которой сообщили эту новость, воспрянула духом. Она даже встала с постели, чтобы, преклонив колени, возблагодарить бога.

По свидетельству самой Зермы именно Тексар руководил похищением в бухте Марино. Именно его видела Алиса на удалявшейся лодке. Но как же согласовать этот факт с тем, что Тексару удалось доказать на суде? Как мог он, пленник, находившийся на одном из кораблей федералистов, совершить в то же время преступление в бухте Марино? Его очередное алиби было несомненно ложным, как, впрочем, и все прежние. Но в чем же здесь все-таки дело? Удастся ли когда-нибудь открыть тайну этой вездесущности Тексара?

В конце концов это и не так важно. Достаточно уже было знать, что мулатку и девочку увезли сперва в блокгауз Черной бухты, а оттуда на остров Карнерал. Там следовало их искать, там же следовало захватить и Тексара. Теперь испанцу не избежать кары, давно заслуженной им за все его преступления.

Нельзя было терять ни единого дня. От Кэмдлес-Бей до Эверглейдса расстояние немалое, так что на дорогу туда требовалось по крайней мере несколько дней. Хорошо еще, что Джеймс Бербанк заранее позаботился снарядить экспедицию, и она могла двинуться в путь в любую минуту.

Что касается острова Карнерал, то по картам Флориды он находится на озере Окичоби.

Эверглейдс — болотистая страна, расположенная в южной части Флориды, несколько южнее двадцать седьмой параллели и простирающаяся вплоть до этого озера. От Джэксонвилла до него считается около четырехсот миль. Местность за озером была в те времена глухой и почти совершенно безлюдной.

Если бы Сент-Джонс был всегда судоходен до самых своих истоков, путешествие в Эверглейдс не представляло бы особой трудности, но в это время года по реке можно было проплыть, вероятно, не более ста семи миль, то есть только до озера Джорджа. За озером,

вверх по течению, русло реки поросло травами, запружено массой островков, мелководно, местами совсем пересыхает, и нагруженной лодке здесь нелегко проплыть. А между тем, если бы можно было подняться по Сент-Джонсу до озера Вашингтона, приблизительно до двадцать восьмого градуса северной широты на траверсе мыса Малабар, — на сколько же сократился бы путь! Но рассчитывать на это не приходилось. Нужно было готовиться к переходу в двести пятьдесят миль по почти необитаемой местности, где не раздобыть ни средств передвижения, ни всего необходимого для экспедиции, которая должна быть проведена в кратчайший срок. Однако, готовясь в путь, Джеймс Бербанк все это тщательно предусмотрел.

На другой день, 20 марта, участники экспедиции собрались на пристани. С тяжелым сердцем простились Джеймс Бербанк и Джилберт с миссис Бербанк, которая была еще слаба и не покидала своей комнаты. Алиса, мистер Стэннارد и все помощники управляющего провожали их. Даже Пиг пришел проститься с Пэрри, к которому очень привязался за последнее время. Он не забыл его наставлений о том, что свобода может оказаться помехой для того, кто еще не созрел для нее.

Состав экспедиции был следующий: Джеймс Бербанк, его шурин Эдвард Кэррол, уже оправившийся от раны, Джилберт, управляющий Пэрри, Марс и двенадцать человек из числа самых преданных и храбрых негров — всего, стало быть, семнадцать человек.

Править лодкой, пока возможно плыть по реке, должен был Марс, хорошо знакомый с руслом Сент-Джонса как до озера Джорджа, так и за ним. На весла предполагалось посадить негров, сильных и искусных гребцов.

Лодка — одна из самых больших в Кэмдлес-Бее — была оснащена парусом, позволявшим ей плыть и при попутном и при боковом ветре по самому извилистому фарватеру. На ней было достаточно оружия и боевых припасов, чтобы Джеймс Бербанк со своим отрядом мог дать отпор как шайкам семинолов, кочующим по Южной Флориде, так и банде Тексара, если за испанцем ушла часть его сторонников. Следовало предусмотреть

и такую возможность, ибо она могла помешать успеху дела.

Наступил момент прощания.

Джилберт поцеловал Алису, а мистер Бербанк обнял ее так нежно, словно она уже была его дочерью.

— Отец... Джилберт, — говорила она, — смотрите же, привезите нашу маленькую Ди. Привезите мою сестричку.

— Да, да, Алиса, дорогая, — отвечал молодой офицер, — мы привезем ее, привезем с божьей помощью!

Лодка отчалила от пристани. Провожающие — Стэннард, Алиса, помощники управляющего и Пиг — все еще махали ей вслед, когда, подгоняемая северо-восточным ветром и подхваченная начавшимся приливом, она уже скрылась за мысом бухты Марино.

Было около шести часов утра. Час спустя лодка миновала селение Мандарен, а к десяти часам, идя только под парусом, поравнялась со входом в Черную бухту.

Как сильно забились сердца у всех, кто был в лодке, когда, плывя вдоль левого берега, они проезжали мимо протока в лагуну, через который прилив гнал сейчас воду от устья реки. И немудрено: ведь за этими зарослями камыша, тростника и тропических деревьев еще совсем недавно томились Зерма и Ди. Именно здесь Тексар и его сообщники так ловко скрыли похищенных, что в течение двух недель невозможно было напасть на их след. Сколько раз Джеймс Бербанк и Стэннард, а позже Джилберт и Марс подымались по Сент-Джонсу до этой лагуны, не подозревая даже, что забытый блонгауз служит для Зермы и Ди темницей!

Но на этот раз останавливаться тут уже было не к чему. Искать пленниц следовало теперь на несколько сот миль южнее — и лодка миновала Черную бухту, не задерживаясь.

Позавтракали все вместе. Трехнедельный запас провианта был сложен в ящики, захвачены были и мешки на тот случай, если бы пришлось двигаться по суше. Для ночлега и отдыха в густых прибрежных лесах отряд имел при себе все необходимое для лагерной стоянки.

В одиннадцать часов начался отлив, и хотя ветер по-прежнему оставался попутным, пришлось все же взяться за весла, чтобы не сбавлять скорости. Теперь принялись за дело негры, и усилиями десяти мощных гребцов лодка продолжала быстро подыматься вверх по течению.

Марс молча сидел у руля, умелою рукою направляя лодку и лавируя среди многочисленных островов и островков. Он уверенно вел ее в те рукава и протоки, где встречное течение было менее сильным, он ни разу не ошибся в выборе пути, ни разу не посадил лодку на мель. Русло реки вплоть до озера Джорджа было ему так же хорошо знакомо, как все изгибы и излуины Сент-Джонса ниже Джэксонвилла, и лодку он направлял с той же уверенностью, с которой провел канонерки Стивенса над песчаной отмелью.

В этой части река была почти совершенно пустынной. Со времени взятия Джэксонвилла обычное сообщение по Сент-Джонсу между городом и прибрежными плантациями прекратилось. Если изредка и встречалось какое-нибудь небольшое судно, то разве что шлюпка северян или лодка, посланная для связи между капитаном Стивенсом и его канонерками. Дальше, за Пиколатой, не приходилось рассчитывать даже и на эти редкие встречи.

В Пиколату прибыли около шести часов вечера. На пристани стоял отряд федеральных войск. Лодку окликнули и подозвали к берегу. Джилберт Бербанк назвал себя, предъявил пропуск, выданный ему капитаном Стивенсом, и офицер беспрепятственно пропустил отряд Бербанка.

Остановка отняла немного времени. Так как уже начинался прилив, весла были убраны, и лодка стремительно понеслась вперед между поросшими густым лесом берегами. Несколькими милями выше Пиколаты, на левом берегу Сент-Джонса, болота сменяются лесами. По правому же берегу леса эти, густые, дремучие, бескрайние, тянутся до самого озера Джорджа и еще далеко за ним. Правда, здесь они до самого берега не доходят, так что вдоль реки остается широкая полоса возделанной земли. Обширные рисовые поля, планта-

ции сахарного тростника, индиго и хлопка лишней раз свидетельствуют о плодородии земель Флориды.

В начале седьмого часа за излучиной реки скрылась из вида красноватая башня старинного и давно заброшенного испанского форта, возвышающаяся над вершинами прибрежных пальм.

— Марс, ты не побоишься плыть по Сент-Джонсу ночью? — обратился к мулату Джемс Бербанк.

— Нисколько, мистер Джемс, — ответил Марс. — До озера Джорджа я за себя ручаюсь, а там — посмотрим. Да и нельзя терять времени, надо воспользоваться приливом. Ведь чем дальше мы будем подыматься по реке, тем он станет слабее. Я предлагаю не делать остановки даже на ночь.

Предложение Марса диктовалось, конечно, необходимостью, но если он брался вести лодку, на него можно было положиться. Раскаиваться в этом действительно не пришлось.

Всю ночь лодка легко и быстро подымалась вверх по реке. Сперва ее несло приливом. Потом негры снова взяли за весла, и им удалось проплыть еще около пятнадцати миль к югу.

Ни в эту ночь, ни на следующие сутки остановок не делали. Ничего примечательного за это время не случилось. Верховья реки казались совершенно пустынными. Лодка плыла как бы среди нескончаемого леса. Ветви старых кедров, сплетаясь местами над рекой, образовали густые зеленые своды. Не видно было никаких селений, лишь кое-где попадались плантации или одинокие хижины. Прибрежные земли были здесь совершенно бесплодны и не привлекали колонистов.

Рано утром 23 марта река вдруг разлилась широким озером; бесконечные леса тут отступали, обнажив его берега. За этим водным простором открывалась широкая равнина с убегающим вдаль горизонтом.

Это и было озеро Джорджа, через которое с юга на север протекает Сент-Джонс, питаемая отчасти его водами.

— Да, это озеро Джорджа, — сказал Марс. — Однажды я уже побывал здесь с экспедицией, обследовавшей верховья реки.

— Сколько же отсюда до Кэмдлес-Бея? — поинтересовался Джеймс Бербанк.

— Я думаю, около сотни миль, — ответил Марс.

— Стало быть, мы не сделали еще и трети пути до Эверглейдса, — заметил Эдвард Кэррол.

— А что нам дальше предпринять, Марс? — спросил Джилберт. — Бросать здесь лодку и идти пешком по берегу — не имеет смысла: это и утомительно и слишком долго. Не лучше ли пересечь озеро и продолжать плыть по реке, пока возможно? Думаю, что стоит попробовать: высадиться на берег мы всегда успеем. Как ты полагаешь?

— Хорошо, мистер Джилберт, можно попробовать, — согласился Марс.

Пожалуй, действительно это был самый лучший выход. Плыть по реке значительно легче и быстрее, чем идти пешком.

И лодка устремилась по озеру Джорджа вдоль его восточного берега.

Низменные берега этого озера гораздо беднее растительностью, чем берега реки. Вокруг простираются необозримые болота. Там, где почва повыше, они покрыты кочками, поросшими темным лишайником и мхом; кое-где виднеются лиловатые пятна, образуемые мириадами мелких грибков. Ступать по такой предательской трясине очень опасно, ибо нога пешехода вязнет в зыбкой почве. И если бы Джеймс Бербанк и его спутники вынуждены были идти пешком через эту часть Флориды, путешествие стоило бы им неимоверного труда, потребовало бы длительных остановок, а быть может, им и вовсе пришлось бы вернуться обратно. Безнаказанно расхаживать здесь могли только болотные птицы, по большей части перепончатопалые — чирки, дикие утки и кулики, которых тут множество. В случае надобности в этих местах легко было бы пополнить запас провианта. Однако серьезной помехой для охоты служат ядовитые змеи, кишашие среди болотных водорослей, откуда доносится их пронзительный свист. С пресмыкающимися, правда, ведут беспощадную войну стаи белых пеликанов, кото-

рые в огромном количестве водятся на унылых берегах озера Джорджа.

Лодка между тем стремительно неслась к югу; сильный северный ветер надувал ее парус и гнал вперед. Весь день ни разу не пришлось братья за весла. Так без малейшего труда удалось пройти все тридцать миль, составляющие длину озера с севера на юг. Около шести часов вечера лодка пристала к берегу у того места, где Сент-Джонс впадает в озеро Джорджа.

Здесь находилось маленькое селение — всего три-четыре хижины. Поэтому решено было сделать получасовую остановку, чтобы попытаться получить необходимые сведения. Жители селения — флоридцы, не слишком склонные к оседлой жизни, — промышляли главным образом охотой и рыбной ловлей. По совету Эдварда Кэррола решено было разузнать, не появлялся ли в этих краях Тексар. Спросили одного из обитателей селения, не приметил ли он на этих днях лодку, которая направлялась по озеру Джорджа в сторону озера Вашингтона? В лодке должно было находиться человек восемь и среди них женщина-мулатка с маленькой белой девочкой.

— Два дня тому назад такая лодка здесь действительно проходила, — подтвердил он.

— Она у вас тут останавливалась? — спросил Джилберт.

— Нет, люди, сидевшие в ней, видимо, очень торопились поскорее добраться до верховьев реки. В числе других пассажиров я очень ясно видел мулатку с ребенком на руках.

— Друзья мои, хорошие вести! — вскричал Джилберт. — Мы напали на след Тексара!

— Да, — сказал Джеймс Бербанк, — он опередил нас всего лишь на двое суток, не более. Если нам удастся плыть в лодке еще несколько дней, — мы их догоним.

— Вы хорошо знаете фарватер Сент-Джонса выше озера Джорджа? — спросил обитателя деревни Эдуард Кэррол.

— Да, сударь, мне случалось подыматься вверх по реке миль на сто отсюда, — ответил флоридец.

— Как вы думаете, сможем ли мы там проплыть на нашей лодке?

— А глубоко ли она сидит в воде?

— Фута на три, — сказал Марс.

— На три фута? — повторил флоридец. — Ну что ж, местами она будет почти касаться дна. Однако если тщательно измерять глубину, то вы, я думаю, благополучно доберетесь до самого озера Вашингтона.

— А далеко ли будет оттуда до озера Окичоби? — спросил Кэррол.

— Около полутораста миль.

— Спасибо, друг мой.

— Скорее в лодку, и будем плыть, куда можно! — воскликнул Джилберт.

Путники заняли свои места. Ветер понемногу стих, и погому пришлось идти на веслах мимо все более и более сближавшихся берегов. До ночи успели пройти еще несколько миль к югу. Об остановке на ночлег никто и не помышлял: спать можно было и в лодке. Ярко светила почти полная луна. В такую погоду плыть было нетрудно. Теперь Джилберт взялся за руль, а Марс, стоя на носу лодки, длинным шестом беспрестанно измерял глубину фарватера и указывал направление. Впрочем, глубина реки куда была достаточной, и за всю ночь лодка задела дно не более пяти-шести раз. К утру, когда взошло солнце, Джилберт высчитал, что за ночь ими пройдено около пятнадцати миль.

Как было бы хорошо, если бы Джеймсу Бербанку и его спутникам удалось проплыть в лодке почти до самой цели!

Однако уже вскоре они столкнулись с некоторыми затруднениями. Русло реки становилось все более извилистым, чаще приходилось огибать песчаные отмели и мысы, образуемые ее берегами, — все это удлиняло путь и задерживало путешественников. Хотя попрежнему дул попутный ветер, пользоваться им удавалось не всегда, потому что то и дело нужно было поворачивать лодку. Впрочем, негры усердно налегали на весла, стараясь наверстать потерянное время.

Кое-какие особенности, свойственные верховьям Сент-Джонса, также создавали помехи. Это были плодущие острова — скопление буйно разросшейся писти, растения, которое некоторые исследователи Сент-Джонса справедливо сравнивают с гигантским салатом-латуком, распластавшим свои листья на поверхности воды. Этот зеленый ковер настолько плотен, что цапли могут расхаживать по нему совершенно свободно, но лодке угрожала опасность запутаться в сплошной массе водорослей, выбраться из которой было не так-то просто. И как только эти растения стали попадаться на пути, Марс всячески старался избежать их.

Берега реки снова покрылись густыми лесами. Но то были уже не бесконечные кедры, корни которых омываются водами Сент-Джонса в его нижнем течении. Здесь на пропитанных влагой землях росли гигантские сосны, высотой до полутораста футов, — разновидность южной сосны. Почва в лесу настолько зыбка, что пешеходу порою трудно удержаться на ногах. Маленькому отряду Бербанка, к счастью, не пришлось испытать эти затруднения: он продолжал плыть по Сент-Джонсу через южные области Флориды.

День прошел благополучно, ночь тоже. Река по-прежнему оставалась пустынной: ни встречной лодки, ни хижины на ее берегах. Впрочем, путники не сожалели об этом: в этих глухих местах лучше было ни с кем не сталкиваться, ибо лесные бродяги, охотники и всяческие проходимцы — народ по меньшей мере подозрительный.

Следовало опасаться также и встречи с отрядами милиции из Джэксонвилла или Сент-Огастина, бежавшими на юг от Дюпона и Стивенса. Подобной встречи приходилось особенно избегать потому, что в этих отрядах несомненно находились и сторонники Тексара, готовые мстить Джеймсу и Джилберту Бербанку. Встреча с ними грозила вооруженным столкновением, а Джеймсу Бербанку следовало побережь силы для стычки с Тексаром на случай, если бы тот отказался вернуть своих пленниц.

Но обстоятельства благоприятствовали Бербанку и

его спутникам. К вечеру 25 марта они добрались до озера Вашингтона. Лодке пришлось остановиться не-вдалеке от этой огромной лужи. Река тут настолько узка и мелководна, что плыть по ней дальше на юг было немыслимо.

Однако две трети пути были уже пройдены. Джемс Бербанк со своим отрядом находился всего лишь в ста сорока милях от Эверглейдса.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Кипарисовый лес

Озеро Вашингтона — одно из самых мелководных и незначительных озер Южной Флориды. Длина его не превышает десяти миль, а неглубокое дно, засоренное травами, которые течение отрывает от пловучих островов, буквально кишит змеями, и плавать по озеру опасно. Вот почему оно так же пустынно, как и его берега. Ни охотиться, ни заниматься рыболовством здесь невозможно, и лодки из Сент-Джонса заходят сюда очень редко.

За озером русло реки снова поворачивает к югу. Сент-Джонс здесь просто небольшой ручей, берущий начало тридцатью милями южнее, между 28⁰ и 27⁰ северной широты. Тут он уже совершенно несудоходен, и Джемсу Бербанку, к его величайшему сожалению, пришлось продолжать путь по суше, по труднопроходимой, большей частью болотистой местности, через нескончаемые леса со множеством топких оврагов и мелких речушек, крайне затруднявших движение пешеходов.

Пристали к берегу. Оружие и тюки с провиантом распределили между неграми. Это был народ крепкий, и такая поклажа его не слишком обременяла. Все было заранее рассчитано, и задержек опасаться не приходилось. Для устройства лагерной стоянки также требовалось не более нескольких минут.

Прежде всего Джилберт с помощью Марса постарался как можно надежнее спрятать лодку, чтобы она

не попалась на глаза флоридцам или семинолам, если бы им вздумалось забрести на берега озера Вашингтона. Ее следовало сберечь и на ней же вернуться обратно.

Сняв предварительно мачту, лодку легко было спрятать в укромном местечке под нависшими густыми ветвями среди гигантских камышей, которыми поросли берега озера. Хорошо скрытая в зелени, она была совершенно незаметна с берега.

Вероятно, так же поступили и с другой лодкой, с той, на которой везли Зерму и Ди и которую так настойчиво искал Джилберт. Тексар тоже, конечно, не мог плыть дальше по реке и вынужден был оставить свою лодку где-то здесь поблизости. То, к чему прибегнул теперь Джеймс Бербанк, должен был в свое время сделать и испанец. Поэтому лодку его разыскивали тщательнейшим образом до самого наступления темноты. Найдись она — это послужило бы неопровержимым доказательством того, что Тексар действительно плыл по реке до озера Вашингтона.

Однако поиски оказались тщетными: может быть, потому, что лодку искали на сравнительно небольшом пространстве, а возможно, и потому, что испанец не помышлял о возвращении и просто-напросто ее уничтожил.

Каким мучительным для пленниц был, вероятно, путь от озера Вашингтона до Эверглейдских болот! Мулатка несла, конечно, девочку на руках, терпела брань и побои, не поспевая за мужчинами, привычными к большим и трудным переходам; она спотыкалась и падала, стараясь уберечь при этом ребенка и забывая о себе. Эта печальная картина рисовалась каждому... При мысли о том, сколько страданий должна была вынести его жена, Марс, бледнея от бешенства, твердил: — Я убью Тексара!

Добраться бы только поскорее до острова Карнерал и захватить злодея, причинившего так много зла семье Бербанка и похитившего у него, Марса, его жену Зерму!

Привал для ночлега был устроен на небольшом мысе на северном берегу озера. Пускаться в путь

ночью по незнакомой местности было опасно, и, посоветовавшись, путники решили дождаться рассвета. В густом лесу легко заблудиться, а потому рисковать не стоило.

Ночь прошла благополучно. В четыре часа, едва забрезжило утро, был дан сигнал к выступлению. Чтобы нести вещи, хватало и половины негров, так что они могли сменять друг друга.

Все члены экспедиции, не исключая и негров, были вооружены карабинами Минье, которые заряжаются одной пулей и четырьмя картечными патронами, а также имели при себе револьверы Кольта, получившие широкое распространение с начала междоусобной войны. При таком вооружении можно было дать отпор отряду семинолов человек в шестьдесят, а в случае необходимости атаковать и Тексара, будь с ним даже такое же количество сторонников.

Решено было держаться возможно ближе к берегу Сент-Джонса. Река текла с юга от озера Окичоби, извиваясь тонкой нитью по бесконечному лабиринту лесов. Чтобы не сбиться с пути, достаточно было идти берегом. Путники так и поступили.

Это оказалось довольно легко. Вдоль правого берега реки вился какой-то след, напоминавший тропинку, словно здесь к ее верховьям тянули волоком небольшую лодку. Отряд шел быстро, Джилберт и Марс — впереди, Джемс Бербанк и Эдвард Кэррол — сзади; управляющий Пэрри шел вместе с неграми, которые, сменяясь через каждый час, несли поклажу.

Перед отправлением в путь наскоро закусили. Решено было строго придерживаться такого распорядка: в полдень — обед, в шесть часов вечера — ужин, после ужина — снова в путь, а если станет так темно, что нельзя будет двигаться дальше, — короткий привал.

Сперва пришлось идти вдоль восточного берега озера Вашингтона, берега довольно низкого и очень топкого. Потом потянулись леса, сначала довольно редкие и небольшие, что зависело от породы самих деревьев.

Тут росли мелколистные кампешевые деревья с гроздьями желтых ягод, из коричневатой сердцевины которых добывается краска; росли тут и мексиканские вязы и гвазумы с пучками белых цветов, широко применяемых для различных домашних надобностей и, в частности, как утверждают, для лечения самого упорного насморка. Попадались кое-где также хинные деревья, но здесь они напоминали скорее кустарник, тогда как у себя на родине, в Перу, это действительно великолепные большие деревья. Яркие цветы горечавки, амариллиса, ласточника, тонкие стебли которого идут на производство тканей, образовали пестрые клумбы, которых никогда не касалась рука искусного садовника. Как утверждает один из самых компетентных исследователей Флориды¹, цветы всех этих растений, «желтые или белые в Европе, приобретают в Америке разнообразнейшие красные оттенки — от нежнорозового до пурпурного».

К вечеру вся эта растительность сменилась кипарисами, которые тянутся уже до самого Эверглейдса.

За день пройдено было около двадцати миль. Джилберт поинтересовался, не устали ли его спутники.

— Мы готовы хоть сейчас идти дальше, — ответил за всех один из негров.

— А не заблудимся ли мы ночью? — заметил Эдвард Кэррол.

— Ни в коем случае, — заверил Марс, — ведь мы попрежнему будем держаться берега Сент-Джонса.

— К тому же ночь ожидается светлая, — прибавил молодой Бербанк. — Небо совершенно безоблачно. В девять часов взойдет луна и будет светить нам до самого утра. Да и ветви у кипарисов довольно редкие, так что в кипарисовом лесу гораздо светлее, нежели в любом другом.

Итак, решено было двинуться дальше. Пробыв в пути почти всю ночь, утром отряд решил отдохнуть

¹ Пуссельг; скончался, к сожалению, не завершив своей экспедиции. (Прим. автора.)

и позавтракать под одним из гигантских кипарисов, которыми изобилуют леса в этой части Флориды.

Тому, кто никогда не видал этих чудес природы, представить их себе очень трудно. Вообразите зеленеющий луг, раскинувшийся на высоте более ста футов над землей и поддерживаемый прямыми, словно точеными стволами, луг, по которому вас так и манит пройти. Внизу болотистая и топкая земля, она всегда покрыта водой, ибо жочва уже не впитывает влаги. Здесь кишмя кишат змеи, лягушки, черепахи, жабы, ящерицы, скорпионы, пауки и всевозможные виды болотной птицы. Выше, словно падучие звезды, проносятся золотистые иволги, резвятся среди ветвей белки, и болтливые попугаи наполняют лес своим оглушительным гомоном. Диковинная, но труднодоступная для исследователя страна!

Идти здесь приходилось с большой опаской. Пешеход рискует увязнуть по самое горло в бесчисленных рывтинах. Однако при свете луны, пробивавшемся сквозь ветви деревьев, удавалось все-таки кое-как двигаться вперед.

Река служила надежным ориентиром, и это было весьма кстати, ибо в кипарисовом лесу все деревья схожи между собою: их могучие длинные корни буграми выпирают из почвы, а дуплистые, изогнутые у земли стволы стройными колоннами подымаются метров на двадцать ввысь — точь-в-точь как исполинские зонты с шероховатой ручкой и зеленым верхом, не спасающие, впрочем, ни от дождя, ни от солнца.

Ранним утром отряд Бербанка вступил под сень этих деревьев. Погода стояла великолепная. Ничто не предвещало грозы, которая обратила бы почву в сплошное месиво. Дорогу все же следовало выбирать осмотрительно, чтобы не угодить в заболоченный овраг. Вдоль правого, более крутого берега Сент-Джонса идти, к счастью, было несколько легче, и если бы не впадающие в реку ручьи, которые приходилось огибать или переходить вброд, задержки в пути были бы совсем ничтожны.

За весь этот день не удалось обнаружить никаких следов южан, семинолов или шайки Тексара. Испанец,

возможно, шел левым берегом реки. Впрочем, это не имело никакого значения. До той низменной части Флориды, о которой говорилось в записке Зермы, можно было добраться как правым, так и левым берегом Сент-Джонса.

С наступлением темноты путники сделали шестичасовой привал. Остальную часть ночи они продолжали быстро двигаться вперед. Отряд шел в полном молчании по уснувшему лесу. Древесный свод был неподвижен. При свете ущербленной луны узорчатой сетью ложились на землю тени ветвей. Чуть слышно журчала река, медленно катившая свои воды по этой почти плоской равнине. Здесь было так мелко, что перебраться на другой берег не составило бы никакого труда.

На следующее утро, после двухчасового отдыха, маленький отряд снова двинулся на юг. Но в этот день должна была прерваться — вернее, окончиться — та путеводная нить, которая вела его до сих пор. И действительно, Сент-Джонс, обратившийся уже в тонкую струйку воды, совсем исчез в гуще хинных деревьев, которые он питает своею влагой. А дальше — горизонт с трех сторон был скрыт кипарисовым лесом.

Здесь отряд обнаружил кладбище, где по туземным обычаям хоронили негров, принявших христианство и оставшихся до гроба верными католической религии. Кое-где среди деревьев над могильными холмиками виднелись простые деревянные или каменные кресты. Попадались и воздушные склепы: укрепленные на ветвях и колеблемые ветром деревянные помосты со скелетами.

— Кладбище должно, повидимому, указывать на близость селения... — заметил Эдвард Кэррол.

— Которое, вероятно, уже исчезло с лица земли, — вставил Джилберт, — ибо на наших картах оно не обозначено. Такое исчезновение целых селений в Южной Флориде не редкость: иной раз жители сами покидают деревни, а иногда виною тому бывают индейцы.

— Как же нам теперь быть, Джилберт? — обратился к сыну Джеймс Бербанк. — Сент-Джонс уже не может служить для нас ориентиром?

— Будем двигаться по компасу. С ним мы и в самом дремучем лесу не заблудимся.

— Ну так в путь! И да поможет нам бог! — вскричал Марс, которому во время остановок всегда не терпелось двинуться дальше.

В полумиле за негритянским кладбищем отряд снова вступил под зеленые своды и по компасу взял курс прямо на юг.

В течение первой половины дня не случилось ничего примечательного. Пока что экспедиция не столкнулась ни с единым препятствием, но так ли будет и в дальнейшем? Удастся ли ей достигнуть цели, или же семейство Бербанков обречено на безнадежное отчаяние? Не отыскать ребенка и Зерму, зная, что им приходится терпеть муки и оскорбления, и не быть в силах помочь им, — разве это не бесконечная пытка?

Около полудня сделали привал. Джилберт, все время подсчитывавший, сколько уже пройдено, полагал, что до озера Окичоби оставалось не более пятидесяти миль. После отъезда экспедиции из Кэмдлес-Бея прошло восемь дней, и за это время отряд Бербанка сделал более трехсот миль — быстрота необычайная. Правда, до сих пор он не встретил на пути никаких серьезных помех: экспедиция благополучно поднялась по реке до самого ее верховья, а путь по кипарисовому лесу тоже не представлял больших трудностей. Погода была превосходная: не было ливней, которые могли бы затруднить плавание по Сент-Джонсу и превратили бы его берега в непроходимое болото. Стояли к тому же светлые лунные ночи — все как нельзя более благоприятствовало путешествию и путешественникам.

Теперь до острова Карнерал оставалось уже сравнительно немного. Восьмидневный стремительный переход закалил участников экспедиции настолько, что оставшееся расстояние они рассчитывали пройти за

двое суток. А там наступит и развязка, которую невозможно было, разумеется, предвидеть заранее.

Хотя до сих пор им сопутствовала удача, Джемс Бербанк и его товарищи могли опасаться все же, что во вторую половину дня они столкнутся с непреодолимыми трудностями.

В полдень путники позавтракали и, передохнув, двинулись дальше. Характер местности не изменился: все те же болота, те же топкие овраги и ручейки. Их приходилось либо обходить, либо переправляться через них вброд. Но все это не слишком удлиняло путь.

Однако около четырех часов дня Марс неожиданно остановился. Дождавшись своих спутников, он указал им на отпечатки человеческих ног на топкой почве.

— Нет никакого сомнения, что недавно здесь прошел какой-то отряд, — сказал Джемс Бербанк.

— И притом довольно многочисленный, — добавил Эдвард Кэррол.

— Откуда и куда ведут эти следы? — спросил Джилберт. — Необходимо это выяснить прежде, чем принимать какое-либо решение.

Все стали внимательно рассматривать следы. Они тянулись ярдов на пятьсот к востоку. Несомненно, они шли и дальше, но продолжать изучение казалось излишним. Направление их давало возможность установить, что какой-то отряд, численностью от ста пятидесяти до двухсот человек, двигаясь от побережья Атлантического океана, проходил в этой части леса. На запад следы шли, повидимому, в сторону Мексиканского залива, пересекая таким образом полуостров Флориду, который имеет на этой параллели не более двухсот миль в ширину. Удалось также установить, что неизвестный отряд делал привал как раз на том месте, где находились теперь Джемс Бербанк и его спутники.

Предупредив своих товарищей, чтобы они были наготове, Джилберт и Марс углубились в лес и, пройдя с четверть мили влево, определили, что далее следы ведут прямо на юг.

Вернувшись обратно, Джилберт высказал свои предположения.

— Впереди нас прошел довольно многочисленный отряд. Он движется как раз в том же направлении, что и мы, от озера Вашингтона. Эти люди вооружены огнестрельным оружием: мы видели на земле пустые патронные гильзы. Вероятно, патронами они разжигали костры. От костров осталась одна зола. Что это за люди — я не знаю. Ясно лишь, что их много и что они направляются к Эверглейдсу.

— Может быть, это семинолы-кочевники? — высказал предположение Эдвард Кэррол.

— Нет, — ответил Марс. — Судя по следам, это американцы.

— Быть может, солдаты флоридской милиции? — спросил Бербанк.

— Боюсь, что именно так, — сказал Пэрри. — Их как будто бы слишком много, так что вряд ли это банда Тексара...

— А если к испанцу присоединились его сторонники? — спросил Эдвард Кэррол. — Тогда их может оказаться несколько сот человек.

— Против семнадцати!.. — вставил управляющий.

— Не беда! — воскликнул Джилберт. — Ведь никто из нас не отступит, если они вздумают напасть на нас или если нам самим придется атаковать их.

— Никто!.. Никто! — горячо откликнулись отважные спутники молодого офицера.

Их порыв был вполне искренним. Однако по зрелом размышлении становилось ясно, что подобное столкновение ничего хорошего не сулит. И хотя такая мысль мелькнула, вероятно, у каждого, никто не проявил малодушия.

Конечно, досадно было — почти у самой цели наткнуться на препятствие, да еще на какое! Целый отряд южан, быть может даже сторонников Тексара, спешивший на соединение с испанцем в Эверглейдс, чтобы, дождавшись там удобного момента, снова вернуться в Северную Флориду!

Да, именно этого и следовало опасаться. Все это понимали. И когда порыв воодушевления прошел, участники экспедиции призадумались и притихли,

вопрошающе глядя на своего юного вожака и ожидая его приказаний.

Джилберт на мгновение поддался общему настроению, но тут же решительно поднял голову и воскликнул:

— Вперед!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Встреча

Да, надо было идти вперед, однако приняв сперва все меры предосторожности, ибо кто знал, какие опасности подстерегали их. Необходимо было предварительно разведать предстоящий путь, осмотреть лесные дебри и подготовиться ко всяким случайностям.

Путники тщательно проверили свое оружие и привели его в полную боевую готовность. По первому сигналу, сбросив поклажу, все должны были принять участие в обороне. Отряд Бербанка шел в том же порядке. Джилберт и Марс попрежнему впереди, но на некотором расстоянии от всего отряда, чтобы успеть предупредить его в случае опасности. Каждый из участников экспедиции готов был исполнить свой долг, хотя этих храбрых людей угнетала мысль о препятствии, внезапно возникшем на пути к их цели.

Шли они все также быстро, однако решили обойти стороной замеченные следы, чтобы не столкнуться с неизвестным отрядом, направлявшимся к Эверглейдсу. К сожалению, это оказалось довольно трудно: опередивший их отряд отклонялся все время то вправо, то влево от прямой линии — доказательство того, что двигался он как-то неуверенно. И все же основное направление следов неизменно вело к югу.

Прошел еще день. Бербанк и его спутники пока никого не встретили. Они шли довольно быстро и, видимо, уже нагоняли людей, шедших через кипарисовый лес. Об этом свидетельствовали все более и более свежие отпечатки ног на рыхлой почве. Легко было определить, сколько остановок делали эти люди для того, чтобы отдохнуть и поесть, — тогда следы сходились

и расходились в разные стороны, — либо для того, по-видимому, чтобы обсудить, каким путем двигаться дальше.

Джилберт и Марс с напряженным вниманием изучали эти следы, которые могли им открыть многое. И делали они это так же тщательно, как семинолы, умеющие на войне и на охоте искусно пользоваться малейшими следами, оставленными на земле.

В результате этого тщательного изучения Джилберт поделился с отцом своими соображениями.

— Отец, теперь мы можем быть совершенно уверены в том, что в отряде, который идет впереди нас, нет ни Зермы, ни Ди. Поскольку мы не обнаружили отпечатков лошадиных копыт, остается предположить, что Зерма, — если она здесь проходила, — шла, вероятно, пешком, неся Ди на руках. Однако следов женских или детских ног мы также не обнаружили. Что же касается самого отряда, то можно с уверенностью сказать, что он вооружен ружьями: во многих местах на земле видны следы ружейных прикладов. Причем я заметил одну особенность: это ружья того же образца, который принят в морской пехоте. Очевидно, у флоридской милиции точно такие же ружья — другого объяснения не придумаешь. Кроме того, я пришел к весьма прискорбному выводу, что отряд по численности превосходит нас по крайней мере раз в десять. Стало быть, приближаться к нему нужно с величайшей осторожностью.

Оставалось только прислушаться к словам молодого офицера — высказанные им соображения о форме отпечатков и их количестве казались правильными. Ни малютки Ди, ни Зермы в отряде безусловно не было, а значит это не шайка испанца. К тому же у Тексара не могло быть так много хорошо вооруженных людей. Очевидно, большой отряд флоридской милиции направлялся на юг полуострова, то есть как раз к Эверглейдсу, куда Тексар, наверное, успел уже прийти дня два тому назад.

Во всяком случае, подобный отряд представлял серьезную опасность для Джемса Бербанка и его товарищей.

Вечером сделали привал на небольшой поляне, где за несколько часов перед тем, должно быть, останавливался и неизвестный отряд: на поляне еще попадались кое-где груды пепла — остатки горевших недавно костров.

Решено было продолжать путь лишь после того, как совсем стемнеет. Ночь предстояла темная, тучи затянули небо. Тонкий серп луны должен был взойти поздно. Все это позволяло приблизиться к отряду незаметно. Быть может, удастся осторожно обойти его и, прячась в лесной чаще, обогнать, а затем, двигаясь в юго-западном направлении, первыми прийти к озеру Окичоби и острову Карнерал.

В половине девятого тронулись в путь. Марс и Джилберт в качестве разведчиков попрежнему были впереди. Пробираясь в полной тишине, маленький отряд вступил под темные лесные своды. Так они шли часа два, ступая как можно осторожнее, чтобы не обнаружить своего присутствия.

В начале одиннадцатого Джемс Бербанк остановил негров, впереди которых он шел вместе с управляющим. Марс и Джилберт спешили назад к отряду. Все замерли в ожидании.

— Что случилось, Джилберт? — спросил Джемс Бербанк. — Что вы там заметили?

— Лагерь в лесу. Ясно видны костры.

— Далеко отсюда? — спросил Эдвард Кэррол.

— Не более сотни шагов.

— Удалось вам рассмотреть, что там за люди?

— Не удалось, потому что костры уже гаснут, — ответил Джилберт. — Но думаю, мы не ошиблись, полагая, что в отряде этом человек двести.

— Они спят, Джилберт?

— Да, почти все, но там выставлены вооруженные часовые. Мы видели, как они ходят взад и вперед между деревьями.

— Что же нам делать? — обратился Эдвард Кэррол к молодому офицеру.

— Прежде всего надо попытаться разузнать, что это за отряд, — ответил Джилберт, — а уж потом попробовать обойти его.

— Я пойду на разведку, -- вызвался Марс.

— И я с вами, — заявил Пэрри.

— Нет, я сам пойду, — сказал Джилберт. — Тут я не могу ни на кого положиться.

— Джилберт, каждый из нас готов пожертвовать жизнью ради общего дела, — возразил Джемс Бербанк. — Но чтобы произвести разведку и остаться незамеченным, для этого должен пойти один человек.

— Ну что ж, я пойду один.

— Нет, сын мой, я прошу тебя остаться с нами. В разведку пойдет Марс.

— Я готов, господин!

И, не дожидаясь ответа, мулат скрылся в темноте.

Тем временем отряд Бербанка приготовился к обороне. Тюки с поклажей сложили на землю. Носильщики взяли в руки оружие и притаились за стволами кипарисов, готовые по первому же сигналу вновь собраться вместе.

С того места, где находился Джемс Бербанк, лагерной стоянки не было видно. Чтобы увидеть огни уже догоравших костров, следовало приблизиться еще шагов на пятьдесят. Приходилось ожидать возвращения Марса, ибо невозможно было принять решение, не выяснив предварительно всех обстоятельств. В нетерпении Джилберт пошел ему навстречу.

Тем временем мулат, прячась за деревьями, осторожно крался к лагерю. Двигаться, перебегая от дерева к дереву, было безопаснее. Он надеялся подойти поближе к лагерю, как следует разглядеть стоянку, определить количество людей, а главное, к какой партии они принадлежат. Это оказалось довольно трудно, потому что ночь была темная, а костры уже погасли. Пришлось подбираться к самому лагерю. Но у Марса хватило и смелости и сноровки обмануть бдительность часовых. Чтобы легче было двигаться, он не взял с собой ни ружья, ни пистолета. При нем был только топор, которым он и решил защищаться в случае надобности: следовало избегать всякого шума.

Вскоре отважный мулат очутился почти рядом с часовым, который стоял в семи-восьми ярдах от лагеря. Кругом было тихо.

Утомленные долгим и трудным переходом, люди крепко спали. Бодрствовали одни лишь часовые, да и те, видимо, сильно устали, что не ускользнуло от внимания Марса.

Мулат уже несколько минут наблюдал за одним из них. Часовой стоял почти неподвижно, прислонившись к кипарису, и клевал носом. Ружье лежало возле него на земле. Может быть, удастся незаметно проскользнуть за его спиной и подкрасться к спящему лагерю?

Марс тихо приближался к часовому... Вдруг под ногою у мулата хрустнула сухая ветка. Часовой встрепенулся, поднял голову и оглянулся вокруг. Вероятно, он заметил что-то подозрительное: он схватил ружье и прицелился...

Но не успел он выстрелить, как Марс вырвал направленное на него ружье и, зажав часовому рот своей широкой ладонью, повалил его на землю.

Еще мгновение — и Марс, заткнув ему рот платком, несмотря на отчаянное сопротивление часового, связал его, взвалил на свои могучие плечи и потащил на поляну, где остался Джемс Бербанк со своим отрядом.

Другие часовые ничего не заметили: видимо, они караулили лагерь не слишком старательно.

Через несколько минут Марс был уже на поляне. Связанного часового он положил перед Джилбертом.

Негры мигом столпились вокруг Джемса Бербанка, Джилберта, Эдварда Кэррола и Пэрри. Пленный задыхался и сперва не мог произнести ни слова. В темноте невозможно было ни разглядеть его лица, ни определить, действительно ли на нем форма флоридской милиции.

Марс вынул у него изо рта кляп; но пришлось подождать, пока пленный придет в себя, чтобы его допросить.

— На помощь! — крикнул он наконец.

— Молчи! — приказал Джемс Бербанк, удерживая его. — Не бойся, мы тебе зла не желаем.

— Чего вам от меня надо?

— Нам нужно, чтобы ты отвечал правду.

— Это смотря по тому, о чем вы будете спрашивать, — ответил пленный, немного успокоившись. — И прежде всего, за кого вы, за Юг или за Север?

— За Север.

— В таком случае я готов отвечать вам.

Допрос продолжал Джилберт.

— Сколько в твоём отряде людей?

— Около двухсот человек.

— Куда он направляется?

— В Эверглейдс.

— Кто командир?

— Капитан Гауик.

— Как? Неужели капитан Гауик с корабля «Уобаш»?! — радостно вскричал Джилберт.

— Он самый.

— Отряд состоит, стало быть, из моряков эскадры commodore Дюпона?

— Да. Мы северяне, федералисты, унионисты и противники рабовладения! — гордо перечислил пленный все названия своей партии — партии, стоящей за правое дело.

Итак, Джемс Бербанк и его спутники встретились не с флоридской милицией, как они предполагали, и не с шайкой Тексара, а с друзьями, товарищами по оружию, поддержка которых была так кстати.

— Ура! Ура! — закричали они так громко, что переположили весь лагерь.

В темноте замелькали факелы. Федералисты сбегались на поляну, навстречу к ним устремились люди из отряда Бербанка. Капитан Гауик, никак не ожидавший встретить молодого лейтенанта на пути в Эверглейдс, крепко жал ему руку.

Долгих объяснений не потребовалось.

— Позвольте мне спросить вас, капитан, — сказал Джилберт, — что привело вас в Южную Флориду?

— Наш отряд, дорогой Джилберт, послан сюда commodore, — ответил капитан Гауик.

— А как вы шли?..

— Из Москито-Инлет через Нью-Смирну.

— С какой же целью вас направили?

— Наша цель — покарать банду южан, заманив-

ших в ловушку две наши шлюпки, и отомстить за смерть наших храбрых товарищей.

И капитан Гауик рассказал о возмутительном случае, который не был известен Джемсу Бербанку, так как произошел он спустя два дня после его отъезда из Кэмдлес-Бая.

Читатель, вероятно, помнит, что коммодор Дюпон был занят в то время организацией надежной блокады побережья. С этой целью его флотилия крейсировала между островом Анастасии, лежащим к югу от Сент-Огастина, и входом в пролив, отделяющий Багамские острова от мыса Сейбл, что на южной оконечности Флориды. Однако коммодору это показалось, как видно, недостаточным, и он решил преследовать лодки южан даже на небольших речках полуострова.

Для этой-то цели и были снаряжены две шлюпки его эскадры с отрядом матросов под командой двух офицеров. Несмотря на свою малочисленность, отважные моряки смело пустились в плаванье по рекам графства.

За действиями федералистов между тем следили шайки южан. Дав шлюпкам углубиться в эту пустынную часть Флориды, — что со стороны северян было большой оплошностью, ибо там кочевали индейцы и скрывались отряды милиции, — они заманили их в засаду близ озера Киссимми, в восьмидесяти милях к западу от мыса Малабар, и напали на них, пользуясь своим численным превосходством. Оба офицера, руководившие этой экспедицией, и почти все матросы погибли; чудом спаслись и добрались до Москито-Инлет лишь несколько человек. Коммодор Дюпон тут же направил экспедицию, чтобы покарать южан за кровавую расправу с федералистами.

Отряд, состоявший на этот раз из двухсот моряков под командой капитана Гауика, высадился в Москито-Инлет. Оттуда капитан Гауик направился в Нью-Смирну, маленький городок, расположенный в нескольких милях от побережья, и, собрав там нужные сведения, двинулся на юго-запад. Он считал, что

виновники катастрофы у озера Киесимми скрываются в Эверглейдсе. Туда капитан и повел свой отряд.

Об этих-то событиях и не знали еще Джемс Бербанк и его спутники, когда в кипарисовом лесу они повстречались с капитаном Гауиком.

В последовавшей затем короткой беседе капитан Гауик и Джилберт выяснили положение вещей и определили план дальнейших действий.

— Во-первых, — сказал Джилберт, — должен вам сообщить, что и мы тоже идем в Эверглейдс.

— Как, и вы? — удивился капитан. — С какой же целью?

— Мы тоже преследуем негодяев, капитан, и хотим их наказать. Цель у нас с вами одна.

— Кто же эти негодяи?

— Прежде чем отвечать, позвольте, капитан, задать вам один вопрос, — сказал Джилберт. — Давно ли вы из Нью-Смирны?

— С неделю.

— Скажите, не встретился ли вам в центральных областях графства отряд южан?

— Нет, Джилберт, — ответил Гауик. — Однако из достоверного источника нам известно, что несколько отрядов милиции скрываются в Южной Флориде.

— А кто главарь отряда, который вы преследуете, вам известно?

— В точности известно, и должен сказать, что, если бы нам удалось его захватить, мистер Бербанк вряд ли был бы на нас за это в претензии.

— Что вы этим хотите сказать? — взволнованно спросил Джемс Бербанк.

— А вот что: во главе отряда стоит тот самый испанец, которого военный суд в Сент-Огастине недавно оправдал за недостатком улик по делу о нападении на Кэмдлес-Бей...

— Тексар?! — вырвалось одновременно у всех присутствовавших. С каким удивлением было произнесено это имя, представить себе нетрудно.

— Как! — вскричал Джилберт. — Тексар стоит во главе банды, которую вы преследуете?

— Он самый! Это он устроил засаду у Киссимми, он был главарем полусотни негодяев, которые учинили кровавую расправу над нашими моряками, а теперь, как нам сказали в Нью-Смирне, он удрал в Эверглейдс.

— А если вам удастся схватить этого мерзавца, что вы с ним сделаете? — спросил Эдвард Кэррол.

— Расстреляем тут же на месте, — ответил капитан Гауик. — Таков категорический приказ коммодора. И можете быть уверены, мистер Бербанк, что приказ этот будет выполнен мною немедленно.

Легко себе представить, какое впечатление произвела эта новость на Джемса Бербанка и его спутников. Они могли быть почти уверены, что с помощью отряда капитана Гауика им удастся освободить Зерму и Ди, а испанец со своими приспешниками будет схвачен и понесет, наконец, заслуженное наказание. Громкое «ура!» разнеслось по лесу, и спутники Бербанка бросились горячо пожимать руки солдатам федеральной морской пехоты.

Джилберт в свою очередь сообщил капитану о причинах, побудивших Бербанка и его отряд отправиться в Эверглейдс. Для них важнее всего было, конечно, освободить мулатку и Ди, увезенных, как это явствовало из записки Зермы, на остров Карнерал. Капитан узнал также, что алиби, на которое ссылался Тексар на суде, было ложным, хотя совершенно непонятно, каким образом испанцу удалось все же его доказать. Поскольку же Тексар виновен не только в похищении, но и в устройстве резни у озера Киссимми, ему вряд ли удастся уйти от ответа за оба эти преступления.

Неожиданная мысль осенила Джемса Бербанка, и он обратился к капитану с вопросом:

— Не можете ли вы сказать мне, когда именно случилась эта история с шляпками?

— Я совершенно точно знаю, что расправу над нашими моряками учинили двадцать второго марта, — ответил капитан Гауик.

— Да, но ведь двадцать второго марта Тексар находился еще в Черной бухте и только собирался ее

покинуть, — возразил Джемс Бербанк. — Как же мог он участвовать в резне, которая произошла за двести миль отсюда, около озера Киссимми?

— Как вы сказали?.. — удивился капитан.

— Я утверждаю, что Тексар не мог стоять во главе банды конфедератов, напавшей на шлюпки!

— Вы ошибаетесь, мистер Бербанк, — возразил капитан. — Испанца хорошо видели матросы, уцелевшие при этой катастрофе. Я сам их расспрашивал: они уверяют, что узнали Тексара, которого хорошо знают в лицо, так как не раз видели его в Сент-Огастине.

— Не может этого быть, капитан, — настаивал Джемс Бербанк. — У меня есть записка Зермы. Из этой записки видно, что двадцать второго марта Тексар находился еще в Черной бухте.

Джилберт слушал молча. Он понимал, что его отец прав. В день катастрофы испанец не мог быть вблизи озера Киссимми.

— В конце концов не все ли равно? — сказал он наконец. — В жизни этого человека так много загадочного, что не к чему ломать себе голову. Двадцать второго марта он был еще в Черной бухте — так пишет Зерма в своей записке, — и в тот же день он находился во главе шайки южан в двухстах милях отсюда — так утверждаете вы, капитан, со слов матросов commodore Дюпона. Не станем об этом спорить. Ясно по крайней мере, что в настоящее время он находится в Эверглейдсе. Стало быть, через двое суток он может быть в наших руках.

— Верно, Джилберт, — согласился капитан Гауик, — и за что бы его ни расстреляли, за учиненную резню или за похищение, расстрелян он будет по заслугам! В путь!

Все это тем не менее было в высшей степени загадочным, как, впрочем, и многие обстоятельства, связанные с жизнью Тексара.

Тут опять было какое-то необъяснимое алиби. Испанец словно действительно обладал способностью раздваиваться.

Раскроется ли, наконец, эта тайна, или нет, сказать было трудно.

Во всяком случае, необходимо было схватить Тексара. И к достижению этой цели решили направить свои усилия моряки капитана Гауика, объединившись с отрядом Джемса Бербанка.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Эверглейдс

Эверглейдс! Что за страшный, но великолепный край! Расположенный на юге Флориды, он тянется до мыса Сейбл, то есть до самой оконечности полуострова. Вся область представляет собой в сущности огромное болото, лежащее почти на одном уровне с океаном. В бурю сюда устремляются воды Атлантики или Мексиканского залива и смешиваются здесь с дождевыми потоками, которые в зимнее время заливают местность. Вот почему Эверглейдс — нечто среднее между сушей и морем и область эта почти необитаема.

Воды окаймлены здесь белыми песками — светлой рамой, оттеняющей множество темных зеркал, в глади которых отражается лишь полет бесчисленных птиц, кружащихся над болотами. Рыба тут не водится, зато змей — великое множество.

Не следует, однако, думать, что Эверглейдс бесплодная пустыня. Нет, на островах, окруженных стоячими водами, природа обретает свои права. Вредоносные испарения словно обезврежены ароматом изумительных цветов. Острова окутаны благоуханием тысячи пышно цветущих растений, которые вполне оправдывают столь поэтическое название полуострова Флориды. В этих-то благодатных оазисах Эверглейдса и укрываются индейцы-кочевники, которые никогда, правда, не задерживаются подолгу на одном месте.

Среди Эверглейдских болот, немного южнее двадцать седьмой параллели, лежит довольно большое озеро Окичоби. В одном из уголков этого озера и нахо-

дится тот самый остров Карнерал — тайное убежище Тексара, куда он скрылся от преследований.

Место вполне достойное Тексара и его шайки! Когда Флорида еще принадлежала испанцам, здесь обычно скрывались бежавшие от правосудия преступники белой расы. Смешавшись с туземцами, сохранившими примесь карибской крови, они, вероятно, и явились родоначальниками тех самых криков, семинолов, индейцев-кочевников, которых удалось в какой-то мере покорить лишь в 1845 году, да и то в результате долгой и кровопролитной войны.

Остров Карнерал должен был, казалось, служить надежным убежищем, хотя с востока лишь узкий пролив отделяет его от суши, если позволительно назвать сушей окружающие озеро болота. Пролив этот имеет около ста футов в ширину, и переправиться через него можно только на лодке. Другого способа нет.

Бежать же с острова вплавь просто немыслимо: илистое дно пролива поросло длинными и цепкими травами, которые кишат ядовитыми гадами.

А дальше подымался кипарисовый лес, в котором никогда не просыхала вода, так что путнику пробираться сквозь него крайне трудно. Впрочем, это было не единственное препятствие. Глинистая почва, подобно клею, облепляла ноги, гигантские стволы повалившихся деревьев преграждали путь, душил невыносимый запах плесени, а вдобавок ко всему еще и ядовитый филактис, который вредоносней чертополоха, и в особенности тысячи исполинских грибов-дождевиков, словно начиненных пироксилином или динамитом. При малейшем прикосновении грибы эти взрываются с оглушительным треском, наполняя воздух красноватым облаком тончайших спор, вызывающих удушье и болезненные волдыри. Этих ядовитых растений следует остерегаться так же, как опаснейших чудовищ животного мира.

Жил Тексар в заброшенном индейском вигваме, скрытом под сенью больших деревьев в восточной части острова. Спрятанный в зелени, он был незаметен даже с ближайшего к нему берега. Две ищейки так же

неусыпно сторожили вигвам, как прежде сторожили блокгауз в Черной бухте. Выдрессированные для охоты за неграми, эти псы растерзали бы всякого, кто бы приблизился к жилищу испанца.

Зерма и Ди находились здесь вот уже два дня. Путешествие в лодке по Сент-Джонсу до озера Вашингтона было сравнительно легким; но дальше, когда пришлось идти кипарисовым лесом, оно стало изнурительным даже для крепких, выносливых мужчин, привычных к этому губительному климату и длинным переходам по лесам и болотам. Нетрудно представить себе, как тяжело приходилось женщине и ребенку! Но у преданной Зермы хватило сил и мужества. Всю дорогу она не спускала с рук малютку Ди, слабые ножки которой не одолели бы таких переходов. Сама Зерма готова была ползком ползти, лишь бы сберечь силы ребенка. Вот почему до острова Карнерал она добралась полумертвой от усталости.

Но как удалось Зерме после всего пережитого не впасть в отчаяние, когда Тексар и Скуамбо силой увезли ее из Черной бухты? Ведь она не подозревала, что ее записка попала в руки Джемса Бербанка; она только знала, что молодой невольник поплатился жизнью за попытку ее спасти. Его смертельно ранили в тот самый момент, когда он пытался бежать с острова, чтобы доставить в Кэмдлес-Бей ее послание, и мулатка была уверена, что никогда Джемсу Бербанку не узнать того, о чем поведал ей несчастный молодой невольник: о намерении Тексара перебраться со своими сообщниками на остров Карнерал. Ну, а если так, значит след похищенных будет навсегда потерян.

У Зермы не оставалось уже и тени надежды. К тому же мулатка слышала столько ужасов об этом страшном крае! Она хорошо знала, что такое Эверглейдс: бежать отсюда невозможно!

А малютка, прибыв на остров, совсем ослабела. Усталость, от которой не смогли ее уберечь все заботы кормилицы, и влияние губительного климата сильно подорвали ее здоровье. Худая, бледная, словно отравленная болотными испарениями, она не в силах была ни говорить, ни двигаться. Она только непрерывно звала

мать. Зерма уже не могла, как в первые дни их пребывания в Черной бухте, успокаивать ее тем, что скоро она увидит мать, что отец, брат, Алиса и Марс вот-вот за ними приедут. Ди быламышленным ребенком, а пережитые ею страшные сцены разгрома плантации сделали ее понятливой не по годам; девочка сознавала, что она похищена из родительского дома и находится в руках злого человека и что, если ее не освободят, ей никогда уже больше не увидеть Кэмдлес-Бея.

Зерма не знала теперь, что и сказать ребенку; несмотря на все ее заботы, бедное дитя чахло и угасало у нее на глазах.

Вигвам Тексара был кое-как построенной лачугой, в зимнее время совершенно непригодной для жилья. Ветер и дождь проникали в него через все щели. Однако летом, — а в этих широтах его приближение уже чувствовалось, — он мог по крайней мере уберечь своих обитателей от солнечного зноя.

Вигвам был разделен на две комнаты: одна из них, узкая и полутемная, не имела выхода наружу. Чтобы попасть в нее, нужно было пройти через другую комнату, довольно просторную, дверь которой выходила прямо на берег пролива.

Зерму и Ди поместили в задней комнате, где имела лишь постель из сухой травы и самая необходимая утварь.

Другую комнату заняли Тексар и индеец Скуамбо, который не расставался со своим господином. В этой комнате стоял стол, заставленный кувшинами с водкой, стаканами и тарелками, какое-то подобие шкафа для хранения съестных припасов и необтесанный обрубок дерева вместо скамьи. Две охапки травы служили постелью. Для приготовления простой пищи вполне достаточно было очага, сложенного из камня и находившегося снаружи. Вся пища состояла из вяленого мяса, дичи, запасы которой легко пополнялись тут же на острове, овощей и фруктов, росших почти в диком виде, — всего этого было как раз довольно, чтобы не умереть с голоду.

Что же касается шестерых негров, которых Тексар

привез из Черной бухты, они, как и оба пса, спали снаружи и вместе с собаками сторожили вигвам. Кровом для них служили только ветви густых деревьев, сплетавшиеся над их головами.

С первого же дня Зерме и Ди позволили свободно ходить по острову. Их не запирали в вигваме, ибо тюрьмою для них служил весь остров Карнерал. За ними следили издалека, да и это, пожалуй, было излишним, потому что переправиться через пролив можно было только на лодке, а ее постоянно сторожил кто-нибудь из негров. Гуляя с девочкой, мулатка очень скоро поняла, как трудно отсюда бежать.

В первый день пребывания на острове Зерма находилась под надзором Скуамбо; Тексара же она ни разу не встречала. Но вечером она услышала его голос. Он о чем-то говорил с индейцем, наказывал ему быть как можно бдительнее. Вскоре в вигваме все, кроме Зермы, заснуло.

Нужно сказать, что до сих пор мулатке не удалось добиться от Тексара ни единого слова. В лодке, по пути к озеру Вашингтона, она несколько раз спрашивала, что он намерен делать с нею и с ребенком; она и умоляла его и грозила ему, но испанец молчал и холодно смотрел на нее своими злыми глазами. Потом, не удостоивая ее ответом, он пожимал плечами, как человек, которому докучают.

Однако Зерма не сдавалась. Прибыв на остров Карнерал, она решила встретиться с Тексаром и вызвать в нем сострадание если не к себе, то хотя бы к несчастному ребенку, а если это не удастся — сыграть на его корыстолюбии.

Случай к тому вскоре представился.

На другой же день, уложив девочку спать, Зерма направилась к проливу.

Там она застала Тексара. Он расхаживал по берегу и вместе с Скуамбо давал какие-то приказания неграм, которые косили в проливе водоросли, мешавшие движению лодки. Двое из негров били при этом пестами по воде, пугая змей, высовывавших свои головы.

Вскоре Скуамбо отошел от хозяина, и тот собирался уже уходить, когда к нему направилась Зерма. Заметив мулатку, Тексар остановился, поджидая ее.

— Тексар, — решительным тоном обратилась к нему Зерма, — мне нужно с вами поговорить. Я думаю, что это наш последний разговор, и потому прошу вас выслушать меня внимательно.

Испанец закурил и ничего не ответил. Подождав немного, Зерма продолжала:

— Тексар, скажите мне, наконец, что вы намерены делать с Дианой Бербанк?

Ответа не последовало.

— Я и не помышляю о том, чтобы возбудить в вас жалость к себе, — продолжала мулатка, — я забочусь лишь о девочке, жизнь которой в опасности и которой вы вскоре лишитесь...

При этих словах Зермы Тексар весьма недоверчиво пожал плечами.

— Да, да, очень скоро, — повторила мулатка. — Если не бегство, то смерть избавит ее от вас.

Затянувшись сигаретой, испанец медленно выпустил дым.

— Вздор! — сказал он. — Девочка за несколько дней отдохнет и поправится. Я рассчитываю на твои нежные заботы, Зерма; ты постарайся сохранить для нас ее драгоценную жизнь.

— Нет, Тексар, не надейтесь, — возразила мулатка. — Девочка скоро умрет... и притом без всякой пользы для вас.

— То есть как это без всякой пользы? — воскликнул Тексар. — Она погибнет вдали от умирающей матери, вдали от отца и брата, доведенных до отчаяния!

— Допустим, что это так, — сказала Зерма. — Значит, вы уже отомстили сполна. Однако, поверьте, для вас гораздо выгоднее вернуть девочку родным, нежели держать ее здесь.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что вы причинили уже много зла Джемсу Бербанку. Пора вам подумать и о собственной выгоде...

— О собственной выгоде?

— Безусловно, Тексар, — продолжала Зерма, воодушевляясь. — Вы опустошили плантацию; миссис Бербанк при смерти, может быть теперь ее уже нет в живых; дочь ее исчезла, отец тщетно пытается напасть на след ребенка... И во всех этих преступлениях виновны вы, Тексар. Уж я-то это хорошо знаю! И говорю вам прямо в глаза. Но берегитесь, Тексар! Наступит день, когда ваши преступления откроются. Подумайте о той каре, которая вас ожидает. Подумайте об этом, и вы сами убедитесь, что в ваших интересах проявить, наконец, жалость. Я не говорю о себе, не говорю о том, что муж мой, вернувшись, не найдет меня. Речь идет только о несчастной девочке, жизнь которой висит на волоске. Оставьте меня, если хотите, но девочку отправьте в Кэмдлес-Бей, верните ребенка ее матери. Вам все простят. Если вы пожелаете, вам даже заплатят за освобождение ребенка. Если я вам это обещаю, то потому только, что прекрасно знаю Джемса Бербанка и его семью, знаю, что ради спасения своего ребенка эти люди ничего не пожалеют и, клянусь богом, выполняют обещание, данное вам их невольницей.

— Невольницей?.. — иронически спросил Тексар. — В Кэмдлес-Бее невольников больше нет!

— Есть, Тексар, — возразила Зерма, — ведь я предпочла остаться рабыней, чтобы не расставаться со своим господином.

— Вот как! — воскликнул испанец. — Ну что ж, если ты не прочь быть невольницей, мы можем столковаться. Лет шесть-семь тому назад я хотел купить тебя у своего друга Тикборна, за одну тебя предлагал ему огромную сумму, и ты была бы уж давно моею рабою, если б тебя не перекупил Джемс Бербанк. Теперь ты в моих руках, и ты у меня останешься.

— Хорошо, я буду вашей рабыней. Но девочка... Неужели вы ее не вернете?

— Дочь Джемса Бербанка? — с лютой ненавистью вскричал Тексар. — Вернуть ее отцу?.. Ни за что!

— Мерзавец! — воскликнула Зерма в порыве негодования. — Ну, что ж, если не ее отец, то сам бог вырвет девочку из твоих рук!

В ответ испанец лишь злобно усмехнулся и пожал плечами. Он свернул новую сигарету, спокойно прикурил ее от окурка и зашагал вдоль берега, даже не взглянув на Зерму.

Будь у мулатки оружие, она не колеблясь убила бы Тексара, как кровожадного зверя, не посмотрев на то, что Скуамбо и его подручные безжалостно расправились бы с нею. Но она была безоружна. Неподвижно стояла она на берегу, глядя на работавших негров. Ни одного дружелюбного взгляда — вокруг какие-то свирепые лица, в которых не было ничего человеческого. И Зерма побрела к вигваму, чтобы с материнской заботливостью помочь больному ребенку, который жалобно звал ее к себе.

Зерма взяла девочку на руки и, целуя, принялась утешать ее. Ласки кормилицы немного оживили малютку. Зерма напоила ее теплым питьем, приготовив его на очаге подле вигвама. Она сделала все, что было в ее силах. Ди ответила ей благодарной улыбкой... Но какой улыбкой!.. Она была горестнее слез!..

В тот день Зерма не видала больше Тексара, да она и не искала встречи с ним. К чему? Мулатка убедилась в том, что ему неведомо чувство жалости и что она может лишь ухудшить положение своими упреками и обвинениями.

В самом деле, до сих пор с Зермой и Ди обращались не так плохо и в Черной бухте и здесь, на острове Карнерал. Но от такого человека, как Тексар, можно было ожидать всего. Стоило его вывести из терпения — и он мог впасть в бешенство и совершить любое насилие. Его черствая душа не знала сострадания. Неприемимая злоба взяла в ней верх даже над чувством самосохранения. Зерме не на что было надеяться. Что же касается Скуамбо и невольников, то как от них требовать, чтобы они были человечнее своего хозяина? Они хорошо понимали, что угрожает тому, кто проявит к ней хоть малейшее сочувствие. Нет, с их стороны ждать было нечего. Итак, Зерма могла рассчитывать только на собственные силы. И она приняла решение: этой же ночью она попытается бежать. Но как? Ведь необходимо было переправиться через про-

лив. И хотя около вигвама он был не слишком широк, переправиться через него вплавь было невозможно. Оставалось одно: раздобыть лодку и в ней переплыть на другой берег.

Наступил вечер, а за ним и ночь — темная и ненастная. Накапывал дождь, ветер крепчал, угрожая прогнестись над болотами ураганом.

Через большую комнату Зерма не могла выйти из вигвама, но она рассчитывала проделать отверстие в саманной стене своей комнаты, пролезть самой наружу, а затем вытащить ребенка. Выбравшись из вигвама, она решит, что делать дальше.

Часов в десять вечера снаружи доносилось лишь завывание ветра. Тексар и Скуамбо спали. Даже собаки укрылись где-то в лесной чаще далеко от вигвама.

Момент был подходящий.

Ди уснула на травяной подстилке, а Зерма принялась осторожно проделывать отверстие в боковой стене вигвама, вытаскивая из нее прутья и солому.

Целый час трудилась она, однако отверстие все еще было слишком мало, и пролезть через него она не смогла бы. Зерма снова принялась за работу, но, услышав какой-то шум, остановилась.

Шум доносился снаружи. Где-то во мраке раздавался лай собак: кто-то, должно быть, шел по берегу. Тексар и Скуамбо сразу проснулись и выбежали из комнаты.

Потом Зерма услышала голоса. По ту сторону пролива, очевидно, ходили какие-то вновь прибывшие люди. Зерме пришлось отложить свою работу: в такой момент побег был невозможен.

Вскоре, несмотря на завывание бури, до нее явно донесся звук шагов.

Зерма прислушалась. Что это? Может быть, небо сжалось над нею? Уж не посылает ли оно ей помощь, на которую она давно потеряла надежду?

Но она поняла, что это не так. Будь это подоспевшая к ним помощь, на берегу неминуемо завязалась бы схватка, были бы слышны крики и стрельба. Однако ничего подобного не было. Скорее всего к Тексару на остров Карнерал прибыло подкрепление.

Через минуту Зерма услышала, что в хижину вошли двое: Тексар и еще кто-то, но, очевидно, не индеец, ибо голос Скуамбо доносился откуда-то с берега.

Между тем в комнате находились два человека. Они стали о чем-то шептаться, но вдруг смолкли.

Один из них, взяв фонарь, направился к комнате Зермы. Мулатка едва успела броситься на постель, прикрыв собою отверстие в стене.

Тексар — это был он — приоткрыл дверь и заглянул в комнату. Увидев Зерму на постели рядом с девочкой, испанец решил, что она спит крепким сном, и ушел обратно.

Зерма вновь подошла к запертой двери.

То, что происходило в соседней комнате, было скрыто от ее взора, не видала она и собеседника Тексара, но слышать их разговор она могла.

И вот что она слышала.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Подслушанный разговор

— Ты здесь? На острове Карнерал?!

— Да, уж несколько часов.

— А я-то думал, что ты в Адамсвилле¹, на озере Апопка².

— Уже с неделю как я оттуда.

— Зачем же ты приехал?

— Пришлось!

— Но ведь ты же знаешь, что мы не должны сходиться вместе! Нигде, кроме Черной бухты, да и то предварительно списавшись.

— Повторяю, мне пришлось бежать в Эверглейдс.

— Но почему?

¹ Маленький город графства Патнам. (Прим. автора.)

² Озеро, питающее один из главных притоков Сент-Джонса. (Прим. автора.)

— Сейчас узнаешь.

— И ты не боишься, что это может нас выдать?

— Нет, что ты! Я прибыл ночью, никто из твоих невольников не мог меня видеть.

Зерма никак не могла понять смысла этого разговора и не в силах была догадаться, кто же такой этот неожиданный посетитель вигвама... Беседовали несомненно двое, и в то же время казалось, что спрашивает и отвечает один и тот же человек. Тот же голос, те же интонации. Будто все слова произносились одними и теми же устами. Зерма тщетно заглядывала в щелку двери — в полумраке слабо освещенной комнаты рассмотреть что-либо было невозможно. Мулатке пришлось довольствоваться тем, что она слышит, и постараться как можно больше узнать из разговора, который, как она понимала, мог иметь для нее огромное значение.

После короткой паузы разговор возобновился.

— Ты не один?

Вопрос был задан, очевидно, Тексаром.

— Нет, со мной кое-кто из наших сторонников.

— А сколько их?

— Человек сорок.

— И ты не боишься, что они узнают то, что мы столько лет успешно скрывали?

— Ничуть. Они никогда не увидят нас вместе и уйдут с острова Карнерал в полном неведении. Так что в нашей жизни все останется попрежнему.

Зерме послышалось, будто собеседники, хлопнув друг друга по рукам, обменялись рукопожатием.

Разговор продолжался.

— Как дела в Джэксонвилле после прихода северян?

— Есть важные новости. Ты, конечно, знаешь, что Дюпон занял Сент-Огастин?

— Знаю, и тебе, разумеется, известно, почему я должен об этом знать.

— Ах, да! Эта история с фернандинским поездом случилась для тебя очень кстати: ты мог доказать свое алиби, и военному суду пришлось тебя оправдать.

— Чго он сделал крайне неохотно... Ну, да нам с тобой уже не в первый раз удастся выпутываться таким образом...

— И надеюсь, также не в последний. Однако тебе, может быть, неизвестно, с какою целью федералисты заняли Сент-Огастин? Это сделано не столько для того, чтобы овладеть столицей графства Сент-Джонс, сколько для того, чтобы организовать блокаду побережья Атлантики.

— Я об этом слышал.

— Ну, так вот! Дюпону мало было установить контроль над побережьем от устья Сент-Джонса до Багамских островов: он решил повести борьбу с военной контрабандой и в самой Флориде. С этой целью он снарядил две шлюпки с отрядом матросов под командованием двух офицеров эскадры. Ты что-нибудь слышал об этой экспедиции?

— Нет.

— Когда же ты покинул Черную бухту? Вероятно, вскоре после того, как был оправдан?

— Да, двадцать второго марта.

— Ну так вот, как раз двадцать второго марта все и случилось.

Надо заметить, что Зерме также ничего не было известно о событиях близ озера Киссимми, о которых капитан Гауик рассказал Джилберту во время их встречи в лесу. И вот теперь одновременно с испанцем она узнала о том, как подожгли лодки федералистов, как перебили их самих, так что спаслось едва ли человек двенадцать, которые и принесли коммодору Дюпону весть об этой катастрофе.

— И поделом!.. — воскликнул Тексар. — Это им за Джэксонвилл... Эх, заманить бы нам побольше этих проклятых северян в самую глубь Флориды! Они останутся тут все до единого!

— Все до единого, особенно если заберутся в Эверглейдские болота. Кстати, мы очень скоро их здесь увидим.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Дюпон поклялся отомстить за смерть своих офицеров и матросов. Он отправил новую экспедицию на юг графства Сент-Джонс.

— Как? Стало быть, сюда идут федералисты?..

— Да, но теперь их гораздо больше, они хорошо вооружены, стали осторожней и остерегаются ловушек.

— Ты встретился с ними?

— Нет, нас было слишком мало, пришлось отступать. Но, отступая, мы постепенно завлекли их в эти края. Надо собрать рассеянную здесь милицию и разом обрушиться на них, — и ни одному тогда не спастись!

— Откуда же они идут?

— Из Москито-Инлет.

— А какой дорогой?

— Через кипарисовый лес.

— Далеко ли они теперь, как ты думаешь?

— Думаю, милях в сорока от острова Карнерал.

— Прекрасно! Надо заманить их возможно дальше на юг и, не теряя времени, собрать милицию. Если нужно будет, мы завтра же удерем отсюда к Багамскому проливу... А там, если на нас уж очень насядут, прежде чем мы успеем собрать своих сторонников, мы найдем надежное убежище на Багамских островах.

Все, что говорилось за дзерью, для Зермы было чрезвычайно важно. Если Тексар покинет остров, захватит ли он с собою пленниц, или же оставит их в вигваме под надзором Скуамбо? В последнем случае ей следовало бы отложить побег и дожждаться отъезда испанца. Может быть, тогда будет больше шансов на то, что ее попытка увенчается успехом. Что, если к тому времени отряд северян, уже вступивший в Южную Флориду, выйдет к берегам озера Окичоби где-нибудь поблизости от острова Карнерал?

Но едва блеснувшая надежда тут же разлетелась прахом.

На вопрос собеседника о том, как он думает поступить с ребенком и мулаткой, Тексар, не задумываясь, ответил:

— Если придется бежать, я увезу их с собою на Багамские острова.

— Перенесет ли девочка лишения, связанные с этим новым путешествием?

— Перенесет, конечно... К тому же Зерма постарается оградить от них ребенка.

— А если девочка все же умрет?

— Пусть лучше умрет, только бы не возвращать ее отцу.

— О, ты, видно, здорово ненавидишь этих Бер-банков!

— Да, ведь и ты ненавидишь их не меньше!

Зерма едва удержалась, чтобы не распахнуть дверь и не встретиться лицом к лицу с двумя негодьями, столь похожими друг на друга не только голосами, но и своими преступными наклонностями, своей бессовестностью и бессердечием. Ей, однако, удалось совладать с собою. Она решила до конца дослушать разговор Тексара и его сообщника. Потом они, возможно, уснут, и тогда она попытается устроить побег, ставший неизбежным, ибо ее и Ди могли увести отсюда.

Очевидно, испанец был совсем не в курсе событий, а потому продолжал расспрашивать своего собеседника.

— Ну, а что нового на Севере? — осведомился он.

— Ничего особенного. Но, повидимому, одолевают все-таки северяне. Вопрос о рабстве решится, вероятно, не в пользу рабовладельцев.

— А нам-то что! — равнодушно произнес Тексар.

— Нам-то, конечно, все равно. Ведь мы с тобою в сущности ни за Юг, ни за Север!

— Нам важно, пока обе стороны дерутся, стоять за тех, у кого можно больше пожить.

В этих словах был весь Тексар: ловить рыбу в мутной воде гражданской войны, — только к этому и стремились оба негодяя.

— Ну, а что произошло за последнюю неделю во Флориде?

— Ничего такого, о чем бы ты не знал. Река до Пиколаты попрежнему в руках Стивенса.

— Не собирается ли он подняться вверх по течению Сент-Джонса?

— Нет, пока не слыхать, чтобы канонерки стремились проникнуть в южную часть графства. А вообще-то я думаю, что оккупации скоро конец, и тогда вся река будет в руках конфедератов.

— То есть как?

— Ходят слухи, что Дюпон хочет уйти из Флориды,

оставив лишь два или три корабля для блокады ее берегов.

— Неужели?

— По крайней мере этот слух держится упорно... А если так, то федералисты скоро оставят Сент-Огастин.

— А Джэксонвилл?..

— Разумеется, и Джэксонвилл!

— Черт возьми! Вот было бы здорово!.. Я мог бы тогда снова собрать комитет и занять свое прежнее место. Ведь это федералисты его у меня отняли. А! Распроклятые северяне! Только бы мне вернуться к власти, я бы им показал!..

— Еще бы!

— И если только Джеймс Бербанк со всей своей семейкой не уберется во-время из Кэмдлес-Бея, если они не удерут от меня, тогда уж я с ними расправлюсь!

— Вполне одобряю! Ты столько натерпелся из-за этой семейки... да и я вместе с тобою. Я хочу того же, что хочешь ты, и ненавижу тех же, кого ты ненавидишь. Ведь мы с тобою — одно...

— Да... одно, — повторил Тексар.

Тут разговор на мгновение оборвался. Услыхав звон стаканов, Зерма догадалась, что испанец и «тот, другой», чокнулись.

Мулатка была поражена. Из подслушанного разговора можно было заключить, что оба эти человека в равной мере виновны во всех преступлениях, совершенных за последнее время во Флориде, и, в частности, в преступлениях против семьи Бербанков. Их дальнейшая беседа открыла ей и многое другое. Теперь для нее стали ясны кое-какие подробности загадочной жизни испанца. И все время один и тот же голос раздавался за стеной, спрашивая и отвечая, словно Тексар был в комнате один и сам с собою разговаривал. Тут скрывалась какая-то тайна, которую мулатке очень важно было разгадать. Но как это сделать? Ведь если бы эти негодяи узнали, что Зерма подслушала хотя бы часть их разговора, они бы не колеблясь прикончили ее, чтобы отвратить опасность разоблачения. А что будет с девочкой, если Зерму убьют?

Было часов одиннадцать ночи. Погода попрежнему

стояла отвратительная. Завывал ветер, дождь лил не переставая. Ясно было, что Тексар и его сообщник в такую погоду не выйдут и останутся на ночь в вигваме. К осуществлению своих планов они приступят не раньше завтрашнего дня.

Зерма окончательно в этом убедилась, когда услышала слова собеседника Тексара, — говорил, должно быть, именно он:

— Ну, так что же мы решили?

— А вот что, — ответил Тексар. — Завтра утром я отправлюсь с нашими людьми осматривать берега озера. Мы углубимся мили на три-четыре в кипарисовый лес, выслав вперед на разведку тех, кто хорошо знает здешние места, и в первую очередь Скуамбо. Если отряд федералистов далеко, мы вернемся и останемся здесь до тех пор, пока не придется отступить. Если же окажется, что нам угрожает непосредственная опасность, я соберу наших сторонников и невольников, заберу отсюда Зерму с девочкой и уйду к Багамскому проливу. Ты же постарайся собрать милицию, рассеянную по всей Южной Флориде.

— Идет! — ответил собеседник Тексара. — Завтра, пока вы будете в разведке, я спрячусь тут же на острове, в лесу. Нужно, чтобы ни одна живая душа не видала нас вместе и не разгадала нашей тайны.

— Ну конечно! — вскричал Тексар. — Какого черта рисковать! Итак, мы увидимся лишь завтра ночью в вигваме, а если мне придется покинуть остров в течение дня, то сперва уеду я, а уж потом ты. Местом встречи в таком случае будет мыс Сейбл.

Зерма поняла, что федералистам не удастся освободить ее.

Бедь если Тексар узнает, что они уже близко, он завтра же покинет остров и заберет ее с собой.

Она могла теперь рассчитывать только на свои силы. Надо было пытаться спастись, не взирая на опасность, на почти полную безнадежность такой попытки.

Если бы Зерма только знала, как близко от нее Джемс Бербанк, Джилберт, Марс и ее товарищи с плантации, если б она только знала, что они пустились на поиски, чтобы вырвать ее из рук Тексара, что записка

ее дошла по назначению и друзья спешат к ней на помощь, что они поднялись вверх по течению Сент-Джонса, миновали озеро Вашингтона и, пройдя большую часть кипарисового леса, соединились уже с отрядом капитана Гауика, разыскивающего Тексара, чтобы расстрелять его без суда и следствия, — ибо не кто иной, как он, и считался виновником ловушки, устроенной на берегах Киссимми, — знай все это Зерма, с какой энергией принялась бы она за осуществление своей попытки!

Но мулатка ничего этого знать не могла. Ей неоткуда было ждать помощи, и она твердо решила пойти на любой риск и бежать с острова Карнерал.

Однако попытку бегства пришлось отложить на сутки, хотя эта темная ночь и благоприятствовала побегу. Дело в том, что вокруг вигвама расположились прибывшие на остров сообщники Тексара. Они не спали, расхаживали по берегу, курили, разговаривали. Если бы Зерма попыталась бежать и попытка ее не увенчалась успехом, ее положение лишь ухудшилось бы и она навлекла бы на себя ярость Тексара.

Разве завтра не может представиться более благоприятный случай? Ведь испанец говорил, что вместе со своими сторонниками и неграми, в сопровождении Скуамбо, он собирается пойти в разведку, чтобы узнать, не подошел ли уже к озеру отряд федералистов. Что, если Зерма сможет воспользоваться этим обстоятельством, которое увеличит ее шансы на успех? Только бы удалось ей незаметно переправиться через пролив и добраться до леса, а там она не сомневалась бы уже в своем спасении. Укрывшись в лесу, она с божьей помощью избежит преследований Тексара. Капитан Гауик со своим отрядом, вероятно, уже недалеко. Он движется к озеру Окичоби, и, значит, есть надежда, что федералисты освободят ее!

Лучше, стало быть, подождать до завтра. Но неожиданный случай разрушил все расчеты Зермы, окончательно испортив отношение к ней Тексара.

В дверь вигвама постучали. Это был Скуамбо.
— Войди! — сказал испанец.

Скуамбо вошел.

— Нет ли каких-либо распоряжений на ночь? — справился он.

— Будьте начеку, — приказал Тексар, — и чуть что — сейчас же докладывай мне.

— В точности исполню, — ответил Скуамбо.

— Завтра с утра мы отправимся на разведку в кипарисовый лес.

— А мулатка и девочка?..

— Их надо сторожить, как обычно. И смотри, Скуамбо, чтоб никто не входил в вигвам!

— Понимаю.

— Что делают наши люди?

— Бродят взад и вперед и ложиться спать как будто не собираются.

— Пусть никто из них далеко не уходит.

— Никто не уйдет.

— А какова погода?

— Кажется, получше. Дождь уже перестал, да и ветер стихает.

— Ну, ладно.

Зерма не переставала напряженно прислушиваться. Разговор, повидимому, окончился. Но вдруг она услышала тяжелый вздох и какое-то хрипение.

У нее замерло сердце.

Она бросилась к травяной постели и склонилась над девочкой...

Ди проснулась. И в каком ужасном состоянии!

Из ее груди вырывалось хриплое дыхание. Ее слабые ручки судорожно хватали воздух, словно ей нечем было дышать. Она чуть слышно лепетала:

— Пить!.. Пить!..

Бедняжка задыхалась. Необходимо было поскорее вынести ее на свежий воздух. Обезумев, Зерма в темноте схватила малютку на руки и стала дуть ей в лицо, пытаясь оживить ее своим дыханием. Мулатка чувствовала, как ребенок, точно в судорогах, трепещет на ее руках. Зерма вскрикнула... и распахнула дверь в соседнюю комнату...

Там перед Скуамбо стояли двое людей, до такой степени похожих друг на друга, что Зерма ни за что не могла бы распознать, который из них Тексар.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Двойная жизнь

Пора, однако, в нескольких словах объяснить читателю то, что до сих пор казалось в этой истории необъяснимым, и он увидит тогда, до какой изобретательности доходят иные люди, если преступные наклонности, сочетаясь с недюжинным умом, толкают их на стезю порока.

Двое людей, перед которыми так внезапно предстала Зерма, были братьями-близнецами.

Откуда они родом, этого они и сами толком не знали. По всей вероятности, из какой-нибудь деревушки в Техасе, на что указывало и самое их имя — Тексар, всего лишь несколькими буквами отличающееся от названия этого штата.

Известно, что такое Техас. Это обширная территория, лежащая на юге Соединенных Штатов, на берегу Мексиканского залива.

Когда Техас возмутился против мексиканского владычества, в его борьбе за освобождение ему оказали поддержку Соединенные Штаты, к которым он и был присоединен в 1845 году при президенте Джоне Тэйлоре.

За пятнадцать лет до этого в одной из прибрежных деревушек Техаса были найдены двое подкидышей. Их вырастили на средства общественной благотворительности.

С самого раннего детства они поражали всех своим необычайным сходством. Те же черты лица, те же движения, тот же голос, те же манеры и — увы! — те же порочные наклонности, которые проявлялись чуть ли не с младенчества.

Неизвестно, как они были воспитаны, получили ли какое-нибудь образование и кто были их родители. Скорей всего, они происходили из какой-нибудь бродячей семьи — их много кочевало по Техасу после его отделения от Мексики.

Как только братья подросли, их обоих охватило неудержимое стремление к вольной жизни. Почувствовав,

что смогут сами себя прокормить, они в один прекрасный день исчезли.

Вместе им было тогда двадцать четыре года. Можно не сомневаться в том, что только воровство давало им средства к существованию. Они бродили по полям и фермам, воруя в одном месте хлеб, в другом — фрукты, а позже стали грабить на больших дорогах. К этому они готовили себя с детства.

Словом, братья-близнецы навсегда скрылись из деревушек и селений Техаса, где имели обыкновение промышлять вместе со всякими злоумышленниками, которые уже в то время использовали их поразительное сходство между собою.

Прошло много лет. О близнецах совершенно позабыли, забыли даже их имя. И хотя этому имени суждено было впоследствии заслужить печальную известность, никто во Флориде не знал, что принадлежит оно двум братьям-близнецам, которые провели свое детство в прибрежных селениях Техаса.

Да и как могло быть иначе? Ведь, покинув родину, братья при помощи ряда ухищрений, речь о которых впереди, избегали где-либо появляться вместе.

Они очень ловко пользовались своим сходством для того, чтобы безнаказанно совершать преступления, в которых так трудно было их уличить.

И действительно, в течение длительного времени, — лет с двадцати и до тридцати, — они не жили вместе. Правда, узнали об этом лишь впоследствии, когда неопровержимо было доказано существование двух братьев-близнецов. Оба они стремились к богатству, не брезгуя никакими средствами. Они встречались очень редко и всегда тайком. Эти свидания происходили либо в Америке, либо в какой-нибудь другой части света, куда забрасывала их судьба.

Известно было, что один из братьев — который именно, трудно сказать, возможно что и оба, — известно было во всяком случае, что один из них вел торговлю неграми.

Они перевозили, или, вернее, подготавливали к перевозке, из Африки в Южные штаты Американского союза целые партии невольников, выполняя при этом

лишь роль посредников между работоторговцами американского побережья и капитанами судов, доставлявших живой товар из Африки.

Разжились ли они на этой торговле? Вряд ли. Во всяком случае, занимались они ею все меньше и меньше, а потом и вовсе прекратили, когда в цивилизованных странах торговля рабами была признана варварством и отменена. Пришлось от нее отказаться и близнецам.

Богатство, к которому они всеми силами стремились, ради которого не пренебрегали ничем, не давалось им в руки, а добиться его нужно было во что бы то ни стало. Вот тогда-то оба авантюриста и решили воспользоваться своим редким сходством.

Обычно бывает, что дети, поразительно похожие друг на друга в детстве, с годами сходство утрачивают. Но в данном случае это было не так. Нельзя сказать, что моральное и физическое сходство между близнецами с возрастом увеличивалось, нет: оно попрежнему оставалось абсолютным. Их невозможно было отличить друг от друга не только по внешнему облику; манеры, жесты, интонации голоса — все у них было совершенно тождественным.

Братья решили, что эта исключительная особенность, данная им природой, поможет им совершать самые преступные деяния. Ведь если один из них попадется, он всегда сможет благодаря сходству с братом установить свое алиби, а следовательно, и доказать свою полную невиновность.

И вот в то время как один из братьев совершал задуманное ими обоими преступление, другой непременно показывался в каком-нибудь общественном месте, чтобы потом его двойник мог доказать свое алиби и установить *ipso facto*¹ свою непричастность к преступлению.

Им, конечно, надлежало действовать чрезвычайно осторожно, чтобы не попасться на месте преступления. В самом деле, ведь тогда невозможно было бы

¹ Тем самым (лат.).

сослаться на алиби, и преступная махинация тут же оказалась бы раскрытой.

Договорившись об этом друг с другом, близнецы отправились во Флориду, где их тогда никто еще не знал. Этот штат привлекал их потому, что индейцы продолжали здесь ожесточенную борьбу с американцами и испанцами, а перипетии этой борьбы открывали для братьев широкие возможности.

Тексары появились во Флориде не то в 1850, не то в 1851 году. Впрочем, говорить следует не Тексары, а именно Тексар, ибо уговор свой они соблюдали свято и никогда не показывались вместе. Встретить их обоих одновременно было невозможно, они никогда не показывались оба в одном и том же месте, в один и тот же день, и никто не подозревал даже, что существуют два брата, носящие это имя.

Окружив глубокой тайной свою частную жизнь, братья позаботились так же и о том, чтобы тщательно скрыть свое постоянное местопребывание. Мы знаем, что их тайным убежищем стал заброшенный блокауз в глубине Черной бухты.

Они наткнулись на него случайно, разведывая однажды берега Сент-Джонса. Они привезли туда несколько невольников, которым, конечно, их тайна не была известна. Эту тайну знал только Скуамбо. Его безграничная преданность обоим братьям позволяла вполне на него положиться. Индеец был их доверенным лицом и безжалостным исполнителем их преступных замыслов.

Разумеется, даже и в Черной бухте братья никогда не показывались вместе. Когда им необходимо было о чем-либо сговориться, они это делали письменно. Почтой они, впрочем, не пользовались и очень просто без нее обходились: записка просовывалась за прожилки древесного листа, который прикреплялся потом к ветке тюльпанного дерева, росшего на болоте близ Черной бухты. Скуамбо с большими предосторожностями отправлялся ежедневно к этому дереву. Если он вез письмо от Тексара, находившегося в то время в Черной бухте, он прикреплял послание к ветке дерева; если же в условленном месте оказывалось письмо от

двойника Тексара, то индеец забирал письмо и доставлял его в форт.

По прибытии во Флориду Тексары не замедлили сойтись с самыми отъявленными негодьями из подонков общества. Многие из них сделались сообщниками братьев в их многочисленных кражах. Те же люди стали сторонниками Тексаров во время междоусобной войны. Возглавлял эту банду то один, то другой из Тексаров, но никто не догадывался, что это имя принадлежит двум братьям-близнецам.

Теперь, конечно, вполне понятно, каким образом Тексарам постоянно удавалось ссылаться на неопровержимое алиби всякий раз, когда их обвиняли в совершении того или иного преступления. Так неоднократно случалось и прежде, до этой истории, между прочим, и в тот раз, когда Тексара обвиняли в поджоге и разграблении фермы. И хотя Джемс Бербанк и Зерма настаивали на том, что они видели испанца во главе шайки грабителей и узнали его, суд в Сент-Огастине вынужден был признать его невиновным, ибо Тексар доказал, что во время совершения преступления он был в Джэксонвилле, в таверне Торильо, и это подтверждалось многочисленными свидетелями. Так было и с разграблением Кэмдлес-Бея. Как же мог Тексар предводительствовать грабителями в Касл-Хаусе или совершить похищение Зермы и Ди, когда он в это время находился на одном из кораблей федералистов в числе пленников, захваченных ими в Фернандине? Военный суд и на этот раз вынужден был оправдать испанца, несмотря на многочисленные улики, несмотря на показание, данное под присягой Алисой Стэннارد.

Но если бы в конце концов и обнаружилось, что существуют два Тексара, а не один, то, вероятно, и в этом случае невозможно было бы дознаться, который же из них был участником того или иного преступления. Впрочем, в конечном-то счете оба они в равной мере были преступниками, ибо каждый являлся если не главным виновником, то хотя бы сообщником в любом из преступлений, так часто совершавшихся за последние годы в Северной Флориде. И если бы кара постигла того или другого из двух братьев или же того

и другого вместе — в любом случае она была бы вполне заслуженной.

Что касается недавних событий в Джексонвилле, то после свержения в городе законных властей оба брата, вероятно по очереди, играли одну и ту же роль. Когда Тексар 1-й отправлялся куда-нибудь, чтобы осуществить задуманную ими преступную махинацию, его обязанности исполнял Тексар 2-й, причем никто из их приспешников этого не замечал. Поэтому можно считать, что они в равной мере были причастны к насилиям, совершенным в этот период над уроженцами Севера, переселившимися во Флориду, и над плантаторами Юга, разделявшими взгляды северян на рабовладение.

Оба Тексара, разумеется, всегда были в курсе того, что делается в центральных штатах Союза, где война, как и во Флориде, не раз принимала совершенно неожиданный оборот. Они приобрели большое влияние среди сторонников рабовладения — наименее достойной части населения Флориды, в числе которой были испанцы и даже американцы. Устраивая свои сложные махинации, братья часто вынуждены были обмениваться письмами, устраивать тайные свидания друг с другом, обсуждать свои действия, договариваться между собою о том, как подготовить очередное алиби.

Известно, что, когда один из них находился под арестом на корабле эскадры северян, другой готовил преступное нападение на Кэмдлес-Бей, и мы уже видели, что военный суд в Сент-Огастине вынужден был оправдать заведомого преступника.

Как уже было сказано, феноменальное сходство двух братьев с годами несколько не уменьшилось. Но ведь случись с одним из них какое-нибудь несчастье, получи он ранение или увечье, и тогда полное тождество между ними было бы нарушено. У одного из Тексаров появилась бы особая примета, что несомненно помешало бы успеху их махинаций.

Оба брата вели жизнь бурную, полную опасностей и приключений. Каждый из них мог попасть в такую переделку, которая оставила бы неизгладимые следы на всю жизнь. Как бы он стал тогда выступать в роли своего двойника?

Но если все-таки случалось иной раз, что абсолютное сходство между ними на время нарушалось, они тотчас же принимали меры, чтобы его восстановить.

Так во время одного ночного нападения, вскоре после прибытия Тексаров во Флориду, пистолетным выстрелом в упор одному из братьев опалили бороду. Тогда другой Тексар спешно обрился, чтобы стать таким же безбородым, как и его двойник.

Был и другой еще случай, о нем упоминалось в начале этой истории, когда речь шла о посещении одним из Тексаров Черной бухты. Но тут необходимо кое-что пояснить.

Читатель помнит, вероятно, что однажды ночью, находясь еще на острове в блокгаузе, Зерма видела, как Скуамбо татуировал испанцу руку. Понадобилось это вот для чего. Брат Тексара был в числе флоридских путешественников, взятых в плен семинолами и отпущенных после того, как на левую руку каждого из них было поставлено неизгладимое клеймо. Немедленно в блокгауз была прислана копия этой татуировки, и Скуамбо мог в точности воспроизвести ее на руке испанца. И тождество двух братьев таким образом было восстановлено.

Вообще можно, пожалуй, поручиться, что, если бы Тексар 1-й почему-либо лишился руки или ноги, Тексар 2-й подверг бы себя такой же ампутации.

Одним словом, в течение многих лет братья Тексары вели эту двойную жизнь, причем так ловко и осторожно, что до сих пор им удавалось ускользнуть от всех преследований правосудия.

Удалось ли братьям разбогатеть с помощью всех этих махинаций? В какой-то мере да. В результате краж и грабежей у них скопилась кругленькая сумма, которую они спрятали в блокгаузе Черной бухты. Отправляясь на остров Карнерал, испанец из предосторожности захватил с собою эти деньги, и можно было поручиться, что он не оставит их в вигваме, если ему придется бежать к Багамскому проливу.

Однако сумма эта казалась братьям недостаточной. Им хотелось увеличить ее, а потом уж и удалиться в какой-нибудь штат Северной Америки или в Европу, чтобы жить там в свое удовольствие и наслаждаться награбленным богатством.

Узнав, что коммодор Дюпон намерен в скором времени очистить Флориду, братья подумали, что им предоставляется случай еще больше нажиться и отплатить северянам за временное занятие штата федералистами. Они решили выждать, а потом отправиться снова в Джексонвилл и при поддержке своих приспешников и всех сторонников Юга, замешанных в беспорядках, захватить опять власть, которую они однажды уже добились при помощи мятежа и которую только мятеж и мог вернуть им снова.

У Тексаров был, впрочем, и другой способ разбогатеть и разбогатеть весьма изрядно.

В самом деле, почему бы им не согласиться на предложение, сделанное одному из них Зермой? Почему бы не возратить Ди ее безутешным родителям? Джемс Бербанк, конечно, не пожалел бы ничего ради освобождения своего ребенка. Он дал бы, кроме того, обязательство не преследовать испанца и не возбуждать против него дела.

Но голос ненависти и мести заглушил в братьях даже алчность: им очень хотелось разбогатеть, но не меньше того им хотелось, прежде чем они покинут Флориду, отомстить Бербанкам.

Теперь читателю известно о Тексарах все самое важное. Остается только подождать развязки этой истории.

Нечего и говорить, что, внезапно очутившись в присутствии близнецов, Зерма все поняла. В ее сознании разом возникла картина их прежних деяний. Пораженная тем, что она увидела, мулатка, держа девочку на руках, словно приросла к полу. К счастью, в комнате, где сидели Тексары, воздуху было больше, и приступ удушья у ребенка прошел.

Но для самой Зермы, оказавшейся в присутствии обоих братьев, разоблачение их тайны было равносильно смертному приговору.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Побег

Как ни умели владеть собою Тексары, но, увидав Зерму, они потеряли всякое самообладание. Ведь это несомненно впервые, если не считать раннего детства, посторонний человек заставлял их вместе. И человеком этим была Зерма, их смертельный враг. Вот почему их первым движением было броситься на мулатку, убить ее, чтобы сохранить свою тайну...

Между тем девочка приподнялась на руках у кормилицы и, цепляясь за нее ручонками, крикнула:

— Я боюсь... боюсь!..

По знаку братьев Скуамбо, подскочив к мулатке, схватил ее за плечо и вытолкнул из комнаты. Дверь за нею захлопнулась.

Скуамбо подошел к Тексарам. Всем своим видом он выражал готовность выполнить любое их приказание. Однако при этом неожиданном происшествии близнецы проявили гораздо больше растерянности, чем это можно было ожидать при их наглости и бесстрашии.

Они молча переглянулись, как бы советуясь, что делать.

Между тем Зерма, снова уложив девочку на постель, забилась в угол комнаты. К ней вернулось хладнокровие. Она подошла к двери, желая подслушать, о чем будут говорить ее враги. Сейчас должна решиться ее участь. Но Тексары и Скуамбо вышли из вигвама, и Зерма не могла уже слышать их слов.

Между тем они говорили вот о чем:

— Зерму надо убить!

— Непременно! Ведь если ей удастся бежать или ее освободят федералисты, — нам крышка! Ее необходимо прикончить!

— Хоть сию минуту! — откликнулся Скуамбо.

Он уже направился было к вигваму с ножом в руке, но один из Тексаров остановил его.

— Постой, — сказал он. — Расправиться с Зермой мы всегда успеем, а пока она нам нужна, чтобы ходить за ребенком. Сперва надо найти ей замену. Прежде

всего попробуем разобраться в создавшемся положении. Через кипарисовый лес движется сейчас высланный Дюпоном отряд федералистов. Ну что ж! В первую очередь обследуем хорошенько берега озера и остров. Отряд направляется на юг, однако нет никаких оснований утверждать, что он идет именно сюда. Но допустим даже, что это и так, — мы в случае необходимости успеем убежать, прежде чем федералисты подойдут. Если же они идут не сюда, а в какую-либо другую сторону, мы преспокойно останемся здесь, и пусть их забираются в глубь Южной Флориды. Они окажутся там в наших руках, потому что мы тем временем соберем милицию, рассеянную в этих местах, и превосходящими силами ударим по ним. Тогда уж не нам, а им придется бежать. Мы окружим их,отрежем им пути отступления, и если у озера Киссимми удалось спастись хотя бы несколькими матросам, то уж отсюда не убежит ни один!

При данных обстоятельствах предложение Тексара было, пожалуй, самым благоразумным. Действительно, в этой части Флориды находилось еще большое количество южан, только и ожидавших благоприятного случая, чтобы напасть на федералистов. Произведя разведку, Тексары смогут решить, оставаться ли им на острове Карнерал, или уходить к мысу Сейбл. Это должно было выясниться завтра. Что касается Зермы, то независимо от результатов разведки Скуамбо поручено было ударом кинжала обеспечить ее молчание.

— Но девочке мы должны сохранить жизнь, — сказал один из братьев, — это в наших же интересах. Понять того, что поняла Зерма, она не могла. А если мы попадемся в руки капитану Гауику, мы сможем предложить ее в качестве выкупа за наше освобождение. Чтобы вернуть свою дочь, Джемс Бербанк пойдет на любую сделку, какую мы ему предложим. Он не только согласится гарантировать нам полную безнаказанность, но отвалит еще столько денег, сколько мы потребуем за освобождение ребенка.

— Если Зерма умрет, — заметил индеец, — то, чего доброго, умрет и девочка.

— Ну, это вздор, — возразил один из братьев. —

Мы найдем ей няньку, у меня есть на примете одна индианка, которая сможет заменить Зерму.

— Ладно! Но от мулатки мы в любом случае должны избавиться!

— С нею все равно надо покончить, и как можно скорее!

На этом разговор двух братьев и окончился. Зерма слышала, как они вернулись в вигвам.

Какую страшную ночь провела несчастная женщина!.. Зерма знала, что обречена на смерть, но думала она не о себе. Собственная участь мало беспокоила мулатку, всегда готовую пожертвовать жизнью ради своих хозяев. Ее приводила в отчаяние мысль о том, что Ди останется во власти безжалостных негодяев. Даже если они ради собственной выгоды и пощадят жизнь ребенка, не погибнет ли девочка, лишенная ее преданной заботы?

Эта мысль настойчиво овладела Зермой, и она, как одержимая, стала думать о побеге. Бежать, бежать во что бы то ни стало, бежать, прежде чем Тексар разлучит ее с ребенком!

Всю ночь, тянувшуюся бесконечно долго, мулатка только и думала о том, как привести в исполнение свой замысел. Из подслушанного разговора она, между прочим, запомнила, что один из Тексаров завтра отправится осматривать местность вокруг озера. Отправятся он, конечно, в сопровождении достаточного количества людей, чтобы в случае встречи с отрядом федералистов дать ему отпор. Стало быть, Тексар возьмет с собой всех своих невольников, а также и людей, пришедших сюда вместе с его братом. Другой же Тексар, вероятно, останется на острове, чтобы стеречь вигвам и чтобы его с братом не увидели вместе. Тут-то Зерма и попытается бежать. Быть может, ей посчастливится найти какое-нибудь оружие, которым она в случае необходимости не преминет воспользоваться.

Настало утро. Тщетно Зерма старалась понять, что происходит на острове, прислушиваясь к звукам, доносившимся до нее снаружи, и не теряя надежды на то, что сюда явится отряд капитана Гауика, чтобы схватить Тексара.

Как только стало светать, девочка проснулась, немного отдохнув за ночь. Зерма дала ей пить, и ребенок совсем ожил. Мулатка долгим и нежным взглядом смотрела на свою питомицу, как будто навеки прощаясь с нею, а потом крепко прижала ее к своей груди. Если б в эту минуту кто-нибудь попытался разлучить их, она защищалась бы, как тигрица, у которой отнимают детеныша.

— Что с тобой, Зерма? — спросила Ди.

— Нет... Ничего, — отвечала мулатка.

— А мама?.. Мы ее скоро увидим?

— Скоро, милая, скоро, — утешала Зерма. — Может быть, даже сегодня. Да, голубка моя, я надеюсь, что нынче мы будем уже далеко-далеко отсюда...

— А эти люди, которых я видела ночью?

— Ты их хорошо видела? — спросила Зерма.

— Да... они такие страшные... я боюсь!..

— Но ты их как следует разглядела? Ты заметила, как они друг на друга похожи?

— Заметила... — пролепетала Ди.

— Ну, так запомни же это, запомни твердо и не забудь об этом сказать отцу и брату. Так и скажи, что их два брата... Понимаешь? Два брата Тексара, и что они до того похожи один на другого, что их невозможно различить!

— Но разве ты сама не скажешь? — недоумевала девочка.

— И я скажу, конечно, но только, видишь ли, меня может там и не быть, поэтому ты должна помнить...

— Почему же тебя там не будет? — спросила девочка, обхватив Зерму за шею, словно желая ее удерживать.

— Я буду с тобою, детка, буду с тобою!.. А теперь слушай еще. Нам придется идти... далеко-далеко... И нужно набраться сил. Я покормлю тебя...

— А ты?

— Я уже поела... пока ты спала. Мне больше не хочется.

Правду сказать, Зерма и в рот ничего не брала; в том состоянии, в котором она находилась, ей было не

до еды. Позавтракав, Ди снова легла на свою травяную постель.

Зерма же уселась в углу комнаты и сквозь маленькую щель в стене стала наблюдать за тем, что делается снаружи. Для нее это было чрезвычайно важно.

А там готовились к походу. Один из Тексаров — только один — собирал отряд, который он намеревался вести в кипарисовый лес. Другой же в это время скрывался, вероятно, где-то в вигваме или на острове, чтобы никто его не видел.

Так по крайней мере подумала Зерма, зная, как тщательно братья оберегали свою тайну. При этом она решила, что на того из них, который останется на острове, и будет возложено наблюдение за нею и Ди.

И мулатка, как мы сможем вскоре убедиться, оказалась права.

Между тем человек пятьдесят негров и сторонников Тексара собрались около вигвама и ожидали приказания своего главаря, чтобы тронуться в путь.

Было около девяти часов утра, когда отряд начал переправляться через пролив к опушке леса. На это ушло довольно много времени, так как лодка вмещала сразу не более пяти-шести человек. Зерма видела, как они небольшими группами спускались к проливу, а потом выходили на противоположном берегу. Самого же пролива она сквозь щель видеть не могла, потому что он был скрыт высоким берегом.

Тексар переправился последним, взяв с собой одну из ищеек, которая могла пригодиться в разведке. Другая собака тоже побежала за ним, но хозяин знаком приказал ей остаться на острове, и она вернулась к вигваму.

Вскоре Зерма увидела Тексара уже на противоположном берегу, где он ненадолго задержался, чтобы построить свой отряд. Затем все двинулись к лесу, Скуамбо с собакой шел впереди. Через несколько минут отряд, еле различимый в густых зарослях тростника, достиг опушки леса и скрылся.

Лодку один из негров привел, по всей вероятности, обратно, чтобы никто не мог, воспользовавшись ею, попасть на остров. Зерма не видела этого негра и

подумала, что он направился куда-нибудь дальше вдоль пролива.

Мулатка больше не колебалась.

Ди проснулась. Под изношенным платьем ее исхудавшее тельце казалось таким жалким!

— Пойдем, моя крошка, — сказала Зерма.

— Куда? — спросила девочка.

— Туда... в лес... Может быть, мы встретим там твоего отца и брата. Не бойся!

— С тобою я ничего не боюсь! — отвечала малютка.

Зерма осторожно приоткрыла дверь в соседнюю комнату. Комната была пуста. Очевидно, второго Тексара в вигваме не было.

Прежде всего мулатка стала искать какое-нибудь оружие, чтобы пустить его в ход, если ее попытаются задержать. На столе она увидела нож с широким лезвием — охотничий нож индейцев. Она схватила его и спрятала под одеждой, потом взяла на дорогу немного сушеного мяса.

Теперь надо было выбраться из вигвама. Зерма опять посмотрела сквозь щель в сторону пролива. На острове не видно было ни души. Не было даже и пса, оставленного сторожить хижину.

Успокоившись, мулатка попыталась открыть дверь наружу. Дверь не поддавалась: она оказалась запертой.

Зерма тотчас же вернулась с девочкой в свою комнату. Ей оставалось только одно: воспользоваться отверстием, проделанным ею в стенке вигвама, правда, несколько расширив его.

При помощи ножа это было довольно просто. И мулатка принялась осторожно резать плетеный тростник.

Куда, однако, девалась собака? Если ее не было сейчас возле вигвама, то ведь она могла появиться в любой момент. Не набросится ли ищейка на нее и на ребенка, когда они выберутся наружу? Встретиться с таким свирепым псом все равно, что встретиться с тигром!

Но раздумывать не приходилось. Отверстие было готово. Мулатка крепко обняла девочку. Ди горячо и

нежно поцеловала кормилицу. Она уже все поняла: им нужно бежать из хижины, бежать через отверстие в стене.

Зерма первая выбралась наружу, огляделась по сторонам, прислушалась.

Все тихо, ни души. В отверстии показалась девочка.

Вдруг послышался лай. Он доносился откуда-то издалека, с западной стороны острова. Зерма схватила девочку на руки. Сердце у мулатки билось так сильно, что, казалось, оно вот-вот разорвется в груди... Только бы добраться до камышей, что на другом берегу пролива: там они будут в относительной безопасности.

Но как пробежать эту сотню шагов до воды? Ведь это был едва ли не самый опасный момент в задуманном предприятии: ее мог заметить Тексар или невольник, который остался на острове.

К счастью, справа от вигвама начиналась густая заросль тростника вперемежку с кустарником. Она тянулась до самого берега и оканчивалась в нескольких ярдах от того места, где должна была находиться лодка.

Зерма решила укрыться в этой чаще, что немедленно и сделала. Кусты раздвинулись, приняли беглянок и тотчас вновь сомкнулись за ними. Собачий лай к тому времени уже умолк.

Пробираясь сквозь колючий кустарник было довольно трудно. Зерма в клочья изорвала все платье, до крови исцарапала руки, но девочку она старалась уберечь. Что значили для мулатки уколы этих длинных шипов? Она не обращала никакого внимания на боль. Девочка была тоже немного исцарапана, но не плакала и ни разу не пожаловалась.

Чтобы добраться до пролива, Зерме понадобилось не менее получаса, хотя все расстояние не превышало и шестидесяти ярдов.

Тут она остановилась и поглядела сквозь камыши в сторону вигвама, потом в сторону леса.

На острове под высокими деревьями никого не было видно, на противоположном берегу — тоже.

Тексар и его спутники углубились уже, вероятно, на одну-две мили в лесную чащу. Они возвратятся не раньше как через несколько часов, если только не встретят по пути отряд северян.

Однако Зерме не верилось, чтобы ее оставили в вигваме одну, без всякого надзора. Не мог же в самом деле Тексар, прибывший накануне со своими сторонниками, ночью покинуть остров, да еще и взять с собою ищейку? Наконец она сама слышала лай — значит, собака рыщет где-то здесь поблизости. Тексар или его ищейка могли появиться в любую минуту. Но, может быть, поторопившись, она все же успеет добраться до кипарисового леса?

Читатель, вероятно, помнит, что, наблюдая за тем, как отряд испанца переправлялся через пролив, Зерме не удалось заметить, куда девалась лодка. Высокий берег и густой тростник скрывали от нее поверхность воды.

Но мулатка была твердо уверена, что кто-нибудь из негров привел лодку обратно к острову. Ведь это нужно было, чтобы сделать вигвам недоступным для солдат капитана Гауика, если бы им удалось обойти южан.

Ну, а если лодка осталась все же на том берегу, если Тексар предпочел не отправлять ее обратно, чтобы при появлении федералистов можно было скорее добраться до острова, — как переправится тогда мулатка на противоположную сторону? Может быть, скрываться здесь в лесу? Дождаться, пока испанец покинет остров в поисках другого убежища в Эверглейдсе? Но если он и примет такое решение, он сделает сперва все от него зависящее, чтобы снова захватить в свои руки Зерму и ребенка. Итак, оставалось одно: воспользоваться лодкой и на ней переплыть через пролив.

Чтобы добраться камышами до берега, Зерме нужно было пройти не более пяти-шести ярдов. Дойдя до самой воды, она остановилась...

Лодка оказалась на противоположном берегу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Два брата

Положение было отчаянное. Как перебраться на ту сторону без лодки? Самый смелый и искусный пловец мог бы отважиться на это лишь с огромным риском для жизни. Пролив, правда, был не широк, футов сто, не больше, но переправиться через него вплавь было невозможно. Там и сям змеи высовывали из воды свои треугольные головки, и водоросли кишели отвратительными гадами.

Бедняжка Ди в ужасе прижималась к Зерме. О, если б для спасения девочки достаточно было отдать себя на съедение этим чудовищам, которые опутали бы ее всю, точно гигантский спрут с тысячью щупальцами, мулатка, не задумываясь, принесла бы эту жертву.

Но спасти ребенка могло только чудо, а чудеса творит один лишь бог. Он — их единственная надежда! И, упав на колени, Зерма стала молить того, кто посылает людям спасительный случай.

С минуты на минуту у опушки леса мог появиться кто-нибудь из людей Тексара. С минуты на минуту оставшийся на острове Тексар мог войти в вигвам и, не найдя там ни Зермы, ни Ди, пуститься в погоню за ними.

— Боже мой! — вскричала несчастная женщина. — Смилуйся над нами!..

Случайно она бросила взгляд вдоль пролива направо.

Медленно катились воды его к северной части озера, где берут начало несколько притоков Калаочатео, одной из множества мелких речушек, впадающих в Мексиканский залив и питающих водою озеро Окичоби во время больших ежемесячных приливов.

Увлекаемый тихим течением, по воде плыл большой древесный ствол, и в ту минуту, как Зерма взглянула в сторону пролива, его как раз прибило к самому берегу.

«Не переправиться ли на нем через пролив», — мелькнула мысль у Зермы. Изгиб берега несколькими

ярдами дальше отклонял течение в сторону кипарисового леса. Да, конечно, надо было воспользоваться плывущим деревом. Даже если попытка не удастся и дерево будет снова отнесено к острову, положение беглянок от этого хуже не станет.

И, не раздумывая больше, словно повинувшись какому-то наитию, Зерма кинулась к плывущему стволу. Начни она размышлять, она вспомнила бы, вероятно, что вода кишит сотнями ядовитых гадов, что ствол может запутаться в водорослях и застрять посреди пролива. Да, но все это было не так страшно, как оставаться на острове! И Зерма, держа девочку на руках, перепрыгнула на дерево и, ухватившись за его ветви, оттолкнулась от берега.

Ствол снова поплыл, и течением его понесло к противоположному берегу.

Зерма старалась спрятаться в ветвях плывущего дерева. Впрочем, оба берега были пустынные. Ни со стороны острова, ни со стороны леса не доносилось ни звука. Только бы переплыть пролив, а там мулатка знала, что ей делать. Она отыщет какое-нибудь убежище, в котором дождется наступления ночи, и тогда уже, не рискуя быть замеченной, проберется в лес. Надежда вернулась к ней. Ей не страшны были даже пресмыкающиеся, то и дело высывавшие из воды свои отвратительные головы и шнырявшие среди погруженных в воду ветвей плывущего дерева.

Девочка закрыла глаза. Одной рукой Зерма прижимала ее к груди. В другой руке она держала наготове нож.

Но змеи не осмелились броситься на беглянок, потому ли, что их пугал нож, сверкавший в руке у Зермы, или же потому, что они могут причинять вред только в воде.

Древесный ствол доплыл, наконец, до середины пролива, а потом его стало относить течением к лесу. Еще четверть часа — и если только он не застрянет, запутавшись в водорослях, его прибьет к противоположному берегу. И тогда, как бы ни были еще велики подстерегавшие Зерму опасности, она уже будет недосягаема для Тексара.

Вдруг мулатка вздрогнула и крепче прижала к себе малютку.

На острове послышался яростный лай. Из чащи высочила собака и огромными прыжками помчалась вдоль берега.

Зерма узнала ищейку, которую Тексар, уходя в лес, оставил на острове сторожить вигвам.

Ощетинившись, с глазами, налитыми кровью, собака готова была броситься в воду, кишашую гадами.

В ту же минуту на берегу появился человек.

Это был Тексар, остававшийся на острове. Услышав лай собаки, он прибежал на берег.

Как описать охватившее его бешенство, когда он увидел уносимое течением дерево и на нем мулатку с девочкой? Пуститься в погоню за ними он не мог, — ведь лодка была по ту сторону пролива. Оставалось одно: убить Зерму, рискуя вместе с нею убить и ребенка.

У Тексара было ружье. Он поднял его и прицелился в мулатку, которая старалась прикрыть собою девочку.

Но вдруг рассвирепевший пес кинулся в воду. Тексар опустил ружье. Он решил подождать, что **бу**дет дальше.

Собака поплыла, быстро приближаясь к дереву. Зерма, крепко зажав нож в руке, держала его наготове. Но ей не пришлось им воспользоваться.

Змеи мгновенно опутали собаку. Она отчаянно защищалась своими страшными клыками от их ядовитых укусов, но очень скоро скрылась под водой.

Собака гибла на глазах у хозяина, и он бессилён был ей помочь. А Зерма между тем ускользала из его рук...

— Так умри же, негодная! — в бешенстве крикнул Тексар и выстрелил.

Однако древесный ствол был в это время уже у противоположного берега, и пуля лишь чуть задела плечо мулатки.

Еще минута — и Зерма с девочкой на руках прыгнула на сушу и скрылась в густых камышах. Тексар послал ей вдогонку еще один выстрел, но она была

уже в безопасности. Прячась в зарослях, мулатка достигла опушки кипарисового леса.

Но если один из Тексаров, тот, что оставался на острове, был ей уже не страшен — она могла еще попасть в руки его брата.

Поэтому прежде всего нужно было как можно скорей уйти подальше от острова Карнерал, а уж когда стемнеет, направиться к озеру Вашингтона. Собрав все свое мужество, в напряжении всех физических и душевных сил, Зерма, не разбирая дороги, почти бегом устремилась к лесу. Ребенка она держала на руках, потому что девочка не могла бы поспеть за нею. Не для слабеньких ножек измученной крошки был этот тяжелый путь: переплетение гигантских корней, топкие овраги, рытвины подстерегали путника на каждом шагу, как западни, устроенные охотником.

Зерма продолжала нести свою драгоценную ношу, словно не чувствуя даже ее тяжести. Время от времени она останавливалась — не для того, чтобы перевести дух, а чтобы прислушаться к лесному шуму. То ей чудился лай собаки, той, которую взял с собою в разведку Тексар, то слышались отдаленные выстрелы. Уж не бой ли это между южанами и отрядом федералистов? Но, убедившись, что звуки эти не что иное, как крик пересмешника или потрескивание сухих ветвей на ветру, напоминавшее пистолетные выстрелы, мулатка снова пускалась в путь. Теперь она была преисполнена надежды и, не думая об опасностях, стремилась к своей цели: ей нужно было во что бы то ни стало добраться до истоков Сент-Джонса.

Около часу шла она, все дальше и дальше удаляясь от озера Окичоби, держа путь на восток, к побережью Атлантики. Она не без основания полагала, что если северяне послали в эту сторону отряд капитана Гауика, то у берегов Флориды в ожидании его возвращения должны крейсировать суда федералистов, и вполне возможно, что несколько шлюпок ведут наблюдение за побережьем где-нибудь поблизости.

Вдруг Зерма остановилась. На этот раз она не ошибалась. В лесу действительно слышен был яростный лай; он раздавался все ближе и ближе. Лай этот

мулатка хорошо знала. Ей не раз приходилось его слышать, когда она находилась в блокгаузе Черной бухты, вокруг которого рыскали две огромные ищейки.

«Собака нас выследила, — подумала она, — и Тексар, конечно, где-то здесь поблизости».

Первой ее мыслью было спрятаться с девочкой где-нибудь в чаще. Но разве умному и свирепому псу его нюх не поможет разыскать их? Ведь ищейка была специально выдрессирована для охоты за беглыми неграми и умела отлично их отслеживать.

Лай между тем становился все громче и громче, а издали уже доносились и человеческие голоса.

В нескольких шагах от Зермы рос высокий дуплистый кипарис, весь обвитый густою сетью лиан и драконова корня.

Зерма забралась в дупло, достаточно глубокое, чтобы она и девочка могли в нем поместиться, и совершенно скрытое сетью ползучих растений.

Но ищейка уже напала на их след. Зерма увидела, как, подбежав к дереву, она бросилась на него с неистовым лаем.

Удар ножом — и собака отскочила назад, зарывав еще яростнее.

Почти тотчас же послышались шаги. Перекликались чьи-то голоса... И среди них Зерма узнала столь памятные ей голоса Тексара и Скуамбо.

Да, это были они — испанец и его сторонники. Они спешили к озеру, удирая от сильного отряда федералистов. Неожиданно наткнувшись на него в лесу, они обратились в бегство. Тексар хотел кратчайшим путем вернуться на остров Карнерал, где он был бы отделен от федералистов водной преградой. А так как у северян лодок нет, они не смогут переправиться через пролив, и на их пути хотя бы на время возникнет непреодолимое препятствие. Он со своими сторонниками воспользуется этим, чтобы уйти на другую сторону острова и, дождавшись там ночи, переправиться в лодке на южный берег озера.

Тексар и Скуамбо подбежали к кипарису, около которого продолжала отчаянно лаять собака. Она была

ранена в бок. Земля под деревом стала красной от крови, которая так и хлестала из раны.

— Глядите... Глядите!.. — вскричал индеец.

— Собака ранена? — спросил Тексар.

— Да, ранена ножом, и... сейчас только! Кровь еще дымится!

— Кто бы это мог?..

Но в эту минуту собака снова кинулась к дереву. Скуамбо ружьем раздвинул листья, скрывавшие дупло.

— Зерма! — вскричал он.

— И девочка! — подхватил Тексар.

— Да, это они!.. Но как им удалось сбежать?

— Надо убить Зерму! Прикончить сейчас же!

Мулатка хотела было ударить испанца ножом, но Скуамбо схватил ее за руку, обезоружил и с такою яростью рванул из дупла, что Ди выскользнула у нее из рук и покатила по земле среди огромных грибов, тех самых грибов-дождевиков, которые в огромном количестве растут в кипарисовых лесах.

Один гриб лопнул от толчка. Раздался треск, подобный ружейному выстрелу, и светящаяся пыль разлетелась в воздухе. Вслед за первым грибом начали лопаться и другие. Лес наполнился таким грохотом, словно в нем шла оживленная перестрелка.

Ослепленный мириадами спор, Тексар выпустил из рук Зерму, над которой он уже занес свой широкий нож. В облаках пыли Скуамбо тоже ничего не видел. Мулатка и девочка лежали, к счастью, на земле, и светящиеся споры носились над ними в воздухе, не причиняя им никакого вреда.

Однако Зерме все равно не уйти было от Тексара. Еще несколько взрывов — и воздух стал очищаться от спор.

Но вдруг снова послышались выстрелы, на сей раз уже действительно ружейные.

Федералисты атаковали шайку южан. Отряд морской пехоты капитана Гауика окружил их и заставил сложить оружие. Но Тексар, схватив Зерму, успел нанести ей ножом страшный удар в грудь.

— Ребенок!.. — крикнул он Скуамбо. — Скорей унеси ребенка!

Схватив девочку, индеец бросился бежать к озеру, но вслед ему раздался выстрел... Он упал мертвым. Пуля Джилберта угодила ему прямо в сердце.

Тем временем уже подросли Джемс Бербанк, Джилберт, Эдвард Кэррол, Пэрри, Марс и негры. Моряки из отряда капитана Гауика оцепили южан, среди которых находился и Тексар, неподвижно стоявший над трупом Скуамбо.

Кое-кому из южан удалось все же спастись бегством и добраться до острова Карнерал. Но какое это имело теперь значение? Ведь отец уже нашел свою дочь. Он так крепко прижимал ее к груди, словно боялся, что ее снова похитят. Джилберт и Марс, склонившись над Зермой, пытались привести ее в чувство. Несчастная женщина еще дышала, но говорить не могла. Марс поддерживал ей голову, звал ее, целовал...

Наконец Зерма открыла глаза. Она увидела девочку на руках Джемса Бербанка, узнала Марса, который осыпал жену поцелуями, и улыбнулась ему. Потом веки ее снова сомкнулись...

Поднявшись на ноги, Марс увидел Тексара и бросился к нему.

— Смерть Тексару!.. Убить его!.. — кричал он.

— Постой Марс, — вмешался капитан Гауик. — Позволь нам самим расправиться с этим негодяем. — И, обращаясь к испанцу, он спросил: — Вы Тексар из Черной бухты?

— Я не желаю отвечать, — сказал Тексар.

— Джемс Бербанк, лейтенант Джилберт Бербанк, Эдвард Кэррол, Марс вас знают и могут опознать вашу личность.

— Ну, и пускай их!

— Вы будете расстреляны!

— Что ж, хоть сейчас!

Но, ко всеобщему удивлению, малютка Ди вдруг обратилась к отцу.

— Папа, — сказала она, — их два брата, два злых человека... И они очень друг на друга похожи...

— Два человека?..

— Да, Зерма велела непременно тебе об этом сказать.

Трудно было понять странный смысл этого детского лепета. Но вскоре все разъяснилось самым неожиданным образом.

Тексара поставили у подножья дерева. Он закурил, вызываясь глядя в лицо Бербанку. Перед ним уже выстроился взвод солдат, ждавший лишь сигнала, чтобы расстрелять преступника, как вдруг из чащи выскочил какой-то человек и, подбежав к дереву, встал рядом с испанцем.

Это был второй Тексар, которому южане, убежавшие на остров Карнерал, сообщили об аресте брата.

Теперь, когда они стояли рядом, их поразительное сходство сразу же объяснило странные слова ребенка. Стали понятными и те загадочные алиби, благодаря которым столько преступлений оставались безнаказанными.

Все, что казалось непостижимым в прошлом Тексаров, сейчас стало абсолютно ясным.

Однако появление второго брата должно было вызвать некоторое замешательство и неминуемо задержать казнь.

В самом деле, как выполнить приказ коммодора? Ведь Дюпон приказал расстрелять того Тексара, который виновен в расправе, учиненной над офицерами и матросами федералистов. Что же касается виновника ограбления Кэмдлес-Бея и похищения Зермы и Ди, то его следовало живым доставить в Сент-Огастин, где он снова предстанет перед судом, который на сей раз уже несомненно вынесет ему обвинительный приговор.

Но разве нельзя было считать обоих братьев одинаково ответственными за множество преступлений, столь безнаказанно совершенных ими до сих пор? Можно было, конечно! И все же капитан Гауик из уважения к законности счел своим долгом задать Тексарам следующий вопрос:

— Который из вас признает себя виновником кровавой расправы у Киссимми?

Ответа не последовало.

Очевидно, Тексары твердо решили не отвечать на вопросы. Только Зерма могла бы указать, какое участие в преступлениях принимал каждый из братьев.

И действительно, ведь тот из них, который 22 марта находился в Черной бухте, не мог быть виновником резни у озера Киссимми. Одна только Зерма и могла сказать, кто же из двух братьев похитил ее и Ди. Но жива ли еще мулатка?

Да, она была жива. Поддерживаемая мужем, Зерма приблизилась и еле слышным голосом произнесла:

— У того, кто нас похитил, должна быть татуировка на левой руке.

Слова мулатки вызвали презрительную усмешку обоих братьев. Засучив рукава, оба они показали одинаковое клеймо.

Отличить одного брата от другого было совершенно невозможно.

Тогда капитан Гауик объявил:

— Виновник резни у озера Киссимми должен быть расстрелян. Кто из вас двоих признает себя в ней виновным?

— Я! — в один голос ответили близнецы.

При этом ответе взвод поднял ружья и прицелился в осужденных. Они обнялись в последний раз.

Грянул залп. Держа друг друга за руки, оба брата упали мертвыми.

Так кончили свою жизнь эти люди, на совести которых было столько тяжких преступлений, в течение многих лет остававшихся безнаказанными благодаря их необычайному сходству. Единственное доступное им человеческое чувство — иступленную любовь друг к другу, которая всю жизнь связывала этих братьев-близнецов, они сохранили до самой могилы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Заключение

Гражданская война между тем продолжалась. После отъезда Джемса Бербанка из Кэмдлес-Бей в ходе ее произошли события, о которых он узнал лишь по возвращении домой.

За это время успех, казалось, склонялся, в общем, на сторону конфедератов, сосредоточивших свои силы вокруг Коринта, тогда как федералисты занимали позицию в районе Питтсбург — Лэндинг.

Главкомандующим армией южан был генерал Джонстон, имевший таких талантливых помощников, как Борегар, Гарди, Бракстон-Багг, епископ Полк, бывший некогда воспитанником Уэст-Пойнтской военной академии. Эта армия ловко воспользовалась беспечностью северян.

Пятого апреля их застигли врасплох при Шайло. Бригада Пибоди была разбита, а Шерман вынужден был отступить. Однако конфедераты очень дорого заплатили за этот успех: во время преследования отступающих федералистов был убит доблестный генерал Джонстон.

Так закончился первый день сражения 5 апреля. Через день бой возобновился на всем фронте, и Шерману удалось обратно взять Шайло. Конфедераты в свою очередь вынуждены были отступить под натиском солдат генерала Гранта. Сражение было исключительно кровопролитное. Из восьмидесяти тысяч человек, введенных в бой, двадцать тысяч было убито и ранено.

Джемс Бербанк, вернувшись домой 7 апреля, узнал об этих событиях на следующий же день.

После расстрела братьев Тексар Бербанки последовали за отрядом капитана Гауика, который вместе с пленными южанами направился к побережью. У мыса Малабар их ожидал один из кораблей флотилии, крейсировавшей вдоль берега. Это судно доставило их в Сент-Огастин. В Пиколате они пересели на канонерку, на которой и прибыли в Кэмдлес-Бей.

Итак, все вернулись домой в Касл-Хаус, все, не исключая и Зермы, рана которой уже заживала. До судна федералистов ее донес Марс со своими товарищами, а там за нею был самый заботливый уход. Да и могла ли она умереть, когда была так счастлива: ведь ее маленькая Ди спасена, а сама она снова среди тех, кого любит!

Легко представить себе, какую радость переживала семья Бербанков, все члены которой после стольких испытаний собрались, наконец, вместе, чтобы никогда уже больше не разлучаться. Миссис Бербанк стала по-немногу поправляться, снова обретя свою похищенную дочь. Она опять в кругу своих близких: мужа, сына, Алисы, которая вскоре должна была стать ее дочерью, Зермы и Марса. Теперь уж нечего было бояться злодея, вернее двух злодеев. К тому же и ближайшие их сообщники находились в руках федералистов.

Между тем прошел слух, — читатель, вероятно, помнит разговор двух братьев на острове Карнерал, — о том, что северяне собираются очистить Джэксонвилл, что коммодор Дюпон намерен ограничиться блокадой побережья Флориды и увести канонерки, обеспечивавшие спокойствие на Сент-Джонсе. Такой план мог представлять опасность для плантаторов, которые слыли сторонниками аболиционизма, и в первую очередь — для Джемса Бербанка.

Слух этот вскоре оправдался. Восьмого числа, на другой же день после возвращения Бербанков в Касл-Хаус, федералисты оставили Джэксонвилл. Многие из жителей, не скрывавших своих симпатий к унионистам, поспешили выехать из города — одни в Порт-Ройял, другие в Нью-Йорк.

Но Джемс Бербанк не счел нужным следовать их примеру. Негры вернулись на плантацию, однако они уже были не рабами, а свободными людьми. Их присутствие вполне обеспечивало безопасность Кэмдлес-Бея. К тому же военная удача снова перешла на сторону северян, что позволило, между прочим, Джилберту задержаться на некоторое время в Касл-Хаусе и отпраздновать свою свадьбу с мисс Алисой Стэннард.

Работы на плантации возобновились и пошли своим обычным чередом. Теперь уже не могло быть и речи о том, чтобы заставить Джемса Бербанка изгнать с территории Флориды освобожденных им невольников. Не было ни Тексара, ни его сторонников, чтобы подстрекать к мятежу, да и крейсировавшие у побережья канонерки в случае чего восстановили бы порядок в Джэксонвилле.

Но гром сражений не умолкал еще целых три года, и Флориду ждали новые испытания, связанные с превратностями войны.

Действительно, в сентябре того же года эскадра коммодора Дюпона появилась против Сент-Джонс-Блаффа в самом устье реки, и Джэксонвилл снова оказался в руках федералистов. В третий раз его занял генерал Сеймур, не встретив при этом серьезного сопротивления.

Первого января 1863 года вошла в силу прокламация президента Линкольна об отмене рабства во всех штатах Союза. Война, однако, не прекратилась. Она окончилась лишь 9 апреля 1865 года. В этот день при Аппоматокс-Корт-Хаусе генерал Ли со всей своей армией сдался генералу Гранту, согласившись на почетную капитуляцию.

Итак, ожесточенная борьба между Севером и Югом продолжалась четыре года. Она обошлась в два миллиарда семьсот миллионов долларов и унесла более полумиллиона человеческих жизней. Но рабство было уничтожено на территории всей Северной Америки.

Так навсегда было обеспечено единство Соединенных Штатов. Его упрочили потомки тех американцев, которые почти за сто лет перед тем отстаивали свободу своей страны в войне за независимость.

1887 г.

КОММЕНТАРИЙ

АРХИПЕЛАГ В ОГНЕ

Роман «Архипелаг в огне» вышел в свет отдельным изданием с иллюстрациями художника Леона Бенетта в августе 1884 года. В конце того же года роман был выпущен в русском переводе редакцией петербургской газеты «Эхо».

«Архипелаг в огне» — один из лучших исторических романов Жюль Верна. Сюжет этого произведения связан с драматическими событиями освободительной войны греческого народа против турецкого ига, происходившей в двадцатых годах XIX века.

Начиная с середины XIV века Турция по частям завоевывала континентальную Грецию (только некоторые горные районы Пелопоннеса, немногие приморские пункты и Ионические острова навсегда остались недоступными для турок).

Многовековое владычество «Блистательной Порты» привело в Греции к истощению производительных сил и к неизбежным последствиям этого — упадку земледелия и нищете народа. С каждым годом в стране усиливалась ненависть к поработителям и стремление освободиться от турецкого гнета. Чтобы ослабить это сопротивление и лишить побежденный народ единства интересов, Порта охотно привлекала к себе на службу богатых и образованных греков, так называемых фанариотов, и оказывала покровительство торговле греческих купцов и судовладельцев с европейскими странами. Благодаря этому в сравнительно удачных условиях оказался греческий торговый флот, насчитывавший к началу освободительной войны около шестисот судов.

Восстания, то и дело вспыхивавшие, начиная с XVIII века, в разных санджаках, жестоко подавлялись турецкой полицией и янычарами.

Наиболее распространенной формой сопротивления угнетателям было движение клефтов — народных мстителей, которые жили в городах вольными дружинами и своими дерзкими набегами приводили в трепет турецких наместников, феодалов и чиновников.

Из среды клефтов вышли такие прославленные герои освободительной борьбы, как знаменитый вождь греческого восстания Колокотронис. Подвиги бесстрашных клефтов запечатлены в греческих народных песнях.

Но среди клефтов встречались и морские разбойники и работорговцы. Пиратам Архипелага, которые славились своей удалью и жестокостью, были чужды национальные интересы и неведомы патриотические чувства: они порою открыто переходили на сторону турок, становясь злейшими врагами и предателями собственного народа. Вот почему Порты, сама терпевшая ущерб от морских разбойников, не принимала энергичных мер для ликвидации пиратских гнезд. Отсюда мы можем заключить, что образ Николая Старкоса, атамана пиратской шайки, действующего на страницах «Архипелага в огне», во многом соответствует исторической правде.

Сильный толчок патриотическим стремлениям греков дала французская революция и развязанная ею освободительная борьба во многих странах Европы. Организаторами освободительной борьбы в Греции выступили фанаристы.

Во втором десятилетии XIX века в Греции и за ее пределами возникла целая сеть тайных политических обществ, так называемых гетерий. Среди гетеристов, рассчитывавших на помощь той или иной иностранной державы, сразу же наметились разногласия. Внутренние распри осложнялись еще отсутствием единого организующего центра и личным соперничеством между руководителями освободительного движения.

Первым перешло к активным действиям тайное революционное общество «Фелике Гетерия», созданное в 1814 году в Одессе братьями Александром и Димитриосом Ипсиланти, офицерами русской армии, происходившими из княжеской фанариотской семьи. В марте 1821 года Александр Ипсиланти вторгся с отрядом гетеристов в Валахию и поднял восстание, которое хотя и кончилось неудачей, но послужило сигналом к массовому восстанию, охватившему вскоре почти всю Грецию. Особенно успешно военные действия развивались в южных провинциях,

где Колокотронис, выиграв несколько сражений с турками, освободил большую часть Морей.

Война на суше и на море разгоралась с такой быстротой и велась повстанцами так успешно, что к 1822 году турки были выбиты почти из всей Греции. Но вскоре, оправившись от внезапного удара, турки обрушились на греков с жесточайшими репрессиями. Страшную резню они учинили сначала на Кипре и Крите, а затем, в апреле 1822 года, на острове Хиосе. Неслыханным опустошениям подверглись Беотия, Аттика и Западная Греция. После этого началась длительная осада Месолонгиона (Миссолонги).

В начале 1823 года повстанцами-клефтами, сплотившимися вокруг Колокотрониса, были снова заняты Навплия, Коринф и Афины. Греческое восстание вступило в свою высшую фазу. Оно вызвало к себе безраздельное сочувствие у передовых людей Европы — филэллинов, видевших в борьбе греков вдохновляющий пример, которому рано или поздно должны будут следовать и другие народы, еще не освободившиеся от гнета своих и чужеземных деспотов (ведь недаром наши декабристы и польские повстанцы 1830 года были все без исключения филэллинами). Плечом к плечу с греческими патриотами сражались добровольцы, приехавшие из разных стран. Большую пользу повстанцам принес трехтысячный отряд французских волонтеров во главе с полковником Шарлем Фавье, имя которого не раз упоминается в романе Жюль Верна. Смерть Байрона 19 апреля 1824 года в осажденном Месолонгионе вызвала новый прилив сочувствия греческому народу.

Греческое восстание породило во всех странах Европы так называемую филэллинистическую поэзию, лучшие образцы которой были созданы Байроном, Пушкиным и Гюго. Живыми впечатлениями от этих событий было навеяно и замечательное полотно французского живописца-романтика Эжена Делакруа «Резня на Хиосе».

Однако священный союз — «союз монархов против народов» — отнюдь не разделял этого всеобщего энтузиазма и не горел желанием помочь Греции и признать ее независимым государством. Между тем в лагере борющихся греков в 1823 году произошёл раскол, приведший к образованию двух правительств: богатого судовладельца Кондуриотиса и крестьянского вождя Колокотрониса; оба правительства вступили в гражданскую войну, приведшую к поражению и аресту Колокотрониса,

Этим воспользовался турецкий султан Махмуд, призвав на помощь себе египетские войска, повел наступательные операции. Заняв центральную Грецию, египетский полководец Ибрагим дошел до Афин и осадил Акрополь 22 апреля 1826 года; после одиннадцатимесячной осады Месолонгиона турки ворвались в город и перерезали почти всех уцелевших жителей. Такими же зверствами завершилась и трагическая эпопея восьмимесячной осады Акрополя. Греция была обескровлена, поругана, разграблена. Невольничьи рынки были переполнены тысячами греков, продаваемых в рабство.

Только после этого великие державы, не заинтересованные в усилении Турции, решились, наконец, активно повлиять на ход событий. 20 октября 1827 года соединенная эскадра России, Англии и Франции вошла в Наваринскую бухту, где стоял на рейде турецко-египетский флот, и разгромила его.

Окончательную судьбу Греции решила русско-турецкая война 1828—1829 годов. По Адрианопольскому мирному договору, подписанному 14 сентября 1829 года, Греции предоставлялась независимость. Однако по настоянию Англии ей был навязан неограниченный монарх — сначала баварский принц Оттон (1832—1863), а потом после его свержения — один из родственников английского короля, датский принц Вильгельм Георг (1863—1913).

Действие в романе Жюль Верна происходит незадолго до окончательного освобождения Греции от власти турок и занимает один-единственный, да и то неполный год (с 18 октября 1827 до 7 сентября 1828 года).

Почти все внимание автора сосредоточено на изображении боевых действий греческого флота в водах Архипелага. Жюль Верн воссоздает достаточно убедительную правдоподобную картину полной превратностей и неожиданных приключений борьбы греческих патриотов и французских добровольцев из отряда полковника Фавье с морскими разбойниками Архипелага. Именно в 1827 и 1828 годах, когда Греция была уже в основном очищена от турецких войск, особенно активно проводились боевые операции против пиратов, еще продолжавших бесчинствовать в греческих морях.

Нисколько не противоречит историческому правдоподобию и образы центральных персонажей романа, вовлеченных в грозный водоворот событий, от исхода которых зависит не только их благополучие, но и сама жизнь. В основе сюжета — борьба

не на жизнь, а на смерть, длительный и упорный поединок французского добровольца Анри д'Альбаре и грозного пирата Николая Старкоса, скрывающегося под именем Сакратифа.

Николай Старкос, изверг и предатель, проклятый даже своей матерью, не останавливается ни перед какими преступлениями и жестокостями ради того, чтобы овладеть ускользающими от него миллионами банкира Элизундо.

Анри д'Альбаре — один из тех филэллинов, которые доблестно сражались в рядах повстанческих войск и помогли греческому народу завоевать независимость.

Анри д'Альбаре поручено руководить операциями по очищению Архипелага от пиратов. У него есть все основания ненавидеть Николая Старкоса, похитителя его невесты. Не только сила личной ненависти движет действиями Анри д'Альбаре, но прежде всего чувство высокого нравственного долга, а самое главное — на его стороне историческая справедливость.

«Архипелаг в огне» был написан Жюлем Верном много лет спустя после незабываемых событий в Греции, но прекрасные образы героев греческого восстания продолжают жить на страницах этого романа, проникнутого горячим сочувствием к освободительным стремлениям угнетенных народов.

Е. Брандис

РОБУР-ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Роман «Робур-Завоеватель» вышел в свет с иллюстрациями художника Леона Бенетта в августе 1886 года и вскоре был переведен на многие языки. Дальнейшую судьбу изобретателя Робура писатель изобразил в романе «Властелин мира», вышедшем в 1904 году.

Замысел «Робура-Завоевателя», повидимому, восходит к началу шестидесятых годов и тесно связан с историей зарождения авиации во Франции и деятельностью инициаторов «Общества сторонников летательных аппаратов тяжелее воздуха» — Надара, Понтон д'Амекура и Лаланделя.

Многолетняя дружба Жюль Верна с Надаром началась в 1860 году и оставила в творчестве писателя заметный след. Надар помог ему «сконструировать» аэростат «Викторию» («Пять недель на воздушном шаре»), познакомил со своими друзьями и единомышленниками, страстными пропагандистами летательных «аппаратов тяжелее воздуха». Благодаря Надару Жюль Верн стал не только свидетелем, но и активным участником исторического спора между сторонниками двух систем воздушного передвижения — «аппаратов легче воздуха» и «аппаратов тяжелее воздуха». Неугомонный Надар под именем Мишеля Ардана (анаграмма от имени Надар) является одним из героев межпланетного перелета в романах «С Земли на Луну» и «Вокруг Луны».

Настоящее имя Надара — Феликс Турнашон (1820—1910).

Седьмого августа 1863 года Надар опубликовал в газете «*La presse*» знаменитый «Манифест воздушного самодвижения», в котором были провозглашены основные идеи сторонников авиации.

«Аэростат родился поплавам и останется поплавам навсегда. Для того чтобы бороться с воздухом, надо быть тяжелее воздуха, или, иначе говоря, сильнее воздуха, дабы не потерпеть поражения. Человек должен стремиться к тому, чтобы найти для себя в воздухе опору, подобно птице, удельный вес которой больше удельного веса воздушной среды. Нужно покорить воздух, а не быть его игрушкой. Нужно найти в нем опору, а не служить опорой для него. Нужно отказаться от аэростатов и перейти к использованию законов динамического полета. Винт — святой винт! — должен вознести нас в небеса в ближайшем будущем. Тот самый винт бурава, который при вращении проникает в дерево, увлечет человека ввысь».

Осенью того же года Надар вместе с Понтон д'Амекуром и Лаланделем основал «Общество сторонников летательных аппаратов тяжелее воздуха». Жюль Верн, тогда уже автор известного романа «Пять недель на воздушном шаре», не только становится членом этого общества, но и значится в списке его учредителей в качестве «инспектора».

Первое собрание «Общества» состоялось в присутствии представителей печати и большого числа зрителей. После демонстрации моделей вертолетов слово взял Надар. Он нарисовал заманчивые перспективы авиации и под гром аплодисментов объявил войну аэростатам. Собрание закончилось символическим актом: модель вертолета врезалась в модель аэростата, подвешенного к люстре. «Победу» одержал вертолет. воздушный шарик лопнул.

Как тут не вспомнить торжественное заседание Уэлдонского ученого общества и блестящую сцену состязания вертолета «Альбатроса» с аэростатом «*Go ahead*» («Вперед») в «Робуре-Завоевателе»!

Жюль Верн разделял энтузиазм сторонников авиации. В конце 1863 года в журнале «Семейный альманах» («*Musée des Familles*»), он напечатал очерк о последних опытах в области аэростатики и аэродинамики и моделях вертолетов, которые демонстрировали перед членами только что учрежденного «Общества» Понтон д'Амекур и Лаландель,

Несмотря на то, что «Робур-Завоеватель» вышел в свет много лет спустя, он полон живых откликов на бурные споры 1863 года, года зарождения французской авиации.

Так что ж, может быть, в этом романе Жюль Верн повторяет зады, отстаёт от действительного развития техники? Нет, ни в те годы, ни значительно позже ни одному изобретателю не удалось построить не только полноразмерного вертолёта, но даже успешно летающей модели. Поэтому и в восьмидесятых годах продолжались горячие споры сторонников обеих систем летательных аппаратов, и Надар продолжал с прежним задором отстаивать принцип «тяжелее воздуха».

Среди литературных документов того времени, оказавших самое непосредственное влияние на научную фантазию Жюль Верна, обращает на себя внимание любопытная книга Лаланделя «Авиация, или воздушная навигация без аэростатов» (1863), а также брошюра Понтон д'Амекура «Завоевание воздуха винтами. набросок новой системы авиации» (1863).

На титульном листе книги Лаланделя имеется интересное изображение фантастического воздушного корабля будущего. С виду это скорее пароход, чем вертолёт. Из трубы валит дым. На палубе стоят «матросы». Но плывёт этот корабль не по волнам океана, а по воздуху. На мачтах вместо реев и парусов навешаны елочкой воздушные винты с широкими лопастями, а на носу и на корме судна укреплены толкающие винты, служащие одновременно рулями.

Совершенно очевидно, что в описании конструкции «Альбатроса» Жюль Верн воспользовался именно этой схемой, внося в неё, однако, существенные поправки: воздушный корабль «Альбатрос», изображённый по его указаниям художником Л. Бенетом, приводится в действие не паром, а электричеством; горизонтальные и вертикальные винты напоминают уже настоящие пропеллеры.

Существенно влияние и второй книги. В романе почти дословно приведено объяснение устройства и принципов полёта вертолёта, изложенное Понтон д'Амекуром в брошюре «Завоевание воздуха винтами».

В лучших романах Жюль Верна изобретатель и его изобретение составляют как бы одно целое. Робур без «Альбатроса» показался бы заурядным героем приключенческого романа, а «Альбатрос» без Робура — в лучшем случае — научно-фантасти-

ческим очерком авиации будущего. Изобретение одухотворяет образ изобретателя. Машина оживает под руками ее творца.

Робур создает свою машину не только ради чисто научного интереса. Он мечтает о «преобразовании политических нравов дряхлого мира», о создании «воздушной Икарии», которую со временем «населят миллионы икарийцев» — людей, не нашедших свободы и счастья на Земле. Эту утопическую мечту Робуру хотелось бы воплотить в жизнь при помощи тысяч таких воздушных кораблей, как его «Альбатрос».

Робур — образ символический. Он воплощает в себе, по замыслу автора, безграничную силу науки (имя героя происходит от латинского «гобуг» — сила).

Жюль Верн полагал, будто наука и техника сами по себе могут вызвать коренные социальные преобразования. Писатель поет гимны науке, как величайшей и чуть ли не единственной преобразующей силе, верит в ее безграничное могущество, в ее благотворное, облагораживающее влияние на человечество. И в то же время писатель остро, даже с некоторым трагизмом (особенно это чувствуется в поздних романах), сознает, что в современном ему обществе наука служит не только добру, но и злу, не только миру, но и войне.

Герой Жюля Верна — ученый-новатор и изобретатель — всегда окружен глухой стеной непонимания и враждебности Гордый, одинокий отшельник, он совершает великое открытие или строит замечательную машину вдали от людей, от общества, с которым находится в вечном разладе. Капитан Немо, Робур и другие изобретатели держат свои открытия в секрете, используя их как оружие в борьбе с социальной несправедливостью или как средство, позволяющее им противопоставить себя буржуазному государству и бросить вызов дурным законам.

В прощальной речи, обращенной к гражданам Соединенных Штатов, Робур оправдывает свой индивидуализм и нежелание раскрыть тайну изобретения преждевременностью его появления.

Жюль Верн считал вместе со своими героями, что наука может и должна служить только прогрессу и справедливости. Он видел в науке средство для мирного покорения земного шара человеком, главное средство грядущих социальных преобразований.

В России роман «Робур-Завоеватель» вышел в 1886 году одновременно в двух переводах под заглавиями «Воздушный

корабль» и «Сила-победитель». Редакция журнала «Вокруг света», в котором начиная с 1885 года печатались почти все новые произведения Жюль Верна, предпослала первой публикации русского перевода «Робура-Завоевателя» такие слова: «Обращаем внимание читателей на новый роман знаменитого писателя Жюль Верна... С уверенностью можем сказать, что никогда из-под пера этого романиста не выходило что-нибудь более стройное, красивое, исполненное столь талантливо... Зная любовь публики к произведениям Жюль Верна, мы заручились возможностью дать нашим читателям новый роман ранее всех других журналов» («Вокруг света», 1886, № 33).

В последующие годы роман много раз переиздавался,

Е. Брандис

СЕВЕР ПРОТИВ ЮГА

Роман «Север против Юга» печатался в 1887 году на страницах «Журнала воспитания и развлечения» с иллюстрациями художника Леона Бенетта и в том же году вышел отдельным изданием. Первый русский перевод появился в 1888 году в ежемесячных приложениях к журналу «Вокруг света».

Соединенные Штаты Америки служат местом действия по крайней мере в десяти романах Жюль Верн. Это произведение посвящено событиям гражданской войны в США в шестидесятих годах XIX века.

Гражданская война назревала в США в течение десятилетий. Неизбежной ее сделали непримиримые противоречия между Южными рабовладельческими штатами и промышленными штатами Севера. Существование рабства непомерно сужало внутренний рынок и лишало капиталистические предприятия притока свободных рабочих рук. Плантаторы выгодно сбывали хлопок в Англии и в Англии же закупали большую часть необходимых промышленных товаров. Поэтому Южные штаты экономически были слабо связаны со своими северными соседями. Северяне, чтобы ослабить английскую конкуренцию, стремились ввести высокие таможенные тарифы, а плантаторы-хлопководы всячески этому противились. Отдельные конфликты между промышленной и торговой буржуазией Севера и плантаторами-рабовладельцами Юга перерастали в напряженную борьбу за контроль над президентской властью, над конгрессом и над страной в целом. Таковы были непримиримые противоречия двух экономических систем.

В 1850 году плантаторам удалось провести через конгресс жизненно-важный для них закон «о беглых рабах», согласно кото-

рому убежавший невольник признавался собственностью своего владельца не только на Юге, но и в Северных штатах. Рабство признавалось законным на всей территории США.

Однако необходимость отмены рабства вызывалась не только этими экономическими причинами. Рабовладельческую систему непрерывно подтачивали восстания негров, массовые побеги невольников с плантаций и пропагандистская деятельность abolitionистов (от слова abolition — упразднение, отмена).

В тридцатые годы весь рабовладельческий Юг был охвачен пламенем восстаний. Особенно значительным было восстание Ната Тёрнера, которое, по словам одного американского историка, «потрясло рабовладельчество до самого его основания и бросило свою грозную тень над всеми рабовладельческими штатами».

Большую роль в освободительной борьбе играли abolitionисты. С тридцатых годов движение abolitionистов, очень неоднородное по составу и взглядам своих участников, приняло организованные формы. У него появились свои печатные органы, свои замечательные ораторы и публицисты, как белые, так и негры: Уильям Ллойд Гаррисон, Фредерик Дуглас, Уэнделл Филиппс, Генри Хайленд Гарнет и другие. Блестящим образцом abolitionистской пропаганды явилась всемирно известная книга Гарриэт Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (1852).

Abolitionисты вели свою борьбу, несмотря на постоянные преследования и жестокие расправы. Изредка встречались abolitionисты и среди самих рабовладельцев, причем были случаи, когда плантаторы, по собственному почину освобождаявшие невольников, платились за это жизнью. Изображенный в романе Жюль Верна конфликт между плантатором-abolitionистом Джемсом Бербанком и местными рабовладельцами имел свою жизненную основу.

Значительным событием, всколыхнувшим общественное мнение не только в Америке, но и во всем мире, была попытка фермера-abolitionиста Джона Брауна поднять в 1859 году восстание среди негров штата Виргиния. Восстание было потоплено в крови, а сам Джон Браун был предан суду и казнен.

В 1860 году пост президента США занял Авраам Линкольн, представитель республиканской партии, требовавший ограничения и последующей отмены рабства.

Стремясь к увековечению рабства и созданию своей рабовладельческой империи, одиннадцать южных штатов вышли из Федерации и образовали самостоятельное государство, так называе-

мую Конфедерацию, во главе с президентом Джефферсоном Дэвисом, богатым плантатором-рабовладельцем.

Двенадцатого апреля 1861 года южане-мятежники обстреляли и захватили форт Самтер в Южной Каролине. В ответ на это Линкольн объявил блокаду Южных штатов и призвал в армию семьдесят пять тысяч добровольцев. Так началась гражданская война в США.

Южане имели хорошо оснащенную армию, которой командовал талантливый генерал Ли. Но главную надежду они возлагали на военную помощь Англии и Франции. Однако сила народного протеста в этих странах была так велика, что Пальмерстон и Наполеон III не осмелились вступить в войну и вынуждены были ограничиться только снабжением мятежных штатов вооружением и боеприпасами.

Первое время обстановка для северян сложилась неблагоприятно. В июле 1861 года южане выиграли большое сражение у Манассаса и чуть было не заняли Вашингтона. Только тогда Линкольн, дотоле занимавший выжидательную позицию, отдал приказ перейти от обороны к наступлению. В 1862 году три северные армии начали осуществлять план окружения Южных штатов. Первые две армии под командованием генерала Гранта и генерала Батлера успешно провели свои операции, но третья армия под командованием генерала Мак Клеллана потерпела поражение и свела на нет их победы.

Двадцать второго сентября 1862 года президент подписал знаменитую «Прокламацию об освобождении»: рабы плантаторов, принимавших участие в мятеже, объявлялись свободными, а это было равносильно законодательному акту об отмене рабства негров. Вскоре последовало и разрешение неграм вступать в армию северян. Негритянские части проявили в боевых действиях исключительную доблесть и героизм.

Линкольн расположил в свою пользу и фермеров, предоставив им право свободно заселять западные территории. Этим законом подрывались самые основы рабовладения, так как плантаторское хозяйство южан не могло развиваться без непрерывного продвижения на новые неистощенные земли.

Все эти мероприятия привели к перелому в ходе военных действий. Армии северян начали одерживать победу за победой. Наконец 3 апреля 1865 года армия генерала Гранта захватила Ричмонд, а через шесть дней генерал Ли сдался в плен с два-

дцативосьмьютысячным войском. Этим завершилась гражданская война в США, приведшая к демократическим преобразованиям, из которых самым существенным было уничтожение рабства негров.

Последовавшая затем так называемая «реконструкция Юга» принесла бывшим рабам только относительную свободу. Негры, освобожденные без земли, становились арендаторами-издоличниками и попадали в экономическую кабалу к своим прежним хозяевам. В то же время в Южных штатах начали бесчинствовать погромные антинегритянские организации, вроде пресловутого ку-клукс-клана, свирепствовали суды Линча, процветала изуверская расистская идеология. «И даже после того как негры формально были освобождены от рабства в результате великой революции 1861—1865 годов, — пишет Уильям З. Фостер в своей книге «Негритянский народ в истории Америки», — их заставили остаться в условиях полурабского существования, которое сохраняется и до сих пор»¹.

В романе «Север против Юга» приключенческая фабула самым непосредственным образом связана с событиями гражданской войны. Действие разворачивается в рабовладельческом штате Флорида.

В десятилетия, предшествовавшие гражданской войне, непроходимые лесные заросли и болота Эверглейдса (на юге Флориды) служили убежищем для нескольких тысяч беглых негров, упорно сопротивлявшихся в союзе с индейцами-семинолами натиску рабовладельцев и правительственных войск. Решительно отказываясь выдать сбежавших негров, индейцы во главе со своим неустранимым вождем Оссеолой² неоднократно наносили с помощью негров поражение регулярным войскам Соединенных Штатов.

Желая показать обстановку, сложившуюся в Южных штатах в годы гражданской войны, Жюль Верн, повидимому, не случайно остановил свой выбор именно на Флориде, штате, во многих отношениях характерном для рабовладельческого Юга. Флорида привлекла писателя и своей богатой экзотической природой, красочные описания которой понадобились ему не только для создания географического фона, но и для того, чтобы мотивировать

¹ Уильям З. Фостер, Негритянский народ в истории Америки, М. 1955, стр. 17.

² См. роман Майн-Рида «Оссеола, вождь семинолов».

своеобразными условиями местности всевозможные загадочные происшествия, создающие в романе атмосферу тайн.

Романтическая фабула тесно переплетается с реальными эпизодами борьбы за освобождение негров. Ограничивая время действия всего лишь двумя месяцами (с 7 февраля по 7 апреля 1862 года), автор тем не менее дает последовательное и довольно полное изложение хода боевых операций с самого начала и до конца войны.

Правда, на территории самой Флориды не разворачивалось крупных сражений. Но этот полуостров, омываемый с запада водами Мексиканского залива и с востока Атлантическим океаном, входил в зону блокады федерального флота. В этих водах нередко происходили морские бои, причем с той и другой стороны применялись последние по тому времени новинки военной техники — пловучие мины и бронированные суда. Жюль Верн описывает одно из таких сражений, случившееся в марте 1862 года: после того как бронированное судно южан «Виргиния» потопило несколько кораблей противника, неожиданно появился броненосец союзного флота «Монитор», неуклюжий, с низкими бортами, похожий на «ящик с сыром», и вывел грозную «Виргинию» из строя. Это примечательное морское сражение оказало существенное влияние на дальнейшее развитие военноморских операций северян. Одна из таких операций — взятие десантом главного города Флориды Джексонвилла — тесно связана с сюжетом романа. От ее благоприятного исхода зависит судьба и сама жизнь героев.

С первых же страниц Жюль Верн привлекает симпатии читателя к Джемсу Бербанку, освободившему негров, и заставляет ненавидеть его заклятого врага Тексара. Однако образ действий сторонников обеих партий автор мотивирует не столько объективными социальными причинами, сколько личными моральными побуждениями героев. Бербанк освобождает негров потому, что, будучи от природы человеком благородным и гуманным, не может мириться с существованием рабства, и, с другой стороны, противники Бербанка во главе с предводителем шайки уголовных преступников Тексаром поддерживают институт рабства прежде всего в силу своей моральной испорченности. И таким образом получается, что аболиционистами становились исключительно благородные люди, а невольничество поддерживали только отъявленные мерзавцы.

На самом деле, как мы знаем, дело обстояло гораздо сложнее. Но, несмотря на то, что такая односторонняя характеристика борющихся сил безусловно снижает социальную типичность героев (тем более что и образ плантатора-аболициониста не так уж характерен для рабовладельческого Юга), автор не словами, а всем ходом действия ниспровергает расистскую аргументацию рабовладельцев «о совершенной невозможности установления полного, разумного равенства между белыми и черными».

Жюль Верн показывает обреченность рабовладельческой системы образами таких стойких и мужественных борцов за свободу своего народа, как Зерма и Марс, изображением доблестной защиты самими неграми своих человеческих и гражданских прав.

Умело соединяя в своем произведении увлекательный романтический вымысел с подлинными историческими событиями, автор приковывает внимание читателя к одной из самых значительных страниц американской истории, и в этом большое достоинство романа «Север против Юга».

Е. Брандис

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИПЕЛАГ В ОГНЕ

Перевод С. М. Викторовой (гл. 1—8) и С. Е. Шлапоберской (гл. 9—15)

Глава первая. Корабль в открытом море	7
Глава вторая. Лицом к лицу	19
Глава третья. Греки против турок	28
Глава четвертая. Унылый дом богача	37
Глава пятая. Мессинийский берег	51
Глава шестая. В погоню за пиратами Архипелага!	62
Глава седьмая. Неожданность	75
Глава восьмая. Ставка в двадцать миллионов	86
Глава девятая. Архипелаг в огне	95
Глава десятая. Кампания в Архипелаге	106
Глава одиннадцатая. Сигналы без ответа	120
Глава двенадцатая. Аукцион в Скарпанто	139
Глава тринадцатая. На борту «Сифанты»	152
Глава четырнадцатая. Сакратиф	163
Глава пятнадцатая. Развязка	173

РОВУР-ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Перевод Я. З. Лесюка

Глава первая, в которой мир ученых и мир невежд в равной мере приведены в замешательство	185
Глава вторая, в которой члены Уэлдонского ученого общества спорят, но не приходят к согласию	195

<i>Глава третья, в которой новое действующее лицо не нуждается в том, чтобы его представили, ибо делает это само</i>	206
<i>Глава четвертая, в которой, рассказывая о слуге Фриколлине, автор стремится восстановить доброе имя луны</i>	215
<i>Глава пятая, в которой председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества договариваются о прекращении вражды</i>	223
<i>Глава шестая, которую инженерам, механикам и другим ученым людям стоило бы, пожалуй, пропустить</i>	233
<i>Глава седьмая, в которой дядюшка Прудент и Фил Эванс попрежнему не позволяют себя убедить</i>	242
<i>Глава восьмая, из которой видно, как Робур решил ответить на поставленный ему важный вопрос</i>	252
<i>Глава девятая, в которой «Альбатрос» преодолевает расстояние в десять тысяч километров и заканчивает перелет великолепным прыжком</i>	265
<i>Глава десятая, из которой читатель узнает, как и почему слуга Фриколлин оказался на буксире</i>	279
<i>Глава одиннадцатая, в которой гнев дядюшки Прудента возрастает пропорционально квадрату скорости воздушного корабля</i>	292
<i>Глава двенадцатая, в которой инженер Робур ведет себя так, будто он намерен добиваться премии Монтиона</i>	301
<i>Глава тринадцатая, в которой дядюшка Прудент и Фил Эванс пересекают океан, не страдая от морской болезни</i>	315
<i>Глава четырнадцатая, в которой «Альбатрос» совершает то, чего, пожалуй, никому не совершить</i>	327
<i>Глава пятнадцатая, в которой происходят события, истине достойные того, чтобы о них рассказали</i>	342
<i>Глава шестнадцатая, которая, возможно, оставит читателя в прискорбной неизвестности</i>	353
<i>Глава семнадцатая, в которой сначала возвращаются на два месяца назад, а затем переносятся на девять месяцев вперед</i>	360
<i>Глава восемнадцатая, которая заканчивает, но не завершает правдивую историю об «Альбатросе»</i>	373

СЕВЕР ПРОТИВ ЮГА

Перевод под редакцией Р. А. Гурович

Часть первая

Глава первая. На борту парохода «Шаннон»	389
Глава вторая. Кэмдлес-Бей	402
Глава третья. Гражданская война	409
Глава четвертая. Семейство Бербанков	417
Глава пятая. Черная бухта	427
Глава шестая. Джэксонвилл	436
Глава седьмая. Навстречу опасности	447
Глава восьмая. Последняя невольница	461
Глава девятая. Ожидание	473
Глава десятая. День 2 марта	483
Глава одиннадцатая. Вечер 2 марта	491
Глава двенадцатая. Последующие шесть дней	500
Глава тринадцатая. В течение нескольких часов	513
Глава четырнадцатая. На реке Сент-Джонс	524
Глава пятнадцатая. Суд	536

Часть вторая

Глава первая. После похищения	543
Глава вторая. Загадочная операция	552
Глава третья. Накануне	563
Глава четвертая. Северо-восточный ветер	573
Глава пятая. Взятие города	584
Глава шестая. Сент-Огастин	597
Глава седьмая. Последние слова умирающего	610
Глава восьмая. От Кэмдлес-Бея до озера Вашингтона	622
Глава девятая. Кипарисовый лес	633
Глава десятая. Встреча	642
Глава одиннадцатая. Эверглейдс	652
Глава двенадцатая. Подслушанный разговор	661
Глава тринадцатая. Двойная жизнь	670
Глава четырнадцатая. Побег	678
Глава пятнадцатая. Два брата	686
Глава шестнадцатая. Заключение	694
Комментарий	701

Редакторы *О. Лозовецкий*
и *Б. Вайсман*

Оформление художника
Т. Цинберг

Художественный редактор
А. Гайденов

Технический редактор *Ф. Артемьева*

Корректоры *В. Брагина* и
Л. Бунчукова

*

Сдано в набор 4/III 1957 г.

Подписано к печати 29/V 1957 г.

Бумага 84 × 108¹/₃₂ — 22,5 печ. л.
37 усл. печ. л. 34,91 уч.-изд. л. + 5 вкл. ⇒
= 35,16 л. Тираж 390 000. Заказ № 198.

Цена 12 р.

Гослитиздат,
Москва, Ново-Басманная, 19.

*

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической
промышленности. 2-я типография „Пе-
чатный Двор“ им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.